

В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ РСДРП—РКПб—ВКПб

БЕЗ
УМОЛЧАНИЙ
И
ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

краткий курс

*Светлой памяти тех, кто искренне
верил в возможность создания
общества социальной справедливости —
без насилия, без чиновничества,
без армии, без денег — посвящается*

В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ РСДРП—РКПб—ВКПб

БЕЗ
УМОЛЧАНИЙ
И
ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

к р а т к и й   к у р с

Москва • Санкт-Петербург • Нижний Новгород • Воронеж
Ростов-на-Дону • Екатеринбург • Самара • Новосибирск
Киев • Харьков • Минск

2009

ББК 66.61(2)

УДК 329.13

Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С.

П44 Подлинная история РСДРП—РКП(б)—ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. — СПб.: Питер, 2009. — 496 с.: ил

ISBN 978-5-49807-254-8

Скоро исполнится 70 лет со дня выхода в свет «Краткого курса истории ВКП (б)». Эту книгу называли «библией сталинизма». Ее миллионные тиражи внушали читателям необходимую власти версию исторического развития России. Сегодня немного найдется людей, которые держали ее в руках. Авторы решили наполнить эту форму новым современным содержанием, основанным на многочисленных документах, в том числе и добытых ими самими в результате архивных поисков. Книга включает в себя историю партии большевиков с момента ее возникновения до 1938 года (которым Сталин и закончил «Краткий курс ВКПб») и рассчитана на самый широкий круг читателей, заинтересованных в объективном изложении истории нашей страны в переломные, трагические и героические ее годы.

ББК 66.61(2)

УДК 329.13

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-49807-254-8

© ООО «Лидер», 2009

Оглавление

Вступление	10
Примечания.....	21
РАЗДЕЛ I	
РСДРП в 1898–1913 гг.	23
Глава I. «Призрак коммунизма» приходит в Россию	24
1. Россия в пореформенный период: новые надежды и новые разочарования: 1860–1880-е гг.	27
2. Первые шаги рабочего движения: 1870–1880-е гг.....	33
Революционеры-народники и фабричные смутьяны.....	33
Организованное рабочее движение.....	42
3. Плеханов и его группа «Освобождение труда», или «Новому времени новый костюм...»	45
4. Рождение русского марксизма	52
Примечания.....	58
Глава II. Марксисты объединяются (1895–1903 гг.)	60
1. Владимир Ульянов: начало пути. 1890-е гг.	60
2. «Попутчики» Ульянова, или Многоликий «русский марксизм»	67
3. Рождение «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895 г.	73
4. Испытание тюрьмой и ссылкой. 1896–1899 гг.	77
5. «Союзы борьбы» действуют.....	87
6. Рождение РСДРП (1898 г.): «первый блин комом»	90
7. Первый раскол: марксисты-«политики» и марксисты-«экономисты»	94
8. «Как чуть не погасла “Искра”». 1900 г.....	98
9. Из «Искры» возгорится пламя! 1901–1902 гг.	103
10. Типография «Нина», Леонид Красин и деньги, деньги, деньги... ..	110
Примечания.....	116

Глава III. «Драку заказывали?» РСДРП в 1903–1907 гг. 119

1. «Буря! Скоро грянет буря».
Россия накануне революции (1901–1903) 119
2. На пути к съезду: склочная
эмигрантская жизнь. 1901–1903 гг. 127
3. Второй съезд РСДРП (1903 г.):
праздник, закончившийся вечной ссорой 132
4. После съезда: пейзаж после битвы 142
5. 1905 год. «Кровавое воскресенье» и русское общество 152
6. Революция разгорается.
Большевики и меньшевики в 1905 г. 157
7. Боевая техническая группа и вопрос:
надо ли было брать за оружие? 172
8. IV (Объединительный) съезд РСДРП (1906 г.):
«Брак по расчету» 180
9. «Осень» революции (1906–1907) 184
- Примечания 197

Глава IV. Оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию (1908–1914 гг.) 200

1. Политика П. А. Столыпина и кризис партии 200
2. А товарищи кто? Разброд и шатания в рядах РСДРП 209
3. Большевистский центр
и партийная касса (1907–1909 гг.) 217
4. Партийные школы: «учиться, учиться
и еще раз учиться...» 227
5. РСДРП в условиях нового революционного
подъема (1910–1914 гг.) 238
  - «Пражская весна» большевиков 238
  - Явление «чудесного грузина» 242
- Примечания 251

РАЗДЕЛ II

Партия большевиков в период Первой мировой войны и в годы второй российской революции (1914–1921 гг.) 253

Глава V. Партия большевиков в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.) 254

1. Возникновение и причины Первой мировой войны 254
2. Бои на Восточном фронте в 1914–1916 гг. 257

3. Война и российское общество	260
4. Политическая оппозиция в годы войны	265
«Интернационалисты-пораженцы»	266
Личная жизнь Иосифа Джугашвили	271
«Социалистический ковчег»	277
Ленин в Швейцарии	281
«Глупость или измена»?	285
5. «Европа чревата революцией»	288
Примечания	290

Глава VI. Партия большевиков в годы Второй русской революции (1917–1921 гг.)	293
1. Россия в 1917 г.	293
Февральские дни, или крах империи	293
Россия на распутье	296
«Национальная идея Ленина», или «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»	299
От Февраля к Октябрю, или Как «бред сумасшедшего» овладевает массами	301
Фантазии прапорщика Ермоленко, или «Ленин — немецкий шпион»	305
Три дня Корнилова	307
Октябрьское вооруженное восстание	309
Политические итоги	312
2. Большевики на этапе «пролога гражданской войны» (25 октября 1917 г. — май 1918 г.)	313
Первые шаги новой власти	314
Судьба Учредительного собрания	316
Политические итоги	319
Начало боевых действий	320
3. Основные политико-государственные силы на территории бывшей Российской империи в 1918–1920 гг.	320
Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР)	320
Политика «военного коммунизма»	324
Белое движение	325
Возникновение национально-государственных образований	328

4. Вехи русской смуты	329
Террор «белый», «красный» и «зеленый»	333
«Иду к любимой в гости, несу три морковинки за зеленый хвостик»	335
«Нас бросала молодость на кронштадтский лед»	336
«Железная когорта революции»	338
5. Эпilog гражданской войны. 1921–1922 гг.	342
Примечания	344

РАЗДЕЛ III

На пути к сталинизму. Партия в 1921–1941 гг.	347
---	-----

Глава VII. Коммунистическая партия

в переходный период (1921–1928 гг.)	348
1. НЭП (1921–1925 гг.): «всерьез и надолго»?	348
«Ленин против коммунизма»	348
Призрак «гражданского мира»	350
Социально-экономическое положение	354
Образование СССР и политическая система	355
Повседневная жизнь в годы НЭПа	359
«Революционный рыцарский орден»:	
Коммунистическая партия и ее аппарат	361
«Диктатура партии»	364
Внутрипартийная борьба	366
Склока или принципиальная борьба?	370
Партийный «обруч» и его характеристики	374
Власть имеющие	384
Болезнь и смерть В. И. Ленина	385
«Кто лучше понимает запах старых штанов Ильича?»	390
2. Сталин на пути к партийному трону (1925–1929 гг.)	395
Куда идти: основные проблемы НЭПа	396
Внутрипартийная борьба и раскол «тройки»	398
Схватка за Ленинград	402
«Объединенная оппозиция» и ее разгром	405
Политические итоги	417
Примечания	419

Глава VIII. Утверждение сталинизма и его сущность (1928–1941 гг.)	423
1. Политика и экономика «большого скачка»	424
Хлеб и крестьянство	424
Политика «чрезвычайщины»	426
Новый виток внутрипартийной борьбы	428
«Шахтинское дело» и его последствия	429
Победа группы Сталина	431
2. Новая система власти и идеология победившего социализма	436
Экономика «большого скачка»	437
Сопrotивление сталинизму	439
Дело Рютина	440
Съезд победителей, или съезд расстрелянных	443
Выстрел в Смольном	446
Новые операции НКВД	447
3. Итоги сталинских пятилеток	461
Новый быт: «Жить стало лучше, жить стало веселее»	463
Новая иерархия ценностей	464
Система контроля и подавления	465
Новая идеология	468
4. Закат Коминтерна и зигзаги внешней политики СССР	470
Сталинизация Коминтерна	470
Крутой поворот	472
Миф о капиталистическом окружении	473
«Над всей Испанией безоблачное небо»	474
Между Германией и Японией	476
5. СССР в первый период Второй мировой войны	481
Политические итоги 1930-х годов	484
Примечания	487
Заключение	489

Вступление

*Сталин был великим мистификатором,
большим артистом и крупным идеологом...
мы... до сих пор питаемся... идеологемами,
которые прошли через «Краткий курс»,
вошли во все учебники и сегодня
присутствуют в нашей учебной литературе.*

А. Н. Сахаров, член-корреспондент Российской АН

С 9 по 19 сентября 1938 г. центральный орган ВКП(б), газета «Правда», опубликовал полный текст одобренной ЦК ВКП(б) книги «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одновременно этот труд появился на страницах журнала «Большевик», главного теоретического органа Коммунистической партии, имевшего тираж 550 тыс. экземпляров, в номерах за 15 сентября и 1 октября 1938 г. 19 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) постановило напечатать «Краткий курс» (так в то время обычно называли эту книгу) тиражом 6 млн экземпляров. Через неделю, 23 сентября, состоялось решение Политбюро об издании «Истории ВКП(б)» на 27 языках — 11 союзных и 16 автономных республик. 27 сентября Политбюро ЦК дало указание перевести книгу на «французский, английский, немецкий, польский, чешский, шведский, финский, испанский, итальянский, китайский, японский, малайский, индуский, болгарский и югославский языки», потребовав сделать это в кратчайший срок — до 15 ноября¹.

В тот же день И. В. Сталин выступил на совещании пропагандистов и руководящих работников по пропаганде Москвы и Ленинграда по поводу изучения истории ВКП(б). Через три дня, 1 октября, Сталин вновь произнес речь перед этими людьми. Наконец, 10 октября

на заседании Политбюро ЦК с участием приглашенных работников идеологического аппарата Сталин опять говорил об изучении истории партии и роли в этом процессе новой книги ².

В результате «Краткий курс истории ВКП(б)» на многие годы оказался в центре всего партийно-комсомольского идеологического просвещения. Какими только восторженными эпитетами не награждали эту книгу журналисты и ученые, писатели и партийные работники. Авторы буквально соревновались в славословии, называя ее «энциклопедией марксизма». На XVIII съезде партии, в марте 1939 г., один из главных официальных идеологов страны А. А. Жданов говорил: «Надо прямо сказать, что за время существования марксизма это первая марксистская книга, получившая столь широкое распространение». Ежегодно ее переиздавали, общий тираж составил более 60 млн экземпляров, так как только на русском языке вышло 42 млн экземпляров.

Но эта книга не пережила века. Последний раз она вышла тиражом 10 млн экземпляров в 1953 г. Уже в феврале 1956 г., на XX съезде КПСС, один из членов сталинского Политбюро, Анастас Микоян, в частности, сказал: «Если бы наши историки по-настоящему, глубоко стали изучать факты и события истории нашей партии..., если бы они порылись хорошенько в архивах, исторических документах, а не только в комплектах газет, то они смогли бы теперь лучше, с позиций ленинизма, осветить многие факты и события, изложенные в “Кратком курсе”» ³. Через 50 лет ее называли «библией сталинизма». Сегодня об этой книге помнят только специалисты. Она давно стала библиографической редкостью.

Поэтому надо, хотя бы вкратце, напомнить, как она создавалась и с какой целью, кто были ее авторы, насколько ее текст отражал реальную историю России и большевистской партии.

Прежде всего, об авторстве. В первом и последующих изданиях «Краткого курса» авторы скрывались под словосочетанием «комиссия ЦК ВКП(б)». Но уже 6 ноября 1938 г. в докладе В. М. Молотова на торжественном заседании Московского совета, посвященном 21-й годовщине «Великой Октябрьской социалистической революции», прозвучала фраза: «Выход этого курса “Истории ВКП(б)” стал возможен только благодаря исключительной работе над этой книгой самого товарища Сталина» ⁴. В 1947 г., к 70-летию «великого вождя и учителя», вышла в свет его «Краткая биография». Здесь без всяких

оговорок было сказано, что «История ВКП(б). Краткий курс» написана товарищем Сталиным и одобрена комиссией ЦК ВКП(б)⁵. На самом деле это была очередная полуправда-полуложь.

После окончания Второй российской революции 1917–1921 гг., закончившейся победой большевиков, новой власти было необходимо укрепить свое положение. Одной из главных задач стало насаждение идеологии марксизма, особенно среди учащейся молодежи. Старые исторические мифы надо было заменить новыми — о героизме революционеров, о неизбежности прихода партии коммунистов во главе с Лениным к власти. Начали выходить различные учебники по истории Коммунистической партии. Их авторами были старые большевики, активные участники революционной борьбы: А. С. Бубнов, В. И. Невский, Н. Н. Попов, Е. М. Ярославский. Поэтому эти книги содержали массу имен, живых подробностей реальной истории, конечно, окрашенных субъективным восприятием конкретного автора. По мере нарастания внутрипартийной борьбы выпадавшие из руководства Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков и их сторонники получали в новых изданиях все более резкие оценки. Итогом этого этапа написания истории партии стало письмо И. В. Сталина от 26 октября 1931 г. в редакцию журнала «Пролетарская революция», опубликованное в № 6 за 1931 г.

Победитель в борьбе за власть нуждался в новой истории большевистской партийной организации, где бы он предстал, наряду с Лениным, в роли одного из двух большевистских вождей. Неслучайно он обрушился «на архивных крыс», копающихся в бумажках. Реальные документы могли стать только помехой в формировании нового мифа. Письмо Сталина стало началом кампании поиска ошибок в книгах и статьях по истории ВКП(б), взаимных обвинений, покаяния их авторов⁶.

Уже послушное вождю Политбюро ЦК 7 января 1932 г. приняло решение о создании новой истории ВКП(б). В редколлегию включили членов Политбюро И. В. Сталина, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова; второго секретаря ЦК КП(б) Украины П. П. Постышева, заведомо культуры и пропаганды ЦК А. И. Стецкого, директора Института Ленина В. В. Адоратского. В число составителей попали директор Историко-партийного института красной профессуры В. Г. Кнорин, партийные историки В. А. Быстрянский, Н. Н. Попов, Е. М. Ярославский; наркомы просвещения РСФСР и Украины

А. С. Бубнов и Н. А. Скрыпник. Секретарем издания был назначен бывший секретарь Сталина И. П. Товстуха, замдиректора Института Маркса–Энгельса–Ленина.

Но на протяжении нескольких лет реальная работа над такой «главной книгой» практически не велась скорее всего по нескольким причинам. Во-первых, шла постепенная работа переписывания истории большевистской партии. Партийные кадры и, в первую очередь, работники «идеологического фронта» должны были привыкать к мысли о двух вождях — Ленине и Сталине. Важным этапом в этом плане стало появление в июле 1935 г. брошюры «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья». Автором значился первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Л. П. Берия⁷. Здесь Сталин представал крупнейшим организатором партийной работы в этом регионе. Конечно, не случайно уже 10 августа «Правда» посвятила этому опусу свою передовицу «Вклад в летопись большевизма». Во-вторых, Сталин уже обдумывал планы «большой чистки» в партии и в стране. Предстояло исчезнуть сотням тысяч и миллионам людей, в том числе и большей части так называемой «ленинской гвардии». А «История партии» должна была зафиксировать в качестве образца для подражания будущим поколениям лишь деятельность тех, кто переживет эту чистку; кто, независимо от реальной биографии, поистине окажется преданным своему вождю. В вопросе, кто канет в небытие и кто останется в истории, еще предстояло определиться на протяжении ряда ближайших лет. Уже в 1932 г. застрелился Н. А. Скрыпник, в 1935 г. прошли процессы по делу «рабочей оппозиции», «Кремлевскому делу»; в августе 1936 г. суд приговорил к расстрелу Зиновьева, Каменева и других обвиняемых на этом процессе. 1937 год начался с суда над старыми большевиками, видными руководителями советской экономики — Ю. Л. Пятаковым, Г. Я. Сокольниковым; публицистом К. Радеком, игравшим видную роль в формировании курса внешней политики, и другими. А скольким еще предстояло пройти этот путь морального и физического уничтожения! Одновременно Главлит (орган советской цензуры) составлял новые списки книг, которые подлежали изъятию, уничтожению или передаче на специальное хранение. Никакие заслуги в прошлом не спасали автора от безжалостной критики, если он хоть в малейшей степени ставил под сомнение заново сочиняемую историю большевистской партии. «Правда» 9 мая

1934 г. поместила статью члена редколлегии П. Н. Поспелова с резкой критикой воспоминаний Н. К. Крупской, вдовы В. И. Ленина, где Сталин упоминался крайне редко.

В-третьих, обновленные кадры партийных работников и пропагандистов должны были получить ясно и просто написанный катехизис, не вызывавший никаких сомнений в его истинности. К февралю 1937 г. среди секретарей райкомов высшее образование имели 12,1 %, низшее — 80,3 %; среди секретарей окружных комитетов — соответственно 16,1 и 77,4 %; среди секретарей обкомов — 15,7 и 70,4 %. Такой процент полуграмотных людей, которых Сталин называл «офицерским составом партии», в определенной мере облегчал распространение новых исторических мифов. К этому моменту Сталин уже четко определил, что новая книга должна стать учебником политической грамоты по основным вопросам марксистской теории и истории России с 1880-х гг., написанным в его собственной интерпретации.

Это нашло отражение в замечаниях Сталина «Об учебнике по истории ВКП(б) (Письмо составителям учебника по истории ВКП(б))», разосланных 7 апреля 1937 г. как материал к предстоящему заседанию Политбюро и отредактированных им 13 апреля. 16 апреля было принято постановление Политбюро: «Предложить группе, работающей над учебником по истории ВКП(б) — тт. Кнорину, Ярославскому и Поспелову, положить в основу их работы проект т. Сталина и предложенную им схему периодизации истории ВКП(б)». Авторы должны были представить книгу через четыре месяца. Но на деле первый машинописный вариант появился к марту 1938 г.⁸ К этому времени уже были арестованы историки партии В. Г. Кнорин, А. С. Бубнов, В. И. Невский, Н. Н. Попов и др. Так что над текстом трудились П. Н. Поспелов и Е. М. Ярославский⁹.

Сталин, Поспелов и Жданов обсуждали первоначальный текст ночью 4 и 5 марта 1938 г. Он содержал массу фактического материала. Понятно, что авторы стремились избегать теоретических обобщений, понимая, что эта роль принадлежит теперь одному человеку. Сталин приступил к редактированию текста во второй половине мая 1938 г. Последовательно создавая образ скромного человека, он вычеркнул из книги эпизоды своей дореволюционной биографии и жизнеописаний оставшихся членов Политбюро. Дал ряд теоретических установок. Во второй половине июля — начале августа был готов второй машинописный вариант.

5 августа 1938 г. Политбюро приняло постановление «О романе Мариэтты Шагинян “Билет по истории”, часть 1-я “Семья Ульяновых”». Роман, одобренный Н. К. Крупской и братом Ленина Д. И. Ульяновым, был запрещен. Дело было не только в конкретной книге. В решении было записано: «Воспретить издание произведений о Ленине без ведома и согласия ЦК ВКП(б)», т. е. без ведома Сталина. Это был еще один шаг в мифологизации истории большевистской партии.

С 15-го по 19-е, с 21-го по 24-е, с 26-го по 30-е августа Сталин никого не принимал в кремлевском кабинете. Шла активная работа над редактированием краткого курса истории ВКП(б). 16 августа Сталин написал записку членам Политбюро Пospelову и Ярославскому: «Я исходил... из целесообразности подчеркнуть и выпятить теоретические моменты истории партии ввиду слабости наших кадров в области теории и ввиду настоятельной необходимости начать ликвидацию этой слабости». Здесь же он отметил, что ему «из 12-ти глав... пришлось переделывать коренным образом 11. Только 5-я глава осталась без переделки»¹⁰. Редактирование было направлено на то, чтобы, по сути, сделать историю партии безликой. По нашим подсчетам, на ее страницах в окончательном варианте указано лишь 112 фамилий членов большевистской партии. Из 38 упомянутых положительно (за редким исключением единожды) к концу 1938 г. оставалось в живых 18. Из них двоим — Ф. И. Голощекину и Н. И. Ежову — предстояло стать «врагами народа» и быть расстрелянными. Из 74 человек, которых книга клеймила как оппортунистов, пособников буржуазии, предателей и шпионов, семеро успели умереть, двое (Алексинский и Троцкий) были в эмиграции, 63 — репрессированы, и только двое (С. Я. Багдатов и А. М. Коллонтай) оставались на воле. Из 63 уничтоженных семеро являлись членами и кандидатами в члены Политбюро, тринадцать — входили в Оргбюро ЦК и семеро одновременно были секретарями ЦК¹¹. В главах XI и XII, рассказывающих о якобы громадных, всемирно-исторических успехах советской экономики, культуры; о вступлении СССР в «полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу», практически не названы руководители этих свершений, кроме Сталина, Кирова (в связи с его убийством 1 декабря 1934 г.), Жданова и Молотова (даны ссылки на их выступления — первого на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., второго — по поводу 20-летия Октябрьской революции). История партии заканчивалась описанием «триумфа партии большевиков»

на выборах в Верховный Совет 12 декабря 1937 г., подтвердивших «морально-политическое единство советского народа»¹².

Одновременно Сталин весьма тщательно отработывал теоретические моменты. Приведем лишь несколько примеров. Из главы VII была убрана фраза «Октябрьская социалистическая революция положила начало международной социалистической революции пролетариата»¹³. Таким образом, предлагалось забыть, что вплоть до 1924 г. вся советская печать писала об Октябре 1917 г. как первом акте мировой пролетарской революции. В заключение Сталин, в частности, вписал следующие положения: «1) Все некоммунистические партии в рабочем классе — эсеры, меньшевики, анархо-синдикалисты и пр. [очие] — стали контрреволюционными буржуазными партиями уже перед октябрьской революцией и впоследствии превратились в агентов иностранных разведок. 2) все оппозиционные течения внутри нашей партии — троцкисты, правые (Бухарин, Рыков), «леваки» (Ломинадзе, Шацкий), «рабочая оппозиция» (Шляпников, Медведев и др.), «демократические централисты» (Сапронов), националисты всех мастей и республик СССР, — стали в ходе борьбы врагами народа и агентами (шпионами) иностранных разведок»¹⁴. Таким образом, по отношению к уничтоженному идеологическому оппоненту совершалось не только физическое, но и моральное убийство.

Начиная с 16 августа Сталин стал рассылать отдельные главы «для просмотра и отзыва» членам и кандидатам в члены Политбюро: А. А. Андрееву, К. Е. Ворошилову, Н. И. Ежову, А. А. Жданову, Л. М. Кагановичу, М. И. Калинин, А. И. Микояну, В. М. Молотову, Г. И. Петровскому, Н. С. Хрущеву, а также Поспелову и Ярославскому. Конечно, эти отзывы были в значительной степени формальными. По нашим подсчетам, четверо — Андреев, Ежов, Каганович, Хрущев — возвращали текст без всяких предложений. Лишь иногда, например Хрущев, добавлял «Прочел с большим удовольствием, замечаний у меня нет». Еще пятеро — Ворошилов, Жданов, Калинин, Микоян, Петровский — решились высказать от одного (Жданов) до трех замечаний (Микоян), в основном редакционных поправок. В подавляющем большинстве они не были приняты. Например, Микоян обнаружил фактическую неточность во фразе: «В конце 1920 года началось освобождение Закавказья от ига буржуазных националистов...» Он напомнил Сталину, что советская власть в Азербайджане была установлена 27 апреля 1920 г., и предлагал начать предложение словами

«С весны 1920 г...». Но текст изменен не был. Лишь трое внесли от 7 (Молотов, Пospelов) до 8 (Ярославский) предложений и поправок. В основном они также были частными или указывали на необходимость выделить роль Сталина в революционном движении в Закавказье (Пospelов, Ярославский), подчеркнуть роль Сталина в заключительной главе (Молотов, Ярославский). Но были и рекомендации, которые Сталин принял. Например, совет Пospelова дать характеристику национального вопроса в 5-й главе (1908–1912 гг.); предложение Ярославского сказать в той же главе о явлениях «богостроительства» и «богоискательства» в большевистской среде¹⁵.

При этом во всех отзывах звучала неприкрытая лесть. Члены Политбюро в основном делали это в сжатой форме. Например, М. И. Калинин (жена которого уже находилась в заключении) писал о первых двух главах: «Очень хорошо, не знаю, как можно сделать лучше»; о 3-й главе: «Удивительно хорошо»; о 4-й главе: «Можно сказать, что миллионы людей получили возможность почти осязательно понять идеологию коммунизма». А. И. Микоян о первых двух главах высказывался более многословно: «... выход в свет Истории КП(б) явится историческим событием в жизни партии и Коминтерна». Гораздо более развернуто выражали свой восторг люди, писавшие и готовившие «болванку» книги, — Пospelов и Ярославский.

П. Н. Пospelов 17 августа 1938 г. заявлял: «Несколько раз читал и перечитывал первые две главы “Истории ВКП(б)”. Прежде всего охватывает чувство большой радости: теперь партия, в результате громадной работы, проделанной Вами, имеет действительно достойную ее историю, где все вопросы поставлены на огромную научную, теоретическую высоту и, вместе с тем, даны в кристально-ясной форме, где нет ни одного лишнего слова, где, поистине, и взвешено каждое слово, каждое определение... видишь, насколько несовершенным и по содержанию, и по форме был представленный нами в виде макета материал... Но с одним моментом, мне кажется, нельзя согласиться. При коренной переделке сокращено все или почти все, что касается истории большевистских организаций Закавказья. Между тем эта деятельность... под руководством товарища Сталина имела огромное общепартийное значение». Не уступал ему и Ярославский, писавший о 4-й главе: «Должен вам сказать, что не мог оторваться от чтения... Читая эту главу, я особенно почувствовал недостатки собственной работы в этом направлении. Вы знаете, что я не принадлежу к льстецам,

поэтому вы не истолкуете мои восторги ложно»¹⁶. Эти высказывания невольно заставляют вспомнить героя пьесы Е. Л. Шварца, резавшего «правду-матку» своему королю: «Позвольте сказать, ваше величество, — вы гений!»

В первоначальном варианте книга называлась: «История ВКП(б). Краткий курс. Под редакцией Ем. Ярославского, П. Пospelова. Одобрен комиссией ЦК ВКП(б) для партийных и комсомольских школ, курсов, кружков». Затем фамилии исчезли¹⁷. Представляется, что причин могло быть несколько. Во-первых, эти люди могли исчезнуть подобно многим другим. В частности, был выведен из состава Политбюро и смещен с должности председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Г. И. Петровский, хотя и оставлен в живых как депутат-большевик IV Государственной думы. Предстояло исчезнуть наркому внутренних дел, секретарю ЦК, председателю Комиссии партийного контроля, кандидату в члены Политбюро, «преданному другу товарища Сталина» Н. И. Ежову. Во-вторых, не годилось, чтобы в сознании миллионов людей, которым предстояло изучать эту книгу из года в год, закрепились чьи-либо еще имена как неприкасаемых теоретиков, кроме Сталина.

Это, в частности, подтверждала докладная записка Главлита уже после выхода «Истории ВКП(б)». Анализируя пятый номер журнала «Историк-марксист» за 1938 год, цензор, в частности, отмечал: «в передовой статье т. Ярославского “Краткая энциклопедия большевизма” («История ВКП(б). Краткий курс» — *Авт.*) автор, говоря о Сталинской конституции, писал, что Сталинская конституция “стала возможна на основе глубоких перемен, которые произошли в социальном строе СССР”. Эта формулировка, как неправильная, была исправлена»¹⁸. Явное раздражение вызвало у Сталина обращение 28 ноября 1938 г. старого большевика, депутата IV Государственной думы Ф. И. Самойлова, директора Музея революции к заведующему секретариатом Сталина А. Н. Поскребышеву с просьбой получить от Сталина для музея несколько написанных или правленных им страниц «Краткого курса» или правленных им гранок. В ответ 6 декабря Сталин пишет: «т. Самойлову. Не думал, что на старости лет займетесь такими пустяками... зачем вам рукописи? Чтобы успокоить вас, я сжег все рукописи. С приветом, И. Сталин»¹⁹.

После начала публикации книги в газете «Правда» у Сталина каждый вечер собирались, как правило, Жданов, Молотов, Пospelов,

Ярославский для обсуждения очередного материала, внесения поправок.

Одновременно с публикацией текста в «Правде» 23 сентября книга была сдана в набор и 25–26 сентября подписана к печати²⁰. Практически сразу началась широчайшая кампания по подготовке ее изучения. С этим и связан ряд выступлений Сталина, о которых говорилось выше. В них звучало несколько основных идей. Во-первых, что книга обращена прежде всего к руководящим кадрам, к восьми миллионам работников аппарата управления. Во-вторых, что ЦК (следует понимать, Сталин) настаивал на уклоне «этой книги в сторону теоретических вопросов», ибо «история, заостренная на лицах, для воспитания наших кадров ничего не дает или дает очень мало». В-третьих, книга построена по принципу трех узлов, трех этапов: борьба за образование большевистской партии (1–4-я главы), борьба большевистской партии за победу пролетарской революции (5–7-я главы), партия большевиков у власти (7–12-я главы)²¹.

Спустя ряд лет выход «Краткого курса истории ВКП(б)» был официально оценен авторами биографии Сталина следующим образом: «Выход в свет этой книги явился крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. Партия получила... настоящую энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Со сталинской четкостью и глубиной в этой книге изложен и обобщен гигантский исторический опыт коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире»²².

Последствия появления «Краткого курса» для советской исторической науки, для советской философии, для всей духовной жизни советского общества были крайне серьезными и печальными. У огромного аппарата Главлита появилось безошибочное лекало, которое они вплоть до 1956 г. прикладывали ко всем статьям, брошюрам, книгам, касавшимся данного периода российской истории или проблем марксистско-ленинской теории. Были изъяты из свободного пользования стенограммы партийных конференций, «Материалы и документы к XV съезду ВКП(б)», «Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б). Сб. документальных материалов», 1-е и 2-е издания «Истории ВКП(б)» под общей редакцией Ярославского и огромное количество другой литературы²³. Но даже после 1956 г., после критики культа личности Сталина, трупный яд этой книги многие годы мешал воссозданию правдивой истории России, реальной истории

большевистской партии. Даже в многотомной «Истории КПСС», издававшейся в 1960–1980-е гг. под редакцией Б. Н. Пономарева, ощущается влияние «Краткого курса». Поэтому одной из важнейших задач подлинных ученых-историков после 1956 г. было постепенное разрушение и преодоление концепции «Краткого курса». Значительная заслуга в этом принадлежит, в частности, таким советским историкам, как А. Я. Аврех, Э. Н. Бурджалов, П. В. Волобуев, Р. Ш. Ганелин, В. С. Дякин, О. Н. Знаменский, И. П. Лейберов, В. Д. Поликарпов, Г. Л. Соболев, В. И. Старцев, К. Н. Тарновский, Ю. Токарев и многие другие. Испытывая постоянное давление идеологической цензуры, они создавали труды, в которых, пусть в ограниченных рамках, действовали реальные персонажи российской истории, и она представляла в сложном переплетении разнонаправленных процессов.

С начала 1990-х гг. подлинная история Коммунистической партии России и Советского Союза оказалась, по сути, вновь забытой. Ее нередко заменяют другие мифы, легенды различного идеологического содержания. Средства массовой информации нередко демонизируют фигуру Ленина — одного из крупнейших политиков XX в. — или придают ей карикатурный облик. Но большевистская (коммунистическая) партия существовала и действовала на протяжении более 90 лет, оказывала после 1917 г. огромное воздействие на жизнь России и СССР, а также и всего человечества. Поэтому группа историков сделала попытку воссоздать в рамках «Краткого курса» реальную историю РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) во всей ее сложности, драматичности и трагедийности.

Примечания

¹Зеленов М. В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 3, 4.

²Там же. С. 11–15, 16–21.

³Микоян А. И. Речь на XX съезде КПСС. М., 1956. С. 34.

⁴Большевик. 1938. № 21–22. С. 36.

⁵Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1947. С. 163.

⁶О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция»// Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1940. С. 357–358.

⁷Берия Л. П. К истории большевистских организаций Закавказья. (Есть убедительные свидетельства, что подлинным автором этого труда был Э. Берия.)

⁸Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 5, 6.

⁹Поспелов Петр Николаевич (1898–1979). Член партии с 1916 г. Учился в Московской сельскохозяйственной академии, в 1930 г. окончил Институт красной профессуры (экономическое отделение). В 1918–1919 гг. работал в большевистском подполье в Челябинске. В 1920–1925 гг. — инструктор ЦК. В 1931–1934 гг. — член редколлегии «Правды». На XVI съезде (1930) избран членом Центральной контрольной комиссии, на XVII съезде (1934) — член Комиссии партийного контроля. В 1937–1940 гг. — зам. зав. отделом ЦК, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК. На XVIII (март 1939) — XXII (октябрь 1961) съездах избирался членом ЦК. В 1940–1949 гг. — редактор «Правды». В 1949–1952 гг. — директор Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК. С 1946 г. член-корр. АН СССР, с 1953 г. — академик. В 1953–1960 гг. — секретарь ЦК. Герой Социалистического Труда (1958). В 1957–1961 гг. — кандидат в члены Президиума ЦК. В 1961–1967 гг. — директор Института марксизма-ленинизма при ЦК. Председатель редакционных комиссий многотомных изданий «История Великой Отечественной войны Советского Союза» и «История КПСС».

Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич; 1878 — 1943). Из семьи ссыльнопоселенца. Член партии с 1898 г. Активный участник революционного движения. Делегат IV (1906) и V (1907) съездов РСДРП. С 1907 г. на каторге в Горном Зерентуе, на поселении в Восточной Сибири. Делегат VI (август 1917) съезда. В октябре 1917 г. член Московского партийного центра, член Военно-революционного комитета. В 1918 г. «левый коммунист», противник Брестского мира. В конце 1918 г. автор ряда статей в «Правде» против злоупотреблений органов ВЧК на местах. В 1919–1922 гг. — председатель Пермского губкома партии, член Сибирского областного бюро ЦК. В 1921 г. — секретарь ЦК. Делегат VIII–XVIII съездов партии. На VIII (1919) — IX (1920) съездах избирался кандидатом в члены

ЦК. На X (1921), XI (1922) и XVIII (1939) съездах избирался членом ЦК. На XII (1923) — XVI (1930) съездах избирался членом ЦКК; на XVII съезде — членом Комиссии партийного контроля. Один из руководителей антирелигиозной борьбы в 1920–1930-е гг. Член редколлегии газеты «Правда», журналов «Большевик», «Историк-марксист». В 1931–1934 гг. — председатель Всесоюзного общества старых большевиков. Похоронен в Кремлевской стене. Родной его брат, один из руководителей партизанского движения в Сибири в годы Гражданской войны, был репрессирован в 1937 г.

¹⁰ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 7; 2003. № 3. С. 3.

¹¹ Подсчет по: История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938. С. 3–346. Голощекин Ф. И. (1876–1941) — арестован 15 октября 1939 г., расстрелян 28 октября 1941 г.; Ежов Н. И. (1895–1940) — арестован в апреле 1939 г., расстрелян 4 февраля 1940 г.; Троцкий Л. Д. (1879–1940) — смертельно ранен в Мексике 20 августа 1940 г. агентом НКВД Р. Меркадером. Поразительно, но факт, что даже в издании «Краткого курса», подписанном в печать 5 августа 1940 г., фамилии Голощекина и Ежова по-прежнему присутствуют в неизменном виде. Можно предположить, что подобный парадокс мог служить основой для мифов, что эти люди живы и где-то работают, ибо никаких официальных сообщений об их судьбе не было. Лишь в последующих изданиях эти фамилии просто исчезли.

¹² История ВКП(б): Краткий курс. С. 336.

¹³ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Подсчет наш: Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 4–23.

¹⁶ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 4, 5, 7, 9, 10.

¹⁷ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 7.

¹⁸ Зеленов М. В. Главлит и историческая наука в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 32.

¹⁹ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 24–25.

²⁰ История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938. С. 352.

²¹ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 5–21.

²² Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1948. С. 163.

²³ Зеленов М. В. Главлит и историческая наука в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 32.

I

РАЗДЕЛ

РСДРП
в 1898–1913 гг.

I

глава

«Призрак коммунизма» приходит в Россию

Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития... Царская Россия была тюрьмой народов... Уже в 70-х и особенно 80-х годах прошлого (XIX. — ред.) столетия рабочий класс в России начал пробуждаться и повел борьбу с капиталистами... До появления марксистских групп революционную работу в России вели народники, являвшиеся противниками марксизма... Народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса.

История ВКП(б): Краткий курс

Утром 1 марта 1881 г. в Петербурге в квартире дома № 5 на Теменной улице собрались члены тайной революционной организации «Народная воля». Дочь действительного статского советника 27-летняя Софья Перовская передала четыре бомбы Гриневицкому, Рысакову, Емельянову и Тимофею Михайлову. Эти «метательные снаряды» (бомбы) были в срочном порядке изготовлены накануне за 15 часов талантливым изобретателем Николаем Кибальчицем и его двумя товарищами. Тем самым народовольцы завершили подготовку к покушению на жизнь императора Александра II, которому Исполнительный комитет организации вынес смертный приговор еще в августе 1879 г. Революционеры надеялись, что убийство императора станет сигналом к всеобщему восстанию народа. Шесть их предыдущих попыток убить царя завершились неудачей. На сей раз народовольцы торопились, так как в начале 1881 г. один за другим в руки властей попали ведущие деятели «Народной воли», а 27 февраля был арестован и главный организатор готовящегося покушения Андрей Желябов. Но это не изменило планов террористов. На Малой Садовой улице, в доме № 4, в помещении, снятом под сырную лавку, они вырыли подкоп, чтобы взорвать царскую карету

на обратном пути в Зимний дворец из Михайловского манежа, но 1 марта царь возвращался другой дорогой.

Примерно в 14 часов 30 минут лейб-кучер Фрол Сергеев повернул царскую карету на набережную Екатерининского канала. С. Л. Перовская подала условный знак. Еще через несколько секунд Н. И. Рысаков бросил бомбу в карету царя. Александр II не пострадал, но экипаж был разрушен, смертельно ранены казак охраны и мальчик-прохожий. Через несколько минут И. И. Гриневицкий бросил бомбу между собой и вышедшим из кареты императором. Когда развеялся дым, то очевидцы увидели страшную картину: два десятка раненых людей лежали на мостовой, стонали и кричали от полученных ран, а среди снега, мусора и крови виднелись остатки изорванной одежды, кровавые куски человеческого мяса, и, самое жуткое, они увидели окровавленного самодержца с раздробленными ногами. Третий метальщик, Емельянов, потрясенный увиденным, забыв, что у него под мышкой портфель с бомбой, бросился помогать усаживать царя в сани. Александра II привезли в Зимний дворец, где он и скончался.

Убийство царя-освободителя ознаменовало собой поворот в государственной жизни России. Новому императору Александру III, потрясенному убийством отца, предстояло сделать выбор: или продолжить преобразования, или приостановить их и внести определенные коррективы. В первую очередь следовало определить судьбу подготовленного министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым проекта реформы политической системы страны, который предусматривал привлечение «сведущих людей» — представителей земств и городских дум — к законотворческой деятельности в Государственном Совете. Утром трагического дня 1 марта 1881 г. Александр II одобрил этот проект. После гибели Александра II решение было принято быстро. 8 марта на заседании Совета министров К. П. Победоносцев, обер-прокурор Синода, а также воспитатель императора в бытность того наследником, выступил с пламенной речью не только против проекта Лорис-Меликова и конституционных идей, но и высказал резкую критику всей внутренней политики предыдущего царствования, приведшей, по его мнению, к гибели императора. Александр III, по сути, поддержал Победоносцева, заявив: «Да, все мы виноваты». 29 апреля 1881 г. увидел свет написанный Победоносцевым Манифест «О неизбежности самодержавия», который возвестил жителям России волю

нового императора сохранить во всей полноте самодержавную власть, унаследованную от предков. В обществе этот документ получил ироничное название «ананасного» из-за торжественной фразы: «а на нас возложить священный долг самодержавного правления»¹. Тем самым император дал понять всем, и в первую очередь народолюбцам и либерально настроенной публике, что он не собирается привлекать к управлению государством «общество» или «народ» и делиться властью. Издание манифеста повлекло за собой отставку министров-реформаторов М. Т. Лорис-Меликова, А. А. Абазы и Д. А. Милютина.

Новый курс Александра III предполагал не только пересмотр законов и учреждений, появившихся в эпоху реформ, но и решительную борьбу с революционным движением. После убийства императора полиция с помощью «расколовшегося» на допросе Рысакова схватила всех руководителей «Народной воли». 10 марта на Невском проспекте была опознана и арестована Перовская. Суд приговорил царевубийц — Желябова, Перовскую, Кибальчича, Михайлова, Рысакова — к виселице. Казнь состоялась солнечным утром 3 апреля 1881 г. на Семеновском плацу столицы, в присутствии разной многочисленной публики, которая в массе своей полагала, что это вешают дворянских сынков, отомстивших все-таки царю-батюшке за освобождение крестьян от крепостной неволи.

Для борьбы с «крамолой» в 1881 г. на местах появились новые учреждения полицейского сыска — Отделения по охране порядка и общественной безопасности (так называемые охранки). В отличие от жандармов они работали негласно, имели свою обширную секретную агентуру и сыщиков-«филеров». С 1883 г. в Париже начала действовать заграничная политическая агентура, которая вела слежку за революционерами-эмигрантами по всей Европе. На Сахалине была открыта политическая каторга. Всего в царствование Александра III по политическим мотивам было осуждено около 4 тыс. человек, из них 17 казнено. Министр внутренних дел Д. А. Толстой был недалек от истины, когда в 1888 г. заявил о том, что в России не осталось ни одного революционера.

В числе казненных государственных преступников были и студенты Петербургского университета — члены «Террористической фракции “Народная воля”», готовившие покушение на царя. Агенты полиции выследили и задержали «бомбистов» на Невском проспекте

в 11 часов утра 1 марта 1887 г. Цесаревич Николай II записал в тот день в своем дневнике: «Боже! Какое счастье, что это миновало!» По решению суда пятерых «первомартовцев» повесили 8 мая 1887 г. в Шлиссельбургской тюрьме. Среди казненных был и старший брат В. И. Ленина Александр Ульянов. Император Александр III написал синим карандашом на первом листе следственного дела: «На этот раз Бог нас спас, но надолго ли? Спасибо всем чинам и агентам полиции, что не дремлют и действуют успешно»². Сомнения государя вскоре подтвердились, хотя сам он не подозревал, что в недалеком будущем полиции предстоит иметь дело не с группой террористов, а с новой силой, которая зарождалась в недрах российского общества, — на авансцену политической жизни страны выходило рабочее движение.

Александр Ульянов

1. Россия в пореформенный период: новые надежды и новые разочарования: 1860–1880-е гг.

Со смертью Александра II, царя-освободителя, закончилась эпоха в истории России, названная современниками эпохой Великих реформ. Преобразования 1860–1870-х гг. были вызваны самой жизнью и особенно поражением России в Крымской войне, которая со всей очевидностью показала военно-техническую отсталость страны. Российское общество требовало перемен, а власть в лице императора — «реформатора поневоле», как о нем сказал историк В. О. Ключевский, — понимала, что косметическими изменениями на сей раз не обойтись. Было очевидно, что без решительных изменений «сверху» Российская империя могла навсегда перейти в разряд второстепенных европейских стран.

Крестьянская реформа, в результате которой 23 млн крепостных крестьян получили долгожданную «волю», судебная, военная, земская, городская реформы дали мощный импульс социально-экономической жизни страны и ознаменовали начало новой России, выраставшей из крепостнической эпохи. В стране быстрыми темпами развивалось промышленное производство, что явилось следствием создания в стране рынка наемной рабочей силы, капиталов и товаров. В пореформенный период возникли новые отрасли промышленности, с которыми связывался индустриальный прогресс: нефтедобыча, химическая, угольная промышленность, транспортное машиностроение. Локомотивом российской индустриализации стало железнодорожное строительство: надо было наращивать производство рельсов, паровозов, вагонов. Новые магистрали связали центр страны с Поволжьем, черноморскими и балтийскими портами, с западной границей империи. В середине 1890-х гг. железные дороги устремились на Север, в Сибирь и Среднюю Азию, через Кавказский хребет. В 1880–1898 гг. была построена Среднеазиатская железная дорога длиной 2,5 тыс. км. В 1891 г. развернулось строительство Транссибирской магистрали (или Великого сибирского пути, как ее еще называли) протяженностью около 9 тыс. км. Дорога соединила Европейскую Россию с дальневосточной окраиной империи (от Челябинска до Владивостока) и стала одним из самых успешных проектов в российской истории. В 1902 г. Транссиб был завершен. Французские журналисты писали, что после открытия Америки Колумбом «история не знала более выдающегося события, чем постройка Транссибирской магистрали»³. Всего же за 40 лет после отмены крепостного права объем промышленной продукции в России увеличился более чем в 7 раз (в то время как в Германии в 5 раз, во Франции — в 2,5 раза, в Англии — в 2 раза)⁴.

Таким образом, на рубеже веков Россия стала аграрно-индустриальной державой с огромными потенциальными возможностями. Россия занимала 5-е место в мире и 4-е в Европе по абсолютным показателям промышленного производства. Однако несмотря на очевидные успехи индустриализации, она по-прежнему оставалась сельскохозяйственной страной — 80 % населения было занято в аграрном секторе экономики. Наряду с США страна была главным экспортером зерна на мировом рынке. Российская экономика была многоукладной — рядом соседствовали крупные фабрики, небольшие предприятия и кустарное производство. Министр финансов С. Ю. Витте в 1900 г. писал в докладной записке

Николаю II, что «в промышленном и в торговом отношении Россия очень отстала от главнейших иностранных государств».

Российскую империю конца XIX в. невозможно представить страной с «молочными реками и кисельными берегами» еще и потому, что в ней оставались нерешенными старые проблемы, которые со временем становились все острее. Прежде всего, ключевой для страны аграрный вопрос: деревня страдала от перенаселения и малоземелья. Крестьяне, получившие за выкуп земельный надел, лишились при этом примерно пятой части земли (так называемые «отрезки»), которой они пользовались до реформы. Это обстоятельство, а также тот факт, что за полученные наделы земли, которую крестьяне считали Божьей и смотрели на нее как на общее достояние тех, кто ее обрабатывает, они должны были расплачиваться с помещиками и государством, вызывало их недовольство, нередко перераставшее в бунты. При этом каждый крестьянин был «приписан» к своей общине, которая и распоряжалась землей, и без согласия «мира» не мог из него выйти. Получилось так, что, освободившись от помещика, вчерашние крепостные оказались в плену общины, которая сдерживала развитие инициативы, самостоятельности в крестьянском хозяйстве. Рост населения в деревне (с 50 млн человек в 1861 г. до 86 млн в 1900 г.) не только множил малоземелье, но и готовил все более массовую основу будущих социальных потрясений. Доходность основной массы крестьянских хозяйств была крайне низкой. Треть крестьянских дворов была безлошадной, еще одна треть имела только одну лошадь. Крестьян выручали различные местные и отхожие промыслы. Многие деревни вокруг промышленных центров назывались «бабыми», так как мужское население постоянно находилось на заработках.

Немало «взрывоопасных» проблем накопилось в России и в области межнациональных отношений. По данным переписи 1897 г., на территории страны проживало 140 различных народов. В конце XIX в. самодержавие стало последовательно проводить политику русификации национальных окраин. Особые правила ограничивали права еврейского населения. С конца XVIII в. для евреев была введена так называемая черта оседлости, означавшая право их проживания лишь в 15 западных губерниях. Исключение составляли купцы 1-й гильдии, лица с высшим образованием и ряд других категорий граждан. Евреям было запрещено покупать землю и заниматься земледельческим трудом. В учебных заведениях для них была введена «процентная

норма» — 10 % в «черте оседлости», 5 % — в других районах и 3 % — в Петербурге и Москве. При этом особенно тяжелым было положение еврейской ремесленной и пролетарской бедноты. Начало 1880-х гг. было отмечено серией еврейских погромов в южных и западных губерниях России. Поводом к ним послужили широко расходившиеся в народной массе слухи, что якобы именно евреи были повинны в убийстве царя Александра II. Все это во многом объясняет, почему в российском революционном движении был так высок удельный вес еврейской молодежи. С другой стороны, алчность еврейской буржуазии нередко приводила к тому, что крестьяне и горожане видели в ней причину своих финансовых бед, и поэтому официальный антисемитизм получал подкрепление снизу.

Реформы Александра II не затронули высшие органы государственной власти. Царь-освободитель верил в то, что самодержавие является лучшей и наиболее органичной для русского народа формой правления. Кроме того, он был убежден, что не только простой мужик, но и высшие слои русского общества не достигли еще, по его словам, «той степени образованности, которая необходима для представительного правления»⁵. В 1865 г. император так ответил на предложение собрать «выборных людей»: «Я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что сделаю я это сегодня — и завтра Россия распадется на куски». Александр II считал, что реформы не должны привести к дестабилизации общества, распаду многонациональной империи. Его преемник Александр III, отличавшийся прямоотой суждений, после восшествия на престол так заявил петербургскому градоначальнику: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?!»⁶ Таким образом, Российская империя по-прежнему оставалась самодержавной монархией: до 1905 г. никакая политическая деятельность в стране, кроме государственной, не имела легального основания.

Быстрое развитие капитализма в пореформенный период постепенно меняло социальную структуру населения. Наряду с традиционными сословиями в новых условиях шел процесс формирования промышленной буржуазии и пролетариата, основу которого составляли постоянные рабочие, лишенные средств производства, разорвавшие связь с землей и собственным хозяйством и весь год трудившиеся на фабриках и заводах. Численность рабочего класса (всех, начиная с сельскохозяйственных наемных работников и заканчивая

рабочими крупных предприятий) выросла за пореформенный период почти в 4,5 раза и составила в 1900 г. 14 млн человек. Среди них особое место занимали фабрично-заводские рабочие: если в 1860 г. их было 0,72 млн человек, то в 1890 г. — уже 1,5 млн, а в 1900 г. — 2,81 млн. Особенно выделялись главные индустриальные центры — Санкт-Петербург и Москва, где трудилось более трети всех фабрично-заводских рабочих страны⁷.

Реформы Александра II мало затронули рабочих. Их положение оставалось бесправным, а условия труда тяжелыми. Произвол предпринимателей ничем не ограничивался. Рабочее законодательство отсутствовало. Один из первых фабричных инспекторов Московской губернии профессор Московского университета И. И. Янжул констатировал: «Хозяин фабрики — неограниченный властитель и законодатель, которого никакие законы не стесняют, и он часто ими распоряжается по-своему, рабочие ему обязаны «беспрекословным повиновением», как гласят правила одной фабрики»⁸. Обычно, вплоть до 1880-х гг., наем рабочих на фабрично-заводские предприятия практиковался на основе «словесного» или письменного договора сроком на год, чаще всего «от Пасхи до Пасхи». До истечения установленного срока у рабочих забирались в контору паспорта, и они фактически лишались свободы, не имея права требовать досрочного расчета. В то же время предприниматели имели право по своему усмотрению уволить рабочего в любое время за «дурную работу» или за «дерзкое поведение». Внедрение машинного производства вело к резкому росту продолжительности рабочего дня для всех категорий рабочих, в среднем она составляла по всей России от 12 до 15 часов в сутки. Наиболее длительным он был на предприятиях текстильной, пищевой и горно-заводской промышленности. Интенсивно применялся дешевый труд женщин, малолетних детей и подростков, особенно на текстильных, пищевых, резиновых, спичечных, табачных фабриках.

Заработная плата задерживалась и выплачивалась неаккуратно. Все зависело от воли хозяина: рабочие должны были выпрашивать у фабриканта как особую милость заработанные ими деньги. Хозяин предприятия выдавал деньги рабочим или два раза — на Пасху и Рождество, или три-четыре раза (иногда чаще) в год. Нередко расплата производилась товарами: на многих предприятиях рабочие были обязаны в принудительном порядке покупать товары в хозяйственной лавке по завышенным ценам. Фабричные торговые точки

давали огромный доход фабрикантам. На рубеже XIX–XX вв. зарплата русских рабочих оставалась в среднем в 2 раза ниже, чем в Англии, в 4 раза ниже, чем в США. Лишь у 4 % высококвалифицированных рабочих она превышала прожиточный минимум.

До виртуозности была развита система штрафов, которые иногда достигали половины заработка. Штрафовали, например, за пение (вчерашние крестьянки никак не могли отвыкнуть от деревенской привычки петь во время работы), за курение, за выход за ворота во время рабочего дня, за появление в конторе не поодиночке. Общая сумма штрафов достигала на некоторых фабриках нескольких тысяч рублей в год и также являлась немаловажным источником дохода.

Регламентировался не только труд рабочих, но и их личная жизнь: проживавшие в фабричных казармах могли отлучаться только в определенные сроки. Рабочие не были защищены от издевательств и оскорблений со стороны хозяина и его подручных. В Москве, например, даже в начале 1890-х гг. на фабрике «Карл Тиль и К°» применялись розги.

Чудовищными оставались жилищные условия большинства рабочих, причем в связи с быстрым ростом их численности жилищный вопрос даже обострялся. По данным фабричного инспектора С. Гвоздева, в 1897 г. только 25 % рабочих жили в своих домиках, остальные снимали жилье у частных лиц и почти половина пользовалась фабричными общежитиями-казармами, в которых условия были «крайне антисанитарные», а «грязь, вонь и теснота не поддаются описанию». Все это рождало у рабочих тягостное ощущение ущербности своей жизни, чувство безнадежности, неосознанную злобу. В рабочих кварталах нередко процветали пьянство, драки, поножовщина.

Всекие организации рабочих, в том числе по защите их экономических интересов, были запрещены. Роль арбитра в отношениях фабрикантов и рабочих брало на себя государство. С конца 1850-х гг. правительственные чиновники неоднократно создавали комиссии для разработки фабрично-заводского законодательства, в их работе принимали активное участие представители петербургских и московских деловых кругов. Однако какие-либо попытки запретить или ограничить детский труд, ввести фабричную инспекцию и другие подобные предложения наталкивались на сопротивление предпринимателей. Поэтому все проекты были благополучно положены под сукно в министерских архивах.

2. Первые шаги рабочего движения: 1870–1880-е гг.

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-НАРОДНИКИ И ФАБРИЧНЫЕ СМУТЬЯНЫ

Конец 1860-х — начало 1870-х гг. ознаменовались нарастанием недовольства рабочих и усилением рабочего движения. Особенно обострились отношения между рабочими и предпринимателями в ведущей отрасли страны — текстильной, прежде всего хлопчатобумажной, промышленности. Широкий резонанс получила стачка на Невской бумагопрядильне в Петербурге в мае 1870 г., в которой приняли участие 800 ткачей и прядильщиков. Рабочие требовали увеличения сдельной оплаты труда. Суд над ее организаторами сделал достоянием гласности дикий произвол на фабрике. Присяжные заседатели осудили зачинщиков всего на несколько дней ареста, а вышестоящая судебная инстанция вообще всех оправдала. Это обстоятельство стало причиной правительственного запрета на публикацию в прессе сведений о стачках и издания секретного циркуляра, в котором признавалось, что эта стачка «явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся». Циркуляр был разослан на места губернаторам с требованием, «чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением»⁹. Губернаторам рекомендовалось не допускать «дел» о стачках до судебного разбирательства и высылать их зачинщиков в административном порядке.

В августе 1872 г. произошла мощная стачка на Кренгольмской мануфактуре, в ходе которой 7 тысяч рабочих предъявили следующие требования: продлить обеденный перерыв на полчаса, прекратить работу детей по вечерам, уменьшить размер штрафов, установить более точные расценки при поштучной работе и удалить из больницы фельдшера, которым были недовольны рабочие. Власти вначале вступили с рабочими в переговоры, а затем вызвали войска. «Подстрекателей» жандармы арестовали. Стачки на Невской бумагопрядильне и на Кренгольмской мануфактуре дали основание для публикации в печати заявлений о появлении в России «рабочего вопроса».

На серую, забитую рабочую массу обратили внимание не только правительственные чиновники и журналисты, но и представители

нового поколения революционеров, получивших название народников. Многие из них были выходцами из среды разночинной молодежи, отрицавшей идеалы своих отцов и традиции прошлого. Тургенев дал им название «нигилисты», себя они называли «новыми людьми». Подобно движению декабристов, выраставшему из дворянского свободолюбия, народничество в нравственном плане опиралось на нигилизм разночинцев.

Длинноволосые, радикально настроенные молодые люди были уверены, что царь и его вороватые чиновники обманули крестьян, которые, по их мнению, после отмены крепостного права в 1861 г. не получили настоящей свободы. Не дождавшись крестьянского восстания как ответа на тяжелые для народа условия крестьянской реформы, сторонники крайних мер, хотя их было не много, перешли к пропаганде революционного насилия, распространяя прокламации, призывавшие «Русь к топору». Правительство ответило репрессиями.

Не принимая существующего порядка вещей, революционеры-народники были убеждены в особенностях исторического развития России, верили в то, что она минует капиталистический этап развития и придет к справедливому обществу — социализму через крестьянскую революцию, опираясь на крестьянскую общину и рабочие артели в городах. Родоначальниками теории русского крестьянского социализма, учителями и кумирами молодежи были А. И. Герцен, издававший в Лондоне газету «Колокол», и Н. Г. Чернышевский, написавший в 1863 г. в камере Петропавловской крепости роман «Что делать?».

В 1870-е гг. многочисленные группы и кружки народников объединяла идеология революционного народничества, внутри которого обычно выделяют три направления: бунтарское (М. А. Бакунин), пропагандистское (П. Л. Лавров) и заговорщическое (П. Н. Ткачев). Бывший профессор артиллерийской академии П. Л. Лавров в своем сочинении «Исторические письма» дал ответ на вопрос, чем должна заниматься передовая молодежь. Главное — посвятить себя борьбе за освобождение народа, отодвинув все другие увлечения, вернуть «долг интеллигенции» народу за полученное образование, отправившись в деревню, чтобы помочь крестьянам вооружиться культурными знаниями и осознать справедливость социалистических идей. В начале 1870-х гг. Лавров начал издавать в Цюрихе журнал «Вперед!» — первый печатный орган русских революционеров.

В 1874 г. началось уникальное в мировой истории массовое «хождение в народ», ставшее проверкой идеологии революционного народничества на практике. Революционеры-пропагандисты, половина из которых вышла из студентов, разошлись по всему обширному пространству Европейской России, за исключением Кавказа и самых северных губерний. У каждого молодого человека можно было найти в кармане или за голенищем фальшивый паспорт на имя какого-нибудь крестьянина или мещанина, а в узелке крестьянскую одежду и несколько революционных книг и брошюр. Главным оружием молодых революционеров было слово — устное и печатное. Этот поход разночинной интеллигенции закончился неудачей. Народ оставался глухим к проповедям социализма и к «бунтарской пропаганде», несмотря на то, что некоторые «ходебщики» даже предпринимали попытки вызвать волнения в народе от имени царя, то есть с помощью самозванства. Более того, крестьяне сами часто помогали арестовывать «смутьянов», «врагов царя». По всей стране жандармы переловили до 4 тыс. человек. В 1877 г. в Петербурге начался большой судебный процесс, к которому было привлечено 193 человека. 99 из них были приговорены к каторге, тюремному заключению, ссылке, остальные были оправданы за отсутствием состава преступления.

Провал «хождения в народ» показал, какая пропасть отделяла молодых пропагандистов-революционеров от мужика-крестьянина, которого они знали в основном по литературе. Тем не менее, народники не отказались от своих первоначальных целей, они лишь изменили тактику и, кроме того, стали искать пути и в рабочую среду. При этом самостоятельного значения рабочему классу они не придавали, считая его лишь частью трудового народа. Чем ближе к крестьянской массе стоял рабочий, тем больше он ими ценился. В этом отношении рабочих они делили на заводских и фабричных. Последним уделялось больше внимания, поскольку они раза 3–4 в год посещали свои села, где соприкасались с крестьянским миром, и, таким образом, по замыслу народников, должны были стать хорошими посредниками между революционной интеллигенцией и крестьянством. В середине 1870-х гг. народнические группы уже существовали на фабриках и заводах Петербурга, Москвы, Одессы, Харькова, Киева, Ростова-на-Дону, Орла, Тулы и других городов. Как правило, просветительская работа выражалась в создании немногочисленных вечерних кружков, в которых рабочие после трудовой смены изучали

школьные предметы; кроме того, интеллигенты читали и обсуждали с ними произведения революционно-демократических писателей.

Наибольшую известность среди таких групп получила «Всероссийская социально-революционная организация», созданная в 1875 г., в которую наряду с интеллигентами-народниками (С. И. Бардина, И. С. Джабадари, Г. Ф. Зданович, Л. Н. Фигнер) вошли и рабочие. После непродолжительного общения с рабочими Лиговской артели Петербурга члены этой организации переехали в Москву и охватили пропагандой 20 фабрик. В начале апреля 1876 г. полиция арестовала все ядро группы. В 1877 г. проходил «процесс 50-ти». Одиннадцать подсудимых отказались от защиты, но при этом договорились выступить с программными речами. Кто-то должен был высказаться и от рабочих. Выбор пал на московского ткача Петра Алексеева, обладавшего могучим голосом. Алексеев тщательно готовился. Он сам написал свою речь (И. С. Джабадари только отредактировал ее), а затем выучил и декламировал у себя в камере. Накануне выступления, во время обеденного перерыва в судебном заседании, к великому удивлению жандармов, окружавших подсудимых, Алексеев с товарищами провел нечто вроде генеральной репетиции.

Яркая, обличительная речь рабочего Петра Алексеева, произнесенная 9 марта 1877 г., произвела в обществе громадное впечатление. Алексеев, который, по его собственным словам, «чуть ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-часовым трудом кусок черного хлеба», показал бедственное положение российского пролетариата. Он закончил свою эмоциональную речь словами: «Подыметесь мускулистая рука миллионов рабочего люда... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»¹⁰ В. Н. Фигнер вспоминала: «Как хорош был он в своей белой рубашке со смелым жестом поднятой кверху полуобнаженной, мускулистой руки... Тщетно председатель останавливал его. Тщетно кричал; рабочий громогласно закончил свой пламенный призыв, и, казалось, в лице его в зале заседания говорит весь пролетариат»¹¹. Позже В. И. Ленин оценил эти слова в речи Алексеева как «великое пророчество русского рабочего-революционера». Как вспоминал И. С. Джабадари, «сочувствие публики к Петру Алексееву после произнесенной им речи было так сильно, что на другой день вся камера Петрухи была завалена табаком, сигарами, фруктами, жареной дичью, поросятами, индейками, конфетами и печениями, а также платьем и бельем. Петруха,

Выступление рабочего П. Алексеева на суде 10 марта 1877 г.

вскормленный на черном хлебе, иногда, быть может, пополам с лебедой, дивился, какими сластями питаются бары, купцы и попы, и, шутя говорил, что, если бы всегда его кормили так на убой, он, пожалуй, и не произнес бы своей речи»¹².

Тексты речей подсудимых по «процессу 50-ти» были переданы «на волю» и отпечатаны в нелегальной петербургской типографии А. Н. Аверкиева (за это он поплатился ссылкой). Их читала вся Россия. Дальнейшая судьба Петра Алексеева печальна: он был приговорен к 10 годам каторги, затем оказался в якутской ссылке. 16 августа 1891 г. он был убит грабителями, которые позарились на небольшие деньги, хранившиеся у него в подушке для побега. Когда о судьбе Алексеева еще не было известно (предполагалось, что он бежал), директор департамента полиции Дурново разослал секретный циркуляр; в нем разъяснялось «первостепенное значение», которое правительство придает аресту «рабочего-революционера, закоренелого и стойкого в своих убеждениях».

В 1876 г. народнические кружки и группы объединились в подпольную организацию «Земля и воля» — самую крупную за всю историю революционного народничества. Продолжая делать ставку на мужика-крестьянина, землевольцы поддерживали разрозненные выступления рабочих, надеясь возбудить в пролетарской среде «бунтарский дух». Наиболее зримо эту тактику народники применили в Петербурге. 3 марта 1876 г. похороны замученного длительным тюремным заключением студента П. Чернышева вылились в демонстрацию с участием более 2 тыс. человек. Рабочие и ведущие среди них пропаганду студенты-землевольцы увидели, какое впечатление произвела эта акция протеста, и решили провести свою политическую демонстрацию, которая должна была показать правительству, что за интересы народа выступают не только студенты и наиболее передовая часть общества, но и сами трудящиеся. Предполагалось, что в ней примут участие 2–3 тыс. рабочих. По замыслу организаторов, после митинга все должны были направиться на Невский проспект и, если удастся, выйти на Дворцовую площадь, «чтобы требовать освобождения политических арестантов из тюрем». На деле все получилось не так, как задумывали организаторы, среди которых находился бывший студент Георгий Валентинович Плеханов, бросивший учебу в Петербургском горном институте. 6 декабря 1876 г. у Казанского собора собрались в основном студенты и курсистки. По данным Плеханова, рабочих было всего 200–250, по другим — еще меньше. Плеханов произнес перед собравшимися короткую речь, в которой выразил солидарность с Н. Г. Чернышевским и другими «мучениками» за народное дело. При словах: «Наше знамя — их знамя. На нем написано: земля и воля крестьянину и работнику!» 16-летний рабочий Торнтоновской фабрики Яков Потапов развернул и поднял на руках красное полотнище. Не успел еще Плеханов закончить речь, как начала действовать полиция. На помощь ей бросились дворники, извозчики и некоторые из «публики», как свидетельствуют полицейские документы, «которые против врагов царя» — «господ и девок в платках», пустили в ход кулаки и кнуты. Собравшиеся были окружены, побиты и рассеяны, а 31 человек был арестован, но организаторам демонстрации, в том числе Плеханову, удалось избежать ареста. Трех рабочих, в том числе Потапова, суд приговорил к пятилетнему монастырскому покаянию на Соловках «для исправления их нравственности и утверждения их в правилах христианского долга».

Мнение современников о Казанской демонстрации было противоречивым. Оценивая ее значение, Плеханов отмечал, что она была «первым крупным плодом сближения народников с петербургским пролетариатом». Либеральная печать высмеяла демонстрацию, и даже со стороны большей части революционеров она вызвала порицание. Рабочие полагали, что из нее вышло совсем не то, чего они хотели. Пролетариат стремился к борьбе за свои конкретные нужды, а не за отвлеченные демократические идеи. Непонятной для рабочих оказалась и надпись на знамени.

Через год, 9 декабря 1877 г., петербургские рабочие провели свою, пролетарскую демонстрацию, в которой приняли участие землевольцы. Поводом к выступлению стала гибель от взрыва 9 рабочих казенного патронного завода на Васильевском острове. Виновато было заводское начальство, пренебрегавшее элементарными требованиями технической безопасности. Во время похорон на Смоленском кладбище полиция пыталась арестовать рабочего-оратора. Однако тысячная толпа рабочих и присутствовавшие здесь революционеры, которые по этому случаю были хорошо вооружены, дали решительный отпор. Особенно энергично набросились на полицейских С. Халтурин, В. Осинский и Г. Плеханов. В результате демонстранты одержали маленькую победу. Как отмечал Плеханов, это выступление явилось второй после Казанской демонстрации практической попыткой осуществить агитацию среди рабочих Петербурга.

«Земля и воля» проявила себя еще в одном деле, получившем громкий резонанс. Речь идет о стачке на Новой бумагопрядильне в Петербурге. На сей раз поводом к выступлению рабочих стало снижение расценок, приведшее к значительному уменьшению заработной платы. Своеобразие стачки заключалось в том, что впервые рабочие обратились с петицией непосредственно к царственной особе, наследнику престола — будущему императору Александру III. По признанию самого сознательного пролетария Петра Моисеенко (товарищи называли студентом), «вера в царя тогда была очень сильна» и «нам приходилось изворачиваться: критиковать, ругать правительство, дворян, попов, купцов — словом, всячески отговаривать не подавать прошения царю. Царя трогать тогда нельзя было. Сложилась даже поговорка: “Посуду бей, а самовара не трогай”»¹³.

И все-таки землевольцы уступили просьбе рабочих, составили прошение на имя наследника, которое было одобрено собранием рабочих, состоявшимся во дворе фабрики, и 16 марта 200 человек отправились к Аничкову дворцу, где жил наследник. Их встретил исполняющий должность градоначальника Петербурга генерал Козлов, которому П. А. Моисеенко пытался объяснить цель мероприятия, за что и угодил в пожарное отделение. Чуть позже, после разговора с наследником, Козлов «ласково и тихо» сказал Моисеенко, что «цесаревич сделать ничего не может, пока он еще не имеет на то права»¹⁴. Хозяева фабрики пошли на незначительные уступки рабочим, и 20 марта стачка прекратилась.

Такой исход стачки был неожиданным для землевольцев. Их устроило бы иное: разгон демонстрации или, на худой конец, расправа с теми, кто передавал петицию Козлову. Тогда можно было бы призывать рабочих к новой демонстрации, то есть продолжать бунтарскую тактику. Отстаивание самих по себе экономических требований рабочих не входило в программу землевольцев. По мнению Г. В. Плеханова, другая слабая сторона агитации народников заключалась в том, что «возбуждая рабочих против “властей” и “государства”, она не сообщала им определенных политических взглядов и потому не придавала сознательного характера их неизбежной борьбе против современного полицейского государства»¹⁵.

Конец 1878 и начало 1879 г. можно считать расцветом деятельности землевольцев среди петербургских рабочих. Осенью 1878 г. через Розалию Марковну Боград (вскоре она стала женой Г. В. Плеханова) они организовали пять конспиративных квартир. Р. М. Плеханова вспоминала: «Наш план был таков: завести по возможности во всех рабочих районах свои конспиративные квартиры, поселив в них хозяек из интеллигенток, ходивших в народ и, следовательно, умевших подойти к рабочему, не вызывая в нем подозрения. На этих квартирах должны были поселиться уже распропагандированные рабочие, чтобы привлекать туда своих малосознательных товарищей... План наш был одобрен делегатами от “Земли и воли”»¹⁶. Квартира на Екатерининском канале, где хозяйкой была О. Н. Присецкая, являлась центральной и служила штабом для всех остальных. На квартире имелся также небольшой склад оружия. «Особенно часто, — вспоминала О. Н. Присецкая, — бывал Георгий Валентинович. Он приходил, переодевался в рабочий костюм, — для этого в квартире было несколько

костюмов, — и шел на завод и в рабочие кружки. Возвращался довольно поздно, чтобы переодеться»¹⁷. Спал он на диване в столовой, из которой было удобно наблюдать подходы к дому, и в случае необходимости мог через кухонное окно выпрыгнуть на крышу небольшого сарайчика, а с нее — во двор и скрыться. Под подушкой у Плеханова всегда были наготове револьвер и кастет, чтобы в случае внезапного появления в комнате полиции не отдаться в ее руки без сопротивления. Конспиративные квартиры просуществовали недолго — до апреля 1879 г.

Руководство районными кружками рабочих осуществляли Г. В. Плеханов и А. Д. Михайлов. Факты свидетельствуют, что устройство квартир и кружков совпало с усилением стачечного движения в Петербурге. В конце 1878 — начале 1879 г. произошли стачки на Новой бумагопрядильной фабрике, на фабрике Шау и т. д. Землеволюцы напечатали две прокламации в поддержку стачечников. По мере расширения забастовочной борьбы усилились преследования полиции.

К лету 1879 г. в народническом движении стали брать верх сторонники террористических методов борьбы. Воронежский съезд «Земли и воли» завершился расколом на две организации: «Народную волю» (А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская) и «Черный передел» (Г. В. Плеханов, В. Н. Игнатов, Л. Г. Дейч). Революционная молодежь явно тянулась к «Народной воле», которая на деле была первой русской политической партией. Народовольцы создали строго законспирированную организацию со своей типографией и службой безопасности, ее агент Н. В. Клеточников два года работал в самом III отделении. Ядро организации — Исполнительный комитет — приступил к систематическому политическому террору, вынес смертный приговор императору Александру II. Протестуя против этих планов, Плеханов безуспешно доказывал, что с их осуществлением к имени царя лишь прибавятся три палочки вместо двух, настаивал на необходимости продолжать агитацию и пропаганду среди крестьян и рабочих. Однако возглавляемый им «Черный передел» так и не обрел в России настоящей силы.

После убийства Александра II идеология народничества оказалась в глубоком кризисе. Прежде всего не оправдались надежды народников на террор — убийство царя не привело к изменению политического строя страны и не послужило сигналом к народному восстанию,

как рассчитывала «Народная воля». С другой стороны, данные о развитии капитализма в России в целом и разложении крестьянской общины в частности подрывали самые основы народнического мировоззрения.

ОРГАНИЗОВАННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Революционное народничество дало толчок организованному рабочему движению. Первая рабочая организация в России была создана в Одессе. В 1872 г. в этом южном городе начал пропаганду среди рабочих приехавший из Петербурга интеллигент-революционер Е. О. Заславский. Его взгляды сформировались под сильным воздействием идеологии Лаврова. В свою очередь, деятельность среди рабочих заставила Заславского обратиться к практическим вопросам пролетарского движения. Это уже было отходом от народничества. Под руководством Заславского в июле 1875 г. был составлен устав организации, которая получила название «Южнороссийский союз рабочих». В него вошли 60 человек, примерно 150–200 человек находились в сфере влияния «Союза».

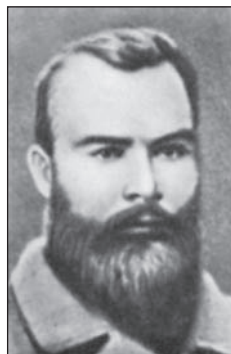
«Южнороссийский союз рабочих» воспринял некоторые положения программных документов I Интернационала. Под их влиянием в уставе «Союза» провозглашалась необходимость революционного переворота, цель которого — уничтожение привилегий господствующих классов, освобождение рабочих от ига капитала, превращения труда в основу личного и общественного благосостояния. В декабре 1875 г. «Союз» прекратил свое существование, многие его участники были преданы суду. Заславский умер в тюрьме.

Е. О. Заславский

В 1878 г. в Петербурге была создана другая пролетарская организация — «Северный союз русских рабочих». Среди его организаторов особенно выделялись слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин. В. П. Обнорский был начитанным человеком. Он трижды бывал за границей, где изучал опыт рабочих организаций Западной Европы. Разработанная программа «Северного союза» предусматривала введение свободы слова, печати, проведения

собраний и ликвидацию политического сыска. Требование политических свобод было наиболее сильной стороной взглядов участников организации. Выдвигались и пролетарские требования: ограничение рабочего дня, запрещение детского труда. Революционные задачи «Северного союза» заключались в призывах к ниспровержению

С. Н. Халтурин**В. П. Обнорский**

«существующего политического и экономического строя», учреждению «свободной народной федерации общин», ликвидации частной собственности на землю и орудия производства. «Северный союз» насчитывал около 200 членов. Организация предприняла попытку издания нелегальной газеты «Рабочая заря», единственный номер которой вышел в 1880 г. В дальнейшем С. Н. Халтурин примкнул к «Народной воле» и увлекся террором, другие руководители союза были арестованы, и его деятельность прекратилась.

И все же активность народников в пролетарской среде, их попытки придать выступлению рабочих организованный смысл, равно как и такие же попытки «сознательных», грамотных одиночек, были исключением из правил — в массе своей движение рабочих за свои права в этот период носило стихийный характер.

Самая мощная стачка пореформенной эпохи вспыхнула 7 января 1885 г. на Никольской мануфактуре Т. С. Морозова в с. Орехове. На ней работало около 11 тыс. рабочих. В период экономического кризиса, начавшегося в 1882 г., на фабрике пять раз снижалась заработная плата. В 1885 г. ее снизили в шестой раз, причем сразу на 25 %. В то же время выросло число необоснованных штрафов. Рабочие называли Т. С. Морозова колдуном и вампиром, на которого нет управы: «задушил штрафами так, что моченьки нет, деться некуда с семьей», у него «фабрика заколдована от всяких бунтов»¹⁸. Справедливости ради надо отметить, что хозяин все-таки проявлял заботу о тружениках своей фабрики. При мануфактуре существовали аптека, двухэтажная больница на 200 коек, народное училище для детей и учебные мастерские,

П. А. Моисеенко**В. С. Волков**

библиотека, богадельня для престарелых. По желанию каждый из работников мог устроить свой огород. Однако обиды, копившиеся на хозяина годами, выплеснулись в забастовку. Вожаки рабочих П. А. Моисеенко (он уже имел опыт пролетарской борьбы), В. С. Волков, Л. И. Иванов

долго беседовали со своими товарищами (разговоры по душам, как правило, проходили в трактирах), объясняя им, что рабочим «остается одно, как можно теснее и дружнее сплотиться и общими силами повести борьбу против ненасытного вампира... Для этого у нас одно оружие — стачка»¹⁹. Стачка началась 7 января, которое было объявлено рабочим днем, хотя ранее этот день всегда был выходным. Рабочие вышли на смену, но несколько подростков отключили свет, и вся фабрика остановилась. Сразу 8 тыс. человек бросили работу и с красными флагами вышли на улицы с. Орехова. В первый день забастовка вылилась в бунт: рабочие, а некоторые из них подогрели себя спиртным, разгромили и ограбили фабричную продовольственную лавку, контору, квартиры директора и одного из ненавистных рабочим мастеров. На следующий день организаторы стачки выработали коллективные требования, включавшие 17 пунктов: отменить все штрафы, увеличить зарплату на 25 %, восстановить старые расценки, взыскивать за прогул не больше рубля, а за простой по вине хозяина платить рабочим по 40 копеек в день. Претензии высказывались не только хозяину фабрики, но и правительству. С трудом, но эти требования были переданы владимирскому губернатору. На усмирение бунта власти вызвали солдат и казаков, которые с помощью прикладов и нагаек выгнали рабочих из казарм и заставили приступить к работе. По указанию губернатора, наиболее заметных «фабричных смутьянов» арестовали, до 600 человек выслали к себе на родину (это был один из самых распространенных способов наказания забастовщиков). Над зачинщиками стачки состоялись два судебных процесса. Судебная палата приговорила П. Моисеенко и В. Волкова к трем месяцам тюрьмы. Суд присяжных отвел все пункты обвинения и оправдал рабочих.

Несмотря на это, Моисеенко и Волков, по распоряжению министра внутренних дел, были сосланы в Архангельскую губернию.

Борьба рабочих не пропала даром. После первых массовых стачек в конце 1870-х — начале 1880-х гг. были приняты законы, ставшие основой российского рабочего законодательства. Правительство в 1882 г. учредило фабричную инспекцию. Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» 1 июня 1882 г. запретил труд детей до 12-летнего возраста, а труд малолетних от 12 до 15 лет ограничивал 8 часами. Непосредственно под впечатлением Морозовской стачки 3 июня 1886 г. вышел закон, который устанавливал правила найма и увольнения, условия оплаты труда и штрафов. В частности, теперь по закону размеры штрафов не могли превышать трети заработка, а штрафные деньги не рассматривались как доход предпринимателей и должны были использоваться на нужды рабочих. Однако тот же закон устанавливал уголовную ответственность за участие в забастовках (оно каралось арестом до одного месяца).

2 июня 1897 г., после серии мощных забастовок, в ходе которых выдвигалось требование 8-часового рабочего дня, был установлен его максимум в 11,5 часа, а в ночное время — в 10 часов. Но законы и жизненные реалии далеко не всегда совпадали.

3. Плеханов и его группа «Освобождение труда», или «Новому времени новый костюм...»

Учение немецких социалистов К. Маркса и Ф. Энгельса, опирающееся на оригинальную философскую систему, соединяющую материализм и диалектику, рассматривало историю человечества как закономерную смену формаций, происходящую в результате классовой борьбы. Кульминацией последней являются социальные революции. Буржуазное общество, по мнению Маркса, тоже исторически преходящее. В результате борьбы буржуа и пролетариев оно будет уничтожено социалистической революцией. На смену ему придет социалистическое общество, не знающее частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Знакомство русского общества с идеями Маркса началось еще в середине 1840-х гг. В России распространялись отдельные

произведения, в журналах публиковались рецензии и изложения некоторых работ основоположников марксизма. В начале 1870 г. группа революционеров-эмигрантов во главе с Утиным, последователей Чернышевского, создала в Женеве русскую секцию Международного Товарищества Рабочих — Первого Интернационала и обратилась к Марксу с предложением быть ее представителем в Генеральном совете Интернационала. Русские революционеры выражали Марксу «глубокую признательность за ту помощь, которую» он оказал им «теоретической и практической пропагандой». Маркс принял предложение секции. Спустя полгода в состав Генерального совета Интернационала был введен (по инициативе Маркса) революционер Герман Александрович Лопатин — первый переводчик «Капитала» на русский язык, тесно связанный с петербургскими народническими кружками. В конце 1870 г. Лопатин прибыл в Россию для организации побега Н. Г. Чернышевского из сибирской ссылки. Дерзкая попытка Лопатина не увенчалась успехом; он был заточен в иркутский острог, откуда бежал в 1873 г. в Петербург, а затем за границу.

Среди народников незнание основных идей «Капитала» К. Маркса было равно признанию в полном невежестве. Например, члены «Земли и воли», говоря о противоположности интересов рабочих с интересами хозяев, разъясняли рабочим теорию прибавочной стоимости К. Маркса. Но народники считали учение Маркса пригодным только для Западной Европы, где гигантскими шагами шло развитие капитализма. Россия же, по их мнению, шла особым путем, и основную роль в ее экономике в дальнейшем должна была играть крестьянская община, опираясь на которую можно будет перескочить от феодализма и начальных стадий капитализма сразу к социализму. Народники были не одиноки в своем отношении к марксизму. До начала 1880-х гг., принимая отдельные положения теории Маркса, прежде всего критику капитализма, русские общественные деятели считали ее в целом не применимой к России.

В начале января 1880 г. Г. В. Плеханов и его товарищи по «Черному переделу» Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч и В. И. Засулич, спасаясь от преследования царских властей, нелегально перебрались за границу. Талантливый публицист и пропагандист, Г. В. Плеханов выделялся среди революционеров-народников серьезным отношением к теории. Он не мог не видеть несоответствие между реалиями пореформенной России и народнической доктриной. Деятельность среди рабочих

привела к изменению взглядов Плеханова и некоторых народников на значение рабочего движения. «Вопрос о городском рабочем, — писал Плеханов, — принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнью, самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей». В конце 1870-х гг. Плеханов уже был знаком с экономической теорией Маркса. Например, в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879 г.) он отмечал, что «у автора “Капитала” социализм является сам собою из хода экономического развития западноевропейских обществ». Хотя в то время Плеханов оставался, по собственному признанию, «народником до конца ногтей».

Г. В. Плеханов

За границей Плеханов и его товарищи обосновались в Женеве, где существовала довольно большая русская колония, имевшая библиотеку с читальным залом, в котором регулярно устраивались собрания, делались доклады и происходили дискуссии. Плеханов сразу приступил к серьезному изучению трудов по теории социализма, в том числе работ Маркса и Энгельса (для этого он специально выучил немецкий язык). Его записная книжка за 1880–1882 гг. содержит около 144 названий книг, сборников, журнальных статей по экономическим, философским, юридическим и политическим вопросам. Так, Плеханов был в восторге от книги Ф. Энгельса против немецкого философа Е. Дюринга («Анти-Дюринг»), поскольку нашел в ней наиболее цельное и обобщенное изложение трех основных частей марксизма — диалектического и исторического материализма, политической экономии и учения о социализме и коммунизме. Он называл ее классическим трудом и говорил, что «она очень многое выясняет для понимания научного социализма»²⁰.

Эту книгу Ф. Энгельса Плеханов читал на языке оригинала вместе со своей женой Розалией Марковной, которая приехала к нему в Женеву в середине июня 1880 г. С конца этого года и до осени 1881 г. они жили в Париже и его окрестностях, а затем вновь вернулись в Швейцарию, где жизнь была дешевле, чем во Франции. В мае 1881 г. у них родилась дочь Лидия (в честь казненной 4 апреля Перовской девочке

решили дать второе имя — Софья), а в 1883 г. — Евгения. В материальном отношении им приходилось очень трудно. Плеханов зарабатывал в основном тем, что давал частные уроки русского языка в одной богатой русской семье. Помогали друзья, особенно П. Л. Лавров, и эта помощь несколько облегчала положение. Плеханов почти ежедневно посещал Национальную библиотеку в Париже или библиотеку Св. Женевиевы. Вечера он проводил дома за книгой или посещал рабочие собрания с неизменным выступлением на них социалистов.

Процесс замены народнической социалистической доктрины марксизмом совершался постепенно, незаметно. Сам Плеханов говорил, что летом 1880 г. он был «уже едва ли не на половину социал-демократом...»²¹. На политические взгляды Плеханова и его товарищей оказывали влияние не только произведения основоположников научного коммунизма, но и их критические высказывания в адрес чернопеределцев, время от времени доходившие от лиц, бывших в близких отношениях с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Например, в известном письме к Ф. А. Зорге от 5 ноября 1880 г. Маркс резко критиковал чернопеределцев за их отказ от «всякой революционно-политической деятельности», за их мечты о том, что «Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай»²².

По собственному признанию Плеханова, эпохой в его жизни стало чтение «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Он «тотчас же решил его перевести на русский язык», что окончательно закрепило его решение стать марксистом. При переводе Плеханову пришлось заняться выработкой научной марксистской терминологии, поскольку первый перевод «Манифеста», сделанный, как полагают, М. А. Бакуниним в 1869 г., имел существенные недостатки: перевод текста нередко давался приблизительный и с ошибками, целый ряд терминов был переведен на русский язык неадекватно. (Например, понятие «класс» переводилось как «сословие», «классовые противоречия» как «сословные различия», «открытое восстание» заменялось словом «бунт» и т. д.) В конце 1881 г. Плеханов приступил к переводу «Манифеста». По его просьбе, переданной через П. Л. Лаврова, К. Маркс написал предисловие к русскому изданию. В нем говорилось о возможности сокращенного, минуя капиталистическую стадию, пути продвижения России к социализму: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная

собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»²³. Русский перевод «Манифеста» вышел из печати в мае 1882 г. В предисловии Плеханов выдвинул в качестве насущной задачу создания организации русского рабочего класса.

Г. В. Плеханов и его товарищи попытались убедить народолюбцев в необходимости признания научного социализма. Однако, убедившись в тщетности своих попыток, решили основать самостоятельную марксистскую организацию. 10 сентября 1883 г. Дейч достиг договоренности со старым русским эмигрантом А. Д. Трусовым о покупке у него в рассрочку шрифта и наборного станка за 2000 франков. Деньги на это предоставил В. Н. Игнатов. Участники группы долго обсуждали, как назвать будущую организацию. Во второй половине сентября в Женеве, в кафе на берегу речки Арвы собрались Г. В. Плеханов с супругой, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов. На этом совещании было принято решение назвать группу «Освобождение труда» и открыто заявить о своем существовании, опубликовав объявление об издании «Библиотеки современного социализма». Объявление было написано Плехановым и вышло из печати 30 сентября 1883 г. в виде брошюры малого формата в восемь страниц. В объявлении говорилось о том, что «бывшие члены группы “Черного передела”... окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями» и излагались основные принципы всей деятельности группы «Освобождение труда»: 1) распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений Маркса и Энгельса; 2) критика взглядов народничества и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России. Так закончилось оформление первой российской организации революционных марксистов.

Первые шаги группы «Освобождение труда» были сопряжены с немалыми трудностями, прежде всего финансовыми. Средства для работы типографии складывались из частных пожертвований. В 1887 г. случилось большое событие — одесские рабочие прислали около 20 рублей. Это был первый взнос из России. Бывали и неудачи. Группа теряла людей: в 1884 г. при попытке переправить в Россию транспорт с нелегальной литературой был арестован Л. Г. Дейч (до 1900 г. он находился в ссылке), в 1885 г. скончался от туберкулеза В. Н. Игнатов. Вся работа легла на плечи оставшихся трех человек. Сам Плеханов

страдал не только от постоянного безденежья — с 1887 г. и до конца жизни он болел туберкулезом легких, его организм чутко реагировал на весенние и осенние перепады погоды. Врачи предрекали Плеханову скорую смерть, но он выжил благодаря заботам и материальной помощи друзей. В дальнейшем большую роль в поддержании здоровья Плеханова сыграла его жена — врач по профессии. Тяжелым ударом для них стала смерть любимой маленькой дочери Маши в начале 1894 г. Лишь в середине 1890-х гг. семья Плехановых обрела материальный достаток и относительный покой.

Другой проблемой являлось то обстоятельство, что почти все участники русского революционного движения вначале осуждали бывших чернопередельцев «за измену старым заветам» и относились к идеям новой группы почти враждебно. Основные принципы, которыми руководствовалась группа «Освобождение труда», были изложены Плехановым в работе «Социализм и политическая борьба» (1883). В ней с позиций последовательного марксизма рассматривались проблемы классовой борьбы. Плеханов доказывал значение революционной теории в освободительном движении. «Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»²⁴. Пока русское революционное движение будет находиться во власти догм старой, народнической теории, у него не будет перспектив, «потому что, как сказал еще Гейне... Новому времени новый костюм / Потребен для нового дела»²⁵.

Отвечая своим критикам из народнического лагеря, Г. В. Плеханов в начале 1885 г. выпустил новую книгу — «Наши разногласия». В ней давалась развернутая критика всей системы взглядов и программных положений революционного народничества. М. Горький в автобиографической повести «Мои университеты» образно передал обстановку, в которой происходило обсуждение книги Г. В. Плеханова в одном из нелегальных кружков Казани. «В городе ходила по рукам какая-то волнующая книжка, ее читали и ссорились... Комната — пустая, без мебели, только — два ящика, на них положена доска, а на доске — как галки на заборе — сидят пятеро людей. Лампа стоит тоже на ящике, поставленном “попом”. На полу у стен еще трое и на подоконнике один, юноша с длинными волосами, очень тонкий и бледный. Кроме него и бородача, я знаю всех. Бородатый басом говорит, что он будет читать брошюру “Наши разногласия”, ее написал Георгий Плеханов, “бывший народо-волец”.

Во тьме на полу кто-то рычит:

— Знаем!..

Чтение длится утомительно долго, я устаю слушать, хотя мне нравятся острые и задорные слова, легко и просто они укладываются в убедительные мысли.

Как-то сразу, неожиданно пресекается голос чтеца, и тотчас же комната наполнилась возгласами возмущения:

— Ренегат!

— Медь звенящая!..

— Это — плевок в кровь, пролитую героями.

— После казни Генералова, Ульянова...

И снова с подоконника раздается голос юноши:

— Господа, — нельзя ли заменить ругательства серьезными возражениями, по существу?..

Юноша, наклоняясь с подоконника, спрашивает меня:

— Вы — Пешков, булочник? Я — Федосеев. Нам надо бы познакомиться. Собственно — здесь делать нечего, шум этот — надолго, а пользы в нем мало. Идемте?»²⁶.

В книге «Наши разногласия» и других работах Плеханов доказывал, что капиталистические отношения глубоко проникли во все сферы хозяйства России и, следовательно, надежды на самобытный путь развития страны бесперспективны. (Заметим, однако, что на тот момент Плеханов преувеличивал степень развития капитализма в стране и поэтому его анализ экономического положения России не во всем соответствовал действительности.) Роль гегемона (идейного и политического руководителя) освободительного движения в России Плеханов безоговорочно отдавал пролетариату, а не крестьянству. Выступая в 1889 г. на Парижском конгрессе II Интернационала, он заявил, что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!»²⁷ Плеханов четко сформулировал основную цель: «Возможно, более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России»²⁸. Он доказывал, что Россия стоит перед необходимостью осуществления сначала буржуазно-демократической революции, а через определенный период должна произойти социалистическая революция, в результате которой будет установлена власть рабочего класса.

В деле пропаганды марксистских идей группа «Освобождение труда» как родоначальница российской социал-демократии добилась многого. За 20 лет своей деятельности она издала свыше 250 марксистских работ. С Плехановым и его группой искали связи и сотрудничества молодые социал-демократические группы, появившиеся в самой России. Плеханов с товарищами поддерживал тесные контакты с лидерами рабочего движения стран Западной Европы. В то же время говорить о каком-либо влиянии группы «Освобождение труда» на рабочую массу в самой России не приходится. Рабочее движение в это время развивалось без всякой связи с социал-демократией.

4. Рождение русского марксизма

В конце 1883 г., почти одновременно с группой «Освобождение труда», в Петербурге образовалась первая группа социал-демократов, которой руководил студент Петербургского университета, участник национально-освободительного движения в Болгарии Димитр Благоев. В 1884 г. организация, в которую входили в основном студенты университета и Технологического института, стала именовать себя «Партией русских социал-демократов». Независимо от Плеханова группа Благоева отвергла народнический тезис о самобытности экономического развития России и признала тот факт, что капитализм «у нас уже зародился и растет». В ее программе подчеркивалось, что кадровые рабочие «должны послужить ядром политической силы народа». Поэтому блagоевцы стремились вести социал-демократическую пропаганду среди рабочих. В их кружках насчитывалось более 100 петербургских пролетариев. Группе Благоева удалось издать два номера газеты «Рабочий», в которых были помещены статьи Плеханова и Аксельрода — с ними блagоевцы установили контакт в 1885 г. В том же году был арестован и выслан на родину Благоев. В марте 1887 г. в связи с делом А. И. Ульянова и других «первомартовцев» полиция арестовала и других активистов группы, и она прекратила свое существование.

В условиях конспирации марксистские кружки нередко возникали параллельно, независимо друг от друга. Так случилось с группой П. В. Точисского. Примечательна его судьба. Выходец из дворянской семьи, он бросил гимназию и в 19 лет поступил

рабочим в Екатеринбургские железнодорожные мастерские. Социал-демократом Точисский стал в Петербурге, куда приехал осенью 1894 г. Здесь он работал на заводе Берда и одновременно учился в ремесленном училище. В конце 1885 г. из числа рабочих он организовал группу, которая получила название «Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых». Наряду с распространением нелегальной литературы на крупнейших предприятиях Петербурга члены группы собирали средства в помощь ссыльным и политзаключенным.

После разгрома группы Точисского в 1888 г. некоторые ее участники на базе студенческих кружков создали в 1889 г. новую организацию — «Социал-демократическое сообщество», которой руководили два студента — М. И. Бруснев из Технологического института и В. С. Голубев из Санкт-Петербургского университета.

В конце 1880-х гг. студенты, носители радикальных идей, часто объединялись в так называемые землячества, имевшие свои кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки для изучения наук. Остатки революционных кружков пытались использовать землячества в своих целях. Всякий «прогрессивный» студент считал для себя обязательным прочесть всю запретную литературу — произведения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова, нелегальные издания «Народной воли». Например, студент Петербургского технологического института Л. Б. Красин, перед тем как вступить в организацию Бруснева, весной 1890 г. подготовил для своих земляков из Тюмени реферат по первой и второй главам «Капитала». Как вспоминал Красин, конспект превзошел «по объему во много раз» сам оригинал, «так как трудный и сжатый язык Маркса я старался сделать понятным для своих не очень искушенных в философии товарищей»²⁹. Популярность марксизма среди студентов Технологического института в конце 1880-х — начале 1890-х гг. можно объяснить особенностями учебной программы. Студенты хотели видеть себя в будущем гражданами новой, экономически развитой России. Они воспринимали труды Маркса, посвященные анализу развития капитализма, как неопровержимое доказательство того, что новая система отношений, новое общество неизбежно возобладают над старым.

Группа Бруснева ставила своей задачей готовить пропагандистов из среды самих рабочих. В группе существовала строгая конспирация: новички общались лишь с одним или двумя членами кружка, не зная ни адресов, ни прозвищ остальных участников группы.

М. И. Бруснев поддерживал связи с руководителями рабочих кружков Петербурга.

Уже в 1890 г. в Петербурге было создано 20 кружков, в которых занятия с рабочими проводили студенты-интеллигенты. В одном из них таким пропагандистом был Л. Б. Красин. Он вспоминал, как, прежде чем явиться к рабочим, товарищи дали ему конспиративную кличку «Никитич». Затем на квартире Бруснева состоялся обряд переодевания: Красин сменил «свою студенческую одежду на высокие сапоги, косоворотку, какое-то поношенное пальто и шапку, надвинутую по самые брови, выпачкал себе руки и немного лицо сажей из печной трубы, чтобы придать себе вид мастерового»³⁰ и в таком виде отправился в путь. Занятия с рабочими проходили на квартире рабочего Федора Афанасьева. В кружке было 6–7 рабочих. Конспирация была необходима, так как сам факт посещения студентами квартир рабочих вызывал подозрение у полиции. Проще всего было самому Михаилу Брусневу, который происходил из донских казаков. Он, по свидетельству Л. Б. Красина, «совершенно не имел того интеллигентского вида, который другим... несколько мешал»³¹ при общении с рабочими.

Студенты обсуждали с рабочими проблемы истории и политической экономики, политики и общественной жизни. Один из них, рабочий А. А. Соловьев, вспоминал: «В глухой темной Гавани, в тесной комнатухе изучали законы вселенной, законы человеческого общества... В кружке занимались космографией и дарвинизмом, читали Манифест, брошюры Плеханова, издания группы “Освобождение труда”»³².

Весной 1891 г. группа Бруснева приняла участие в похоронах писателя-демократа Н. В. Шелгунова, превратившихся в многолюдную политическую демонстрацию. Неожиданным стало появление нескольких десятков рабочих, которые несли металлический венок с красной лентой и с надписью, составленной самими рабочими: «Указателю пути к свободе и братству». На следующий день власти выслали из столицы некоторых студентов — участников демонстрации, в том числе Л. Б. Красина и его брата.

А через две недели, 1 мая 1891 г., за Невской заставой Петербурга, на берегу реки Екатерингофки сто рабочих из брусневских кружков провели первую маевку. Полиция не успела разогнать собравшихся. И произнесенные здесь речи рабочих Ф. А. Афанасьева,

Н. Д. Богданова и В. И. Прошина были отпечатаны на гектографе, а затем изданы группой «Освобождение труда» и широко распространялись среди демократической публики. В 1892 г. такие же тайные маевки устраиваются в Вильне и Туле.

Весной–летом 1892 г. полиции удалось арестовать ядро организации брусневцев, к дознанию было привлечено 38 человек. Суд приговорил М. И. Брусневу к одиночному заключению в «Крестах» на четыре года с высылкой затем на 10 лет в Восточную Сибирь. Из ссылки он вернулся лишь в 1904 г. и в политической деятельности больше не участвовал.

С 1882 г. активная пропаганда марксизма велась в Польше. В конце 1880-х гг. марксистские конспиративные кружки и группы, не связанные между собой, появлялись и в других регионах страны. Большую роль в пропаганде марксизма в Поволжье сыграл Николай Евграфович Федосеев и его кружок, возникший в Казани в конце 1887 — начале 1888 г. Вокруг федосеевцев группировалось несколько низовых кружков. В один из них вступил Владимир Ильич Ульянов (Ленин) после возвращения из ссылки (из деревни Кокушкино, куда он был выслан под гласный надзор полиции за участие в сходке студентов Казанского университета). Для начинающих марксистов 17-летний Федосеев составил программу, в которой в систематизированном виде представил список литературы по самым различным вопросам, в том числе по философии, политэкономии, истории, естествознанию, а также перечень актуальной художественной литературы. Все это должно было способствовать выработке не только научного, но и социально-этического «цельного мировоззрения».

В 1908 г. на Капри Ленин в разговоре с Горьким отметил, что «лучшего пособия в то время никто бы не составил»³³ и именно эта работа Федосеева, содержащая помимо Маркса и Энгельса конспект основных изданий группы «Освобождение труда», оказала ему «огромную услугу» и открыла «прямой путь к марксизму». Ленин всегда уважительно называл Федосеева только по имени и отчеству, а в 1922 г. написал, что «для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»³⁴.

Н. Е. Федосеев

Социал-демократические группы рубежа 1880–1890-х гг. действовали короткое время, обычно не более двух лет. Полиция быстро выслеживала их. Попытки связать отдельные кружки, ведущие пропаганду в разных городах, оказывались неудачными и лишь вели к провалу, побуждая пропагандистов более тесно замыкаться в своем кругу, чтобы не пасть жертвой жандармской провокации. А эта замкнутость, в свою очередь, сужала размах деятельности социал-демократических групп, которые порознь не имели ни сил, ни средств придать своей работе сколько-нибудь широкий характер. К тому же рабочие и интелли-

гентские марксистские кружки продолжали существовать раздельно. В таких кружках большинство рабочих воспринимали марксистское учение упрощенно. Поэтому в течение нескольких лет успех социал-демократов в пролетарской среде был ничтожен.

В 1890-е гг. многие русские интеллигенты увлекались марксизмом, в том числе большинство мыслителей, будущих либералов — П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. П. Булгаков и другие. В марксизме интеллигенция искала ответы на два насущных вопроса: как завоевать политическую свободу и как поднять экономическую жизнь страны на более высокий уровень? Литературовед и публицист народнического направления Р. В. Иванов-Разумник констатировал: «Начиная с 1893–1894 гг., волна русского марксизма нарастает со сказочной быстротой»³⁵. Во многом этому способствовал голод 1891–1892 гг., поразивший 29 губерний, в которых голодало 35 млн человек. Голодной смертью тогда умерли 600 тыс. человек. Бедствие вызвало большое оживление среди демократической интеллигенции, стремившейся прийти на помощь голодающей деревне. В сборе средств для голодающих принимали участие Л. Н. Толстой, А. И. Чехов, В. Г. Короленко и другие видные деятели русской культуры. Было собрано свыше 151 млн рублей. По признанию Струве, марксистом он стал «не в результате книжных влияний» и чтения «Капитала», его «марксистом гораздо больше сделал голод»³⁶. Мыслящая часть общества была убеждена, что плачевное и безвыходное состояние крестьянства является следствием общей экономической и культурной отсталости страны.

В то же время развитие капитализма в России, утверждение парламентского строя и расширение демократических свобод в Западной Европе делали приоритетным в общественном сознании западный путь развития. Как отмечал Франк, марксизм на рубеже веков в России «был... западнической реакцией против типично русского славянофильски окрашенного “народничества”, мечтавшего об особом русском пути к социализму»³⁷.

По признанию Н. А. Бердяева, «по сравнению с марксизмом старый русский социализм мне представлялся явлением провинциальным. Марксизм конца 90-х годов был несомненно процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор»³⁸. По мнению С. Н. Булгакова, марксизм был для общественного сознания шагом вперед, выходом «из томительного удушья 80-х годов». Таким образом, марксизм внушал чувство уверенности, оптимизма, что Россия не останется полуазиатской «окрайной» Европы, а превратится в современную страну со всеми присущими Западу демократическими ценностями (парламентаризм, свобода слова, собраний, печати, партий, союзов и т. д.). И если социализм — общество будущего — возможен, как считал П. Б. Струве, «то только через капитализм как зрелый и законченный период последнего»³⁹.

Правительство и охранительные органы пока что мало интересовались движением социал-демократии. Их тревожили призраки народовольческого террора, кипение либеральных земств, крестьянское антипомещичье движение. Мало кто подозревал, что главные неприятности самодержавия вскоре будут связаны с людьми, занимающимися философией, политэкономией и социологией марксизма.

Примечания

- ¹ См.: Твардовская В. А. Александр III // Российские самодержцы. М., 1994. С. 238.
- ² 1 марта 1887 г. М. -Л., 1927. С. 362.
- ³ См.: Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 112.
- ⁴ Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 283.
- ⁵ См.: Захарова Л. Г. Александр II // Российские самодержцы... С. 191.
- ⁶ См.: Троицкий Н. А. Россия в XIX веке: Курс лекций. М., 1997. С. 299.
- ⁷ «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX — начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 1999. С. 345.
- ⁸ Там же. С. 349.
- ⁹ Там же. С. 351.
- ¹⁰ Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. М., 1950. Т. II, ч. 2, с. 263.
- ¹¹ Фигнер В. Шлиссельбургские узники 1884–1905 гг. Биографические очерки. М., 1920. С. 55–56.
- ¹² И. С. Джабадари. «Процесс 50-ти» (Всероссийская социально-революционная организация) 1874–1877 гг. // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге / Сост. В. Н. Гинев. Л., 1986. С. 217.
- ¹³ Моисеенко П. А. Воспоминания. 1873–1923. М., 1924. С. 17
- ¹⁴ Там же. С. 18–19.
- ¹⁵ Цит. по: Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: От народничества к марксизму. Воронеж, 1990. С. 43.
- ¹⁶ Из воспоминаний Р. М. Плехановой «Моя жизнь» // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 108–109.
- ¹⁷ См.: Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: От народничества... С. 58.
- ¹⁸ Моисеенко П. А. Воспоминания. С. 57, 58.
- ¹⁹ Там же. С. 62.
- ²⁰ См.: Дейч Л. Как Г. В. Плеханов стал марксистом // Пролетарская революция. 1922. № 7. С. 128.
- ²¹ Плеханов Г. В. Сочинения. М. -Л., 1922–1927. Т. 13. С. 26.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 380.
- ²³ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 89.
- ²⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956. С. 95.
- ²⁵ Там же. С. 95.
- ²⁶ Горький М. Собр. соч. М., 1951. Т. 13. С. 565–566.
- ²⁷ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 4. С. 54.; История КПСС. Т. 1. С. 142.
- ²⁸ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 364.
- ²⁹ Красин Л. Б. Дела давно минувших дней. М., 1925. С. 11–12.

- ³⁰ Там же. С. 18.
- ³¹ Там же. С. 17–18.
- ³² Казакевич Р. А. Социал-демократические организации Петербурга конца конца 80-х — начала 90-х годов (кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960. С. 143.
- ³³ См.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993. С. 493–494.
- ³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324–325.
- ³⁵ Цит. по: Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 533.
- ³⁶ Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910). СПб., 1911. С. 409–410.
- ³⁷ Цит. по: Гнатюк О. Л. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998. С. 31.
- ³⁸ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 108.
- ³⁹ Струве П. Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 388.

II

глава

Марксисты объединяются (1895–1903 гг.)

В 1895 году Ленин объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки... в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этим он подготовил создание революционной марксистской рабочей партии... Ленин до конца разоблачил истинное лицо народников, как фальшивых «друзей народа», идущих на деле против народа... Но в то же время Ленин со всей резкостью критиковал «легальных марксистов», разоблачая их либерально-буржуазное нутро... Ленин стал громить «экономистов» с первых же дней их появления... Основную борьбу против «экономизма», за создание самостоятельной политической партии пролетариата провела организованная Лениным нелегальная газета «Искра».

История ВКП(б): Краткий курс

1. Владимир Ульянов: начало пути. 1890-е гг.

К середине 1890-х гг. закончился первый, по словам Ленина, «утробный» период развития российской социал-демократии. Начало нового периода совпало с ростом стачечного движения, толчком к которому послужило ухудшение условий труда, вызванное притоком безработных из деревни после голода 1891–1892 гг. Если в 1895 г. рабочие в разных формах проявляли свое недовольство 350 раз (в забастовках участвовало 80 тыс. рабочих), то в 1899 г. было зафиксировано 880 разного рода выступлений, в которых приняло участие 163 тыс. человек.

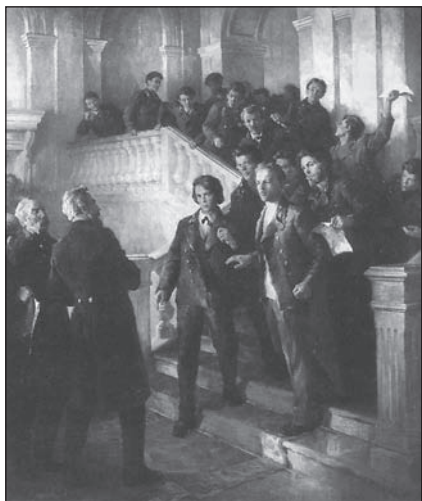
Пролетарское движение этого периода проявлялось преимущественно в экономической борьбе. На первом месте в требованиях рабочих стояли удвоение оплаты труда и сокращение рабочего дня. Их возмущало и то, что зарплату им выдавали не деньгами, а товарами, или что их рабочий день произвольно удлинялся путем сокращения

времени на обед и т. д. Кроме того, они все чаще протестовали против неуважительного отношения к ним хозяев предприятий и фабрично-заводской администрации. Однако рабочие не поднимали вопроса о своих политических правах, не пытались претендовать на участие в государственном управлении. Тем большее негодование вызывали у них те свирепые меры, которыми правительство старалось подавить их борьбу за улучшение условий труда.

Наиболее показательной в этом отношении стала стачка на Ярославской Большой мануфактуре Корзинкина, которая произошла в апреле 1895 г. Здесь впервые в царствование Николая II была пролита кровь рабочих. После того, как семитысячная толпа стачечников потребовала освободить арестованных «зачинщиков», губернатор вызвал Фанагорийский гренадерский полк, стоявший в Ярославле. По приказу офицеров, солдаты открыли огонь по бастующим. Рабочие оборонялись камнями. При этом 13 человек были убиты. За этот «подвиг» Николай II объявил «солдатушкам» благодарность, написав на рапорте командира полка об этой расправе: «Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков». Эти циничные слова облетели всю страну.

Получили известность и другие слова Николая II, сказанные им 17 января 1895 г. на торжественном приеме представителей земств, городов и сословий, прибывших в Зимний дворец по случаю бракосочетания царя. Тогда он заявил: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный родитель»¹. Царь предостерег против «бессмысленных мечтаний об участии представителей земства в делах внутреннего управления». Это был ответ нового императора тверскому земству, намекнувшему на возможность конституционной перспективы.

Когда император произносил эти слова, в Петербурге «дебютировал» на революционном поприще человек, которому было суждено сыграть решающую роль в истории России XX в., в частности в становлении большевизма, — Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Он родился 10 (22) апреля 1870 г. в Симбирске. Его отец Илья Николаевич Ульянов был инспектором, а затем и директором народных училищ Симбирской губернии. В 1877 г. ему был присвоен чин действительного статского советника, равный по табели о рангах генеральскому

В. И. Ульянов
в Казанском университете

ка, окончил гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Казанского университета. В то лето 1887 г. случилось еще одно важное для Ульянова событие — он заново прочитал роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», который его, по собственному признанию, «всего глубоко перепахал». 4 декабря 1887 г. студент Владимир Ульянов принял самое активное участие в студенческой сходке в Казанском университете. Согласно донесению попечителя университета министру просвещения И. Д. Делянову, В. Ульянов «бросился в актовЫй зал в первой партии и вместе с Полянским первыми неслись с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других»². В ночь на 5 декабря он был арестован и вместе с 40 другими студентами помещен в пересыльную тюрьму. Когда в камере среди общего веселья кто-то предложил провести опрос товарищей по заключению, кто что думает предпринять после освобождения, Владимир ответил: «Мне что ж думать... Мне дорожка проторена старшим братом»³. За участие в сходке В. И. Ульянов был выслан на год в имение матери в деревню Кокушкино. Во время этого вынужденного отдыха молодой Ульянов усиленно занимался самообразованием, читал Чернышевского и знакомился с марксизмом. В сентябре 1888 г. Ульянов вернулся в Казань и вступил в один из

званию и дававший право на потомственное дворянство. Демократ по убеждениям, И. Н. Ульянов видел свой жизненный долг в служении народу. Все его дети приняли участие в революционном движении, а старший — Александр — был казнен 8 мая 1887 г. за подготовку цареубийства. Смерть старшего брата и его товарищей глубоко потрясла юного Владимира Ульянова. В эти дни он сдавал выпускные экзамены на аттестат зрелости и, несмотря на приобретенную в глазах властей и обывателей крамольную репутацию брата государственного преступника,

кружков, которые группировались вокруг Федосеева. Именно тогда он начал становиться марксистом. Осенью 1889 г. семья Ульяновых поселилась в Самаре. Несмотря на многочисленные просьбы Владимира и его матери Марии Александровны, власти не давали Ульянову возможности поступить в университет ни в России, ни за границей. Лишь весной 1890 г. он получил разрешение сдать экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета. За все ответы на экзаменах он получал одну оценку: «весьма удовлетворительно», то есть высший балл. В Самаре для В. И. Ульянова период «саморазвития» закончился. Теперь он и его товарищи-марксисты, которые, видимо, тогда впервые стали называть Ульянова «стариком», жаждали настоящего «дела». Старшая сестра В. И. Ульянова Анна Ильинична вспоминала, что Владимир «не захотел основаться в Москве, куда направились вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет младшим братом Митей... Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре — Питере»⁴. 31 августа 1893 г. В. И. Ульянов приехал в Петербург.

В середине 1890-х гг. в Петербурге действовали две социал-демократические группы. Одна получила название группы «стариков». В эту группу входили студенты Технологического института Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, а также С. И. Радченко, Н. К. Крупская и др. Именно в эту группу вошел, а вскоре стал играть в ней ведущую роль В. И. Ульянов.

Кроме социал-демократических групп в столице действовала «Группа народовольцев» (М. С. Ольминский, М. Я. Сущинский, А. А. Федулов, А. А. Ергин). Она располагала тайной типографией, печатала «летучие листки». Марксисты и народники соперничали между собой за умы рабочих. А рабочие, сохраняя самостоятельность своих кружков и приглашая к себе «интеллигентов-просветителей», по словам питерского пролетария Василия Шелгунова, «чувствовали себя “дичью”, на которую охотились с двух сторон: народовольцы и марксисты»⁵. Кружковцы нередко приглашали на занятия и тех и других, слушали их споры, а потом самоопределялись. В конечном итоге победу в этих словесных баталиях одержали социал-демократы.

В 1880–1890-х гг. на смену народникам — бунтарям и заговорщикам — пришли либеральные народники. Разделяя идею своих предшественников об особом, некапиталистическом пути развития России, либеральные народники отличались неприятием насильственных методов борьбы. Их духовным лидером был Н. К. Михайловский (его называли «властителем дум»), который в 1892 г. возглавил журнал «Русское богатство». Под его руководством это издание стало одним из самых популярных органов печати России. Михайловский полагал, что при капитализме человек становится все более и более эгоистичным, это препятствует прогрессу личности, а стало быть, и общества в целом. Выход он видел в сознательной борьбе против зла капитализма, которую ведут нравственные личности. Сотрудники «Русского богатства» С. Н. Кривенко и С. Н. Южаков сформулировали «теорию малых дел». Она подразумевала отказ от политической деятельности, от попыток в короткий срок изменить общественно-политический строй страны и призывала интеллигенцию к «черной» и внешне малозаметной работе по повышению культурного и материального уровня простого народа. По их мнению, пока социализм оставался отдаленным идеалом будущего, нужно было посредством «малых дел» хотя бы поддержать «на плаву» гибнущее крестьянское хозяйство.

Другими известными идеологами либеральных народников были Н. Ф. Даниельсон и В. П. Воронцов, более знакомые читающей публике под псевдонимами Николай-он и В. В. В. П. Исследования Воронцова, автора около 30 книг по проблемам социально-экономического развития России, были построены на основе анализа обширного статистического материала. Он полагал, что капитализм в России — явление искусственное, насаждаемое «сверху» правительством, так как для его успешного развития в стране не было важнейших условий — внешнего и широкого внутреннего рынков. Воронцов надеялся на возможность некапиталистического пути развития страны. Он доказывал неприменимость марксистской теории к России, полагая даже, что распространение ее постулатов на Россию, развивающуюся самобытным путем, является оскорблением памяти Маркса.

В. И. Ульянов быстро завоевал авторитет среди петербургских марксистов критикой либерального народничества. В начале ноября 1893 г. он выступил на многолюдном собрании марксистского кружка в связи с рефератом лидера группы студентов-технологов Германа

Красина на тему «Вопрос о рынках». Критикуя взгляды либеральных народников, В. И. Ульянов призвал своих товарищей исходить не из голых схем и абстракций, а из анализа российской действительности. Он доказывал, что капиталистические отношения уже проникли в деревню, и поэтому там полным ходом идет процесс расширения товарного производства, расслоения крестьянства и его пролетариатизации. В заключение В. И. Ульянов сказал: «Мы должны заботиться не о рынках, а об организации рабочего движения в России, о рынках же позаботится наша буржуазия»⁶.

В начале января 1894 г., на Рождество, В. И. Ульянов гостил у родных в Москве. На одном конспиративном собрании, проходившем под видом студенческой вечеринки, он со свойственной ему полемической резкостью обрушился на одного очень солидного народника, плотного, с лысиной блондина, к которому молодежь обращалась очень почтительно. Агент охраны, присутствовавший, как обычно, на этом «секретном» мероприятии, доложил своему начальству, что защиту взглядов марксистов «принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела»⁷. Но когда, в конце вечеринки, Ульянов узнал от знакомой, что его оппонент, тот самый «солидный народник», был не кем иным, как самим В. П. Воронцовым — знаменитым В. В., то, по словам Ю. О. Мартова, «он переконфузился и сбежал с собрания».

Речь Ульянова имела успех. Теперь имя «петербуржца» было у всех на устах. Когда он вернулся в столицу, товарищи стали просить его дать ответ Михайловскому на его статьи в «Русском богатстве», направленные против марксистов. Весной и летом 1894 г. Ульянов завершил работу над статьей «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов)». Подготовительным материалом для этой работы явились его самарские рефераты. Петербургские марксисты не имели возможности издать работу типографским способом, и ее размножили на гектографе. Книга состояла из трех выпусков: первый был посвящен критике взглядов Михайловского, второй — политико-экономическим воззрениям Южакова (второй выпуск до сих пор не найден), третий — критике Кривенко.

В центре внимания оказались те же вопросы, которые в свое время были поставлены Плехановым: судьба капитализма в России,

общественно-политические теории в новых условиях, положение различных классов, сословий. Для Ульянова (Ленина) капиталистическое развитие страны было объективной реальностью. Он не сомневался в том, что «капитализм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне и вообще везде на Руси»⁸. В то же время, стремясь доказать «полнейшее господство капитала в деревне», он явно забегал вперед, выдавая желаемое за действительное. Что касается народничества, то оно, по мнению Ульянова, попросту выродилось в «культурнический оппортунизм... выражающий только интересы мелкой буржуазии», «радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства»⁹.

Ульянов исключал саму мысль о наличии в крестьянской среде социалистических взглядов. Для него единственно последовательным сторонником социалистических идей являлся пролетариат. Крестьянство он рассматривал в лучшем случае как необходимого и временного союзника, поддержка которого являлась одним из условий победы рабочего класса. «...Русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»¹⁰ — так звучала ленинская мысль. Книга заканчивается словами, которые до недавнего времени считались «вдохновенным пророчеством»: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»¹¹.

Книга Ульянова (Ленина) произвела сильное впечатление. Ее читали в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Владимире, Пензе, Ростове-на-Дону, Вильно, Киеве, Томске и других городах. По словам Н. А. Семашко, она была для них «настоящим евангелием. Мы... изучили ее почти наизусть»¹². Спустя много лет Ю. О. Мартов

вспоминал: «После академической полемики Струве, от брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и политических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью и плебейской грубостью, напоминавшей о временах демократической полемики 60-х годов. Несмотря на некоторую тяжеловесность изложения, плохую архитектонику статей и отдельные скороспелые мысли, брошюра обнаружила и литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не удалось узнать, кроме того, что брошюра вышла, по-видимому, из группы “стариков”; лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ульянова»¹³.

2. «Попутчики» Ульянова, или Многоликий «русский марксизм»

В критике либерального народничества В. И. Ульянов был не одинок. Мартов не случайно вспомнил Петра Бернгардовича Струве, сына губернатора, внука известного астронома — создателя Пулковской обсерватории. Ровесник Владимира Ульянова, Петр Струве заканчивал юридический факультет Петербургского университета и участвовал в марксистских образовательных кружках с целью «найти правду» марксизма. Еще до выхода книги Ульянова, в конце 1893 г. в органе немецкой социал-демократии появилась его критическая статья «К вопросу о капиталистическом развитии в России» по поводу вышедшей в свет книги Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Статья вызвала оживленную полемику, и на Струве набросились все видные теоретики либерального народничества. В это время в Петербурге вокруг известной в прошлом участницы народовольческого движения А. М. Калмыковой сложился так называемый марксистский салон, в котором Струве играл заметную роль. (После смерти отца Петр Струве жил у Калмыковой на правах приемного сына, но в то же время, несмотря на разницу в возрасте в 21 год, они стали любовниками, тщательно скрывая эту связь.) Другой видной фигурой «салона» был М. И. Туган-Барановский.

В сентябре 1894 г. А. М. Калмыкова выпустила книгу Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», в которой выражалось сомнение в правильности выводов Маркса о крушении капитализма в результате обнищания пролетариата. Признавая марксистскую критику капитализма, Струве видел в нем «не только зло, но и могущественный фактор культурного прогресса — фактор не только разрушительный, но и созидательный»¹⁴. Движение к социализму в его представлении было возможно только через капитализм как «зрелый и законный плод последнего». Отсюда он призывал «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму»¹⁵. Книга была издана легально и сразу приобрела популярность, ее читали даже министры, а заключительные слова о «нашей некультурности» повторяли всюду.

Признанный авторитет В. И. Ульянова в среде петербургских социал-демократов-«нелегалов» и его критика народников заинтересовала участников марксистского «салона», и они решили пригласить его на свою встречу. Следует сказать, что в кругах «нелегалов» к Струве относились весьма сдержанно из-за его снобизма. Мартов, знавший его по университету, встретившись с ним вновь в 1894 г., заметил: «Его кислая усмешка и брезгливый тон производили впечатление той “умудренности”, которая обычно сопровождает отказ интеллигента от революционной активности вообще»¹⁶.

Первая встреча В. Ульянова с участниками марксистского «салона» состоялась в квартире инженера Р. Э. Классона на Охте в конце декабря 1894 г. Он пришел подготовленным — читал реферат, озаглавленный: «Отражение марксизма в буржуазной литературе» по поводу книги Струве “Критические заметки...”. Тон реферата был резко критический: Ульянову не понравилось то обстоятельство, что революционная часть марксизма для Струве не представляла изначально никакой ценности. Да и сама критика народничества у Ульянова и Струве изначально имела совершенно разные цели. Если первый расценивал взгляды либеральных народников как «реформаторские» и уводящие в сторону от магистрального пути революционного движения, то второй защищал марксизм в полемике с народничеством потому, что тот «оправдывал» капитализм и давал научное объяснение исторической необходимости его в России.

Судя по всему, В. И. Ульянов и П. Б. Струве сразу не понравились друг другу. Во всяком случае, Струве полагал, что Ульянов

почувствовал в нем противника и «в этом он руководствовался не рас­судком, а интуицией, тем, что охотники называют чутьем»¹⁷. Несмотря на постоянные споры, стороны достигли компромисса, дабы, как выразился В. И. Ульянов, заключить союз «людей крайних с людьми весьма умеренными»¹⁸ в борьбе против народничества. Результатом компромисса стал выход в апреле 1895 г. сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». В него вошли статьи Плеханова (псевдонимы — Д. Кузнецов и Утис), Ульянова (К. Тулин), Струве, Потресова и др. Таким образом, сборник впервые представлял союз эмигрантского, подпольного и так называемого «легального» марксизма (его представители публиковали свои теоретические статьи в легальных журналах). Сборник был сожжен цензурой, но сто экземпляров успели разойтись.

Временное объединение ортодоксальных (Плеханов, Ульянов, Мартов и др.) и «легальных» (Струве, Туган-Барановский, Бердяев) марксистов не могло быть продолжительным, так как, отдавая должное научному потенциалу теории Маркса, Струве и К° категорически выступали против ее догматизации, не принимали в марксизме его революционность, не видели в нем пролетарской исключительности, а также сторонились нелегальных форм деятельности. Под редакцией Струве в России легально издавались марксистские книги и журналы «Новое слово» (1897) (журнал в течение 8 месяцев, пока не был закрыт, печатал статьи Плеханова, Потресова, Засулич, Ульянова, Мартова и др., а в литературном отделе помещали очерки М. Горького), «Жизнь» (1897–1901), «Начало» (1899).

В дальнейшем взгляды Струве постепенно эволюционировали в сторону либерализма. В январе 1895 г. Струве ответил на слова Николая П о «бессмысленных мечтаниях» либералов, написав ему «Открытое письмо», в котором, выражая мнение земцев, предупреждал, что самодержавие вскоре «падет под напором живых общественных сил», если оно будет настаивать на управлении страной бюрократическими методами «при совершенной безгласности общества»¹⁹. По духу это была либеральная акция. В 1896 г. П. Б. Струве написал статью «К. Маркс» для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, критикуя некоторые положения его учения. В дальнейшем он отверг марксистскую теорию «краха капитализма», классовой борьбы, «обнищания пролетариата», социалистической революции. В конечном итоге, полагая, что «Манифест» Маркса уже

не соответствует реалиям конца 1890-х гг., Струве пришел в выводу, что реформы, а не революция являются средством осуществления социального прогресса.

В начале XX в. произошел окончательный разрыв Струве с ортодоксальными марксистами. Он был ознаменован выходом в свет в 1902 г. легального сборника статей под редакцией Струве «Проблемы идеализма». Авторы статей — «легальные» марксисты Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк и др. — в качестве альтернативы революции выдвигали религиозную идею.

В. И. Ленин, систематически отслеживая деятельность Струве, беспощадно критиковал его и других «легальных» марксистов, отказывая им в праве именоваться социал-демократами. Как только он не называл Струве, какие ярлыки не навешивал! Самые корректные среди них — «Писатель», «Редактор», а чаще всего — «Близнец», «Бобо», «Иуда», «Теленок» и др. Называл он его и «контрреволюционером», и «высокообразованным, высокомерным и архиглупым вождем буржуазных реформистов» и даже придумал особый термин — «струвизм»²⁰. Всего же из 55 томов «Полного собрания сочинений» В. И. Ленина его критика Струве содержится в 40 томах. Он считал Струве временным попутчиком, а затем ревизионистом, тянущим рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, «квазимарксистом», которого необходимо «убрать от русской социал-демократии», вождем либеральной и «либерально-монархической буржуазии», «дюжинным буржуазным экономистом», оппортунистом, теоретиком «русского бернштейнианства», кончившим организацией либерального «Освобождения», более всего он обрушивался на его отказ от классового подхода.

Социал-демократ врач К. М. Тахтарев вспоминал, как в самом начале 1900-х гг. Ленин в беседе с ним назвал Струве «изменником и ренегатом». Тахтареву это показалось несправедливым по отношению к недавнему товарищу, и он обратил внимание Ленина на «возможные последствия подобного клеймения Струве», сказав: «А что если кто-либо из рабочих... под влиянием травли Струве на страницах «Искры» вдруг решится расправиться с ним или даже убьет его как «изменника и ренегата»? — «Его и надо убить», — ответил мне Владимир Ильич... Я все же стоял на своем, пытаюсь убедить Владимира Ильича в том, что некоторые из тех выражений, которые он пускал по

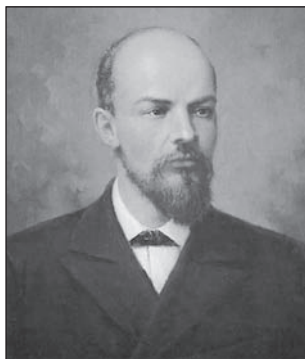
адресу Струве, неподходящи и некоторые его полемические приемы недопустимы. «А что же, — возражал он мне, горячась, — по-вашему, мне надо надевать для расправы с ним замшевые рукавицы?» Видя, что наш разговор о Струве слишком задевает Владимира Ильича за живое и сильно его горячит, я не решился продолжать и умолк, думая, что замшевые рукавицы все же лучше ежовых»²¹.

В то же время, несмотря на идеологическое «клеймение» Струве, Ленин в «Материалах ко II съезду РСДРП», понимая огромное значение его эрудиции, высказывался о его «вхождении в партию»: «Струве сорганизуется и войдет в партию»²².

Практическая деятельность петербургских марксистов, как и прежде, сводилась к кружковой работе среди передовых рабочих. Летом занятия в кружках обычно прерывались. Многие студенты-пропагандисты были иногородними и на каникулы отправлялись домой. Как шутили рабочие, «революция разъезжалась на дачи». В. И. Ульянова рабочие знали как «Николая Петровича», отзывались о нем благоприятно. Между собой они называли его иногда «Лысым», но обычно шутливо добавляли, что это «от слишком большого ума у него волосы вон лезут»²³.

Обе марксистские группы — «стариков» и «молодых» — были слабо связаны с предприятиями, вели пропаганду марксизма лишь в узком кругу сознательных рабочих. Но за пределами кружков оставались десятки тысяч пролетариев, которые все свое свободное время проводили в трактирах и враждебно относились к «бунтарям». Как вспоминал К. М. Тахтарев, «рядовые рабочие называли в это время кружковых рабочих безбожниками и сторонились их, говоря: “Кто от Бога и от царя отрекся, что же с ними разговаривать!”»²⁴

Петербургские кружковцы все больше испытывали неудовлетворенность «узостью» своей деятельности, понимали необходимость перехода к агитационной работе непосредственно на заводах и фабриках. Понимали это и в других промышленных центрах. В 1894 г. отбывавший ссылку в Вильно бывший студент Ю. О. Цедербаум (Мартов) отредактировал и написал предисловие к брошюре А. И. Кремера

В. И. Ульянов. 1897 г.

«Об агитации». Основная мысль брошюры сводилась к тому, что поднять рабочий класс и повести его на организованную классовую борьбу с буржуазией и самодержавием социал-демократия сможет, только взяв на себя роль организатора стихийно возникающих рабочих забастовок. Агитация среди рабочих должна быть поставлена на почву реальных повседневных нужд и требований.

Соглашаясь с такой постановкой вопроса, в то же время столичные марксисты опасались, как бы внедрение (проникновение) в рабочую среду не привело к скорым провалам. В феврале 1895 г. в столице встретились пять марксистов, представлявших социал-демократические группы Петербурга (Ульянов и Кржижановский), Москвы (Спonti), Киева (Ляховский) и Вильно (Копельзон). Собравшиеся обсудили вопросы о политической агитации, об издании популярной литературы для рабочих и установлении тесной связи с плехановской группой «Освобождение труда». Договорились, что за границу к Плеханову поедут двое — В. И. Ульянов и Е. И. Спonti.

Поездка неожиданно задержалась, так как Ульянов заболел воспалением легких и смог выехать лишь 25 апреля 1895 г. Это обстоятельство стало предлогом для поездки — Ульянову требовались отдых и лечение после перенесенной болезни. Заграничной агентуре было предписано «учредить за деятельностью Владимира Ульянова тщательное наблюдение». Встреча Ульянова и Плеханова состоялась в Женеве. 25-летний Владимир Ульянов отнесся к патриарху, первому русскому марксисту с чувством глубокого уважения и симпатии, от волнения он даже мало говорил и подарил ему свою книгу «Что такое “друзья народа”...». После встречи Плеханов дал своему гостю лестную характеристику. В те дни он писал жене: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди»²⁵. Однако уже во время первой их встречи наметились некоторые разногласия. Ульянов отстаивал идею гегемонии пролетариата, его союза с крестьянством. Плеханов же отрицал революционность крестьянства и не одобрял нападок молодого Ульянова на либералов. «Вы... поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом»²⁶, — заявил он. В Швейцарии Ульянов встречался также с П. Б. Аксельродом, в Париже — с Полем Лафаргом, зятем Маркса, одним из лидеров социалистического Интернационала. Лафарг интересовался тем, как русские социал-демократы ведут практическую

работу. Между ними произошел любопытный разговор. Мартов так передал рассказ Ульянова:

«— Чем же вы занимаетесь в этих кружках? — спросил Лафарг. Ульянов объяснил, как, начиная с популярных лекций, в кружках из более способных рабочих штудируют Маркса.

— И они читают Маркса? — спросил Лафарг.

— Читают.

— И понимают?

— И понимают.

— Ну, в этом-то вы ошибаетесь, — заключил ядовитый француз. — Они ничего не понимают. У нас после 20 лет социалистического движения Маркса никто не понимает»²⁷.

Из Парижа Ульянов намеревался отправиться в Лондон для встречи с Ф. Энгельсом. Но, как выяснилось, тот был тяжело болен, и свидание не состоялось. В Германии петербургский гость работал в Прусской государственной библиотеке, посещал рабочие собрания и, наконец, встретился с Вильгельмом Либкнехтом — одним из лидеров Германской социал-демократической партии. Они обсудили возможность издания в Германии и транспортировки в Россию нелегальной литературы. 7 сентября Ульянов вернулся в Россию, привезя с собой чемодан с двойным дном, тайный отсек был набит нелегальной литературой. Полиция после самого тщательного досмотра его багажа «ничего предосудительного не обнаружила». Далее проездом через Вильно, Москву, Орехово Ульянов прибыл в Петербург. Осенью 1895 г. в жизни российской социал-демократии произошло историческое событие: все марксистские кружки Петербурга были объединены в политическую организацию, названную «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

3. Рождение «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895 г.

Начало объединению было положено в октябре, когда в Петербург после двухлетней вильнюсской ссылки приехал Ю. О. Цедербаум (Мартов). Он вернулся с намерением использовать в столице вильнюсский опыт ведения агитации среди рабочих и организации

**Ю. О. Мартов
(Цедербаум)**

издательского дела. Ульянов и другие «старрики» были с ним солидарны. Их знакомство состоялось на квартире инженера-технолога Г. М. Кржижановского. Как вспоминал Мартов, «разговор сразу был поведен в тоне взаимного доверия». Мартов заявил, что он и его товарищи-«интеллигенты» могли бы и самостоятельно агитировать рабочих, но все «против кружкового дробления» и поэтому решили объединить свои усилия «с силами наиболее зрелой и старой из уже работающих групп». Оставалось только договориться о направлении совместной работы.

По словам Мартова, «речь шла о принципиальном признании массовой агитации и отрицании метода “лабораторного” воспитания революционеров-рабочих путем кружкового штудирования книг».²⁸

Мартов сразу продемонстрировал «старикам» и Ульянову, чем отличается «живая» работа от «лабораторной», когда предложил им использовать типографскую новинку — мимеограф, бывший в распоряжении его группы. «Очень хорошо, — сказал Ульянов, обращаясь к своим коллегам, — можно будет напечатать переведенный Н. Н. “Жилищный вопрос” Энгельса. Очень важно его издать, — пояснил он, — ввиду антипрудонистских доводов Энгельса, бьющих и по народничеству»²⁹. На это Мартов «с иронией заявил», что они «во все не намерены печатать литературу, которую будут читать, главным образом, студенты и маленькая верхушка рабочих. Брошюру Энгельса издать полезно, но, если в то же время та же техника может произвести десяток прокламаций, разъясняющих массам их экономическое положение, не может быть вопроса о выборе»³⁰. «Старики» добродушно засмеялись и согласились с ним, что технику следует использовать более эффективно.

В те же дни марксисты пришли к соглашению с «Группой народовольцев». Переговоры вел Ульянов. Договорились о том, что марксисты воздержатся от критики «идейных традиций» революционного народничества, а народовольцы не станут пропагандировать террор и касаться вопроса о путях экономического развития

России. Кроме того, народовольцы предложили совместно издавать рабочую газету, первый номер которой они полностью отдавали на откуп марксистам, что их, по словам Мартова, «уже совсем... расторопало и обрадовало»³¹.

Организационное слияние марксистских групп произошло на собрании, которое состоялось на квартире супругов Радченко. Кроме хозяев на нем присутствовало ядро группы «стариков»: В. И. Ульянов, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, инженер А. Л. Малченко, студенты университета А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, П. К. Запорожец, Я. П. Пономарев, учительница Н. К. Крупская, курсистки Л. А. Якубова и З. П. Невзорова. От группы Мартова, помимо него самого, были Я. М. Ляховский, С. А. Гофман и В. М. Тренюхин. Эти 17 человек и составили костяк городской организации, которая еще не имела названия. Состав руководящей организации оказался, таким образом, чисто интеллигентским: рабочих там не было. Ненормальность такого положения для организации, претендующей на руководство рабочим движением, была очевидна многим. Но в то же время члены организации опасались, как бы при вводе рабочих в центральную организацию не была нарушена вся система внешней конспирации.

По предложению Ульянова, все члены организации распределились на три районные группы. В состав «Центральной группы» — руководящего центра всей организации — вошли Ульянов, Кржижановский, Ванеев, Старков и Мартов. Помимо этого Ульянов был назначен редактором предполагаемых изданий, С. И. и Л. Н. Радченко взяли на себя конспиративно-технические и финансовые дела, а Крупской поручалось поддерживать связи с рабочими через вечернюю школу. Таким был первый шаг на пути создания марксистской партии.

Уже осенью 1895 г. на петербургских предприятиях и в жилых рабочих казармах появились листовки, отпечатанные на mimeографе. Чтобы распространить среди своих товарищей листки, рабочие, связанные с организацией, прибегали к различным хитростям. Они забрасывали листовки в цеха через вентиляционные системы, рассовывали их по станкам, наклеивали у ворот предприятия, в «клубе» (так рабочие называли уборную) или раздавали незаметно при выходе с завода, прямо на улице.

Объединенная марксистская организация начала активно вмешиваться в ход стачек, охвативших в это время ряд петербургских

предприятий. Следует отметить, что Петербургская губерния была главным очагом нестабильности: на нее за 10 лет приходилось более 11% всех забастовщиков в стране. В начале ноября 1895 г. на фабрике Торнтоната началась организованная «Союзом борьбы» забастовка 500 ткачей. Марксисты издали и распространили листок «Чего требуют ткачи». В ходе переговоров с администрацией забастовщики добились повышения заработка. Через два дня начались волнения на петербургской табачной фабрике «Лаферм». Причина — администрация снизила расценки с выработки. В ответ мастерицы перебили окна, мебель и поломали инструменты. Для подавления беспорядков градоначальник фон Валь распорядился оцепить фабрику и окатить работников холодной водой из пожарных шлангов. Когда стачечницы жаловались градоначальнику на то, что невозможно прожить на пониженную зарплату, тот ответил: «Можете дорабатывать на улице». У социал-демократов не было непосредственных связей с фабрикой «Лаферм», но организации хотелось вмешаться в события. Для того чтобы собрать сколько-нибудь точную информацию о случившемся на фабрике, В. И. Ульянов и М. А. Сильвин посещали некоторое время ближайший к месту событий трактир и чутко прислушивались к разговорам посетителей. Но пользы было мало. Как передавал Ульянов, купцы и мещане, виденные ими в трактире, рассказывали лишь о перипетиях обливания работников водой и заканчивали рассказ нравоучительной сентенцией, отирая пот после соответствующего количества чайных порций: «А потому ни-и скандал!»³² Тогда С. А. Гофман и М. А. Сильвин под благовидным предлогом стали завязывать разговоры с пожилыми работницами, возвращавшимися по вечерам домой, и понемногу собрали необходимые данные. Через несколько дней появилась листовка с изложением причин конфликта и требований папиросниц, которую с помощью разных ухищрений удалось распространить среди работниц фабрики.

Листовки имели большой успех. Их писали не «заумным» и нудным, а простым, понятным рабочим языком. Социал-демократическая интеллигенция нашла, наконец, ключ к «серой» рабочей массе. В конце 1895 г. нелегальная типография «Группы народовольцев» выпустила трехтысячным тиражом брошюру Ульянова «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Рабочие зачитывались брошюрой, писала Крупская, «она была

им понятна и близка»³³. Высокую оценку брошюре Ульянова дали и Плеханов с Аксельродом, заявив, что «никто в России не пишет так хорошо для рабочих, как он»³⁴. Ульянов ответил им: «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»³⁵.

В первых числах декабря была завершена подготовка первого номера газеты «Рабочее дело». Ульянов написал для него четыре статьи, в том числе передовую, призывавшую российский пролетариат к завоеванию политической свободы. Остальные статьи написали Мартов, Кржижановский, Ванеев, Сильвин, Запорожец и др. 8 декабря на квартире Крупской состоялось редакционное собрание по «Рабочему делу». Номер был сделан в двух экземплярах, один для передачи в типографию забрал Ванеев, а другой остался у Крупской. Но издать газету не удалось.

Полиция напала на след организации. Слежка усиливалась изо дня в день. Но ее члены накопили определенный опыт применения различных приемов конспирации. По свидетельству Н. К. Крупской, лучше всех по этой части был подкован В. И. Ульянов: он знал проходные дворы, умел великолепно надувать шпионов, учил товарищей писать «химией», точками, условными знаками в книгах, придумывал конспиративные клички. Члены организации для переписки использовали посреднические адреса, ввели псевдонимы, клички. Как вспоминал М. А. Сильвин, Ульянов «назывался “Тяпкин-Ляпкин” (“до всего доходит собственным умом)”, В. В. Старков — “Земляника”, Г. М. Кржижановский — “Суслик”»³⁶. Ю. О. Мартова звали Егором. Частная переписка и хождения друг к другу были сведены до минимума.

4. Испытание тюрьмой и ссылкой. 1896–1899 гг.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. были арестованы четверо из пяти членов руководящего центра организации: Ульянов, Кржижановский, Старков, Ванеев, а также Запорожец, Малченко, рабочие-активисты Василий Шелгунов, Никита Меркулов, Иван Яковлев, Борис Зиновьев, Петр Карамышев и др. Из группы народовольцев

И. В. Бабушкин

арестовали рабочего Н. В. Полетаева (впоследствии большевистский депутат III Государственной думы). Всем им было предъявлено обвинение «в государственном преступлении». На квартире Ванеева полиция захватила готовые к печати материалы первого номера газеты, и в ее руках оказались образцы почерков руководителей организации.

Однако деятельность не прекратилась. 15 декабря 1895 г. состоялось совещание уцелевших от ареста марксистов, на котором был восстановлен ее руководящий центр (в него вошли Мартов, Сильвин, Радченко и Ляховский). По предложению Ю. О. Мартова, организация обрела, наконец, свое название, вошедшее затем в историю — «Союз борьбы за освобождение рабочего клас-

са». Участники совещания одобрили текст написанной Мартовым листовки, в которой говорилось, что полиция ошибается, полагая, будто «Союз» разгромлен. Напротив, борьба будет продолжена «до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитализма». К концу года «Союз борьбы» выпустил еще одну прокламацию, «Что такое социалист и государственный преступник?», подписанную «Ваш товарищ рабочий». Листовку написал один из самых значимых членов организации 23-летний Иван Васильевич Бабушкин, служивший в то время сторожем в лаборатории Александровского чугунолитейного завода. Как вспоминал Мартов, несмотря на то, что Бабушкин «не без скептицизма... смотрел на начавшуюся полосу лихорадочной агитационной работы» («Вот, — говорил он нам, — стали во все стороны разбрасывать прокламации и в два месяца разрушили созданное годами»), он предложил воспользоваться интересом рабочих к нашумевшим арестам каких-то «сицилистов» и выпустить «популярный листок о социализме и борьбе за свободу»³⁷.

Активность Ю. О. Мартова не могла остаться незамеченной. Бывший сотрудник Петербургского охранного отделения

П. Статковский в 1921 г. называл Мартова главным организатором Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». За ним было установлено постоянное наружное наблюдение, и в ночь с 4 на 5 января 1896 г. он был арестован. Одновременно взяли Ляховского, а также рабочих, в том числе и И. В. Бабушкина. Таким образом, число привлеченных к «делу декабристов», как их в шутку называли в радикальных кругах столицы,росло почти до сотни.

До февраля 1897 г. Ленин пробыл в одиночной камере № 193 петербургского Дома предварительного заключения. В камере он установил для себя строгий режим, соблюдение которого помогло ему переносить тяготы тюремной жизни. Весь день он работал (в тюрьме была прекрасная библиотека), соблюдал диету (ел очень мало хлеба) и каждый вечер делал гимнастику, которая помогала согреться в холодном помещении. Когда через два года в тюрьме окажется его младший брат Дмитрий, Ульянов в письме к матери порекомендовал ему самый эффективный прием — 50 земных поклонов. Он не без юмора вспомнил, как «надзиратель, подсматривая в окошечко», только диву давался, «откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предва-рилкинской церкви!»³⁸.

Находясь в тюрьме, Ульянов не прекратил революционной деятельности. Здесь им была написана брошюра для рабочих «О стачках», две листовки, кроме того, он переписывался с товарищами, сидевшими в тюрьме. Свои работы Ульянов писал лимонным соком или молоком, налитым в маленькие чернильницы, сделанные из хлеба. Чтобы надзиратель не заметил этого, он, как только слышал щелканье дверной фортки, моментально съедал свою чернильницу. «Сегодня съел шесть чернильниц», — сообщал Ульянов в одном из своих писем. На воле листки с тайными записями прогревали над огнем или опускали в горячую воду и бесцветные строки делались заметными. Другим способом переписки с товарищами были книги из тюремной

**Тюремная камера
В. И. Ульянова**

библиотеки. На их страницах Ульянов малозаметными точками отмечал буквы, из которых и складывалось послание. Главным связным между Ульяновым и волей была его старшая сестра Анна Ильинична, которая получала его шифрованные письма, а также сообщала родным других заключенных, какую книгу необходимо им попросить в тюремной библиотеке.

В тюрьме Ульянов начал работать над книгой «Развитие капитализма в России». Для этого родные с помощью А. Н. Потресова передали ему из библиотек Петербурга необходимую литературу. Тюремные правила позволяли снабжать заключенных книгами сколько угодно. Закончить книгу в камере он не успел. «Жаль, рано выпустили, надо бы еще немножко доработать книжку, в Сибири книги доставать трудно»³⁹, — в шутку говорил Владимир Ильич.

Все арестованные «по делу с.-петербургского кружка социал-демократов» придерживались на допросах тактики «запирательства», полностью отрицая предъявляемые обвинения. Однако многие рабочие, впервые оказавшиеся на допросе, были напуганы и дали компрометирующие марксистов-интеллигентов показания. Как отмечает Мартов, «это было в порядке вещей». Совершенно неожиданно «раскололся» вожак путиловцев, 20-летний рабочий Борис Зиновьев, который на третьем месяце своего заключения отказался от политики «запирательства» и рассказал о многом, в том числе, как для помощи рабочему движению он «использовал» интеллигентов. Б. Зиновьев не был предателем. Просто товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичин, который вел дознание, по словам Мартова, поймал Зиновьева «на удочку политического тщеславия». Кичин просил объяснить ему, что общего между таким умным и талантливым рабочим и интеллигентами. Кроме того, молодой рабочий считал «полезным для дела» объяснить властям цели и задачи нарождающегося рабочего движения. После заключения Зиновьева выслали под надзор в Тверь, где он возобновил пропаганду среди местных рабочих, но через два года заболел и умер. Мартов полагал, что «в его лице сошла в могилу крупная сила».

Аресты не разрушили «Союз борьбы». Пополнившись новыми членами (Ф. И. Дан, А. Н. Потресов, Ф. И. Гурвич и др.), он продолжал действовать. П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и другие «легальные» марксисты оказывали организации всевозможную помощь. В 1896 г. «Союз борьбы» развил широкую агитационную

деятельность среди рабочих при помощи многочисленных прокламаций, тайных собраний, устройства стачечных касс, распространения нелегальных брошюр. Впервые в Петербурге появился листок с призывом к празднованию 1 Мая, 2 тыс. экземпляров которого было распространено на 40 фабриках и заводах.

Летом 1896 г. произошла грандиозная стачка петербургских текстильщиков, получившая название «промышленной войны». В ней участвовало свыше 30 тыс. рабочих. Забастовка возникла по инициативе самих рабочих, но «Союз борьбы» принял в ней самое активное участие. Поводом к стачке послужил отказ фабрикантов оплатить рабочим дни коронации Николая II, во время которых они не работали. Рабочие проявили стойкость и организованность. Примерно сто представителей ткацких предприятий сообща вырабатывали требования, передали их «Союзу борьбы», и 30 мая вышла листовка «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких». А требовали забастовщики в первую очередь, чтобы их рабочий день продолжался 10,5 часа, «чтобы заработок... выдавали правильно и вовремя» и «чтобы было заплачено сполна за коронационные дни». Листок молниеносно разошелся по рукам. Пришлось трижды печатать его большими тиражами. Всего за время стачки было издано 13 прокламаций. Стачка длилась больше месяца и нашла горячий отклик среди западноевропейских рабочих. По инициативе дочери К. Маркса Элеоноры Эвелинг, рабочими Лондона было собрано и переслано в Петербург в помощь бастующим около 2 тыс. руб. В Англии было создано «Общество друзей свободы России», во главе которого стояли эмигранты-народники Н. Чайковский и Ф. Волховский. Многим членам «Союза борьбы» казалось, что «в воздухе пахнет революцией».

Русская печать не могла даже заикнуться о стачке. С помощью полиции и казаков, путем увещеваний и угроз властям удалось заставить рабочих вернуться к станкам. Не менее 1 тыс. стачечников было арестовано, многих из них выслали из столицы. Стачка улеглась лишь тогда, когда правительство в лице министра финансов С. Ю. Витте объявило о созыве комиссии из фабрикантов и чиновников для рассмотрения вопроса о законодательном сокращении рабочего времени. 2 июня 1897 г. вышел первый закон, ограничивающий продолжительность рабочего дня до 11,5 часа, также были сильно ограничены сверхурочные работы.

Но и полиция не дремала. В августе 1896 г. за решеткой оказались все руководители новой Центральной группы «Союза борьбы»: С. И. Радченко, Крупская, Сильвин, Гофман и Дан. К руководству пришли Тахтарев и его группа «молодых», известная под кличкой «Обезьяны». В организацию влилась и группа Чернышева, известная как «Петухи».

Успехи рабочего движения непосредственно отозвались на судьбе арестованных по делу «Союза борьбы». Поскольку «рабочий вопрос» становился все более актуальным, правительство изменило на время свое отношение к социал-демократам, полагая почему-то, что они ведут лишь экономическую, а не политическую борьбу. Первоначально намеченный для них приговор с долголетней ссылкой (до десяти лет) был заменен значительно более мягким. 13 февраля 1897 г. было объявлено «высочайшее повеление»: шестеро членов «Союза борьбы» (Ульянов, Кржижановский, Ляховский, Старков, Ванеев и Мартов) получили по три года ссылки в Восточную Сибирь. При этом их родственники выхлопотали у властей дотоле неслыханные льготы — разрешения перед отправкой в ссылку пробывать три дня в своих семьях.

В эти «отпускные» дни главные фигуранты дела провели два совещания с «молодыми» — новыми руководителями «Союза борьбы». Между «стариками» и «молодыми» развернулась горячая полемика о дальнейших путях развития «Союза борьбы». Тахтарев и его единомышленники, как выяснилось, не слишком склонные увлекаться политикой, ратовали за создание на предприятиях «рабочих касс» и «касс взаимопомощи», которые объединили бы в одно целое всю рабочую массу, не деля ее на «сознательных» и «серых». Ульянов и другие марксисты-«старики» с ними были не согласны: по их мнению, надо было крепить «Союз борьбы» как организацию революционеров и не отвлекаться от главной цели — политической борьбы. Но тогда эти разногласия не казались еще серьезными.

Ульянов, Мартов и еще пять осужденных членов «Союза» позволили себе еще одну вольность — они сфотографировались группой «на память» (этот снимок получил в советское время широкую известность) и только затем явились в пересыльную тюрьму. Оттуда их, кроме Ульянова и Ляховского (им было разрешено добираться до места ссылки за свой счет), отправили в Москву, где они полтора месяца провели в ожидании этапа в знаменитых московских Бутырках.

Руководители «Союза борьбы...»

Там находился и известный уже Н. Е. Федосеев. Но большинство «сидельцев» были поляки, участники варшавского и лодзинского рабочего движения. Они восхитили петербургских товарищей мастерством исполнения революционных песен. Г. М. Кржижановский здесь же в тюрьме перевел на русский язык два боевых гимна польских рабочих: «Варшавянку» Свенцицкого и «Красное знамя», и эти тюремные переводы вскоре сделали обе песни гимнами также и русского рабочего движения.

Из Москвы партию ссыльных отправили в Красноярск, где они встретились с В. И. Ульяновым, ожидавшим решения своей участи. Перед самым отъездом к месту назначения они устроили в тюрьме, как выразился Мартов, «дерзкую шутку». Дело в том, что в Красноярск привезли Н. Е. Федосеева, который отсюда должен был проследовать в Иркутскую губернию. Узнав, что В. И. Ульянов находится в городе, он попросил питерцев устроить ему встречу с ним. Вот как об этом рассказывает Мартов: «Мы, выходя из тюрьмы, не забрали своих пожитков, а на следующий день явились за ними в тюремный

цейхгауз с телегой, которую кроме извозчика, сопровождал Ульянов в качестве... якобы хозяина телеги. Одета в шубу купецкая фигура Ульянова показалась часовым подходящей для извозопромышленника, и они нас пропустили. В цейхгаузе же мы потребовали у надзирателя вызова Федосеева, как “старосты” политиков, для сдачи нашего имущества. Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать, к великому смущению “помощника”, понявшего, что его одурачили, но не пожелавшего поднимать шума»⁴⁰.

Летом 1898 г. на новом месте ссылки в Верхотенске, не выдержав клеветнических нападок одного из ссыльных, терпя ужасную нужду, Н. Е. Федосеев покончил с собой выстрелом из ружья. Несмотря на определенные вольности режима содержания, не была «санаторием» и царская тюрьма. Здесь сошел с ума П. К. Запорожец (вскоре он умер). Нажитый в «одиночке» петербургской пересыльной тюрьмы туберкулез свел в могилу А. А. Ванеева и учительницу Сибилеву. Заболел тяжелым психическим расстройством С. А. Гофман.

Вечером 8 мая 1897 г. В. И. Ульянов прибыл на место назначения — в село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии, где когда-то жили ссыльные декабристы, а в 1860-х гг. отбывал ссылку М. В. Буташевич-Петрашевский. Местом ссылки Ю. О. Цедербаума (Мартова) власти назначили Туруханск — самое гиблое в тех краях место. Другие главные фигуранты петербургского «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» также были разбросаны по разным углам Севера и Сибири.

С точки зрения реалий сегодняшнего дня шушенская ссылка Ульянова может показаться отдыхом. Да и не только сегодняшнего: «Нельзя представить себе наказание, в большом и малом, столь приятное и столь полезное, как ссылка Ленина»⁴¹, — писал Н. В. Вольский (Н. Валентинов), бывший большевик и соратник Ленина, в 1930 г. эмигрировавший из СССР. В самом деле, царское правительство выдавало ссыльным небольшие деньги — всего 8 рублей в месяц. Но надо учитывать небывалую дешевизну продуктов в Шушенском. По свидетельству Крупской, «за свое “жалованье” ее супруг “имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья — и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали

Шушенское — место ссылки В. И. Ульянова

на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю»⁴². Вдоволь было и молока, в огороде росла «всякая всячина — огурцы, морковь, свекла, тыква», не следует забывать еще картошку, кислую капусту и сибирские ватрушки. Добавим, что Ульянов часто ходил на охоту и возвращался с добычей. А сибирская природа, свежий воздух и чистая вода! Через полгода после приезда в Шушенское Владимир Ульянов в письме признавался: «Здесь тоже все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все питерские болести побоку!»⁴³

Действительно, Ульянов в ссылке приобрел столь упитанный вид, что приехавшая в Шушенское в мае 1898 г. вместе с Крупской ее мать, увидев его, не могла воздержаться от возгласа: «Эк вас разнесло!» После приезда Надежды Константиновны молодые супруги стали жить отдельно, завели собственное хозяйство (заботу о нем проявляла теща — Елизавета Васильевна), наняли прислугу. В деньгах не нуждались — Ульянов регулярно получал от матери финансовую помощь. Они ездили в гости к другим ссыльным и принимали их у себя, два раза в неделю получали почту: письма (их было очень много),

журналы, газеты, книги на разных языках. Как отмечает Н. В. Вольский (Н. Валентинов), Ульянов приехал «в Шушенское с двумя десятками книг», а уехал «оттуда с 15 пудами очень ценных книг, стоящих многие сотни рублей»⁴⁴. Зимой катались на коньках. «В общем, ссылка прошла неплохо», — резюмировала Крупская.

В ссылке, однако, будущий «вождь пролетариата» не только отдыхал и поправлял здоровье, но и много работал. За три года ссылки Ульянов написал свыше тридцати произведений. В том числе здесь он закончил фундаментальное исследование «Развитие капитализма в России» (ее первоначальное название — «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности»), объемом 500 страниц. Много сил и времени он потратил на изучение материалов, относящихся к теме исследования. Всего Ульянов использовал около 600 источников: монографии, статьи, статистические справочники, сборники. Всю необходимую литературу ему доставала сестра А. И. Ульянова-Елизарова и П. Б. Струве. Книга была издана легально в марте 1899 г. Большую роль в издании работы сыграл П. Б. Струве, который доставал деньги, вел переговоры об издании книги и других статей Ульянова. Он же настоял на более емком заголовке книги, исходя из ее реального содержания, а отчасти и рекламно-коммерческих соображений. Книга вышла под псевдонимом В. Ильин большим по тем временам тиражом — 2400 экземпляров и быстро разошлась среди интеллигенции и учащейся молодежи. Издательница книги М. И. Водовозова тогда же отметила необычайный успех работы Ульянова. Она писала: «Я издала ее весной, и, несмотря на наступление лета и отлив молодежи из столиц перед Пасхой, эта книжка расходуется с невероятной быстротой... Нельзя читать книгу без самого захватывающего интереса»⁴⁵. «Книга Ильина по глубине и последовательности его анализа, несомненно, является крупным вкладом в нашу экономическую литературу», — писал журнал «Образование».

В работе «Развитие капитализма в России» Ульянов дал анализ пореформенного развития России, показал особенности и противоречия русского капитализма, определил место различных классов в освободительном движении и доказывал необходимость руководящей роли пролетариата в революции, его «способность повести многомиллионные массы полукрепостного крестьянства на штурм царского строя».

5. «Союзы борьбы» действуют

В Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» имел связи с рабочими 70 предприятий. В их число входили 39 фабрик и заводов, насчитывавших более тысячи или около тысячи рабочих. По примеру петербургского «Союза борьбы» подобные организации возникли во многих городах Центральной России, а также в национальных районах: на Украине, в Закавказье, Польше и Латвии. По сравнению с прежними кружками пропагандистов «Союзы борьбы» были более крупными организациями, в них готовили почву для создания единой марксистской революционной организации.

Особенно энергичной была деятельность образованного в 1894 г. «Московского рабочего союза», переименованного в 1898 г. в «Московский союз борьбы за освобождение рабочего класса». В разное время социал-демократическую группу возглавляли С. И. Мицкевич, А. Н. Винокуров, М. Н. Лядов, М. Ф. Владимирский, В. В. Воровский, И. Ф. Дубровинский. Активное участие в «Рабочем союзе» принимали А. И. Ульянова-Елизарова, М. Т. Елизаров, В. Д. Бонч-Бруевич, Л. П. Радин — автор революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!» В 1896 г., по случаю 25-летия Парижской коммуны, москвичи послали французским рабочим адрес, подписанный 605 рабочими, 50 рублей и письмо с просьбой возложить венок на могилу парижских коммунаров. На пике своей активности «Рабочий союз» вел агитацию на 55 крупных заводах, фабриках и в железнодорожных мастерских; он был связан с товарищами из других городов и с группой «Освобождение труда». Однако после того как московское охранное отделение возглавил С. В. Зубатов, в рядах «Рабочего союза» появились провокаторы, начались аресты, что не могло не отразиться на его деятельности.

При содействии москвичей заметную роль стал играть иваново-вознесенский «Рабочий союз». Связь с петербургским «Союзом борьбы» и московским ивановцы поддерживали через городского судью С. П. Шестернина, рабочих Ф. А. Афанасьева, Н. И. Махова, М. А. Багаева, «домашнюю учительницу», как ее называли в полицейских донесениях, О. А. Варенцову. Для своих целей ивановцы приспособили небольшую книжную лавку, в которой продавцами работали социал-демократы. В лавке приобретали легальные издания, обменивались нелегальными, узнавали о собраниях, явках, а продавцы намечали среди своих покупателей кандидатов в рабочие кружки. Местом

явок, встреч, передач служила также чайная «Общества трезвости». Иваново-вознесенский «Рабочий союз» участвовал и возглавлял забастовки местных текстильщиков. Широкий резонанс получила трехнедельная стачка 15 тысяч ткачей, начавшаяся 22 декабря 1897 г. из-за того, что фабриканты при осуществлении закона от 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего дня до 11,5 часа решили компенсировать свои потери за счет сокращения праздничных дней.

В Киеве в 1896 г. марксисты — сторонники политической агитации (Ю. Д. Мельников, Б. Л. Эйдельман, П. Л. Тучапский, Н. А. Вигдорчик) — создали группу «Рабочее дело». Шесть лет группа издавала газету «Вперед», выходившую под девизом «Счастье рабочих — в их собственных руках. Сила рабочих — в их союзе». В марте 1897 г. они объединились с группой польских социал-демократов в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Только за один этот год совместными усилиями киевские социал-демократы выпустили свыше 6,5 тыс. экземпляров листовок. Их разбрасывали на улицах, у ворот домов, в железнодорожных мастерских, в тех местах, где было много рабочих. Кроме того, киевские листовки распространялись в Екатеринославе, Николаеве, Одессе.

В Николаеве начал свою революционную деятельность сын херсонского колониста 18-летний Л. Д. Бронштейн (Троцкий). По его инициативе в 1897 г. возник «Союз николаевских рабочих» («Южно-хорусский рабочий союз»). По собственному признанию Л. Д. Троцкого, тогда он еще «считал себя противником Маркса, книг которого, правда, не читал». В одной из ранних автобиографий Троцкий писал: «Политическое невежество мое было глубокое. В сущности, я ни одной революционной книги тогда не читал, и даже с Коммунистическим манифестом познакомился, читая и разъясняя его в кружке»⁴⁶. Местные рабочие знали Троцкого под псевдонимом Львов. Он развил бурную деятельность: подготовил устав новой организации, писал прокламации, статьи для нелегальной газеты «Наше дело». Подпольные встречи с рабочими проходили на квартирах, в лесу, на реке. Некоторые рабочие, «захваченные новыми чувствами», сочиняли «пролетарские стихи». А один даже «сочинил украинскую думку про Карла Маркса», которую распевали хором. Вспоминая тот период, Троцкий писал: «Влияние союза росло быстрее, чем формирование ядра вполне сознательных революционеров. Наиболее активные рабочие говорили нам: на счет царя и революции пока поосторожнее.

После такого предупреждения мы делали шаг назад, на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию»⁴⁷. «Южнорусский рабочий союз» просуществовал всего девять месяцев. Не без помощи двух провокаторов полиция арестовала свыше 200 человек, в том числе Троцкого.

Высылая активных участников марксистских кружков из центральных районов на окраины империи, полиция в немалой степени способствовала установлению связей между ними. В 1896–1897 гг. ссылки русских социал-демократов и их грузинские единомышленники создали марксистские кружки в Тифлисе, Батуме, Кутаиси. В один из таких кружков вступил ученик Тифлисской духовной семинарии И. В. Джугашвили (Сталин), который вел социал-демократическую пропаганду среди рабочих железнодорожных мастерских.

В 1890-е гг. центрами социал-демократического движения среди еврейских рабочих на западе и юго-западе России были Вильно и Минск. В Вильно среди социал-демократов существовало мнение об использовании марксизма в процессе объединения еврейских рабочих для борьбы с бесправием и притеснением евреев в Российской империи. В своем выступлении на собрании виленских агитаторов в мае 1895 г. Ю. О. Мартов предлагал создать специально еврейскую рабочую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение. В то же время он подчеркивал, что рабочее движение интернационально, что еврейский пролетариат может победить только вместе с рабочими других национальностей. В сентябре 1897 г. еврейские социал-демократы Вильно, Минска, Белостока, Варшавы, Витебска объединились во «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» («Алгемейнер Идишер Арбетер Бунд»), ставший широко известным под именем «Бунд». Основой организации были стачечные кассы. Бундовцы выступали за создание единой российской социал-демократической партии, но считали, что внутри нее должна существовать автономная организация еврейских рабочих. Они вели пропаганду, причем на русском языке, не только среди евреев, но также среди поляков и литовцев. Бунд был связан с петербургским и киевским «Союзами борьбы» и московским «Рабочим союзом», а также принимал активное участие в доставке нелегальной литературы из-за границы.

6. Рождение РСДРП (1898 г.): «первый блин комом»

В середине 1890-х гг. идея объединения разрозненных социал-демократических групп в партию уже носилась в воздухе и была очень популярна. Такую задачу ставили перед собою и социал-демократы петербургского «Союза борьбы». Находясь в тюремном заключении, В. И. Ульянов сначала написал молоком между строк легальной книги «Проект программы» для будущей партии, а затем «Объяснение программы» и передал их на волю через Н. К. Крупскую. Летом 1896 г. она ездила в Полтаву договариваться с киевскими марксистами о подготовке съезда и издании общей нелегальной газеты. Однако аресты и ссылка не позволили социал-демократам Петербурга созвать всероссийский партийный съезд. Затем за подготовку съезда взялись киевляне. В марте 1897 г. представители группы «Рабочее дело», объехав ряд организаций, пригласили в Киев товарищей из Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Вильно и польских социал-демократов. Однако явились только делегаты Петербурга и Москвы. Московский делегат показался инициаторам съезда подозрительно юным, и его отправили обратно. Так что вместо съезда получилась лишь скромная конференция. На ней было решено наладить в Киеве издание нелегальной общерусской «Рабочей газеты». Б. Л. Эйдельман, Н. А. Вигдорчик, П. Л. Тучапский выпустили в свет два номера: в августе и в декабре 1897 г. В передовице второго номера газеты говорилось, что «борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения». И далее: «Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию»⁴⁸. Г. В. Плеханов и группа «Освобождения труда» в целом отзывались о «Рабочей газете» довольно одобрительно. «В моих глазах, — писал Плеханов киевским товарищам, — ваш орган есть также и наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии»⁴⁹.

В это же время с инициативой проведения съезда выступил Бунд. (По мнению Ю. О. Мартова, организация Бунда ускорила сплочение других социал-демократических формирований и созыв I съезда РСДРП.) Один из основателей еврейской организации А. И. Кремер

съездил сначала в Петербург, а затем в Киев для переговоров, в ходе которых стороны пришли к соглашению. Таким образом, мысль о созыве учредительного партийного съезда российской социал-демократии исходила одновременно от Бунда и киевского «Союза борьбы». Техническую работу по подготовке съезда взял на себя Бунд.

Местом съезда был избран Минск, тогда тихий провинциальный город. Здесь не было еще усиленной полицейской слежки, как в Петербурге, Москве или Киеве. Делегаты съезжались поодиночке. На вокзале их встречали представители Бунда и разводили окольными путями по квартирам. Делегатов было очень мало: всего девять человек. На съезде присутствовали представители четырех «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса»: С. И. Радченко — от Петербурга, А. А. Ванновский — от Москвы, К. А. Петрусевич — от Екатеринослава, П. Л. Тучапский — от киевского «Союза борьбы» и Рабочего комитета, а также Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик — от «Рабочей газеты», А. И. Кремер, А. Мутник и Ш. Кац — от Бунда. На съезд не пригласили петербургских «молодых», одесскую и николаевскую социал-демократические группы, как не вполне устойчивые и недостаточно конспиративные. По разным причинам отказались участвовать в нем харьковские социал-демократы и Литовская социал-демократическая партия.

Съезд открылся в 10 часов утра 1 марта 1898 г. на квартире железнодорожника, социал-демократа П. В. Румянцева, в небольшом деревянном домике на окраине города, на Захарьевской улице. Съезд был строго законспирирован, хотя заседал в непосредственной близости от полиции: на другой стороне улицы находилось помещение конной жандармерии. Проходил съезд под видом вечеринки по случаю именин жены П. В. Румянцева. Из окна маленькой боковой комнатки, где заседал съезд, была предусмотрительно на случай побега вынута вторая рама. Окно выходило в сад, за которым текла река Свислочь и начинались лесные заросли. В соседней комнате непрерывно топила печь, чтобы при налете полиции можно было быстро сжечь компрометирующие материалы.

Съезд заседал три дня и имел шесть заседаний. Председателем был избран Эйдельман, Вигдорчик — секретарем. Порядок дня определял устав, составленный Эйдельманом и по конспиративным соображениям названный «Устав коллоквиума». Протокол

не велся, записывались только резолюции. Первым на съезде обсуждался вопрос о названии партии. Судя по проекту программы съезда, предлагалось рассмотреть несколько вариантов: «Русская социал-демократическая партия», «Русская рабочая партия», «Русский рабочий союз». Название «социал-демократическая» разногласий не вызывало. В конечном итоге решили назвать партию «российской». Тем самым съезд подчеркнул, что она должна строиться не по узко-национальному признаку.

Часть делегатов выступила против наименования партии «рабочей», мотивируя это тем, что фактически в социал-демократические группы входит пока немного рабочих. Мнения разделились. Большинством в пять голосов против четырех съезд утвердил название «Российская социал-демократическая партия». Слово «рабочая» было включено в него уже после съезда, при составлении Манифеста, с согласия двух членов ЦК.

При обсуждении национального вопроса, который вырос из более частного — об отношении партии к PPS (партии польских социалистов), делегаты высказались за признание права каждой нации на самоопределение. Остальное время съезд посвятил докладам делегатов с мест и, главным образом, обсуждению принципов построения партии. Они были изложены в 11 параграфах. В первом параграфе, по требованию делегации Бунда, было сказано, что он входит в партию как автономная организация, самостоятельная в вопросах, связанных с работой среди еврейского пролетариата. По предложению делегата из Екатеринослава, съезд дал автономию местным комитетам, разрешив им выполнять постановления ЦК в той форме, которую они найдут более подходящей для местных условий, а в исключительных случаях комитеты могли отказаться от выполнения требований ЦК, известив его о причине отказа.

Съезд избрал Центральный Комитет в составе С. И. Радченко, Эйдельмана и Кремера. Официальным органом партии была объявлена «Рабочая газета». Тучапский предложил обратиться к Плеханову с просьбой составить программу партии вместе с торжественной декларацией о ее возникновении, но Радченко посоветовал поручить это петербургской организации, так как, по его мнению, в Петербурге больше возможностей сделать это без проблем, «какие неизбежны при сношениях с границей». Съезд согласился с его доводами. Избранному ЦК было поручено выпустить Манифест партии.

3 марта 1898 г. съезд закончил свою работу. Напоследок делегаты решили отправить приветствие Плеханову в связи с 15-летием со дня выхода в свет его первой книги «Социализм и политическая борьба». В тот же вечер, по-видимому, они составили письмо к немецкой социал-демократии, посвященное 50-летию революции 1848 г. в Германии.

Казалось, что цель достигнута. Вскоре, однако, последовали «провалы». Киевские делегаты «притащили» с собой в Минск трех филеров из «летучего отряда», посланного на Юг начальником московского охранного отделения С. В. Зубатовым по поручению департамента полиции для розыска типографии «Рабочей газеты». И хотя в самом Минске никто не был задержан (филерам не удалось узнать, зачем сюда приезжали киевские социал-демократы), но буквально через неделю после съезда пятеро из девяти делегатов были арестованы. В июле полиция арестовала все руководство Бунда и их типографию в Бобруйске. Партийный центр фактически перестал существовать. Всего, по некоторым данным, в 27 городах России подверглось аресту около 500 социал-демократов.

Забегая вперед, отметим, что никто из делегатов I съезда РСДРП и избранного на нем ЦК большевиком не стал. Освободившись, многие из них отошли от всякой партийной работы.

Оставшийся на свободе С. И. Радченко предложил П. Б. Струве написать «Манифест РСДРП». Тот, по его признанию, не вкладывал в него личных убеждений, будучи к этому времени уже «критическим» марксистом. Он не подписал «Манифест», и уже много позднее писал: «Я сделал все, что было в моих силах, чтобы не внедрить в текст манифеста ничего из моих собственных убеждений, которые либо были бы восприняты как ересь, либо просто оказались бы недоступны для восприятия среднего социал-демократа»⁵⁰.

После того как С. И. Радченко и Кремер внесли в Манифест незначительные изменения, он увидел свет. В Манифесте указывалось, что местные социал-демократические группы, «соединяясь в партию», тем самым «окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы», а сама «Российская социал-демократическая рабочая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России», но она избирает другие пути и использует иные средства борьбы.

Манифест и решения съезда были опубликованы в апреле 1898 г. отдельным листком. Весть о возникновении партии произвела большое впечатление на всех марксистов. В. И. Ульянов узнал о съезде от Н. К. Крупской, которая приехала к нему в Шушенское в мае 1898 г. По воспоминаниям П. Лепешинского, Владимир Ильич «радовался, как ребенок. Он с величайшей гордостью заявил нам, своим ближайшим товарищам по ссылке и единомышленникам, что отныне он член российской соц.-дем. рабочей партии. Мы тоже все с большим удовольствием подхватили этот новый для нас мотив и как будто сразу выросли в своих собственных глазах»⁵¹. По случаю такого события Ю. О. Мартов на радостях распил с товарищами ссыльными бутылку редкой в Туруханском крае наливки, а после написал популярную брошюру о целях социал-демократии. Она была опубликована в Женеве.

Историческое значение первого съезда состоит в том, что он официально провозгласил образование РСДРП, завершив тем самым «период детства и отрочества» русской социал-демократии. Теперь прокламации марксистов стали выходить за новой подписью — «Комитет РСДРП». Однако говорить о реальном возникновении партии не приходилось. Какой-то координации между различными подпольными группами местного значения не существовало. В условиях отсутствия единого центра, программы, устава и после многочисленных провалов местные социал-демократические организации пребывали в состоянии организационного разброда и шатания. И значит, все надо было начинать сначала.

7. Первый раскол: марксисты-«политики» и марксисты-«экономисты»

После Минского съезда реальное объединение не состоялось не только в силу полицейских репрессий, но и по причине внутренних разногласий в среде социал-демократов — между «экономистами» и «политиками» (ортодоксальными марксистами).

В конце 1890-х гг. социал-демократическое движение встало перед альтернативой: либо сосредоточить свои усилия на улучшении экономического положения рабочих, либо готовиться к революционному

свержению самодержавия. Сторонники первой точки зрения считали необходимым создавать партию не на базе нелегальных революционных кружков интеллигенции, а на широкой основе рабочих организаций. Поскольку основной акцент делался на экономическую пропаганду среди рабочих, его представители получили название «экономистов». При всем многообразии идейных оттенков «экономистов» объединяло стремление приноровиться к интеллектуальному уровню пролетарской массы, общаться с ней на понятном ей языке. Они буквально понимали лозунг «Освобождение рабочих — дело рук самих рабочих». Отсюда — их стремление к строительству широкой рабочей организации, не стесненной партийными рамками, чуждой централизму и действующей самостоятельно относительно интеллигентских кружков. Среди активных деятелей этого течения были Б. Н. Кричевский, В. А. Бухгольц, Т. М. Копельзон, К. М. Тахтарев, А. А. Якубова, Н. Н. Лохов, П. В. Теплов, В. П. Иваньшин, С. Н. Прокопович. В их среде стало модным учение Э. Бернштейна.

Видный теоретик германской социал-демократии Э. Бернштейн сделал попытку пересмотреть фундаментальные постулаты учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Он обосновывал неприемлемость революционных методов достижения социализма, ратуя за перманентные реформы. Бернштейн пропагандировал классовое сотрудничество, основанное на расширении сферы демократических норм и неизбежности «мирного сосуществования» различных форм собственности.

Идеи Бернштейна нашли поддержку как в среде российской эмиграции, так и в самой России. В 1897 г. к руководству петербургским «Союзом борьбы» пришли «экономисты» и приступили к изданию газеты «Рабочая мысль». Она приобрела популярность, поскольку рассказывала о стачках и рабочей жизни. Первые два номера были отпечатаны на mimeографе и, как писала В. Засулич, «особенности языка свидетельствовали о том, что “статьи пишутся и редактируются самими рабочими”». Так оно и было. Один из учредителей газеты «Рабочая мысль» Я. А. Андреев с Колпинского механического завода вспоминал: «Мы представляли вихрастую группу самородков. Такой был и первый номер “Рабочей мысли”. В нем вместе с революционным пылом гнездилась и чисто обывательская оценка возможностей, которые, по нашему мнению, могли использовать рабочие в борьбе за свое существование. Мы вихрасто жили, вихрасто думали и вихрасто,

конечно, писали»⁵². С третьего номера газета печаталась за границей и просуществовала до 1902 г. (редакторами ее были К. М. Тахтарев и А. А. Якубова).

Среди «экономистов» действовало несколько групп. Особую позицию занимали супруги С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова. (В 1904 г. они вступили в либеральный «Союз освобождения».) В 1899 г. Кускова систематизировала свои представления и размышления о марксизме, характере рабочего движения и задачах социал-демократии в тезисном наброске под названием «Краткое изложение взглядов», не предназначая свою рукопись для общего сведения. Однако А. И. Ульянова-Елизарова послала копию тезисов Кусковой брату в Шушенское, подставив заголовок: «Кредо» (т. е. символ веры, мировоззренческая программа). В этом документе отказ рабочего класса от политической борьбы формулировался ясно и определенно, Кускова заявляла об исторической исчерпанности марксизма в том виде, в каком он был сформулирован в «Манифесте Коммунистической партии». Автор «Кредо» оценивала русский марксизм как «печальное зрелище», поскольку, по ее мнению, схемы, заимствованные «с чужого плеча», не соответствовали состоянию рабочего движения в России. Согласно ее пониманию, рабочий класс может и должен вести только экономическую борьбу, а «пропагандировать рабочим свержение самодержавия... это значит подвергать их величайшей опасности, какая только была возможна в истории». Кускова писала: «Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата, и участие в либерально-оппозиционной деятельности». А поэтому «стремление к захвату власти» должно уступить место стремлению «к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении»⁵³. Прокопович и Кускова выступали против идеи создания рабочей партии в России.

Документ, написанный Кусковой, произвел переполох в марксистских кружках и ссылке. Получив «Кредо», В. И. Ульянов написал «Протест российских социал-демократов». По его просьбе, 20 августа 1899 г. 17 социал-демократов (супруги Ванеевы, Кржижановские, Старковы, Лепешинские, а также Сильвин и др.), отбывавших ссылку в Минусинском округе, собрались в селе Ермаковском. После бурных дебатов, продолжавшихся почти три дня, все единодушно поддержали «Протест» против идей «экономистов» и подписались под ним. Копию документа послали Ю. О. Мартову, и ссыльные небольшой колонии

Туруханска без колебаний присоединились к нему. Вторую копию «Протеста», направленную в Орлов Вятской губернии, поддержали А. Н. Потресов, Ф. И. Гурвич (Дан), В. В. Воровский, Н. Э. Бауман и др. — всего 23 человека. Плеханов, получив от Ульянова «Протест», напечатал его в направленном против «экономизма» сборнике.

Ульянов и другие ортодоксальные марксисты оценивали «Кредо» как отход от марксизма; Кускову и Прокоповича он назвал «более бернштейнианцами, чем сам Бернштейн». Ругая «экономистов», Ульянов писал, что марксисты никогда не отрицали значения экономической борьбы. Речь шла лишь о необходимости ее соединения с борьбой политической в единую классовую борьбу. Осуществление же программы «Кредо», по его мнению, «было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии...»⁵⁴. Главную задачу рабочего движения революционные марксисты видели в создании такой социал-демократической партии, которая была бы нацелена на «захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества». В 1900 г. В. И. Ульянов писал: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию...»⁵⁵

Поскольку «экономисты» начинали явно преобладать в российском социал-демократическом движении, Ульянов не сомневался ни минуты: партия должна быть пересоздана заново. А это значит, по его мнению, что надо вырвать руководство из рук «оппортунистов» (т. е. отступников от бескомпромиссной революционности) и направить ее по единственно верному, истинно революционному пути.

Среди социал-демократов не было единого мнения о том, с чего и как начать построение партии. Одни полагали, что для ее создания достаточно восстановить ЦК, избранный на I съезде РСДРП; другие доказывали, что надо созвать второй съезд партии, который изберет новый ЦК и объединит все местные организации в единую партию.

Свой план ее создания разработал Ульянов. Наброски этого плана содержались в статьях, написанных им в ссылке: «Наша программа», «Наша ближайшая задача» и «Насущный вопрос» (1899). Ульянов считал необходимым, прежде всего, решительно размежеваться с «экономистами» и добиться единого понимания программных целей

и тактических задач партии. По его мнению, такую задачу была способна выполнить общерусская политическая газета. Такая газета при помощи сети агентов дала бы возможность организационно объединить отдельные социал-демократические организации в партию.

8. «Как чуть не погасла “Искра”». 1900 г.

Заканчивалась сибирская ссылка В. И. Ульянова. В конце 1899 г. он списался с Мартовым и Потресовым, предложив им заключить «трехсторонний союз» для подготовки издания газеты. К работе предполагалось привлечь группу «Освобождение труда». 29 января (10 февраля) 1900 г. срок ссылки В. И. Ульянова истек. Решением Особого совещания ему было запрещено проживать в университетских городах и крупных рабочих центрах России. Поэтому выбор места жительства был ограничен. Но еще летом 1899 г. Ульянов согласовал с Мартовым и Потресовым, членами Литературной группы, вопрос о будущем местожительстве — Пскове. За Псков говорила его близость к Петербургу и границе. 27 июня 1899 г. Владимир Ильич писал А. Н. Потресову: «Мой срок кончается 29.I.1900... Мечтаю о Пскове».

По дороге из Шушенского в Псков Ульянов побывал в целом ряде городов: Уфе, Москве, Подольске, Риге, Смоленске, Нижнем Новгороде, Казани и Самаре, созывал там совещания социал-демократов, подбирал первых корреспондентов газеты, договаривался о способах конспиративной связи (о шифрах, адресах, средствах, корреспонденциях и т. д.). В феврале 1900 г. Ульянов нелегально посетил Петербург, где на квартире Калмыковой провел переговоры с тайно приехавшей в Россию В. И. Засулич об участии группы «Освобождение труда» в издании за границей газеты и научно-популярного журнала.

В Пскове Ульянов жил с 26 февраля (10 марта) по 20 мая (2 июня) 1900 г. Здесь поселились Потресов и Л. Н. Радченко с детьми. Потресов и Ульянов получили, наконец, возможность обговорить все тонкости предстоящего дела. О чем они говорили, догадаться несложно: как вспоминала Н. К. Крупская, со слов Ульянова, «малышки-девочки Радченко, Женюрка и Люда, передразнивали его и Потресова. Заложив руки за спину, ходили по комнате рядом, одна говорила “Бернштейн”, другая отвечала “Каутский”»⁵⁶.

Наконец, в начале апреля 1900 г. в Пскове на квартире Любови Николаевны Радченко встретились В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Они утвердили названия будущей газеты и журнала — «Искра» и «Заря» — и одобрили написанный Ульяновым проект заявления «От редакции». Участники совещания решили, что за границей они будут жить по чужим паспортам, строго конспирировать работу и личное участие в ней. При этом П. Б. Струве и М. Туган-Барановский заявили, что, несмотря на свое несогласие с ортодоксально-марксистским направлением газеты, они будут ее поддерживать как орган, ставящий себе целью организацию политической борьбы против самодержавия.

Из-за сугубой конспирации Псковского совещания протокол не велся. Воспоминания Мартова являются, вероятно, единственным источником сведений о том, как проходило это совещание. С программной речью выступил Ульянов. Мартов и Потресов предварительно ознакомились с предложениями Ульянова и одобрили их. По наблюдению Мартова, Струве отмалчивался, а Туган-Барановский спорил. Но спор быстро угас, Струве и Туган-Барановский согласились сотрудничать в газете и журнале и даже сделали небольшой ежемесячный денежный взнос (Струве — 5 руб., Туган-Барановский — 10 руб.). Мартов сообщал о своих колебаниях по поводу сотрудничества с «легальными» марксистами. И тут же замечал: «Здесь я впервые мог наблюдать некоторые свойства Ленина как практического политика, которые развернулись впоследствии, — из своего скептицизма он отнюдь не делал вывода о необходимости для нас идти своим путем, ликвидировав свои отношения к правому крылу марксизма. Напротив, он, может быть, еще инстинктивно нащупал политическую линию, в которой, как столь часто у него впоследствии, мысль о самых широких исторических задачах причудливо сочеталась с представлением о весьма мизерных, мелкотравчатых, если хотите, вульгарных средствах. Нельзя ли сложившуюся ситуацию “использовать” для образующейся рабочей партии в том смысле, чтобы взять у будущих либералов все, что они сегодня могут дать в смысле поддержки нашей организации, — их средства, их влияние, их таланты, — с тем, чтобы завтра, когда с ними уже будет не по пути, выбросить их, как выжатый лимон. Эта приблизительно идея мелькала смутно еще в мозгу Ленина, когда он упорно возвращался к плану начинать нашу работу по строительству “ортодоксальной”

**П. Б. Струве и А. Н. Потресов —
участники Псковского совещания**

революционной социалистической партии при обязательном участии тех людей, которых он в душе уже считал отпетыми буржуазными демократами, внутренне разорвавшими с марксизмом и, вдобавок, в данный момент наиболее опасными для нашего собственного еще молодого движения, которое они развращали теоретическими софизмами»⁵⁷.

Этим высказыванием Мартов отделял себя от Ульянова, прежде всего в морально-политическом плане. Мартов предлагал на совещании сотрудничать не со Струве и Туган-Барановским, а с бундовцами и «экономистами», более близкими им по своим воззрениям, но Ульянов настоял на своем. Он предлагал ограничиться в общении со Струве сугубо деловыми контактами, несущими свои выгоды обеим сторонам. Но в начале 1901 г. пути Ульянова, тогда уже одного из редакторов «Искры», и Струве вновь разошлись, когда их переговоры о совместном издании общеполитического приложения к журналу «Заря» под названием «Современное обозрение» закончились ничем.

После совещания в Пскове началась деятельная подготовка к изданию «Искры». Искровскую группу в Пскове должны были возглавить А. М. Стопани и П. Н. Лепешинский, в Риге — М. А. Сильвин, в Смоленске — И. В. Бабушкин, в Уфе — Н. К. Крупская и А. Д. Цюрупа. Социал-демократические явки, адреса, связи были намечены в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Сызрани, Самаре, а также на Украине (через Мартова, жившего тогда в Полтаве). Так шаг за шагом складывалась знаменитая сеть агентов газеты, которая впоследствии послужила остоном русской организации «Искры».

Еще до совещания в Пскове, в феврале–марте 1900 г., А. М. Калмыкова совершила поездку в Германию для переговоров с одним из руководителей Германской социал-демократической партии А. Бебелем о возможности постановки издательского дела в Германии. А. Бебель советовал Ульянову поселиться в Баварии. Хорошая полиграфическая база в Германии расширяла возможности для постановки

нелегальной типографии, а общая государственная граница облегчала транспортировку нелегальной литературы в Россию.

В начале апреля 1900 г. Ульянов подал прошение псковскому губернатору о выдаче ему заграничного паспорта для поездки в Германию. Цель поездки Ульянов мотивировал так: «...еду... для продолжения моих научных занятий и пользования библиотеками, так как в России мне закрыт доступ во все большие города, а также и с лечебными целями»⁵⁸. Ходатайство было удовлетворено, и 5 мая он получил заграничный паспорт.

Перед отъездом за границу Ленин вместе с Мартовым вновь тайно наведлся в Петербург. Здесь их выследили и арестовали. Причем, как рассказывал Ульянов потом, сразу схватили «за руки, один — за правую, другой — за левую, да так взяли, что не двинешься... если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы. Привезли в градоначальство, обыскали, стали допрашивать: “Зачем приехали? Ведь вам известно, что в столицы вам запрещен въезд?”»⁵⁹ Начальник петербургской охранки полковник Пирамидов иронизировал: «И выбрали путь, нечего сказать! Через Царское Село! Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?» Крупская вспоминала, что в жилетке у Ленина «было 2 тысячи рублей, полученных от Тетки (А. М. Калмыковой), и записи связей с заграницей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы» был написан какой-то счет. Жандармы не догадались нагреть листок, а то «не пришлось бы Владимиру Ильичу ставить за границей общерусскую газету»⁶⁰. Через десять дней их выпустили.

В июле 1900 г. Ульянов выехал за границу. Причем к тому времени у него было два паспорта. Один — на имя Николая Ленина. Вопрос о том, как и откуда у В. И. Ульянова появился псевдоним Н. Ленин, вызвал множество версий. Но наиболее убедительный ответ дал М. Г. Штейн в своей книге «Ульяновы и Ленины. Тайна родословной и псевдонима». Дело, видимо, обстояло так. Когда возникло опасение, что власти могут отказать Владимиру Ильичу в выдаче заграничного паспорта, Н. К. Крупская обратилась за помощью к своей хорошей знакомой Ольге Николаевне Лениной, выпускнице историко-филологического факультета Высших женских (Бес-тужевских) курсов, которая работала в Смоленской вечерней рабочей школе в Петербурге. Чтобы помочь В. И. Ульянову, О. Н. Ленина передала эту просьбу брату — видному чиновнику министерства

земледелия, агроному Сергею Николаевичу Ленину. С аналогичной просьбой к нему, видимо, обратился и его друг — статистик А. Д. Цюрупа, познакомившийся с Ульяновыми в Уфе. Сам С. Н. Ленин и его брат Николай были знакомы с В. И. Ульяновым — в 1895 г. они встречались в Вольном экономическом обществе. К тому же Ульянов трижды ссылался на статьи С. Н. Ленина в «Развитии капитализма в России». Посоветовавшись, брат и сестра Ленины решили передать Ульянову паспорт отца — Николая Егоровича Ленина, статского советника в отставке (он умер 6 апреля 1902 года). Как пишет М. Г. Штейн, «в одной из псковских гостиниц С. Н. Ленин и передал паспорт своего отца с переделанной датой рождения Владимиру Ильичу, проживавшему тогда в Пскове. Но в тот момент паспорт на имя Н. Е. Ленина В. И. Ульянову не понадобился»⁶¹.

В начале августа Ульянов вел предварительные переговоры с Аксельродом в Цюрихе и Плехановым в Женеве. 11 (24) августа все съехались в Корсье, близ Женевы. Пять дней Ульянов, Потресов, Плеханов, Аксельрод и Засулич совещались об издании «Искры» и «Зари», их программе и совместном редактировании. Ульянов, Потресов и Мартов еще в России решили возглавить редакцию «Искры», сохранив свою самостоятельность. Плеханов пребывал в плохом настроении: в апреле 1900 г. на II съезде «Союза русских социал-демократов за границы» (он был создан в 1894 г.) в Женеве произошел окончательный разрыв группы «Освобождение труда» с «экономистами» и большинством «молодых» членов «Союза». Е. Д. Кускова тогда заявила: «Ну, что ж, Георгий Валентинович, до сих пор вы стояли во главе революционного движения. Теперь пришла очередь Сергея Николаевича [Прокоповича]».

Теперь Плеханов, одобряя идею издания марксистских органов, претендовал на особое, привилегированное положение в редакции, фактически требуя редакторского единоначалия. Переговоры протекали очень бурно и едва не кончились полным разрывом. Был момент, когда Ульянов и Потресов чуть было не отказались от совместной работы с Плехановым. «Как чуть не потухла «Искра»? — так назвал Ульянов свою запись об этом совещании, адресованную Н. К. Крупской, в которой он излил свою боль: «Быть пешками в руках этого человека мы не хотим; товарищеских отношений он не допускает, не понимает... Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем

неразрывно связывал всю свою жизненную работу»⁶². Стороны с большим трудом пришли к согласию. В редакцию «Искры» вошли представители социал-демократических организаций России (В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов) и члены группы «Освобождение труда» (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич), причем Плеханову предоставлялось два голоса.

Переговоры дались Ульянову нелегко. «В эти дни, — рассказывал Потресов, — он перестал есть, спать, осунулся, пожелтел, даже почернел». Немедленно после совещания Ульянов выехал в Мюнхен, где обособилась редакция «Искры». Здесь он первое время жил без прописки под фамилией Мейер на квартире германского социал-демократа Ритмейера, державшего пивную. «Комнатешка у Владимира Ильича была плохонькая, — вспоминает Н. К. Крупская, — жил он на холостяцкую ногу, обедал у какой-то немки... Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана»⁶³. В Мюнхене же остановились Потресов и Засулич, а весной 1901 г. приехали Мартов и Крупская, которая стала секретарем редакции. Плеханов и Аксельрод остались в Швейцарии, связь с ними поддерживалась перепиской и редкими совещаниями редакции.

В конце сентября—начале октября 1900 г. отдельным листком вышел первый программный искровский документ — написанное Ульяновым «Заявление редакции “Искры”». В нем говорилось, что путь к созданию партии лежит через размежевание: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Вся осень 1900 г. ушла на организационную подготовку издания: Ульянов договаривался с типографией, устанавливал контакты с деятелями международной социал-демократии (Кларой Цеткин, Адольфом Брауном, Юлианом Мархлевским) и т. п.

9. Из «Искры» возгорится пламя! 1901–1902 гг.

Наконец 11 (24) декабря 1900 г. в Лейпциге вышел первый номер «Искры» — нелегальной общерусской политической газеты. Последующие ее номера издавались в Мюнхене, с июня 1902 г. — в Лондоне,

с весны 1903 года, незадолго до II съезда партии, — в Женеве. В заголовке газеты значилось: «Российская социал-демократическая рабочая партия». Эпиграфом газеты были взяты слова из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя!» В первом номере были напечатаны три статьи Ульянова, две — Мартова, а также Аксельрода, Раковского, обширная хроника рабочей жизни и т. п.

С первого номера газета критиковала на материалах русской действительности политику правительства как «прямого врага» социал-демократов, а также вела ожесточенную полемическую борьбу с «экономистами». Искровцы высмеивали взгляды последних в распространенном в то время среди марксистов «Гимне новейшего русского социализма», который пелся на мотив «Варшавянки»:

Грозные тучи нависли над нами,
Темные силы в загромок нас бьют,
Русские спины покрыты рубцами,
Хлещет неистово варварский кнут.
Но, потираючи грешное тело,
Мысля конкретно, посмотрим на дело:
«Кнут ведь истреплется, — скажем народу, —
Лет через сто ты получишь свободу».

Медленным шагом,
Робким зигзагом,
Тише вперед,
Рабочий народ!..

В нашей борьбе самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнут когда-нибудь сами собой.
Высшей политикой нас не прельстите
Вы, демагоги трудящихся масс.
О коммунизмах своих не твердите,
Веруем... в мощь вспомогательных касс.

Если возможно,
Но осторожно,
Шествуй вперед,
Рабочий народ!

Это стихотворение, принадлежащее перу Ю. О. Мартова, было впервые напечатано в апреле 1901 г. на страницах журнала «Заря» под псевдонимом «Нарцис Тупорылов». Приехав в Мюнхен весной 1901 г., Мартов сразу стал, по определению Троцкого, «главной публицистической силой «Искры»». До II съезда РСДРП все номера газеты в редакционно-техническом отношении готовились им вместе с Лениным. В 1900–1903 гг. в «Искре» было помещено 49 публикаций Мартова, в том числе 13 передовых статей. Ленин (с декабря 1901 г. В. И. Ульянов стал подписывать некоторые свои работы этим псевдонимом) опубликовал 32 материала, из них 16 передовиц.

Номера «Искры» выпускались в среднем тиражом в 8 тыс., а иногда до 10 тысяч экземпляров. Это было немало даже для легальной печати того времени. Помимо редакторских статей в 44 номерах газеты, вышедших до II съезда партии, было опубликовано около 500 заметок рабочих корреспондентов.

«Искра» превратилась в центр руководства местными социал-демократическими организациями, связь с которыми осуществлялась через агентов газеты Н. Э. Баумана, И. В. Бабушкина, Е. Д. Стасову, В. К. Курнатовского, В. З. Кецховели, Г. И. Окулову и многих других. Функции агентов «Искры» были чрезвычайно разнообразны: они занимались транспортировкой газеты и другой нелегальной литературы через границу, ее доставкой и распространением, устанавливали и расширяли связи с редакцией, собирали деньги для регулярного выпуска «Искры» и т. д.

После основания «Искры» главной проблемой было ее распространение. В мае 1901 г. Ленин настойчиво напоминал П. Н. Лепешинскому и П. А. Красикову: «Вообще весь гвоздь нашего дела теперь — перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть всецело наляжет на это»⁶⁴. До весны 1901 г. редакция

Первый номер «Искры»

«Искры» не имела своих путей переправки газеты через границу и использовала для ее транспортировки возможности других революционных организаций. Это был весьма ненадежный канал доставки литературы. Так, в начале 1901 г. транспорт с № 1 «Искры» должны были доставить в Россию студенты-латыши Э. Ролау и Э. Скубик, обучавшиеся в Цюрихе и занимавшиеся перевозкой запрещенных изданий на латышском языке через прусско-русскую границу. Однако к тому времени они уже находились под наблюдением парижской агентуры Департамента полиции. Поэтому весь транспорт был арестован, и в руки жандармов попало около 6,5 тыс. экземпляров искровских изданий, в том числе большая часть тиража первого номера «Искры». В июне 1901 г. Э. Ролау был схвачен при переходе границы, и жандармы захватили еще семь тюков с искровской литературой. Таким образом, оба транспорта (11 169 экз.) не дошли до пунктов назначения в России. При этом редакция «Искры» понесла еще и тяжелый финансовый урон. Он составил свыше 2 тыс. руб., что было равнозначно почти половине первоначального фонда «Искры».

На первых порах агенты «Искры» пользовались так называемым чемоданным путем, то есть специальными чемоданами с двойными стенками, в которые заделывалась литература. Такие чемоданы в большом количестве изготавливала для революционеров одна мелкая фабрика в Берлине. Например, в декабре 1900 г. один из первых агентов газеты в России Н. Э. Бауман нелегально привез в Москву в таком «секретном» чемодане около 260 экземпляров первого номера газеты «Искра». Чемоданный способ, однако, имел большие недостатки: чемоданы зачастую брали с оказией люди, сочувствующие социал-демократам, но слабо связанные с организацией, которые вдобавок доставляли литературу не туда, где она была особенно нужна в данный момент, а куда они сами ехали. Иногда у «сочувствующих» не хватало храбрости пройти с таким чемоданом таможенный досмотр — они оставляли его на пограничной станции «с той стороны». Тогда чемодан приходилось вырывать. П. Н. Лепешинский вспоминает, например, как за оставленным в Выборге кем-то чемоданом ездила его жена — Ольга Борисовна. Тяжелый (в стенки заделана литература) чемодан оказался пустым. На закупку каких-либо дорожных вещей или предметов туалета не хватает денег. В огромном количестве закупаются... выборгские крендели. При таможенном досмотре

Агенты «Искры»:

Н. Э. Бауман, Г. М. Кржижановский, М. М. Литвинов, О. А. Пятницкий

«осмотрщик с четверть минуты стоит над чемоданом с тупым взором, как будто что-то соображая... Ужасных, полных драматизма четверть минуты... Потом машет рукой и идет к следующему пассажиру»⁶⁵.

Всего до февраля 1902 г. удалось отправить в Россию 60 чемоданов с искровской литературой. С весны 1902 г. от чемоданов пришлось отказаться, так как полиция раскрыла этот способ доставки литературы. «Чемоданным способом больше пользоваться нельзя»⁶⁶, — сообщала Крупская Бюро русской организации «Искры» в апреле 1902 г.

Поскольку потребность в литературе была очень велика, искровцы придумывали все новые хитрые способы ее доставки. О. А. Пятницкий, один из организаторов транспортировки «Искры», проживавший в Берлине, вспоминал: «Тогда мы изобрели панцирь: для мужчин шивали нечто вроде жилета, куда вкладывали 200–300 экземпляров “Искры” и нетолстые брошюры, а для женщин — лифы и еще заделывали в юбках. Женщины могли брать с собою экземпляров 300–400 “Искры”. Это называлось на нашем языке — транспорт “экспресс”. Одевали мы в такие панцири всех — от ответственных товарищей до простых смертных, которые только попадали нам в руки»⁶⁷. Ходить в таком панцире летом, в жару было невыносимо тяжело, но некоторым даже нравилось: «женщины привыкали к ним, панцири делали их статными, солидными, с хорошими фигурами»⁶⁸.

К осени 1901 г. удалось организовать транспортировку «Искры» через австрийскую границу, а вскоре и через германскую. Эти пути оказались самыми надежными. Другие оказались неудачными,

быстро провалились: так, случайно в Архангельске при выгрузке разбился бочонок с литературой и из него на глазах у жандармов вместо сельдей (как значилось по накладной) посыпались издания «Искры».

В самой России удалось создать три группы содействия «Искре»: в Полтаве, Пскове и Самаре. Здесь имелись склады, специальные люди принимали и развозили литературу, собирали деньги, посылали корреспонденции и т. п. Вскоре благодаря энергии Н. Э. Баумана, для конспирации называвшего себя представителем крупной немецкой фирмы «Зингер» и имевшего подпольные клички Аким и Грач, появился еще один опорный пункт в центре — в Москве.

«Искра» получала разную помощь от людей, сочувствовавших ее делу. Актриса МХТ М. Ф. Андреева, формально вступившая в большевистскую партию в 1904 г., а задолго до этого работавшая под партийной кличкой Феномен, выполняла многочисленные поручения «Искры» и лично Ленина. В. И. Качалов предоставил свой адрес для направления переписки «Искры», укрывал от полиции агента «Искры» Н. Э. Баумана. Тесно был связан с «Искрой» и Московским комитетом партии и А. М. Горький, оказывавший им большую денежную помощь. В 1901 г. совместно с писателем С. Т. Петровым (Скитальцем) А. М. Горький приобрел mimeограф, начав печатать на нем прокламации для рабочих Сормова и Нижнего Новгорода. За это они были арестованы.

Вопросам конспирации уделялось большое внимание: важно было вовремя выявить наружное наблюдение, суметь оторваться от филеров и не привести хвост на явку или конспиративную квартиру. Для этой цели использовали извозчиков, проходные дворы и т. д. Г. М. Кржижановский писал 12 (25) апреля 1902 г. в редакцию «Искры»: «...за нами за всеми отчаянно следят, и во многих случаях мы, увы, оказались не на высоте положения. Опыт показывает, что, чтобы что-нибудь сделать под нашей фирмой, надо быть прямо гением конспирации...»⁶⁹ Следовало уделять внимание каждой мелочи. Подтверждением тому может служить арест И. С. Блюменфельда при транспортировке искровской литературы через русско-австрийскую границу. Он провалился только потому, что метка на его носовом платке не соответствовала начальным буквам его вымышленных имени и фамилии, и на это обратил внимание офицер пограничной стражи. При тщательном осмотре багажа полиция

обнаружила в трех чемоданах с двойным дном 354 экземпляра «Искры», 42 экземпляра книг В. И. Ленина «Что делать?» и другую литературу. В картонной коробке с куклой, в крышке с двойным дном, были обнаружены картонные матрицы «Искры». И. С. Блюменфельд был арестован и препровожден в Киев, в Лукьяновскую тюрьму.

В конце 1901 — начале 1902 г. полиция нанесла удар по «Искре», захватив транспорты литературы на германской границе, в Харькове, Одессе, Ростове; за тюремной решеткой оказались многие видные агенты «Искры». Особенно большой потерей стал арест в феврале 1902 г. Н. Э. Баумана. Полиция давно за ним следила. Стремясь уйти от преследования, он выпрыгнул на ходу из поезда и, голодный и усталый, был выдан негодяем, к которому обратился за помощью. Но уже через полгода ему удалось бежать. 18 августа 1902 г. 11 политических заключенных совершили дерзкий побег из Лукьяновской тюрьмы в Киеве. На свободе оказались десять искровцев (Н. Э. Бауман, И. С. Блюменфельд, Л. Я. Гальперин, М. М. Литвинов, О. А. Пятницкий и др.) и эсер Б. М. Плесский.

Полиция пыталась вербовать арестованных искровцев. Так, когда в 1902 г. при выполнении поручения редакции «Искры» в Москве была задержана О. Л. Канцель (Таня), начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов предложил ей поступить на службу в охранку. В ответ на это, выражая свое возмущение, Таня бросила в него чернильницу. Впоследствии Н. К. Крупская писала: «Первое время не было такого обилия провокаторов, как позднее. Люди были все надежные, хорошо знавшие друг друга»⁷⁰.

Еще в октябре 1901 г. Ленин вел переговоры с Г. М. и З. П. Кржижановскими, приезжавшими к нему по окончании сибирской ссылки, на предмет создания русской организации «Искры». В конце января 1902 г. в Самаре состоялся съезд искровцев, который избрал Центральный комитет из 16 человек. Чтобы обеспечить влияние «Искры», во все основные районы направлялись ее представители. К середине 1902 г. силы были распределены следующим образом. В Пскове находился П. Н. Лепешинский. В Москву направлена Г. И. Окулова. В Поволжье работали Е. В. Барамзин, В. П. Арцыбушев и К. К. Газенбуш. В Киев переехал Ф. В. Ленгник, в Одессу — Д. И. Ульянов, позднее — Р. С. Землячка. «Летучими агентами» были И. И. Радченко и М. А. Сильвин.

10. Типография «Нина», Леонид Красин и деньги, деньги, деньги...

Поскольку в Россию груз с искровской литературой шел долго, издатели решили печатать газету в самой России, где уже существовали подпольные типографии в Баку, Кишиневе и Нижнем Новгороде. Бакинская типография, основанная грузинским социал-демократом В. З. (Ладо) Кецховели и названная «Нина», проработала дольше других.

Огромную организационную и техническую помощь типографии оказывал бывший ссыльный инженер Л. Б. Красин (Никитич). В июне 1900 г. он приехал в Баку, получив приглашение от своего товарища по Петербургскому технологическому институту Р. Э. Классона руководить строительными работами только что основанного акционерного общества «Электросила». Стараниями Красина на электростанции, где он занимал должность помощника директора, оказались чуть ли не все видные члены Бакинского комитета РСДРП: Н. П. Козеренко стал бухгалтером, Л. Е. Гальперин — статистиком, Авель Енукидзе — чертежником, В. А. Шелгунов и С. А. Аллилуев — монтерами и т. д. Гальперину принадлежала главная роль в налаживании транспорта искровских изданий по маршруту Вена — Тавриз (Персия) — Баку. В Персию литературу слали посылками, а из Тавриза в Баку перевозили на лошадях. Отсюда конспиративное название персидского пути — «лошадиный» и партийный псевдоним Гальперина — Коняга. А потом в целях конспирации в далекой Женеве секретарь «Искры» Н. К. Крупская зарегистрировала всю Бакинскую организацию под именем «лошадей».

В представлении Красина, «электрическая станция, да еще строящаяся, была чрезвычайно удобной базой для... хранения литературы, шрифта и т. п... Два-три раза жандармы пробовали производить обыски на электрической станции, но, безнадежно махнув рукой, должны были оставить в покое эту техническую цитадель, ввиду полной невозможности там что-либо сделать»⁷¹. Сообщив издателям «Искры» о своей готовности печатать газету, бакинцы просили регулярно присылать им макеты набора, с которых можно было отливать металлические матрицы. Чтобы избежать конфискации на таможне, Красину

посылали макетные листы внутри технических книг и журналов, которые он специально, как уважающий себя инженер, стал выписывать из-за границы. Кроме того, Красин несколько раз помогал модернизировать печатный станок, доставая в Германии необходимые детали.

После ареста Кецховели и его помощника А. С. Енукидзе в 1902 г. революционеры еще больше засекретили деятельность «Нины», типография несколько раз меняла адреса, в конечном итоге Бакинский комитет решил спрятать ее буквально под землю. Оборудование типографии находилось в подвале амбара, куда вел

В. З. Кеcховели

потайной ход. В подполье, где размещалась типографская техника, никто из посторонних не допускался. К тому же типография находилась в районе, населенном татарами, которые особенно враждебно относились к полиции, а та в свою очередь сравнительно редко его посещала. Поэтому полиция никак не могла напасть на ее след. Но работать в подпольной типографии было невероятно трудно: в помещение не проникал солнечный луч и едва поступал свежий воздух, работники не имели права выходить на улицу днем, да и ночью их прогулки ограничивались небольшим квадратом внутреннего двора дома, в котором была расположена типография. Поэтому напряжение было настолько громадным, что у рабочих иногда сдавали нервы. Много усилий прилагал А. С. Енукидзе, бежавший из-под стражи по пути в сибирскую ссылку, чтобы успокоить, ободрить вконец измотанных людей.

Для постановки издательского дела постоянно требовались финансы, и немалые. Значительная часть средств шла на зарплату наборщикам и печатникам, на покупку техники, шрифтов, бумаги. Кроме того, много средств тратилось на перевозку и хранение литературы. Инженер Л. Б. Красин играл главную роль в добывании денег для типографии. Он развернул бурную деятельность: обращался за помощью к тем представителям либеральной интеллигенции, которые сочувствовали революционерам, устраивал аукционы, организовывал чтение лекций, проводил лотереи. Немалые средства собирались за счет организации музыкальных и вокальных вечеров и показов спектаклей в домах местных богачей-нефтепромышленников. На них, как

правило, приходила состоятельная публика, платившая за вход большие деньги, вовсе не подозревая, куда они пойдут. Успех сопутствовал Красину во многом потому, что он, стройный, всегда хорошо одетый, с изысканными манерами, обаятельный, умел произвести впечатление на окружающих.

Запоминающимся оказался приезд в Баку в январе 1903 г. знаменитой актрисы В. Ф. Комиссаржевской. Красин воспользовался моментом и организовал бенефис актрисы, причем представление состоялось в доме начальника полиции. Комиссаржевская впоследствии так рассказывала о своем знакомстве с Красиным одному из его ближайших помощников А. Н. Тихонову (А. Сереброву): «Леонид Борисович был там инженером, а я гастролировала. Пришел ко мне — никогда я его прежде и не видела — и с первого слова: “Вы — революционерка?” Я растерялась, ничего не могла ответить, только головой кивнула... “В таком случае сделайте вот что...” И таким тоном, словно я ему подчиненная...

В Баку меня любят... Начальник жандармов — мой поклонник. У него в квартире мы и устроили концерт. Закрытый, только для богатых. Билеты не дешевле пятидесяти рублей... Я пела, читала, даже танцевала тарантеллу... Успех полный... В антракте мне поднесли букет... из сторублевок. Леонид Борисович, красивый, во фраке, понюхал букет, смеется: “Хорошо пахнет”... И — мне на ухо: “Типографской краской пахнет!”... Дело-то в том, что сбор с концерта шел на подпольную типографию. После концерта у меня в уборной — вся местная знать... Благодарят, целуют мне руки. Леонид Борисович стоит в сторонке, ухмыляется. Распорядитель вечера подносит мне на блюде выручку с концерта... Что-то несколько тысяч. Деньги перевязаны розовой ленточкой с бантом... Через несколько дней Леонид Борисович уехал с ними за границу — покупать типографию. Я ему говорю: “Вы бы мне хоть розовую ленточку оставили — на память!”, смеется: “И так не забудете!” Сумасшедший!»⁷²

Комиссаржевская прониклась, видимо, симпатией к Красину не только потому, что он был, по ее словам, «щеголеватый мужчина, ловкий, веселый, сразу видно, что привык ухаживать за дамами»⁷³, но и потому, что он заставил ее вспомнить героев всех революционных романов, прочитанных ею в юности. И в дальнейшем Вера Федоровна помогала революционерам. Причем имя Красина — Никитича действовало как пароль. Г. М. Кржижановский свидетельствует,

как в 1905 г., по поручению Красина, он прибыл в Киев, где в то время гастролировала Комиссаржевская. После спектакля, очередного триумфа, к актрисе было не подойти: всюду море цветов, в приемной теснилась огромная толпа «почитателей таланта». Кржижановский волновался, примет ли? Ему неловко — ведь предстояло, по его словам, нечто вроде «ограбления». Он передал лакею «записочку» от Никитича и, к его удивлению, тут же был удостоен аудиенции. Целый час он беседовал с Комиссаржевской о делах, «а больше всего о “Никитиче”, внушающем ей искреннее восхищение»⁷⁴. Как-то само собой был решен и денежный вопрос. «Ну и Никитич, ну и мастер!» — восхищался Кржижановский про себя после этого «экса».

Деятельность Красина, связанная с типографией «Нина», не оставалась незамеченной. В дальнейшем его роль как добытчика денег на революцию необычайно возросла, и он стал главным финансистом РСДРП. При посредничестве А. М. Горького Бакинский комитет установил связь с А. Д. Цюрупой, управлявшим тогда в Уфимской губернии имениями Кугушева. Цюрупа с этого момента стал систематически помогать Бакинской типографии деньгами. Но особенно «прибыльным» для социал-демократов стало знакомство с известным предпринимателем, владельцем крупнейшей ткацкой фабрики С. Т. Морозовым.

Зимой 1903 г. инженер Красин приехал к Горькому, который жил в это время на курорте в Сестрорецке, просить его от имени Ленина и марксистов организовать встречу с Саввой Морозовым. Свидание состоялось через три дня. А. М. Горький вспоминал: «Деловая беседа фабриканта с профессиональным революционером, разжигавшим классовую вражду, была так же интересна, как и коротка. Вначале Леонид заговорил пространно и в “популярной” форме, но Морозов, взглянув на него острыми глазами, тихо произнес:

— Это я читал, знаю-с. С этим я согласен. Ленин — человек зоркий-с.

И красноречиво посмотрел на свои... часы... Затем произошло приблизительно следующее:

— В какой же сумме нуждаетесь? — спросил Савва.

— Давайте больше.

Савва быстро заговорил...

— Личный мой доход ежегодно в среднем шестьдесят тысяч, бывает, конечно, и больше, до ста. Но треть обыкновенно идет на

разные мелочи, стипендии и прочее такое. Двадцать тысяч в год — довольно-с?

— Двадцать четыре — лучше! — сказал Красин.

— По две в месяц? Хорошо-с.

Леонид усмехнулся, взглянув на меня, и спросил: нельзя ли получить сразу за несколько месяцев?

— Именно?

— За пять, примерно?

— Подумаем.

И, широко улыбаясь, пошутил:

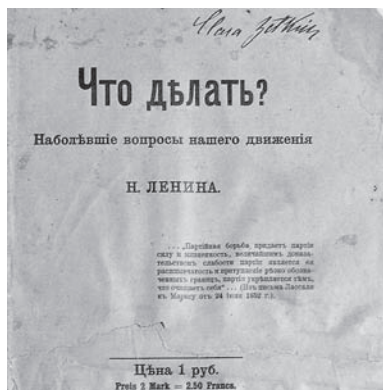
— Вы с Горького больше берите, а то он извозчика нанимает за дву-гривенный, а на чай извозчику полтинник дает»⁷⁵.

Таким образом, по утверждению Горького, С. Т. Морозов «давал на издание “Искры”, кажется, двадцать четыре тысячи в год»⁷⁶. Почему Морозов стал помогать, и не только финансово (известно, что он, например, укрывал от полиции Н. Э. Баумана), революционерам? Когда писатель прямо спросил его об этом: «Скажи, наконец, чего тебе надо от революции?», тот ответил: «Твердой власти и порядка. Самодержавие прогнило насквозь. Россию можно перестроить только снизу»⁷⁷. Морозов считал, что революция расчистит предпринимателям путь к власти.

Постепенно многие местные социал-демократические организации присоединялись к программе «Искры». В марте 1902 г. в Штут-

гарте вышла в свет книга Ульянова «Что делать?», которую он подписал «Н. Ленин». Эту работу он начал писать весной 1901 г. «Помню, как он рассказывал мне о ней, — вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова, — о ее плане весной 1901 г., когда мы ухаживали с ним вечером побродить по улицам Мюнхена, а потом заходили в какой-нибудь трактирчик выпить пива; помню, как он убежал от Мартова, от всех разговоров, потому что находился в периоде творчества...»

Тема «Что делать?» — как должна создаваться и какой должна быть

Обложка книги Ленина
«Что делать?»

революционная пролетарская партия. С целью преодоления «кружковщины» Ленин задумывал партию как жесткую централистскую организацию. Вопреки заявлениям «экономистов», что социалистическое сознание может быть выработано со временем самим движением, Ленин утверждал, что оно должно быть внесено в него извне профессиональными революционерами. Только они способны внести в рабочую среду политическую сознательность и привести пролетариат к победе. Силами «доморощенных» социал-демократических кружков, пытающихся идти в ногу со стихийным рабочим движением, революцию никогда не произвести. Но «... дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»⁷⁸ Это перефразированное изречение древнегреческого ученого Архимеда «дайте мне точку опоры, и я подниму Землю» — квинтэссенция всей ленинской работы. Именно эта книга Ленина сразу стала популярной среди молодых социал-демократов России. В то же время, как писал впоследствии один из лидеров меньшевизма Ф. И. Дан, идеи «Что делать?» оказались динамитом, через какой-то год взорвавшим единство партии.

Примечания

- ¹ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 60.
- ² См.: Логинов В. Т. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. М., 2005. С. 86.
- ³ Там же. С. 87.
- ⁴ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988. С. 130.
- ⁵ См.: От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886–1894). Сборник. Ростов н/Д., 1921. С. 17, 56.
- ⁶ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958. 49.
- ⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. В 2 т. Т. 1. 1870–1917. М., 1987. С. 34.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 283, 286.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 310.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 311–312.
- ¹² См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. Т. 1. С. 39.
- ¹³ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924. С. 240.
- ¹⁴ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 287.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 224.
- ¹⁷ Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4. С. 219.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 16.
- ¹⁹ Цит. по: Гнатюк О. Л. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998. С. 84.
- ²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 441; Т. 4. С. 358; Т. 7. С. 204–211; Т. 9. С. 51; Т. 12. С. 340; Т. 26. С. 227.
- ²¹ Тахтарев К. М. В. И. Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. 1924. № 24. С. 22–23.
- ²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 430.
- ²³ См.: Логинов В. Т. Владимир Ленин... С. 200–201.
- ²⁴ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге (1893–1901 гг.). По личным воспоминаниям и заметкам. Л., 1924. С. 31.
- ²⁵ Исторический архив. 1958. № 6. С. 209; См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. Т. 1. С. 43.
- ²⁶ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 271.
- ²⁷ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 266.
- ²⁸ Там же. С. 265.

- ²⁹ Там же. С. 267. .
- ³⁰ Там же. С. 267–268.
- ³¹ Там же. С. 276.
- ³² Там же. С. 278.
- ³³ См.: История КПСС. Т. 1. М., 1964. С. 227.
- ³⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. Т. 1. С. 47.
- ³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 12.
- ³⁶ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 45.
- ³⁷ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 294–295.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 72.
- ³⁹ См.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 24.
- ⁴⁰ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 336–337.
- ⁴¹ Валентинов Н. В. Малоизвестный Ленин. СПб., 1991. С. 26. .
- ⁴² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 30.
- ⁴³ См.: Валентинов Н. В. Малоизвестный Ленин. С. 21.
- ⁴⁴ Там же. С. 24.
- ⁴⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. Т. 1. С. 65–66.
- ⁴⁶ См.: Васецкий Н. А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992. С. 16.
- ⁴⁷ См.: Невский В. И. Южно-русский рабочий союз. М., 1922. С. 24.
- ⁴⁸ См.: История КПСС. Т. 1. С. 258.
- ⁴⁹ См.: Лепешинский П. Первый съезд. Харьков, 1928. С. 15–16.
- ⁵⁰ Цит. по: История КПСС. Т. 1. С. 266.
- ⁵¹ Лепешинский П. Первый съезд. С. 26.
- ⁵² Цит. по: Невский В. И. История РКП (б). Краткий очерк. Л., 1926. С. 93.
- ⁵³ Там же. С. 90–91.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 173.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. 376–377.
- ⁵⁶ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 39.
- ⁵⁷ См.: Урилов И. Х. Ю. О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 146–147.
- ⁵⁸ Красная летопись. 1924. № 1 (10). С. 19.
- ⁵⁹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. Воспоминания родных. М., 1984. С. 121.
- ⁶⁰ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 41.
- ⁶¹ Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2004. С. 419.
- ⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 344–345.
- ⁶³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 44.
- ⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 115.
- ⁶⁵ Лепешинский П. Н. На повороте (от конца 1880-х годов к 1905 г.). Л., 1925. С. 120–121.
- ⁶⁶ Пролетарская революция. 1928. № 6–7. С. 148.
- ⁶⁷ Пятницкий О. Записки большевика. Л., 1926, С. 42–43.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900–1903 гг. Т. 1. М., 1969. С. 492.

- ⁷⁰ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 254.
- ⁷¹ Красин Л. Б. Большевики в подполье. М., 1932. С. 48.
- ⁷² Серебров А. (А. Н. Тихонов) [Комиссаржевская и Красин] // Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы, воспоминания о ней, материалы. Л. -М., 1964. С. 254.
- ⁷³ Горький М. Красин и Савва Морозов // Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М. -Л., 1928. С. 208.
- ⁷⁴ Кржижановский Г. Красин в 1905 г. // Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. С. 225.
- ⁷⁵ Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 17. М., 1952. С. 52.
- ⁷⁶ Горький М. Литературные портреты. М., 1986. С. 220.
- ⁷⁷ См.: Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996. С. 100.
- ⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 127.

III

глава

«Драку заказывали?» РСДРП в 1903–1907 гг.

II съезд вскрыл наличие серьезных организационных разногласий, разделивших партию на две части, на большевиков и меньшевиков, из которых первые отстаивают организационные принципы революционной социал-демократии, а вторые катятся в болото организационной распыленности, в болото оппортунизма...

После II съезда... меньшевики создали тайно от партии свою антипартийную фракционную организацию, во главе которой стояли Мартов, Троцкий и Аксельрод... Они окопались в «Заграничной Лиге» русских социал-демократов... и стали обстреливать оттуда партию, Ленина, ленинцев...

Это была разнузданная пропаганда организационной распыленности, подрыва партийности и партийной дисциплины, восхваления интеллигентского индивидуализма, оправдания анархической недисциплинованности. Меньшевики явно тащили партию назад от II съезда партии к организационной раздробленности, к кружковщине, к кустарничеству...

Революция привела в движение все классы общества... Рабочий класс возглавил борьбу народных масс против самодержавия. Лозунг большевиков о массовой политической стачке дал свои результаты. Октябрьская всеобщая забастовка... заставила насмерть перепуганного царя выступить с манифестом 17 октября.

История ВКП(б): Краткий курс

1. «Буря! Скоро грянет буря». Россия накануне революции (1901–1903)

В начале XX в. Россию охватил глубокий кризис. Своим положением были недовольны практически все слои российского общества. В результате экономического кризиса 1900–1903 гг., затронувшего все

передовые страны, в России резко упала деловая активность, в пять раз сократилось железнодорожное строительство, закрылось свыше 3 тыс. предприятий, на улице оказались 112 тыс. рабочих.

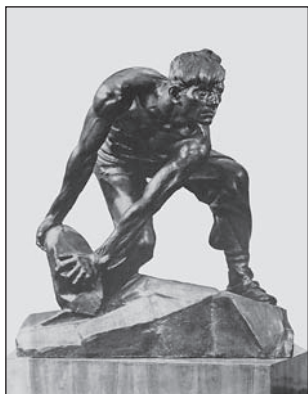
Кризис неблагоприятно сказался на положении пролетариата. Хозяева предприятий, стремясь сохранить свои доходы, снижали зарплату или переводили рабочих на сдельщину, применяли другие «антикризисные» меры. В ответ рабочие все чаще устраивали забастовки, в основном экономического характера, выступая против задержки заработной платы, ее понижения, уменьшения расценок, сокращения рабочего дня при уменьшении заработной платы, против сверхурочных работ, предполагаемых увольнений, закрытия предприятий. В обстановке жесткого нажима на рабочих, доходившего до использования во время стачек полиции и войск, у них сохранялся только один стимул к труду — желание «работать, чтобы выжить». Всего в 1895–1903 гг. в России произошло 6678 стачек, в которых приняли участие 1 215 186 рабочих.

В 1900 г. произошла первая крупная майская демонстрация в Харькове, захватившая почти все фабрики и заводы. В ней участвовали 10 тыс. человек, а над толпой едва ли не впервые открыто появилось полотнище с лозунгом «Долой самодержавие!». В 1901 г. на всю страну прогремела забастовка рабочих Обуховского завода в Петербурге, получившая название «Обуховской обороны». Военный Обуховский сталелитейный завод считался наиболее благонадежным предприятием: здесь никогда не было забастовок, а рабочие принадлежали к числу наиболее высокооплачиваемых в Петербурге. Обуховцы жили в деревне, где имелись и библиотека, и театр, а также воскресные и вечерние классы. Одним словом, культурная жизнь передовой пролетарской молодежи складывалась наиболее благоприятно. Среди передовых пролетариев других районов репутация обуховцев сложилась двойственная: «ребята сознательные, но больше отличаются щегольством, увлекаются барышнями и любительскими спектаклями». Однако влияние экономического кризиса сказалось и здесь: на заводе стали широко использовать сверхурочные работы, снижать расценки. Появились рабочие-агитаторы, образовалось несколько социал-демократических кружков, не связанных между собой, и один эсеровский кружок.

Под влиянием агитации рабочих-активистов 1 мая 1901 г. 1200 рабочих прекратили работу. На следующий день начальство объявило об увольнении 26 человек, по заводу распространились слухи,

что в последующие дни будут рассчитаны еще около тысячи. В ответ на это 7 мая рабочие-обуховцы написали карандашом на клочке бумаги свои требования и предъявили их заводской администрации. Они требовали: восстановить уволенных рабочих, ввести 8-часовой рабочий день, разрешить им свободно праздновать 1 Мая, отменить сверхурочные работы и штрафы и уволить помощника начальника завода подполковника Иванова. Когда тот возмущенно заявил: «Вы скоро, пожалуй, потребуете увольнения и министров!», один из руководителей забастовщиков А. В. Шотман ответил при всеобщем одобрении: «Не только министров, но и царя потребуем уволить». Администрация завода, однако, не пошла на уступки. Тогда около четырех тысяч обуховцев бросили работу. По воспоминаниям А. В. Шотмана, остановили станки даже те «старожилы», которые были враждебно настроены против каких-либо «беспорядков», «а тем, кто не желал добровольно кончать работу, мы грозили очутившимися у нас в руках палками»¹.

Забастовщики вышли на Шлиссельбургский тракт (ныне пр. Обуховской Обороны). Против них были брошены войска и полиция. Но рабочие оказали стойкое сопротивление: на головы карателей полетели камни, поленья. Даже дети выворачивали из земли булыжники и подносили их оборонявшимся. Полицейские открыли огонь из револьверов по баррикаде. Однако забастовщиков невозможно было остановить, они уже вошли во вкус «классовой борьбы» и, как вспоминал А. В. Шотман, «до того разгорячились, что вскакивали на забор и, выставя раскрытые груди, кричали “фараонам”: “Стреляй, сволочь, все равно не победишь!” Бой продолжался более 3 часов. Среди рабочих были раненые, двое убиты, в том числе 12-летний мальчик, сын рабочего. Вечером начались аресты: полицейские хватали всех подряд, в том числе и детей. 122 человека были арестованы, но вскоре освободили 60. Многим руководителям забастовки удалось скрыться. 37 рабочих-обуховцев были осуждены на каторгу. Однако администрация завода вынуждена была удовлетворить некоторые требования забастовщиков. Старые рабочие говорили: “Спасибо молодым, что отстаивали рабочего человека”, “раньше мы совсем не чувствовали, что мы люди”, “а мы-то, дураки, как огня, боялись своего начальства и полиции”». Правда, по словам Шотмана, «в течение всей этой недели» рабочие «не видели ни одного “интеллигента”, то есть социал-демократа — пропагандиста «и вообще мы не имели за это время

Булыжник — оружие пролетариата. Скульптор И. Шадр. 1927 г.

никакой связи с центром»². «Обуховская оборона» была первым опытом баррикадной борьбы в России. По мнению В. И. Ленина, «оборона» показала, что «уличная борьба возможна, безнадежно не положение бойцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода»³.

В 1902 г. во многих городах вновь состоялись первомайские стачки и демонстрации. Наиболее крупной из них была демонстрация в Сормове. С пением революционных песен пять тысяч человек прошли по главной улице города. Молодой рабочий, член социал-демократической группы Петр Заломов нес красный флаг. На флаге помимо

лозунга «Да здравствует политическая свобода!» был вышит и другой, более дерзкий: «Долой самодержавие!». В ходе разгона демонстрации войсками было арестовано и отдано под суд 28 человек.

Наибольшего подъема забастовочная волна достигает в 1903 г. Тогда произошло 2099 забастовок (примерно треть от их общего числа за 1895–1903 гг.), в которых участвовало около 330 000 человек. В 1903 г. число стачек в России возросло по сравнению с 1902 г. в 3,6 раза, а стачечников — в 2,5. Ведущую роль в забастовочной борьбе играли квалифицированные рабочие: металлисты, рабочие железнодорожных мастерских, отличавшиеся большей восприимчивостью к лозунгам революционных партий, большей организованностью, а также текстильщики, горняки. Активно бастовали рабочие-нефтяники Бакинской губернии.

Забастовочное движение 1903 г. отличалось и большим числом общегородских всеобщих стачек. Так, 8–15 марта на Южном Урале в городе Златоусте Уфимской губернии экономическая стачка 2,6 тыс. рабочих переросла в крупную демонстрацию, окончившуюся ее расстрелом (было убито 69 человек и ранено 250, свыше 100 были арестованы). На эти события откликнулись все газеты, начиная от социал-демократической «Искры» и кончая «Биржевыми ведомостями». 14 местных комитетов РСДРП выпустили по этому поводу листовки, в некоторых городах прошли стачки протеста против

расстрелов в Златоусте. Они перешли в первомайские политические выступления, состоявшиеся в 63 населенных пунктах страны.

Наибольший резонанс вызвали всеобщие стачки на юге России в июле–августе 1903 г., охватившие крупные промышленные центры Украины и Закавказья: Одессу, Киев, Елизаветград, Екатеринослав, Керчь, Бердичев, Николаев, Баку, Тифлис, Батум. В них участвовали 200 тыс. рабочих. На многочисленных собраниях, митингах, демонстрациях иногда звучали политические лозунги «Да здравствует солидарность!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Долой правительство!», «Да здравствует социализм!», всюду разбрасывались листовки. Всеобщие стачки парализовали жизнь этих городов: остановилась работа фабрично-заводских предприятий, нефтяных промыслов, многих ремесленных заведений, ряда учреждений и торговых заведений. Прекратилась отправка поездов и пароходов, подача воды, работа электростанций, повсюду проходили митинги и собрания. Такого в начале XX в. не знала ни одна страна.

В то же время следует отметить, что всеобщая стачка на юге России 1903 г. и синхронно с ней проходивший за рубежом II съезд РСДРП не были связаны друг с другом. В ходе стачки значительная роль принадлежала Еврейской независимой рабочей партии, не признанной и не представленной на съезде. Определяющее значение в забастовочном движении регионов «черты оседлости» имел автономный внутри РСДРП Бунд. Бакинская стачка была спровоцирована не входящей в местный комитет РСДРП организацией братьев Шендриковых, а в ходе ее между собой конкурировали за лидерство социал-демократы и эсеры.

Летние стачки 1903 г. на юге России получили общественный резонанс во многих странах мира. В речи при открытии II съезда РСДРП Г. В. Плеханов назвал их «самым крупным и самым замечательным явлением в жизни европейского пролетариата 1903 года наряду с победой германских рабочих во время последних выборов в рейхстаг»⁴. Сила забастовочного движения в России в 1903 г. оказалась столь значительной, что в Европе заговорили о близости русской революции. Чешские социал-демократы отмечали в августе 1903 г., что «Россия становится надеждой всех революционеров Европы», так как здесь «социализм соединяется с мощью народа»⁵.

Правительственные круги отдавали себе отчет в том, что рабочее движение превратилось в один из ведущих факторов политической

жизни страны. Начальник Московского охранного отделения, а затем глава Особого отдела Департамента полиции полковник С. В. Зубатов выдвинул идею так называемого «полицейского социализма» (так прозвали его «изобретение» в леворадикальных кругах). Чтобы отвлечь пролетариат от революционной борьбы, он предлагал «прикармливать рабочих, обезоруживая массы путем своевременного и неустанного улучшения их положения на почве их мелких нужд и требований». «Зубатовщина» имела определенный успех. 19 февраля 1902 г., в очередную годовщину отмены крепостного права, монархически настроенные рабочие, входившие в легальные организации, провели 50-тысячную демонстрацию, возложив венок к памятнику Александру II в Кремле. Легальные рабочие общества были созданы также в Петербурге, Перми, Харькове, Киеве, Екатеринославе и Николаеве. В юго-западных губерниях в противовес Бунду охранкой была создана «Еврейская независимая рабочая партия», по иронии судьбы сыгравшая решающую роль в начале всеобщей южной стачки 1903 г. Вопреки ожиданиям властей повели себя и зубатовские рабочие в Одессе в период всеобщей стачки. Боясь потерять влияние на своих членов, зубатовский «Независимый союз механических рабочих» поддержал экономические требования забастовщиков. Это так напугало власти, что Зубатов был отправлен в отставку.

Таким образом, с каждым годом пролетариат крупных предприятий превращался во все более весомую общественную силу, с которой правительство не могло не считаться, пытаясь сочетать в решении рабочего вопроса реформы и репрессии. Хотя император Николай II безразлично относился к «рабочему вопросу» (в период июльских стачек 1903 г. царь был всецело занят открытием мощей св. Серафима Саровского и его канонизацией), сторонником совершенствования рабочего законодательства выступал министр финансов С. Ю. Витте. В 1903 г., после 15 лет обсуждения, был принят закон о пособиях рабочим, пострадавшим от несчастных случаев на производстве. На предприятиях появился институт фабричных старост.

Наряду с «рабочими беспорядками» в начале века, после пяти неурожайных лет вновь начались крестьянские волнения, вошедшие в историю под названием «грабижка». Поводом к ним стал недород 1901 г. Особенно сильно бунтовали крестьяне весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях. Там мужички 156 сел разгромили

и разграбили 105 помещичьих усадеб-«экономий». Прокурор Харьковской судебной палаты А. А. Лопухин откровенно излагал Николаю II причины крестьянского бунта: «Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно не знавшие мясной пищи мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанном на безвыходности положения и на том, что им помощи ждать не от кого»⁶. Крестьяне не только увозили хлеб, но и уносили инвентарь, угоняли скот, поджигали усадьбы. Усмирить их удалось только с помощью войск. Всего в 1900–1904 гг. произошло 670 крестьянских бунтов (за предыдущее пятилетие — всего 82).

Еще в конце XIX в. забурлило студенчество. Поводом к возмущению студентов послужил Университетский устав 1884 г. и новые правила, лишавшие университеты большей доли автономии. Ситуация усугубилась назначением в 1898 г. на пост министра народного просвещения Н. П. Боголепова, человека сухого и черствого, консервативного во взглядах, получившего среди студентов прозвище Каменный Гость. В феврале 1897 г. в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, облившись керосином, подожгла себя студентка М. Ф. Ветрова, проходившая по делу народовольческой типографии. Вскоре она умерла в страшных мучениях. Весть об этом, распространенная студенческими прокламациями, прокатилась по всей России, явившись поводом для демонстраций, панихид и сходок.

8 февраля 1899 г. произошло еще одно событие, возмутившее студенчество. Полиция избивала студентов Петербургского университета только за то, что они собирались традиционно весело отпраздновать день основания университета. Причем конная полиция, получившая приказ разогнать толпу, била студентов нагайками по головам, а те забрасали ее снежками и ледышками. Забастовку Петербургского университета поддержали 35 тыс. студентов ведущих университетов страны. Студенты-«социалисты» (среди них будущие эсеры-террористы Б. Савинков и И. Каляев) выпустили манифест с призывом к свержению самодержавия.

В начале 1901 г. студенты вновь протестовали, теперь уже против отдачи в солдаты более 200 участников студенческих волнений. Месяц спустя студент социал-демократ, а затем эсер П. В. Карпович стрелял в министра просвещения Н. П. Боголепова и смертельно ранил его.

По-прежнему острым оставался еврейский вопрос. В начале века по империи прокатилась волна массовых еврейских погромов, эпицентром которой стали западные и юго-западные регионы страны. Самый жестокий и кровавый погром, получивший всероссийский и международный резонанс, произошел в Кишиневе 6–7 апреля 1903 г., в дни христианской Пасхи. Предлогом оказались нелепые сообщения, опубликованные в печати, будто бы евреи совершали ритуальные убийства христиан, а также слухи о якобы личном указании царя бить евреев в течение трех дней. Погромщики (торговцы, трактирщики, прочие местные обыватели) за два дня убили 45 и изувечили несколько сотен человек. Местные власти бездействовали, а столичные позже выразили сожаление по поводу случившегося.

В результате всеобщей политизации российского общества оживилось либеральное движение. В июле 1903 г. в Швейцарии земцы и оппозиционно настроенные представители творческой интеллигенции (в том числе Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский, П. Б. Струве и др.) создали «Союз освобождения». Считая своим идеалом полную парламентскую демократию, они готовы были «считаться с историческими условиями данного момента». Либералы предупреждали царя, что «русская монархия будет конституционной или ее не будет вовсе».

В начале 1902 г. на базе различных народнических кружков и групп образовалась партия социалистов-революционеров (эсеров). Проект ее программы объявлял главной целью организацию жизни страны на социалистических началах. Программа-минимум требовала демократизации государственного строя, уничтожения частной собственности на землю, «социализации земли», т. е. уравнительного землепользования для крестьян и передачи земли в распоряжение «демократически организованных общин» как общенародного достояния. Эсеры защищали и интересы рабочих, поддерживая их главные требования. Руководителями партии были В. М. Чернов, Г. А. Гершуни, Е. К. Брешко-Брешковская.

«Крайним и энергичным», хотя и не единственным средством борьбы с самодержавной бюрократией эсеры считали индивидуальный террор. Осенью 1901 г. Григорий Гершуни приступил к созданию Боевой организации (БО) эсеров, глубоко законспирированной, автономной и от ЦК, и от партии, со своей кассой, явками, динамитными мастерскими. Эти обстоятельства во многом объясняют тот факт, что в течение ряда лет Боевую организацию возглавлял провокатор

Е. Азеф. Она заявила о себе 2 апреля 1902 г., когда С. В. Балмашов убил в Мариинском дворце министра внутренних дел Д. Сипягина.

Вот в такой обстановке назревания революционной «бури» русские марксисты приступили к созданию своей партии.

2. На пути к съезду: склочная эмигрантская жизнь. 1901–1903 гг.

В начале XX в. в российской социал-демократии соперничали два идейно-политических течения. «Экономисты» (Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович) считали главным борьбу за улучшение повседневных условий жизни трудящихся, поддерживали либералов в их политических требованиях. Революционные марксисты (В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов) выдвигали на первый план политическую борьбу. Их идейными и организационными центрами были газеты «Искра» (орган революционных марксистов, издававшийся с декабря 1900 г.), «Рабочая мысль» (орган «экономистов»).

За границей существовало несколько организаций русских социал-демократов: экономический «Союз русских социал-демократов», плехановский «Социал-демократ», заграничный отдел «Искры», а также группа «Борьба» (Д. Б. Рязанов, Ю. М. Стеклов и др.) и Заграничный комитет Бунда. В 1901 г., по инициативе группы Д. Б. Рязанова, были предприняты попытки объединения всех этих организаций в интересах создания сильной политической партии на марксистской платформе. Искровцы тоже стояли за объединение, но они требовали отмежевания от «оппортунистических» тенденций как в российском, так и в международном социал-демократическом движении. Не достигнув соглашения по принципиальным вопросам, в октябре 1901 г. в Цюрихе Ленин, Мартов и Плеханов инициировали раскол объединительного съезда заграничных организаций РСДРП, а затем покинули съезд и основали «Заграничную Лигу русской революционной социал-демократии».

В 1902 г. внутри редакции «Искры» начались серьезные столкновения. В январе в Мюнхене состоялось редакционное совещание, где обсуждался проект программы РСДРП, составленный Плехановым. «Молодые» (Ленин, Мартов, Потресов) раскритиковали его и внесли

существенные поправки и дополнения. Ленин, наиболее решительно настроенный, сочинил свой контрпроект, учтя при этом мнение мягкого и деликатного Мартова, старавшегося сгладить острые углы и сделать текст более приемлемым для «отца русского марксизма».

Разногласия между Плехановым и Лениным не выходили за рамки революционного марксизма. Плеханова не устраивала в проекте Ленина явно выраженная тенденция представить российский капитализм как уже сложившуюся общественно-экономическую формацию, а пролетариат — как единственный революционный класс, призванный вести за собой все другие социальные слои и группы, могущие принять участие в борьбе с самодержавием. В письме к В. И. Засулич 19 марта 1902 г. он прямо указывал, что ленинская характеристика российского капитализма может привести к ошибочным оценкам в программе, «так как русские экономические отношения далеко не обладают всеми типическими чертами развитого капитализма»⁷. Плеханов не хотел раньше времени обострять отношения с либералами, стремился максимально расширить фронт сторонников борьбы с самодержавием. В письме к Аксельроду от 12 марта 1902 г. Плеханов признавался, что Ленин бесит его «своими куцыми взглядами».

Ленин, предложивший свой проект программы, вел себя напористо. Он считал, что капитализм в России уже преобладает, мелкое хозяйство вытесняется крупным, настаивал на введении в программу положения о диктатуре пролетариата. Плеханов в пику «молодым» в высокомерно-насмешливом тоне отверг новый вариант программы. Тогда была создана согласительная комиссия в составе Ю. О. Мартова, В. И. Засулич, Ф. И. Дана и Л. Г. Дейча, положившая в основу своей работы текст Плеханова. На совещании в Цюрихе в апреле 1902 г. коллективный проект программы партии был одобрен и опубликован редакцией газеты «Искра». Наиболее активное участие в его подготовке принял Мартов: все документы комиссии написаны его рукой.

Но вскоре внутри редакции «Искры» выявились новые расхождения. В апреле 1902 г. Ленин, Крупская, Мартов и Засулич обосновались в Лондоне. Плеханов выразил недовольство решением «молодых» перенести издание «Искры» в Лондон, а не в его «родную» Женеву. Правда, затем под влиянием Засулич он смягчился, решил пойти на мировую и даже обещал приехать в Англию.

Другой причиной размолвки явилась статья Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии». Плеханов отверг статью

целиком, поскольку был решительным противником национализации земли при капитализме. В Лондон он прислал свои письменные замечания, которые были выдержаны в безапелляционном цензурском тоне, а местами просто оскорбительны. В ответ Ленин написал Плеханову резкое, негодующее письмо, по существу означавшее разрыв всяких личных отношений. Крупская вспоминала, что «Владимир Ильич крайне болезненно относился ко всякой размолвке с Плехановым, не спал ночи, нервничал. А Плеханов сердился, дулся»⁸. Однако усилиями других членов редакции «Искры», в первую очередь Засулич и Мартова, конфликт был улажен. Несмотря на это, мелкие ссоры и недоразумения периодически продолжали возникать. Во время споров редакция делилась обычно на две «тройки»: Плеханов, Аксельрод и Засулич против Ленина, Мартова и Потресова.

В Лондоне Мартов, Засулич и социал-демократ Н. А. Алексеев жили своеобразной коммуной, сняв «на одной из улиц в районе трущоб британской столицы, недалеко от квартиры Ленина, пять небольших комнат на двух этажах... Однако вскоре хозяин дома, шокированный безалаберным поведением и неряшливостью беспокойных постояльцев, расторг договор. Но и на новом месте привычки «коммунаров» остались прежними, и посетивший их во время своего визита в Лондон Плеханов назвал жилище этой троицы «вертепом»⁹. Ненадолго порядок в этой коммуне навел рабочий Иван Бабушкин, гостивший в Лондоне осенью 1902 г. после побега из екатеринославской тюрьмы. Он прибрал весь мусор, столы застелил газетами, подмел пол. Ленину и Крупской, пораженным чистотой комнат, Бабушкин сказал: «У русского интеллигента всегда грязь — ему прислуга нужна, а сам он за собой прибрать не умеет»¹⁰.

Осенью 1902 г. в Лондоне появился Л. Д. Троцкий. Молодые редакторы взяли его под свою опеку, увидев в нем талантливого оратора и публициста (у Троцкого был красноречивый псевдоним — Перио). Ленин предложил кооптировать его в редакцию, думая, видимо, что Троцкий обеспечит ему постоянное большинство. Плеханов усмотрел в этом попытку «переворота», направленного против него, и возненавидел Троцкого до конца своей жизни.

Из членов редакции Троцкий ближе всего был связан с Мартовым, Засулич и Аксельродом. Он свидетельствовал, что, хотя Мартов и Ленин были еще тогда на «ты», в их отношениях уже явственно проскальзывал холодок отчужденности. «Когда они разговаривали друг

с другом при встрече, не было уже ни дружеских интонаций, ни шуток, — вспоминал Троцкий. — Ленин говорил, глядя мимо Мартова, а у Мартова глаза стекленели под отвисавшим и никогда не प्रतिравшимся пенсне»¹¹. Вместе с тем и Троцкий, и Крупская независимо друг от друга утверждали, что, хотя во взглядах редакторов «Искры» и были те или иные оттенки, все конфликты изживались внутри самой редакции и не выходили наружу.

В апреле 1902 г. Ленин писал в Бюро Русской организации «Искры» Кржижановскому о главной задаче момента: помня «о важнейшем значении Второго съезда», необходимо завоевать «возможно большее число комитетов», т. е. речь шла о том, что накануне съезда искровцы должны были добиться численного перевеса в местных комитетах РСДРП.

Особенно беспокоила Ленина ситуация в Петербурге. В июне 1902 г. агенту «Искры» И. И. Радченко с помощью Лепешинского, Красикова, при энергичной поддержке левого крыла «Союза борьбы» — Краснухи, Стасовой и других — удалось добиться победы над «экономистами». Петербургский комитет обратился с заявлением «Ко всем российским социал-демократическим организациям». Оно призывало «закончить, выражаясь словами автора брошюры “Что делать?”», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разногласности»¹². В дальнейшем на помощь искровцам были командированы И. В. Бабушкин, А. П. Доливо-Добровольский и М. М. Эссен. Так было и в других городах. Агенты «Искры», по свидетельству Мартова, «водворяясь в городах, где комитеты тянули к “экономистам”, собирали вокруг себя недовольные элементы и “взрывали” старые комитеты». Во второй половине 1902 — начале 1903 г. большинство местных организаций РСДРП перешли на искровские позиции.

Между тем «экономисты» из заграничного «Союза русских социал-демократов» торопились перехватить инициативу в созыве съезда. По их инициативе, в конце марта 1902 г. в Белосток прибыли делегаты от семи организаций. Но поскольку местные русские организации были представлены еще меньше, чем на I съезде РСДРП, прибывшие объявили себя лишь конференцией и избрали Организационный комитет по созыву съезда. Однако к работе он так и не приступил. Дело в том, что еще накануне «черный кабинет» полиции перехватил письмо

петербургского «Союза борьбы» с извещением о съезде. Полагая, что революционеры соберутся в Петербурге, охранка установила наблюдение за известными ей столичными «эсдеками». Вскоре почти все делегаты конференции, в том числе искровец Ф. И. Дан (его схватили в Москве на Ярославском вокзале), были арестованы.

Повальные аресты подтвердили правоту Ленина о том, что созыв съезда партии в России невозможен. Редакция «Искры» взяла в свои руки подготовку II съезда РСДРП. Состав нового Организационного комитета (ОК) определился в феврале 1903 г. на совещании в Харькове и, возможно, в Орле. В него вошли 9 человек: шесть — от организации «Искры», двое — от группы «Южный рабочий» и один — от Бунда. Организационному комитету и его заграничному отделу пришлось решать самые разные задачи: выбрать место для созыва съезда, изыскать финансовые средства для его организации, решать проблему прикрытия делегатов (приобретать паспорта) и их переброски через границу.

II съезд РСДРП было решено созвать в Брюсселе, где в начале 1900-х гг. жил «старый плехановец» Д. Кольцов — Б. А. Гинзбург. По воспоминаниям Н. К. Крупской, он «взял на себя устройство всего дела», а его квартира стала явкой для сбора делегатов. «Брюссель, rue Tyrole, 94, Гинзбург, звонить 3 раза, спросить Евгения» — эта явка была направлена в ОК для сообщения делегатам съезда.

Для обеспечения перехода делегатов через границу Организационный комитет использовал действовавшие для доставки «Искры» и политической литературы транспортные пути через прусскую и австрийскую границы. «И вот через целую сеть явок, — вспоминал Д. И. Ульянов, — я добрался до Кишинева, откуда меня проводили в одно место, находившееся верстах в десяти от австрийской границы. Там в небольшом домике я ждал с 10 часов утра до 10 часов вечера. И наконец ночью на телеге провожатый повез меня дальше. Версты за две от границы оставили мы телегу и пошли пешком. Пробирались по кустам без дороги. Вдруг послышался топот... Мы залегли. Спустившись к речке, пошли вброд. Течение было такое быстрое, что провожатый все время держал меня за руку. За речкой начинались пшеничные поля, и мы пропутешествовали по этим полям всю ночь. Наконец провожатый привел меня в какую-то хибару вблизи железнодорожной станции и сказал, что через два часа я могу садиться в поезд. Так я очутился за границей»¹³.

3. Второй съезд РСДРП (1903 г.): праздник, закончившийся вечной ссорой

Второй съезд Российской социал-демократической рабочей партии начал свою работу 17 (30) июля и окончил 10 (23) августа 1903 г. На съезде было представлено 26 социал-демократических организаций. Присутствовало 57 делегатов. 43 делегата имели 51 решающий голос. По уставу съезда каждой полноправной организации предоставлялось два голоса, независимо от того, сколько делегатов она прислала — двух или одного. 23 социал-демократические организации имели по два голоса, ЦК Бунда — три, Петербургский комитет и петербургская «Рабочая организация» — по одному. Кроме того, 14 человек присутствовали с совещательным голосом, в том числе два представителя социал-демократии Польши и Литвы. Они прибыли, когда шло уже 10-е заседание. Польские товарищи были уполномочены вести переговоры об объединении Социал-демократии Королевства Польского и Литвы с РСДРП.

Среди участников съезда преобладали молодые революционеры. Возраст большинства делегатов не превышал 30 лет (Троцкому было всего 23 года, а Ленину — 33). Только Плеханов, Аксельрод, Засулич представляли старшее поколение.

В работе II съезда РСДРП соблюдалась конспирация. Так, все делегаты, нелегально прибывшие из России, и делегаты, известные охранке по их принадлежности к искровской организации, выступали на съезде и числились в документах съезда под псевдонимами: Сорокин — Н. Э. Бауман, Павлович — П. А. Красиков, Осипов — Р. С. Землячка, Герц — Д. И. Ульянов, Саблина — Н. К. Крупская и т. д. В 1904 г. в Женеве при подготовке протоколов II съезда Протокольная комиссия Центрального комитета РСДРП заменила большинству делегатов партийные клички, под которыми они выступали на съезде, на другие псевдонимы. При выборе трех искровцев в члены ЦК Плеханов огласил имя только Глебова (В. А. Носкова). Имена двух других членов ЦК — Ф. В. Ленгника и Г. М. Кржижановского, находившихся на нелегальной работе в России, остались в тайне, чтобы уберечь их от ареста.

17 (30) июля 1903 г. в 2 часа 55 минут, по поручению Организационного комитета, Г. В. Плеханов открыл первое заседание II съезда РСДРП. Первые 13 заседаний были проведены в Брюсселе,

в помещении склада, принадлежавшего рабочему кооперативу, в котором хранились тюки с шерстью, и, по словам Троцкого, делегаты «подверглись атаке несметного количества блох»¹⁴. Но еще хуже было то, что заграничная агентура охраны быстро напала на след некоторых делегатов. (Агентом-provокатором оказался доктор Житомирский из Берлина, принимавший активное участие в организации съезда.) Первым заметил слежку С. И. Гусев и решил проверить свои подозрения, применив старый конспиративный прием. После окончания вечернего заседания он начал бродить по улицам Брюсселя, а делегат Одесского комитета М. С. Зборовский (Костич), с которым он заранее договорился, следовал за ним на некотором расстоянии по другой стороне улицы, стараясь визуальнo выявить слежку. М. С. Зборовский обнаружил преследователя Гусева и сообщил о слежке делегатам съезда. Вскоре бельгийская полиция предложила С. И. Гусеву, Б. М. Кнунянцу, А. Г. Зурабову, Р. С. Землячке, Л. Д. Троцкому и некоторым другим делегатам в 24 часа покинуть Брюссель. После этого работа съезда была перенесена в Лондон, где состоялись последующие 24 заседания. Первое лондонское заседание происходило 29 июля (11 августа) в клубе рыбаков. Съезд был вынужден кочевать, снимая залы у разных рабочих организаций.

На съезде были представлены различные идейные течения, имевшие тогда место в партии. Искровцам принадлежало 33 голоса. Среди них различали «твердых» искровцев во главе с Лениным и Плехановым. Им принадлежало 24 голоса. Девятью голосами располагали неустойчивые, или «мягкие», искровцы, которые шли за Мартовым. Противники «Искры» имели восемь голосов (три — «экономисты» и пять — бундовцы). Остальные десять голосов принадлежали центристским элементам, прозванным «болотом». Естественно, что при таком разнородном составе на съезде не могли не возникнуть ожесточенные дискуссии по всей повестке дня. Съезду предстояло решить коренные вопросы организации и деятельности партии.

Уже в самом начале работы съезда выяснилось, что Организационный комитет проводил селекцию в вопросе приглашения или неприглашения на съезд представителей той или иной социал-демократической организации. По формальному признаку право участия в работе съезда получили лишь организации, которые не менее года вели активную революционную работу. Однако Воронежский комитет, хотя и соответствовал всем требованиям, не был допущен

к участию в съезде, поскольку выпустил заявление, в котором обвинял Организационный комитет в том, что его состав подобран крайне тенденциозно, «по кумовству», в основном из представителей «Искры». Последней вменялось в вину, что, присвоив себе право быть «непогрешимой, как непогрешим римский папа», она взяла «в искоренении ересей» роль «опричника социал-демократии», прибегнув к моральной плетке: «вместо проволочных наконечников на ней привешены страшные слова: экономизм, эклектизм, оппортунизм, а ремень называется шатанием. Как кто осмелится свое суждение иметь — сейчас плетка; пусть возражения не касались основ, а расходились в тактике или просто в осуждении приема, — сейчас грозятся плеткой»¹⁵. В заявлении утверждалось, что деятельность редакции «Искры» ведет к олигархическому управлению партией. Воронежцы не считали искровцев достойными особенных полномочий.

В. И. Ленин на съезде как раз боролся за то, чтобы программа и направление «Искры» стали программой и направлением партии. Во всех жарких спорах его неизменно поддерживал Г. В. Плеханов, причем делал это с присущей ему страстью, порой с сарказмом. Poleмизуя с «экономистом» Акимовым (В. П. Махновцем), Плеханов под смех и аплодисменты всего зала рассказал делегатам остроумную историю: «У Наполеона была страстишка разводить своих с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Товарищ Акимов в этом отношении похож на Наполеона, — он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мной»¹⁶. Слушая Плеханова, Ленин смеялся и отрицательно качал головой.

Если в начале съезда все искровцы были едины, то затем стали проявляться различия при обсуждении некоторых принципиальных вопросов. В частности, о месте Бунда в партии. Искровцы считали, что работу съезда необходимо начинать именно с него, поскольку Бунд отстаивал принцип федеративных отношений с РСДРП, и требовалось сразу выяснить, согласен ли он подчиниться общепартийной дисциплине. Если нет, то Ленин предлагал разойтись сразу и заседать отдельно. Среди искровцев не нашлось открытых сторонников Бунда. Но «мягкие» искровцы, отвергая федерализм в построении партии, в то же время были склонны идти на уступки. Мартов, например, предлагал согласиться на «расширение автономии» Бунда. Троцкий

II съезд РСДРП. Художник Ю. Виноградов, 1952 г.

высказался за признание его специальной организацией партии для агитации и пропаганды среди еврейского пролетариата. В итоге федеративный принцип строительства партии был отклонен 46 голосами против пяти бундовцев. Съезд отверг и автономное построение партии, что привело в итоге к уходу со съезда делегатов от Бунда.

Съезд принял Программу партии. Делегаты единодушно решили взять за ее основу проект, написанный Плехановым и Лениным. Обсуждение программы заняло девять заседаний. Каждый пункт обсуждался и принимался отдельно. Программа, принятая съездом, состояла из двух частей — программы-максимум и программы-минимум. Программа-минимум предусматривала свержение самодержавия и установление демократической республики. В ней содержались требования: всеобщее, равное и прямое избирательное право, неограниченная свобода совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, неприкосновенность личности и жилища, уничтожение сословий и полное равноправие всех граждан независимо от пола, религии и национальности, широкое местное самоуправление, замена постоянного войска всеобщим вооружением народа. В программу были включены положения о праве наций на самоопределение, праве населения получать образование на родном языке, о введении родного языка наравне с государственным во всех учреждениях. Программа партии также

содержала требования восьмичасового рабочего дня, государственного страхования рабочих на случай старости, полной или частичной потери способности к труду, запрещения сверхурочных работ, отмены косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследство. В аграрном вопросе программа в интересах свободного развития классовой борьбы выдвигала отмену выкупных и оброчных платежей, учреждение крестьянских комитетов для возвращения крестьянам земель, изъятых у них при отмене крепостного права (так называемые отрезки).

Программа-максимум объявляла конечной целью социалистическую революцию, а условием ее осуществления — диктатуру пролетариата.

Характерный эпизод имел место при рассмотрении общеполитической части программы. Делегат В. Е. Посадовский (Мандельберг) поставил вопрос: признавать ли за демократическими принципами абсолютную ценность или же они должны быть подчинены исключительно выгодам партии? Возобладало мнение, что интересы партии — абсолютная ценность. Отвечая на поставленный им же вопрос, Посадовский заявил: «Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были подчинить выгодам нашей партии»¹⁷. На реплику из зала: «И неприкосновенность личности?» последовало твердое: «Да! И неприкосновенность личности!» Мысль о подчинении демократических принципов интересам революции и партии поддержал Плеханов. «Для революционера, — говорил он, — успех революции — высший закон, и если ради успеха революции потребовалось бы временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться... Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент, если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели»¹⁸.

Это заявление вызвало неоднозначную реакцию: кто-то рукоплескал, на некоторых скамьях раздалось шиканье, в ответ слышались голоса: «Вы не должны шикать!» Плеханов не возражает против «шиканья», просит «товарищей не стесняться!» Делегат группы «Южный рабочий» Е. Я. Егоров (Левин) встал и заявил, что «раз такие речи вызывают рукоплескания», то он «обязан шикать». «Товарищ

Плеханов, — заметил Егоров, — не принял во внимание, что законы войны одни, а законы конституции — другие. Мы пишем свою программу на случай конституции»¹⁹. Другой делегат съезда, Гольдблат, сделал тот вывод, что, исходя из слов Плеханова, требование всеобщего избирательного права надо вычеркнуть из программы. На Ленина эта речь Плеханова произвела глубокое впечатление. По словам Н. К. Крупской, «он вспоминал о ней, когда 14 лет спустя перед большевиками встал во весь рост вопрос о роспуске Учредительного собрания»²⁰.

В целом искровская программа была принята с небольшими редакционными поправками всеми делегатами при одном воздержавшемся. Им был уже упоминавшийся представитель заграничного «Союза русских социал-демократов» «экономист» Акимов (В. П. Махновец), который в общей сложности предложил 21 поправку к проекту программы. Выступая в дискуссии по проекту, Акимов заявил: «Борьба за улучшение положения пролетариата становится для партии посторонним делом и интересует ее лишь как конъюнктура... Понятия — партия и пролетариат — совершенно обособлены и противопоставлены, первая как активно действующее коллективное лицо, второй как пассивная среда, на которую воздействует партия. Поэтому в предложениях проекта имя партии везде фигурирует как подлежащее, а имя пролетариата как дополнение»²¹. Последние слова Акимова вызвали среди делегатов веселый смех, но всерьез их никто не принял. Акимов, Пиккер (А. С. Мартынов) и бундовец Либер возражали против включения в программу пункта о диктатуре пролетариата, ссылаясь на то, что в программах западноевропейских социал-демократических партий этот пункт отсутствует. В другой раз предложение Акимова отменить в будущей демократической России смертную казнь было встречено насмешливыми возгласами: «И для Николая II?» и затем отвергнуто.

В тесной связи с программой находились решения II съезда партии по вопросам тактики: об отношении к либералам, о социалистах-революционерах, о демонстрациях, о профессиональной борьбе и т. д. При разработке этих вопросов делегаты съезда исходили из положения: РСДРП поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против самодержавного строя. Все делегаты единогласно одобрили резолюцию Ленина о неприятии террора как метода политической борьбы.

Работа съезда чрезвычайно затянулась из-за бесконечных прений. Некоторые депутаты прогуливали скучные заседания, предпочитая знакомиться с жизнью европейского города. По свидетельству Шотмана, «единственным, кажется, делегатом, не пропустившим не только ни одного заседания, но даже ни одного слова выступавших делегатов, был В. И. Ленин»²². В последние съездовские дни делегаты принимали резолюции фактически без обсуждений. Случались казусы. Так, резолюцию об отношении к либералам принимали уже в конце заседания, стоя, собираясь выходить. И в конце концов приняли обе — Плеханова и Потресова — одинаковым числом голосов.

Съезд признал «Заграничную Лигу русской революционной социал-демократии» единственной заграничной организацией РСДРП. В знак протеста два представителя «Союза русских социал-демократов» ушли со съезда.

В начале съезда Мартов всецело стоял на стороне Ленина и, по оценке последнего, «бился в первых рядах с открытым забралом». Разрыв между ними произошел при обсуждении организационных вопросов, хотя позже Ф. И. Дан писал, что организационные разногласия на съезде были «лишь оболочкой начинающегося идейно-политического расхождения, куда более глубокого и, главное, более стойкого»²³. Особенно острые столкновения между «твердыми» и «мягкими» искровцами произошли при обсуждении первого пункта Устава о членстве в партии. Ленин предложил следующее определение: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций»²⁴. Мартов отстаивал другую формулировку: «Членом РСДРП считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»²⁵. При этом Мартов ссылаясь на устав германской социал-демократии — образцовой для того времени рабочей партии, игравшей доминирующую роль во II Интернационале.

Раскол съезда по первому параграфу Устава был следствием расхождения по вопросу о степени централизма в партии и, так или иначе, выходил на вопрос о типе партии. С точки зрения Ленина, в условиях нелегальной деятельности партия «нового типа» должна была строиться на основе строгого централизма, беспрекословного

выполнения директив сверху вниз. Многим социал-демократам, ориентировавшимся на западноевропейский тип партии, это казалось неприемлемым. Как заметил в ходе обсуждения этого вопроса делегат съезда Егоров (Е. Я. Левин), Ленин сужал, а Мартов расширял понятие «партия» до того уровня, где открывается дверь в «демократизм». «Чем шире будет распространено название члена партии, тем лучше, — говорил на съезде Мартов. — Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии»²⁶. Аксельрод поддержал Мартова: «И в самом деле: возьмем, например, профессора, который считает себя социал-демократом и заявляет об этом. Если мы примем формулу Ленина, то мы выбросим за борт часть людей, хотя бы и не могущих быть принятыми непосредственно в организацию, но являющихся тем не менее членами партии. Мы создаем, конечно, прежде всего организацию наиболее активных элементов партии, организацию революционеров, но мы должны... подумать о том, чтобы не оставить вне партии людей, сознательно, хотя и, быть может, не совсем активно, примыкающих к этой партии»²⁷. Ленин же возражал, что подобный подход делает невозможным отграничить работающих от болтающих и открывает дорогу в партию ненадежным, колеблющимся и шатающимся элементам. В этой полемике Плеханов поддержал Ленина, заявив, что рабочим не страшна дисциплина, а побоятся войти в партию «многие интеллигенты, насквозь пропитанные буржуазным индивидуализмом. Но это-то и хорошо. Эти буржуазные индивидуалисты являются обыкновенно также представителями всякого рода оппортунизма. Нам надо отдалять их от себя»²⁸. Съезд большинством в 28 голосов против 22 и при одном воздержавшемся принял первый параграф Устава в формулировке Мартова. Все остальные параграфы Устава были приняты в формулировке Ленина.

Последний акт съездовской драмы разыгрался вокруг вопросов о выборах в партийные центры. Ленин настаивал, чтобы в редакцию «Искры» вошли три человека: он сам, а также Мартов и Плеханов, но Мартов, в противовес ленинской тройке, ультимативно требовал ввода в редакционную коллегию всех прежних шести редакторов. Возникли горячие споры. На двух страницах протоколов съезда с этими речами четыре раза встречаются пометки в скобках о всеобщем волнении, шуме и беспорядке. Во время одного из голосований

«между т.т. Дейчем и Орловым происходит довольно резкий диалог». Тот же Дейч что-то сердито выговаривает Глебову (Носкову), в ответ последний с досадой говорит: «Помолчали бы вы уж в тряпочку, папаша!»²⁹ Иногда раздаются «угрожающие крики». Делегат Гусев констатирует: «Нервное возбуждение и страстная атмосфера, созданные здесь при обсуждении вопроса о выборах членов редакции, привели к тому, что на устах революционеров раздаются такие странные речи, которые находятся в резкой дисгармонии с понятием партийной работы, партийной этики»³⁰. У многих нервы не выдерживали. Шотман, по собственному признанию, однажды «разрыдался, как ребенок», а в другой раз хотел «просто-напросто поколотить» отступника, но Ленин его «по-отечески» пожурил и объяснил, что «только идиоты полемизируют кулаками»³¹.

На этот раз Мартов потерпел поражение. Съезд избрал редакцию Центрального органа (ЦО) партии «Искры» в составе Плеханова, Ленина и Мартова. Однако Мартов демонстративно отказался войти в состав ЦО, обвинив при этом Ленина в попытках усилить свое влияние в партийном руководстве. Вслед за редакцией ЦО был избран Центральный комитет РСДРП в составе ленинских единомышленников: Г. М. Кржижановского, Ф. М. Ленгника, В. А. Носкова. ЦК должен был действовать в России. Съезд избрал Совет партии, который должен был согласовывать и объединять деятельность ЦК и редакции ЦО. При выборах руководящих органов партии съезд, таким образом, закрепил победу «твердых» искровцев. Решения съезда по организационным вопросам сторонники Мартова восприняли болезненно. В их речах было столько жалоб на давление со стороны Ленина, что кто-то из делегатов, слушая одну из таких речей, сказал секретарю: «Вместо точки поставь в протоколе слезу!»³² В соответствии с результатами голосования на выборах центральных органов партии за образовавшимися фракциями закрепились названия большевиков и меньшевиков.

Следует отметить, что слова «большевик» и «меньшевик» сначала употреблялись, как правило, в кавычках. Они вошли в практику в 1904 г. Само разделение делегатов II съезда РСДРП на большевиков и меньшевиков носило вначале условный характер и произошло в рамках единой партии. Для многих делегатов съезда, тех, кто представлял революционное подполье, теоретические разногласия между Лениным и Мартовым в то время значили очень мало. Внутренние распри

раздирали лишь партийные штабы, в то время как на уровне низовых организаций преобладала солидарность. Делегат съезда Н. Н. Жордания в воспоминаниях отмечал, что о расколе на съезде в местных комитетах было известно мало, а спор между Лениным и Мартовым представлялся ему «толчением воды в ступе» и именно поэтому он тогда и не примкнул ни к одной из фракций³³. По словам А. В. Луначарского, все происшедшее на съезде его удивило и возмутило. Достоверных данных было мало, а слухов много, и среди них был и такой: «Ленин, склочник и раскольник, во что бы то ни стало хочет установить самодержавие в партии», а Мартов и Аксельрод «не захотели, так сказать, присягнуть ему в качестве всепартийного хана...»³⁴ О. А. Пятницкому все эти слухи о разногласиях на съезде среди искровцев показались невероятными: «У меня получилась раздвоенность. С одной стороны, мне было жаль, что обидели Засулич, Потресова... и Аксельрода, выкидывая их из редакции “Искры”... С другой стороны, я целиком стоял за организационную структуру партии, предложенную Лениным. Логика моя была с большинством, чувства мои (если можно так выразиться) — с меньшинством»³⁵.

На съезде Ленин и Мартов, до того близкие товарищи, стали непримиримыми политическими противниками. По мнению Троцкого, на съезде «Ленин завоевал Плеханова, но ненадежно; одновременно он потерял Мартова и навсегда»³⁶. Обе стороны тяжело переживали разрыв. Ленин, заболевший после съезда нервным расстройством (Крупская вспоминала, что он уже в Лондоне «дошел до точки, совершенно перестал спать, волновался ужасно»)³⁷, даже готов был идти на уступки. Но Мартов был настроен гораздо решительнее и непримиримее Ленина.

Так родился большевизм. На вопрос о том, с какого момента он стал самостоятельной политической силой, у Ленина нет однозначного ответа. В одном случае Ленин подчеркивал, что «большевизм вполне сложился, как направление, весной и летом 1905 года», но гораздо позднее, в 1920 г., он заявил, что «большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»³⁸. Со временем разногласия между большевиками и меньшевиками постепенно становились все глубже: дискутировались вопросы о союзниках пролетариата, о возможности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, о соотношении общедемократических правовых принципов и классовых интересов.

Меньшевизм был более умеренным политическим течением и ориентировался на экономические законы марксизма. Меньшевики считали социалистическую революцию в России преждевременной, полагая, что еще в течение десятилетий страна будет развиваться по буржуазно-демократическому пути. Большевизм подчеркивал возможность ускорить революционный процесс при опоре на союз пролетариата с беднейшим крестьянством, при резком размежевании с либералами, с помощью централизованной организации и пролетариата развитых стран.

4. После съезда: пейзаж после битвы

После II съезда РСДРП между лидерами большевиков и меньшевиков разгорелась ожесточенная фракционная борьба, которая стала доминирующим фактором в идейной и организационной истории РСДРП. Обе стороны понимали, что вопрос о том, какой будет РСДРП, зависит прежде всего от того, в чьих руках окажутся центральные органы партии и кто «завоюет» местные комитеты. В сентябре 1903 г. в состав ЦК вошли сторонники Ленина: Ф. В. Гусаров, Р. С. Землячка, Л. Б. Красин и М. М. Эссен. Первоначально мартовцы прибегли к тактике бойкота центральных органов: они отказывались сотрудничать в «Искре» и не признавали чисто ленинский ЦК. Меньшевики, как заявил Мартов, «подняли восстание против ленинизма»³⁹. (Мартов, кажется, первым употребил этот термин.) В ответ Ленин объявил мартовцев раскольниками, игнорирующими партийный долг. На совещании 21 сентября (4 октября) 1903 г. обе стороны пытались прийти к соглашению. Центральные органы представляли Ленин, Плеханов и Ленгник, а оппозицию — Мартов, Аксельрод, Засулич и Потресов. Переговоры не привели к примирению. На следующий день Ленин послал письмо членам ЦК Кржижановскому и Носкову в Россию и предупредил их: «Никакой, абсолютно никакой надежды на мир больше нет... Война объявлена, и они... едут уже воевать в Россию. Готовьтесь к легальнейшей, но отчаянной борьбе»⁴⁰.

В середине октября 1903 г. меньшевики добились первого успеха в борьбе с большевиками на II съезде «Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии», состоявшемся в Женеве. Заседания проходили бурно. С основным докладом, как делегат съезда

партии от Лиги, выступил Ленин. Он сообщил о принципиальных разногласиях между большевиками и меньшевиками и сделал упор на факты, которые были неприятны мартовцам. Их реакция была болезненной. Мартов вскакивал с места, кричал изо всех сил: «Ложь! Ложь!» — и стучал кулаком по соседнему столу. Когда же он, накричавшись до хрипоты, замолчал и грузно опустился на стул, в тишине зала громко и отчетливо прозвучали слова Плеханова: «Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав». Это окончательно взбесило Мартова. Он бросился к Плеханову, выкрикивая личные оскорбления. Георгий Валентинович побледнел и предложил Мартову драться на дуэли, но не опускаться до уровня «охотнорядских молодцов»⁴¹.

Однако меньшевики, имевшие небольшой численный перевес, добились принятия Лигой нового устава, делавшей ее автономной от ЦК организацией. В ответ Ф. В. Ленгник, представлявший ЦК, объявил съезд незаконным, и большевики покинули его. С тяжелым сердцем с ними ушел и Плеханов. Его пугала перспектива развала только-только начавшей вставать на ноги социал-демократической партии. В тот же вечер 18 (31) октября на частном совещании большевиков — членов Лиги Плеханов неожиданно для собравшихся заявил: «Надо мириться!» В целях примирения двух группировок он предложил восстановить прежнюю редакцию «Искры», объяснив это тем, что он больше не в силах «стрелять по своим»⁴². В противном случае Плеханов угрожал отставкой. Ленин в ответ на это 19 октября (1 ноября) вышел из редакции «Искры».

После отставки Ленина Плеханов, испытывавший давление своего друга Аксельрода, согласился на все требования меньшевиков. 22 октября (4 ноября) Мартов с радостью сообщил Аксельроду: «...Плеханов предлагает нам вести (вместе с ним!) в “Искре” войну против ЦК. Как бы то ни было, Ленин разбит»⁴³. 12 (25) ноября в Женеве большевистский ЦК предъявил оппозиции «ультиматум», в котором были сформулированы условия прекращения фракционной борьбы, оставлявшие за большевиками преимущественные позиции в центральных органах партии. В ответ на «ультиматум» Плеханов кооптировал всех старых редакторов «Искры» (Аксельрода, Засулич, Мартова и Потресова): начиная с № 53 «Искры», вышедшего 25 ноября 1903 г., ее готовила прежняя, но уже без Ленина, редакция. Кроме того, двое представителей мартовцев были введены в ЦК и один в Совет партии. Ленин тут же объявил факт восстановления

старой редакции партийным переворотом и добился того, чтобы его кооптировали в ЦК. Фракционная борьба набирала обороты. Никто не хотел уступать. В руках Ленина оказался ЦК, тогда как мартовцы контролировали теперь «Искру» и Совет партии.

Весь период с конца 1903 по конец 1904 г. характеризовался борьбой за местные комитеты и ожесточенной литературной полемикой. По воспоминаниям Крупской, стараясь помочь Ленину в его заграничной фракционной борьбе с мартовцами, большевики в России даже всерьез предлагали «вызвать Мартова на родину, спрятать его где-нибудь в глуши и засадить за писание популярных брошюр»⁴⁴. Уже к концу 1903 г. почти все российские организации высказались по поводу возникшего на съезде раскола. Социал-демократы крупнейших пролетарских районов (Петербурга, Москвы, Ярославля, Костромы, Иванова, Тулы, Екатеринослава, Одессы, Кавказа) были на стороне большевиков. Южные комитеты (донской, харьковский, киевский, донецкий и крымский) приняли сторону меньшевиков. В руках большевиков не было ни средств, ни печатного органа, чтобы надлежащим образом бороться с меньшевиками.

Зато «Искра» в каждом номере критиковала большевиков. Центральным пунктом было обвинение Ленина в диктаторстве. Его упрекали в насаждении приказов сверху и слепого повиновения снизу. Лидеры западноевропейской социал-демократии были уверены, что виновником разногласий на съезде был один лишь Ленин. Большевик М. Н. Лядов, в конце 1903 — начале 1904 г. проживавший в Берлине, познакомился там с К. Каутским, Р. Люксембург и Тышко и рассказал им о расколе. Каутский заявил ему довольно решительно: «Что вы хотите, мы вашего Ленина не знаем, он для нас человек новый. Плеханова и Аксельрода мы все хорошо знаем. Мы привыкли только в их освещении узнавать о положении вещей в России. Конечно, мы не можем поверить вашим утверждениям о том, что вдруг Плеханов и Аксельрод стали оппортунистами. Это нелепо. Следовательно, не прав Ленин»⁴⁵.

В начале 1904 г. вышла из печати полемическая брошюра Мартова «Борьба с “осадным положением” в РСДРП». Для идеологического оформления меньшевизма большое значение имела публицистика Аксельрода, который поставил вопрос о разногласиях между большевиками и меньшевиками значительно глубже, чем другие полемисты. Он противопоставил большевистскую идею направляющей

и руководящей партии классовой самостоятельности пролетариата и выдвинул в качестве важнейшей задачи социал-демократии не создание интеллигенцией партии профессиональных революционеров, а организацию рабочих на широкой, массовой основе. Вольский (Валентинов) полагал, что Аксельрод был первым, кто понял разницу между большевизмом и меньшевизмом.

В январе 1904 г. на заседании Совета партии Ленин поставил вопрос о созыве нового экстренного съезда партии, видя в нем единственный выход из создавшегося положения. К мысли о III съезде Ленин пришел еще в конце 1903 года. Он писал тогда ЦК: «Спасение одно — съезд. Лозунг его: борьба с дезорганизаторами»⁴⁶. Со стороны членов Совета партии Аксельрода, Мартова и Плеханова эта идея встретила решительный отпор. Но самым неожиданным и неприятным для Ленина стало сопротивление его единомышленников по ЦК РСДРП. В середине февраля 1904 г. русская часть ЦК пятью голосами против одного (Землячки) отклонила предложение Ленина о съезде. Носков, Кржижановский, Красин и другие большевики, стремясь положить конец внутрипартийным склокам, предпочитали примириться с меньшевиками. Ленин обозвал их «примиренцами». «У нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: „бесполезно бороться!“...»⁴⁷ — заявил он.

В начале мая 1904 г. появилась книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад». В этой работе он дал свой анализ всего того, что происходило на II съезде партии. Максимальная организованность, централизм, дисциплина — вот три главных обруча, которые, по мысли Ленина, должны были скрепить партию. Центральная идея работы — пролетариату нужна организация, поскольку сила рабочего класса — в организации. Без организации пролетариат — ничто, организованный — он все. «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»⁴⁸, — говорил Ленин в заключении своей книги. Он подметил глубокую принципиальную сущность разногласий. «Якобинец, — писал он по поводу чисто организационных споров, расколовших съезд, — неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть оппортунист»⁴⁹.

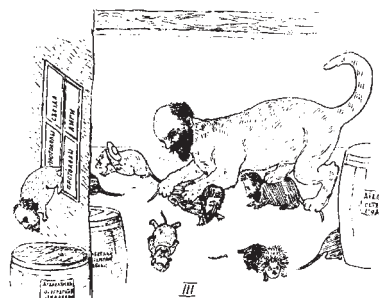
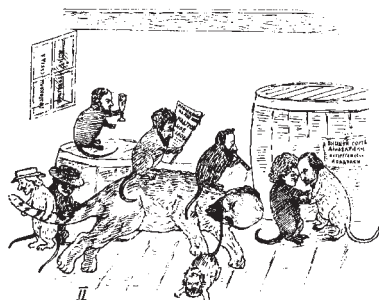
Ленин защищал свою позицию яростно, не стесняясь в выражениях по адресу оппонентов. Это вызвало ответную гневную реакцию Плеханова, опубликовавшего в «Искре» открытое письмо ЦК «Теперь молчание невозможно», в котором обвинил Ленина в «бонапартизме» и требовал, чтобы ЦК отмежевался от него. Мартов отзывался о книге Ленина «Шаг вперед, два шага назад» не менее «лестно»: «Стоит читать эти строки, дышащие мелкой, подчас бессмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слепой, глухой и вообще какой-то бесчувственной яростью, это бесчисленное повторение одних и тех же бессодержательных “бойких” и “хлестких” словечек, чтобы убедиться, что перед нами человек, фатально вынужденный катиться дальше по той плоскости, на которую он “стихийно” встал и которая прямехонько ведет его к полному политическому развращению и раздроблению социал-демократии...»⁵⁰

Большевики ответили Мартову едкой карикатурой. П. Н. Лепешинский сделал сатирический рисунок «Как мыши кота хоронили». Поводом к нему послужил первый раздел статьи Мартова «Вперед или назад?», называвшийся «Вместо надгробного слова». Сочиненная Лепешинским «Назидательная сказка» состояла из трех частей-рисунков. На первом был изображен Ленин с туловищем кота, а вокруг — «радостно взволнованные мыши (с головами Мартова, Троцкого, Дана, Старовера, Аксельрода, Засулич, Инны Смидович) — а во главе их премудрая крыса Онуфрий — Плеханов, появившийся на торжество и сидящий в окне между двумя предательскими дверцами: «Протокол съезда» и «Протоколы Лиги»... Везде в подполье стоят бочонки с надписью: «Диалектика. Остерегайтесь подделки» (намек на постоянные заявления меньшевиков, а в особенности Плеханова, что только им дано разуть тайны диалектики, и ни в коем случае не Ленину с компанией)», — поясняет Лепешинский. Смысл рисунка в том, что когда «мыши» решили, что «мурлыка» уже мертв, и «принялись, как шальные, прыгать, скакать и кота тормошить», то он вдруг ожил, и «пошла тут ужасная травля». Так кончился пир мышей бедою⁵¹. Эта карикатура моментально разошлась по всей Женеве. Узнали о ней и в других эмигрантских «колониях». Мартов после ее появления пребывал в растерянности. Другие меньшевики были возмущены. Жена Плеханова даже пригрозила большевикам, забывшим, что ее муж «получил военное образование» и если они «выведут его из себя, он может вызвать автора карикатуры на дуэль»⁵².

«Как мыши кота хоронили». (Начальника партии
большого Н.М.Жуковского. Поискователя Лепешинского
Матвея Засулича)

Карикатура П.Н.Лепешинского «Как мыши кота хоронили»
(Ю.О.Мартов, П.Б.Аксельрод, Л.Д.Троцкий, В.И.Засулич, Н.Г.Смолдин,
Ф.И.Док, Г.В.Носков, В.Н.Ленин)

«Как мыши кота хоронили». Худ. П. Лепешинский

Сами же меньшевики были далеко не ангелами. Так, они всячески препятствовали большевикам собирать средства на издание газеты «Вперед». С этой целью во время их выступлений Мартов, Засулич и другие меньшевики устраивали «кошачьи концерты», а в борьбе за входную кассу дело иногда доходило до рукопашной⁵³.

Между тем летом 1904 г. Ленин остался в меньшинстве и в ЦК. Боязнь раскола, на который Ленин шел твердо и практически открыто, приводила большевистское большинство в ЦК к ослаблению поддержки своего вождя. Кроме того, возобладало мнение, что Ленин плохо знает нужды местных партийных организаций и не обеспечивает руководство партийей. В июле 1904 г., когда Ленин находился на отдыхе в горах, большевики-примиренцы Л. Б. Красин, В. А. Носков, Л. Е. Гальперин и меньшевики, вместе преобладавшие в ЦК, совершили своеобразный «переворот», приняв специальную декларацию, запрещающую ему выступать от имени ЦК. Одновременно Ленину было запрещено печатать свои произведения без разрешения коллегии

ЦК. Конфликт закончился постановлением ЦК от 7 февраля 1905 г.: «не считать тов. Ленина ни в числе своих членов, ни членом Совета партии»⁵⁴.

Однако Ленин не собирался сдаваться. В России его позиции были по-прежнему сильны. Большинство местных комитетов партии осудило «июльскую декларацию». В августе 1904 г. в окрестностях Женева состоялось совещание 19 большевиков. Собрались В. И. Ленин, А. А. Богданов, В. Д. Бонч-Бруевич, В. В. Воровский, С. И. Гусев, Р. С. Землячка, П. Н. Лепешинский, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, М. С. Ольминский, М. М. Эссен и др. (Как вспоминал Лядов, «конференция собралась не в августе, как обычно пишут, а в сентябре, но решено было для конспирации называть ее августовской»⁵⁵.) Позднее к решениям совещания присоединились еще три человека, и оно вошло в историю как «совещание 22 большевиков». В резолюции большевики подчеркивали, что «разногласия теперь не выясняются, а выискиваются и создаются», и что партии, как единого целого, уже нет. Отсюда вытекало их требование созыва III съезда, который может снова объединить и восстановить ее. Фактически на этом совещании возник еще один центральный партийный орган, получивший название Бюро комитетов большинства. Вновь сформированный центр сообщался с местными комитетами напрямую, в обход избранных II съездом центральных партийных органов.

В результате во второй половине 1904 — начале 1905 г. вокруг вопроса о созыве съезда развернулась острая борьба, в которую оказались втянутыми местные организации. Кавказский союз РСДРП, например, присоединился к воззванию 22-х. К этому времени относятся первые контакты И. В. Джугашвили (Сталина) с эмиграцией. Из Кутаиси он направил находившемуся в Лейпциге М. Давиташвили письмо, в котором критиковал позицию Г. В. Плеханова как лидера меньшевиков. Как пишет известный историк А. В. Островский, это письмо «стало известно В. И. Ленину и таким образом произошло их заочное знакомство. Позднее И. В. Сталин сдвинул этот эпизод на год вперед, живописав, как непосредственно обратился к В. И. Ленину с письмом из сибирской ссылки и получил от него ответ»⁵⁶.

Происходившие в сентябре—декабре 1904 г. Южная, Кавказская и Северная конференции, на которых присутствовали представители 13 комитетов РСДРП, поддержали Ленина. Одновременно с этим

был образован заграничный большевистский литературный центр и создано большевистское издательство в Женеве («Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина»). С декабря 1904 г. начал выходить печатный орган большевиков газета «Вперед». Всего вышло 18 номеров, последний 18 мая 1905 г. В редакцию газеты вошли В. И. Ленин, В. В. Воровский, А. В. Луначарский и М. С. Ольминский. По сути это уже была работа по созданию самостоятельной большевистской партии. Как вспоминала Н. К. Крупская, редакция газеты «чуть не каждый вечер» собиралась в женевском кафе «Ландольт» и подолгу засиживалась там «за кружкой пива, обсуждая события в России, строя планы».

Таким образом, разногласия между большевистской и меньшевистской фракциями только усиливались. Фракции имели свои руководящие центры, печатные органы, агентуру, систему связи и т. п. Хотя на местах большинство организаций РСДРП оставались объединенными.

Между тем в 1904 г. политические события в России развивались с головокружительной быстротой. Отсутствие серьезных реформ со стороны «верхов» и одновременно рост оппозиционных политических движений в соединении с глубокими социальными противоречиями и внешнеполитическими неудачами царского режима приближали революционный взрыв. Кризис самодержавия обострила неудачная Русско-японская война 1904–1905 гг. Несмотря на героизм русских моряков и солдат, поражения русской армии на полях Маньчжурии, падение Порт-Артура больно ударили по национальному самосознанию и еще больше дискредитировали императорскую власть. Мотив, рожденный на сопках Маньчжурии, «Плачет, плачет мать-старушка, плачет вся родная земля» стал символом глубокой национальной трагедии.

В феврале 1904 г. В. И. Ленин написал листовку «К русскому пролетариату». Начавшуюся войну он назвал «борьбой деспотического и отсталого правительства с политически свободным и культурно быстро прогрессирующим народом». Лидер большевиков считал, что для судеб революции желательно поражение царизма. «В случае поражения, — писал он, — война приведет прежде всего к падению всей правительственной системы». С этой точки зрения падение Порт-Артура он считал прологом капитуляции царизма. В начале лета 1904 г. заведующий экспедицией РСДРП большевик В. Д. Бонч-Бруевич

отправил социал-демократическую литературу в Японию русским военнопленным. Эта операция осуществлялась через посредничество редактора японской газеты «Хэймин Симбун» («Народная газета»). Однако, во избежание лишних разговоров и не желая чернить репутацию, уже в июле меньшевистский ЦК предписал соратнику Ленина прекратить «высылку партийной литературы токийскому правительству как компрометирующую партию»⁵⁷, а вскоре и вообще отстранил его от заведования экспедицией.

Неприятие меньшевиками большевистской тактики объясняется тем, что они придерживались иной точки зрения на перспективы Русско-японской войны. В январе 1904 г. Мартов обратился к местным комитетам с письмом, в котором рекомендовал социал-демократическим агитаторам выдвигать лозунги немедленного заключения мира и созыва Учредительного собрания. В статьях в «Искре» на ту же тему он предостерегал от обнаружившегося в революционной среде «известного “японофильства”» (намек на Ленина) и выступил против большевистского «пораженчества», подчеркивая, что свобода не может быть принесена России на японских штыках.

В начале сентября 1904 г. Совет РСДРП, в котором уже не было Ленина, принял решение об отказе от участия в Парижской конференции революционных и оппозиционных партий. Решение было вызвано тем, что инициатор созыва конференции финский политический деятель К. Циллиакс получал через бывшего японского военного атташе в России полковника М. Акаси деньги от японского правительства на борьбу с царизмом.

В июле 1904 г. эсер Егор Сазонов на Измайловском проспекте Петербурга убил бомбой министра внутренних дел В. К. Плеве, идеолога политики «твердой руки» (погиб также кучер и ранено 9 человек, в том числе трехлетняя девочка). В либеральных кругах ликовали. Сменивший его П. Д. Святополк-Мирский являлся сторонником ряда умеренно-либеральных уступок: введения выборных представителей в Государственный совет, большей веротерпимости, расширения прав земств, больших прав печати и т. п. Министр попытался найти контакт с умеренной частью либеральной общественности. Начался короткий период, вошедший в историю как «весна Святополка-Мирского». В ноябре 1904 г. в Петербурге состоялся съезд оппозиционных земских деятелей, предъявивший ряд требований правительству, прежде всего созыва «народного представительства» и конституции.

Император Николай II, однако, свято верил, что «одно самодержавие может спасти Россию». Он отверг все предложения и Святополка-Мирского и земцев, заявив в узком кругу сановников: «Мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда — я вас поздравляю, господа!»⁵⁸

В ноябре–декабре 1904 г. в связи с 40-летием судебной реформы Александра II «Союз освобождения» развернул так называемую банкетную кампанию. Во время ресторанных застолий, заменявших запрещенные политические собрания, либералы провозглашали тосты и принимали резолюции с требованием конституции и созыва Учредительного собрания. Поскольку слово «петиция» стало самым модным в обществе, Мартов и Аксельрод предложили использовать эти банкеты для организации серии выступлений рабочих и РСДРП. Однако даже в меньшевистской среде этот план вызвал серьезные разногласия. Большевики же однозначно расценили его как проявление оппортунизма меньшевиков, взявших курс на соглашение с либеральной буржуазией. Отвергая план меньшевистской «Искры», Ленин заявлял, что пролетариат должен «давить» непосредственно на правительство и не связывать свои действия с политической тактикой либералов.

В целом в начале революции развитие социал-демократического движения характеризовали следующие цифры: к марту 1905 г. в России действовали 32 комитета и 35 групп большевистского направления, у меньшевиков было 23 комитета и 27 групп, 10 комитетов и 43 группы занимали более или менее нейтральные, внефракционные позиции. В ряде мест, например в Петербурге, возникли параллельные большевистские и меньшевистские местные организации РСДРП. Численно РСДРП не была значительной величиной. По одним подсчетам, в ней накануне январских событий 1905 г. состояло чуть более 2,5 тыс. человек, по другим — 8,4 тыс. Известно также, что меньшевиков было намного больше, чем большевиков: в Петербурге, например, в пять раз. Разногласия в цифрах показывает слабость партийной организационной работы. И не только. Идейная борьба наряду с игрой личных амбиций, политическим интриганством социал-демократической интеллигенции, скандалами и склоками дестабилизировала обстановку в партии, отвлекая ее силы от выполнения главной задачи — борьбы с самодержавием.

5. 1905 год. «Кровавое воскресенье» и русское общество

*Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.*

А. Блок

Революция 1905–1907 гг. стала следствием противоречий экономического и политического развития страны, возникших после 1861 г., а также нежелания царизма провести последовательные реформы, направленные на модернизацию страны.

Началом революции стала реакция народа и образованного общества на расстрел мирного шествия 140 тыс. петербургских рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г. («Кровавое воскресенье»). Его возглавил священник петербургской пересыльной тюрьмы Георгий Гапон. Еще в феврале 1904 г. при содействии столичного градоначальника А. И. Фуллона Гапон создал организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Петербурга», задача которой виделась в установлении «братских взаимоотношений в процессе труда» между рабочими и предпринимателями. К концу 1904 г. общество имело 11 отделов, объединявших около 10 тыс. рабочих. В руководстве отделов «Собрания» были и бывшие социал-демократы А. Е. Карелин, Д. В. Кузин, а В. М. Карелина ранее вела революционную пропаганду среди работниц Выборгских фабрик. Успех Гапона в создании общества объясняется в значительной степени тем, что его проповеди, содержавшие наскоки на предпринимателей, выражения сочувствия тяжелому положению рабочего класса и проникнутые поначалу упованиями на милость царя, встречали отклик у рабочих.

Петербургские социал-демократы просмотрели рост гапоновских организаций, не сумели составить им серьезную конкуренцию, поскольку были больше заняты выяснением отношений между собой, чем реальной работой в массах. В докладе Петербургского комитета III съезду РСДРП отмечалось, что накануне 9 января столичная большевистская организация находилась «в крайне плачевном состоянии»: среди членов городского комитета партии не было ни одного рабочего, связи с массами были нарушены, дело доходило до избиения

рабочими партийных агитаторов и уничтожения листовок комитета. К самому Гапону большевики относились настороженно, считая его «зубатовцем». 5 января 1905 г. секретарь ЦК РСДРП С. И. Гусев писал Ленину, что личность Гапона «не выяснена», хотя и назвал его «наивным идеалистом». Меньшевики шли дальше — они даже подозревали Гапона в провокаторстве.

В начале января 1905 г. забастовали рабочие Путиловского завода. Вскоре путиловцев поддержал почти весь пролетариат Петербурга, к забастовке присоединились более

Г. Гапон и рабочие

400 предприятий (9/10 всех расположенных в столице). Участники гапоновских «собраний» решили обратиться лично к Николаю II, рассказать ему о своей тяжелой доле, надеясь на то, что «царь-батюшка» проникнется сочувствием к их положению, поможет им. Эта идея подачи петиции царю, заимствованная у либералов, получила широкую поддержку среди рабочих, так как соответствовала настроению народных масс, их вековой вере в доброго царя. В составлении петиции участвовало множество людей: Гапон и руководители отделов «Собраний», либералы из «Союза освобождения», социал-демократы, эсеры, простые рабочие. Поэтому в окончательном тексте петиции причудливо переплелись верноподданническая риторика и требования общедемократического характера (в нее вошла почти вся программа-минимум РСДРП). 7 и 8 января на многочисленных митингах шло обсуждение петиции, под ней было собрано около 100 тыс. подписей. Таким образом, предстоявший поход к царю принял форму массового отчаянного шага.

Военно-полицейские власти, однако, приняли твердое решение не допускать рабочих к Зимнему дворцу, а сам Николай II, дав указание ввести в Петербурге военное положение, уехал с семьей в Царское Село. Накануне кровавых событий на улицах и площадях Петербурга появились войска (8 тыс. пехоты и 3 тыс. кавалерии). В солдатских казармах пустили слух, что среди тех, кто пойдет

утром к Зимнему дворцу, есть террористы, мечтающие дворец взорвать, а царя убить. Дядя царя великий князь Владимир Александрович цинично заявил: «Нужно открыть жилы России и сделать ей небольшое кровопускание»⁵⁹. Поздно вечером 8 января делегация писателей и ученых (А. М. Горький, обозреватель «Вестника Европы» и писатель Н. Ф. Анненский, публицист А. В. Пошехонов и др.) пыталась предупредить готовившееся кровопролитие, но министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский ее не принял, а председатель комитета министров С. Ю. Витте заявил, что он бессилен что-либо сделать.

Несмотря на раскол в среде социал-демократов, все они выступали против гапоновской идеи шествия к царю: «Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, — писали большевики, — а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу»⁶⁰. Выступая на рабочих собраниях, агитаторы от РСДРП убеждали людей не подавать петицию, указывая на бесперспективность и опасность шествия. Но их не хотели слушать. «Уйдите от нас!», «Не мешайте нам!» — кричали большевикам рабочие. В ночь с 8 на 9 января состоялось заседание Петербургского комитета РСДРП, на котором, после того как выяснилось, что ничто не может заставить массы отказаться от похода к Зимнему дворцу, было принято решение идти вместе с ними. Большевики решили выделить в колонны манифестантов по несколько членов партии, а в некоторых случаях — и знаменосцев со свернутыми до нужного момента знаменами. Было выдвинуто предложение в случае столкновения с войсками начать строительство баррикад. Листовка, которую большевики подготовили вечером 8 января, заканчивалась по-боевому: «Свобода покупается кровью, завоевывается с оружием в руках. Долой самодержавие!.. Да здравствует вооруженное восстание народа!»⁶¹ В ту же ночь полиция провела массовые аресты. Взяли весь состав городского комитета эсеров и многих социал-демократов.

Утром 9 января от отделений гапоновского «Собрания» к центру двинулись рабочие колонны. Мужчины, женщины, старики и дети шли с иконами и царскими портретами, с пением церковных молитв. Шли с голыми руками, оставив дома по распоряжению Гапона даже перочинные ножи. Точно так же всех предупредили, чтобы в колоннах

не было красных флагов и революционных лозунгов. Шедшую от Путиловского завода колонну сопровождали чины местной полиции, которые так и не узнали о запрещении шествия. У Нарвских ворот толпу встретили залпами солдаты и кавалерийский отряд с шашками наголо. Расстрел и избиение беззащитных людей произошли также за Невской заставой, на Васильевском острове, на Невском проспекте и в других частях города. Несмотря на полицейские кордоны, несколько тысяч рабочих пробились на Дворцовую площадь. Здесь войска стреляли в упор. Избиение людей продолжалось до вечера. Свидетельства

9 января 1905 г. Фрагмент картины В. Маковского

очевидцев рисуют картину невероятной жестокости: только в Обуховскую больницу было доставлено 7 детских трупов, и среди них тело пятилетнего ребенка с семью штычковыми ранами. Согласно правительственному сообщению, на улицах города в этот день погибло 96 и было ранено 333 человека, но комиссия столичных присяжных поверенных, опросив очевидцев событий, работников больниц и посетив столичные кладбища, установила, что было убито 1200 и ранено свыше 3 тыс. человек. Характерно, что ни один солдат или офицер в эти дни не погиб.

Самого Гапона спасли рабочие. Весь день он перебирался с квартиры на квартиру, боясь быть опознанным и арестованным. На квартире Горького его переодели и сбрили бороду. Через два дня Гапона отправили в Финляндию.

«Кровавое воскресенье» развеяло верноподданнические настроения в рабочей среде, разорвало «священную связь» царя с народом, которую сам Николай II считал основной опорой трона. А. М. Горький передает слова С. Т. Морозова, сказанные в разгар событий: «Революция обеспечена! Годы пропаганды не дали бы того, что достигнуто в один день»⁶². Уже вечером того дня в некоторых районах Петербурга появились баррикады и листовки революционного содержания.

На Васильевском острове шли настоящие баррикадные бои. Известный студент, державший в руках красное знамя, обратился к солдатам с призывом перейти на сторону народа. Он говорил до тех пор, пока солдаты не закололи его штыками. А. М. Горький, участвовавший в демонстрации 9 января, в тот же день написал воззвание «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств», в котором разоблачал убийц. За это он был заключен в Петропавловскую крепость. В России началась народная революция, которая продолжалась 875 дней — с 9 января 1905 г. до 3 июня 1907 г.

Власть, допустившая «кровопускание», не могла не отреагировать на всеобщее возмущение народа. Николай II дал отставку Святополку-Мирскому, с именем которого связывалась «либеральная весна». Министром внутренних дел был назначен А. Г. Булыгин. Агенты охранки отобрали 34 наиболее «благонамеренных» рабочих, которых доставили в Царское Село. Царь обратился к ним с речью: «Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Много надо улучшать и упорядочивать, но имейте терпение». Возвращаясь к событиям 9 января, он сказал им, что «мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах преступно». Николай II «простил» рабочим их «вину» и велел выдать 50 тыс. рублей для помощи пострадавшим. Рабочие столицы с возмущением встретили известие о делегации и отказались принять царскую подачку. Правительство приказало расклеить объявления о том, что англичане и японцы подкупили русских рабочих за 48 млн рублей. Разоблачая эту клевету, Московский комитет РСДРП писал в своей листовке: «Тот, кто растоптал народные права, — вот кто изменник; тот, кто дал народу камень вместо хлеба, — вот кто изменник; тот, кто предал трудящийся люд богачам и чиновникам, — вот кто Иуда Искариот, тот, кто ради власти не задумался расстрелять тысячи безоружных людей, — вот кто продажный убийца. Имя этого изменника, Иуды, убийцы — царское правительство, Николай II»⁶³.

Провалом закончилась попытка правительства организовать работу комиссии из представителей промышленников и рабочих для урегулирования их взаимоотношений. Председателем комиссии был назначен сенатор Н. В. Шидловский. Представители рабочих согласны были участвовать в работе комиссии только при условии удовлетворения их требований: освобождения арестованных, свободы слова, неприкосновенности жилищ, личной неприкосновенности рабочих и т. д. Эти условия, выработанные на совещании

Петербургского комитета РСДРП с представителями 45 крупнейших предприятий, не были приняты. 18 февраля Николай II подписал манифест с призывом к «искоренению крамолы» во имя «укрепления истинного самодержавия» и одновременно рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина о подготовке к созыву в будущем законосовещательной Думы.

6. Революция разгорается. Большевики и меньшевики в 1905 г.

Народная революция набирала обороты. Уже в январе в разных концах России вспыхнули грандиозные стачки, в которых приняли участие 440 тыс. человек. Наибольшей силы и размаха стачечное движение достигло в Петербурге, Москве, Латвии, Польше, на Украине. Борьба рабочих не оставалась безрезультатной. В ряде случаев фабриканты были вынуждены пойти на уступки. Так, на Путиловском заводе была повышена заработная плата, улучшено медицинское обслуживание, отменена плата за обучение детей в школе. Рабочие Латвии добились повышения заработной платы в среднем на 10 % и сокращения рабочего дня. На Украине в железнодорожных депо и мастерских рабочий день был сокращен до 9 часов и т. п. Всего из 604 стачек, имевших место в России в течение января–февраля 1905 г., в пользу рабочих окончилось 158, а компромиссом — 267.

Протестовали не только рабочие. 8 февраля на многолюдной сходке в Петербургском университете студенты разорвали царский портрет. 4 февраля эсер Иван Каляев убил в Кремле дядю царя, великого князя Сергея Александровича — сторонника крутых мер в отношении рабочих, студентов и московской интеллигенции.

Стачки, митинги и демонстрации в Петербурге и других крупных городах послужили сигналом к новой волне крестьянских антипомещичьих выступлений. За три первых месяца после 9 января крестьянское движение охватило почти 20 % уездов Европейской России. При этом циркулировали слухи о том, что царь хочет отдать землю крестьянам и «не запрещает громить господ».

О событиях 9 января Ленин узнал на следующее утро. «Мы, — вспоминала Н. К. Крупская, — пошли туда, куда инстинктивно

потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, — в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели “Вы жертвою пали...”, лица были сосредоточенны. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны пути веры в царя...”⁶⁴ Ленин писал о событиях 9 января в газете «Вперед»: «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»⁶⁵.

С самого начала революции задача, которую ставили перед собой социалистические партии, — руководить борющимися с царизмом массами — из области теории перешла в практику. Однако очевидно было то, что руководство РСДРП, раздираемое фракционными конфликтами и склоками, к революции оказалось неподготовленным. Ленин и его сторонники считали, что радикальным средством преодоления раскола является созыв нового партийного съезда.

Решающее значение в борьбе за созыв съезда имело событие, которое произошло 9 февраля 1905 г. В этот день на квартире писателя Л. Н. Андреева, друга А. М. Горького, почти в полном составе был арестован ЦК РСДРП и один из его агентов М. А. Сильвин. Оставшиеся на свободе члены ЦК Красин и Любимов дали согласие на проведение III съезда. 12 (25) марта между Бюро комитета большинства и ЦК было заключено соглашение и создан Организационный комитет. Соглашение подписали: от Бюро — С. И. Гусев, от ЦК — Л. Б. Красин.

Между тем в первые месяцы революции на роль «объединителя» всех российских революционных течений неожиданно выдвинул сам себя священник Гапон. Приехав в начале февраля 1905 г. в Женеву, он вошел в контакт с Лениным и Плехановым. Находясь под впечатлением январских событий в Петербурге, партийные лидеры стали предлагать популярному священнику свое сотрудничество. Оказавшись сразу в центре всеобщего внимания, в том числе европейской прессы (английская «Times» платила ему бешеные деньги за каждую строчку), купаясь в лучах славы вождя рабочих и ведя при этом разгульный образ жизни, Гапон возомнил себя вождем всей русской революции. Он пробовал примкнуть к разным партиям: сначала вступил в РСДРП, затем весной ушел к эсерам, но и у них не задержался. Уже очень скоро Плеханов и Мартов, эсеры Гоц и Натансон

разочаровались в Гапоне и отвернулись от него. Гапон же, за глаза называя лидеров социалистических партий «узколобыми болтунами» и ни разу не дочитав до конца ни одной партийной программы, стал развивать план объединения всех революционных партий. С этой целью он опубликовал «Открытое письмо к социалистическим партиям России» с призывом объединить все наличные силы для подготовки вооруженного восстания и предложил созвать конференцию всех социалистических партий и организаций России. Однако подлинными инициаторами созыва новой межпартийной конференции следует назвать уже упомянутых выше К. Циллиакуса и японского полковника М. Акаси. Последний через третьих лиц передал Гапону 50 тыс. рублей на проведение конференции. Впрочем, вряд ли обо всем этом догадывался сам Гапон. Из 18 действовавших в то время на территории России социал-демократических и неонароднических партий и организаций на призыв Гапона откликнулись 11, в том числе большевики (меньшевики отказались). Конференция проходила в Женеве со 2 по 8 апреля 1905 г. Убедившись, однако, в преобладании эсеров, Ленин покинул ее вместе с представителями Бунда, Латышской СДРП и Армянской СДР организации.

Отдельные контакты большевиков с Гапоном продолжались и позже. В частности, одно время Ленин был воодушевлен идеей этого священника перебросить в Петербург контрабандой значительное количество оружия. В сентябре 1905 г. Гапон вместе с эсерами организовал перевозку в Россию на английском пароходе «Джон Графтон» 15,5 тыс. единиц огнестрельного оружия, патронов, взрывчатки, закупленных, как позже выяснилось, опять-таки на японские деньги в Европе. При не выясненных до конца обстоятельствах судно село на мель, и революционерам удалось получить лишь часть оружия. Осенью 1905 г. в «дни свобод» Гапон внезапно появился в Петербурге. Восстановить прежние отделы «Собрания» ему не удалось, и тогда Гапон вступил в контакт с Витте. О том, что Гапон получил от правительства деньги на возобновление деятельности своей «мирной» рабочей организации, стало известно эсерам. Они-то и задушили Гапона как предателя и провокатора 10 апреля 1906 г. на пустующей даче в Озерках под Петербургом. Убийство организовал инженер Петр Рутенберг, бывший в прошлом правой рукой Гапона.

Как уже отмечалось, весной 1905 г. главные усилия большевиков были направлены на созыв III съезда РСДРП, который должен был

коллективно выработать программу действий партии в начавшейся революции. Большую роль в подготовке съезда сыграл крупный партийный публицист А. А. Богданов (Малиновский), который, по словам Луначарского, «объездил всю Россию и обеспечил за съездом значительный приток крупных работников с мест...». Организационный комитет пригласил все социал-демократические организации, без различия их фракционной принадлежности. Однако меньшевики не прислали своих делегатов. Плеханов, в частности, на приглашение ответил словами одного из литературных персонажей Тургенева: «Иди сюда, черт ле-ш-и-и-ий... тебя тятка высечь хочи-и-и-т... — Вы тоже хотите меня высечь на съезде, — сказал он, — потребовать от меня отчета о моей работе по выполнению решений II съезда»⁶⁶. Меньшевики, объявив этот съезд незаконным, созвали в апреле 1905 г. в Женеве свое собрание, назвав его конференцией.

III съезд РСДРП проходил в Лондоне с 12 (25) по 27 апреля (10 мая) 1905 г. На нем присутствовали 24 делегата с решающим и 14 — с совещательным голосом. Делегаты с решающим голосом представляли 21 комитет, преимущественно наиболее крупных промышленных центров. По существу это был первый большевистский съезд. Он прошел по сценарию Ленина, что не исключало оживленных споров и критики. В частности, старейшина съезда 40-летний М. Цхакая с Кавказа открыто выступил против появления в словах русских марксистов нового термина — «ленинизм». Л. Б. Красин упрекал социал-демократическую эмиграцию — всех этих теоретиков, публицистов, полемистов — за их незнание проблем, стоявших перед революционным движением внутри страны, особенно финансовых. Ругал он их и за бесконечные дразги. Приговор Красина был категоричным: пока в РСДРП верховодят эмигранты-литераторы, деятельность партии не может быть успешной.

В своем докладе на съезде Красин поднял один из самых болезненных вопросов, волновавший многих: где основное поле деятельности партии — в России или же, пока монархия не свергнута, за границей? Будучи практиком, он считал, что главная задача эмиграции — помогать российскому подполью. Этот вопрос был тесно связан и с другой проблемой: в комитетах было слишком мало рабочих. В условиях начавшейся революции эта проблема приобрела особое звучание. Пролетариев не хватало и в руководящем ядре партии. Достаточно сказать, что на III съезде РСДРП не было ни одного делегата-рабочего.

Когда делегат Румянцев сообщил, что «в Петербургском комитете только один рабочий, несмотря на то, что работа» в столице ведется пятнадцать лет, Ленин крикнул: «Безобразия!» Понимая, что социальной базой РСДРП, источником ее силы является прежде всего пролетариат, Ленин настаивал на широком привлечении рабочих в партийные комитеты. В этом вопросе его поддерживали многие видные большевики. Однако так называемые комитетчики, то есть профессиональные партийные работники, входившие в состав комитетов РСДРП, выступали против. Когда делегат Постолюцкий сообщил, что «на практике к интеллигентам предъявляются очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие», Ленин воскликнул: «Совершенно верно!» Его восклицание было покрыто хором «комитетчиков»: «Неверно!»⁶⁷

«Комитетчики» целиком и полностью преобладали среди участников III съезда. Характеризуя этих людей, которые выполняли в годы революции огромную работу, Н. К. Крупская отмечала и присущие многим из них недостатки: излишнюю самоуверенность, подозрительное отношение к партийной демократии, которая оборачивалась, по их мнению, лишь провалами и арестами, некоторое предубеждение против заграничных партийных работников («с жиру бесятся и склоки устраивают», «посадить бы их в русские условия»). Была у «комитетчиков» и еще одна отрицательная черта: они не хотели новшеств и не умели приспосабливаться к быстро меняющимся условиям партийной работы. На этой почве часто возникали разногласия между заграничными и российскими партийными работниками. Как вспоминала та же Н. К. Крупская, во главе оппозиции «загранице» стоял А. А. Богданов (Малиновский). Хотя он-то как раз поддержал Ленина в вопросе о привлечении рабочих в партийные комитеты. Несмотря на это, съезд признал вынесение особой резолюции по этому вопросу «нецелесообразным». Забегая вперед, отметим: осуществить эти планы на практике ни в 1905 г., ни позже в полной мере не удалось. Тон в российской социал-демократии по-прежнему задавали партийные функционеры.

Вместе с тем на съезде за Лениным окончательно закрепился статус политического руководителя большевиков. Он был избран председателем съезда, выступал по основным вопросам повестки дня, а в протоколах съезда записано около 140 выступлений и предложений Ленина. А. Н. Потресов, соратник Ленина по «Союзу борьбы» и «Искре»,

а затем один из самых яростных его критиков, писал: «...Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал — господства над ними... Ленин представлял собою редкостное, особенно для России, явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатичную веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя... Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия — это он, что он концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал»⁶⁸. Другими главными фигурами большевиков были Л. Б. Красин и А. А. Богданов.

Съезд охарактеризовал начавшуюся революцию как революцию буржуазно-демократическую. Но, по мнению большевиков, в отличие от стран Запада, где общедемократические задачи в XIX в. решались под руководством буржуазии, в российской революции главной движущей силой и гегемоном являлся рабочий класс, а его верным союзником — крестьянство. (Термин «гегемония» появился в работах Ленина на рубеже 1901–1902 гг.) Большевики считали, что российская буржуазия не способна руководить освободительным движением в России в силу своей слабой организованности и политической пассивности.

Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на съезде, был вопрос о Временном революционном правительстве, которое должно было возникнуть в результате свержения царизма и явиться революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. В таком правительстве предполагалось участие как социал-демократов, так и представителей народнических партий и других революционных организаций. Задачу этого правительства большевики видели в осуществлении программы-минимум, в создании благоприятных условий для перерастания демократической революции в социалистическую.

Первые месяцы 1905 г. показали Ленину, что в крестьянстве дремали огромные революционные силы, а крестьянский вопрос — главный вопрос русской революции. Обсудив доклад Ленина «Об отношении к крестьянскому движению», съезд тут же включил в аграрную программу требование конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель. Большевики призывали крестьян немедленно создавать революционные крестьянские комитеты, которые отбирали бы у помещиков земли и проводили революционно-демократические преобразования.

Важное место в работе съезда заняли тактические вопросы и прежде всего вопрос о вооруженном восстании и его практической подготовке. Речь шла о необходимости пропаганды идеи восстания в массах, создания военных организаций, боевых групп при партийных комитетах. В дополнительной резолюции, не оглашавшейся в целях конспирации на съезде, а розданной его делегатам для ознакомления, указывалось, что подготовка восстания, помимо всего прочего, будет состоять в проведении пробных вооруженных выступлений (нападения на тюрьмы, правительственные учреждения, защита народных собраний от нападения со стороны войск и полиции и т. д.). Вместе с тем резолюция предостерегала от непродуманных и неподготовленных вооруженных акций, требовала от партийных работников не допускать бесполезной растраты революционных сил.

В борьбе с самодержавием большевики были готовы блокироваться со всеми инакомыслящими революционерами, в первую очередь с эсерами, на основе разумных компромиссов, действуя по сформулированному Г. В. Плехановым принципу: «Врозь идти, вместе бить». Основой подобных соглашений, по мнению большевиков, могло стать признание участниками «левого блока» (сам этот термин появился у Ленина в январе 1907 г.) лозунгов демократической республики и вооруженного восстания. Что касается взаимоотношений пролетариата с либералами, то большевики одобряли их политическое пробуждение, но требовали от настоящих марксистов разоблачения буржуазной сущности либералов и «беспощадного» осуждения всякого их «нетвердого шага».

Съезд единодушно отменил первый параграф Устава и утвердил его в ленинской формулировке. Изменилась и система властных органов: вместо Совета партии, стоявшего над независимыми и равноправными ЦО и ЦК, создавался единый и авторитетный орган — ЦК. Вскоре после съезда образовались две части Центрального комитета — российская и заграничная. Соответственно было создано два бюро ЦК РСДРП. Русское бюро ЦК находилось в Петербурге. Таким образом, пирамида партийных структур и власти строилась в полном соответствии с организационным планом, изложенным в работе «Что делать?» и развитым в книге «Шаг вперед, два шага назад». В Центральный комитет партии, избранный съездом, вошли В. И. Ленин, А. А. Богданов, Л. Б. Красин, Д. С. Постоловский и А. И. Рыков. Таким образом, в состав ЦК вошел только один представитель эмиграции, все остальные

являлись революционерами из российского подполья. ЦК поручалось создать центральный орган — газету «Пролетарий». Редактором ее стал В. И. Ленин.

Ленин надеялся на закрепление и организационное оформление разногласий между большевиками и меньшевиками, но встретил большое сопротивление делегатов. Большинство их поддержало Л. Б. Красина по вопросу о единстве партии, отвергнув попытки Ленина добиться осуждения Плеханова, и не приняло резолюцию, требовавшую, чтобы меньшевики (под угрозой исключения) подчинились партийной дисциплине. Кроме того, съезд принял секретную резолюцию, поручавшую ЦК разработать условия, на которых можно было бы воссоединиться с отколовшейся частью РСДРП, и представить их на одобрение следующего съезда.

Ленин дал теоретическое обоснование решений III съезда РСДРП в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», вышедшей в свет в июле 1905 г. в Женеве и получившей широкое распространение в России.

Противоположные решения приняла меньшевистская конференция в Женеве, в работе которой участвовали делегаты 8 местных комитетов и союзов РСДРП. Лидеры меньшевиков Г. В. Плеханов (хотя по ряду вопросов он занимал особую позицию), П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, Ф. И. Дан так же, как и большевики, считали начавшуюся революцию буржуазно-демократической, но в оценке целого ряда моментов значительно расходились с большевиками. Например, они заявили, что революция должна проходить под руководством буржуазии, дело же рабочих — только поддерживать ее и стремиться, чтобы она не отшатнулась от революции. Наиболее решительно меньшевики выступили против организации вооруженного восстания, считая, что подготовить его невозможно, так как восстание — это процесс стихийный. Акцент делался на агитации, пропаганде и организации масс с целью «развязать» стихию народного возмущения, получить явочным порядком политические свободы. В случае же победы революции социал-демократия не может ставить своей целью захват власти, а должна оставаться партией крайней оппозиции. Меньшевики считали вполне реальным взаимодействие пролетариата с либералами в их совместной борьбе с самодержавием. Наиболее оптимальным исходом революции они полагали установление демократической республики. Расценивая большевистскую идею революционно-демократической диктатуры

пролетариата и крестьянства как утопическую, меньшевики заявляли, что в России на данном этапе нет объективных предпосылок для завоевания пролетариатом политической власти.

Таким образом, весной 1905 г. большевизм и меньшевизм уже значительно обособились друг от друга и идейно, и организационно, оформившись как самостоятельные фракции РСДРП. По ориентировочным данным, численность РСДРП к лету 1905 г. составляла 26,5 тыс. человек (14 тыс. большевиков и 12,5 тыс. меньшевиков).

Между тем революция в России развивалась по восходящей линии, и ход ее событий мало зависел от принимаемых большевиками и меньшевиками резолюций. Лето и осень 1905 г. озаменовались настоящим взрывом массовых крестьянских восстаний, сопровождавшихся поджогами и разгромами помещичьих усадеб.

Весной 1905 г. в связи с празднованием 1 Мая почти в 150 промышленных центрах страны прокатилась мощная волна стачечного движения. Всего в мае–сентябре 1905 г. фабричная инспекция зарегистрировала более 670 тыс. стачечников, причем многие из них выступали с политическими лозунгами. В Лодзи (Польша) 23 июня стачка перешла в баррикадные бои. В большевистской газете «Пролетарий» эта борьба описывалась следующим образом: «В солдат стреляли из окон и с крыш, обсыпали их камнями, обливали кипятком и горячей смолой. В нескольких местах были брошены бомбы. Боевое настроение охватило все рабочее население. Наряду со взрослыми дрались на баррикадах дети; молодые девушки произносили агитационные речи под градом пуль»⁶⁹. Сражения на улицах Лодзи продолжались до 25 июня. Было убито и ранено до двух тысяч человек.

Громадную роль в развитии революционной борьбы рабочих летом 1905 г. сыграла всеобщая Иваново-Вознесенская стачка. Она продолжалась 72 дня. Стачка была организована и проходила под руководством местного комитета РСДРП. В его состав входили видные деятели партии М. В. Фрунзе, Ф. А. Афанасьев, Н. И. Подвойский, рабочие-большевики Ф. Н. Самойлов, Е. А. Дунаев, И. Н. Уткин, С. И. Балашов и др. В ходе стачки рабочие избрали более 150 представителей от всех предприятий города в Совет уполномоченных. Около половины делегатов были большевиками. Наподобие крестьянского схода, Совет заседал прямо под открытым небом за городом. Рабочие добились от фабрикантов ряда уступок: повышения заработной платы (до 20 %), улучшения санитарных условий (устройства прачечных

и бань), уплаты квартирных денег и т. п. Совет действовал как самостоятельный орган власти в городе, внутри него были сформированы различные комиссии, а также вооруженная рабочая дружина для поддержания порядка в городе. Когда стачка закончилась, Совет объявил о самороспуске.

1905 г. был отмечен мятежами в армии и на флоте. Только летом и осенью этого года произошло более сорока выступлений солдат и матросов, распропагандированных социал-демократами и эсерами. Наиболее ярким событием стало восстание на броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» с командой около 800 человек. Впервые за всю историю российского флота крупный корабль оказался в руках мятежников, призывавших к свержению самодержавия. Николай II, получив известие об этом, записал в дневнике: «Просто не верится!» Прибытие «Потемкина» в Одессу совпало с кульминационным моментом борьбы рабочих 100 предприятий города. Вмешательство мятежного корабля могло обеспечить победу рабочих. Зная, что Одесский комитет РСДРП очень слаб, В. И. Ленин послал туда из Женевы большевика М. И. Васильева-Южина с четкими директивами: «Постарайтесь во что бы то ни стало попасть на броненосец, убедите матросов действовать решительно и быстро, — говорил он. — Добейтесь, чтобы немедленно был сделан десант. В крайнем случае не останавливайтесь перед бомбардировкой правительственных учреждений. Город нужно захватить в наши руки. Затем немедленно вооружите рабочих и самым решительным образом агитируйте среди крестьян... Необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот. Я уверен, что большинство судов примкнет к «Потемкину». Нужно только действовать решительно, смело и быстро. Тогда немедленно присылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию»⁷⁰. Но Васильев-Южин опоздал, он не застал броненосец в Одессе.

Революционное движение в вооруженных силах воспринималось властью особенно болезненно, поскольку оно грозило ослаблением главной опоры российского правительства. Однако в целом вооруженные силы остались верны императорской власти, что и спасло ее от краха.

В 1905 г. значительно выросла политическая активность интеллигенции и служащих. К маю эти группы населения создали около 15 профессиональных союзов (адвокатов, врачей, учителей и т. д.),

которые объединились в так называемый «Союз союзов» во главе с П. Н. Милюковым. К этой организации примкнул и Всероссийский крестьянский союз.

При Дворе шла борьба сторонников ограниченных преобразований и их противников. 6 августа появился манифест Николая II, который объявлял об учреждении Государственной думы на основе проекта министра внутренних дел Булыгина (так называемая «булыгинская Дума»). Предполагалось, что Дума будет совещательной, без права обсуждения бюджета и основных законов империи. Рабочие не имели избирательных прав. Это вызвало возмущение всей оппозиции.

Начавшаяся в сентябре экономическая забастовка типографских рабочих Москвы переросла во Всероссийскую политическую стачку. 7 октября по призыву Всероссийского железнодорожного союза (ВЖС) забастовали рабочие и служащие железных дорог. К ним примкнули адвокаты, почтово-телеграфные служащие, журналисты, врачи, учителя, актеры и т. д. Забастовал даже Государственный банк. В общей сложности по всей стране бастовало до 2 млн человек. Петербург жил без общественного транспорта, частично без освещения и телефонов. В столице даже дворники и городовые заявили о своих нуждах. Многие предприниматели готовы были оплатить рабочим забастовочные дни. В решающие дни стачки московские капиталисты предъявили, по сути, царскому правительству ультиматум: или объявление о введении конституции, или полное прекращение хозяйственной деятельности. В сентябре–декабре в более чем 50 городах и рабочих поселках страны, в том числе в Петербурге и Москве, возникли Советы рабочих депутатов, а в ряде мест — солдатских и крестьянских депутатов. Массы требовали конституции и парламента.

Всероссийская политическая стачка поколебала сами устои царского режима и стала высшим подъемом революции. Примечательно в этих событиях то, что ни одна из партий реально не руководила революционным движением масс. 14 октября петербургский градоначальник Д. Ф. Трепов разослал на места известную телеграмму с приказом вооруженной силой подавлять любое антиправительственное выступление: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть». Однако справиться с забастовкой такими методами было уже невозможно.

17 октября 1905 г., в критический для самодержавия момент, Николай II подписал Манифест, подготовленный С. Ю. Витте. Он содержал четыре основных пункта: дарование гражданских свобод и избирательных прав рабочим, предоставление Государственной думе законодательных полномочий, создание объединенного правительства (до этого в России отсутствовало правительство как орган, коллективно вырабатывающий единую политику и проводящий ее в жизнь). Манифест стал высшим успехом революции. Это был, конечно, ограниченный, но все же первый в истории России акт о гражданских свободах. Через несколько дней была объявлена политическая амнистия. В стране впервые легально функционировала многопартийная система, формировались профсоюзы.

Многие либералы восприняли манифест как начало конституционной эры. Революционные силы, однако, продолжали давить на самодержавие. Уже 18 октября на улицах города, на Невском проспекте начались революционные демонстрации, против которых выступали, организуя свои шествия, монархисты и черносотенцы. В результате столкновений полиции, казаков с народом 18 человек были убиты или тяжело ранены. При разгоне митинга перед Технологическим институтом был ранен шашкой приват-доцент историк Е. В. Тарле. Открытка, изображавшая его лежащим в постели с перевязанной головой, обошла чуть ли не весь мир. В Москве одни демонстранты шли с портретами царя, другие с красными флагами, между ними происходили стычки. Красные флаги установили даже на подъезде дома генерал-губернатора. А в нескольких шагах от его дома в вестибюле консерватории шел сбор средств под плакатом «На вооруженное восстание».

Революция вызвала к жизни массовое «охранительное» движение в защиту монархии. Черносотенцы, среди которых преобладали социальные городские низы, было немало и рабочих, восприняли Манифест 17 октября как начало конца исконной России. В конце 1905 — начале 1906 г. в разных городах и местечках Европейской России (прежде всего в «черте еврейской оседлости») произошли кровавые «черносотенные» погромы. За один только октябрь было зафиксировано около 690 погромов, имевших место в 102 населенных пунктах. Защитники царя мстили всем за «долой самодержавие». Так, в Томске, Твери и Феодосии черносотенцы сожгли помещения вместе с находившимися в них на собраниях рабочими. В Томске 20 октября

эта изуверская расправа происходила с благословения архиерея и в присутствии губернатора. Людей, пытавшихся спастись из горящего здания, пристреливали солдаты. Погибло около 200 человек. Погромы показали, что сторонники неограниченного самодержавия имеют поддержку в достаточно широких слоях населения. Сам император с симпатией относился к такому «патриотическому» движению.

Похороны Н. Э. Баумана

18 октября в Москве черносотенец мастеровой Михалин убил железным ломом большевика Н. Э. Баумана, виднейшего деятеля РСДРП, только что вышедшего из тюрьмы. Московский комитет партии превратил похороны Баумана в грандиозную манифестацию. 20 октября в ней участвовало не менее 300 тыс. человек. Колонна рабочих с бесчисленными красными и траурными флагами растянулась по улицам Москвы. Вооруженные дружинники охраняли демонстрантов от нападения «черной сотни» и полиции. Массы народа облепили балконы, окна и крыши домов. На гроб то и дело сыпались красные цветы. Агитируя за участие в похоронах Баумана, московские большевики призывали массы готовиться к вооруженному восстанию.

Как уже отмечалось выше, осенью 1905 г. в разгар революции по инициативе самих рабочих во многих городах появились Советы рабочих депутатов. Вопрос о том, чье влияние в Советах было преобладающим, остается до конца не выясненным. Среди председателей наиболее крупных Советов были большевики П. Г. Кин (Екатеринбург), Ф. А. Алексеев (Киев), С. В. Малышев (Кострома), Н. Е. Вилонов (Самара), И. С. Якутов (Уфа). Меньшевики возглавляли Советы в Баку (Лев Шендрик), Екатеринославе (И. Б. Бассовский), Николаеве (В. П. Краснуха), Ростове-на-Дону (Н. Н. Розанов), Одессе (студент В. Шавдия). Советы проводили тактику «левого блока», которая, в свою очередь, складывалась с учетом интересов беспартийной массы трудящихся, прежде всего рабочих.

Самый крупный Совет рабочих депутатов образовался в Петербурге 13 октября 1905 г., в разгар Всероссийской политической стачки,

в здании Технологического института, где собрались представители нескольких бастующих заводов столицы. Большинство в Совете принадлежало меньшевикам (большевики имели менее 10 % голосов), в то время как возникший несколько позже Московский совет имел большевистское руководство. Председателем был избран 28-летний помощник присяжного поверенного Г. С. Носарь (в Совете он выступал под фамилией рабочего Хрусталева). Большое влияние в Совете имел нефракционный социал-демократ Л. Д. Троцкий (выступал в Совете под фамилией Яновского, по названию деревни, в которой родился): он готовил обычно проекты основных резолюций, редактировал печатный орган «Известия Совета рабочих депутатов» (1-й номер вышел в свет 17 октября). Деятельность Петербургского совета, который известный книгоиздатель А. С. Суворин даже называл «вторым правительством» России, имела большой общественный резонанс. Например, по почину депутатов рабочие явочным порядком начали вводить на своих предприятиях восьмичасовой рабочий день. Совет организовал ряд забастовок, помогал безработным.

Большевистское руководство по-разному относилось к Советам, как к продукту творчества самих масс. Некоторые, включая члена ЦК РСДРП А. А. Богданова и ряд членов столичного комитета партии, попытались навязать Петербургскому Совету принятие программы РСДРП, угрожая в противном случае выйти из состава этой организации. Отдельные большевики выражали сомнения в необходимости поддерживать столь пеструю по составу организацию, как Совет. Другие рассматривали его как чуть ли не конкурента партии в борьбе за влияние на широкие рабочие массы. В письме ЦК к партийным работникам от 27 октября 1905 г. даже рекомендовалось, в случае отказа соответствующих Советов принять программу РСДРП, «разоблачать перед пролетарскими массами их антипролетарский характер».

Воспользовавшись объявленной политической свободой, 8 (21) ноября 1905 г. Ленин возвратился из эмиграции в Петербург. В первый же день он встретился с членом ЦК Л. Б. Красиным, а затем посетил Преображенское кладбище, где были захоронены жертвы «Кровавого воскресенья». Вечером он выступил на расширенном заседании Петербургского комитета большевиков с речью, в которой изложил свое видение вопроса в отношении Советов. По его мнению, партия должна руководить Советами, направлять их деятельность, но не подменять их собою и не растворяться в них.

Ленин, вспоминала М. М. Эссен, «здорово выругал нас за то, что во главе Совета рабочих депутатов стали меньшевики. Наша борьба за Советы с приездом Ленина развернулась с большой активностью»⁷¹.

27 октября 1905 г. вышел первый номер легальной газеты «Новая жизнь», которая вскоре стала центральным органом большевиков. Финансовую поддержку в издании газеты большевикам оказали А. М. Горький, Н. Г. Гарин-Михайловский, выдающаяся актриса В. Ф. Комиссаржевская. Редактором газеты был поэт Митин, но можно предположить, что после возвращения в Россию им фактически стал Ленин, а издателем — жена Горького, актриса Московского Художественного театра М. Ф. Андреева. Всю практическую издательскую работу вел М. М. Литвинов. Газета пользовалась популярностью — тираж ее достигал 80 тыс. экземпляров. 10 ноября в газете «Новая жизнь» вышла первая статья Ленина, начинающаяся словами: «Условия деятельности нашей партии коренным образом изменяются». После издания царского Манифеста 17 октября РСДРП фактически перешла на полуполюгальное положение и Ленин выдвинул задачу перестройки партийной работы на основе широкого использования легальных возможностей, предлагал активнее вовлекать в ряды партии новых членов, прежде всего из числа рабочих, вводить выборность партийных органов, сохраняя нелегальный аппарат партии, создавать легальные и полуполюгальные организации и т. д.

Сравнительная легкость одержанной народом победы и общая атмосфера непривычной для России свободы создавали у революционеров и радикально настроенной части общества иллюзию того, что достаточно еще немного «додавить» — и самодержавие рухнет. Между тем после издания Манифеста 17 октября количество забастовщиков в ноябре сократилось на 200 тыс. человек, а участников политических стачек — более чем вдвое. Стихийные восстания матросов и солдат в Кронштадте (26–27 октября), «севастопольский пожар» (так называли восстание севастопольских матросов под руководством лейтенанта П. П. Шмидта 11–15 ноября) были разгромлены. За три последних месяца 1905 г. произошло более 1,5 тысячи крестьянских выступлений. Но они не доросли до всероссийского восстания. Тем не менее революцию невозможно было остановить одним махом. Осенью 1905 г. перед РСДРП наряду с агитационно-пропагандистской работой на первый план выдвинулась военнотехническая подготовка восстания.

7. Боевая техническая группа и вопрос: надо ли было братья за оружие?

Важную роль в подготовке восстания играла Боевая техническая группа (БТГ), созданная еще в конце января 1905 г. Петербургским городским комитетом РСДРП. Первое время во главе БТГ стоял С. И. Гусев. Ответственным же за доставку оружия и взрывчатки был Н. Е. Буренин, впоследствии ставший пианистом. БТГ формировала боевые рабочие дружины, обучала их уличному бою, в том числе технике возведения баррикад. Оружие приобреталось в основном в Бельгии и Германии и перевозилось через русско-финляндскую границу. Главным перевалочным пунктом в системе транспортировки нелегальных грузов было семейное поместье Бурениных, расположенное прямо на границе.

После принятия III съездом РСДРП резолюции о вооруженном восстании БТГ переподчинили ЦК, присвоив официальное наименование Техническая группа (ТГ) и назначив ее руководителем Л. Б. Красина. Он же продолжал вести финансами партии (недаром Ленин в шутку называл его «финансовым самодержцем» большевиков). В июле 1905 г. БТГ была реорганизована и разделена на две подгруппы: «химическую», занятую производством взрывчатки, и «техническую», которой поручались доставка, транспортировка и хранение оружия, а также обучение дружин для вооруженного восстания.

БТГ сама изготавливала бомбы, ручные гранаты, «адские машины». В Киеве, например, боевики во главе с Сергеем Сулимовым организовали такую мастерскую, а затем помогли петербургским товарищам открыть на Малой Охте мастерскую «по производству фотографических аппаратов», в которой на самом деле изготавливали динамит, пироксилин, гремучую смесь.

Для проведения научных исследований по взрывчатым веществам использовались даже правительственные лаборатории. Все необходимое доставали как в России, так и за границей. Например, как вспоминали сами боевики, «за бикфордовыми шнурами, запалами с гремучей ртутью» им приходилось ездить в Софию и Париж, за динамитом — в Финляндию. Там же, под Гельсингфорсом, при помощи местных активистов «химики» проводили опыты с бомбами. «Техники» шли на всевозможные хитрости, чтобы доставить оружие по назначению.

Как вспоминала Н. К. Крупская, однажды, в разгар Декабрьского вооруженного восстания, в Москву надо было «доставить бикфордов шнур, которого не было у тамошних боевиков. И вот шьется шикарнейшее платье одной красавице-партийке, обматывает она себя бикфордовым шнуром и вместе с маленькой дочкой едет в Москву в первом классе. Офицеры почтительно расступаются перед красивой шикарной дамой, — бикфордов шнур доставляется по назначению»⁷².

Л. Б. Красин

Насколько опасными были такие «путешествия», можно судить по воспоминаниям Н. Е. Буренина: «Наши товарищи возили запалы на себе в особых самодельных лифчиках-патронташах, куда входили три ряда запалов по 50 штук. Еще труднее было с бикфордовым шнуром. Резать его было нельзя, так как могла возникнуть необходимость в длинном куске шнура. Поэтому наши транспортеры наматывали бикфордов шнур на ноги. Нечего и говорить, что все это было сопряжено с большой опасностью. Человек превращался в хорошо снаряженную бомбу. Ехать было очень трудно, всю дорогу от Парижа до Гельсингфорса надо было бодрствовать, сидеть в вагоне, не прикасаясь к спинке скамьи, во избежание толчков, которые могли привести к взрыву»⁷³.

Красин создал по всей империи обширную сеть организаций БТГ: в Москве, Киеве, на Урале, в Закавказье и Прибалтике. Внутри БТГ существовала строгая конспирация: все члены организации имели клички и пользовались такой системой связи, при которой арест одного из них не должен был повлечь провала всей группы. Сам Л. Б. Красин, официально занимая должность инженера бельгийской компании, пользовался сразу несколькими кличками: Никитич, Лощадь, Финансист, Зимин, Винтер и др.

Под руководством Красина БТГ успешно ввозила в страну огнестрельное оружие, а нередко и похищала его с армейских складов. Например, в начале сентября 1905 г. большевики предприняли попытку ограбить кутаисский цейхгауз и вынести оттуда 2 тыс. винтовок.

Одним из руководителей этой операции был И. В. Джугашвили (Сталин). Однажды БТГ удалось выкрасть даже пушку со двора гвардейского флотского экипажа в Петербурге, что произвело большое впечатление на рабочих. Кражу совершили три матроса, входившие в социал-демократическую организацию, которые в тот день находились в карауле и должны были охранять орудие. В дальнейшем члены БТГ надеялись использовать «бабушку» (так окрестили спрятанную пушку) для обстрела Зимнего дворца, для чего предполагалось поставить орудие в квартире дома на набережной Невы, окнами выходящей на Зимний дворец.

Ленин не скрывал, что к решительной победе революции может привести только всенародное вооруженное восстание. Перед отъездом в Россию, в разгар всеобщей стачки, он с восторгом писал: «Хорошая у нас в России революция, ей-богу!» И, отвечая на вопрос о сроке восстания, признался: «Я бы лично охотно оттянул его до весны... Но ведь нас все равно не спрашивают». В октябре 1905 г. он давал советы своим товарищам по партии: вооружаться револьверами, ножами, тряпками с керосином для поджогов, самодельными бомбами и т. п. Ленин требовал, чтобы отряды «тотчас же» приступили к «военному обучению» перед восстанием — «одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания», да пусть учатся «хотя бы на избиении городских». «Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны как непосредственной задачи грядущих выступлений значит обессиливать и себя, и народ»⁷⁴, — инстинктивно структурировал Ленин большевиков.

К концу 1905 г. вооруженные дружины были сформированы более чем в 300 городах, рабочих поселках и на железнодорожных станциях. Количество дружинников не поддавалось учету. Меньшевистская фракция РСДРП также считала в 1905 г. вооруженное восстание практически неизбежным, но полагалась не столько на подготовку социал-демократических боевых дружин, сколько на самовооружение населения. Взгляды социалистов-революционеров на проблему восстания были очень близки к большевикам. Однако после издания Манифеста 17 октября в эсеровском партийном руководстве появились настроения в пользу отсрочки восстания, в результате чего в декабре 1905 г. эсеры далеко не везде проявляли присущую им активность.

По меткому замечанию одного из эсеровских лидеров В. М. Зензинова, ситуация к концу 1905 г. складывалась так: «Революция и правительство — как два человека, нацелившихся уже один в другого из пистолета. Весь вопрос в том, кто первый нажмет на собачку»⁷⁵. И первым к активным действиям по наведению порядка в стране перешло правительство. 26 ноября 1905 г. власти, более месяца терпевшие Петербургский совет рабочих депутатов, арестовали его председателя Г. С. Хрусталева-Носаря. В ответ Совет принял краткую, но выразительную резолюцию, написанную его реальным лидером Л. Д. Троцким. В резолюции говорилось о продолжении подготовки к вооруженному восстанию.

2 декабря 1905 г. Петербургский совет бросил еще один вызов правительству, приняв так называемый финансовый манифест. В нем содержался призыв к населению «брать вклады из государственных сберегательных касс, из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом», не платить налоги до тех пор, пока не будут выполнены все экономические и социальные требования трудящихся. Это должно было истощить золотой запас Госбанка и ускорить крушение всей системы денежного обращения в России. Одновременно населению предлагалось отказаться от внесения всех казенных платежей, а иностранные государства предупреждались, что русский народ не допустит выплаты долгов по заграничным займам царского правительства. Под манифестом стояли подписи нескольких организаций: Петербургского совета рабочих депутатов, Всероссийского крестьянского союза, ЦК (большевиков) и ОК (меньшевиков) РСДРП, ЦК партии эсеров и ЦК Польской социалистической партии. Позже к ним присоединился и Московский совет рабочих депутатов.

«Финансовый манифест» был открытым вызовом власти потому, что в октябре–ноябре 1905 г. в стране стремительно набирал темпы процесс оттока вкладов из сберегательных касс. По воспоминаниям министра финансов В. Н. Коковцова, началась настоящая осада сберкасс вкладчиками и теми, кто хотел обменять кредитные билеты на золото. В результате Госбанк вынужден был признать, что «не может удовлетворить полностью требования на золото, вызываемые агитацией крайних партий»⁷⁶.

3 декабря за опубликование этого манифеста правительство закрыло восемь газет, в том числе большевистскую «Новую жизнь». 3 декабря Петербургский совет обсуждал вопрос о том, нужно ли

отвечать на наступление реакции новой всеобщей политической стачкой, которая, это все понимали, перерастет в восстание. Сами рабочие были настроены очень решительно. Представители столичных большевиков в Совете Б. М. Кнунянц и П. А. Красиков прямо говорили, что «одной забастовкой мы не удержимся, забастовка связана с выступлением на улицу». Эсеры выступили против восстания, считая, что восстание еще не подготовлено. Председательствовавший на заседании Л. Д. Троцкий тоже полагал, что питерские рабочие должны подождать, пока начнет провинция. И как раз в момент обсуждения в помещении Вольного экономического общества, где заседал Совет, ворвалась полиция и арестовала 37 членов исполкома и 230 депутатов Совета. Полиция изъяла у рабочих 27 револьверов, несколько финских ножей и кинжалов.

В итоге революционеры и рабочие были поставлены перед выбором: признать свое бессилие перед натиском властей, отступить без боя или подняться на вооруженную борьбу. Утром следующего дня, 4 декабря, в Петербурге прошло заседание руководящих центров большевиков и меньшевиков с участием Ленина и Мартова, а также членов объединенного Петербургского комитета РСДРП (в то время в полном разгаре был процесс объединения двух социал-демократических фракций). На совещании было решено начать в ближайшие дни всеобщую стачку протеста против репрессий в отношении рабочих руководителей. 6 декабря исполком воссозданного Петербургского совета под председательством выходца из России, левого немецкого социал-демократа Парвуса (Гельфанда) единогласно принял такое же решение. По этому поводу Петербургский совет, РСДРП, эсеры и Бунд обратились с воззванием «Ко всему народу». «Лучше умереть в борьбе, чем жить в рабстве», — говорилось в воззвании. За всеобщую стачку высказались также «Союз союзов», Почтово-телеграфный союз и ряд рабочих профсоюзов.

Рабочие Москвы были настроены действовать еще более решительно. С самого начала своего существования их Совет рабочих депутатов вел подготовку к вооруженному выступлению. Арест Петербургского совета стал поводом к решительной схватке с правительством. 5 декабря на московских фабриках и заводах прошел своеобразный референдум о всеобщей забастовке. Рабочий корреспондент московской большевистской газеты «Вперед» передал настроение многих рабочих: «Чего тянуть — начинать бы уж». Вечером

того же дня на собрании общегородской конференции большевиков представители всех фабрично-заводских ячеек выступили в поддержку стачки-восстания, а один из рабочих железнодорожных мастерских откровенно сказал: «Мы всю ночь ковали и куем оружие. Если вы и дадите приказ воздержаться от вооруженного выступления, мы все равно выйдем; рабочий класс готов биться...»⁷⁷ Эсеры приняли соответствующее решение. Меньшевики, после некоторых колебаний, поддержали общую позицию. Вечером 6 декабря Московский совет узаконил всеобщую стачку с перерастанием в вооруженное восстание.

Через два дня в городе забастовало более 150 тыс. рабочих, служащих, вновь остановились поезда, не было электричества. Начались вооруженные столкновения с полицией и войсками. К 10 декабря рабочие воздвигли баррикады, и восстание стало свершившимся фактом. Разработанного и согласованного плана вооруженной борьбы у восставших не было, как не было у них и централизованного руководства: ни члены ЦК большевиков Ленин и Красин, ни такие крупные фигуры партии эсеров, как Чернов или Савинков, в дни восстания в Москве так и не появились. ЦК РСДРП восстанием в Москве не руководил (туда был направлен лишь представитель ЦК И. А. Саммер). Члены исполкома Московского совета большевики В. Л. Шанцер (Марат) и М. И. Васильев-Южин были арестованы в самом начале стачки. Среди революционеров наибольшим влиянием в рабочей среде Москвы пользовались эсеры.

Главной силой восставших были около 1700 вооруженных дружинников. Им противостоял 15-тысячный гарнизон, подавляющее большинство частей которого было ненадежно, и 2 тыс. полицейских. Наряду с оборонительными баррикадными боями рабочие дружины, вооруженные револьверами и бомбами, применяли против войск партизанскую тактику. Боевая организация при большевистском МК РСДРП выработала «Советы восставшим рабочим». В них, в частности, говорилось: «Каждый офицер, ведущий солдат на избивание рабочих, объявляется врагом народа и ставится вне закона. Его, безусловно, убивайте. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края... или пусть сидят безвыходно в своих казармах. Там вы их не трогайте»⁷⁸. Всех высших чинов полиции рекомендовалось убивать. Что же касается солдат, то, так как «солдаты — дети народа и по своей воле против него не пойдут», рекомендовалось «пехоты по возможности не трогать».

Бои в Москве в 1905 г.

Бои шли по всей Москве. Войска применили артиллерию. Даже Николай II, который редко фиксировал в своем дневнике события, выходявшие за пределы узкосемейных интересов Романовых, на сей раз отметил «невиданное побоище между войсками и революционерами» в Москве. На помощь гарнизону правительство перебросило в мятежную столицу Семеновский и Ладожский полки. Самые ожесточенные бои шли в районе Пресни, где среди дружинников преобладали эсеры (ими руководил эсер М. И. Соколов, известный под кличкой Медведь) и их сторонники. Царские войска брали Пресню буквально штурмом. От артиллерийского огня выгорели целые жилые кварталы, в огне погибла мебельная фабрика племянника С. Т. Морозова — студента Московского университета Н. П. Шмидта, сочувствовавшего социал-демократам; сильно пострадала Трехгорная мануфактура Прохорова. На Пресне сражались ставшие впоследствии известными большевики Литвин-Седой, Сурен Спандарян, Михаил Фрунзе, Петр Заломов и др.

18 декабря штаб боевых дружин принял решение прекратить вооруженную борьбу. Начались репрессии: рабочих, участников боев расстреливали без суда на фабричных дворах, расстреливали за красный

платок в кармане, за то, что не находили креста. Был схвачен и расстрелян бывший унтер-офицер машинист эсер А. В. Ухтомский, сумевший вывести из города более 100 дружинников. Перед расстрелом Ухтомский обратился к солдатам с речью, которая, видимо, сильно подействовала на них, потому что после первого залпа он остался невредим, затем был только ранен и добит уже выстрелом в упор из револьвера.

Петербург не сумел поддержать восставшую Москву: стачка, начавшаяся 8 декабря, быстро пошла на убыль и закончилась безрезультатно. Кроме Москвы вооруженные восстания в конце 1905 г. происходили еще в ряде городов: в Харькове, Горловке на Донбассе, Ростове-на-Дону, Сормове и др. В ряде районов возникли народные «республики», власть в которых перешла в руки трудящихся (Новороссийск, Чита, Красноярск). Все они были подавлены. В январе 1906 г. прошла карательная операция по восстановлению контроля над Сибирской магистралью. Генералы Миллер-Закомельский из Москвы и Ренненкампф из Харбина с небольшими отрядами выехали по Сибирскому пути навстречу друг другу, чтобы соединиться в Чите. В ходе операции было убито около 100 и ранено 1000 человек. Большой потерей для большевиков стала гибель И. В. Бабушкина, которого Ленин назвал «гордостью партии». Его схватили при перевозке из Читы в Иркутск оружия и без суда и следствия расстреляли возле станции Мысовая.

Декабрьское вооруженное восстание рабочих в Москве стало кульминацией Первой российской революции. По данным Союза медиков, в эти дни погибло 1059 человек, включая 137 женщин и 86 детей. Московское кровопролитие разделило общественное мнение, в том числе и за рубежом. Власть считала восстание государственным преступлением. Либеральная общественность осудила разрушительную стихию революции. Кадеты считали декабрьские события в Москве «обычной авантюрой» социал-демократов, которые насильно втянули в нее рабочих. П. Б. Струве назвал действия московских революционеров «безумными». В среде революционеров мнения тоже разделились. Большевики и многие эсеры видели в тех, кто сражался на московских баррикадах, народных мстителей, героев. Ленин был убежден, что бывают такие моменты, когда даже преждевременное и не вполне подготовленное восстание со сравнительно небольшими шансами на успех полезнее для дела революции, чем бездействие и покорность власти. По его словам, «декабрь был

естественным и неизбежным завершением массовых столкновений и битв, нараставших во всех концах страны в течение 12 месяцев»⁷⁹. Известный германский социал-демократ Август Бебель считал, что баррикадные бои в Москве «принадлежат к самому возвышенному, что знает многовековая история, являются примером мужественного самопожертвования во имя великого идеала».

Одним из первых откликнулся на восстание из-за границы Г. В. Плеханов, который был убежден, что, несмотря на силу, смелость и самоотверженность пролетариата, в декабре 1905 г. «не нужно было и браться за оружие». Меньшевики называли восстание «исторической ошибкой». Мартов, анализируя причины декабрьского поражения, видел главную из них в преждевременности выступления, которая была обусловлена стихийным настроением масс.

8. IV (Объединительный) съезд РСДРП (1906 г.): «Брак по расчету»

События 1905 г. остро поставили вопрос об объединении двух частей РСДРП. Объединительные импульсы шли снизу, так как, начиная с октябрьских дней, большевики и меньшевики работали вместе в Советах рабочих депутатов, профсоюзах, участвуя в массовых политических стачках. К тому же многие партийцы и рабочие, недавно вступившие в РСДРП, не разбираясь в тонкостях фракционных разногласий, болезненно реагировали на раскол и требовали восстановления единства партии. Типичным в этом смысле было письмо большевика А. М. Эссена из Харькова в заграничный большевистский центр (июнь 1905 г.): «Среди здешних рабочих, — писал он, — очень характерное настроение: они решили собраться вместе с меньшевистскими рабочими, интеллигентов не приглашать и разобрать положение дел, причем грозят бойкотом комитетов, если они не помирятся, или образованием новой партии, чисто рабочей»⁸⁰. Ленин, зная о настроениях «низов» партии, категорически заявлял: «Объединить две части — согласны. Спутать две части — никогда»⁸¹. Тяга к объединению особенно усилилась в октябре–ноябре 1905 г. Приехавший в конце октября 1905 г. в Петербург Мартов вновь стал подавать при встрече руку Ленину.

Объединительный съезд партии был назначен на 10 декабря 1905 г. в Петербурге с явкой в редакции газеты «Новая жизнь». Однако после ареста Петербургского совета рабочих депутатов Организационный комитет принял решение о переносе съезда из Петербурга в небольшой финский городок Таммерфорс. Из столицы делегаты тремя группами выехали на станцию Райвола. Здесь они собрались вместе и отправились в город Таммерфорс. Многие организации по разным причинам не прислали своих делегатов. Поэтому вместо съезда было решено провести общепартийную конференцию, которая по своему составу оказалась большевистской. Она проходила с 12 по 17 декабря 1905 г. Среди участников конференции оказался провокатор, который сообщил куда следует о присутствии 41 делегата. Конференция прошла с большим подъемом. «Это был самый разгар революции, — вспоминала Н. К. Крупская, — каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять...»⁸² Крупской особенно запомнились Лозовский, Барановский, Ярославский, которые сделали интересные «доклады с мест». От меньшевиков присутствовал официальный представитель Э. Л. Гуревич (Смирнов). Впервые на общепартийном форуме появился И. В. Джугашвили (выступал под фамилией Иванович). Он сразу обратил на себя внимание участников конференции, выступив с сообщением о положении дел на Кавказе. Тогда же Сталин получил возможность лично познакомиться с Лениным. Конференция высказалась за партийное объединение. Кроме того, делегаты приняли резолюцию о необходимости немедленной подготовки и организации вооруженного восстания.

В конце декабря 1905 г. были созданы на паритетных началах объединенный ЦК РСДРП из шести человек (от большевиков в его состав вошли Л. Б. Красин, И. Х. Лалаянц и И. А. Саммер) и объединенный центральный печатный орган РСДРП — газета «Партийные известия». В редакцию вошли большевики В. И. Ленин, А. В. Луначарский, В. А. Базаров и меньшевики Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов и А. С. Мартынов. Съезду предшествовала почти двухмесячная дискуссия, проходившая на основе выработанных большевиками и меньшевиками политических платформ. По-новому происходили выборы делегатов: если раньше они избирались узким кругом партийных функционеров, то теперь этот вопрос решали все члены объединенных организаций РСДРП, посылавшие на съезд по 1 делегату от 300 партийцев.

К моменту созыва съезда разногласия между большевиками и меньшевиками вновь обострились. Поэтому его участников не мог не волновать вопрос, как будет действовать фракция, оказавшаяся в численном меньшинстве и не согласная с решениями большинства? А. В. Луначарский вспоминал: «Хотя съезд должен был быть “объединенным”, но каждый понимал, что в зависимости от количества голосов на этом съезде “объединенная” партия получит ту или другую физиономию.

Ленин со своей тонкой усмешкой говорил мне тогда:

— Если в ЦК или в Центральном органе мы будем иметь большинство, мы будем требовать крепчайшей дисциплины. Мы будем настаивать на всяческом подчинении меньшевиков партийному единству.

Я спрашивал Владимира Ильича:

— Ну, а что если мы все-таки в конце концов будем в меньшинстве? Пойдем ли мы на объединение?

Ленин несколько загадочно улыбался и говорил так:

— Зависит от обстоятельств. Во всяком случае, мы не позволим из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке»⁸³.

IV съезд РСДРП, вошедший в историю под названием Объединительного, работал в Стокгольме с 10 (23) апреля по 25 апреля (8 мая) 1906 г. Его заседания проходили в здании Народного дома, предоставленном делегатам шведскими социал-демократами. На съезд прибыли 112 делегатов с решающим голосом и 22 с совещательным. Они представляли 62 организации РСДРП. В это время в российских организациях состояло 13 тыс. большевиков, 18 тыс. меньшевиков, 26 тыс. польских и 14 тыс. латышских социал-демократов. В конце лета 1906 г. в РСДРП влились бундовцы (около 33 тыс. человек) и общее число членов объединенной РСДРП превысило 100 тыс. человек. На съезде преобладали меньшевики. Им принадлежали 62 голоса, большевикам — 46. Согласно протоколам, на долю рабочих приходилась четвертая часть собравшихся. Примечателен национальный состав: русских — менее половины; евреев — почти четверть; третьей по величине была большая группа грузинских делегатов. В работе съезда участвовали посланцы национальных социал-демократических организаций (по три от социал-демократии Польши и Литвы, Латышской социал-демократической рабочей партии и Бунда, по одному от Украинской и Финляндской социал-демократических рабочих партий).

На съезде выяснилось, что расхождений между фракциями больше, чем точек соприкосновения. Имея численный перевес, по многим обсуждаемым вопросам меньшевики одержали победу. Учитывая не прекращающиеся крестьянские волнения, главным событием съезда стал пересмотр аграрной программы. Большевики защищали требование конфискации всех помещичьих латифундий и национализации земли. Часть большевиков, в том числе Иванович (И. В. Джугашвили), обосновывали необходимость раздела земли и передачи крестьянам в частную собственность. Меньшевики выступили с программой муниципализации земли, т. е. передачи ее в распоряжение местных органов самоуправления, у которых крестьяне должны были арендовать землю. На съезде победила меньшевистская точка зрения.

Обсуждая тактические вопросы, большевики отказывались от каких-либо контактов с либералами. «Пролетариат борется, — буржуазия крадется к власти. Пролетариат разрушает самодержавие борьбой, — буржуазия цепляется за подачки слабеющего самодержавия»⁸⁴ — так охарактеризовал Ленин тактическую линию рабочего класса и либеральной буржуазии. Меньшевики, напротив, соглашались на сотрудничество с либеральными партиями кадетов и октябристов, полагая, что революция еще не прошла стадии буржуазно-демократического развития.

Жаркие дебаты вызвал вопрос о вооруженном восстании. Меньшевистская резолюция, принятая съездом, отличалась крайней расплывчатостью: недаром на съезде ее назвали «резолюцией против вооруженного восстания». Меньшевики, не отказываясь от восстания, предлагали не готовиться к нему заранее, а лишь пробуждать в массах «потребность к самовооружению». Делегат Ярославский заметил по этому поводу: «Мы, большевики, говорим о вооруженном восстании, в то время как меньшевики фактически говорят о восстании невооруженном»⁸⁵.

Единение было полным лишь при утверждении изменений в Уставе: съезд принял ленинскую формулировку первого параграфа устава и включил положение о «демократическом централизме». Одним из важных достижений IV съезда явилось слияние национальных социал-демократических партий России в составе РСДРП.

Перевес меньшевиков сказался и на формировании центральных органов. В состав ЦК партии вошли семь меньшевиков

(Б. А. Бахметьев, Л. И. Гольдман, Л. Н. Радченко, В. Н. Розанов, П. Н. Колокольников, В. Н. Крохмаль, Л. М. Хинчук) и только три большевика (В. А. Десницкий, Л. Б. Красин и А. И. Рыков, позже замененный А. А. Богдановым). В состав редакции ЦО вошли только меньшевики — Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, П. П. Маслов, Ф. И. Дан, А. Н. Потресов.

Таким образом, на съезде произошло только формальное объединение большевиков и меньшевиков в составе одной партии. Фракционные разногласия никуда не исчезли: те и другие имели свои взгляды на важнейшие вопросы революции. Сразу же после закрытия съезда Ленин обратился к партии с обращением, в котором деликатно дал понять, что, выступая «против всякого раскола», стоя «за подчинение решениям съезда», большевики будут критиковать его решения. Поскольку официально фракции были распущены, обращение подписали делегаты, принадлежавшие «к бывшей фракции большевиков». С августа 1906 г. большевики начали издавать нелегальную газету, которую снова называли «Пролетарий».

9. «Осень» революции (1906–1907)

Между тем после декабрьских вооруженных восстаний начался процесс постепенного отступления революции и укрепления государственной власти. Правительство с помощью войск, введения во многих районах чрезвычайного положения, сочетая репрессии и отдельные уступки, к весне 1906 г. сумело упрочить свои позиции. Хотя в течение последующих полутора лет революции градус революционной активности периодически повышался. Например, в начале 1906 г. местные комитеты партии (Московский, Петербургский, Костромской, Саратовский, Екатеринославский, Харьковский и др.) призвали рабочих отметить годовщину «Кровавого воскресенья» однодневной забастовкой. В Петербурге бастовали 40 тыс. рабочих. Еще более мощными были политические забастовки во время весенне-летнего подъема рабочего движения, связанного с празднованием 1 Мая. По подсчетам историков, в 1905 г. в России бастовали свыше 5 млн человек, в 1906 г. — более 1,1 млн, в 1907 г. — около 740 тыс. Но при этом, если в 1905 г. половина забастовщиков выступала с политическими требованиями, то в 1906 и в 1907 гг. — уже

60 и 70 % соответственно. Продолжали бунтовать крестьяне: весной – летом 1906 г. аграрными волнениями была охвачена половина уездов Европейской России.

Важным фактором политической жизни России на втором этапе революции стала деятельность Государственной думы. 11 декабря 1905 г., в разгар вооруженного восстания в Москве, был принят закон о выборах в Думу. Согласно ему, права голоса не имели женщины, студенты, военнослужащие, молодежь до 25 лет. Кроме того, выборы были многоступенчатыми (избиратели голосовали за выборщиков, которые затем избирали депутата), а все избиратели делились на 4 курии (землевладельцы, крестьяне, имущие горожане и рабочие). Дума избиралась на 5 лет, но царь мог распустить Думу и назначить новые выборы. Права Думы были серьезно ограничены Основными законами, обнародованными 23 апреля, за 4 дня до открытия Думы. В соответствии с ними императору принадлежала «верховная самодержавная власть». Дума имела ограниченную законодательную инициативу: не могла вносить законопроекты, отнесенные к «ведению государя» (дипломатические, военные, внутренние дела Двора), не контролировала половины бюджета. Правительство назначалось царем и отвечало за свои действия перед ним. Решения Думы должны были утверждаться Государственным советом.

По свидетельству ряда мемуаристов, на Таммерфорсской большевистской конференции Ленин сначала выступал за участие в выборах в Думу, но затем уступил общему бойкотистскому настроению делегатов. Он заявил, что в тот момент, когда в Москве идут баррикадные бои, решение об участии партии в выборах выглядело бы в глазах рабочих «беспорядочным бегством вождей, отказом от руководства». На тот момент большевики-практики не видели в Думе никакой пользы для революционного движения и выдвигали явно надуманную альтернативу — участие в Думе или подготовка восстания, в то время как жизнь требовала совместить эти два направления социал-демократической работы. Выборы в I Государственную думу, проходившие весной 1906 г. в обстановке спада революционного движения, большевики, как и эсеры, бойкотировали. Меньшевики предлагали использовать тактику полубойкота, то есть принять участие в избирательной кампании и в первых стадиях многостепенных выборов, но не избирать самих депутатов. В итоге из рабочих, имевших право голоса, в выборах участвовало не более 10 %.

Когда стали известны итоги выборов, меньшевики признали ошибочность своей выборной тактики. Теперь они призывали превратить думскую трибуну в средство революционной пропаганды, утверждая, что конфликты Думы с правительством могут вызвать массовые движения и привести к свержению самодержавия. IV съезд РСДРП принял их резолюцию. В последний момент социал-демократы смогли провести депутатов в Думу и создать там свою небольшую фракцию из 18 человек. Ленин открыто признал ошибкой бойкот I Думы только в 1920 г. в книге «Детская болезнь “левизны” в коммунизме».

9 мая 1906 г. Ленин впервые в России открыто выступил на массовом собрании в Народном доме Паниной под фамилией Карпов. Крупская вспоминала, как он «ужасно волновался. С минуту стоял молча, страшно бледный... И вдруг зал огласился громом рукоплесканий — то партийцы узнали Ильича»⁸⁶. Речь Ленина, посвященную тактике РСДРП по отношению к Государственной думе и критике кадетов, рабочие восприняли с воодушевлением, «все думали о предстоящей борьбе до конца. Красные рубахи разорвали на знамена и с пением революционных песен разошлись по районам»⁸⁷.

Первая Государственная дума, состоявшая на одну треть из кадетов, заняла непримиримую позицию по отношению к власти. Настроение думцев выразил кадет В. Д. Набоков (отец известного писателя), который однажды провозгласил: «Власть исполнительная да покорится власти законодательной!» Они требовали создать ответственное перед Думой правительство, упразднить Государственный совет, ввести всеобщее избирательное право. В обстановке нараставшего в стране революционного террора (убийства чиновников, служащих, городских и т. д.) думское большинство требовало амнистии политзаключенных, но при этом отказывалось осудить политический террор. Кадеты и трудовики в своих проектах по аграрному вопросу требовали частичной или полной передачи помещичьих земель крестьянам. В то же время и правительство не желало всерьез считаться с законодательной ролью выборного органа, не соглашалось на уступки и демонстрировало пренебрежение к Думе. 8 июля 1906 г., через 72 дня после начала работы первого парламента, Николай II распустил Думу. В Манифесте он отметил, что Дума не успокаивала общество, а разжигала смуту.

В ответ около 200 депутатов (в основном кадеты) подписали в Выборге обращение к народу, где призвали его к пассивному

сопротивлению властям: не платить налоги и уклоняться от военных призывов. Но эта попытка не имела успеха. Революционные партии также попытались организовать акции протеста и даже подготовить новое восстание. В июле 1906 г. эсеры, при поддержке в основном большевиков, предприняли попытку поднять восстание солдат и матросов в Свеаборге и Кронштадте, но потерпели неудачу. Шансов на успех у революционеров уже не было. С июля 1906 г. правительство возглавил П. А. Столыпин, проводивший еще более жесткую политику успокоения страны. В ответ на эсеровский террор, покушение на самого Столыпина на его даче 12 августа, когда погибло 27 человек, в том числе и младенец (бомбы были изготовлены в большевистской динамитной мастерской), власти закрыли многие газеты и журналы, были учреждены военно-полевые суды. По официальной терминологии эти суды назывались «скорорешительные», в народе же их прозвали «скорострельными».

Учитывая опыт работы I Думы, большевики, как и меньшевики, приняли участие в выборах во II Государственную думу. Но между ними вновь вспыхнули распри, на сей раз по вопросу о том, с кем блокироваться во время избирательной кампании. Большевики выступали против каких-либо союзов на начальном этапе, но на высшей стадии выборов допускали тактику «левого блока» (т. е. соглашений с эсерами, трудовиками). Меньшевики смотрели шире: они не исключали соглашений и с кадетами, которые, по словам Мартова, «исторически являются врагами наших врагов». На второй Таммерфорсской (первой общероссийской) конференции РСДРП (ноябрь 1906 г.) вновь победила точка зрения меньшевиков. «Левый блок» действовал в Петербурге, Москве и еще в 38 городах Европейской России. Однако в 42 городах верх взяла политика соглашения социал-демократов с кадетами.

Новая Дума, открывшаяся 20 февраля 1907 г., оказалась по составу еще более левой и оппозиционной, чем первая. Ее прозвали «Думой народного гнева». В общей сложности левые партии завоевали более 40 % всех думских мандатов. Социал-демократическая фракция насчитывала 65 депутатов. Меньшевики по численности вдвое превосходили большевиков. Среди депутатов-большевиков выделялись иваново-вознесенский рабочий Н. А. Жиделев, рабочий-текстильщик из Твери А. П. Вагжанов, самый молодой депутат Думы 26-летний токарь Сормовского завода И. Р. Романов, учитель из Саратовской

губернии В. М. Серов, партийный работник Г. А. Алексинский (впоследствии он стал ярким противником большевизма). Председателем думской фракции РСДРП стал грузинский меньшевик И. Церетели (будущий министр Временного правительства).

Однако II Дума также просуществовала недолго — только 102 дня. В центре внимания вновь оказался аграрно-крестьянский вопрос. Конфронтация власти и Думы продолжалась. Кадеты и трудовики не отказывались от своих требований, а большевики впервые с думской трибуны провозгласили требование конфискации помещичьей земли и призвали крестьянство взять решение земельного вопроса в свои руки. Проект этой речи, с которой выступил Г. А. Алексинский, написал Ленин. Самым ярким оратором во II Думе, по признанию и друзей, и врагов, оказался Столыпин. Но его крестьянские законы не встретили сочувствия Думы.

Ленин жил в России по разным паспортам. Достаточно сказать, что за первые менее чем полтора месяца после приезда в Петербург он сменил 8 адресов, а в 1916 г. — более 15. Весной 1906 г. Ленин, под именем доктора Вебера, некоторое время обитал в Гельсингфорсе. По возвращении со Стокгольмского съезда он и Крупская поселились в Петербурге на Забалканском проспекте. Она жила по паспорту Прасковьи Онегиной, а он — по паспорту Чхеидзе. В конце лета 1906 г. Ленин поселился в Куоккале (Финляндия) на даче «Ваза», занимаемой большевиком Г. Д. Лейтейзенем и его семьей. Ильич прожил там (с перерывами) до декабря 1907 г., нелегально выезжая в Петербург. Здесь на даче проходили многие важные совещания, встречи большевиков.

Несмотря на очевидный спад революционной волны, Ленин продолжал надеяться на возможность нового революционного взрыва. Но к нему «архиважно» было быть готовым. РСДРП создала около 50 организаций среди солдат и матросов (так называемые «военки»); в армии издавалось почти 20 подпольных газет и журналов. Инициатива здесь исходила от большевиков. В ноябре 1906 г. в Таммерфорсе прошла конференция военных и боевых организаций партии. Меньшевики этому сопротивлялись — о боевиках они и слышать не хотели. Тон на конференции задавали Л. Б. Красин, Р. С. Землячка, Е. М. Ярославский, И. Х. Лалаянц, М. Н. Лядов. Ленин в письме к своим соратникам предостерегал их от «увлечения боевыми крайностями». В частности, он имел в виду предложение Лалаянца разделить

все партийные организации на военные, боевые и пролетарские. При этом Ленин советовал не форсировать события, а тщательно готовиться.

Другой заботой ленинцев стала подготовка к новому съезду, на котором они рассчитывали взять реванш у меньшевиков. Первоначально местом проведения V съезда партии был выбран Копенгаген. Однако под давлением русского правительства власти Дании пересмотрели свое первоначальное решение и накануне открытия заседания отдали приказ о том, чтобы русские социал-демократы немедленно покинули пределы страны под угрозой выдачи царским властям. Делегатам пришлось срочно садиться на пароход и переправляться в Швецию. Но и здесь разрешения на проведение съезда получить не удалось. Тогда было решено отправиться в Лондон. Делегатам вновь пришлось вернуться в Копенгаген, оттуда поездом они направились в небольшой городок Эйсберг, где и сели на пароход, идущий в Англию.

На V съезде РСДРП рабочие составляли в общей сложности уже более трети делегатов. Один из них, К. Гандурин из Иваново-Вознесенска, оставил интересные воспоминания обо всех приключениях, которые случились с делегатами по дороге на съезд. В Петербурге отъезжающие за границу получили от большевиков необходимые деньги — «командировочные» (меньшевики им в этом отказали, ссылаясь на отсутствие средств). Делегаты-рабочие уделяли много внимания конспирации и внешнему виду, старались выглядеть по возможности «респектабельней», хотя не всем это удавалось: выдавали «или рваные ботинки, или порыжевшая, потерявшая форму, шляпа, или же неизменная черная рубаха». Один рабочий ни за что не хотел конспирироваться: «Он сел в поезд, выйдя прямо из фабричного корпуса, небритый, всклокоченный, со следами краски на лице и шее, с узелком в руках, где у него были еда и табак». А делегаты с Кавказа явились в папахах и шубах и, как пишет автор, «лица у некоторых из них были таковы, что и нам, при виде таких физиономий, делалось не по себе»⁸⁸.

Делегаты поездом добрались до финского портового городка Ганге. Агент ЦК, руководивший переездом, советовал им в целях конспирации «выдавать себя за эмигрантов, едущих в Америку». Затем около сотни делегатов съезда сели на пароход, который отплывал в Копенгаген. Здесь, вдали от шпииков и жандармов, они «легализовались

окончательно». На палубе завязались жаркие споры: все кричали, пели, дурачились. Один из самых опытных меньшевиков, публицист А. С. Мартынов, «орал во все горло» наступавшим на него молодым большевикам: «Чего вы от меня хотите? Я меньшевик и умру под меньшевистским забором». Капитан судна и пассажиры с изумлением смотрели «на буйных пассажиров». На следующее утро начались деловые беседы рабочих с «интеллигентами».

В Копенгагене, где должен был состояться съезд, делегаты разместились в дешевой гостинице под вымышленными именами. Здесь большевики собрались отдельно на заседание своей фракции. Перед ними выступал Ленин, и тех делегатов, кто видел его впервые, «он разочаровал, поскольку они ожидали увидеть “титана”». После отказа датского правительства в проведении съезда делегаты переехали в шведский город Мальме. При отъезде в датском порту их неожиданно атаковали местные проститутки. Спасение было одно — бегство. Шведские власти также запретили в проведении съезда, и пришлось почти 300 социал-демократам вновь перебираться в Данию, чтобы уже оттуда направиться в Лондон. На всем пути следования из Копенгагена в портовый городок Эйсберг их встречали демонстранты, которые из газет узнавали обо всех приключениях российских делегатов. В одной из газет сообщалось даже, что «высланные из Копенгагена русские социал-демократы зафрахтовали пароход, бросили якорь в Немецком море и заседают».

В Эйсберге их встречали со знаменами и музыкой. Всех делегатов пригласили в отели, хозяевами которых оказались члены местной социал-демократической организации. Казалось бы, их ожидал радужный прием: делегатов угощали жареным мясом и кофе: «В знак приветствия, солидарности и братских чувств торжественно выпили по бокалу пива». Делегаты были уверены, что их «кормят и дают ночлег бесплатно». Как же они удивились и возмутились, «когда на другой день, перед отправкой, хозяин предъявил им счета». Причем цены все были явно завышены. «Любезного трактирщика ругали на все лады, но по счетам все-таки пришлось уплатить. С товарищами, ночевавшими в других отелях, произошла та же история», — вспоминал К. Гандурин⁸⁹.

В Лондоне, который поразил их бешеным ритмом жизни, делегаты ночевали в одной из лондонских ночлежек. Здесь они познакомились с лондонскими босяками, одичавшими людьми, которые

произвели на них «жуткое неотразимое впечатление». На другой день «подавляющее большинство съездовцев поселилось в Уайтчепеле, в квартирах эмигрировавших в разное время из России евреев».

Пятый съезд РСДРП, проходивший с 30 апреля (13 мая) по 19 мая (1 июня) 1907 г., был наиболее представительным общепартийным съездом. На нем присутствовали 303 делегата с решающим и 39 — с совещательным голосом от 150 тыс. членов партии из 145 партийных организаций (100 организаций РСДРП, 8 — социал-демократии Польши и Литвы, 7 — социал-демократии Латышского края, 30 — Бунда). Среди делегатов с решающим голосом было 177 делегатов от РСДРП, в том числе 89 большевиков и 88 меньшевиков, 45 представителей социал-демократии Польши и Литвы, 26 — социал-демократии Латышского края и 55 — Бунда.

Съезд проходил в Лондоне в помещении церкви Братства на Саутгейт-Род, принадлежавшей фабианцам. «Церковь оказалась очень удобным местом для заседаний, — вспоминал К. Гандурин. — Возвышение занял президиум, слева сели меньшевики, справа — большевики, в центре польская социал-демократия, Бунд и с.-д. Латышского края. Кое-кто из гостей поместился на хорах; там же находились и посещавшие съезд представители английских социалистических организаций. Какой-то предприимчивый англичанин устроил в передней буфет; здесь можно было купить молоко, апельсины, бутерброды. Возле этого буфета М. Ф. Андреева (жена М. Горького. — *Авт.*) поместилась с огромным кувшином очень вкусного пива, которым угощала делегатов во время перерывов»⁹⁰.

А. М. Горький, который присутствовал на съезде, вспоминал, как накануне Ленин ему «шутливо» сказал: «Это хорошо, что вы приехали! Вы ведь драки любите? Здесь будет большая драчка»⁹¹. Плеханов же, открывая съезд, напротив, сразу призвал рассмотреть все разногласия между партиями «без гнева и пристрастия». Патриарх русского марксизма подчеркнул, что это облегчается тем,

**Церковь в Лондоне, где проходил
V съезд РСДРП**

что «в нашей партии почти совсем нет ревизионистов»⁹². При этих словах «Ленин согнулся, лысина его покраснела, плечи затряслись в беззвучном смехе...»⁹³

Ленин был прав: в Лондоне практически по всем обсуждаемым вопросам вновь столкнулись два подхода. На сей раз перевес, хоть и незначительный, был на стороне большевиков. Уже на первом заседании петербургские меньшевики выразили протест против избрания Ленина в президиум. «Взрыв бешеного негодования охватывает ряды большевиков, неистовый стук ногами и кулаками заглушает чтение. Многие вскочили с мест: меньшевики тоже закричали. Это была, поистине, адская музыка», — пишет Гандурин. Он вспоминает, что «нервы делегатов были сильно взвинчены передрыганиями» и «во время заседания случилось даже два или три обморока. Помню, как на руках вынесли из зала заседаний потерявшего сознание делегата «спилки», кстати сказать, человека по внешности кряжистого и здорового. Такова была атмосфера фракционной борьбы»⁹⁴.

Дебаты шли по вопросу об отношении к непролетарским партиям. Обсуждались четыре доклада, с которыми выступили В. И. Ленин, Р. Люксембург, меньшевик А. С. Мартынов и бундовец Р. А. Абрамович. Съезд одобрил ленинскую тактическую линию, предусматривавшую беспощадную борьбу с черносотенцами, а также с партией октябристов, резкую критику кадетов и проведение левоблокистской тактики в отношении неонароднических партий и организаций (эсеры, энесы, трудовики). Съезд отверг идею «нейтральности» профсоюзов и меньшевистский план созыва рабочего съезда как высшего пролетарского форума в масштабах всей страны.

Но в одном случае большевики потерпели поражение. Съезд поддержал резолюцию меньшевиков, осуждавшую экспроприацию (170 — за; против — 35; воздержавшихся — 52). Еще на IV съезде РСДРП развернулась борьба между большевиками и меньшевиками о возможности экспроприации денежных средств в интересах революции. Большевики допускали вооруженные нападения с целью захвата денег. Меньшевики, соответственно, нет. В Стокгольме большевики взяли верх: в резолюции «Партизанские боевые выступления» было записано, что партия должна признать партизанские боевые выступления дружин, входящих в нее или примыкающих к ней, принципиально допустимыми и целесообразными в настоящий период. В 1906 г. партизанские действия выражались не только в убийстве

шпионов, черносотенцев и жандармов, разгроме их штаб-квартир и полицейских участков, освобождении арестованных товарищей, но и экспроприации денежных средств и т. д. Ленин высмеивал меньшевиков, «горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну»⁹⁵. В Лондоне, однако, Ленин не принял участия в голосовании по данному пункту повестки дня, заявив, что «вопрос этот, конечно, не принципиальный»⁹⁶.

Словно назло V съезду, который принял решение о прекращении партизанских действий и роспуске боевых дружин, в июне 1907 г. в Тифлисе большевики осуществили самую крупную «экспроприацию» (об этом речь пойдет в следующей главе). Вполне вероятно, что по дороге на съезд в Берлине состоялась встреча И. В. Джугашвили и В. И. Ленина и одним из вопросов, который они обсуждали, мог быть вопрос о подготавливаемой грузинскими большевиками именно в эти дни тифлисской экспроприации.

В самом разгаре работы съезда всплыл еще один тревожный вопрос. Восемь дней, которые были впустую потрачены на все переезды, заметно подорвали кассу съезда, на проведение которого имелось около 100 тыс. рублей. В Лондоне делегаты получали на расходы по оплате квартир и на питание 2–2,5 шиллинга в сутки (шиллинг равнялся 48 коп.), многие делегаты-рабочие голодали. Средств не хватало не только на обратный путь, но и на доведение съезда до конца. По британским законам того времени иностранцы, находившиеся в Англии без средств к существованию, подлежали немедленному интернированию и отправке на родину. В Лондоне за работой съезда наблюдали тайные агенты российской полиции и британские стражи порядка. Поэтому вопрос о финансовом положении делегаты в срочном порядке поставили на обсуждение съезда. 27 мая было объявлено о том, что в кассе съезда осталось лишь 170 рублей. Начались поиски спонсора. Деньги взаймы съезду дал американский предприниматель Джозеф Фелс, проживавший в Лондоне и продававший в Европе стиральное мыло. У него попросили 1700 фунтов. Перед тем как дать деньги, Фелс лично захотел послушать, о чем говорят русские революционеры. Он посетил одно из заседаний съезда и, пробыв около 20 минут (как раз в это время выступал Ленин и громил меньшевиков), принял окончательное решение. Фелс выделил заем не для революции, а на обратные билеты

делегатам при условии немедленного окончания работы съезда, еще не избравшего к тому времени ЦК РСДРП. Возврат денег следовало осуществить к 1 января 1908 г. Кредитор потребовал от делегатов съезда расписки, поэтому делегаты оставили свои автографы под финансовым обязательством. Подписывались как своим именем, так и псевдонимами. Удивительно, но среди этих подписей не оказалось подписи Ленина.

Однако РСДРП дважды обманула доверчивого Дж. Фелса. Во-первых, съезд после его ухода еще два дня продолжал свою работу. Во-вторых, до конца своей жизни Фелс (он умер в 1914 г.) так и не получил ни одного пенса от своих должников. Деньги вернули вдове американского бизнесмена только в 1922 г.

В состав ЦК, избранного V съездом, вошли пять большевиков (И. П. Гольденберг, И. Ф. Дубровинский, И. А. Теодорович, В. П. Ногин и Н. А. Рожков, позже перешедший к меньшевикам), четыре меньшевика (А.С. Мартынов, Н. Н. Жордания, И. А. Исув и некто Никифор), два польских социал-демократа (А.С. Варский и Ф. Э. Дзержинский) и один представитель латышских социал-демократов (К. Х. Данишевский). Впервые в практике РСДРП был введен институт кандидатов в члены ЦК: в него вошли 10 большевиков (В. И. Ленин, В. Л. Шанцер, И. А. Саммер, Г. Е. Зиновьев, А. А. Богданов, Л. Б. Красин, А. И. Рыков, Г. Д. Лейтейзен, В. К. Таратута, рабочий А. П. Смирнов) и 7 меньшевиков, в том числе Ю. О. Мартов. Пятый съезд стал последним перед долгим перерывом, поскольку следующий съезд состоится только в 1917 г.

Полиция была хорошо осведомлена обо всех событиях, происходивших на съезде. Заведующий Заграничной агентурой А. М. Гартинг получал всю ценную информацию от своего секретного сотрудника доктора Я. А. Житомирского, члена РСДРП, который присутствовал на съезде. Уже через неделю после закрытия Лондонского съезда Гартинг представил в Департамент полиции подробный отчет на 100 страницах о его ходе и даже секретный отчет о расходовании полученных от Саввы Морозова 100 тыс. рублей. Гартинг писал, что отчет составлен ценным сотрудником и просил для агента награду в 1500 рублей. (Житомирский начал работать в охранке с 1901 г. и был одним из самых высокооплачиваемых агентов.)

По возвращении со съезда домой несколько делегатов сразу угодили за решетку. В частности, через пять минут после приезда на

Финляндском вокзале был арестован Е. Ярославский. Сидя в одиночной камере тюрьмы «Кресты», он написал отчет о съезде и шутиливую вещь «Сон большевика», перефразируя горьковскую «Песнь Буревестника».

Овладев положением в стране, правительство стремилось ограничить те уступки, которые вырвала у власти революция. Столкнувшись в Думе с явной оппозицией проводимому правительством курсу, П. А. Столыпин решил покончить с крамольным парламентом. Роспуск Думы был объективно предreshен. Глава правительства использовал полицейскую фальшивку — 55 депутатов социал-демократической фракции были обвинены в подготовке «военного заговора», арестованы и преданы суду. 3 июня 1907 г. последовал указ о роспуске II Думы. В нарушение Основных законов и Манифеста 17 октября был издан новый избирательный закон. Это событие расценивается как конец революции.

Первая российская революция продолжалась 2,5 года и сильно повлияла на жизнь всех слоев общества, характер государственного строя и международное положение России. Она стала важным этапом в ускорении процесса буржуазной модернизации России, временем рождения многопартийной системы и парламентаризма. С точки зрения интересов всего общества следует признать, что революция в целом привела к положительным результатам. Население получило первый в истории опыт российского парламентаризма, возможность гласно и легально сопоставлять различные политические позиции. Хотя левые партии, включая кадетов, не получили свидетельства о регистрации и права на легальную деятельность, но выборы в Думу реально проходили по партийным спискам, а в самой Думе создавались фракции по партийной принадлежности. Все партии имели свои легальные печатные органы. В марте 1906 г. были официально разрешены профсоюзы. Создавались кооперативные, страховые общества и кассы. Появились хоть и ограниченные, но демократические свободы: право голоса, собраний, издания печатных органов. Был отменен циркуляр 1897 г. об уголовном наказании стачечников, легализованы с оговорками экономические забастовки. Выросла зарплата рабочих, сократилась продолжительность рабочей недели. Для крестьян были отменены выкупные платежи, снижена арендная плата за землю, упразднены телесные наказания. Произошло сокращение сроков воинской службы. На смену самодержавию

← пришла думская монархия, в которой законодательная власть приобрела уже в основном конституционные формы, но исполнительная и судебная не претерпела сколько-нибудь существенных изменений.

Примечания

- ¹ Шотман А. Записки старого большевика. М., 1925. С. 45.
- ² Шотман А. Записки старого большевика. С. 47.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 19.
- ⁴ Цит. по: Пушкарева И. М. Рабочее движение в год II съезда РСДРП // Отечественная история. 2003. № 4. С. 3.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Первая революция в России: Взгляд через столетие. М., 2005. С. 81–82.
- ⁷ Цит. по: Диалог. 1991. № 7. С. 89.
- ⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 54.
- ⁹ Савельев П. Ю., Тютюкин С. В. Юлий Осипович Мартов (1873–1923): человек и политик // Новая и Новейшая история. 1995. № 4. С. 143.
- ¹⁰ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 65.
- ¹¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1. М., 1990. С. 175–176.
- ¹² См.: История КПСС. Т. 1. М., 1967. С. 426–427.
- ¹³ Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1971. С. 69–75.
- ¹⁴ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 1. С. 183.
- ¹⁵ Цит. по: Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 556.
- ¹⁶ Протоколы второго съезда РСДРП. Л., 1924. С. 123.
- ¹⁷ Там же. С. 156.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 157.
- ²⁰ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 75.
- ²¹ Протоколы Второго съезда РСДРП. С. 115.
- ²² Шотман А. В. Записки старого большевика. Л., 1963. С. 125.
- ²³ Дан Ф. И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946. С. 280.
- ²⁴ Лепешинский П. Второй съезд. 1928. С. 27.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Протоколы Второго съезда РСДРП. С. 220–221.
- ²⁷ Там же. С. 220.
- ²⁸ Там же. С. 227.
- ²⁹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 79.
- ³⁰ Там же. С. 300.
- ³¹ Шотман А. В. Записки старого большевика. С. 135, 136, 137.
- ³² История КПСС. Т. 1. С. 479.
- ³³ См.: Урилов И. Х. Из истории раскола РСДРП // Отечественная история. 2003. № 4. С. 15.
- ³⁴ Луначарский А. Владимир Ильич Ленин // Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 37.

- ³⁵ Пятницкий О. Записки большевика. Л., 1926, С. 44–45.
- ³⁶ Троцкий Л. Ленин и старая «Искра» // Силуэты: политические портреты. С. 33.
- ³⁷ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 78.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 364; Т. 41. С. 6.
- ³⁹ Цит. по: История КПСС. Т. 1. С. 486.
- ⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. Т. 304.
- ⁴¹ Савельев П. Ю., Тютюкин С. В. Юлий Осипович Мартов. С. 147.
- ⁴² История КПСС. Т. 1. С. 489.
- ⁴³ Там же. С. 490.
- ⁴⁴ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 81.
- ⁴⁵ Лядов М. Из жизни партии. Накануне и в годы первой революции. Воспоминания. М., 1926, С. 13.
- ⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 329.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 355.
- ⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 403.
- ⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 370.
- ⁵⁰ Мартов Л. Вперед или назад? Женева, 1904. С. 5.
- ⁵¹ Лепешинский П. Н. На повороте (от конца 1880-х годов к 1905 г.). Л., 1925. С. 192, 196.
- ⁵² Лядов М. Из жизни партии. С. 44.
- ⁵³ Там же. С. 63.
- ⁵⁴ Цит. по: История политических партий России. М., 1994. С. 268.
- ⁵⁵ Лядов М. Из жизни партии. С. 56.
- ⁵⁶ Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., М., 2002. С. 222.
- ⁵⁷ См.: Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 199.
- ⁵⁸ См.: Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 148.
- ⁵⁹ См.: История СССР: 1861–1917 / Под ред. В. Г. Тюкавкина. М., 1989. С. 252.
- ⁶⁰ Цит. по: Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 165.
- ⁶¹ Там же. С. 172.
- ⁶² Горький М. Литературные портреты. М., 1986. С. 235.
- ⁶³ См.: История СССР: 1861–1917. М., С. 256.
- ⁶⁴ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 91.
- ⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 201–202.
- ⁶⁶ История КПСС. Т. 2. М., 1966. С. 46.
- ⁶⁷ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 103.
- ⁶⁸ Цит. по: Волобуев О. В. Первая российская революция и социалистические партии // Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 43.
- ⁶⁹ См.: История СССР: 1861–1917. С. 263.
- ⁷⁰ Васильев-Южин М. И. Восстание на броненосце «Потемкин» // Первый штурм самодержавия, 1905–1907 годы. М., 1989. С. 157–158.
- ⁷¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. Т. 2. М., 1984. С. 143.

- ⁷² Леонид Борисович Красин (Никитич). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М. -Л., 1928. С. 139.
- ⁷³ Буренин Н. Е. В боевой технической группе // Первый штурм самодержавия, 1905–1907 годы. С. 173.
- ⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 336–338; Т. 13. С. 371–372.
- ⁷⁵ Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 256.
- ⁷⁶ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 106.
- ⁷⁷ См.: Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 360.
- ⁷⁸ Там же. С. 366.
- ⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 368.
- ⁸⁰ См.: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 71.
- ⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 80.
- ⁸² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 114.
- ⁸³ Цит. по: Волобуев О. В. Первая российская революция и социалистические партии. С. 65.
- ⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 219.
- ⁸⁵ Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 373.
- ⁸⁶ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 120–121.
- ⁸⁷ Там же. С. 121.
- ⁸⁸ Гандурин К. О Лондонском съезде РСДРП (1907 г.) // Из истории нашей партии. 1906–1910. Харьков, 1923. С. 43.
- ⁸⁹ Там же. С. 48–49.
- ⁹⁰ Там же. С. 51–52.
- ⁹¹ Горький М. В. И. Ленин. Собр. соч. в 30 т. Т. 17. М., 1952. С. 6.
- ⁹² Там же. С. 11.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Гандурин К. О Лондонском съезде РСДРП. С. 54.
- ⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 9.
- ⁹⁶ История политических партий. С. 275.

IV

глава

Оформление большевиков в самостоятельную марксистскую партию (1908–1914 гг.)

Годы столыпинской реакции особенно отличались разбойничьими набегами жандармов и полицейских, царских провокаторов и черносотенных громил на рабочий класс...

Упадничество и неверие коснулись также одной части партийных интеллигентов, считавших себя марксистами, но никогда не стоявших твердо на позициях марксизма...

Перед марксистами стояла неотложная задача — дать должную отповедь этим перерожденцам в области теории марксизма, сорвать с них маску, разоблачить их до конца и отстоять, таким образом, теоретические основы марксистской партии...

В годы реакции... меньшевики отступали в панике, не веря в возможность нового подъема революции, они позорно отрекались от революционных требований программы и революционных лозунгов партии...

Пражская конференция, изгнав меньшевиков из партии, оформила самостоятельное существование большевистской партии.

История ВКП(б): Краткий курс

1. Политика П. А. Столыпина и кризис партии

После революции царская власть пыталась решить двудединую задачу: укрепить свои позиции и разрешить поставленные революцией вопросы путем постепенного реформирования страны. Для того чтобы получить управляемый парламент, 3 июня 1907 г. был введен новый избирательный закон. Он появился без согласия

Думы, по воле одного царя. На этом основании новый закон в исторической литературе трактуется как третьеиюньский государственный переворот. Однако этот «переворот» не был классическим примером государственного переворота, так как не изменил систему власти и не внес серьезных перемен в государственный строй.

Новый избирательный закон, который сами составители называли «бесстыжим» (главную роль в его выработке играл товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский), коренным образом перераспределял число выборщиков в пользу имущих классов и резко сокращал представительство в Думе рабочих, крестьян и национальных меньшинств. (Одной из причин было то обстоятельство, что правительство разочаровалось в политической благонадежности крестьян.) Например, теперь 1 голос помещика приравнивался к 543 голосам рабочих. Народы Средней Азии и народности Сибири были лишены права посылать депутатов в Думу, а представительство от Кавказа и Польши сокращалось в 2–3 раза.

Это обусловило резкое изменение состава III Думы, которая поправела и стала более консервативной. Она получила в обществе бранную кличку — «барской» и «лакейской». И сам избирательный закон, и выборы оппозиция окрестила «дворянскими». Лидирующей в III Государственной думе стала октябристская фракция во главе с А. И. Гучковым. Дума третьего созыва активно занималась законотворческой деятельностью и работала весь положенный срок, с ноября 1907 по июнь 1912 г.

Однако новый разгон парламента, «бесстыжий» пересмотр избирательной системы не вызвали массового революционного протеста. Это объясняется рядом факторов. Сказалась и усталость от революции, и удовлетворенность уже осуществленными реформами, и надежда на возможность дальнейшего прогресса без новых революционных потрясений.

Председатель Совета министров с июля 1906 г. П. А. Столыпин разработал программу обновления России, в основе которой лежала его формула: «успокоение и реформы». Она включала в себя аграрную реформу, введение страхования рабочих, реформу местного управления, суда, переход к всеобщему начальному образованию и т. д.

Революция показала, что основным вопросом российской жизни по-прежнему оставался аграрный вопрос. Многочисленные крестьянские

бунты напугали дворян и правительство. Было очевидно, что ставка на «верность» и патриархальность русского крестьянства не оправдала себя. В качестве альтернативы «черному переделу» земли П. А. Столыпин представил программу реформирования российской деревни (в своей основе была разработана еще С. Ю. Витте), главные задачи которой сводилась к разрушению общины, придававшей крестьянским волнениям массовость и организованность, и созданию для власти опоры в деревне в лице «крепких» крестьян — собственников земли. Правительственные указы поощряли выход крестьян из общины для создания отрубного или хуторского хозяйства. Началась организация массового переселения крестьян за Урал — в Сибирь, на Алтай и т. д. Предполагалось, что такая мера решит проблему крестьянского малоземелья и аграрного перенаселения в европейской части России. Трудно дать однозначную оценку Столыпинской аграрной реформе. Существует мнение, что реформа была кабинетной выдумкой и в целом потерпела неудачу, «крах», так как властям не удалось ни разрушить общину (из нее вышло 25 % хозяйств), ни создать массовый слой крестьян-собственников. Справедливо, однако, и суждение, что реформа была прервана войной и последовавшей за ней революцией, но тем не менее за 10 лет выявились определенные, правда не столь заметные, сдвиги к лучшему. Ясно и то, что у страны не было двадцати лет, на которые уповал Столыпин; в результате царизм не успел создать себе опору в деревне из крестьян — собственников земли. Препятствовала реформе и крестьянская общинная психология.

Большевики не отрицали прогрессивности столыпинской политики. «Возьмем программу Столыпина, разделяемую правыми помещиками и октябристами, — писал Ленин. — Это — откровенно помещичья программа. Но можно ли сказать, что она реакционна в экономическом смысле, т. е. что она исключает или стремится исключить развитие капитализма?.. Ни в каком случае. Напротив, знаменитое аграрное законодательство Столыпина... насквозь проникнуто чисто буржуазным духом... Это законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле»¹.

Оживление сельского хозяйства в результате череды урожайных лет и, как следствие, рост экспорта хлеба послужили причиной нового промышленного подъема. К 1913 г. царская Россия достигла вершины экономического развития. Ее доля в мировом промышленном производстве составляла 5,3 % (США давали 34 % мировой промышленной

продукции). Но Российская империя по-прежнему оставалась аграрной страной, в промышленности было занято только 10 % населения. К тому же российская промышленность отставала в техническом отношении от европейской и была больше приспособлена к внутреннему рынку. По производству промышленной продукции на душу населения Россия находилась на уровне Италии и Испании, уступая во много раз передовым индустриальным державам.

После революции правительство сделало попытку смягчить остроту рабочего вопроса на основе признания прав трудящихся на стачки и профсоюзы. Но после четырех лет обсуждения все свелось к принятию в 1912 г. законов о страховании рабочих, охвативших 15 % их численности. Было закрыто около 600 профсоюзов, а число их членов сократилось в 20 раз. Некоторые капиталисты (А. И. Коновалов, С. Н. Третьяков) заботились об улучшении условий жизни рабочих своих предприятий, строили жилье, больницы и т. п. Средняя продолжительность рабочей недели сократилась с 75 до 50–60 часов. Увеличивались расходы предпринимателей на медицинскую помощь рабочим. Были заключены первые коллективные договоры с предпринимателями. Но этого было явно недостаточно. Например, во всей текстильной промышленности России работницы только двух фабрик получали оплачиваемый отпуск по родам. Смертность детей до трех лет в фабричных районах составляла более 50 %, в том числе из-за тяжелых жилищных условий.

Законодательная власть думской монархии не отличалась особой эффективностью. Наиболее важные законы, затрагивающие интересы трудового люда, крестьян, рабочих, мелких торговцев, введены в действие не были. Курс Столыпина подвергался все большим нападкам и слева, и справа. Правым был нужен Столыпин-«успокоитель», в Столыпине-реформаторе они не нуждались. К осени 1911 г. отставка Столыпина была предreshена, но 1 сентября 1911 г. он был убит в Киеве Д. Богровым, анархистом и агентом охраны. После смерти П. А. Столыпина в стране не нашлось людей, способных продолжить политику реформирования.

В результате резкого спада общественного движения, полицейских репрессий РСДРП оказалась в кризисном положении. После революции партия пребывала в состоянии упадка, разброда и шатания. Всюду царили апатия и уныние. Надежды на быстрое падение самодержавия не оправдались. Многие из тех «случайных пассажиров»,

кто примкнул к партии на волне революционного подъема, покинули ее ряды. Четкого представления о задачах пролетарского движения в новых условиях пока не было. Многие участники революции находились в тюрьмах: с 1907 по 1909 г. было осуждено по политическим делам более 26 тыс. человек, в том числе к смертной казни приговорено 5086.

Следствием кризисной ситуации стало резкое сокращение численного состава РСДРП — примерно в семь раз. В 1910 г. в партии осталось 10 тыс. человек. Например, численность петербургской организации сократилась с 8800 членов в мае 1907 г. до 600 к началу 1910 г. Московская организация в 1907 г. насчитывала в своих рядах 7,5 тыс., а в 1909 г. там осталось лишь 1,5 тыс. социал-демократов. С 1906 г. по 1908 г. в 11 раз уменьшилась численность Бунда (с 33 до 3 тыс.). Численность большевиков уменьшилась в 6 раз, с 60 до 10 тыс. Большевицкая организация Петербурга за годы реакции перенесла 15 массовых арестов руководящих работников. Городской комитет в полном составе арестовывался шесть раз. Московский комитет и Московский окружной комитет арестовывались 11 раз. «Людей у нас вообще нет, — писала Крупская химическими чернилами в Одессу в начале 1909 г., — все по тюрьмам и ссылкам»². К началу 1910 г. по существу распалась иваново-вознесенская организация, недавно еще столь внушительная и активная.

В 1908 г. Мартынов писал Плеханову: «Партия наша находится в таком состоянии, в каком обыкновенно бывают революционные партии после разгрома революционного движения — в состоянии полного упадка»³. Отмечая затем, что у большевиков дела чуть лучше, чем у меньшевиков, Мартынов продолжал: «Тем не менее, и у них, по словам Мешковского и Надежды Константиновны, наблюдается повальное бегство из организации. Что касается меньшевиков, то это бегство ничем не удерживается»⁴. «В партийных комитетах стало пусто, безлюдно», — вспоминал Войтинский⁵. Партийные организации остались, по существу, в основных индустриальных центрах России на крупных промышленных предприятиях. Численность меньшевицких организаций сократилась еще более значительно.

Большинство партийных лидеров либо уехали в эмиграцию, либо находились в ссылке. «Как водится, — сообщал Мартов Аксельроду, — первым уехал Ленин»⁶. Власти принимали меры по розыску и аресту Ленина. Финляндия, несмотря на ее особый статус внутренней

автономии, перестала быть надежным убежищем. На всех пристанях и вокзалах дежурили шпики. Поэтому ехать обычным путем, не рискуя быть арестованным, Ленин не мог. В конце декабря 1907 г. он нелегально ушел за границу. От Гельсингфорса до Або часть пути Ленин проделал пешком, соскочив на ходу с поезда, чтобы избежать ареста. От Або до острова Драгфиорд, где намечалась посадка на пароход, шедший в Стокгольм, он добирался на лошадях, а затем шел версты три по неокрепшему льду залива в сопровождении, как вспоминала Н. К. Крупская, двух «подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено»⁷. Во время этого перехода Ленин едва не погиб: лед стал проваливаться, и ему лишь чудом удалось спастись. Позже Ленин рассказывал, что, когда лед стал уходить из-под ног, он подумал: «Эх, как глупо приходится погибать». Из Швеции 25 декабря 1907 г. Ленин переехал в Швейцарию, в Женеву. По неполным данным, за границей к концу 1908 г. находились около 900 членов партии.

В партийных организациях царил атмосфера взаимного недоверия и подозрительности. Реорганизация системы политического сыска, проведенная департаментом полиции в начале 1907 г., привела

Ленин уходит во вторую эмиграцию

к значительному расширению агентурной сети в провинции. Против революционеров тайно действовали 400 секретных агентов-провокаторов и осведомителей из 60 охранных отделений. Например, в Москве в январе 1914 г. было 42 секретных сотрудника, из них 20 работало среди социал-демократов, 5 — среди социалистов-революционеров, 7 — в студенческих организациях и т. д. Провокаторы нанесли сильный удар по РСДРП. Так, С. А. Регекампф-Златкин (Танин) написал 110 доносов, в которых выдал московской охранке 186 участников революционного движения. А. Н. Николаев (Андрей) предал 176 человек, а С. И. Соколов (Кондуктор) — 100. По доносам А. И. Лобова (Мек) было арестовано 23 человека, в том числе его жена большевичка В. Н. Лобова. Среди агентов-провокаторов наибольшую известность получил член ЦК РСДРП Р. В. Малиновский.

О нем надо сказать особо. В партию он вступил в 1906 г. сразу после службы в лейб-гвардии Измайловском полку. Начало его провокаторской деятельности относится к 1907 г., хотя есть сведения, что он безвозмездно поставлял сведения охранке еще будучи солдатом. Он примкнул к большевикам. Роман Малиновский, действовавший под кличками Эрнет, Портной, Икс, только за период с 5 июля 1910 г. по 19 сентября 1913 г. направил в московскую охранку 88 агентурных донесений. По его доносам были арестованы Ф. И. Голощекин, Л. П. Серебряков, П. А. Залуцкий, И. В. Сталин, Е. Д. Стасова, А. И. и М. И. Ульяновы. В свою очередь, чтобы обеспечить ему алиби, охранка создавала у большевиков видимость его преследования: до 1912 г. полиция трижды его арестовывала, но всегда, после краткого содержания под стражей, выпускала на свободу. Охранка расчищала своему агенту дорогу в руководство большевистских центров. Малиновский был избран делегатом на Пражскую конференцию (1912) на дополнительных выборах, которым предшествовали крупные провалы в московской организации РСДРП. Малиновский, получавший к тому времени щедрое жалованье в 200 рублей в месяц, предоставил охранному отделению сведения о работе конференции, ее составе и составе избранного ЦК. Одновременно информировал о деятельности Бунда, Польской социалистической и Польской социал-демократической партий. Пик его провокаторской карьеры пришелся на 1912–1914 гг., когда Р. В. Малиновский стал членом ЦК РСДРП и депутатом IV Государственной думы. За услуги охранка

платила ему уже 700 рублей в месяц (депутат получал 350–400 рублей).

В мае 1914 г. Департамент полиции приказал Малиновскому добровольно сложить с себя депутатские полномочия. Большую роль в этом решении сыграл товарищ министра внутренних дел Джунковский, воспитанный в строгих традициях дворянской чести и считавший, что даже в борьбе с революционным движением далеко не все средства могут быть оправданы. Находившиеся весной 1914 г. в Петербурге члены ЦК вместе с депутатами-большевиками IV Государственной думы исключили Малиновского

Р. В. Малиновский

из рядов РСДРП за отказ от выполнения партийных обязательств. Слухи о его провокаторстве ходили давно, в основном они шли из меньшевистских кругов, но на чистую воду Малиновского вывести не могли. Ленин безгранично верил Малиновскому. «Раз только у него мелькнуло сомнение», — вспоминала Н. К. Крупская. Когда они «говорили о ползущих слухах, Ильич вдруг... сказал: “А вдруг правда?” И лицо его было полно тревоги. “Ну что ты”, — ответила я. И Ильич успокоился, принялся ругательски ругать меньшевиков за то, что те никакими средствами не брезгают в борьбе с большевиками. Больше у него не было никаких колебаний в этом вопросе»⁸.

Во время войны Р. В. Малиновский был мобилизован в армию и в ноябре 1914 г. попал в плен. Лишь после Февраля 1917 г., когда выявились неопровержимые факты сотрудничества Малиновского с охранным отделением, он был окончательно изобличен как провокатор. В «Правде» появилась статья, озаглавленная «Иуда». Познакомившись с ней в поезде, на пути в Петроград в начале апреля 1917 г., Ленин был потрясен. «Экий негодяй! Надул-таки нас. Предатель. Расстрелять мало!» — так, по воспоминаниям Зиновьева, реагировал Ленин на известие о разоблачении Малиновского⁹. После возвращения из немецкого плена Малиновский предстал перед Верховным трибуналом при ЦИК РСФСР и в ночь с 5 на 6 ноября 1918 г. был расстрелян.

Серьезнейший кризис испытывала не только РСДРП. Полностью распались в России анархистские организации. В 1908 г. лидер партии

эсеров В. Чернов вынужден был признать, что «организация растаяла, улетучилась». По данным эсеровской печати, с 1902 по 1911 г. было раскрыто более 70 провокаторов. Сильный удар по партии вызвало разоблачение в 1908 г. Е. Ф. Азефа — члена ЦК, руководителя Боевой организации эсеров с 1903 г. Уличенный в предательстве, Азеф был приговорен эсерами к смерти, но ему удалось скрыться.

Тем не менее и в этот трудный для РСДРП период работа социал-демократов не прекращалась. Всего в 1907–1910 гг. в разное время вели работу более 180 комитетов и групп РСДРП — примерно втрое меньше, чем в период революции. Поэтому Ленин говорил о необходимости использования партией всех имеющихся легальных возможностей, включая не только профсоюзы, но и кассы взаимопомощи, различные культурно-просветительские общества. Не все большевики сразу поняли всю тонкость этой работы. Однажды в конце 1907 г. молодой петербургский рабочий-металлист М. П. Томский с иронией и даже некоторым вызовом спросил Ленина: «Вы что же, хотите нам еще рекомендовать идти работать в кружки балалаечников?» На это Ленин невозмутимо ответил: «Если это рабочие кружки балалаечников, — я рекомендую вам идти, хотя бы там было 3–5 человек рабочих. Если они играют на балалайке “Боже, царя храни”, то научите их для первого раза играть “Марсельезу”»¹⁰.

После революции все политические партии стремились максимально использовать возможности Государственной думы в своих интересах. Социал-демократы не были исключением. В условиях политической реакции выборы в III Государственную думу дали РСДРП всего лишь 19 депутатских мандатов. В том числе большевики получили 5 мандатов, 4 депутата лишь первоначально примыкали к большевикам, остальные 10 мандатов достались меньшевикам. Хотя формально депутаты от РСДРП пользовались депутатской неприкосновенностью, их в любую минуту могли предать суду. Так, депутата-большевика Косоротова после двух сессий лишили неприкосновенности и осудили за то, что в годы революции он призывал рабочих сопротивляться карателям.

Тон во фракции задавал меньшевик Н. С. Чхеидзе. Ленин добивался, чтобы думская фракция подчинялась центральным партийным органам. Меньшевики, напротив, рассматривали фракцию не как один из легальных органов партии, а как ее обособленный центр. 22 ноября 1907 г. думская фракция РСДРП вынесла решение:

«Думская с.-д. фракция есть группа автономная, которая, прислушиваясь к голосу партии, в каждом конкретном случае думской работы решает вопрос самостоятельно»¹¹. Фракция выступала за мирные, парламентские методы политической борьбы, за союз с другими демократическими партиями и либералами, что явно шло вразрез с ленинской тактикой использования думской трибуны исключительно для революционизирования рабочих масс, для разоблачения контрреволюционной сущности царизма, правых, кадетов и особенно меньшевиков.

За время работы III Думы социал-демократы внесли более 60 запросов по поводу самых различных политических событий: гонений против профсоюзов, введения смертной казни, положения в тюрьмах, по поводу взрывов на шахтах Донбасса и строительных катастроф в Петербурге, нарушений Основных законов и т. д. Хотя в декабре 1907 г. на заседании думской фракции РСДРП было принято решение о том, что каждый депутат вправе сам решать, будет он выезжать к своим избирателям или нет, большевики и примыкавшие к ним депутаты активно включились во внедумскую работу. Так, например, депутат-большевик Н. Г. Полетаев часто бывал на Путиловском и других заводах Петербурга, активно выступал в партийной печати. Другой большевистский депутат, П. И. Сурков, выезжал к избирателям в Костромскую губернию, а большевик М. В. Захаров — в Москву. Воронин выступал с докладами перед рабочими в Иваново-Вознесенске, Владимире, Шуе.

2. А товарищи кто? Разброд и шатания в рядах РСДРП

Несмотря на то что после первой революции РСДРП формально оставалась единой, российская социал-демократия продолжала дробиться на течения, группировки, направления. Раскол коснулся всех фракций РСДРП. В меньшевизме образовалось идейное течение, выступавшее за превращение РСДРП в партию парламентского типа. Ядро этого течения составили видные публицисты А. Н. Потресов, П. Б. Аксельрод, Н. Н. Жордания, брат Ю. О. Мартова В. О. Левицкий (Цедербаум) и др. Большевики называли их «ликвидаторами»,

считая, что правоменьшевистский курс приведет к ликвидации революционной партии. Считая революцию в России законченной, «ликвидаторы» провозгласили наступление «конституционной эры». Они полагали, что пролетариату не следовало подниматься на вооруженное восстание, достаточно было сделать «оплотом» своей борьбы Государственную думу. «Ликвидаторы» отрицали партийное подполье, прямолинейную революционную деятельность, гегемонию пролетариата в освободительном движении. По их мнению, отказываясь от нелегальной работы, партия должна идти в профсоюзы, кооперативы и т. д. Они не верили в возможность восстановления единства РСДРП. В частности, один из главных идеологов «ликвидаторов» Потресов заявлял, что прежнюю партию никто не ликвидирует, потому что как цельной и организованной иерархии учреждений ее уже нет, есть только разрозненные обломки былого. Аксельрод в письме Плеханову 20 января (2 февраля) 1908 года писал: «... не выходя из нее (партии. — *Авт.*) пока, и не провозглашая ее обреченной на гибель, мы должны, однако, считаться с такой перспективой и не солидаризовать нашего дальнейшего движения с ее судьбой»¹². Меньшевики, работавшие в России, были еще откровеннее: они склонялись к роспуску подпольных организаций, так что среди петербургских «ликвидаторов» даже ходил такой афоризм: «Теперь в партии умные люди не работают»¹³. Главными идейными центрами ликвидаторства были журналы «Возрождение» (Москва) и «Наша заря».

Одновременно с «ликвидаторством» возникло течение меньшевиков-партийцев, выступавших за сохранение революционного подполья. Это направление возглавил Г. В. Плеханов. Патриарх русского марксизма в 1906–1907 гг. на время сблизился с меньшевиками, выступал в защиту их политической платформы, поддерживая, в частности, идею создания ответственного перед Думой кадетского правительства, избирательного блока РСДРП с кадетами, созыва «рабочего съезда». Однако на почве борьбы с меньшевиками-«ликвидаторами» Плеханов на время сблизился с большевиками. После V (общероссийской) конференции РСДРП, проходившей в Париже (декабрь 1908 г.) он вышел из редакции меньшевистской газеты «Голос социал-демократа», возобновил за границей выпуск своего «Дневника социал-демократа». Тем не менее на прочный политический союз с Лениным он не пошел. «Меньшевики-партийцы» не смогли стать сколько-нибудь значительной политической силой.

Многие меньшевики, однако, не были ни «ликвидаторами», ни «партийцами» плехановского толка. Придерживаясь умеренных взглядов, они находились как бы в центре, хотя духовно «ликвидаторы» им были ближе. Меньшевики-центристы во главе с Мартовым, Даном, Мартыновым издавали газету «Голос социал-демократа». Разделяя мнение «ликвидаторов», что с Манифестом 17 октября 1905 г. Россия превратилась в конституционную монархию, и поэтому социал-демократия должна переходить к цивилизованным формам работы, они, тем не менее, никогда не отрекались от революции и нелегальных форм борьбы. Хотя в полемическом запале большевики причисляли Ю. О. Мартова и К^о к «ликвидаторам», между ними была существенная разница: Мартов понимал, что существование партии парламентского типа по образцу германской социал-демократии в царской России при полном отречении от подполья просто невозможно. Будущее России они связывали с процессом «левения» буржуазии и перерастанием думского кризиса в революционный кризис. Мартов стоял за сохранение единства меньшевистских рядов и РСДРП в целом. Большевиков он критиковал за ультрацентрализм, вождизм, «эксы» и т. д.

Особую позицию в РСДРП занимал «внефракционный» Л. Д. Троцкий. Независимость в суждениях и некоторое высокомерие в значительной степени обрекали его на политическую изоляцию. Не входя в большевистскую фракцию, Троцкий в то же время никогда не был правоверным меньшевиком. По своим идейным воззрениям и склонностям к решительным действиям он был гораздо ближе к большевикам. По вопросам же партийного строительства, не принимая излишнего централизма, он солидаризировался с меньшевиками. Как политический деятель, Троцкий был ярким приверженцем теории «перманентной» (непрерывной) революции. Наиболее полно суть этой теории Троцкий изложил в брошюре «Итоги и перспективы» (1906 г.), в книгах «1905» (1922 г.) и «Перманентная революция» (1930 г.). Как он сам писал, она сложилась у него в 1905 г., в промежуток времени между «Кровавым воскресеньем» и Всероссийской октябрьской политической стачкой. Большое влияние на Троцкого оказали взгляды немецкого социал-демократа Парвуса (А. Л. Гельфанда). В основу теории «перманентной» революции положен тезис об особенностях исторического развития России. По представлениям Троцкого, из-за вековой отсталости, силы

Л. Д. Троцкий

самодержавия, слабости буржуазии решение задач буржуазно-демократической революции должен был взять на себя пролетариат — единственный революционный класс страны. Итогом победы революции в России станет «диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство». Находясь у власти, пролетариат не только не захочет, но и не сможет ограничиться одними лишь демократическими задачами. Логика классовой борьбы подтолкнет его к социалистическим преобразованиям. Однако внутренних сил, которые поддержат пролетариат в этой борьбе, по мнению Троцкого, недостаточно. Он связывал российскую революцию с европейской социалистической революцией. Для Троцкого единственная гарантия победы революции в России — это социалистическая революция в Европе.

Не трудно заметить, что некоторые положения теории «перманентной революции» были близки взглядам Ленина. Именно поэтому в годы революции между ними не было серьезных разногласий. По воспоминаниям Луначарского, когда он заметил Ленину, что Троцкий «сейчас сильный человек в Совете», тот «как будто омрачился на мгновение, а потом сказал: “Что же, Троцкий завоевал это своей неустанной работой и яркой агитацией”»¹⁴.

Осенью 1906 г. состоялся открытый судебный процесс над руководящими деятелями Петербургского совета. По словам Луначарского, во время процесса Троцкий вел себя необыкновенно картинно и героически. Суд сделал Троцкого чрезвычайно популярной личностью: в тюрьму потоком шли любопытствующие «посмотреть на Троцкого». Его в числе 14 других обвиняемых приговорили к ссылке в Восточную Сибирь на вечное поселение с лишением всех гражданских прав. По дороге в ссылку Троцкий бежал из г. Березова и, проделав путь в 800 км по снежной равнине до Урала (где на оленях, где пешком), весной 1907 г. принял участие в V съезде РСДРП. По словам делегата Гандурина, там Троцкий выглядел настоящим «вождем».

Во время своей второй эмиграции Троцкий обосновался в Вене. Здесь он вступил в австрийскую социал-демократическую партию, участвовал в ее работе, был корреспондентом центральных органов печати Социал-демократической партии Германии. В Вене с небольшой группой своих приверженцев (М. Скобелев, А. Иоффе, В. Копп, М. Урицкий), включавших и членов главного комитета украинской социал-демократической организации «Спилка», Троцкий с 1908 по 1912 г. издавал внефракционную газету «Правда». Троцкий старался выступить в роли арбитра во фракционной борьбе, которую он представлял как столкновение двух групп социал-демократической интеллигенции, стремившихся привлечь на свою сторону «политически незрелый пролетариат». Газета Троцкого выдвинула лозунг: «Не руководить, а служить! Не раскалывать, а объединять!»

После революции реальное руководство большевистской фракцией осуществлял Большевистский центр (БЦ), избранный на совещании

Ленин, Горький и А. Богданов на о. Капри. 1908 г.

большевиков — делегатов V съезда РСДРП. В него было введено 15 человек (А. А. Богданов, И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Б. Красин, В. И. Ленин, Г. Д. Линдов, В. П. Ногин, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, А. И. Рыков, В. К. Таратута, И. А. Теодорович и В. Л. Шанцер. «Мы решили, — писал Зиновьев, — что в ЦК мы будем работать и страдать по долгу службы, но настоящую работу мы будем делать в своем БЦ, ибо было ясно, что этот “брак поневоле” с меньшевиками будет непродолжительным»¹⁵. В течение последующих нескольких лет БЦ действовал в виде расширенной редколлегии большевистской газеты «Пролетарий» (1906–1909). Главным ее редактором и автором многих статей был Ленин. Местом нахождения БЦ в 1907 г. была Финляндия, в 1908 г. — Женева, в 1909–1910 гг. — Париж. Стержнем Большевистского центра была тройка в составе Ленина, Богданова и Красина.

Роль партийного центра в России играло Русское бюро ЦК РСДРП, состоявшее в это время из членов ЦК большевиков И. Ф. Дубровинского, И. П. Гольденберга, В. П. Ногина. Меньшевики Н. Н. Жордания и Н. В. Рамишвили нелегальной работы фактически не вели.

В условиях отступления революции и стабилизации самодержавного режима раскол затронул и большевиков. В их рядах возникло левое течение во главе с Александром Александровичем Богдановым (Малиновским), человеком чрезвычайно разносторонним и одаренным: философом, экономистом, писателем, врачом. Отдав в юности дань увлечению народничеством, он вступил в 1896 г. в социал-демократическое движение. В 1897 г. А. А. Богданов написал «Краткий курс экономической науки», составленный из лекций, прочитанных им в рабочих кружках. Через некоторое время Богданов был арестован — его ожидали тюрьма и ссылка. После раскола РСДРП он примкнул к большевикам. Как уже отмечалось выше, Богданов сыграл огромную роль в организации III (Лондонского) съезда партии. В период революции он — член ЦК, один из главных руководителей большевистской фракции — работал в Петербурге, в том числе в Совете рабочих депутатов и в редакции большевистской газеты «Новая жизнь». С декабря 1905 г. по май 1906 г. Богданов находился в тюрьме.

Постепенно внутри большевистской фракции и самого БЦ, между Лениным, с одной стороны, Богдановым и Красиным — с другой, стали нарастать разногласия, причем сразу по нескольким направлениям. В новых условиях не всем большевикам пришлось по душе ленинская

тактика сочетания легальной и нелегальной работы. «Левые большевики» (А. А. Богданов, Л. Б. Красин, А. В. Луначарский, В. Н. Лядов, Г. А. Алексинский, М. Н. Покровский, Н. А. Рожков, В. Р. Менжинский, В. Л. Шанцер и другие видные партийные работники) по-прежнему рвались в бой и не хотели отказываться от вооруженной борьбы с самодержавием. Кроме того, они опасались сползания РСДРП на реформистские позиции. В Петербурге они саботировали работу в профсоюзах и клубах, заявляя, по словам В. И. Невского: «В клубы надо пойти лишь за тем, чтобы их взорвать»¹⁶.

Яблоком раздора явился вопрос об участии РСДРП в выборах в III Государственную думу. На Петербургской общегородской партийной конференции, состоявшейся 8–14 июля 1907 г. в Териоки (Финляндия), силы сторонников и противников бойкота выборов оказались примерно равными (30 голосов — за бойкот, 33 — против). «В маленькой дачке горячо защищал свою позицию Ильич, — вспоминала Крупская. — Подъехал на велосипеде Красин и, стоя у окна, внимательно слушал Ильича. Потом, не входя в дачу, задумчиво пошел прочь...»¹⁷ Ушел Леонид Красин от большевиков надолго — на целых 10 лет. Красин и Богданов были за бойкот Думы. На III конференции РСДРП («Второй общероссийской»), проходившей с 21 по 23 июля 1907 г. в финском городе Котка, сложилась непростая ситуация: из девяти делегатов-большевиков все, кроме Ленина, стояли за бойкот. В этом вопросе Ленина поддерживали меньшевики, польские социал-демократы, бундовцы и один латышский делегат. Однако Ленину удалось найти компромисс с «богдановцами», и после длительной и горячей дискуссии было принято решение об участии партии в выборах.

В 1908 г. часть «левых» большевиков во главе с А. А. Богдановым стала требовать немедленного отзыва депутатов от РСДРП из III Думы («отзовисты»). Они полагали, что раз Россия стоит накануне нового революционного подъема, то думская деятельность фракций только затемняет сознание рабочих-партийцев и потому вредна. «Отзовисты» выдвинули лозунг «Долой Думу!» и призывали все силы бросить на подготовку вооруженного восстания. Другая часть большевиков во главе с А. В. Соколовым (С. Вольским) и М. Н. Лядовым (Мандельштамом) настаивала на предъявлении думской фракции РСДРП ультиматума: безоговорочно подчиняться всем решениям ЦК партии или покинуть Думу («ультиматисты»). «Отзовистские»

и «ультиматистские» настроения получили распространение в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Орехове-Зуеве, на Урале (здесь они вылились в продолжение партизанских действий и экспроприаций).

Конфликт между «левыми» большевиками и Лениным нарастал, захватив постепенно и сферу философии. Богданов увлекался модной тогда на Западе идеалистической философией Маха и Авенариуса, искренне пытаясь соединить ее с марксизмом. Но до поры до времени Ленин, не разделявший философских увлечений Богданова, предпочитал во имя мира в большевистской фракции отодвинуть их на второй план и по возможности не касаться их в печати и на публичных собраниях. В 1908 г. соглашение о нейтралитете в области философии было нарушено. К этому времени Богданов завершил свой труд «Эмпириомонизм». Находясь под впечатлением от книги, Ленин писал Горькому: «Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским. Я написал ему тогда “объяснение в любви”, письмо по философии в размере трех тетрадок»¹⁸. Весной того же года состоялась встреча Ленина, Богданова, Луначарского и Горького на Капри, но она не привела к примирению. В начале февраля 1909 г. Ленин порвал личные отношения с Богдановым, а еще через два месяца вышла книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» с резкой критикой Богданова как философа. Последний ответил Ленину философским памфлетом «Вера и наука», изданным в 1910 г. в Москве в сборнике «Падение великого фетишизма (современный кризис идеологии)». Богданов делал вывод о работе Ленина: «Внешний вид глубочайшей учености — и не менее глубокое невежество на самом деле. Постоянные обвинения противников в “неприличии”, в “литературном наездничестве”, — и необычный даже для наших отечественных нравов лексикон ругательных слов. Обозначение всех оппонентов как “философских реакционеров”, и самая застойная тенденция, самая злая ненависть ко всяким без различия “новшествам”»¹⁹. В этой оценке книги Ленина Богданов был не одинок. Лидер эсеров В. М. Чернов писал о содержащихся в ней «грубейших промахах и наивностях», о полной «неприспособленности» Ленина к философствованию и, в конечном итоге, назвал работу «карательной экспедицией в область философии»²⁰. Плеханов с иронией называл Ленина первоклассным философом в том смысле, что он «находится пока только в первом классе философской школы»²¹.

М. Н. Покровский, один из «левых» большевиков, в 1924 г. так образно говорил о расхождении А. А. Богданова и В. И. Ленина: «Ильич не мог не понимать, что острый период революции, первый период революции кончился, что мы имеем перед собой [не] некоторую паузу, а длительный антракт... Что мы здесь имеем — паузу или антракт? Тогда шел такой спор о нашей революции. Богданов и я, горячий спорщик, стояли за то, что это пауза. Матушка революция прилегла отдохнуть, но поднимется и начнет поливать направо и налево. Ильич склонялся к тому, что это антракт, и начал изучение экономических сторон того намечающегося подъема, который тогда чувствовался»²².

Не последнюю роль в расколе сыграло и личное соперничество между Лениным и Богдановым, а также непримиримость ортодоксального большевизма к инакомыслию и его претензии на монопольное обладание истиной. Богданов считал, что авторитаристские тенденции Ленина в конечном итоге приведут к перерождению партийной диктатуры в новую, невиданную форму диктатуры над пролетариатом.

3. Большевистский центр и партийная касса (1907–1909 гг.)

Одной из основных причин, приведшей к расколу Большевистского центра, являлась борьба за финансовые средства партии и их использование. В листовке «К товарищам большевикам», которая была написана Богдановым и издана группой «Вперед» в ответ на заявление Ленина о роспуске БЦ (январь 1910 г.), Богданов писал: «Большевики, учредившие на Лондонском съезде Большевистский центр, смотрели на него как на организацию, которая, с одной стороны, выражает основные идеи революционного крыла партии, развивая их печатно, с другой — объединяет различные большевистские группы, разбросанные по России, и заведует, под их контролем, материальными средствами большевиков...»²³

Главными распорядителями этих средств была ведущая тройка Большевистского центра в составе Ленина, Богданова и Красина. В письмах А. А. Богданова она фигурирует под названием «финансовой группы», а один из самых известных боевиков Камо (С. А. Тер-Петросян) называл ее «коллекцией трех». Общее руководство по

добыванию денег для партийной кассы осуществлял Л. Б. Красин. Касса БЦ имела два основных источника своего пополнения. Это были, с одной стороны, суммы, которые БЦ получал в качестве дохода от экспроприаций, производимых большевистскими боевыми дружинами в различных частях страны (причем речь шла о средствах, которые, по словам Богданова, исчислялись «сотнями тысяч рублей»), и, с другой стороны, пожертвования, поступавшие от отдельных лиц или в результате широких сборов.

В первом случае боевые группы совершали грабежи вопреки резолюциям IV и V съездов РСДРП, запрещавшим экспроприации. В октябре 1906 г. эсеры-максималисты, воспользовавшись полученными от большевистской Боевой технической группы оружием и взрывчаткой, ограбили Петербургский банк взаимного кредита более чем на 1 млн рублей. Часть этих денег за оказанную помощь получили Красин и Большевистский центр. Тот же Красин летом 1906 г. организовал ряд экспроприаций в Закавказье, Богданов — еще несколько на Урале. Один из самых прибыльных «эксов» осуществили под Уфой в августе 1906 г. большевики братья Эразм, Иван и Михаил Кадомцевы. Со своими людьми они напали на группу артельщиков, перевозивших под охраной солдат деньги по Уральской железной дороге. В руки налетчиков попало около 200 тыс. рублей. Большая часть денег через И. А. Саммера была направлена в ЦК РСДРП, остальные средства пошли главным образом на приобретение оружия и боеприпасов (маузеров, браунингов и патронов к ним).

Видным организатором боевой работы и добытчиком денег на Урале выступил беспартийный Александр Михайлович Лбов, некоторое время служивший в лейб-гвардии Гренадерском полку и уволенный в запас в чине унтер-офицера в связи со смертью брата. Лбов являлся связным между местными комитетами эсеров и РСДРП в Перми, организовывал денежные экспроприации и экспроприации оружия. В период отступления революции Лбов (клички Семен Лещ, Длинный) сплотил вокруг себя боевиков из эсеров, эсдеков, анархистов и организовал в Прикамье боевую дружину численностью от 20 до 50–60 человек. Хорошо владевший оружием, Лбов сам учил молодежь стрелять. С июня 1907 г. лбовцы стали именовать себя «Первым Пермским революционным партизанским отрядом». Газета «Пролетарий» сообщала: «Лбовцы практиковали террор. Во всех концах города и Мотовилихинского поселка грохотали взрывы: лбовцы бросали бомбы в квартиры

полицейских, стражников и лиц, обвиняемых в провокации». В 1906–1907 гг. отряд Лбова осуществил свыше 30 экспроприаций и разбойных нападений на частные банки, конторы заводов, почтовые отделения и, главным образом, винные лавки. Например, 15 февраля 1907 г. отряд лбовцев совершил налет на управление Полазненского завода. Боевики убили управляющего завода Б. И. Копылова, известного своими издевательствами над рабочими, экспроприировали около тысячи рублей и небольшое количество оружия. Деньги лбовцы тратили на закупку оружия, раздавали местным беднякам и просто отсылали в различные революционные комитеты, в основном эсеров-максималистов и большевиков. За голову «уральского Робин Гуда» царская охранка обещала громадную сумму в 5 тыс. рублей.

Крупнейшей акцией лбовцев стало ночное ограбление почтовой казны на пароходе «Анна Степановна Любимова» 3 июля 1907 г. На корабле они оказались под видом праздной шумной компании, в которой «веселились» и две женщины. В результате «экса» боевики убили четырех человек, ранили командира корабля и двух пассажиров, а добыча составила 30 тыс. рублей. Деньги лбовцы поделили, причем 6 тыс. рублей инициаторы «экса» А. С. Сергеев (Саша Охтинский, заведующий патронной мастерской Боевой технической группы РСДРП) и М. А. Паршенков (Демон, работник той же мастерской) переправили за границу Большевистскому центру под расписку (с печатью и на бланке ЦК) и с обязательным условием обеспечить «партизан» оружием.

Однако оружия от большевиков «партизаны» Лбова не получили. Как, впрочем, и денег обратно. Более того, Большевистский центр под разными предлогами отказывался возвращать долг, а для того чтобы избежать огласки и скандала, предлагал А. С. Сергееву сначала 300, а затем 500 рублей за то, чтобы он вернул большевикам расписку. Выражаясь современным «деловым» языком, БЦ просто «кинул» лбовцев на деньги. Впоследствии А. С. Сергеев написал «Открытое письмо Большевистскому центру», получившее широкое хождение в эмигрантской революционной среде, в котором обвинял БЦ, что в тот момент, когда уральские власти стали активно преследовать лбовцев и боевики испытывали крайний дефицит в оружии, большевистское руководство не дало им даже «револьверишка поганого». «Да и как же революцию делать, если надувать друг друга, да еще на оружии», — взывал должников к совести Саша — Сергеев²⁴.

Возмутил его и тот факт, что с ноября 1907 г. большевистская печать фактически отсеклась от лбовцев, обзывая их «хулиганами», «бандитами» и «наглыми авантюристами». И в то же время, когда в марте 1908 г. полиция арестовала Л. Б. Красина, БЦ обратился за помощью именно к этим «разбойникам», и они стали готовить военную акцию по освобождению главного казначея большевиков.

Осенью 1907 г. при подготовке новых «эксов» и терактов А. М. Лбов был арестован и повешен по приговору суда в ночь на 2 мая 1908 г. во дворе тюрьмы города Вятки. Оставшиеся на свободе лбовцы продолжили партизанскую войну, действуя небольшими отрядами и широко применяя так называемый «революционный бандитизм», когда от имени революционных организаций они требовали у купцов и чиновников определенные денежные суммы, угрожая в противном случае убийством. Ряд таких писем был составлен и разослан от имени местных организаций РСДРП.

С Лбовым поддерживал связь большевик Я. М. Свердлов, руководивший на Урале боевыми группами РСДРП. Так, только одна группа боевика К. А. Мячина в 1907–1908 гг. совершила четыре «экса» на общую сумму 360 тыс. рублей.

Как уже отмечалось, Лондонский съезд 1907 г. окончательно запретил партизанскую борьбу под угрозой исключения из партии и предписал распустить местные «боевые дружины». Однако большевики нашли выход — участники их боевых групп, занимавшиеся пополнением партийной кассы путем ограблений, формально выходили из партии и продолжали заниматься своим промыслом, не дискредитируя большевистских вождей.

Особенно широкий размах деятельность боевиков приняла на Кавказе. Как отмечал Троцкий, «на Кавказе, где еще очень живы были романтические традиции разбоя и кровной мести, партизанская война нашла бесстрашные кадры исполнителей»²⁵. Существует версия, что важную роль в разработке большевистских экспроприаций на Кавказе играл Сталин. Одним из организаторов боевых дружин был Семен Аршакович Тер-Петросян по кличке Камо, завоевавший громкую славу своими подвигами. Во время попытки восстания в Тифлисе в декабре 1905 г. раненого Камо схватили казаки, которые перед тем как доставить его в тюрьму, шутки ради дважды вешали пленного. Из тюрьмы Камо вскоре бежал. Н. К. Крупская вспоминала о нем: «Этот отчаянной смелости, непоколебимой силы

воли, бесстрашный боевик был в то же время каким-то чрезвычайно цельным человеком, немного наивным и нежным товарищем. Он страстно был привязан к Ильичу, Красину и Богданову. Бывал у нас в Куоккале. Подружился с моей матерью, рассказывал ей о тетке, о сестрах. Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо заботливо увязывала ему револьверы на спине»²⁶. Камо принимал участие во многих операциях, таких, как в ноябре 1906 г., когда он с товарищами ограбил почтовый поезд в Чиатури. Из взятых 21 тыс. рублей 15 тыс. было направлено Большевистскому центру.

Самая крупная экспроприация произошла 13 (26) июня 1907 г. в Тифлисе на Эриванской площади, когда среди бела дня вооруженная группа Камо ограбила инкассаторскую карету. Боевики бросили 8 бомб в сопровождающий конвой. При этом три человека из охраны погибли, многие были ранены. За 3–4 минуты налетчики захватили тюки с 250 тыс. руб. монетой и банкнотами, предназначенными для тифлисского отделения Санкт-Петербургского Государственного банка. Все эти деньги Камо благополучно довез по железной дороге в шляпной картонке до Куоккалы (Финляндия), где в то время на даче «Ваза» жили Ленин и Богданов, а по соседству — семья Красиных. От имени своей боевой группы Камо заключил с ними устный договор, согласно которому названная тройка образовала «Коллегию трех» или «частную Финансовую группу с.-д. большевиков». В договоре говорилось, что доставляемые деньги «должны были быть употреблены в интересах большевистского течения». Кавказцы полностью доверяли «Коллегии трех». В свою очередь, Ленин и Богданов дали Камо письменное заявление о своем принципиальном сочувствии деятельности Кавказской

С. А. Тер-Петросян (Камо) в кандалах. 1909 г.

группы, о товарищеской связи с нею, как бы ни отнеслась впоследствии к ней партия.

Следует сказать о дальнейшей судьбе Камо. Арестованный в Берлине в сентябре 1907 г. с большим количеством оружия, а также с чемоданом, заполненным взрывчаткой, он сидел в немецкой тюрьме более полутора лет и убедительно симулировал сумасшедшего. Затем немецкие власти выдали его России, он был переведен сначала в психиатрическую больницу Метехского замка в Тифлисе, а затем в больницу для умалишенных, откуда бежал 1 августа 1911 г. Батумские товарищи тайно переправили Камо в трюме парохода в Париж к Ленину. Нельзя не восхищаться стойкостью духа Камо: для того чтобы установить у него мнимую утрату чувствительности, врачи втыкали ему иглы под ногти, но революционер все выдержал. В 1912 г., собрав своих боевиков, Камо, по словам Крупской, «детски-наивный, с горячим сердцем» человек, вновь пытался устроить «экс» денежной почты, но на сей раз неудачно: четверо его товарищей погибли, а он сам, раненый, был схвачен полицией. Суд вынес ему смертный приговор. Однако Манифест по поводу трехсотлетия династии Романовых (1913) принес замену виселицы 20-летней каторгой. Из тюрьмы Камо вышел в 1917 г.

Л. Б. Красин предложил конвертировать тифлиские деньги в иностранную валюту. Дело в том, что часть награбленного — 100 тыс. рублей — составляли пятисотрублевые ассигнации, самые крупные купюры того времени. Перед выдачей кассирам банка номера этих банкнот были заранее переписаны, а после налета переданы по телеграфу во все банки Российской империи и опубликованы в газетах. Поэтому разменять их в России было невозможно. После долгих совещаний на даче «Ваза» был разработан, как писал большевик М. Н. Лядов, «план одновременного обмена по всем европейским банкам — взять нахрапом, в надежде, что за границу еще не успели сообщить номера»²⁷. Поскольку Камо к тому времени был уже арестован немецкой полицией, руководить операцией поручили первому помощнику Красина М. М. Литвинову (партийная кличка Папаша). В декабре 1907 г. жены Ленина и Богданова зашили крупные 200 банкнот в жилет Лядова, и вскоре он вместе с ними благополучно пересек границу.

Однако операция по размену пятисотрублевых в европейскую валюту, назначенная на 18 января 1908 г., закончилась провалом, так как охранка получила необходимую информацию о планах большевиков от своего секретного сотрудника заграничной агентуры — уже

упоминавшегося доктора Я. А. Житомирского. К концу января полиция европейских стран арестовала в Мюнхене, Стокгольме, Берлине, Париже и других городах шесть человек, включая и Литвинова, пытавшихся обменять злополучные банкноты на иностранную валюту (как отмечала французская полиция, «все арестованные принадлежат к одной банде грабителей»). Более 33 кредитных билетов в пятьсот рублей оказалось в руках полиции. Николаевский писал, что Богданов позднее пытался разменять банкноты в Америке, но и там дело окончилось арестами и конфискацией денег.

Тифлисское ограбление и попытки пристроить похищенные деньги привели к грандиозному скандалу, в который оказались вовлечены не только большевистская фракция и РСДРП в целом, но и западноевропейская социал-демократия. Ленина, прибывшего в Женеву, Плеханов, Мартов, Дан и Мартынов встретили острой критикой. В тифлисской операции они увидели пример морального разложения революционного подполья. На январском пленуме объединенного ЦК в 1910 г. меньшевикам удалось вынудить Ленина согласиться сжечь все оставшиеся ассигнации, которые не попали в руки полиции. Секретные сотрудники Департамента полиции, присутствовавшие, как всегда, на пленуме в качестве делегатов, донесли, что все оставшиеся пятисотки, кроме 38, которые были у инженера Красина, Заграничное бюро ЦК сожгло.

Агенты полиции ошиблись — на самом деле на руках Красина давно уже не было ни одной из этих ассигнаций. Он все же нашел хитрый способ конвертировать часть похищенных злополучных банкнот в иностранную валюту. Его ближайший помощник А. М. Игнатьев так вспоминал об этой секретной спецоперации: «Наш товарищ, художница Афанасия Леонидовна Шмидт (кличка Фаня Беленькая) перedelывала номера указанных пятисоток, которые ей привозил Леонид Борисович. Хорошо помню, как живо интересовался Л. Б. технической стороной переделки номеров, для чего был даже приспособлен микроскоп. Я должен был менять эти пятисотки. В котелке, с пробормом, в перчатках, ходил и менял их в разных учреждениях. Мысль была удачна, удалось разменять все. Остались только две пятисотки, которые зарыты в Финляндии, потому что были неудачно исправлены, вернее, само исправление было удачное. Но такой серии тогда не было. Когда я заявил Л. Б. об этих пятисотках, он сказал: “Пускай это пойдет в будущий музей революции”»²⁸.

Н. Е. Буренин

Еще больше меньшевики возмутились, когда узнали о планах Красина печатать фальшивые трехрублевые купюры. Для этой цели большевики из группы Красина приобрели печатную машину, специальную бумагу с водяными знаками, собирались купить дом в Финляндии, в котором предполагали наладить выпуск фальшивых денег на широкую ногу. Однако этим, прямо скажем, уголовным планам не суждено было сбыться, так как о них стало известно все тому же тайному агенту полиции Житомирскому. В конце 1907 г. берлинская полиция нагрянула с обыском в редакцию социал-демократической

газеты «Форвертс», в которой Красин хранил бумагу с водяными знаками. Всю продукцию, приготовленную для изготовления фальшивых банкнот, полиция конфисковала. Поскольку редакция не знала об истинных намерениях большевиков, разразился скандал. ЦК РСДРП поспешил сделать специальное заявление о том, что не имеет к этому «темному» делу никакого отношения.

Из финансовых пожертвований, которые шли на нужды РСДРП, следует отметить так называемые американские деньги, полученные от сборов, проведенных в США весной—летом 1906 г. М. Горьким. Инициаторами этой поездки были В. И. Ленин и Л. Б. Красин. Вместе с М. Горьким и М. Ф. Андреевой в качестве их секретаря в вояж по Америке отправился и член боевой группы большевик Н. Е. Буренин. Они имели письма к Американской социалистической партии, официальное — от объединенного ЦК РСДРП, и личное — от Ленина. Но поездка была организована крайне неудачно. Прежде всего большевики не учли такой тонкости, как общественное мнение США. Горький приехал в Америку вместе с гражданской женой М. Ф. Андреевой, оставив дома законную супругу с двумя детьми. Газеты по этому поводу подняли скандал, шум, гостиницы не принимали невенчанную пару. Кроме того, конкуренцию большевикам составили эсеры, направившие в США свою «бабушку» Е. К. Брешко-Брешковскую. Как вспоминал Горький, «пред американцами явились двое людей, которые, независимо друг от друга и, не встречаясь, начали собирать деньги, очевидно, на две различных революции... “Бабушку” они, кажется, знали и раньше, американские друзья сделали ей хорошую рекламу, а мне царское

посольство — устроило скандал»²⁹. Турне по США не оправдало надежд: по словам Горького, он собрал меньше 10 тыс. долларов. По другим данным, в июле 1906 г. Андреева тайно переправила Красину для большевистской кассы 50 тыс. рублей. «Американские деньги» поступали и на имя другого члена Боевой технической группы, В. И. Богомолова, который открыл специально для этого в Гельсингфорсе несколько банковских счетов. По его словам, он один-два раза в неделю передавал эти деньги в Большевистский центр.

В том же году Андреева выиграла суд у матери московского промышленника С. Т. Морозова, оставившего ей по завещанию 100 тыс. рублей (сам Морозов покончил жизнь самоубийством 13 мая 1905 г. в санатории близ Канн). Из этих денег 60 тыс. она через Красина передала Большевистскому центру. Деньги прошли мимо ЦК, руководимого меньшевиками, и осели в кассе БЦ.

Большевики получали и иного рода пожертвования. Например, в 1905 г. неожиданный «подарок» преподнесла юная большевичка (ей не было еще и 17 лет) Федосья Петровна Кассесинова (Фаня Черненко). Вступив в партию, она решила помочь ей материально, отдав свое имение на юге России, доставшееся ей по наследству от родителей. Проблема была только в одном: по российским законам, Ф. Кассесинова, как несовершеннолетняя, не могла самостоятельно распоряжаться наследством. Подарить имение она могла только с разрешения своих опекунов, которые, будучи «помещиками и дворянами», одобрить такой шаг юной революционерки не могли. Поэтому, по словам Л. Б. Красина, «пришлось прибегнуть к несколько сложной комбинации», а именно — найти девушке «фиктивного мужа» и уже с его разрешения продать имение. Поиски жениха заняли три месяца, ведь надо было найти человека не только безупречного с точки зрения закона, но и порядочного, чтобы не сбежал с деньгами сразу после свадьбы. «Ликвидация имения» тянулась еще год.

Значительно более сложной и авантюрной стала история, связанная с борьбой за наследство младшего племянника С. Т. Морозова Н. П. Шмидта, которая принесла в кассу БЦ около 280 тыс. рублей. Унаследовав мебельную фабрику Морозова в Москве, Шмидт в октябре 1905 г. через Горького ссудил большевикам 15 тыс. рублей на издание газеты «Новая жизнь». Он давал деньги и на вооружение рабочих. Полиция называла фабрику Шмидта «чертовым гнездом». В дни декабрьского восстания Шмидт отказался выдать членов

фабричной дружины и указать место хранения оружия. За это он был арестован и в феврале 1907 г. при загадочных обстоятельствах погиб в тюрьме. Незадолго до его смерти Красин убедил Шмидта завещать свое состояние партии. Также большевики уговорили сестер Шмидта Екатерину Павловну и Елизавету Павловну передать партии их доли наследства Морозова. Вопрос заключался лишь в том, кто получит эти деньги? Когда Шмидт делал свои распоряжения о передаче имущества партии, зимой 1906–1907 гг., существовала только одна РСДРП, с общим ЦК.

Борьба за наследство Шмидта стала одной из непосредственных причин развала Большевистского центра. Ключевую роль в этом темном деле сыграл активный член Одесского и Бакинского комитетов РСДРП В. К. Таратута (Виктор). За ним стоял Ленин. Осенью 1905 г. Таратута приехал в Москву, где познакомился со Шмидтом и начал ухаживать за его младшей сестрой Елизаветой. Летом 1907 г. Таратута при поддержке Ленина стал членом ЦК. В декабре того же года он вместе с Елизаветой эмигрировал в Париж. В мае 1908 г. московский суд разделил часть наследства поровну между сестрами Шмидта. Большевики хотели завладеть всем наследством, но для них дело осложнялось тем, что старшая сестра Шмидта Екатерина вышла замуж за молодого московского адвоката Н. А. Андриканиса, бывшего в 1905–1907 гг. большевиком, но затем порвавшего с ними. А он, преследуя в том числе и свои корыстные цели, не хотел, чтобы Екатерина отдавала деньги большевикам. Большевистский центр, представленный в этом деле Таратутой, оказал давление на Андриканиса, добиваясь от него передачи наследства в БЦ, а не в ЦК РСДРП. Примечательно, но даже большевики считали Таратуту «прожженным негодяем». Ленин, не оспаривая такой характеристики, считал его «незаменимым человеком» для большевиков, потому что он «ни перед чем не остановится»³⁰. И действительно, Таратута готов был пойти на крайние меры: он угрожал убийством тем, кто будет пытаться помешать передаче большевикам наследства Шмидта. Угрожал он и Андриканису.

В мае 1908 г. Красин организовал третейский суд между БЦ и Андриканисом (его председателем был видный эсер М. А. Натансон). «Суд» обязал Андриканиса внести в кассу большевиков лишь треть наследства Екатерины.

Между тем внутри самой «финансовой тройки» БЦ нарастали противоречия. Красин не хотел, чтобы деньги младшей сестры

Шмидта Елизаветы перешли к Таратуте, так как в этом случае ими завладел бы Ленин, с которым у Красина к этому времени были уже разногласия. К тому же, как и в случае, приведенном выше, по российским законам Елизавета, будучи несовершеннолетней, могла самостоятельно распоряжаться завещанным ей капиталом, только вступив в брак, чтобы муж представлял ее в финансовых делах. Поэтому Красин вновь повторил «комбинацию» с фиктивным замужеством. Таратута, однако, на роль жениха-мужа явно не подходил, ибо был не в ладах с законом и находился в розыске. После того как Буренин категорического отказался «жениться», Красин нашел подходящего жениха, чье социальное положение не могло вызвать никаких подозрений. Им стал один из организаторов Боевой технической группы (БТГ) в 1907–1908 гг. А. М. Игнатьев — дворянин, сын действительного статского советника, владелец финского поместья Ахи-Ярви, использовавшегося БТГ в качестве основного склада контрабандного оружия. Венчание состоялось 11 октября 1908 г. в русской посольской церкви в Париже, без всякого противодействия со стороны как родственников невесты, так и русского консула, которому Игнатьев нанес визит накануне фиктивной свадьбы. Однако Красин просчитался: получив наследство, Елизавета вернулась к Таратуте, передав ему и Ленину свои деньги. Эти средства позволили Ленину продолжить издание «Пролетария».

Конфликт вокруг наследства Шмидта оказал негативное влияние на отношения внутри партии. Меньшевики осудили это авантюрное предприятие, точно так же, как они осуждали «эксы», в которых участвовали боевые группы. Они вполне обоснованно полагали, что от подобных действий страдает репутация и авторитет РСДРП.

4. Партийные школы: «учиться, учиться и еще раз учиться...»

В июне 1909 г. в Париже состоялось совещание расширенной редакции «Пролетария», на котором присутствовали 9 членов Большевицкого центра, представители большевистских организаций Петербурга (М. П. Томский), Московского областного комитета (В. М. Шулятиков), Урала (Н. А. Скрыпник). Совещание осудило «отзовизм»

и «ультиматизм» и высказалось за сближение с меньшевиками-партиями. В то же время была осуждена позиция Богданова, Шанцера, Лядова, Соколова (Вольского), которые вели агитацию за созыв «чисто большевистского съезда». В связи с отказом А. А. Богданова подчиниться решению совещания была принята специальная резолюция, в которой говорилось, что редакция «Пролетария» снимает с себя всякую ответственность за все его политические шаги. Дальнейшего участия в совещании Богданов не принимал.

На защиту Богданова встал Красин. Он написал в БЦ заявление, в котором констатировал, что даже «в худшие времена господства меньшевиков в ЦК нашей партии не было случая столь беззащитного проведения политики вышибания по отношению к несогласно мыслящим»³¹. Уход Богданова из «Пролетария», а потом исключение из Большевистского центра означали серьезное его поражение и усиление позиций Ленина. Позднее, говоря о периоде 1908–1910 гг., Богданов отметил в своих записных книжках: «В то время, к своему счастью, я не понимал этого (специального — за единоличное руководство) смысла борьбы, иначе не уступил бы под первым предложением, полагаясь на истину и будущее»³².

На парижском совещании «отзовистам» припомнили и их философские взгляды, и попытки создать свою школу на о. Капри. Мысль о создании партийной школы, что называется, витала в воздухе. Местные комитеты испытывали острый дефицит грамотных, идейно подкованных сотрудников, способных написать красивые резолюции и произнести правильные речи. Рабочий Б. Козловский в воспоминаниях о партийной работе в Николаеве в 1908–1909 гг. писал, что их социал-демократическая организация в то время состояла исключительно из рабочих: «интеллигенция, боясь провокации и мести со стороны членов “Союза русского народа”, совершенно отошла от работы»³³.

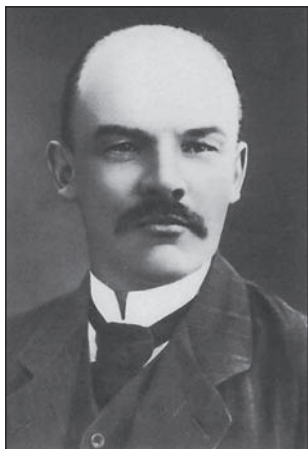
А. А. Богданов и его единомышленники пытались вести активную пропаганду своих взглядов среди рабочих. С этой целью при содействии А. М. Горького летом 1909 г. они устроили партийную школу на острове Капри в Италии. Большую роль в организации школы сыграл уральский рабочий-большевик Н. Е. Вилонов, в то время имя его было хорошо известно многим революционерам. Он вступил в партию в 1902 г. и работал в ряде городов на юге, а затем — в Самаре и Екатеринбурге. Руководил пропагандистскими кружками,

писал прокламации и корреспонденции за подписью «Миша Заводский». Активно участвовал в революции 1905 г. А. М. Горький писал, что когда его арестовали, тюремщики, бросив его, избитого, в карцер, «облили нагого, израненного круто посоленной водой. Восемь дней он купался в рассоле, валяясь на грязном, холодном асфальте; этим и было разрушено его могучее здоровье»³⁴. Тюрьма довела Н. Е. Вилонова до туберкулеза. Ленин устроил его в санаторий в Давосе, но спасти его не удалось. Он умер 1 мая 1910 г.

Именно Никифор Вилонов набрал в России группу из 15 человек, главным образом из Москвы. Все они прибыли за границу нелегально. На Капри к ним присоединились 12 эмигрантов, выразивших желание поехать затем на работу в Россию. «Отзовисты» назвали пропагандистскую школу «Первой высшей социал-демократической школой для рабочих». Программа занятий была рассчитана на пять месяцев и включала в себя лекции по политэкономии (их читал А. А. Богданов), истории (А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, М. Н. Лядов), русской литературе (А. М. Горький), аграрной программе (Ст. Вольский) и финансах (Г. А. Алексинский). Кроме того, слушатели писали статьи, готовили конспекты, рефераты, резолюции, репетировали выступления.

А. А. Богданов, видимо, пытался опереться на Каприйскую школу, чтобы потом дать бой Ленину в подпольных организациях в России. Рабочие-ученики не были в курсе всех подробностей внутривнутрипартийной борьбы. Как вспоминал один из слушателей, только на Капри они узнали о расколе в БЦ, о «происках Ленина», о его «невежестве» по философии и т. д. Им внушали, что Ленин уже не тот, каким его знали рабочие в 1905–1906 гг., что «он теперь так зазнался и поправел, что не мешало бы его одернуть от имени русских партийных организаций»³⁵.

В начале занятий рабочие пригласили Ленина, Троцкого, Плеханова и Каутского прочитать им на Капри несколько лекций, но все они по разным причинам не приехали. Ленин прислал обстоятельный и откровенный ответ. Он в популярной форме объяснил ученикам школы, что все они «хорошие ребята, но не искушенные еще в политической борьбе»³⁶, а школа на Капри — есть фракционная школа, среди лекторов там нет настоящих большевиков. Ленин советовал рабочим приехать к нему в Париж, где, по его мнению, было гораздо больше возможностей для учебы, поскольку здесь сосредоточился «самый

**В. И. Ленин. Париж.
1910 г.**

большой эмигрантский центр», имеются русские библиотеки и т. п. Словом, «тот, кто едет учиться социал-демократизму в Париж, едет учиться действительно социал-демократизму. Тот, кто едет учиться на Капри, едет учиться особой фракционной “науке”. Тот, кто устраивает школу в Париже, устраивает действительно партийную школу. Тот, кто устраивает школу на о. Капри, тот прячет школу от партии. Школа на Капри есть школа, нарочно спрятанная от партии»,³⁷ — категорически утверждал Ленин.

Отказавшись читать лекции, он повел дело к расколу Каприйской школы: вскоре шесть ее слушателей во главе с Вилоновым выразили протест против выра-

ботки Богдановым и его людьми фракционной программы. В начале ноября 1909 г. они приехали в Париж. Среди них был и провокатор А. С. Романов. По окончании занятий на Капри в Париже собрались и остальные ученики этой школы. Здесь они три недели слушали лекции Ленина о современном политическом моменте и аграрной реформе Столыпина. Лекции читали также Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. Ф. Дубровинский и др.

Накануне отъезда учеников в Россию состоялось общее собеседование. Выяснилось, что многие слушатели Каприйской школы приняли сторону Ленина. «Большинство учеников, — сообщала Н. К. Крупская, — производят впечатление людей глубоко партийных, которые 10 раз еще подумают, прежде чем начать бить партийную посуду»³⁸. Те, кого переубедить так и не удалось, уехали в Россию с убеждением, что Ленин сильно поправел, ушел от старых заветов большевизма и заблудился в собственных выводах.

Ответом Богданова и его единомышленников на действия Ленина стало оформление в декабре 1909 г. группы «Вперед». Об этом А. А. Богданов и В. Л. Шанцер от имени 16 объединившихся известили 28 декабря 1909 г. ЦК РСДРП, прося утвердить группу как «литературную организацию». В состав группы также входили Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, В. А. Базаров, М. Н. Лядов,

М. Н. Покровский, Н. В. Вольский (Валентинов) и др. Одно время примыкали к ней А. М. Горький и М. Г. Цхакая. Группа «Вперед» приняла платформу «Современное положение и задачи партии», в разработке которой принимали участие 7 рабочих и 8 интеллигентов. Авторы платформы призывали членов РСДРП быть готовыми к новому революционному подъему. Поскольку внутрифракционная борьба наносила тяжелый удар пролетарскому делу, первой своей задачей группа ставила борьбу «за восстановление единства большевизма». Не отрицая деятельности думской фракции РСДРП, считая, однако, ее малоэффективной в «реакционной» «3-июньской» Думе, «впередовцы» видели главную задачу в сохранении нелегальной, сплоченной и активной пролетарской партии с сильным рабочим ядром, свободной от всяких междоусобиц. Думская работа, говорилось в платформе, — это одно из средств агитации и пропаганды, но не центральная задача партии и не повод для расколов. «Впередовцы» советовали также не упускать из вида военно-боевую работу партии, призванную сыграть большую роль в подготовке неизбежной в будущем вооруженной борьбы народа со старым порядком. Кроме того, в платформе провозглашалась задача «создавать» и «распространять в массах новую пролетарскую культуру», «развивать пролетарскую науку», «вырабатывать пролетарскую философию». Это был курс на развитие самостоятельности пролетариата.

Группа «Вперед» просуществовала недолго. В 1913 г. она фактически распалась: часть «впередовцев» вернулась на ленинские позиции (А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, М. Н. Лядов), а сам А. А. Богданов постепенно отошел от политики.

«Между тем, — писал Троцкий, — история борьбы большевиков с меньшевиками есть в то же время история непрерывных объединительных попыток»³⁹. После ряда лет взаимной вражды, ссор и распада все фракции и группы РСДРП сделали последнюю в истории партии попытку примирения на общем пленарном заседании ЦК, состоявшемся в январе 1910 г. в Париже. В нем участвовали почти все наиболее видные деятели российской социал-демократии. Сославшись на болезнь, отсутствовал Г. В. Плеханов. Пленум продолжался целых три недели: со 2 по 23 января (15 января — 5 февраля) (больше недели ушло только на утверждение повестки дня) и проходил в нервном обстановке. Ленин сообщал Горькому: «... три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!..»⁴⁰ Ленину

действительно пришлось нелегко: большинство собравшихся было явно не на его стороне. Ему впервые было необходимо бороться на «два фронта»: против меньшевиков-«ликвидаторов» и их союзников бундовцев и против той части большевиков, которые выступали за примирение, в первую очередь с Л. Д. Троцким. В частности, еще до пленума Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Н. А. Рожков и В. П. Ногин предлагали признать органом ЦК РСДРП венскую «Правду». Большевики-примиренцы при голосовании поддерживали проекты резолюций, инициированные Троцким, который на пленуме выступал в роли миротворца-объединителя против ленинского «бюрократического централизма» и диктата в партии.

В итоге стороны склонились к соглашению. Участники пленума осудили идеи «ликвидаторства» и «отзовизма», однако ради сохранения мира в партии борьбу с этими уклонами решили вести без организационных выводов. Пленум постановил распустить Большевицкий центр, прекратить издание фракционных органов — большевистского «Пролетария» и меньшевистского «Голоса социал-демократа». Был создан ЦО партии «Социал-демократ» с приложением дискуссионного листка. Большевики должны были частями передать из своей фракционной в общепартийную кассу около полумиллиона рублей, полученных ими в ходе экспроприаций и от наследников Н. П. Шмидта (100 тыс. сразу, остальные 400 тыс. — в два срока в течение двух лет). А для того чтобы деньги действительно пошли на нужды всей РСДРП без различия фракций, было решено, что они перейдут к немецким «держателям» — К. Каутскому, Ф. Мерингу и К. Цеткин. При этом насильственные захваты денежных средств большевиками были осуждены и объяснены как «неправильное понимание с их стороны интересов партии». Троцкому удалось добиться финансовой поддержки «Правды» в размере 400 франков (150 рублей) и делегировать в ее редакцию Л. Б. Каменева как представителя ЦК. Ленин и Плеханов были избраны представителями РСДРП в Международном социалистическом бюро. Наконец, было решено начать подготовку новой общепартийной конференции РСДРП.

Однако, как и предсказывали некоторые видные меньшевики-«ликвидаторы», из попытки объединения ничего не вышло. (Потресов, не участвовавший в работе пленума, иронизировал над его итогами, цитируя Щедрина: «До меня дошли слухи, что произошло братское объединение. Правда ли это и “на какой предмет и в каком

градусе?») Соглашение большевиков с меньшевиками и Троцким оказалось непрочным, и вскоре фракционная борьба вспыхнула вновь. Меньшевики сохранили свои фракционные центры в России и продолжали выпускать «Голос социал-демократа». В очередном номере газеты они поместили письмо 16 «ликвидаторов», которые предлагали всем меньшевикам уйти из партии в легальные организации. Авторы письма заявляли о сохранении лишь «обломков партии». Аксельрод в своих выступлениях отмечал, что от нее остались одни «руины и даже тени партийных учреждений».

В редакции газеты «Социал-демократ» Мартов и Дан враждовали с Лениным и Зиновьевым. После появления брошюры Мартова «Спасители или упразднители?», в которой он обрушился с критикой на Ленина и прямо сравнивал большевизм с нечаевщиной, ни о каком дальнейшем сотрудничестве Мартова и Ленина не могло быть и речи. В июне 1911 г. Мартов и Дан подали заявление о выходе из редакции газеты «Социал-демократ». Каменев со скандалом вынужден был уйти из венской «Правды».

«Впередовцы» также были настроены решительно и действовали с пролетарской прямоотой. Однажды они ворвались на заседание большевистской группы, собравшейся в парижском кафе, и «с нахальным видом» стали требовать слова, а когда им было отказано, бросились на большевиков с кулаками. «Впередовец» Н. В. Сапожков (Кузнецов) («страшный силач», по словам Крупской) схватил большевиков Абрама Сковно «под одну мышку», а Исаака Кривоного — под другую, но драка не состоялась, поскольку «опытный по части драк хозяин кафе потушил огонь». Ленин был потрясен, «чуть не всю ночь» бродил по улицам Парижа, «а вернувшись домой, не мог заснуть до утра»⁴¹. «Вот и выходит так, — писал Ленин Горькому 11 апреля 1910 г., — что “анекдотическое” в объединении сейчас преобладает, выдвигается на первый план, подает повод к хихиканью, смешкам и пр... Эмигрантщина теперь во 100 раз тяжелее, чем было до революции...»⁴² В итоге, в конце 1910 г. Ленин заявил о расторжении заключенного на январском пленуме ЦК договора с меньшевиками.

Что же касается партийных денег, то вскоре после пленума ЦК К. Каутский, а затем и Ф. Меринг, убедившись, что при той невероятной склоке, царившей в РСДРП, они не могут выполнять возложенные на них задачи, отказались от роли «держателей»⁴³. Есть все основания предполагать, что большевики перечислили единственной

«держательнице» денег К. Цеткин едва ли половину обещанной суммы. После пражской конференции большевиков 1912 г., на которой договор 1910 г. об объединении с меньшевиками был аннулирован, Ленин потребовал от К. Цеткин вернуть деньги организованному на конференции ЦК. Поскольку К. Цеткин ответила отказом, началась новая тяжба вокруг большевистского имущества, продолжавшаяся вплоть до Первой мировой войны.

Несмотря на непрерывную враждебную атмосферу в РСДРП, одно решение январского пленума большевики, как говорится, претворили в жизнь. Речь идет об открытии за границей общепартийной школы, ставшей заметным событием. Для ее организации январский пленум (1910 г.) создал Школьный комитет из 9 человек: 2 большевика (Н. А. Семашко и Г. Е. Зиновьев), 2 меньшевика, 2 представителя группы «Вперед», 1 польский социал-демократ, 1 латышский социал-демократ и 1 бундовец.

Имея такой пестрый идейный состав, Школьный комитет не мог избежать конфликтов и ссор. Уже осенью Г. А. Алексинский и М. Н. Покровский вышли из школьного комитета и в ноябре 1910 г. открыли вторую «впередовскую» школу, на этот раз в итальянском городе Болонья. Слушатели этой школы (20 рабочих) приглашали Ленина читать лекции, но он вновь ответил отказом. В числе преподавателей школы оказались Ю. О. Мартов, А. М. Коллонтай, П. П. Маслов. Был там и Л. Д. Троцкий. По поводу его поведения Ленин написал не позднее первой половины 1911 г. заметку «О краске стыда у Иудушки Троцкого». «Вопреки прямому решению назначенной пленумом Школьной комиссии, которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев, Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами, — писал Ленин. — План этот опубликован теперь группой “Вперед” в листке. И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкается. Такова краска стыда у Иудушки Троцкого»⁴⁴.

Примечательно, но эта заметка, для которой характерен ленинский стиль ведения полемики, переходящий в грубость, не увидела вовремя свет и долгое время о ней знали всего несколько наиболее близких к Ленину в эмиграции людей. Впервые заметка была опубликована 21 января 1932 г. на страницах газеты «Правда». Существует

предположение, что публикация преследовала цель уязвить Троцкого, который в то время заканчивал очередную книгу под названием «Сталинская школа фальсификаций».

Ленин и другие организаторы общепартийной школы рассчитывали главным образом на рабочих, посылаемых местными и национальными организациями из России. Из живущих за границей рабочих доступ в партийную школу предполагалось дать только тем, кто по окончании курса немедленно отправится в Россию на партийную работу. Переправка слушателей за границу и их содержание требовали очень больших средств. По приблизительным подсчетам, не менее 800 франков на каждого ученика: проезд в обе стороны и пребывание в школе в течение 3–4 месяцев. Забегая вперед, скажем, что финансовые затруднения преследовали организаторов школы до самого ее закрытия. Лишь осенью 1910 г., когда школа уже должна была начать работу, по предложению большевиков, Заграничное бюро ЦК ассигновало в распоряжение комитета 10 тыс. франков, и комитет приступил к организации школы.

Н. А. Семашко писал, что В. И. Ленин сам принимал участие в подыскании места для школы. Он и Крупская во время своих велосипедных прогулок потратили немало дней в поисках подходящего места, где можно было бы за недорогую плату снять дом и поселить 2–3 десятка людей, не вызывая серьезных подозрений. Самым удобным местом оказалось местечко Лонжюмо — деревня, расположенная в 18 километрах к югу от Парижа.

Для организации выборов учеников в школу поздней осенью 1910 г. Школьный комитет направил в Россию своего агента — 26-летнего С. М. Семкова (Сему). Он уже 9 лет состоял в партии, слыл надежным товарищем и, как отмечалось в донесении агента охраны, «ярким ленинцем». Семкову были даны указания, чтобы выборы «производились на местах партийными организациями без различия принадлежности кандидатов к тому или иному течению в партии»⁴⁵. Предполагалось набрать 40 учеников. Однако многие организации по разным причинам не смогли провести выборы. Например, в Киеве С. М. Семков едва не попал в засаду: в том месте, где была назначена явка, спряталась полиция. Уполномоченный принужден был скрыться. Выборы не состоялись.

Итог выборов был такой. По три человека послали в Лонжюмо Петербург и Москва, по одному представителю — партийные

организации Николаева, Иваново-Вознесенска, Сормова, Баку, Тифлиса, одного — из заводского поселка Екатеринославской губернии и Домбровского района Польши. В Петербурге в отборе слушателей принял участие депутат III Государственной думы от Петербургской губернии рабочий-токарь, большевик Н. Г. Полетаев. Все ученики принадлежали к разным течениям РСДРП. Пятеро из них причисляли себя к большевикам. Почти все они были рабочими. Из Петербурга приехала единственная женщина — работница фабрики «Треугольник» А. И. Иванова. Пикантная деталь — в Париж она приехала, ожидая ребенка. Ленин и Крупская сразу окружили ее заботой и вниманием.

Несмотря на то, что каждому ученику по его прибытии в целях конспирации давался новый псевдоним, все настоящие имена, за исключением одного, стали известны. Остался неизвестным только рабочий Трехгорной мануфактуры ткач Александр-поэт, который все время писал стихи. Однако в конце июня 1911 г. он выбыл из школы, так как был малоразвит и совсем не подготовлен для занятий. «Временно устроили мы его на работу в Германии», — пишет Крупская. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Иваново-вознесенская партийная организация прислала в школу рабочего С. Искряннистова (Василия), который оказался провокатором. Крупская вспоминала, что раньше он был дельным партийным работником, но на фабрику его не брали, как «неблагонадежного», и он очень бедствовал, живя с двумя детьми на скудный заработок своей жены-ткачихи. Полиция купила его за гроши. Однако он не выдержал двойной жизни. Вернувшись из Лонжюмо, Искряннистов покончил с собой. Кроме него, в партийной школе был еще один провокатор — представитель Москвы М. Н. Малиновский (Андрей).

Помимо слушателей, направленных местными партийными организациями, в школу было принято пять вольнослушателей, в том числе Г. К. Орджоникидзе и уполномоченный Школьной комиссии С. М. Семков (Сема). Основной костяк учеников школы состоял из большевиков.

Весной 1911 г. они всякими нелегальными путями добирались до Франции. Трудно сказать, в какой день произошло официальное открытие школы: предположительно это случилось в конце мая. Известно, что школа просуществовала 3–3,5 месяца и была закрыта 17 (30) августа 1911 г.

Кроме лекторов, обитающих в Париже, Школьный комитет обратился к Плеханову, Горькому и Р. Люксембург с просьбой принять участия в занятиях. Но все они по разным уважительным причинам отказались. Ссылаясь на фракционный характер школы, меньшевики Дан, Мартов, Волонтер, Маслов тоже уклонились от участия в ее работе. Остальные 15 человек, приглашенные для чтения лекций и практических занятий с учениками, приняли участие в учебном процессе. Основным лектором был В. И. Ленин — он прочитал слушателям 56 лекций из 147, состоявшихся в школе.

**Партийная школа в Лонжюмо.
1911 г.**

Первым помощником Ленина по ведению занятий, прежде всего по политической экономии, была приехавшая из Брюсселя в Париж Инесса Арманд, ставшая, по выражению Крупской, «очень горячей большевичкой». Кроме них, лекции слушателям читали большевики Г. Е. Зиновьев (история РСДРП), Л. Б. Каменев (история буржуазных партий в России), Н. А. Семашко (рабочее законодательство и деятельность Думы), «впередовец» А. В. Луначарский (история искусств), меньшевик-партиец Шарль Раппопорт и др.

В Лонжюмо все ученики школы жили или в «отеле», приспособленном исключительно для провинциальных рабочих, или на частных квартирах, у бедняков. Из преподавателей в деревню переехали только Ленин с Крупской, Инесса Арманд с сыном и Зиновьев с семьей. Остальные каждый раз приезжали из Парижа. Чтобы не вызвать подозрений, один из французских депутатов-социалистов объяснил мэру Лонжюмо, что поселившиеся здесь русские — это сельские учителя, приехавшие для пополнения образования.

Для учебных занятий было приспособлено довольно просторное помещение бывшей столярной мастерской. Рабочие общими усилиями очистили сарай от грязи и мусора, сколотили из досок длинный стол, достали несколько ломаных стульев и табуреток и устроили

в нем «аудиторию» первой высшей партийной школы. Этот сарай и был единственным классным помещением школы в Лонжюмо.

Ежедневно читалось по 3–4 лекции, каждая из которых продолжалась полтора-два часа. «Занимались много и усердно, — вспоминает Н. К. Крупская... — Ильич был очень доволен работой школы»⁴⁶. Среди упорных занятий удавалось выкроить время и для отдыха. Иногда по вечерам ходили в поле, ездили на Сену купаться, пели песни. Воскресные дни использовались для знакомства с Парижем.

Из-за трудностей финансового характера занятия в школе были завершены раньше намеченного срока. Организаторы кое-как наскребли средства, чтобы отправить учеников в Россию, и еще остались в долгах. В дальнейшем Ленин мечтал осуществить организацию новой школы, на этот раз в Галиции, недалеко от русской границы, но помешала война.

5. РСДРП в условиях нового революционного подъема (1910–1914 гг.)

«ПРАЖСКАЯ ВЕСНА» БОЛЬШЕВИКОВ

С середины 1910 г. в России наметилось оживление рабочего и демократического движения. Новый революционный подъем начинался с политических стачек, проходивших в ноябре 1910 г. в связи со смертью Л. Н. Толстого. Память великого писателя, известного своими страстными выступлениями против смертной казни, была отмечена уличными шествиями в столице под лозунгами «Долой смертную казнь!» — первыми со времен революции. Политические стачки Петербурга были поддержаны выступлениями студенчества в Москве, Киеве, Харькове, Одессе и других городах.

В 1911 г. прокатилась новая волна студенческих выступлений в связи с самоубийством группы политзаключенных, в том числе убийцы Плеве эсера Егора Сазонова. В ответ правительство запретило деятельность всех студенческих организаций и проведение собраний. В свою очередь, студенчество ответило всероссийской забастовкой. В начавшихся репрессиях ректор Московского университета А. А. Мануйлов (член партии кадетов) отказался поддерживать действия властей и был не только уволен с поста, но и лишен

звания профессора. Тогда в знак солидарности с ним 130 профессоров и преподавателей подали в отставку. Среди них были такие ученые с мировым именем, как К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев и др.

В апреле 1912 г. Россия была потрясена трагическими событиями, разыгравшимися в Восточной Сибири, на Ленских золотых приисках. Прииски принадлежали совместному русско-английскому предприятию, акционерами которого были императрица Мария Федоровна, великие князья, многие министры. Компания «Ленское золотопромышленное товарищество» («Лензото») была крупнейшим производителем золота и приносила огромную прибыль. Достигалось это в значительной степени за счет нещадной эксплуатации рабочих, живущих в глухой тайге в двух тысячах верст от железной дороги. Пользуясь удаленностью приисков, администрация диктовала рабочим любые условия.

29 февраля 1912 г. на одном из приисков вспыхнула забастовка, поводом к которой послужила выдача рабочим недоброкачественного конского мяса. К середине марта бастовало уже 6 тыс. человек на 48 приисках. Был создан центральный стачечный комитет, выдвинувший экономические требования («продовольствие доброкачественное... восьмичасовой рабочий день в мокрых забоях... медицинская помощь, введение рабочих старост; не принуждение женского труда»). Кроме того, рабочие требовали «вежливого обращения» на «вы». Компания на уступки не шла. В ночь на 4 апреля члены центрального стачечного комитета были арестованы. Надеясь освободить своих товарищей, 5-тысячная толпа рабочих двинулась к Надеждинскому прииску, где располагалась администрация. Дорогу им преградила рота солдат во главе с ротмистром Трещенковым. Офицер приказал стрелять. Было убито 270 и ранено 250 человек.

Ленские события всколыхнули всю страну. На предприятиях Петербурга состоялись митинги протеста. Негодование рабочих еще более усилилось, когда на запрос социал-демократов в Думе министр внутренних дел А. А. Макаров заявил, оправдывая солдат: «Так было и так будет впредь». Всего в 1912 г. в стачках участвовало более 1 млн, а в 1913 г. — более 2 млн рабочих. К лету 1914 г. стачечная борьба достигла приблизительно уровня 1905 г.

В условиях начавшегося политического пробуждения рабочих перед РСДРП во весь рост встала задача восстановления и укрепления

своих организаций, оживления их деятельности. В настоящее время нет сколько-нибудь точных данных о количестве членов партии в 1911–1914 гг. Известно лишь, что в эти годы вели работу 46 комитетов и областных центров, 259 организаций и групп РСДРП. Кроме того, есть данные, что с ЦК РСДРП и Лениным были связаны около 100 партийных организаций.

Тем временем внутрипартийная борьба в России вступила в качественно новый этап. В 1911 г. наметилась полоса возрождения распавшихся после 1907 г. организаций. Во многих местах укреплялись связи с меньшевиками-«партийцами». В конце 1910 г. большевикам вместе с ними удалось наладить выпуск в Петербурге легальной партийной газеты «Звезда». Много сделал для издания газеты Я. М. Свердлов, находившийся в столице в качестве агента ЦК. В Москве удалось организовать издание большевистского легального журнала «Мысль», в котором сотрудничали В. В. Воровский, М. С. Ольминский, И. И. Скворцов-Степанов.

Еще до завершения курса учебы в школе Лонжюмо группа ее слушателей, опытные профессионалы-революционеры Г. К. Орджоникидзе, И. И. Шварц и Б. А. Бреслав были направлены в Россию для подготовки созыва общероссийской партийной конференции. Осенью 1911 г. на совещании в Баку и Тифлисе большевики — представители организаций Екатеринбурга, Баку, Тифлиса, Киева, Екатеринослава создали Российскую организационную комиссию (РОК) в составе Г. К. Орджоникидзе, С. Г. Шаумяна, С. С. Спандаряна, И. И. Шварца и меньшевика-«партийца» Я. Соколина. РОК провела большую подготовительную работу по созыву важного партийного форума. По предложению Ленина конференцию решено было провести в Праге. Здесь не было большой русской колонии и, следовательно, меньше опасность привлечь внимание царской охранки. «Самым важным для нас является возможность организовать дело архиконспиративно. Никто, никакая организация не должны об этом знать», — писал Ленин⁴⁷.

VI всероссийская конференция РСДРП, сыгравшая важную роль в организации большевистских сил, проходила в Праге с 5 (18) по 17(30) января 1912 г. Из 18 делегатов, представленных на ней, 16 были большевиками и 2 — меньшевиками-партийцами. Целый ряд делегатов (из Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Тюмени, Уфы и других уральских городов) не смогли попасть на конференцию из-за провалов. От участия в конференции отказались все национальные

организации: бундовцы, поляки, латыши и литовцы. «Впередовцы», Плеханов и большинство меньшевиков-партийцев также отвергли приглашение. Плеханов писал в ответ на приглашение: «Состав вашей конференции до такой степени однообразен, что мне лучше, т. е. сообразнее с интересами единства партии, не принимать в ней участия»⁴⁸. Троцкого большевики не пригласили. А. М. Горький под предлогом боязни «провалить» конспиративность «съезда» отказался от приглашения и не приехал. Таким образом, представляя менее половины партийных организаций РСДРП, конференция все же провозгласила себя всероссийской.

Руководство конференцией единолично осуществлял Ленин, хотя по своему статусу он не имел даже решающего голоса. В отсутствие других признанных авторитетов социал-демократии Ленин затмил всех собравшихся, поскольку осознавал свое превосходство. По свидетельству Зиновьева, практически конференция служила лишь фоном, «на котором Ленин не мог не развернуться... На фоне этого молодого “выводка” большевиков Ильич и сам как-то помолодел... Большая часть делегатов привезла безграничное доверие и любовь к Ильичу уже из России. А доверие остальных Ильич быстро завоевал на самой конференции»⁴⁹.

Все важные решения принимались на конференции дружно и единогласно. Делегаты отметили приверженность основным требованиям программы-минимум; констатировав окончательный разрыв с меньшевиками-«ликвидаторами», исключили их из партии; осудили всех остальных «отступников». Одновременно было принято обращение ко всем социал-демократам России с призывом бороться за восстановление нелегальной партии. Конференция постановила издавать легальный партийный орган — газету «Правда», утвердила ленинские тезисы о положении в партии и в стране, о стратегии и тактике РСДРП в связи с выборами в IV Государственную думу под большевистскими лозунгами и ряд других резолюций.

Впервые в истории партийных форумов РСДРП был избран единогласно Центральный комитет. В его состав вошли большевики В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян, Ф. И. Голощекин, провокатор Р. В. Малиновский (кроме него в конференции участвовал еще один секретный агент охраны, А. С. Романов) и меньшевик-партиец Д. М. Шварцман. После окончания

конференции на первом же заседании ЦК в его состав были кооптированы бывший рабочий-путиловец И. С. Белостокский и находившийся в Вологде под надзором полиции 33-летний И. В. Джугашвили (Сталин). На случай ареста кого-либо из членов ЦК кандидатами для кооптации были намечены также А. С. Бубнов, Е. Д. Стасова, С. Г. Шаумян, рабочие М. И. Калинин и А. П. Смирнов. Однако обстоятельства сложились так, что никто из них в дальнейшем в ЦК кооптирован не был. В конце декабря 1912 г. в состав ЦК вошли Я. М. Свердлов и депутат IV Думы Г. И. Петровский.

Для практического руководства партийной работой в России было создано Русское бюро ЦК в составе Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандаряна, Ф. И. Голощекина, И. В. Сталина и Е. Д. Стасовой. Конференция избрала редакционную коллегию газеты «Социал-демократ» во главе с Лениным, который был также избран представителем РСДРП в Международном социалистическом бюро.

Решения Пражской конференции получили неоднозначный отклик в социал-демократических организациях России. Часть организаций поддерживала резолюции конференции безоговорочно, другая негодовала, считая новый раскол нежелательным. В августе 1912 г. Л. Д. Троцкий собрал в Вене своего рода альтернативную конференцию. На ней присутствовали всего 33 делегата, представлявшие все фракции, кроме ленинской. Поэтому участники честно констатировали: конференция как общепартийное мероприятие не удалась. Они выступили с осуждением Пражской партийной конференции как узурпаторской, не представлявшей всей партии и потому явившейся просто ленинским переворотом. Однако сколоченный Троцким в противовес большевикам так называемый Августовский блок быстро развалился.

ЯВЛЕНИЕ «ЧУДЕСНОГО ГРУЗИНА»

Обращает на себя внимание факт появления в составе центральных органов партии Сталина. В ЦК РСДРП его кооптировали по инициативе Ленина. К этому времени за плечами И. В. Джугашвили — Кобы — Сталина (среди меньшевиков его называли Иоська Корявый) были уже больше 10 лет революционной подпольной работы в Тифлисе, Батуми, Баку, Кутаиси. Он уже был достаточно известным большевиком, хотя и слыл грубоватым, склонным к интригам

товарищем. После скандального тифлисского ограбления Закавказский областной комитет РСДРП, в котором преобладали меньшевики, исключил Кобу из партии, но ЦК партии, после Лондонского съезда находившийся под влиянием большевиков, не дал хода делу.

С 1907 по 1910 г., не считая 15 месяцев, проведенных в тюрьме и ссылке, Коба, скрываясь от полиции под разными фамилиями, работал в основном в Баку. Будучи членом Бакинского комитета РСДРП, в котором теперь преобладали большевики, Коба пытался возродить боевую дружину. По данным Бакинской охраны, к середине сентября 1907 г. большевиками было израсходовано на вооружение около 80 тыс. рублей. Кроме того, есть косвенные данные, что за это время Сталин дважды выезжал за границу, где встречался с Лениным. 25 марта 1908 г. полиция арестовала Сталина, действовавшего тогда под фамилией Нижерадзе. Решением Особого совещания при МВД И. В. Джугашвили был отправлен для отбывания двухлетней ссылки в Вологодскую губернию. Местом пребывания ссыльного Кобы стал уездный город Сольвычегодск. Добравшись до места 27 февраля 1909 г., Сталин сразу же стал готовиться к побегу. В конце июня он, переодевшись крестьянкой, с помощью ссыльных товарищей бежал. Проведя несколько дней в Петербурге, Сталин вновь уехал на Кавказ. И уже 12 июля секретный сотрудник Бакинского охранного отделения по кличке Фигус сообщил своему начальству, что в Тифлис приехал «социал-демократ, известный в организации под кличкой “Коба” или “Сосо”». Перебравшись в Баку и проживая здесь под именем Оганеза Тотомянца, Сталин принял активное участие в возобновлении издания газеты «Бакинский пролетарий». В двух номерах этой газеты была опубликована его статья «Партийный кризис и наши задачи». В ней он ставил вопрос о необходимости издания общерусской партийной газеты, которая способствовала бы возрождению партии, преодолению изолированности ее организаций друг от друга. Но газета, по мысли автора, должна была издаваться в России, а не за границей. В статье содержался намек на критику заграничного партийного руководства, стоявшего «вдали от русской действительности».

В связи с этим следует отметить, что в партии Сталина считали практиком и организатором, и как революционер-практик он с раздражением относился к теоретическим спорам, захлестнувшим эмиграцию. Не стала исключением и философская дискуссия Ленина с А. А. Богдановым, которую Коба назвал «бурей в стакане воды».

Коба (Сталин). Фото из следственного дела

Тем не менее, не являясь прирожденным оратором (его выступления отличались схематизмом, носили в основном пропагандистский характер), не обладая особыми теоретическими наклонностями и способностями, Сталин регулярно писал прокламации и статьи для местных социал-демократических, рабочих изданий.

23 марта 1910 г. Джугашвили вновь был арестован. И снова попал в тюрьму, а затем был выслан в уже знакомый ему Сольвычегодск. Отбыв ссылку в июне 1911 г., Сталин поселился в Вологде. Но на сей раз погулять на воле ему пришлось недолго — всего два месяца. В Департамент полиции поступили сведения о том, что «серьезный эсдек, носящий партийный псевдоним “Коба”», получил предложение от заграничного партийного центра взять на себя обязанности разъездного агента ЦК РСДРП. В связи с этим полиция усилила за Сталиным слежку. За ним всюду следовали филеры. И когда Сталин, нарушив предписание (ему было запрещено возвращаться на Кавказ и в обе столицы), в начале сентября 1911 г. приехал в Петербург, он опять попал под стражу. В декабре его выслали в Вологду на три года.

Именно там Сталин, известный в партийных кругах и как Иванович, узнал о Пражской конференции. 9 февраля 1912 г. Н. К. Крупская писала Г. К. Орджоникидзе: «Получила письмо от Ивановича, развивает свою точку зрения на положение дел, адрес обещает дать через месяц. Видно, что страшно оторван от всего, точно с неба свалился. Если бы не это, его письмо могло бы произвести гнетущее

впечатление. Жаль. Очень жаль, что он не попал на конференцию»⁵⁰. Через несколько дней Сталин бежал из Вологодской ссылки и уехал на Кавказ. Но уже в середине апреля 1912 г. он вновь появился в Петербурге. В столице депутат Государственной думы Н. Г. Полетаев, на квартире которого поселился Сталин, привлек его к участию в издании газеты «Звезда». В эти же дни Коба сыграл определенную роль в подготовке первого номера большевистской газеты «Правда». Для него им была написана передовая статья «Наши цели», в которой он высказался за примирение фракций. (Нетрудно заметить, что в этом вопросе позиция Сталина была более умеренной по сравнению с позицией Ленина.)

Первый номер «Правды» вышел в воскресенье 22 апреля (5 мая), и в тот же день, как только Сталин покинул квартиру Полетаева, он был арестован полицией. На сей раз его ожидала трехлетняя ссылка в небольшой городишко Нарым, расположенный на берегу Оки. Здесь, впрочем, Сталин пробыл всего 38 дней, а затем бежал и уже в середине сентября 1912 г. вновь оказался в Петербурге. В это время в решающую стадию вступила избирательная кампания в IV Государственную думу, и Коба успел в ней поучаствовать, составив, в частности, «Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату».

В Думу от рабочей курии было избрано 13 человек, шестеро большевиков (А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Р. В. Малиновский, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов), шестеро меньшевиков (А. Ф. Бурьянов, И. Н. Маньков, М. И. Скобелев, В. И. Хаустов, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели) и один беспартийный депутат — Е. И. Ягелло. Председателем фракции стал Н. С. Чхеидзе, его заместителем — Р. В. Малиновский.

После петербургских выборов Сталин на короткое время отправился в Москву, а затем в конце октября 1912 г. через Финляндию выехал по приглашению Ленина в Краков.

Сам Ленин переехал в Краков в июне 1912 г. Одной из причин перемены места жительства служило то обстоятельство, что Краков, находившийся тогда на территории Австро-Венгрии, вблизи границы с Россией, был намного удобнее в конспиративном отношении. Если французская полиция оказывала всяческое содействие русской полиции, то польская полиция относилась к русской враждебно. Рядом была граница, почта из Петербурга приходила на третий день, да и товарищи из России могли чаще приезжать к Ленину. Словом, все

нравилось Ленину и, как писала Крупская, «Ильич радовался тому, что вырвался из парижского пленения; он весело шутил, подхваливал и “квасьные млеко”, и польскую “мощну старку” (крепкую водку)»⁵¹.

В Краков Ленин пригласил всех «новоиспеченных» депутатов Государственной думы от рабочей курии, но на призыв откликнулись только М. К. Муранов и Роман Малиновский. Кроме них на совещании присутствовали Г. Е. Зиновьев и Сталин. На этой ноябрьской встрече обсуждалась позиция самостоятельной большевистской организации по вопросу о взаимоотношении фракций социал-демократов в Думе. Ленин выступал за разрыв, член ЦК Сталин, судя по всему, не был столь категоричен и выступал за объединение всех фракций, кроме «ликвидаторов».

Вопрос о взаимоотношениях большевиков и меньшевиков в Думе больше всего волновал Ленина. Необходимость выработки четкой и единодушной позиции стала еще более очевидной, когда 7 декабря 1912 г. Р. В. Малиновский огласил в Думе декларацию социал-демократической фракции. Представлявшая компромисс между большевиками и меньшевиками, подвергшаяся редактированию со стороны Департамента полиции, она в некоторых вопросах расходилась с Программой партии. В частности, вопреки Программе меньшевики включили в нее пункт «о культурно-национальной автономии». Ленин в письме Русскому бюро ЦК отреагировал на этот шаг меньшевистской семерки в свойственной ему жесткой манере: «...иллюзиям о “мире” с такими людьми не может быть места. Они начали этими шагами войну. Необходимо систематически обдумать войну и вести ее энергично»⁵². Сталин, однако, считал, что «для такой твердой политики шестерка еще не созрела... Посему нужно работать и — немножечко подождать с твердой политикой»⁵³.

В конце декабря Крупская от имени Ленина отправила письмо в Петербург, адресованное Кобе и Р. В. Малиновскому, в котором, критически оценивая ситуацию, напомнила о необходимости приезда депутатов-большевиков («шестерки») в Краков для обсуждения с ними при участии членов ЦК РСДРП дальнейшей деятельности в Думе. Как только заседания Государственной думы были прерваны на рождественские каникулы, Сталин и депутаты-большевики отправились к Ленину в Краков.

Вернувшись из Кракова, Р. В. Малиновский 8 января 1913 г. информировал Департамент полиции: «Заседание ЦК РСДРП с пар-

тийными работниками происходило с 28 декабря по 1 января 1913 г.. Присутствовали: Ленин, Зиновьев, Надежда Константиновна Крупская, члены Государственной Думы Малиновский, Петровский и Бадаев, Валентина Николаевна Лобова, ... рабочий Медведев..., поручик... Трояновский..., жена Трояновского Галина — бывшая партийная работница на юге и Коба»⁵⁴.

Краковское совещание приняло ряд важных решений. Рабочим депутатам было дано указание добиваться полного равноправия обеих частей фракции, более активно отстаивать большевистскую позицию, а вне Думы быть «в первую голову партийными организаторами». Чтобы изменить облик «Правды», редакция которой, по мнению Ленина, проводила по отношению к меньшевикам недостаточно жесткую и примиренческую политику, обязанности официального издателя «Правды» возлагались на депутата Бадаева, а редактором газеты был назначен ленинец Я. М. Свердлов, кооптированный в состав ЦК.

Обсуждался как всегда и финансовый вопрос. Дело в том, что казна ЦК в 1912 г. заметно оскудела и совещание постановило обратиться за помощью к Кржижановскому, Л. Б. Красину и другим лицам «с просьбой ссудить или помочь добыть деньги». А пока решили, что на партийном содержании (60 рублей в месяц) будет жить только один представитель ЦК в России — Сталин. Кроме него, Ленину и Зиновьеву от «Правды» назначили «жалованье» по 100 рублей в месяц⁵⁵. Это было как нельзя кстати, поскольку Ленин в тот период эмиграции чрезвычайно остро нуждался в деньгах и, как главный сотрудник «Правды», настойчиво напоминал о себе: «Почему не посылаете следуемых денег? Опоздание нас сильно стесняет. Не опаздывайте, пожалуйста»⁵⁶.

Через некоторое время после Кракова Коба отправился в Вену и поселился на квартире, которую снимал сын бакинского купца депутат Государственной думы М. И. Скобелев. Эта поездка Кобы явилась для него самым длительным заграничным турне, знаменательным и в другом отношении. В столице Австро-Венгрии Сталин впервые встретил Н. И. Бухарина и столкнулся с Л. Д. Троцким.

«В 1913 г., — вспоминал Троцкий, — в Вене, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. Сын богатого бакинского мельника, Скобелев был в то время студентом и моим политическим учеником... Мы пили душистый русский чай

и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно распахнулась, без предупредительного стука на пороге появилась незнакомая мне фигура невысокого роста со смуглым отливом лица, на котором ясно видны были следы оспы⁵⁷. Не поздоровавшись, не сказав ни слова, незнакомец налил чая и молча удалился. Это был И. В. Джугашвили.

Сталин отправился в Вену и прожил там полтора месяца, потому что Ленин попросил его доработать статью по национальному вопросу для журнала партии «Просвещение». Знание сложных национальных отношений в Закавказье способствовало тому, что Коба в партийных кругах слыл известным специалистом по национальному вопросу. В первой половине февраля 1913 г. Ленин писал А. М. Горькому: «Насчет национализма вполне с вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для “Просвещения” большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»⁵⁸. Поскольку Сталин не знал европейских языков, некоторую помощь в подготовке статьи ему оказывал Н. И. Бухарин.

Статья Сталина «Марксизм и национальный вопрос», в 1914 г. изданная отдельной брошюрой, добавила ему известности среди марксистов. «По своим взглядам Коба стал интернационалистом», — писал спустя много лет Троцкий. И тут же задал вполне резонный вопрос: «Стал ли он им по своим чувствам?»⁵⁹ Косвенно сомнения Троцкого подтверждает сам Сталин, высказав откровенно свое отношение к этой работе в письме к Р. В. Малиновскому 20 января 1913 г.: «Здравствуй, дружище. Пока сижу в Вене и... пишу всякую ерунду»⁶⁰.

Поскольку после Краковского совещания главными фигурами в Русском бюро ЦК стали Коба (И. В. Джугашвили) и Я. М. Свердлов, после возвращения в Петербург, благодаря стараниям «дружницы» Малиновского, оба попали в поле зрения Департамента полиции. 10 февраля 1913 г. полиция арестовала Я. М. Свердлова, а вечером 23 февраля, по наводке того же Малиновского, на благотворительном концерте-маскараде был задержан Сталин. В июне Особое совещание приговорило его к высылке в далекий Туруханский край на четыре года. Здесь же по соседству отбывали наказание Свердлов и Голощекин. Дважды, в июле и октябре 1913 г., члены ЦК РСДРП(б) принимали решение организовать И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлову побег, и даже выделили для этой цели в общей сложности 150 рублей. Но, естественно, оба раза Малиновский информировал об этих планах

полицию. Власти приняли меры: в марте 1914 г. Сталина и Свердлова отправили еще на 180 верст дальше на север — в Курейку.

Туруханская ссылка оказалась для Сталина самой длительной вынужденной паузой в революционной деятельности. Его имя несколько раз появлялось в письмах Ленина военного времени. Любопытно, что Ленин знал Сталина как Кобу и Кобу Ивановича, потому что свои письма Ленину, посланные из Сибири, тот подписывал псевдонимом Коба. В 1915 г. в письме Зиновьеву Ленин спрашивал: «Не помните ли фамилии Кобы?»⁶¹ Несколько позднее в том же году он писал В. А. Карпинскому: «Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи и т. п.) фамилию “Кобы” (Иосиф Дж...?? мы забыли). Очень важно!!»⁶² Из далекой ссылки Сталина освободили Февральские события 1917 г. Попутно заметим, что версия о сотрудничестве Сталина с охранкой, имевшая широкое хождение в годы горбачевской перестройки, не выдерживает критики. Никаких доказательств в пользу этой версии до сих пор не приведено, и обнаружить их не удалось.

Зимой 1913 г. здоровье Крупской ухудшилось, и в мае Ленин с женой переехали в Поронин, вблизи польского курорта Закопане. Съездив в Швейцарию к врачу-специалисту по заболеваниям щитовидной железы, в августе они вернулись в Поронин и здесь 23 сентября (6 октября) — 1 (14) октября 1913 г. состоялось совещание ЦК с партийными работниками. (Для конспирации его называли «летним».) На нем присутствовали 22 человека, в том числе члены социал-демократической фракции IV Государственной думы А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Н. Р. Шагов и депутат-provokator Р. Малиновский, который, как вспоминала Крупская, на сей раз постоянно нервничал, «по ночам напивался пьяным, рыдал, говорил, что к нему относятся с недоверием»⁶³. В середине конференции приехала Инесса Арманд. Вся краковская группа тепло относилась к ней, незаурядной, эмоциональной женщине. Ленин, Крупская и Арманд вместе часто совершали прогулки за городом (Зиновьев и Каменев прозвали их «партией прогулистов»), слушали концерты Бетховена, обсуждали прочитанную литературу.

Поронинское совещание обсудило многие вопросы. В условиях активизации рабочего движения было принято решение агитировать за Всероссийскую политическую стачку. Участники совещания поставили вопрос и о созыве партийного съезда. В этом направлении велась практическая работа: к большевику, депутату

Государственной думы А. Е. Бадаеву поступали значительные денежные суммы, собранные на организацию съезда, он же получал различные наказы, резолюции и т. д.

В обстановке нарастания нового революционного подъема важную роль в борьбе за умы рабочих играла легальная общероссийская большевистская газета «Правда», которая стала выходить с 22 апреля (5 мая) 1912 г. в Петербурге. Как отмечает историк А. В. Островский, «одним из инициаторов» этой газеты «являлся большевик Виктор Александрович Тихомирнов. Сын казанского купца-миллионера, он после смерти отца получил по наследству около 300 тыс. рублей и в 1911 г. предложил В. И. Ленину оказать материальную поддержку в издании легальной большевистской газеты в России. Предложение было принято, закреплено решением Пражской конференции, и через ставшего к этому времени студентом Петербургского политехнического института В. М. Скрябина (Молотова), с которым В. А. Тихомирнов был хорошо знаком... эти деньги были внесены в кассу большевиков»⁶⁴.

С весны 1914 г. ежедневный тираж «Правды» доходил до 4060 тыс. экземпляров. Среди подписчиков газеты подавляющее большинство были рабочие. Газету 8 раз закрывали, и большевикам приходилось выпускать ее под новыми названиями («Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочая правда» и др.) Почти четверть номеров газеты была конфискована, а общая сумма штрафов превысила 16 тыс. рублей. Одновременно с «Правдой» в Петербурге издавалось несколько большевистских журналов: «Просвещение», «Вопросы страхования» и др. 23 февраля (8 марта) 1914 г. петербургские большевики выпустили в свет первый номер легального журнала для женщин «Работница». В его редакцию вошли Н. К. Крупская, И. Ф. Арманд, Л. Н. Сталь, А. И. Ульянова-Елизарова, Е. Ф. Розмирович и др.

В ноябре 1913 г. депутаты-большевики организовались в самостоятельную фракцию в Государственной думе. С ее участием был разработан законопроект о восьмичасовом рабочем дне, который 20 ноября опубликовала «Правда». В результате соперничества с меньшевиками за массы большевики вытеснили их из правления ряда легальных организаций: профсоюзов, культурно-просветительских обществ, страховых учреждений. В частности, в Петербурге из 20 профсоюзов 16 стояли на большевистских позициях, в Москве — все 13. Дальнейшее развитие революционного кризиса в стране было прервано войной.

Примечания

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 219.
- ² Троцкий Л. Д. Сталин. М., 1990. Т. 1. С. 139.
- ³ Цит. по: Политическая история: Россия–СССР–Российская Федерация: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 572.
- ⁴ Там же. С. 572–573.
- ⁵ Троцкий Л. Д. Сталин. С. 139.
- ⁶ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин. 1924. С. 176.
- ⁷ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 130.
- ⁸ Там же. С. 223.
- ⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 201.
- ¹⁰ Возвращенные имена: Сборник публицистических статей: В 2 кн. Кн. 2. М., 1989. С. 247.
- ¹¹ История КПСС: В 6 т. Т. 2. М., 1966. С. 312.
- ¹² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода: В 2 т. Т. 2. М., 1925. С. 253–254.
- ¹³ См.: Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 146.
- ¹⁴ Луначарский А. В. Лев Давидович Троцкий // Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 344.
- ¹⁵ Николаевский Б. Большевистский центр // Родина. 1992. № 3. С. 13.
- ¹⁶ История КПСС. Т. 2. С. 266.
- ¹⁷ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 128.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 142.
- ¹⁹ Шарапов Ю. П. Ленин и Богданов: от сотрудничества к противостоянию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 59.
- ²⁰ См.: Родина. 1990. № 4. С. 15.
- ²¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 178.
- ²² М. Н. Покровский о Ленине. Стенограмма выступления в Институте красной профессуры 7 февраля 1924 г. // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 99.
- ²³ Николаевский Б. Большевистский центр // Родина. 1992. № 3. С. 13.
- ²⁴ Кривенький В. Иуды и робингуды. «Открытое письмо Большевистскому центру» // Родина. 1993. № 4. С. 92.
- ²⁵ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 1. С. 141.
- ²⁶ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 125.
- ²⁷ Лядов М. «Никитич» // Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М.; Л., 1928. С. 233.
- ²⁸ А. М. Игнатьев («Григорий Иванович»). Боевая работа и освобождение Красина // Леонид Борисович Красин («Никитич»). С. 247.
- ²⁹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 17. М., 1952. С. 9–10.

- ³⁰ Николаевский Б. Большевистский центр // Родина. 1992. № 3. С. 35.
- ³¹ Богданов (Малиновский) А. А. Неизвестный Богданов: В 3 кн. М., 1995. Кн. 2. С. 246–247.
- ³² Олега И. Н. В. И. Ленин и А. А. Богданов // Проблемы новейшей истории России: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Г. Л. Соболева. СПб., 2005. С. 92.
- ³³ Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 155.
- ³⁴ Горький М. Собр. соч. Т. 17. С. 83.
- ³⁵ Косарев В. Первая партийная школа // Из истории нашей партии. 1906–1910. Харьков, 1923. С. 88.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 200–201.
- ³⁸ См.: Нелидов Н. В., Барчугов П. В. Ленинская школа в Лонжюмо. М., 1967. С. 18.
- ³⁹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1. М., 1990. С. 258.
- ⁴⁰ Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. В 2 т. Т. 1. 1870–1917. М., 1987. С. 205.
- ⁴¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 170–171.
- ⁴² Там же. С. 171.
- ⁴³ Валентинов Н. В. Малоизвестный Ленин. СПб., 1991. С. 92.
- ⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 96.
- ⁴⁵ См.: Нелидов Н. В., Барчугов П. В. Ленинская школа в Лонжюмо. С. 31.
- ⁴⁶ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 183.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 40.
- ⁴⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 186.
- ⁴⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 192.
- ⁵⁰ Цит. по: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? СПб., 2002. С. 356–357.
- ⁵¹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 194.
- ⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 131.
- ⁵³ Цит. по: История КПСС. Т. 2. С. 404.
- ⁵⁴ См.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 381.
- ⁵⁵ Там же. С. 380.
- ⁵⁶ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 1. С. 205.
- ⁵⁷ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 46.
- ⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 162.
- ⁵⁹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. 1. С. 212.
- ⁶⁰ См.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 384.
- ⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 101.
- ⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 161.
- ⁶³ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 217.
- ⁶⁴ См.: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 362.

II

РАЗДЕЛ

ПАРТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

В ПЕРИОД
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
И В ГОДЫ
ВТОРОЙ РОССИЙСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
(1914–1921 гг.)

V

глава

Партия большевиков в период Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Центрист Троцкий по всем важнейшим вопросам войны и социализма стоял против Ленина... Мужественно вели себя большевики-депутаты перед царским судом... Иначе вел себя... Каменев. Ввиду своей трусости он при первой же опасности отрекся от политики большевистской партии...

Большевистская партия оказалась единственной пролетарской партией, которая осталась верной делу социализма и интернационализма и организовала гражданскую войну против своего империалистического правительства.

История ВКП(б): Краткий курс

1. Возникновение и причины Первой мировой войны

Первая мировая война (1914–1918 гг.) оказала огромное влияние на судьбы мира. Ее итог — 20 млн убитых, сотни миллионов покалеченных, разрушенные города и села. В ходе войны и после ее окончания с карты европейского континента исчезли четыре некогда могучих империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская.

Мировой кризис, с которым столкнулось человечество в начале прошлого века, наиболее сильно ударил по России. Историки спорили, спорят и сейчас о том, могла ли Россия избежать участия в схватке мировых держав, не имея в ней четко выраженных национальных интересов. Спорят о том, в какой степени мировая война послужила катализатором революционных процессов в России. Есть веские

основания полагать, что Первая мировая война положила начало второму «смутному времени» в российской истории, продолжавшемуся вплоть до 1921 г.

Первая мировая война была провозглашена в царской России «великой» и «патриотической». О ней поначалу не принято было говорить «первая», ибо сознание людей не допускало повторения подобной трагедии. (Многие на Западе до сих пор именуют ее «Великой Войной».) Первая мировая война стала следствием противоречий между ведущими европейскими державами. Она вызревала в течение многих десятилетий. Причины войны крылись в сущности того периода развития капиталистических стран, который в научной литературе начала XX в. получил название империализма.

К концу XIX в. Старый Свет разделился на два враждующих между собой военно-политических союза: Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия, Италия) и франко-русский. Великобритания до начала XX в. вела политику «блестящей изоляции», не примыкая ни к одному из блоков. К главным субъектам мировой политики относились также США и Япония. К этому времени закончился колониальный раздел мира, и развернулась борьба за передел колоний и сфер влияния. Его проявлением стали Испано-американская (1898), Англо-бурская (1899–1902) и Русско-японская (1904–1905) войны.

В правящих кругах России дискутировались три варианта внешней политики. Сторонники первого из них выступали за продвижение России на Восток, установление контроля над Маньчжурией (Северо-Восточным Китаем), Кореей, Персией (Ираном). Они выступали за соглашение с Германией и были против союза с Англией. Представители другого направления стремились к сближению с Францией и Англией для противостояния Германии. По их мнению, центр тяжести русской внешней политики находился в Европе, а одной из важнейших задач было укрепление позиции России на Балканах, покровительство Сербии и Черногории. Продолжавшееся ослабление Турецкой империи делало возможным для России, на их взгляд, овладение черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы. Это направление в целом поддерживали российские либералы (П. Н. Милюков, П. Б. Струве). Таким образом, споря о выборе вектора, сторонники обоих вариантов развития внешней политики страны сходились в стремлении к ее продолжению силовыми методами, хотя внешнеполитические амбиции значительно

превосходили реальные возможности вооруженных сил. Особую позицию занимали государственные деятели С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, понимавшие опасность новых военных столкновений для устойчивости режима внутри страны.

В борьбе империалистических держав в начале XX в. центральное место занимал поединок двух гигантов — Германии и Великобритании. По свидетельству современников, английский король Эдуард находил войну с Германией «достойной сожаления, но, по-видимому, неизбежной», а у Вильгельма «первой и основополагающей идеей» было «разрушить мировое положение Англии». Россия вступила в войну, будучи связанной военно-политическим союзом с Францией, заключенным в 1891–1893 гг. Союзные отношения России и Англии не были оформлены, однако в русском Генеральном штабе не сомневались, что в случае войны с Германией Англия встанет на сторону России и Франции.

Соглашение с Великобританией означало оформление антигерманского блока — Антанты (союза Англии, России и Франции). Образование двух военно-политических блоков в Европе — Тройственного союза и Антанты, боровшихся за передел мира, неудержимо вело к мировой войне. Ее предвестниками стали: морское соперничество Великобритании и Германии; столкновение Франции и Германии из-за Марокко (1905 г. и 1911 г.); аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (Боснийский кризис 1908–1909 гг.), явившаяся проявлением экспансии империи Габсбургов на Балканах и обострившая ее отношения с Россией; Балканские войны 1912–1913 гг., обнаружившие наряду с растущим национальным самосознанием славянских народов, их стремлением к независимости также и серьезные противоречия в самом национально-освободительном движении.

Поводом к Первой мировой войне стал так называемый выстрел в Сараеве — убийство 17-летним сербом Гаврилой Принципом 28 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда и его супруги. Военные действия начались 1 августа 1914 г. и продолжались до 11 ноября 1918 г. В них участвовали Четверной союз (Германия, Австро-Венгрия, Турция, а с 1915 г. — Болгария) и Антанта (Англия, Франция, Россия, Япония, Италия — с 1915 г., Румыния — с 1916 г., США — с 1917 г. и др.), всего 38 государств. На полях этой войны сражались более 70 млн человек. Инициатором ее выступила

Германия, но ответственность несли все великие державы. Справедливой можно считать войну для Сербии и Бельгии, которые подверглись неспровоцированному нападению.

Российское правительство и крупные промышленники надеялись присоединить Галицию, проливы Босфор и Дарданеллы, контролировать ситуацию на Балканах. Лишь часть политической элиты предвидела внутривластные осложнения, неизбежные в случае войны. Например, бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в феврале 1914 г. направил записку Николаю II, в которой содержался блестящий политический прогноз последствий войны для судеб страны. Он, в частности, писал: «В случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна... Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расхажившие народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»¹. В первые же недели войны к подобным выводам пришел историк, двоюродный дядя Николая II, великий князь Николай Михайлович. Находясь при штабе Юго-Западного фронта, он очень быстро оценил масштабы войны, которая «продлится еще целые месяцы и годы». И в дневнике появляются провидческие строки: «Одно для меня ясно, что во всех странах произойдут громадные перевороты, мне мнится конец многих монархий и триумф всемирного социализма, который должен взять верх, ибо всегда высказывался против войны. У нас на Руси не обойдется без крупных волнений и беспорядков..., особенно если правительство будет бессмысленно лнуть направо, в сторону произвола и реакции»².

2. Бои на Восточном фронте в 1914–1916 гг.

С первых дней войны в Европе образовалось два фронта — Западный (против Бельгии и Франции) и Восточный (против России). Однако военные планы, разработанные в генеральных штабах обеих коалиций задолго до войны и рассчитанные на ее кратковременность, в первые же месяцы потерпели крах. Чтобы избежать войны

на два фронта, в 1914 г. Германия хотела молниеносным ударом разгромить Францию, а затем перебросить войска на восток против России. Однако предпринятое по просьбе союзников наступление русской армии в Восточной Пруссии и в Галиции (август 1914 г.) сорвало замыслы германского генштаба, заставив перебросить часть войск с Западного фронта на Восточный. Это позволило франко-английской армии выиграть битву на р. Марне (сентябрь 1914 г.), предотвратив падение Парижа.

17 августа две русские армии вторглись в Восточную Пруссию. В начале наступление русских армий в обход Мазурских озер развивалось успешно. Но оно было скоропалительным, а потому плохо подготовленным. Воспользовавшись отсутствием взаимодействия между 1-й и 2-й армиями, а также зная планы русского командования (германская разведка перехватила русскую радиogramму), немцам удалось окружить 2-ю армию. Из «котла» вырвались лишь 10 тыс. человек. Ее командующий генерал А. В. Самсонов пропал без вести (скорее всего, он застрелился). Потеряв 110 тыс. убитыми и 135 тыс. пленными, русские войска оставили Восточную Пруссию.

Более успешно развивалось наступление в Галиции. В нем участвовали 4 армии Юго-Западного фронта. Русские войска, отразив натиск австро-венгерской армии, перешли в контрнаступление и овладели Львовом и Галичем. В течение месяца была занята вся Галиция. Противник потерял свыше 300 тыс. человек, из них более 100 тыс. пленными. Потери русских войск составили 230 тыс. человек. Австро-венгерская армия до конца войны лишилась способности вести боевые операции без поддержки германских войск.

Спасая союзника, немцы начали наступление на Варшаву, но войска Северо-Западного фронта нанесли противнику серьезное поражение, хотя окружить немцев не смогли. В ноябре 1914 г. в ходе крупномасштабной Лодзинской операции (с обеих сторон в ней участвовало около 600 тыс. человек) русские и немецкие части тщетно пытались окружить друг друга. Обе стороны исчерпали свои наступательные возможности. К концу года на Западном и Восточном фронтах противники перешли к затяжной окопной позиционной войне — войне на истощение.

В ноябре 1914 г. начались боевые действия на Кавказе. Русские войска в ходе Саракамышской операции разгромили турецкую армию.

После этого поражения Османская империя так и не смогла восстановить свою боеспособность на Кавказе.

Оценивая вклад России в кампанию 1914 г., английский премьер-министр Ллойд Джордж впоследствии отмечал: «Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца... В 1914 г. планы были составлены точно с такой целью, и она чуть-чуть не была достигнута, если бы не Россия...»

В 1915 г. основным удар германо-австрийские войска планировали нанести на Восточном фронте. В русском штабе было принято решение усиленно действовать в двух направлениях — против Восточной Пруссии и Австро-Венгрии. Однако на такое наступление у России не было ни сил, ни средств. В феврале–марте 1915 г. встречные боевые операции велись с переменным успехом. Русские войска взяли 22 марта после длительной осады крепость Перемышль в Карпатах (только в плену оказалось 120 тыс. солдат, 2,5 тыс. офицеров противника и 900 орудий). В свою очередь, германские войска в Августовских лесах (Восточная Пруссия) окружили 20-й русский армейский корпус. Погибло 7 тыс. человек.

В мае 1915 г. германское и австрийское командование подготовило крупную наступательную операцию в районе Горлицы, на стыке австро-германской границы у Польши. Собрав в ударный кулак крупные силы и сосредоточив в районе прорыва тяжелые орудия, немцы обрушили на русские окопы огонь невиданной силы, продолжавшийся ровно сутки. За это время немецкие пушки выпустили 700 тыс. снарядов. За час до наступления загрохотали минометы, о которых русские солдаты еще не знали.

После 52 дней тяжелейших оборонительных боев русские войска оставили Галицию. Летом 1915 г. русская армия вела оборонительные бои в Польше и Прибалтике. Чтобы не оказаться в «польском мешке», русские войска оставили Польшу, Литву и Курляндию. К октябрю 1915 г. фронт стабилизировался на линии, проходившей от Тернополя на юге до Риги на севере. В оборонительных боях Россия потеряла убитыми, ранеными и пленными около 2,5 млн человек. Потери противника составили более 1 млн человек. Однако самое тяжелое за всю войну отступление не привело к разгрому Восточного фронта. Неудачи были обусловлены низким военно-экономическим потенциалом России, слабым обеспечением войск, ошибками высшего командования.

Неудачи 1915 г. вызвали широкое недовольство русского общества и критику действий правительства и командования. Последовали перестановки в руководстве армии. От своей должности был освобожден верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Этот пост занял Николай II, не обладавший стратегическим мышлением и не пользовавшийся авторитетом в армии. Начальником штаба Ставки стал талантливый генерал М. В. Алексеев.

Началась так называемая «окопная война». В 1916 г. Германия вновь направила основной удар против Франции, с февраля по декабрь безуспешно пытаясь овладеть крепостью Верден. Союзники ответили наступлением на реке Сомме (июнь–октябрь). Несмотря на большие потери с обеих сторон, передовая линия почти не изменилась. На восточном направлении наступление войск Юго-Западного фронта (командующий генерал А. А. Брусилов) против австро-германских войск в июне 1916 г. («брусиловский прорыв») было весьма успешным. За две недели боев русская армия значительно продвинулась на запад. Противник потерял до 1,5 млн убитыми, ранеными и пленными, а русские — полмиллиона солдат. Только переброска 30 немецких дивизий с запада избавила австрийский фронт от полного развала. Русское наступление спасло от разгрома итальянскую армию, помогло защитникам Вердена и подтолкнуло Румынию выступить на стороне Антанты.

В результате кровопролитных сражений 1916 г. стратегическая инициатива перешла в руки Антанты. Германия оборонялась на всех фронтах. К 1917 г. за два с половиной года войны, Россия потеряла убитыми около 2 млн, ранеными — 5 млн, пленными — 2 млн человек.

3. Война и российское общество

Начало войны вызвало в различных слоях населения взрыв патристических чувств. Волна германофобии захлестнула страну. Немецкое посольство подверглось разгрому, были разбиты многие магазины, принадлежавшие лицам с немецкой фамилией. Поэты предрекали триумфальный марш на «заносчивый Берлин». Рабочие прекратили забастовки. Часть их вышла на улицы с царскими портретами в руках. На Брянском заводе около 15 тыс. рабочих, служащих и членов их

семей устроили 21 июля (3 августа) 1914 г. патриотический молебен и манифестацию. 24 июля (6 августа) группа путиловских рабочих с английским флагом в руках демонстрировала на Невском проспекте свою верность «союзническому долгу». Правда, в последнем случае полиция приняла английский флаг за революционный и разогнала подозрительных мастеровых³. Символами патриотического движения стали переименование столицы 18 августа в Петроград и введение «сухого закона» 22 августа 1914 г.

Либеральные круги предложили государству помощь в организации снабжения армии, и оно ее приняло. Были созданы Всероссийский союз земств и Всероссийский союз городов. В 1915 г. они объединились в единую организацию «Земгор», занимавшуюся санитарным делом, заготовками и поставками для армии продовольствия, обмундирования и снаряжения. В мае 1915 г. представители деловых кругов создали Центральный военно-промышленный комитет для организации производства на нужды войны.

Патриотический подъем в стране влиял на моральный дух войск. Однако вскоре стало очевидным, что Россия не готова к войне, и не только в смысле нехватки вооружения или плохой организации войск. Масштабы войны объективно ставили на первое место в государственной внутренней политике задачи эффективной агитации и пропаганды, необходимые в предвидении суровой проверки морального духа общества. Идеологическое обоснование войны было слабым. Несмотря на общее понимание, что воюют против немцев «за Веру, Царя и Отечество», для большинства солдат (в массе своей неграмотных или малограмотных) война оказалась непонятной и чужой.

Генерал А. А. Брусилов с горечью писал в своих мемуарах: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя»⁴.

Фронтовые неудачи больно ударили по моральному духу армии. Начиная с зимы 1915–1916 гг. среди солдатской массы часто

ходили разговоры о том, что «союзники решили вести войну до последней капли русского солдата». И чем дольше она продолжалась, тем привлекательней была идея прекратить войну. Для борьбы с антивоенной агитацией и пораженческими настроениями в тылу правительство придумало наихудший способ: стали направлять на фронт «неблагонадежные элементы». Этим обстоятельством не без успеха воспользовались представители левых партий. Армия еще больше разлагалась.

Российское общество не было готово к тому, что придется вести войну на своей территории. После тяжелых поражений 1915 г. в сознание обывателя настойчиво внедрялся образ внутреннего врага. Постоянно шли разговоры о предательстве и вредительстве. Неудачи на фронте объяснялись кознями «придворной камарильи» и немецких агентов. Династия Романовых в военное время дискредитировала себя. С лета 1915 г. в печати стали появляться слухи, порочащие царя и правительство. Про царскую чету распространялись сальные шутки, где непременно персонажем выступал Распутин. Императрице приписывались заговоры и порочное поведение. Николая II презирало даже собственное окружение. Впечатление, что власть оказалась недееспособной, было всеобщим и исходило от людей самых разных политических взглядов.

Война породила такое трагическое явление, как «беженство». Массовое прибытие людей с западного театра военных действий в тыловые губернии началось летом 1915 г. Основная масса состояла из женщин, детей и стариков. Общая численность перемещенных граждан в период Первой мировой войны в России достигла 5 млн человек. Беженцы усиливали социальную напряженность в городах. С осени 1915 г. начались перебои в продовольственном снабжении столиц и других крупных городов.

К 1917 г. Российская империя переживала глубокий кризис. Внешне военная ситуация выглядела неплохо. Линия фронта стабилизировалась на линии Рига — Барановичи — Луцк. Но экономические, социальные, политические проблемы ощущались все более остро. Противник захватил 16 западных губерний, обладавших 20 % экономического потенциала страны. Из 15 млн мобилизованных 5 млн были убиты, пропали без вести, демобилизованы по ранению и инвалидности, попали в плен или дезертировали. Государственный долг за время войны вырос почти в четыре раза. Покупательная способность

Очередь за хлебом в Петрограде. 1917 г.

рубля упала до 27 копеек. Уровень жизни населения снизился на 20–25 %. К этому добавлялся нарастающий дефицит предметов потребления и особенно продуктов питания. С 1915 г. в Петрограде впервые появляются очереди (так называемые хвосты) сначала за кофе, а потом за все более насущными товарами. В 1916 г. были введены два «мясопустных дня» в неделю: среда и пятница. Постановлением правительства в эти дни запрещалась продажа мяса и приготовление мясных блюд в ресторанах и трактирах. Но наиболее опасным становился дефицит хлеба. Зерно в стране было. Оно лежало в Сибири, на Северном Кавказе, на Украине. Но железные дороги, занятые на 80 % обслуживанием военных нужд, не справлялись с перевозками. К тому же в ситуации «сухого закона», введенного в августе 1914 г., значительная часть зерна шла на изготовление самогона. Между тем температура «политического котла» определялась прежде всего положением в столице и центральных районах.

Ситуация становилась настолько пугающей, что 20 сентября 1916 г. Николай II писал жене: «Наряду с военными делами меня больше всего волнует вечный вопрос о продовольствии. Сегодня Алексеев (М. В. Алексеев — начальник штаба Ставки. — *Авт.*) дал мне письмо... от председателя комитета по продовольствию. Он открыто признается, что... цены все растут, и народ начинает голодать... Я никогда не был

купцом и просто ничего не понимаю в этих вопросах о продовольствии и снабжении...»⁵ В ноябре 1916 г. был принят закон «О продразверстке». По сути это была попытка получить зерно путем введения продналога. Губернии должны были поставить государству 600 млн пудов по твердой цене. Но для выполнения этого нужна была сильная власть, способная принудить всех земледельцев, и в первую очередь крупных, выполнять ее требования.

Сильной власти требовали и совершенно новые масштабы войны, новые способы ее ведения. К тому же массам населения были непонятны цели войны. Призывы водрузить православный крест над Св. Софией в освобожденном от турок Константинополе (Стамбуле) не воодушевляли миллионы крестьян, терявших своих кормильцев в ходе колоссальной бойни. В секретной информации с фронта все чаще сообщали о нежелании отдельных подразделений идти в бой, о случаях массовой сдачи в плен, о примерах «братания» с противником. Самый талантливый полководец русской армии А. А. Брусилов, командующий VIII армией, 5 июня 1916 г. в связи с этим издал приказ. Вот выдержки из него: «... сзади надо иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, еще хуже, сдаться противнику... по сдающимся должен быть направлен и ружейный, и пулеметный, и орудийный огонь...; на отходящих или бегущих действовать таким же способом, а при нужде не останавливаться также и перед поголовным расстрелом»⁶. По сути это был первый опыт создания в русской армии заградотрядов. Подобные приказы появились и в других армиях. Но инициатива отдельных генералов не могла изменить общую ситуацию. В тылу также распространялись настроения усталости от войны, общее недовольство.

Несмотря на войну, нарастало рабочее движение. Количество стачек за 1916 г. по сравнению с 1914 г. выросло более чем в 20 раз, а количество стачечников — в 30 с лишним раз⁷. Все чаще власти были вынуждены использовать для их подавления воинские части, что несло в себе угрозу для будущего.

Между тем в политической сфере все резче проявился кризис управления. Общим явлением стала «министерская и губернаторская чехарда». За годы войны сменилось 3 председателя Совета

министров, 5 министров внутренних дел, 2 министра иностранных дел, 3 военных министра, 3 министра юстиции. В общественном мнении все более нарастали слухи об особой отвратительной роли при Дворе Г. Е. Распутина, одного из «ясновидящих старцев», которыми была окружена склонная к мистицизму императрица Александра Федоровна. В октябре 1915 г. Николай II был награжден Георгиевским крестом, полагавшимся за личное мужество. По мнению властей, это должно было повысить авторитет монарха. Но, как всегда бывает в подобных ситуациях, эффект получился совершенно другой. По стране пошла гулять хлесткая фраза: «Царь с Егорием, а царица с Григорием». Эта несправедливая и оскорбительная выдумка сделала для краха самодержавия, пожалуй, больше, чем десятки революционных листовок. Она подрывала уважение к царской семье, без чего не может существовать монархия.

Все это вместе взятое усиливало широкое недовольство в обществе.

4. Политическая оппозиция в годы войны

Начавшаяся война потребовала от всех политических сил России определить свою позицию в новых условиях. Не только правые, но и либеральные партии заявили о полной поддержке власти. Государственная дума, собравшись на однодневную сессию 26 июля 1914 г., подавляющим большинством голосов проголосовала за военные кредиты. Кадеты призвали «отказаться от междоусобиц до победы». Представители национальных меньшинств заявили о преданности «русскому государству и народу». Только фракции большевиков и меньшевиков выступили с совместной декларацией, в которой звучали разноречивые фразы, что «война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетений», что «пролетариат чужд того фальшивого патриотизма, под прикрытием которого господствующие классы ведут свою хищническую политику», но, что «пролетариат... будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили, извне или изнутри»⁸. Ее зачитал меньшевик Хаустов. При голосовании социал-демократы и трудовики покинули зал заседаний. В знак протеста против войны большевики, несмотря на переименование столицы, продолжали именовать свою организацию

петербургской, а ее руководящий орган — Петербургским комитетом РСДРП. Он сохранял это название до апреля 1921 г.

В эти же дни и месяцы в партийных организациях РСДРП проходили дискуссии об отношении к войне. Немало большевиков считали, что нельзя осуждать социалистов Англии, Франции и особенно Бельгии, так как эти страны защищают европейскую цивилизацию от германского нашествия. Член партии с 1901 г. рабочий-металлист А. Г. Шляпников, находившийся в Стокгольме и осуществлявший связь между русской и заграничной частью ЦК, впоследствии писал Ленину, что вступление французских социалистов в буржуазное правительство он рассматривал как защиту республики. Ряд большевиков-эмигрантов вступили добровольцами во французскую армию. Депутат Думы большевик Г. И. Петровский в сентябре 1914 г. писал: «Переживаю раздвоенное чувство, когда заходит вопрос о поражении Бельгии, Франции и помощи запасным»⁹.

В первые месяцы войны немалая часть большевиков прекратила активную деятельность и по сути вышла из партии. Поскольку партийных билетов и единого учета в то время не существовало, то и серьезной статистики на этот счет не существует. Кстати, в 1920-е гг. это породило множество конфликтов в обществе старых большевиков и обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, когда часть этих людей стремилась установить себе более продолжительный партийный стаж. Вместе с тем в десятках большевистских листовок, выпущенных местными организациями за первые три месяца войны, звучали лозунги: «Долой войну!», «Долой кровавую бойню!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!», «Отечество наше там, где не будет ни царей, ни неволи!»¹⁰

«ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ-ПОРАЖЕНЦЫ»

В. И. Ленина война застала в местечке Поронино в австрийской части Польши. В обстановке всеобщей шпиономании русский эмигрант казался подозрительным местным блюстителем правопорядка. 25 июля (7 августа) 1914 г. у него провели обыск, обнаружив, в частности, тетради с цифрами для работы по аграрному вопросу. Полуграмотный жандарм заподозрил наличие шифра и связь с российской разведкой. На следующий день Ленин, явившийся по вызову в уездный городок Новый Тарг, был арестован и помещен в местную тюрьму.

Здесь ему пришлось провести 12 дней, до 6 (19) августа. Между тем в его защиту включились люди разных политических взглядов. В день ареста живший неподалеку Г. Е. Зиновьев под проливным дождем поехал на велосипеде к одному из местных социал-демократов искать помощи. Один из лидеров австрийской социал-демократии Виктор Адлер лично беседовал с министром внутренних дел, убеждая его, что господин Ульянов — непримиримый враг русского царизма.

Через несколько дней после освобождения Ленину было дано разрешение на проезд в Вену. Ленин, Крупская и ее мать Елизавета Васильевна покинули Поронино. С помощью все того же Адлера было получено разрешение на выезд в нейтральную Швейцарию. 23 августа (5 сентября) 1914 г. семья обосновалась в Берне, где они прожили до конца марта 1917 г. Здесь в марте 1915 г. умерла Елизавета Васильевна.

Уже 6–8 сентября 1914 г. группа большевиков в Берне обсуждала тезисы Ленина об отношении к войне. В них содержалась ее оценка как империалистической, звучал призыв к рабочим направить оружие против собственных буржуазных правительств, высказывалась необходимость создания республиканских Соединенных Штатов Европы. Из воспоминаний известно, как трудно многими большевиками воспринимались ленинские тезисы, особенно та их часть, где говорилось о необходимости разрыва со II Интернационалом¹¹. С обычной, присущей ему энергией Владимир Ильич в течение октября в различных городах Швейцарии прочитал пять докладов на эту тему. 11 октября в Лозанне он слушал реферат Г. В. Плеханова «Об отношении социалистов к войне». Что бы ни писали и ни говорили о характере Ленина, но отношение к Плеханову, несмотря на бурные идейные споры, было пронизано воспоминаниями молодости. В десятиминутном выступлении Владимир Ильич, с бледным, как гипсовая маска, лицом, с глуховатым от волнения голосом, резко обрушился на докладчика. Он подчеркивал, что долг социалиста состоит в превращении ложно национальной войны «в решительное столкновение пролетариата с правящими классами»¹². 19 октября (1 ноября) 1914 г., впервые после декабря 1913 г., вышла газета «Социал-демократ». Вместо передовой здесь был помещен манифест ЦК «Война и российская социал-демократия», написанный Лениным.

В России ленинская позиция по отношению к войне стала известна в сентябре–ноябре 1914 г. Было решено провести всероссийскую

партийную конференцию с участием 20–23 делегатов. Но многие из них были арестованы на месте или в пути. Делегат с Кавказа П. А. Джапаридзе был задержан на Финляндском вокзале в Петрограде. Встречу назвали всероссийским совещанием. Оно открылось вечером 2 ноября в Озерках, в пригороде Петрограда, на одной из дач. В нем участвовали представитель ЦК Л. Б. Каменев, пятеро депутатов-большевиков Государственной думы, представители Петрограда, Иваново-Вознесенска, Риги и Харькова. В центре внимания были ленинские тезисы о войне. Предлагались достаточно многочисленные редакционные поправки, отражавшие неприятие отдельных ленинских положений. Особенно сложным было отношение к шестому пункту ленинских тезисов: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великорусов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии»¹³. Его Л. Б. Каменев предлагал заменить формулой «Особенно опасно усиление победоносной царской монархии»¹⁴. Это означало частичный отход от ленинской постановки вопроса о поражении царизма как меньшем зле.

На третий день заседаний, 4 ноября, около пяти часов вечера на дачу ворвался отряд жандармов и полицейских. После обыска все делегаты вместе с хозяйкой дома были задержаны. Депутатов Думы, обладавших неприкосновенностью, через некоторое время освободили. В течение суток они успели уничтожить основную массу имевшихся у них документов, заявили официальный протест председателю Думы М. В. Родзянко. Вечером 5 ноября все пятеро депутатов были вновь арестованы. Любопытно, что, казалось бы, опытные подпольщики даже не выработали предварительно единую линию поведения на такой случай. Отказался давать показания М. К. Муранов. Остальные депутаты отрицали свою принадлежность к партии, не говоря уже о связях с ЦК. Г. И. Петровский заявил, что его точка зрения по вопросам войны не соответствует высказываниям газеты «Социал-демократ» и тезисам о войне. Главная фигура среди арестованных, Л. Б. Каменев, даже попросил занести в протокол допроса, что документы, отражающие позицию «пораженчества», «решительным образом противоречат» его личной точке зрения¹⁵.

Суд над депутатами-большевиками и другими участниками совещания состоялся 10 февраля 1915 г. В ходе него наиболее твердо держался Муранов. Он сказал: «Я себя считаю членом партии, поскольку я член фракции». От имени пятерки Петровский заявил, что они примыкали к большевистскому течению и «Правде». Но он вновь повторил, что не согласен с тезисами и остается на позиции, выраженной в думской декларации от 26 июля 1914 г. «Очень тяжелое впечатление», по словам А. И. Ульяновой-Елизаровой, произвела речь Каменева. Он через защиту возбудил ходатайство о вызове в суд в качестве свидетеля меньшевика Н. И. Иорданского для подтверждения своего несогласия с лозунгом поражения.

Поведение депутатов, и особенно Каменева, вызвало резкое недовольство многих большевиков. Я. М. Свердлов писал из туруханской ссылки: «Процессом депутатов не очень я доволен. Он должен был быть иным, более ярким, сильным. Надо было совершенно отбросить мысль о возможности получить минимальный приговор»¹⁶. Секретарь парижской секции большевиков Г. Я. Беленький выразил свое отношение словами: «Больно и досадно». Н. И. Бухарин, живший в это время в Лозанне, настаивал на исключении Каменева из партии¹⁷.

Подсудимые были приговорены к вечному поселению в Сибири. После их прибытия на место ссылки 5 июля 1915 г. в селе Монастырское было устроено собрание находившихся здесь большевиков. В нем приняло участие около 30 человек. Среди них были пять членов ЦК: Ф. И. Голощекин, Г. И. Петровский, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян и И. В. Сталин, а также член редакции центрального органа партии и уполномоченный ЦК Л. Б. Каменев. После отчета Г. И. Петровского и Л. Б. Каменева о процессе была принята резолюция, в целом одобрявшая работу фракции и ее поведение на суде. Однако депутатам было указано и на допущенные ими ошибки.

**Ссылные большевики — депутаты
IV Думы. 1915 г.**

**Туруханский край, с. Монастырское.
Среди ссыльных — Сталин, Каменев, Свердлов. 1915 г.**

Может показаться странным, но Ленин, писавший сразу после суда, что поведение Каменева «есть прием... с точки зрения революционного социал-демократа недопустимый», вскоре сменил гнев на милость. В сентябре 1915 г. он получил письмо Каменева из Сибири и ответил ему словами, что положение (испорчено) серьезно и поправлять надо серьезно¹⁸. С этого момента переписка с Каменевым стала относительно регулярной, конечно с учетом войны и наличия военной цензуры. В мае 1916 г. Ленин предлагал Зиновьеву, прежде чем публиковать заметку о суде над депутатами-большевиками, послать текст Каменеву и дожидаться его ответа. Он также одобрительно отнесся к появлению в петроградском издательстве «Волна» во второй половине 1916 г. брошюры Каменева «Крушение Интернационала»¹⁹.

Вместе с Каменевым и большевистскими депутатами Думы в туруханской ссылке находились еще несколько видных деятелей большевистской партии. С 1913 г. здесь проживали члены ЦК Ф. И. Голощекин, Я. М. Свердлов, С. С. Спандарян, И. В. Сталин. Заграничный состав большевистского ЦК дважды, в июле и октябре 1913 г.,

принимал решение об организации побега Джугашвили и Свердлова. Но поскольку другой дороги, кроме Енисея, не существовало, то побег становился делом практически несбыточным. Хотя для каждого из упомянутых выше это была не первая ссылка, она, наверно, оказалась самой тяжелой. «Столицей» Туруханского края являлось село Монастырское. Здесь имелись почта, телеграф, отделение Государственного банка, школа, больница и несколько торговых заведений. Именно сюда стремилось большинство ссыльных. Дело в том, что самым тяжелым в ссылке, как отмечало подавляющее большинство в ней побывавших, была почти полная изоляция от внешнего мира, невозможность товарищеского общения. Немалую роль играли отсутствие денежных средств и возможности найти оплачиваемую работу. В этой ситуации огромную роль играла переписка, пусть и нерегулярная. Я. М. Свердлов так писал жене 27 июня 1914 г. о встрече в ссылке со своим другом Ф. И. Голощекиным, избранным членом ЦК в феврале 1912 г.: «С ним дело плохо. Он стал форменным неврастеником и становится мизантропом. При хорошем отношении к людям вообще, к абстрактным людям, он безобразно придиричив к конкретному человеку, с которым ему приходится соприкасаться. В результате — контры со всеми... ему положительно невозможно жить долго вдали от кипучей жизни. Он портится, создает сам себе невыносимые условия существования... Его угнетает забвение друзей, хотя он и не говорит об этом... Пока же я просил бы тебя переписываться с ним... Простое дружеское письмо в здешних условиях значит очень много»²⁰.

Личная жизнь Иосифа Джугашвили

Среди ссыльных разыгрывались свои конфликты и драмы. Остановимся подробнее на рассказе о жизни в туруханской ссылке лишь одного из них — Иосифа Виссарионовича Джугашвили-Сталина.

Он был арестован в очередной раз 24 февраля 1913 г. в Петербурге, в здании Калашниковской биржи, во время проходившего там концерта-маскарада. 7 июня министр внутренних дел Н. А. Маклаков утвердил постановление Особого совещания о ссылке Джугашвили в Туруханский край на четыре года. В село Монастырское ссыльный прибыл 10 августа, на 26-й день пути. Первым местом его жительства стал станок (небольшой поселок в Сибири. — *Авт.*) Мироедиха,

а через пару недель — село Костино в 163 верстах (около 174 км) южнее Монастырского. Во второй половине сентября провел неделю в гостях в селе Селиваниха (16 км от Монастырского) у Свердлова и Голощекина. Между тем наступала долгая холодная сибирская зима. 7 ноября туруханский пристав И. И. Кибиров получил по доверенности посылку из Петербурга для ссыльного И. Джугашвили²¹.

Какие заботы одолевали в это время члена ЦК нелегальной партии и будущего диктатора одной из двух сверхдержав, показывают его перлюстрированные письма. Он писал в Петербург большевичке Т. А. Словатинской: «10 ноября... Татьяна Александровна, как-то совестно писать, но что поделаешь — нужда заставляет. У меня нет ни гроша. И все припасы вышли... Пока еще доверяют в кредит, но что будет потом, ей-богу, не знаю... Нельзя ли... раздобыть рублей 20–30? А то и больше. Это было бы прямо спасение, и чем скорее, тем лучше, так как зима у нас в разгаре (вчера было 33 градуса холода). А дрова не куплены в достаточном количестве, запас в исходе... Итак, за дело, дорогая. А то “кавказец с Калашниковской биржи” того и гляди [пропадет]...

12 ноября. Милая, дорогая Татьяна Александровна, получил посылку. Но ведь я не просил у Вас нового белья, я просил только своего, старого, а Вы еще купили новое, израсходовались, между тем жаль, денег у Вас очень мало. Я не знаю, как отплатить Вам, дорогая, милая-милая.

20 ноября. Милая, нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но... деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедленно телеграммой. Нет мочи ждать больше...»²²

В эти же дни будущий властитель огромного государства обратился к члену думской социал-демократической фракции, большевику и по совместительству агенту Департамента полиции, Роману Малиновскому: «...Здравствуй, друг. Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов холода), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахару, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одеяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова,

но... деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии... У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву... Передай мою просьбу Чхеидзе (идейному противнику. — *Авт.*) и скажи, что и его также прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции (единая социал-демократическая фракция в IV Думе существовала до ноября 1913 г., а затем разделилась на две: меньшевиков и большевиков. Сталин, естественно, об этом еще не знал. — *Авт.*)... Понимаю, что всем вам, а тебе особенно, некогда, нет времени, но, черт меня дерни, не к кому больше обращаться. А околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, не хочется. Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу, потому что ждать дальше — значит голодать, а я и так истощен и болен... Ну-с, жду от тебя просимого и крепко жму руку, целую, черт меня дери... Неужели мне суждено здесь прозябать четыре года? Твой Иосиф»²³.

Такие же письма с просьбой о деньгах и с жалобами, что он получил лишь 70 руб. (среднемесячная зарплата рабочего в это время составляла около 30 руб., а минимальная продуктовая корзина в Петербурге стоила 7 руб. 50 коп. — *Авт.*), Иосиф Джугашвили направил в декабре Г. Е. Зиновьеву за границу и в Петербург будущему тестю С. Я. Аллилуеву. Кстати, в связи с получением в январе 1914 г. переводов на 85 руб. Джугашвили согласно правилам был лишен права на получение казенного пособия на период февраля–июля 1914 г. В начале февраля ему поступил еще один перевод — на 50 руб.²⁴

Но поскольку начальство постоянно получало оперативные данные о подготовке побега Джугашвили и Свердлова, их в марте 1914 г. перевели в станок Курейка, находившийся на 200 км севернее Полярного круга. Здесь было всего восемь домов и 67 жителей. Естественно, что два идейно близких человека поселились в одном доме. Но вскоре между ними возникли конфликты. Меньше чем через месяц они разъехались по разным квартирам. В конце июня 1914 г., вспоминая об этом, Я. М. Свердлов писал жене К. Т. Новгородцевой: «Со своим товарищем мы не сошлись характером и почти не видимся, не ходим друг к другу». Насколько конфликт был тяжелым для Свердлова, говорит то, что в очередном письме жене 16 ноября 1914 г. он вновь повторил: «Ты же знаешь, родная, в каких гнусных условиях я жил

в Курейке. Товарищ, с которым мы были там, оказался в личном отношении таким, что мы не разговаривали и не виделись»²⁵.

Причины конфликта крылись в различном отношении к обязанностям в быту. Еще 22 марта, т. е. через неделю после начала пребывания под одной крышей, Свердлов писал жене: «Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы встречались в ссылке, другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обычной жизни»²⁶.

По воспоминаниям питерского рабочего Бориса Иванова, ссыльного большевика, подружившегося со Свердловым, И. В. Джугашвили пытался переложить на товарища все заботы по дому: пилку и колку дров, топку печи, приготовление обеда, мытье посуды, уборку комнаты и т. п. Доходило до того, что Коба (партийная кличка Сталина. — *Авт.*) ставил тарелки с остатками пищи на пол, чтобы пес вылизал посуду²⁷.

В Курейке у Сталина завязались также интимные отношения с 14-летней Лидией Перепрыгиной. Первый их ребенок умер, а затем родился сын Александр. У Лидии было пять братьев, и, возможно, Сталину пришлось дать обещание жениться на девушке. Но впоследствии будущий вождь уехал и навсегда забыл об этой истории. Лидия вышла замуж за местного крестьянина Давыдова, который усыновил мальчика. К 1956 г. Александр был майором Советской Армии²⁸.

В сентябре 1914 г. Курейку покинул Свердлов, возвращенный по ходатайству его и его друзей обратно в Селиваниху, недалеко от Монастырского²⁹. Сталин остался в Курейке один, среди людей, которых абсолютно не интересовали общественно-политические проблемы. Крайне редкие поездки в Монастырское были настоящим событием. Даже ему, человеку, по всем отзывам, достаточно спокойно переносившему одиночество, приходилось нелегко. В письме от 25 ноября 1914 г. к будущей теще Ольге Евгеньевне Аллилуевой он просил о том, чтобы его не забывали: «Я буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма (открытки. — *Авт.*) с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия — летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, и до глупости истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге»³⁰.

Вместе с тем факты опровергают красивую, но недостоверную версию Э. Радзинского о большевике Кобе, который потерял веру «в бога Ленина и товарищей», который «по целым дням... лежит,

повернувшись лицом к стене», утратив веру в жизнь³¹. Он продолжал поддерживать, пусть нерегулярную, переписку с руководством большевистской эмиграции, живо интересуясь общественно-политической жизнью. Сохранилось его письмо Г. Е. Зиновьеву от 20 мая 1914 г., где Коба писал: «Дорогой друг! Горячий привет вам, В. Фрею (один из псевдонимов Ленина — *Авт.*). Сообщаю еще раз, что письмо получил. Получили ли мои письма? Жду от вас книжек Кострова (псевдоним Н. Н. Жордания — *Авт.*). Еще раз прошу прислать книжки Штрассера, Паннекука и К. К. Очень прошу прислать какой-либо (общественный) английский журнал (старый, новый, все равно — для чтения, а то здесь нет ничего английского и боюсь растерять без упражнения уже приобретенное по части английского языка). Присылку “Правды” почему-то прекратили. Нет ли у вас знакомых, через которых можно было бы добиться ее регулярного получения? А как Бауэр? Не отвечает? Не можете ли прислать адреса Трояновского и Бухарина? Привет супруге Вашей и Н. (видимо, Н. К. Крупской. — *Авт.*). Крепко жму руку... Я теперь здоров»³².

Помнили о своем товарище Кобе и в большевистской эмиграции. 21 августа 1915 г. Ленин информировал В. А. Карпинского: «Коба прислал привет и сообщение, что здоров». Дважды (в июле и в ноябре 1915 г.) Ленин просил Зиновьева и Карпинского сообщить настоящую фамилию Кобы³³. Некоторые авторы делают из этого вывод, что Коба стал «революционером второго разряда», что Ленину было не до Сталина, а доказательством этого является его неспособность вспомнить «фамилию верного Кобы»³⁴. Однако неудобно напоминать дипломированным историкам о реальных исторических обстоятельствах того времени; о том, что члены нелегальных партий, спасаясь от провалов, предпочитали общаться друг с другом с помощью партийных псевдонимов; что даже Департамент полиции не всегда идентифицировал В. И. Ульянова, В. И. Ленина с множеством других его подпольных кличек.

Конечно, Сталин не находился в числе людей, близких к Ленину лично. Но при той скудости большевистских кадров, могущих и готовых продолжать революционную деятельность, каждый такой человек был буквально на вес золота. Другое дело, что, как уже упоминалось выше, реальный побег из Тунгусского края был невозможен в это время. Трудно сказать, почему в ноябре 1915 г. Ленину понадобилась фамилия Кобы. Он пишет: «... узнайте (от Степко

(Н. Д. Кикнадзе. — *Авт.*) или Михи (М. Г. Цхакая — *Авт.*) фамилию “Кобы” (Иосиф Дж...?? мы забыли). Очень важно!!»³⁵

Кстати, именно в это же время, 10 ноября 1915 г., датировано очередное письмо Сталина за границу: «Дорогой друг! Наконец-то, получил ваше письмо. Думал было, что совсем забыли раба божьего — нет, оказывается, помните еще. Как живу? Чем занимаюсь? Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии или почти полном отсутствии серьезных книг? Что касается национального вопроса, не только “научных трудов” по этому вопросу не имею (не считая Бауэра и пр.), но даже выходящих в Москве паршивых “Национальных проблем” не могу выписать из-за недостатка денег. Вопросов и тем много в голове, а материалу — ни зги. Руки чешутся, а делать нечего. Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу вам сказать, что ни в одной ссылке не приходилось жить так незавидно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли у вас случайно денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Что же, валяйте! Клянусь собакой, это было бы как нельзя более кстати. Адрес для денег тот же, что и для писем, т. е. на Спандаряна.

А как вам нравится выходка Бельтова (Г. В. Плеханова. — *Авт.*) о “лягушках”? Не правда ли, старая, выжившая из ума баба, болтающая вздор о вещах для нее совершенно непостижимых.

Видел я летом Градова (Л. Б. Каменева. — *Авт.*) с компанией. Все они немножечко похожи на мокрых куриц. Ну и “орлы”!..

Между прочим... Письмо ваше я получил в довольно оригинальном виде: строк десять зачеркнуто, строк восемь вырезано, а всего-то в письме не более тридцати строчек. Дела... Не пришлете ли чего-либо интересного на французском или на английском языке? Хотя бы по тому же национальному вопросу. Был бы очень благодарен. На этом кончаю. Желаю вам всем всего-всего хорошего. Ваш Джугашвили»³⁶.

Одновременно он переписывался с Каменевым, Г. И. Петровским и, конечно, С. С. Спандаряном, с которым был дружен с 1902 г.

В частности, в письме Каменеву в Яланскую волость Енисейского уезда от 5 февраля 1916 г. Джугашвили писал: «Здравствуй, дорогой друг... В ответ на вопрос Григория (Г. Е. Зиновьева. — *Авт.*) о планах моей работы по национальному вопросу могу сказать следующее. Сейчас я пишу две большие статьи: 1) национальное движение в его развитии и 2) война и национальное движение. Если соединить в один сборник 1) мою брошюру «Марксизм и национальный

вопрос», 2) не вышедшую еще, но одобренную к печати большую статью «О культурно-национальной автономии» (та самая, справку о которой ты навел у Авилова), 3) постскрипtum к предыдущей статье (черновик имеется у меня), 4) национальное движение в его развитии и 5) война и национальное движение — если, говорю, соединить все это в один сборник, то, быть может, получилась бы подходящая для упомянутого в твоём письме Сурену издательства книга по теории национального движения». Содержалась в тексте и просьба передать это письмо Ленину³⁷.

Думаем, что стиль писем явно говорит о человеке энергичном, а не впавшем в депрессию. Некоторые фразы, относительно Плеханова, Каменева и депутатов, напоминают знаменитые выражения Сталина, уже держащего руль власти. Характер Сталина также ярко виден из сопоставления пренебрежительной фразы о Каменеве («мокрые курицы») и обращения к нему «дорогой друг».

Кстати, через год у Сталина появилась возможность восстановить личное общение с Каменевым, с которым они были знакомы с 1904 г. В октябре 1916 г. военные власти решили призвать на действительную военную службу часть политических административно-ссыльных. Среди попавших в это число был И. В. Джугашвили. В середине декабря его с другими призывниками отправили из села Монастырского в Красноярск. В феврале 1917 г. военно-врачебная комиссия признала Сталина негодным к военной службе. После этого ему было разрешено отбывать ссылку в г. Ачинске. Здесь в это время проживали Л. Б. Каменев, М. К. Муранов и ряд других ссыльных большевиков. Именно отсюда 8 марта 1917 г., после краха царизма, они выехали в Петроград.

Таким образом, при всех личных конфликтах, несходстве характеров большинство активных деятелей большевистской партии, находившихся в ссылках и тюрьмах, продолжали сохранять исторический оптимизм и веру в грядущую революцию.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КОВЧЕГ»

В революционно-социалистическом движении, кроме революционных интернационалистов или «пораженцев», сформировались и другие направления: патриотическое или оборонческое, а также пацифистско-интернационалистское. Препятствия идеологические

и тактические разногласия отошли на задний план, а главным стал вопрос об отношении к войне. На крайне патриотическом фланге оказался Плеханов. В феврале 1915 г. он так формулировал свою позицию: «Русский народ защищает свободу и независимость всех европейских стран, международное право и справедливость... Как бы ни была тяжела война, каких бы жертв она ни требовала, нельзя складывать оружие до тех пор, пока хоть один немецкий солдат останется на почве русской ли, французской, бельгийской или сербской — все равно»³⁸. Близкими к мнению Плеханова оказались взгляды части эсеров. Их объединяла формула «Сначала победа — потом революция».

В пацифистско-интернационалистском течении существовало множество групп, отличавшихся друг от друга не по сути своей позиции, а по ее оттенкам. Их объединяло признание войны империалистической по своему характеру, требование демократического мира без аннексий и контрибуций, лозунг «Ни побед, ни поражений». Внутри этого направления выделялись правый и левый центр. К первому принадлежали фракция меньшевиков в Думе во главе с Н. С. Чхеидзе, Организационный комитет (ОК) РСДРП, игравший с 1912 г. роль меньшевистского центра в России; ряд эсеровских групп. К этому течению принадлежал и живший в Париже один из лидеров эсеров В. М. Чернов. Левые меньшевики-интернационалисты в эмиграции группировались вокруг парижских газет «Голос» (выходила до середины января 1915 г.) и «Наше слово» (выходила в январе 1915 — сентябре 1916 г.). В первой из них ведущую роль играл Ю. О. Мартов, во второй — сначала Мартов и Л. Д. Троцкий, а с лета 1915 г. — один Троцкий. Среди сотрудников и корреспондентов этих газет были и некоторые в будущем весьма известные большевики В. А. Антонов-Овсеенко, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, М. Н. Покровский, Д. Б. Рязанов, М. С. Урицкий, Г. В. Чичерин. В России к ним примыкали так называемые «межрайонцы» (Межрайонная организация объединенных социал-демократов), организация, возникшая в Петербурге в ноябре 1913 г., а также часть эсеров. Левоцентристы были готовы к созданию в борьбе против войны объединенного фронта всех социалистических сил с участием большевиков. «Межрайонцы» уже весной 1915 г. поддержали ленинский призыв к превращению войны империалистической в войну гражданскую. С осени 1915 г. все чаще контакты с большевиками

в России устанавливали эсеры-интернационалисты. Осенью 1915 г. в Заграничное бюро ЦК почти одновременно поступили два письма активных эсеров В. А. Александровича и Е. Полубинова. Последний предлагал открыть доступ в большевистские организации для эсеров-интернационалистов, а Александрович выдвигал идею тесного контакта большевиков и эсеров-интернационалистов. Ленин ответил Александровичу большим письмом, в котором советовал помогать большевикам и левым эсерам отдельно, ибо «сближение, когда возможно, пойдет нормальнее»³⁹. Одновременно часть меньшевиков и эсеров, противников войны, отпугивало от большевиков постоянное стремление последних играть в любом союзе роль всадника. Брат Мартова С. О. Цедербаум (Ежов) писал в октябре 1916 г. из Саратова А. В. Луначарскому: «...к несчастью, во всех вопросах они (большевики. — *Авт.*) остались прежними; поэтому схождение в злободневных вопросах не дает еще возможности идти с ними рука об руку. Да и схождение это, стоит только копнуть, быстро оказывается весьма проблематичным. Сие, однако, не мешает на практике иной раз идти вместе». Тем не менее, на практике в России в ситуации малочисленности леворадикальных групп прежние разногласия отступали на задний план.

В Смоленске и Чернигове в 1916 г. существовали большевистско-эсеровские военные организации. В Военный социалистический союз в Томске в конце 1916 — начале 1917 г. входили большевики, меньшевики и эсеры. В Екатеринбурге социал-демократы и эсеры вместе работали в организации помощи беженцам. В Николаеве в 1916 г. активно действовала группа 15–20 человек, состоявшая из большевиков, меньшевиков, левых эсеров и беспартийных⁴⁰. Часть большевиков склонялась к организационному объединению с интернационалистскими элементами других левых партий. Пленум Петербургского комитета РСДРП 21 ноября 1915 г. принял решение ускорить работу по подготовке к созыву общегородской конференции для объединения всех социал-демократов, выступающих против войны. Известный большевик С. Я. Багдатов писал в Заграничное бюро ЦК из Петербурга: «Объединение всех интернационалистов, всех революционных социал-демократов в нашей организации есть задача дня. Старые организационные счета нужно отбросить ныне...»⁴¹

В этой ситуации и позиция Ленина не была однозначной. С прищипом ему в политической борьбе бешеным темпераментом он резко

обрушился на тех, кто не принимал его лозунги: «Война войне», «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую», «Поражение своего правительства», «Главный враг — царизм». Но одновременно он приветствовал всякий голос против социал-шовинизма. В частности, в октябре 1914 г. Ленин назвал газету «Голос» «лучшей социалистической газетой в Европе», хваля Мартова за то, что тот «критикует свое правительство,... разоблачает свою буржуазию,... ругает своих министров»⁴². Вместе с тем он решительно высказывался против организационного объединения с меньшевистско-эсеровскими интернационалистскими группами. 3 октября Ленин писал А. Г. Шляпникову в Стокгольм (тот собирался выехать в Петроград для руководства Русским бюро ЦК): «Примиренчество и объединенчество есть вреднейшая вещь для рабочей партии в России, не только идиотизм, но и гибель партии»⁴³.

Обстановка войны крайне затруднила живую повседневную связь большевистской эмиграции со своими сторонниками в России. Департамент полиции и охранные отделения, располагавшие внутри всех оппозиционных направлений своими осведомителями, регулярно производили «выемку» наиболее активных работников. Например, состав Петербургского комитета за годы войны обновлялся около 30 раз. ЦК в качестве уполномоченных летом 1915 г. направил в Россию из Швейцарии Н. В. Крыленко и Е. Ф. Розмирович. Но вскоре после приезда в Москву они были арестованы на основании агентурных данных. С ноября 1915 г. несколько месяцев в Петрограде находился А. Г. Шляпников как представитель ЦК. Ему удалось создать Русское бюро ЦК. В него были кооптированы (введены без выборов) бежавший из Нарымской ссылки В. Н. Залежский, И. И. Фокин, Г. И. Осипов. Немного позже членами Бюро стали правдист К. С. Еремеев и Е. А. Дунаев, известный по руководству иваново-вознесенской стачкой в 1905 г. Но к весне Бюро было разгромлено службами политического розыска и его деятельность фактически прекратилась. После ареста старшей сестры Ленина А. И. Ульяновой-Елизаровой осенью 1916 г. Владимир Ильич писал в уже упоминавшемся письме Шляпникову: «Самое больное место теперь: слабость связи между нами и руководящими рабочими в России!! Никакой переписки!! Никого, кроме Джемса (партийный псевдоним А. И. Ульяновой-Елизаровой. — *Авт.*), а теперь и его нет!! Так нельзя... В этом гвоздь»⁴⁴.

Ленин в Швейцарии

В этой ситуации Ленин много времени уделяет теоретическим вопросам. Из крупных и важных для теоретических взглядов Ленина работ надо назвать книгу «Империализм как высшая стадия капитализма», статьи «О национальной гордости великороссов», «О лозунге Соединенных Штатов Европы», «Военная программа пролетарской революции». В свое время эти книги и статьи обязательно изучались в средних и высших учебных заведениях. Поэтому заметим лишь, что ленинские лозунги и теоретические выводы были связаны с идеей мировой пролетарской революции, которая противопоставлялась мировой войне. Жизнь доказала утопичность важнейших из этих положений. Оказалось, что так называемое капиталистическое, а точнее индустриальное и постиндустриальное общество обладает гораздо большими возможностями к реформированию, к социальной трансформации, чем казалось радикальным социалистам начала XX века.

Вместе с тем не правы, на наш взгляд, и те, кто сегодня обвиняет Ленина в национальном нигилизме; представляет его как человека, готового пожертвовать Россией ради разжигания «мирового пожара». Стоит лишь внимательно прочитать ленинскую статью «О национальной гордости великороссов». Она была опубликована в декабре 1914 г. В ней есть строчки, которые и сегодня, по нашему мнению, звучат весьма современно: «... мы..., полные чувства национальной гордости, хотим во что бы то ни стало свободной и независимой, самостоятельной, демократической, республиканской, гордой Великороссии, строящей свои отношения к соседям на человеческом принципе равенства, а не на унижающем великую нацию крепостническом принципе привилегий»⁴⁵. К сожалению, в последующие десятилетия, в годы

Первое издание книги Ленина

правления созданной Лениным Коммунистической партии эти прекрасные слова во многом оставались лишь красивым лозунгом, за которым скрывались совсем другие реалии.

К тому же Ленин решительно отмежевывался от социалистов, которые выступали за поражение царизма как сторонники победы стран Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария). Получив письмо из Стамбула от М. И. Баска-Меленевского, одного из руководителей прогерманского «Союза освобождения Украины», с предложением о сотрудничестве, Ленин ответил 12 января 1915 г.: «Вы явно ошибаетесь: мы стоим на точке зрения интернациональной революционной социал-демократии, а Вы — на точке зрения национально-буржуазной. Мы работаем за сближение рабочих разных (и особенно воюющих) стран, а Вы, видимо, сближаетесь с буржуазией и правительством “своей” нации. Нам не по дороге»⁴⁶.

Во-вторых, Ленин в это время был открыт для теоретических споров. И что особенно важно, умел слышать аргументы своих оппонентов. Это, в частности, касается призыва создать «Соединенные Штаты Европы». Сам лозунг принадлежал К. Каутскому, который писал в 1908 г., что «Соединенные Штаты Европы будут возможны при победе пролетариата — и не только возможны, но даже неминуемы». Поэтому данный лозунг в 1914 г. появился сначала в ленинских тезисах о войне, а затем в манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». На Бернской конференции заграничных секций РСДРП в феврале–марте 1915 г. оппонентами Ленина по вопросу о лозунге «Соединенные Штаты Европы» выступили несколько делегатов, в том числе В. М. Каспаров и Г. Л. Шкловский. И хотя Ленину удалось получить поддержку большинства делегатов, аргументы противников заставили его задуматься. Тем более, что от К. Радека он узнал о доводах, высказанных против этого тезиса Розой Люксембург. По воспоминаниям Г. Л. Шкловского, на следующий же день после принятия упомянутой резолюции Ленин заявил делегатам конференции примерно следующее: «Хотя мы вчера приняли решение о Соединенных Штатах Европы, но ввиду того, что вопрос этот в наших рядах вызвал большие споры, и, кроме того, некоторые заграничные революционеры, например товарищ Роза Люксембург, решительно высказываются против этого, ЦК предлагает вчерашнее решение отменить и оставить вопрос открытым, перенеся дальнейшую дискуссию на страницы ЦО (центрального органа. — *Авт.*)». Это предложение и было принято⁴⁷.

23 августа 1915 г. в газете «Социал-демократ» появилась статья Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», где автор, частично используя доводы оппонентов, доказывал теперь неправильность этого лозунга и возможность победы социализма «первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁴⁸. Конечно, жизнь опровергла и эту позицию Ленина, и его товарищей, В Европе возникло содружество стран с общей валютой, с прозрачными границами, с шенгенской визой, свободным перемещением грузов и рабочей силы и т. п. Но мы остановились на этом эпизоде, поскольку даже в многотомной «Истории КПСС» о реальных обстоятельствах появления данной ленинской статьи ничего не было сказано⁴⁹.

Его ближайшими сотрудниками, а нередко и оппонентами, были в это время И. Ф. Арманд, Н. И. Бухарин, Е. Б. Бош, Г. Е. Зиновьев, В. А. Карпинский, А. М. Коллонтай, Ю. Л. Пятаков, А. Г. Шляпников. Особенно тесным было повседневное сотрудничество с Г. Е. Зиновьевым. Летом 1915 г. они вместе подготовили брошюру «Социализм и война»⁵⁰. Достаточно сказать, что за время пребывания в Швейцарии было написано 88 писем и записок Г. Е. Зиновьеву, 81 — В. А. Карпинскому, 67 — И. Ф. Арманд, 31 — А. Г. Шляпникову, 24 — А. М. Коллонтай⁵¹.

Эмигрантская обстановка, невозможность активно участвовать в политической борьбе удручающе действовали на Ленина. Его энергии было тесно в тихой Швейцарии, раздражали возражения, казавшиеся ему пошлыми и бессмысленными. Отсюда резкость, присущая Ленину в теоретических спорах всегда, приобретала в эти годы повышенный градус.

Главными оппонентами были так называемые «японцы» (бежавшие из сибирской ссылки через Японию и прибывшие в Швейцарию в феврале 1915 г. Г. Л. Пятаков и Е. Б. Бош), а также Н. И. Бухарин. Летом 1915 г. эта тройка перебралась в Швецию. Попытка совместно с ними издавать журнал «Коммунист» наталкивалась на разногласия. Отсюда выражения в письмах о «кулачествующих дурнях»,

Н. И. Бухарин. 1910 г.

о «жуликах», о «двух дураках, занятых счетом денег»⁵². Весной 1916 г. в большом письме к А. Г. Шляпникову Ленин стремился более спокойно объяснить свою позицию. Он, в частности, писал о Бухарине: «Ник[олай] Ив[анович] занимающийся экономист, и в этом мы его всегда поддерживали. Но он (1) доверчив к сплетням и (2) в политике дьявольски неустойчив»⁵³. После арестов шведских левых весной 1916 г. Бухарин и его друзья были высланы в Норвегию. Осенью того же года Бухарин нелегально отправился в Соединенные Штаты Америки. В Нью-Йорке начал работать в газете «Новый Мир» и вскоре фактически возглавил ее редакцию.

Но, несмотря на всю ругань, переписка Ленина и Бухарина продолжалась. Последнее сохранившееся за этот период письмо Ленина датировано 14 октября 1916 г., написано накануне отъезда Бухарина в США. Начиналось оно словами «Дорогой Н. [иколоай] И. [ванович]» и хотя содержало полемику по поводу отвергнутой статьи Бухарина, но тут же Ленин подчеркивал свое уважительное отношение к адресату⁵⁴.

Много нелицеприятных слов было высказано в эти годы в адрес Троцкого. Лев Давидович, как всегда, имел на все происходящее собственную точку зрения, или, по словам Мартова, приходил «со своим собственным стулом». Ленин обвинял Троцкого в соглашательстве, в желании найти общий язык с Плехановым и Чхеидзе. Отсюда он называл его «заграничным лакеем оппортунизма» и другими нехорошими словами⁵⁵. «Вреднейшим каутскианцем» именовал Ленин и другого видного деятеля международного социалистического движения, Х. Г. Раковского, сыгравшего через небольшой период активную роль в победе большевиков в гражданской войне⁵⁶.

К тому же Ленина мучила постоянная нехватка денег. 29 января 1916 г. в связи с планами две-три недели поработать в библиотеках Цюриха он запрашивал большевика М. М. Харитонova о возможности для получения финансов прочесть пару рефератов (лекций); о том, сколько будет стоить комната на двоих (хотя бы с одной кроватью), самая дешевая, в рабочей семье; «обед в столовке», утренний завтрак и кофе вечером. Заканчивалось письмо фразой «Очень буду благодарен за откровенный ответ, только без преувеличенных обещаний»⁵⁷. Уже находясь в Цюрихе, Ленин обратился к большевичке С. Н. Равич с просьбой помочь организовать его выступления в Женеве, «ибо у меня сугубое безденежье»⁵⁸.

Иногда это настроение прорывалось в письмах любимой женщине и верному другу Инессе Арманд. Он писал ей 18 декабря 1916 г.: «Вот она, судьба моя. Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошlostей, оппортунизма и т. д. Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого. Ну, а я все же не променял бы сей судьбы на “мир” с пошляками»⁵⁹.

Поэтому с таким жаром Ленин в эти месяцы налаживал связи с социалистами-интернационалистами других воюющих и нейтральных стран. Важным событием для него стало проведение с 5 по 8 сентября 1915 г. международной социалистической конференции в швейцарской деревне Циммервальд. Сюда приехали 38 человек, представлявших различные оттенки центристско-пацифистского и леворадикального направлений. Среди участников были П. Б. Аксельрод, Г. Е. Зиновьев, К. Радек, Ф. Платен, Х. Г. Раковский, Л. Д. Троцкий, В. М. Чернов. При всех разногласиях их объединяло неприятие мировой войны и ее целей. Восемь человек создали группу — так называемую «Циммервальдскую левую», зародыш будущего III Интернационала. Вторая Международная социалистическая конференция прошла 24–30 апреля 1916 г. Она открылась в Берне, а продолжила работу в деревне Кинталь. Присутствовало 43 делегата от организаций России, Польши, Германии, Италии, Франции, Австрии, Сербии, Португалии. Швейцарии. В левую группу входили 12 человек, в том числе Ленин, Зиновьев, И. Арманд, К. Радек и др. Это был следующий шаг к созданию III Интернационала.

«Глупость или измена»?

Между тем внутриполитическая ситуация в России становилась все более напряженной. Поражения в ходе войны, «министерская и губернаторская чехарда» вызывали в этих кругах все большее недовольство. В ходе второй сессии Государственной думы (1 августа — 16 сентября 1915 г.) большинство депутатов образовало Прогрессивный блок. В него вошли не только октябристы и кадеты, но и часть правых и даже знаменитый лидер монархистов В. М. Пуришкевич. Блок настаивал на создании правительства, пользующегося «доверием страны», политической амнистии, прекращении религиозной дискриминации, подготовке закона об автономии Польши и т. д. В ответ царь прекратил заседания Думы. В последующие месяцы

ситуация лишь продолжала обостряться. В октябре 1915 г. один из лидеров кадетов, В. А. Маклаков, родной брат министра внутренних дел (до июня 1915 г.), опубликовал в газете «Русские ведомости» фельетон. В нем он сравнил Россию с автомобилем, который ведет к неизбежной аварии неумелый шофер (правительство). При этом водитель отказывается выпустить руль из рук. А пассажиры (либералы) не решаются его отнять, ибо понимают, что одно неловкое движение может привести к катастрофе и общей гибели.

От правящего монарха, по сути, отвернулись все общественные силы: от крайне правых до крайне левых. Даже монархисты не верили в способность государя остановить надвигающуюся революцию. На новой сессии Думы (13 ноября — 30 декабря 1916 г.) с ее трибуны на власть обрушился буквально ураган критики. Один из лидеров правых, В. М. Пуришкевич, закончил речь в Думе против «темных сил» словами: «Да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней общественной жизни». А. Ф. Керенский от имени фракции трудовиков требовал отставки «всех министров, предавших свою страну». Но наибольший отклик нашла в стране речь лидера кадетов, историка П. Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. Обвиняя «придворную партию» в подготовке сепаратного мира с Германией, в огромных упущениях в тылу и на фронте, он сопровождал это постоянным рефреном: «Что это: глупость или измена?». Запрещенный цензурой к публикации текст выступления разошелся в списках. Именно после этой речи у князя Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона, жена того на племяннице Николая II, возникла мысль об убийстве Распутина. Лидер октябристов А. И. Гучков, человек действия, разрабатывал план военного переворота, имея целью устранить царя и заменить его Михаилом Александровичем. Об этих планах знал генерал М. В. Алексеев.

Политическая оппозиция сформировалась даже внутри императорской семьи. Великие князья Михайловичи: Николай Михайлович, Михаил Михайлович, Сергей Михайлович, Александр Михайлович — один за другим призывали своего двоюродного племянника отстранить от участия в управлении страной Александру Федоровну, заключить соглашение с Думой. Неформальным лидером здесь был великий князь Николай Михайлович. 1 ноября 1916 г. он приехал в ставку (г. Могилев) и в беседе с августейшим родственником призывал его оградить политику от влияния Распутина и царицы.

Во врученной царю записке были строчки: «Так дальше управлять нельзя... Ты находишься накануне эры новых волнений... Я это делаю... только ради надежды и упования спасти Тебя, Твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и непоправимых последствий»⁶⁰. В ночь на 17 декабря 1916 г. во дворце князя Феликса Юсупова, при участии великого князя Дмитрия Павловича и Пуришкевича, был убит Распутин. Убийц поздравляли члены императорской фамилии, в том числе родная сестра императрицы — великая княгиня Елизавета Федоровна. Накануне, 14 декабря, царица призывала мужа: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех... я бы сослала Львова (князь Г. Е. Львов — председатель Всероссийского земского союза. — *Авт.*) в Сибирь... Милюкова, Гучкова (А. И. Гучков — лидер партии «Союз 17 октября». — *Авт.*) и Поливанова (военный министр в июне 1915—марте 1916 гг. — *Авт.*) — тоже в Сибирь. Керенского на виселицу!» Но царь предпочитал делать вид, что ситуация в стране в целом нормальная. На последней встрече с председателем Думы М. В. Родзянко в ответ на заклинания последнего, что Россия катится в пропасть, Николай II ответил: «У меня другие сведения».

В действительности, через несколько дней после убийства Распутина, Николай Михайлович записал в дневнике: «Все, что они совершили... полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной и с Протопоповым (министр внутренних дел с 16 сентября 1916 г. по 28 февраля 1917 г. — *Авт.*)... снова у меня мелькают замыслы убийств... логически необходимые, иначе может быть еще хуже, чем было»⁶¹. Высланный по распоряжению Николая II в свое имение в Херсонской губернии великий князь в январе в Киеве беседовал с одним из правых лидеров Думы В. В. Шульгиным и будущим министром Временного правительства сахарозаводчиком М. И. Терещенко. Последний уверял, что «через месяц все лопнет». Одновременно Николай Михайлович отметил в дневнике злобу «этих двух людей к режиму, к ней (Александре Федоровне. — *Авт.*), к нему (Николаю II. — *Авт.*)... и оба в один голос говорят о возможности царевубийства»⁶². Анализ перлюстрации конца 1916 — начала 1917 г. (читали, в основном, письма депутатов Думы, офицеров и генералов, общественных деятелей) показывает, что умы политической элиты уже были готовы к революции. Не желая и боясь ее, почти 90 % этих людей считали ее наступление практически неизбежным⁶³.

Такие настроения в политической элите убедительно доказывают, что революция, крах режима становились все более близкими и неизбежными. Поле для политического маневра неумолимо сжималось. Революция и готовность принять ее происходили прежде всего в головах представителей российской элиты.

5. «Европа чревата революцией»

Говоря о неизбежности революции, обычно спорят о том, предвидел ли ее приближение В. И. Ленин. 9 (22) января 1917 г., в годовщину «Кровавого воскресенья», он выступил с докладом о революции 1905 г. на немецком языке в цюрихском Народном доме перед швейцарской рабочей молодежью. Ряд авторов ссылаются на вырванную из контекста этого доклада фразу: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»⁶⁴. Но давайте не забывать, что Ленин говорил о решающих битвах мировой социалистической революции. Вместе с тем он уже сформулировал в 1915–1916 гг. теоретическое положение о возможности победы социализма (социалистической революции) «первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране» и невозможности победы социализма (социалистической революции) «одновременно во всех странах»⁶⁵. Поэтому, если мы внимательно посмотрим текст, то увидим и другие слова: «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе. Европа чревата революцией... ближайшие годы... приведут в Европе к народным восстаниям под руководством пролетариата..., и эти потрясения не могут закончиться иначе, как только... победой социализма»⁶⁶. Можно напомнить и слова из письма И. Арманд от 18 декабря 1916 г., что по сообщениям из Петербурга «настроение... архиреволюционное»⁶⁷. Другое дело, что никто из российских политиков, в том числе и Ленин, не ожидал, что революция, о которой одни мечтали, а другие боялись и ненавидели, так близко.

Действительно, 1917 г. начался волной забастовок, которой Россия не знала с 1905 г. Петроградское охранное отделение в первые дни нового года отмечало, что «настроение в столице носит исключительно тревожный характер»⁶⁸. Оживилась деятельность левых

партий и организаций. Все они были немногочисленны. Свои группы имели анархисты. Большинство лидеров эсеров были в эмиграции или в ссылке и тюрьмах. Эсеры были связаны с фракцией трудовиков в Думе, где выделялся адвокат А. Ф. Керенский. У меньшевиков в Петрограде имелся легальный центр — фракция в IV Государственной думе во главе с Н. С. Чхеидзе, а также несколько нелегальных организаций. Достаточно активными были «межрайонцы», имевшие сторонников на ряде крупных предприятий. У большевиков после ареста думской фракции и Л. Б. Каменева в России и разгрома созданного А. Г. Шляпниковым в середине 1915 г. Русского бюро ЦК отсутствовал единый центр. Только в октябре 1916 г., когда А. Г. Шляпников вновь прибыл в столицу из Стокгольма, ему удалось воссоздать Русское бюро ЦК. Накануне 1917 г. в него входили А. Г. Шляпников, П. А. Залуцкий и В. М. Молотов. В столице у большевиков также действовал Петербургский комитет. Он руководил 13 районными и тремя национальными (латышской, литовской и эстонской) организациями. Состав ПК из-за арестов менялся неоднократно. Наиболее активными его работниками к 1917 г. были М. И. Калинин, И. Д. Чугурин, К. И. Шутко, В. В. Шмидт. Небольшие большевистские организации действовали и в других городах. Связь между ними была крайне неустойчивой. Общая численность большевиков к 1917 г. оценивается от 8–10 до 24 тыс. человек, поскольку до апреля 1917 г. не было единых партийных билетов. К началу 1917 г. все левые партии — большевики, меньшевики, «межрайонцы», эсеры — в своих листовках практически использовали одни и те же лозунги: «Долой самодержавие!», «Долой войну!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует Учредительное собрание!», «Да здравствует Демократическая республика!» Революционно настроенные рабочие нередко имели весьма туманные представления о различиях между этими течениями.

Но, как всегда в истории, которую творят люди, никто не знал, когда разразится этот ураган; какое событие станет предлогом для его начала. Мировая война сделала то, чего не сделали все антиправительственные партии вместе взятые: народная стихия смела монархию, освященную многовековой традицией.

Примечания

- ¹ Родина. 1993. № 8–9. С. 6.
- ² Красный архив. 1931. Т. 4–5. С. 150.
- ³ Тютюкин С. В. Война, мир, революция. М., 1972. С. 80–81.
- ⁴ Брусилов А. А. Воспоминания. М., 1946.
- ⁵ Днепровой А. Ю., Измозик В. С. Интимная переписка русских царей. СПб., С. 74–75.
- ⁶ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1946, С. 261.
- ⁷ Подсчет наш по: Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 165.
- ⁸ Большевицкая фракция IV Государственной думы: Сб. материалов и документов. Л., 1938. С. 508.
- ⁹ Тютюкин С. В. Война, мир, революция. М., 1972. С. 255.
- ¹⁰ Там же. С. 23–24.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 6–7.
- ¹² Там же. С. 25.
- ¹³ Там же. С. 6.
- ¹⁴ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁵ Там же. С. 47.
- ¹⁶ Исторический архив. 1956. № 5. С. 122.
- ¹⁷ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 153.
- ¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 168; Т. 49. С. 153, 224, 265, 356.
- ²⁰ Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1957. С. 250–251.
- ²¹ Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 377, 380, 388–390.
- ²² Шитов А. П., Поликарпов В. Д. Судьба Юрия Трифонова: Факты, документы, воспоминания. М., 2006. С. 30. Т. А. Словатинская (1879–1957), член РСДРП с 1898 г. С 1901 г. жена А. П. Лурье, умершего в 1924 г. С 1921 г. работала дежурным секретарем политбюро ЦК, заведующей приемом секретариата ЦК. Дочь Евгения вышла замуж за В. А. Трифонова (1885–1937), члена партии с 1904 г. В. А. Трифонов арестован 22.06.1937, расстрелян 15.03.1938. Е. А. Трифонова — в заключении в 1938–1946 гг. Их сын, Ю. В. Трифонов, — известный советский писатель.
- ²³ Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? М.; СПб., 2004. С. 392–393.
- ²⁴ Островский А. В. Указ. соч. С. 392–395.
- ²⁵ Островский А. В. Указ. соч. С. 398–399.
- ²⁶ Свердлов Я. М. Избранные сочинения. М., 1958. С. 268.
- ²⁷ Островский А. В. Указ. соч. С. 398; Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 94.
- ²⁸ Островский А. В. Указ. соч. С. 398, 401.
- ²⁹ Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1957. С. 227–228.

- ³⁰ Островский А. В. Указ. соч. С. 404.
- ³¹ Радзинский Э. Сталин. С. 94.
- ³² Островский А. В. Указ. соч. С. 403. Бауэр О. (1882–1938) — один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала. Вопрос Сталина, видимо, связан с его работой «Марксизм и национальный вопрос», где Бауэр подвергался резкой критике, и ожиданием реакции последнего. Жордания Н. Н. (1869–1953) — лидер грузинских меньшевиков. После установления советской власти в Грузии в феврале 1921 г. эмигрировал во Францию. Паннекук А. (1873–1960) — голландский социал-демократ, профессор астрономии, в 1918–1921 гг. — член коммунистической партии Голландии. Трояновский А. А. (1882–1955) — член РСДРП с 1907 г., в 1917–1921 гг. — меньшевик, принят в РКП (б) в 1923 г., в 1927–1938 гг. — посол СССР в Японии и США, не был репрессирован. Штрассер И. (1871–1960) — австрийский социал-демократ, в 1918–1921 гг. — член коммунистической партии Австрии.
- ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 101, 131, 161.
- ³⁴ Радзинский Э. Указ. Соч. С. 93.
- ³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 161.
- ³⁶ Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? М.—СПб., 2004. С. 406–407.
- ³⁷ Островский А. В. Указ. соч. С. 406–407. Речь, видимо, идет о Б. В. Авиллове (1874–1938). Журналист, большевик, с 1917 г. сотрудник газеты «Новая жизнь», с 1918 г. отошел от политической деятельности. Работал в ЦСУ, Госплане РСФСР, в Наркомате путей сообщения.
- ³⁸ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 55.
- ³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 151–152. Александрович (Дмитриевский) В. А. (1884–1918), в 1917 г. — левый эсер, избран членом ВЦИК на II–IV съездах Советов, зам. председателя ВЧК. Расстрелян после подавления выступления левых эсеров в Москве 5–6 июля 1918 г.
- ⁴⁰ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 236.
- ⁴¹ Там же. С. 302.
- ⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 31.
- ⁴³ Там же. Т. 49. С. 300.
- ⁴⁴ Там же. Т. 49. С. 301.
- ⁴⁵ Там же. Т. 26. С. 108.
- ⁴⁶ Там же. Т. 49. С. 50.
- ⁴⁷ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 158, 160, 165, 166.
- ⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354–355.
- ⁴⁹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. М., 1966. С. 506–507.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 307–350.
- ⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49 [Подсчет наш. — Авт.].
- ⁵² Там же. Т. 49. С. 108, 124.
- ⁵³ Там же. Т. 49. С. 194.
- ⁵⁴ Там же. Т. 49. С. 306–310.
- ⁵⁵ Там же. Т. 49. С. 141.

⁵⁶ Там же. Т. 49. С. 117.

⁵⁷ Там же. Т. 49. С. 178–179.

⁵⁸ Там же. Т. 49. С. 184.

⁵⁹ Там же. Т. 49. С. 340.

⁶⁰ Речь. 1917. 9 (22) марта. С. 3.

⁶¹ Красный архив. 1931. Т. 6. С. 102.

⁶² Там же. С. 102–103.

⁶³ Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации)// Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquiuma)// СПб.: Д. Буланин, 1999, С. 185.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 328.

⁶⁵ Там же. Т. 26. С. 354; Т. 30. С. 133.

⁶⁶ Там же. Т. 30. С. 327.

⁶⁷ Там же. Т. 49. С. 340.

⁶⁸ Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде (1907 г. — февраль 1917 г.), Л., 1986. С. 30.

VI

глава

Партия большевиков в годы Второй российской революции (1917–1921 гг.)

1. Россия в 1917 году

Партия большевиков одна руководит борьбою масс за свержение буржуазии и установление власти Советов.

Одновременно большевики разбивают попытки капитулянтов внутри партии — Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина, Троцкого, Пятакова свернуть партию с пути социалистической революции.

История ВКП(б): Краткий курс

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ, ИЛИ КРАХ ИМПЕРИИ

22 февраля царь, находившийся в Петрограде после убийства Распутина, выехал в Ставку, в г. Могилев. Внешне власть обладала в столице огромной силой. Спецслужбы (Департамент полиции, Охранное отделение, корпус жандармов) имели свою агентуру во всех оппозиционных партиях и группировках. В городе и в окрестностях находилось более 400 тыс. солдат и офицеров, готовых по заранее разработанному плану взять Петроград под полный контроль. Но эта мощь была обманчивой. Уже 9 января 1917 г. в общегородской политической забастовке участвовало около 150 тыс. питерских рабочих. 14 февраля, в день открытия сессии IV Государственной думы, бастовало около 90 тыс. человек. 18 февраля потребовали надбавки к зарплате рабочие одного из цехов Путиловского завода. Дирекция в ответ уволила недовольных и закрыла еще ряд цехов. Тогда же из-за снежных заносов на три дня прекратился подвоз в город

**Солдаты революции.
Февраль 1917 г.**

зерна. Запасов не было, и начались перебои в торговле хлебом. У булочных возникли огромные очереди. Недовольство властью было почти всеобщим.

23 февраля (8 марта по новому стилю) на предприятиях прошли митинги, посвященные «Международному дню женщины-работницы». Работницы и рабочие стали стихийно выходить на улицы, останавливая работу фабрик и заводов. Во главе этих выступлений стояли рабочие — члены различных левых партий. Движение с особой силой охватило Выборгскую сторону. Появились самодельные красные флаги и лозунги «Хлеба!», «Долой войну!»,

«Долой самодержавие!». В ряде мест громили продуктовые магазины и булочные. Никто не думал, что началась вторая российская революция.

24 февраля движение приняло характер общеполитической демонстрации против царизма. К рабочим присоединились другие демократические слои: студенты, служащие, интеллигенция. Стихийность выступлений сочеталась со стремлением революционных организаций придать им организованный характер. Стачка стала всеобщей. 26 февраля власть попыталась покончить с беспорядками силой: арестами революционных деятелей, стрельбой по демонстрантам. 27 февраля утром восстала учебная команда Волынского полка. К концу дня на сторону революции перешли около 60 тыс. солдат. Роль армии в победе революции была решающей.

27 февраля по инициативе меньшевиков возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов (председатель — Н. С. Чхеидзе, заместители — А. Ф. Керенский и М. И. Скобелев). От большевиков в Исполком совета вошли А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий. Был принят приказ № 1, означавший решительную демократизацию армии и одновременно создававший угрозу ее боеспособности

(создание солдатских комитетов, отмена «тыканья», отдавания чести и т. д.). В марте в стране действовало около 600 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В эти дни все партии левее кадетов воспринимались массами как нечто единое. Надежды на установление свободы и права, неприятие царизма, личная известность Керенского, Чхеидзе способствовали быстрому росту влияния эсеров и меньшевиков. Успеху эсеров, особенно среди солдат, помогала их аграрная программа. В начале марта в Петросовете из 1300 депутатов большевиков было не более 40 человек. Подобное положение сложилось в большинстве Советов страны.

Убедившись в невозможности подавить революцию силой, царь 2 марта 1917 г. отрекся от престола в пользу брата Михаила. В свою очередь Михаил после совещания с политическими деятелями заявил о возможности принять трон лишь по решению Учредительного собрания. Меньшевистско-эсеровские лидеры Петросовета были убеждены в невозможности перехода к социализму в России на том уровне развития. Поэтому они выступали за передачу власти буржуазии, отводя себе роль конструктивной оппозиции, отстаивающей интересы трудящихся. После переговоров руководителей Совета и Временного комитета Государственной думы (возник 27 февраля) в ночь на 2 марта было сформировано Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. Ведущей силой правительства были кадеты (П. Н. Милюков — министр иностранных дел) и октябристы (А. И. Гучков — военный и морской министр). От революционной демократии министром юстиции стал А. Ф. Керенский, сохранивший пост заместителя председателя Петросовета.

В условиях двоевластия Временного правительства и Советов неизбежным становились политические кризисы. Глубинными причинами революции были незавершенность политических и экономических реформ, нерешенность аграрного и национального вопросов, глубокое социальное расслоение, рост маргинальных групп населения (более 4 млн беженцев прибыло из западных губерний) в условиях начавшейся индустриализации и мировой войны.

Именно Первая мировая война стала мощнейшим ускорителем революции. Февраль 1917 г. завершал длительный период исторического развития России, одновременно поставив страну перед выбором дальнейших путей.

Значительную роль в выборе исторических альтернатив России играла оценка различными политическими силами страны европейских событий того времени. Несмотря на военно-экономическое превосходство стран Антанты, кровопролитные сражения продолжались. Война привела к резкому падению жизненного уровня. Все это вело к нарастанию антивоенного движения. В социал-демократических партиях усиливались радикальные группы, выступавшие с революционных позиций. В Германии возникла нелегальная группа «Спартак» под руководством К. Либкнехта и Р. Люксембург. В апреле 1917 г. прошла массовая политическая стачка в Германии. Полоса забастовок прокатилась по Франции и Италии, происходили волнения в армии. В июне 1917 г. конференция рабочих в Англии призвала к образованию Советов рабочих депутатов. Все это питало надежды российских большевиков на близость европейской социалистической революции.

Россия на распутье

После свержения самодержавия перед страной стоял ряд коренных вопросов. Это выработка отношения к войне; аграрный, национальный вопросы; утверждение демократической системы власти, преодоление экономической разрухи. Для их решения было предложено два пути: реформистский (буржуазно-демократический) и революционный, опиравшийся на идею перехода к социалистическому этапу революции. Выбор предстояло осуществить в условиях войны, наличия реального многовластия (Временное правительство, Советы, национальные органы и т. д.), неграмотности 70 % населения. В стране отсутствовало гражданское общество, навыки участия в демократических процедурах (выборах, дискуссиях и т. п.).

Основными социальными силами в России были имущие классы, промышленный пролетариат, крестьянство, городские средние слои и в конкретных условиях России — армия. Имущие классы (так называемые цензовые элементы) включали буржуазию, помещиков, значительную часть интеллигенции и насчитывали около 4 млн человек. В политическом отношении после февраля они поддерживали партию кадетов и близкие ей организации. Среди промышленного пролетариата (около 3,5 млн человек) значительным влиянием пользовались социал-демократы (большевики и меньшевики), эсеры. Общая

численность пролетариата, включая строительных, сельскохозяйственных рабочих, поденщиков, доходила до 15 млн человек. Здесь гораздо выше была доля маргиналов и люмпенов, и немалое влияние на них имели анархисты. Наименее организованную и политически сознательную массу представляли крестьянство (более 100 млн человек) и солдаты (около 10 млн человек). Но именно эта сила должна была решить исход политической борьбы.

Основная масса населения жила повседневными заботами. Решающую роль играла политически активная часть населения. Особое значение имел исход борьбы в крупнейших политических и промышленных центрах. В стране насчитывалось более 50 партий. Главную роль играли кадеты (конституционно-демократическая партия), эсеры (социалисты-революционеры), меньшевики (объединенная РСДРП) и большевики (РСДРП(б)). Правые партии на время исчезли с политической сцены, утратили влияние прогрессисты и октябристы. Кадеты, отказавшись от лозунга конституционной монархии, выступали за республику, за продолжение войны до победы с присоединением к России Константинополя и проливов, «соединение всей страны против большевиков», за решение важнейших вопросов жизни страны Учредительным собранием. Они призывали пролетариат «удовлетвориться обеспечением достойного минимума средств существования», что в многотрудном 1917 г. вызывало у рабочих возмущение.

Наибольший авторитет весной и летом 1917 г. имели социалистические партии эсеров и меньшевиков. Численность эсеров выросла до 800 тыс. человек. Они привлекали своей аграрной программой, ореолом героических борцов с царизмом. Их лидерами были В. М. Чернов и М. А. Спиридонова. Меньшевики после февраля выдвигали идею объединения с большевиками. По их мнению, прежние разногласия исчезли, а возможность прихода социал-демократов к власти могла осуществиться лишь через несколько десятилетий капиталистического развития. По словам первого русского марксиста Плеханова, «русская история не смолола еще той муки, из которой можно испечь пшеничный пирог социализма». После принятия большевиками курса на дальнейшее развитие революции под социалистическими лозунгами раскололись объединенные социал-демократические организации (до мая их было около 150). Насчитывая до 200 тыс. человек, меньшевики страдали

Ленин в Стокгольме по пути в Россию. Апрель 1917 г.

организационной и идейной разобщенностью: интернационалисты (Ю. О. Мартов), «оборонцы» (Ф. И. Дан, И. Г. Церетели), группа «Единство» (Г. В. Плеханов) и т. д.

Эсеры и меньшевики выдвинули лозунги революционного оборончества (лозунг продолжения войны без наступательных операций), созыва Учредительного собрания, контроля государства за распределением и ценообразованием при сохранении частной собственности. Выступая за отчуждение помещичьих земель, за право наций на самоопределение, они боялись разрыва соглашения с кадетами и призывали ждать Учредительного собрания. С марта 1917 г. требование созыва Учредительного собрания на основе всеобщего равного прямого и тайного голосования стало всеобщим. Поэтому и правительство именовалось «Временным», поскольку должно было существовать до созыва этого органа.

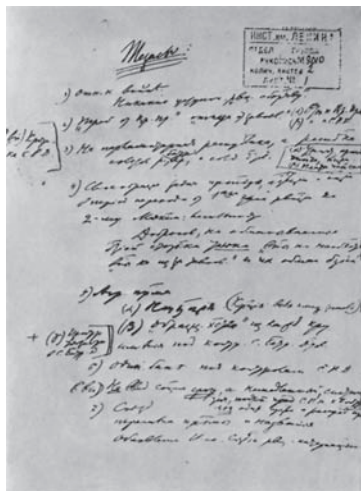
В марте была восстановлена партия большевиков. По предложению солдат броневое дивизиона, занявших особняк балерины М. Ф. Кшесинской, здесь разместились руководящие органы партии. Начала выходить газета «Правда», ставшая в первые недели идейно-организационным центром большевиков. Л. Б. Каменев

и И. В. Сталин, вернувшиеся из сибирской ссылки и взявшие в свои руки «Правду», защищали лозунги «давления на Временное правительство», условной его поддержки в зависимости от проводимой им политики. Во многих городах возникли объединенные социал-демократические организации. Казалось, что прежние разногласия большевиков и меньшевиков сняты самой жизнью и надо возродить единую партию. Решительный поворот произошел после возвращения в Россию (3 апреля) через Германию и Швецию В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева с группой эмигрантов и публикации «Апрельских тезисов».

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ЛЕНИНА», или «МЫ НА ГОРЕ ВСЕМ БУРЖУЯМ МИРОВОЙ ПОЖАР РАЗДУЕМ»

Ленин призвал к переходу от первого, буржуазно-демократического, этапа революции к социалистическому этапу. Были выдвинуты лозунги недоверия Временному правительству, передача власти Советам, демократического мира, рабочего контроля над производством и распределением, немедленного решения аграрного вопроса.

В обстановке глубокого общеевропейского кризиса Ленин, по сути, предложил измученным войной массам новую национальную идею: не «ремонтировать» старое, а создать новое прекрасное общество на началах полного равенства и справедливости. В этом была его сила. Одновременно взгляды Ленина были глубоко ошибочны по ряду важнейших вопросов. Но это выяснилось позже. Позиция Ленина строилась на уверенности в неспособности имущих классов вести долговременную гражданскую войну и возможности строительства социализма в России при поддержке победившей социалистической революции в Европе. Впоследствии, 6 ноября 1920 г., Ленин скажет: «Мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»¹. Ленин видел будущее

Рукопись «Апрельских тезисов» Ленина

государство как «государство-коммуну» (замена армии вооруженным народом, постоянная сменяемость чиновников и оплата их на уровне среднего рабочего, опора на самодеятельность масс). Ленин не задумывался о стимулах к труду у обычного работника и трудового коллектива. Наконец, социализм Ленину, как и всем последователям Маркса, представлялся обществом без частной собственности, без товарно-денежных отношений, без денег, без армии, без полиции и тюрем. Но весной 1917 г. Ленин не требовал «немедленного введения социализма». Он предлагал оказывать давление на руководство Советов, считая возможным разрыв меньшевиков и эсеров с кадетами, взятие власти Советами мирным путем.

4 апреля тезисы Ленина являлись лишь его личным мнением. Ему было необходимо добиться их одобрения партией. Не будем забывать, что на протяжении всего 1917 г. у большевиков было немало деятелей, самостоятельно мыслящих и не склонных безоговорочно соглашаться с Лениным. Были «умеренные» или «правые» большевики. Самым известным среди них был Л. Б. Каменев. Он доказывал, что буржуазно-демократическая революция продолжается и российское крестьянство и иностранная буржуазия не допустят победы социализма в России. Были «левые», критиковавшие ЦК за «соглашательство». Из них можно назвать С. Я. Багдатьяна и М. И. Лациса. Только люди, не знающие реальных фактов, могут думать, что в 1917 г. партия слепо подчинялась приказам ЦК или Ленина. ЦК просто не мог контролировать деятельность даже крупнейших региональных организаций. Этому мешали огромные расстояния, незначительность аппарата, слабость средств связи, общий хаос и постоянно меняющаяся ситуация. В Петрограде помимо ЦК огромную роль играли Петербургский комитет и Военная организация («Военка»)². Например, на заседании ПК 11 июня 1917 г. при обсуждении вопроса о состоявшемся решении ЦК отменить демонстрацию 10 июня, В. И. Ленин сказал: «Ваше право — право протестовать против действий ЦК законно, и ваше решение должно быть свободным»³.

В этой ситуации Ленин оказался великолепным «дирижером». Беспощадно борющийся с меньшевистскими и эсеровскими взглядами, он допускал разномыслие внутри большевистской партии в определенных пределах, опираясь в зависимости от ситуации на различные группы в руководстве. Пределы разброса взглядов устанавливались решениями партийных конференций и съездов, общим

настроим на отказ от соглашения с буржуазными (так называемыми цензовыми) партиями. До сих пор нет убедительного ответа на вопрос, почему большевики в 1917 г., подобно анархистам, эсерам и меньшевикам, не раскололись на ряд организационно самостоятельных течений.

ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ, ИЛИ КАК «БРЕД СУМАСШЕДШЕГО» ОВЛАДЕВАЕТ МАССАМИ

Выступление Ленина 4 апреля в Таврическом дворце с революционными тезисами и публикация их 7 апреля под названием «О задачах пролетариата в данной революции» вызвала в широкой печати массу возмущенных, насмешливых отзывов. Патриарх русского марксизма Г. В. Плеханов уверял, что революция пройдет мимо Ленина, и он останется на ее обочине со своими тезисами. Их называли «бредом сумасшедшего», «поднятием знамени гражданской войны». Даже в среде большевиков многие были растеряны или возражали своему лидеру.

Но уже на Петроградской конференции большевиков (14–22 апреля) Ленин получил убедительную поддержку. С 24 по 29 апреля прошла VII (Апрельская) Всероссийская конференция. Делегаты представляли 80 тыс. членов партии. Главным оппонентом Ленина выступил Каменев. По национальному вопросу Ленину возражали Ю. Л. Пятаков и Ф. Э. Дзержинский. Ленин остался в меньшинстве с предложением о создании нового Интернационала. По основным вопросам большинство увидело в ленинских тезисах ясную перспективу воплощения идей Маркса в скором будущем. Стало окончательно невозможным воссоединение с меньшевиками. Партия получила новое название — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков). Однако Ленин не хотел отсекал своих оппонентов. При выборах ЦК из девяти человек много возражений вызвала кандидатура Каменева. Ему напоминали поведение на суде в 1915 г., корили за нынешнюю позицию. И тогда в его поддержку решительно высказался Ленин. Он, в частности, сказал: «Деятельность Каменева продолжается 10 лет и она очень ценна... То, что мы спорим с т. Каменевым, дает только положительные результаты. Присутствие т. Каменева очень важно, так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь те трудности, которые возникают

в массах». Вторично Ленин выступил по поводу кандидатуры Сталина: «Тов. Коба мы знаем очень много лет... Хороший работник во всяких ответственных делах». В результате в ЦК прошли в порядке полученных голосов В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, Л. Б. Каменев, В. П. Милютин, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов, И. Т. Смилга, Г. Ф. Федоров⁴. Таким образом, треть ЦК составляли «умеренные» — Каменев, Милютин, Ногин.

После своего образования Временное правительство провело ряд демократических мер: амнистия по политическим делам, введение политических свобод, отмена ограничений в правах по национальным и религиозным признакам, отмена смертной казни и военно-полевых судов. Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание на основе так называемой четыреххвостки (всеобщего прямого равного и тайного голосования), прошли перевыборы городского и земского самоуправления на многопартийной основе. Царская семья была в августе выслана в Тобольск.

Одновременно формировались советские органы. В мае прошел Всероссийский съезд крестьянских депутатов, в июне — I съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Они представляли лишь часть населения страны. Единых правил избрания Советов не существовало. Считалось, что депутатов избирает лишь трудящееся население открытым голосованием по месту работы или службы. Оба съезда создали свои руководящие органы — Исполком Всероссийского совета крестьянских депутатов и Центральный исполнительный комитет (ЦИК Советов). Правительство обещало твердые цены на предметы первой необходимости, снижение государственных расходов, социальный мир и социальные реформы. Во внешней политике была провозглашена идея «революционного оборончества».

Но основные вопросы жизни не решались. Это было связано с фактическим многовластием, ожиданием созыва Учредительного собрания, выборы в которое постоянно откладывались, а также с отсутствием четкой правительственной программы. Продолжалась война. В нарушение обещаний о «революционном оборончестве» в июне 1917 г. была предпринята попытка наступления на фронтах. Правительство требовало сохранения аграрных отношений в деревне, и недовольство крестьян нарастало. По национальному вопросу кадеты практически стояли на позициях единой и неделимой России, соглашаясь лишь с автономией Польши и Финляндии. Требования

национальных движений об автономии на деле (Центральной Рады на Украине, Финляндского сейма и др.) оставались без ответа. В результате их заменяли лозунги о независимости и отделении от России. Сохранялись старые государственные структуры. Только 1 сентября 1917 г. Россия была объявлена республикой.

В экономической жизни правительство действовало методами государственного регулирования. Была введена государственная монополия на продажу и покупку зерна (25 марта), т. е. продразверстка с указанием, какое количество зерна и круп имел право оставить землевладелец на пропитание и семена. Одновременно в городах вводились карточки на хлеб, затем на сахар, мясо, крупу и т. п. Эти меры ограничения свободного рынка в ситуации слабой власти, отсутствия реального контроля вели к возрастающему дефициту товаров, росту спекуляции и огромной инфляции. Комиссар Временного правительства по Москве 2 мая издал распоряжение: «Продажа обуви в магазинах Москвы будет производиться исключительно населению г. Москвы по предъявлении покупателем паспорта, на который продавец должен наложить штамп своего магазина с обозначением дня продажи; причем каждому лицу может быть продана только одна пара обуви».

Правительство не гарантировало отоваривания карточек. Реально жители Петрограда имели в среднем по карточкам в марте 4/5 фунта хлеба в день (1 фунт = 409,5 г), в мае — около 1 фунта, в июле — менее 1/3 фунта. Вместо обещанных 1/4 фунта масла в неделю фактически выдавалось 1/8 фунта и 2 яйца на человека в неделю. Власть пыталась изымать хлеб силой. Была создана «Хлебармия снабжения». Звучали высокопарные призывы: «Рабочие металлургических заводов... Напрягите все усилия, увеличивайте настойчиво и непрерывно производство металла. Восстановите в полном объеме работы на заводах. Не теряйте ни одного дня, ни одного часа... нам нужно единение, порядок и внутренний мир». Но результаты были минимальными. К осени в ряде городов и губерний наступил реальный голод, сопровождавшийся массовой смертью детей, выдачей вместо хлеба подсолнечных выжимок (Калужская, Рязанская губернии, Поволжье и т. д.)⁵.

Все это делало неизбежным рост недовольства населения и политические кризисы. Наиболее крупные из них произошли в апреле (20–22), июне (10–18), июле (2–5), августе (25–30) и октябре (24–25). Со 2 марта по 25 октября 1917 г. сменилось четыре состава правительства. Они были созданы 2 марта, 5 мая, 24 июня и 25 сентября.

С 1 по 24 сентября существовала так называемая Директория из пяти человек. Начиная с мая правительство было коалиционным, так как в него входили представители меньшевиков и эсеров. 60 % министров исполняли свои обязанности 1–2 месяца.

В апреле нота Милюкова союзникам с обязательством вести войну до победы вызвала демонстрацию солдат и рабочих в столице. Произошли первые кровавые столкновения сторонников и противников правительства. Небольшая группа большевиков во главе с С. Я. Багдатьяном выдвинула призыв «Долой Временное правительство». ЦК и ПК осудили его как несвоевременный. Багдатьяна вывели из ПК, но он продолжал активную партийную работу. Из правительства ушли Милюков и Гучков. Было создано коалиционное (с участием революционно-демократических партий) правительство. Эсеры получили военное и морское министерства (Керенский), земледелия (Чернов), меньшевики — министерство труда (М. И. Скобелев), почт и телеграфов (И. Г. Церетели); народный социалист А. В. Пешехонов стал министром продовольствия. Тем самым эсеры и меньшевики несли теперь прямую ответственность за положение дел. Но ситуация не улучшалась.

Между тем большевики на митингах, в массовой печати внушали солдатам и рабочим, что только переход власти к Советам позволит прекратить войну, передать землю крестьянам, ввести 8-часовой рабочий день, повысить зарплату, остановить инфляцию, установить рабочий контроль на производстве. Они возлагали вину на капиталистов и помещиков, на «соглашателей» — эсеров и меньшевиков. Большое внимание большевики уделяли деятельности фабрично-заводских комитетов. Они возникли после Февраля и, в отличие от профсоюзов, объединяли всех рабочих данного предприятия. Все это приносило свои плоды.

В июне собрался I съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (3–24 июня). Большевиков поддерживали лишь 10 % делегатов. Лидеры эсеров и меньшевиков призывали к совместной работе всех крупных партий, чтобы не допустить гражданской войны. Один из лидеров меньшевиков, И. Г. Церетели, утверждал, что в России нет партии, способной единолично руководить страной. В этот момент из зала раздался возглас: «Есть такая партия!» Голос принадлежал Ленину. Получив слово, лидер большевиков решительно заявил: «Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую

минуту она готова взять власть целиком». Желая показать съезду меняющееся настроение питерских рабочих и солдат, ЦК РСДРП(б) назначил на 10 июня демонстрацию в Петрограде. Съезд Советов ее запретил. Демонстрация в поддержку правительства была объявлена в стране на 18 июня. Большевики подчинились решению съезда Советов. 18 июня демонстрации во многих городах выявили растущее недовольство правительством и руководством Советами. В Петрограде на улицу вышло около 400 тыс. человек. Преобладали лозунги большевистские «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Долой войну!» Налицо был новый политический кризис.

ФАНТАЗИИ ПРАПОРЩИКА ЕРМОЛЕНКО, или «ЛЕНИН — НЕМЕЦКИЙ ШПИОН»

Поводом к июльскому кризису 3–5 июля стали несколько событий: действия анархистов в Петрограде, которые отказывались освободить дачу бывшего министра Дурново; выход из правительства 2 июля кадетов в знак протеста против соглашения с Центральной Радой на Украине; попытка правительства отправить часть гарнизона на фронт. В результате 3 июля Первый пулеметный полк стихийно вышел на улицу с призывом к свержению Временного правительства. ЦК большевиков принял решение о проведении

Расстрел демонстрации 4 июля 1917 г.

Манифест VI съезда РСДРП

защиты. Вооруженные солдаты в ответ открывали беспорядочный огонь. Около 700 человек были ранены. У Литейного моста были убиты семеро казаков из отряда, ехавшего на охрану Таврического дворца. Руководители «Военки» предлагали ЦК взять власть. Последний отклонил это предложение, полагая, что «удержать власть в этот момент не удастся».

Правая печать обвинила Ленина и большевиков в получении немецких денег и в шпионаже⁶. Главной фигурой обвинения выступал некий прапорщик Ермоленко. Это привело к мгновенному психологическому перелому в настроениях многих солдат и части рабочих. Уже утром 5 июля была разгромлена редакция «Правды». Правительство при поддержке ЦИК Советов вызвало войска с фронта. Началось разоружение ряда полков. Был отдан приказ об аресте Ленина и Зиновьева с обвинением в организации восстания. Большевики укрыли их в Разливе (вблизи Петрограда). Затем Ленина в начале августа переправили в Финляндию. Зиновьев скрывался на Выборгской стороне. Были арестованы Каменев, Троцкий (сотрудничавший с большевиками после возвращения в Россию в мае 1917 г.) и другие большевики, закрыта газета «Правда». На фронте восстановили смертную казнь. Главнокомандующим стал генерал Л. Г. Корнилов. Правительство 8 июля возглавил Керенский. Многие заявляли о политической смерти большевиков.

мирной вооруженной демонстрации. 4 июля на улицы вышли около 500 тыс. человек. Демонстранты окружили Таврический дворец, где размещался ВЦИК, требуя взятия власти Советами. Группа разъяренных матросов окружила лидера эсеров В. М. Чернова. Один из них, тряся его за лацканы пиджака, кричал: «Бери власть, сволочь, козь дають!» Спас Чернова Троцкий, успокоивший «красу и гордость революции» (так называла балтийцев большевистская печать). С крыш и чердаков демонстрантов обстреливали боевики правых органи-

Но их партия продолжала действовать легально. VI съезд РСДРП(б) (26 июля — 3 августа) провозгласил курс на подготовку вооруженного восстания. Ленинские тезисы озвучил в двух докладах Сталин. В партию были приняты «межрайонцы», а Троцкий заочно избран членом ЦК, получив второе, после Ленина, количество голосов. Проходивший одновременно IX съезд кадетов поддержал линию на ликвидацию политической роли Советов, укрепление государственной власти. Попытка объединить проправительственные силы была сделана на Государственном совещании в Москве 12–15 августа (без участия большевиков).

Три дня Корнилова

В стране в это время определились три силы, по-разному видевшие путь спасения страны. Большевики предлагали переход к социалистическому этапу революции. Правые силы требовали решительных действий. Шла подготовка к установлению военной диктатуры. Между этими полюсами металось правительство Керенского, упорно поддерживаемое основными лидерами меньшевиков и эсеров. Эти силы символизировали три фигуры: Ленин, Корнилов, Керенский. Первым попытался взять власть Корнилов.

21 августа 1917 г. немцы захватили Ригу. 25 августа Корнилов направил на Петроград 3-й конный корпус. Керенский объявил Корнилова мятежником. Попытки осуществить посредничество между ними не удалась. В эти дни большевики, меньшевики, эсеры и другие демократические партии совместно организовывали отпор Корнилову. Керенский вызвал в Зимний дворец, куда в середине июля переехало Временное правительство, матросов крейсера «Аврора» для личной охраны. Уже 28 августа мятеж провалился, прежде всего из-за отказа солдат повиноваться. В Выборге анархически настроенные солдаты убили ряд генералов и офицеров. Временное правительство утратило одну из своих опор. Поддержка его с правого политического фланга прекратилась. Из тюрем стали выпускать большевиков. 4 сентября вышли на свободу В. А. Антонов-Овсеев, председатель Центробалта П. Е. Дыбенко и Л. Д. Троцкий (арестованные после июльских дней).

Кризис нарастал. Шел процесс быстрой радикализации масс, рост авторитета большевиков и их союзников. В апреле партия насчитывала 80 тыс. человек, в июле — 240 тыс., в октябре — до 400 тыс.

Если в мае на Всероссийском съезде крестьянских депутатов за резолюцию Ленина было подано 6 голосов из 800, то осенью крестьянские массы на деле поддерживали большевиков. Изменилось соотношение сил в столицах. На выборах в районные думы Москвы в июне эсеры и меньшевики получили 70% голосов (большевики — 11%, кадеты — 17%), а в сентябре — 18% (большевики — 51%, кадеты — 26%). Союзниками большевиков выступали левые эсеры (М. А. Спиридонова), анархисты. 31 августа Петроградский совет впервые принял большевистскую резолюцию «О власти», внесенную Каменевым. В ней осуждалось «соглашательство», предлагалось отстранить от власти все буржуазные партии и создать демократическую республику, опирающуюся на все социалистические партии. 5 сентября подобную резолюцию поддержал Московский совет. 1 сентября Ленин, скрывавшийся в Финляндии, написал статью «О компромиссах» и с курьером отправил ее в столицу. Он предлагал политическое соглашение эсерам и меньшевикам при условии разрыва их блока с кадетами. Это вызвало недовольство ряда видных большевиков. Умеренные социалисты упорно отстаивали соглашение с кадетами, сохраняя руководство всероссийскими организациями.

Вечером 14 сентября в Александринском театре открылось Демократическое совещание представителей Советов, городских дум, земств, профсоюзов, кооперативов и других общественных организаций. Большевики и их союзники были в меньшинстве. В этой ситуации Ленин совершил новый резкий поворот. 15 сентября в ЦК получили по 10 машинописных копий двух его статей: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Ссылаясь на переход к большевикам двух столичных Советов, он предлагал организовать восстание уже в дни работы Демократического совещания. Н. И. Бухарин вспоминал: «Мы все ахнули, никто не знал, что делать»⁷. Большинство членов ЦК высказалось за сохранение одного экземпляра каждого письма и недопущение призывов к немедленному свержению власти в духе ленинских статей⁸. На Демократическом совещании большевики продолжали убеждать делегатов в необходимости порвать с буржуазией. В газете «Рабочий путь» ЦК поместил, с указанием автора, статью Ленина «Русская революция и гражданская война», отражавшую его прежнюю позицию. Это, безусловно, взбесило Ленина. Он перебрался из Гельсингфорса в Выборг, чтобы быть ближе к столице, и намеревался вернуться в Петроград.

Тем временем Демократическое совещание занималось бесконечным словоговорением. Делегаты создали еще одну структуру — «Демократический совет», который должен был стать представительным органом при правительстве. Керенский заявил о создании «Временного Совета Российской республики», или «Предпарламента», где на паритетных началах должны были заседать члены «Демократического совета» и представители либеральных кругов. Его открытие было назначено на 7 октября. Правым большевикам (Каменеву, Рыкову), вопреки мнению Троцкого и Сталина, удалось добиться решения об участии партии в Предпарламенте. Одновременно ЦИК согласился на открытие 20 октября II съезда Советов.

Эти политические игры в соединении с нерешаемостью основных проблем лишь делали ситуацию все более взрывоопасной. Надвигался пятый политический кризис.

ОКТАБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

25 сентября председателем Петроградского совета, который в начале сентября переехал в Смольный, стал Троцкий. Ленин бомбардировал ЦК письмами, настаивая на решительных действиях. В его поддержку выступило большинство Петербургского комитета и Московского областного бюро. Это был спор о тактике партии. Под давлением ситуации и партийных низов члены ЦК стали склоняться влево. 3 октября ЦК принял решение о переезде Ленина в Петроград⁹. 5 октября ЦК поддержал предложение Троцкого об уходе из Предпарламента. Это было сделано 7 октября, на его первом заседании. Уход большевиков из Предпарламента породил волну слухов о готовящемся восстании. На деле решение еще не было принято.

Это произошло 10 октября. На квартире левого меньшевика Н. Н. Суханова в 22 часа началось заседание ЦК. Впервые после июльских дней в нем участвовал Ленин. Он пришел в парике, бритый, в сопровождении связного и телохранителя Эйно Рахья. После жарких прений, продолжавшихся до утра, 10 голосами против двух (Зиновьев и Каменев) было принято решение об организации вооруженного восстания в ближайшее время. 11 октября Каменев и Зиновьев направили письмо в крупнейшие организации партии, доказывая, что восстание обречено на поражение. Они предлагали ориентироваться на парламентскую борьбу в будущем

**Удостоверение на имя К. Иванова,
по которому Ленин скрывался
в Финляндии**

год — неизвестно. Может быть, подготовка к вооруженному восстанию снимет с очереди этот вопрос»¹⁰. Каменев и Зиновьев заявили о выходе из ЦК. Газета М. Горького «Новая жизнь» 18 октября опубликовала интервью с Каменевым. От своего имени и от имени Зиновьева он заявлял, что в настоящий момент восстание приведет только к тяжелому поражению партии и пролетариата и предлагал ориентироваться на парламентскую борьбу в будущем Учредительном собрании. Ленин, в свою очередь, обрушился на них, обвиняя в предательстве и требуя исключения из партии. На самом деле, это, конечно, было публицистическим приемом в пылу дискуссии. Это подтверждается тем, что ЦК 20 октября всего лишь обязал Каменева и Зиновьева не выступать на стороне против решений ЦК. В газете «Рабочий путь» появилось заявление Зиновьева, что у него и Каменева нет глубоких расхождений с Лениным. Сталин, один из редакторов, добавил, что «мы в основном остаемся единомышленниками». Таким образом, борьба в руководстве партии закончилась победой Ленина.

Организатором восстания стал Петроградский совет и созданный при нем 12 октября под предлогом обороны города Военно-революционный комитет (ВРК). В ВРК были представлены, кроме большевиков, анархисты, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты. С 21 октября ВРК направил в воинские части своих комиссаров. 24 и 25 октября утром отряды Красной гвардии, солдат и матросов заняли все важнейшие пункты города. Керенский

Учредительном собрании. Поздно вечером 15 октября в Лесном состоялось расширенное заседание ЦК. Из 26–28 участников Каменева и Зиновьева поддержали лишь 4–5 человек. Но и среди голосовавших за ленинскую резолюцию не все были уверены, что восстание — дело ближайших дней. Например, М. И. Калинин заявил: «Мы практически уперлись, подошли к вооруженному восстанию. Но когда это будет возможно — может быть через

в 12-м часу дня 25 октября покинул Петроград на легкой машине. Вечером 24 октября в Смольном собрались Ленин, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Сталин, Троцкий — все основные лидеры партии в тот момент. В 2 часа дня 25 октября открылось общее собрание Петросовета. Троцкий предоставил слово Ленину. Он, в частности, сказал: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась... Да здравствует всемирная социалистическая революция!» Затем выступил Зиновьев, демонстрируя единство большевистского руководства. К вечеру 25 октября Зимний дворец был окружен тройным кольцом сил ВРК. Шли постоянные переговоры. В 21 час 35 минут раздался сигнальный выстрел к штурму из орудия на Нарышкином бастионе, повторенный баковым орудием крейсера «Аврора». На Дворцовой площади началась 20–30 минутная перестрелка. Из дворца ушли, заявив о нейтралитете, казаки, женщины-ударницы и часть юнкеров. Около часу ночи начался захват дворца, без стрельбы. Около 2 часов ночи министры и ряд должностных лиц (всего 19 человек) были арестованы и отведены в Петропавловскую крепость. Юнкеры отпустили по домам.

В это время в Смольном уже заседал II съезд Советов. На нем преобладали большевики и левые эсеры. Съезд избрал ВЦИК, ставший формально высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом государственной власти между съездами Советов до 1937 г. Его первым председателем был избран Л. Б. Каменев. Но через две недели ввиду продолжавшихся разногласий (он вместе с так называемой группой «правых большевиков» выступал за соглашение с меньшевиками и эсерами и создание «однородного социалистического правительства») его заменили Я. М. Свердловым. Одновременно съезд создал однопартийное большевистское правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК), просуществовавшее под этим названием до 1946 г. Председателем СНК до 1924 г. был В. И. Ленин. Л. Д. Троцкий стал наркомом по иностранным делам, Сталин — наркомом по делам национальностей. Зиновьев в середине декабря 1917 г. возглавил Петроградский совет и оставался его председателем до 1926 г.

Съезд принял декреты о мире и земле. Первый из них предлагал установление всеобщего демократического мира и выражал готовность к немедленным переговорам без условий при установлении

Декреты о мире и о земле

перемирия. В Декрет о земле Ленин включил «Наказ 242 местных крестьянских комитетов и советов», предусматривавший отмену частной собственности на землю, передачу государству высококультурных хозяйств, недопущение наемного труда на земле, конфискацию помещичьих и церковных земель, уравнилельное землепользование. Это была по сути эсеровская программа, которую осуществили большевики. Через неделю, 2 ноября, была опубликована «Декларация прав народов России». Она провозглашала равенство и суверенность народов России, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, отмену всяких национальных и религиозных привилегий.

Политические итоги

Большевики пришли к власти в результате очередного, пятого по счету, политического кризиса. Они выступали во главе леворадикального политического блока. Их союзниками были левые эсеры, анархисты и ряд других небольших политических групп. К весне 1918 г. Советская власть утвердилась на основной территории России. Взятие власти шло в центре в основном мирным путем (вооруженные столкновения произошли в 15 из 84 губернских городов). К концу 1917 г. большевиков поддерживала наиболее радикально

настроенная часть населения промышленных центров, огромные солдатские массы, требовавшие скорейшего прекращения войны. Первые декреты Советской власти увеличили популярность большевиков среди крестьян и в национальных районах. Но большинство политических сил России не признавали законности прихода большевиков к власти и были готовы бороться против них. Всю политическую оппозицию с этого момента можно разделить на две части. Кадетов и другие партии правее центра можно назвать внесистемной оппозицией, поскольку они не признавали самого принципа власти Советов и не участвовали в их деятельности. Анархисты, меньшевики, эсеры и другие левые партии были внутрисистемной оппозицией. Они не были принципиальными противниками Советов как формы власти и сами участвовали в их деятельности. Но эти партии выступали против диктатуры большевиков, требуя соблюдения демократических принципов.

2. Большевики на этапе «пролога Гражданской войны» (25 октября 1917 г. — май 1918 г.)

Революция не закончилась Октябрьским вооруженным восстанием. Впереди была бескомпромиссная борьба за власть — гражданская война. Она продолжалась с 25 октября 1917 г. до конца 1922 г. Невозможность выхода из кризиса легитимным путем была предопределена рядом причин: стремлением большевиков полностью выбросить старую элиту из экономической, политической и социальной жизни; отказом либеральных партий, правых эсеров и меньшевиков признать законность решений II съезда Советов; победой в большевистском руководстве курса на отказ от компромиссов с реформистскими партиями, а также готовностью последних бороться с большевиками любыми методами, включая вооруженную борьбу. Все это сделало период с октября 1917 г. до мая 1918 г. «прологом Гражданской войны». В это время она шла на окраинах России, не будучи еще главным вопросом жизни страны.

Основными событиями этого периода стали временный выход из ЦК и СНК в конце октября — начале ноября группы «правых

большевиков» (Зиновьев, Каменев, Ногин, Рыков и др.), выступавших за соглашение с меньшевиками и эсерами; бои в Москве и поход Керенского — Краснова на Петроград в конце октября 1917 г., объединение ВЦИКов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (ноябрь 1917 г.), «красногвардейская атака на капитал» (введение рабочего контроля в промышленности и торговле, начало национализации казенных и крупных частных предприятий, банков); издание декретов о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) для борьбы с политическими противниками и бандитизмом, организации Красной Армии, суда, отмене чинов, сословий, отделении церкви от государства и школы от церкви, установлении равноправия женщин; вхождение в СНК левых эсеров (декабрь 1917 г.), созыв и разгон Учредительного собрания (5–6 января 1918 г.), слияние Третьего съезда рабочих и солдатских депутатов с Третьим съездом крестьянских депутатов, создание РСФСР (Российской Советской Федеративной Социалистической Республики) и избрание объединенного ВЦИКа (160 большевиков, 125 левых эсеров, 7 максималистов, 7 правых эсеров, 3 анархиста-коммуниста, 2 меньшевика-интернационалиста, 2 меньшевика-оборонца) — январь 1918 г., вооруженная борьба на Дону, Южном Урале, Украине, Дальнем Востоке и т. д., подписание 3 марта 1918 г. Брестского мира с Германией и ее союзниками.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОЙ ВЛАСТИ

В первые недели и месяцы после 25 октября 1917 г. шла лихорадочная работа по слому старой системы управления и созданию новой. Каждый день публиковались все новые и новые декреты ВЦИК и СНК. Большевики пытались реализовать идею государства-коммуны. Советы постепенно брали власть в свои руки. Шло формирование народных комиссариатов (наркоматов) — центральных органов управления. Руководителями были большевики и левые эсеры. Прежние чиновники несколько недель отказывались работать с новой властью. Их место занимали неподготовленные рабочие, матросы и солдаты.

В армии вводилась выборность командного состава. 15 января 1918 г. было объявлено о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) и Рабоче-крестьянского Красного Флота (РККФ). Они

формировались на добровольной основе. Была ликвидирована старая система суда. Ее место заняли народные суды, формировавшиеся Советами, и революционные трибуналы для рассмотрения опасных и тяжелых преступлений. Новый суд руководствовался не системой законов, а «революционным правосознанием».

В ситуации хаоса управления резко выросла уголовная преступность. В декабре в Петрограде прошла полоса «пьяных погромов»: захват и разгром винных складов. Особенно известным стал разгром погребов Зимнего дворца. Многим казалось, что дни большевиков сочтены. Создавались антисоветские и антибольшевистские организации. 1 января 1918 г. группа военных стреляла по машине Ленина в районе цирка. 7 декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией (ВЧК). Ее председателем стал Ф. Э. Дзержинский.

В социально-экономической сфере 29 октября 1917 г. впервые в мире законодательно был установлен восьмичасовой рабочий день. На предприятиях вводился рабочий контроль. Главную роль на них стали играть фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы). Для руководства экономикой в стране был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Началась национализация частных банков и отдельных предприятий.

В социальной сфере провозглашалось равенство мужчин и женщин. Женщины впервые в России получили право голоса. Были отменены чины, сословия, награды. Все жители стали гражданами. В духовной сфере религия была объявлена частным делом граждан. Церковь была отделена от государства. В школах запрещалось преподавание Закона Божия. В ноябре Собор православной церкви восстановил патриаршество. Патриархом был избран Тихон (В. И. Белавин). Декрет «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» объявил верования и обычаи мусульман свободными и неприкосновенными.

Были реализованы давно предлагавшиеся Академией наук реформы календаря, правописания, системы мер и весов. В результате перехода с юлианского на григорианский стиль после 31 января 1918 г. следующим днем стало 14 февраля. Из алфавита были исключены буквы «ижица», «фита», «ять». Начался переход на метрическую систему: килограммы и тонны вместо фунтов и пудов, метры и километры вместо аршинов и верст, гектары вместо десятин и т. п.

В новой ситуации, когда власть большевиков была крайне неустойчивой, многое зависело от единства руководства и его готовности твердо идти по намеченному пути. Один из первых звоночков ужесточения отношения к внутрипартийной оппозиции прозвучал в начале ноября 1917 г. Выступая 1 (14) ноября на заседании ПК РСДРП(б), В. И. Ленин так говорил о позиции Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и их сторонников: «Я не в состоянии спокойно выслушивать это, [рассматриваю] как измену»¹¹. Не случайно по инициативе Ленина большинство ЦК 3 (16) ноября предъявило ультиматум меньшинству ЦК, требуя ответа об их готовности «подчиниться партийной дисциплине»¹². Одновременно Ленин высоко оценил позицию Троцкого: «Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика»¹³.

СУДЬБА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Важную роль в распространении гражданской войны на всю страну сыграли разгон Учредительного собрания и заключение Брестского мира. Выборы в Учредительное собрание, проходившие 12 ноября 1917 г., дали более 80 % голосов социалистическим партиям, в том числе более 40 % — эсерам, 24 % — большевикам. Полное поражение потерпели кадеты (около 5% голосов, в том числе в армии — 1,5 %) и меньшевики (2,5 %). Большевики, проиграв выборы в целом, имели до 50 % голосов и более в Петрограде, Москве, на Северном и Западном фронтах, в Балтийском флоте. Результаты выборов придавали большевикам решимость их не признавать, а правых эсеров ориентировали на взятие политической власти парламентским путем. Уже в конце ноября советское правительство запретило партию кадетов и аннулировало мандаты кадетских депутатов Учредительного собрания. По отношению к кадетам впервые был применен термин времен Французской революции — «враги народа». В ходе подготовки к созыву Учредительного собрания вновь обнаружились политические разногласия в руководящей группе большевиков. Во Временное бюро большевистской фракции Учредительного собрания входили Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Ю. Лурье, В. П. Милютин, А. И. Рыков, Д. Б. Рязанов, которые по-прежнему считали желательным сочетание Учредительного собрания и Советов и высказывались

против идеи разгона «Хозяина земли Русской». 11 декабря этот вопрос обсуждал ЦК большевиков, «ввиду того, что во фракции водворились настроения правого крыла и расхождения ее с мнением ЦК». Было решено переизбрать бюро фракции и усилить руководство ею со стороны ЦК. На следующий день бюро фракции было переизбрано. В результате Учредительное собрание было разогнано большевиками при поддержке левых эсеров после его первого заседания 5 января 1918 г. Политическим результатом стал рост враждебности к большевикам части демократической интеллигенции, усиление административных методов управления в условиях хаоса.

Л. Троцкий в Брест-Литовске

Брестский мир был подписан после ожесточенных споров в большевистских и левоэсеровских кругах. С декабря 1917 г. в условиях перемирия в Брест-Литовске шли мирные переговоры Советской России с Четверным блоком. Страны Антанты отказались к ним присоединиться. Ленин считал необходимым для сохранения власти подписать «похабный мир». «Левые коммунисты» (Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский), надеясь на близкую европейскую революцию, отказывались от заключения мира на столь тяжелых условиях и выступали за «революционную войну». Промежуточную позицию предложил нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий: «Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем». В ее основе лежало убеждение, что Германия не способна к крупному наступлению и не надо унижать себя позорным миром. На заседаниях ЦК и совещаниях с ответственными работниками Ленин оставался в меньшинстве. Его противники не стеснялись в формулировках. Например, на заседании ЦК 11 (24) января 1918 г. Ф. Э. Дзержинский заявил, что «подписание мира есть капитуляция всей нашей программы», а «Ленин делает в скрытом виде то, что в октябре делал Зиновьев и Каменев». Г. И. Ломов (Оппоков) 23 февраля 1918 г. на заседании ЦК сказал: «Если Ленин грозит отставкой, то напрасно

пугаются. Надо брать власть без В. И. [Ленина]»¹⁵. В этой ситуации обычным явлением была практика отставок с выборных партийных или занимаемых государственных постов, образование фракционных групп («левых коммунистов»). 10 февраля 1918 г. переговоры были прерваны на основе формулы Троцкого. Но в руководстве Германии победила «военная партия».

18 февраля началось наступление на Восточном фронте. Немецкие войска стремительно продвигались. Русская армия, по выражению Ленина, голосовала за мир ногами. На фронт спешно отправлялись так называемые «отряды завесы» с целью перекрыть хотя бы важнейшие дороги. Под Нарвой отряд матросов захватил цистерну спирта и отказался выполнять приказы бывших генералов. Командир отряда матрос П. Е. Дыбенко, один из трех наркомов по военным и морским делам, навести порядок не смог. Через несколько дней Дыбенко был снят с должности и отдан под суд. Его взяла на поруки жена А. М. Коллонтай, нарком по социальным делам. 22 февраля появилось воззвание «Социалистическое Отечество в опасности». В тот же день Берлин сообщил, что готов возобновить мирные переговоры на новых, более тяжелых условиях. В ЦК шли ожесточенные споры. Ленин угрожал выходом из ЦК и Совнаркома, чтобы не быть связанным партийной дисциплиной. При решающем голосовании он получил семь голосов, против было четверо (Бухарин с единомышленниками), а четверо (в том числе Троцкий и Дзержинский) в этой ситуации воздержались. В Берлин ушла телеграмма о согласии на заключение мира. В половине пятого утра 24 февраля 1918 г. Ленину удалось добиться положительного решения ВЦИКа. 3 марта мир был подписан. Граница прошла в районе Пскова — Могилева. Россия теряла Прибалтику, часть Белоруссии, Карс и Батум на Кавказе. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. Брестский договор был ликвидирован в ноябре 1918 г. после революции в Германии и ее капитуляции перед странами Антанты. Политическим итогом Брестского мира стал выход из правительства левых эсеров, рост антибольшевистских настроений, особенно среди имущих и средних городских слоев, интеллигенции. Это стало формальным поводом для стран Антанты к интервенции.

6–8 марта 1918 г. экстренно собрался VII съезд большевиков. Многие организации не успели прислать своих представителей. 47 делегатов с решающим и 59 с совещательным голосом представляли

всего 170 тыс. членов партии. Важнейшим был вопрос об отношении к войне и миру. 30 делегатов против 12 поддержали Ленина. Партия получила новое название — Российская коммунистическая партия (большевиков) — РКП(б).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Таким образом, октябрь 1917 г. стал отказом от буржуазно-демократического пути развития России. Популистские лозунги большевиков отражали желания широких масс, что и обеспечило им победу. В декретах новой власти сочетался назревший цивилизационный прорыв с утопическим радикализмом. Теперь предстояла схватка различных политических сил за окончательный выбор той или иной исторической альтернативы путем вооруженной борьбы.

Уже в конце 1917 — начале 1918 г. сформировались три основных политических блока: 1) большевики и их союзники, выступавшие под лозунгами защиты советской власти и пролетарской революции; 2) Белое движение во главе с рядом генералов, призывавшее к уничтожению советской власти, установлению диктатуры на переходный период; 3) сторонники демократического антибольшевистского движения (так называемого третьего пути), пытавшиеся совместить лозунг многопартийных Советов с Учредительным собранием, выступавшие против диктата большевиков и диктатуры белых генералов. Если программу Белого движения формулировали кадеты, то идеи «третьего пути» — эсеры и меньшевики.

Еще одной особенностью Гражданской войны стало образование различных национальных движений, выступавших под лозунгами образования национальных государств (Петлюра на Украине, дашнаки в Армении, мусаватисты в Азербайджане, меньшевики в Грузии и т. п.). Они были одновременно противниками большевиков и Белого движения, отрицавшего их право на самоопределение.

Политическими противниками большевиков были большинство вероисповеданий. В октябре 1918 г. патриарх Тихон обвинил большевиков в том, что они на деле «вместо мира искусственно разожгли классовую вражду», «во всяком потворстве низменным страстям толпы», и призывал «к устроению порядка и законности». Доброжелательно к советской власти в целом отнеслись толстовцы, духоборы и другие сектанты, преследовавшиеся старым режимом.

НАЧАЛО БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В период «пролога» Гражданской войны шли вооруженные столкновения сторонников и противников большевиков на Дону, Южном Урале, в Сибири и других районах. Родилось Белое движение: в ноябре 1917 г. в Новочеркасске во главе с Л. Корниловым возникла Добровольческая армия, совершившая в марте–апреле 1918 г. так называемый Ледяной, или 1-й Кубанский, поход. Белоказачьи отряды образовались на Дону (А. М. Каледин), на Южном Урале (А. И. Дутов), в Забайкалье (Г. М. Семенов), в Приморье (И. М. Калмыков). Началась открытая интервенция: в марте в Мурманске высадились англичане и французы, в апреле во Владивостоке — англичане и японцы, затем американцы. Прибалтику, Белоруссию, Украину, часть Кавказа оккупировали немецкие войска.

3. Основные политико-государственные силы на территории бывшей Российской империи в 1918–1920 гг.

Большевистская партия поднимает рабочих и крестьян на отечественную войну против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины... Разбитые революцией партии эсеров, меньшевиков, анархистов, националистов поддерживают в период интервенции белогвардейских генералов и интервентов, устраивают контрреволюционные заговоры против Советской республики, организуют террор против советских деятелей.

История ВКП(б): Краткий курс

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА (РСФСР)

В марте 1918 г. правительство переехало в Москву. К весне центр страны оказался в тяжелейшем экономическом положении. Останавливались предприятия. Города не получали продовольствия. В Петрограде выдавали по 50–100 граммов хлеба в день. Рос «черный рынок». Падало доверие к большевикам. Продолжался развал

Ленин и Сталин среди делегатов VIII съезда РКП(б). Март 1919 г.

страны. На местах нарастал государственный сепаратизм, нежелание считаться с указаниями центра.

Выход из кризиса Ленин видел в ужесточении дисциплины, продовольственной диктатуре, переходе реальной власти и ответственности к большевистской партии. Идея «государства-коммуны» сменилась идеей единоначалия и персональной ответственности. Руководители транспорта и промышленности получали чрезвычайные полномочия. Усилилась борьба с преступностью. В апреле 1918 г. в Москве и других городах прошли массовые аресты и разоружение анархистов, лозунги которых использовала часть уголовников. В деревню направлялись продовольственные отряды (продотряды) для изъятия хлеба и других продуктов. Их опорой стали комитеты бедноты (комбеды), созданные в июне 1918 г.

В июле 1918 г. была принята первая советская Конституция. Она провозглашала целью «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком» и «полное устранение деления общества на классы», объявила высшим органом государственной власти Всероссийский съезд Советов, а между съездами — ВЦИК. Права голоса были лишены так

И. Сталин на Царицынском фронте в 1918 г.

называемые «нетрудовые элементы». Выборы депутатов не были тайными, не были равными и не были прямыми.

В марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) была принята Вторая программа партии. Она объявляла о начале эры «всемирной пролетарской, коммунистической революции» и ставила целью построение социализма. Под этим понималось замена торговли «планомерным... распределением продуктов» и «уничтожение денег» как таковых, «полное равноправие наций», превращение армии «во всенародную социалистическую милицию», поголовное

привлечение трудящихся «к отправлению судебных обязанностей», замена системы наказаний «системой мер воспитательного характера», бесплатное и обязательное общее и политехническое образование до 17 лет, снабжение учащихся «пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства», доступность для трудящихся «сокровищ искусства», «полное отмирание религиозных предрассудков», передача управления народным хозяйством в руки профсоюзов¹⁶. Напомним, что этот документ официально действовал до октября 1961 г.

Социальной опорой большевиков являлась большая часть промышленных рабочих и крестьянская беднота. В казачьих районах большевиков поддерживало большинство инородных, надеявшихся обрести равноправие с казаками и получить землю. В октябре 1918 г. был создан Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). В него принимали молодых рабочих и крестьян — сторонников новой власти.

Встав во главе страны, большевики быстро отказались от привлекательных, но нереальных идей выборности командного состава, солдатских комитетов и т. п. В мае была введена воинская повинность для трудящихся. На всех уровнях вводилось единоначалие. 2 сентября

М. В. Фрунзе

1918 г. был образован Реввоенсовет республики (РВСР) — орган высшей военной власти, просуществовавший до 1934 г. Председатель РВСР был одновременно наркомом по военным и морским делам. Этот пост занял в марте 1918 г. Л. Д. Троцкий. Главнокомандующим Вооруженными силами стал бывший полковник И. И. Вацетис (с июля 1919 г. — полковник С. С. Каменев). В ноябре под председательством В. И. Ленина возник как чрезвычайный высший государственный орган — Совет рабочей и крестьянской обороны. В него входили представители ВЦИК, РВСР, наркоматов путей сообщения, продовольствия и т. д.

Для руководства войсками в сентябре 1918 г. были созданы Северный, Южный и Западный фронты. В армию привлекались бывшие офицеры (военные специалисты). Одновременно возник институт комиссаров — политических руководителей. Они были представителями коммунистической партии и отвечали за действия частей наряду с командирами. Создавались особо надежные части: из рабочих, из интернационалистов (китайцев, латышей, венгров и т. п.), из красных курсантов. Результатом стало наступление Красной Армии на Восточном фронте, взятие Казани и Симбирска осенью 1918 г. На рубеже 1919 г. в армии появились особые отделы ВЧК. Они ведали контрразведкой и следили за политическими настроениями. К 1920 г. численность Красной Армии составила около 5 млн человек.

Росла и боеспособность армии. Сочетая расстрелы и убеждение, партийные комитеты и командование сумели укрепить воинскую дисциплину. В конце 1919 г. были созданы мощные мобильные соединения: две Конные армии, конные корпуса. Появились талантливые полководцы и командиры: В. К. Блюхер, С. М. Буденный, Б. М. Думенко, Ф. К. Миронов, М. Н. Тухачевский, М. В. Фрунзе, В. И. Чапаев.

М. Н. Тухачевский

ПОЛИТИКА «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

В 1918–1919 гг. сформировалась социально-экономическая политика Советской власти, получившая название «военного коммунизма». Она была рождена, с одной стороны, чрезвычайными условиями того времени (развал экономики, голод, особенно в промышленных центрах, вооруженная борьба и т. п.), а с другой — была нацелена на скорейшее достижение социализма по Марксу. Это сочетание вело к строжайшей централизации, росту бюрократического аппарата, военно-приказной системе управления, уравнительному распределению по классовому принципу.

В экономике основными элементами этой политики стали продразверстка (введена в 1919 г.), запрещение свободы торговли, национализация всей промышленности, управление ею через главные комитеты (Главки), всеобщая трудовая повинность, военная дисциплина труда, трудовые армии (с 1920 г.), карточная система распределения продуктов и товаров, принудительная кооперация населения, обязательное членство в профсоюзах, бесплатность коммунальных услуг, зрелищ и т. п.

В политическом отношении «военный коммунизм» означал приобретение партией большевиков монопольной политической власти. С помощью партийных комитетов и органов ВЧК была сформирована система политического контроля. Она опиралась на осведомителей и перлюстрацию (незаконное чтение частной переписки). В идеологическом плане время «военного коммунизма» отражало представления большевиков об отмирании государства, товарно-денежных отношений и рынка после победы пролетарской революции, их уверенности в ненужности общедемократических принципов. Характерны в этом плане высказывания редактора «Правды», одного из ведущих идеологов партии Н. И. Бухарина в 1919–1920 гг.: «Теперь, когда наступила эпоха прямого штурма капиталистической крепости, только убогий мещанин может довольствоваться рассуждениями о правах меньшинства». «В развитом социализме... весь процесс производственный будет обезличен. Сегодня сижу я и управляю..., а на завтра, в силу товарищеского разделения труда, будет сидеть другой»¹⁷.

В июне 1918 г. из Советов были исключены меньшевики и правые эсеры, после 6 июля — большинство левых эсеров. Отмена этих решений в ноябре 1918 — феврале 1919 г. не внесла реальных перемен

в однопартийный режим. Главные решения принимало Политическое бюро (Политбюро) ЦК (существовало постоянно с марта 1919 г., члены и кандидаты — Ленин, Каменев, Сталин, Троцкий, Крестинский, Бухарин, Зиновьев, Калинин). При необходимости эти решения дублировались ВЦИК и СНК.

Постепенно заработал, хотя и с огромными недостатками, механизм государственного управления. Политика «военного коммунизма» позволила победить в Гражданской войне, но она не могла быть основой дальнейшего развития.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

В конце 1917 г. на окраинах страны и в казачьих районах начало формироваться Белое движение: на Дону, Южном Урале, в Забайкалье. Его социальной опорой в первые месяцы были: значительная часть имущих слоев (землевладельцев, промышленников, банкиров); часть офицерства, интеллигенции, учащейся молодежи. Политическое руководство осуществляла партия кадетов.

К лету 1918 г. возникли устойчивые центры Белого движения на Дону, Кубани, в Забайкалье, на Северо-Западе. На Кубани власть находилась в руках генерала А. И. Деникина, на Дону — у атамана П. Н. Краснова, в Забайкалье — у атамана Семенова. В середине ноября 1918 г. власть в Омске путем военного переворота захватил адмирал А. В. Колчак, став правителем Сибири. До конца 1919 г. он был главной фигурой Белого движения. При поддержке стран Антанты его провозгласили Верховным правителем России. На Севере России власть перешла к генералу Миллеру. На Северо-Западе с середины 1919 г. руководство осуществлял генерал Н. Н. Юденич.

Каждый из них формировал органы управления, вооруженные силы, органы безопасности, проводил экономическую, социальную и внешнюю политику. Преимуществом белых было наличие опытных военных и управленцев, поддержка большинства стран Европы и США; недовольство большевиками с лета 1918 г. значительной части крестьянства, казачества и части рабочих. Но Белое движение имело ряд серьезных слабостей.

Территориально оно было разделено на ряд районов и не имело единого управления. До ноября 1918 г. одни лидеры Белого движения ориентировались на Германию (П. Н. Краснов), другие — на страны

Антанты (А. В. Колчак, А. И. Деникин). Все они призывали к свержению Советской власти, не объясняя, какой они видят будущую Россию. Не была сформулирована четкая аграрная программа, признававшая право крестьян на землю. Во многих районах с белыми возвращались помещики. В национальном вопросе лозунг «единой, неделимой России» означал отказ от признания права на независимость Финляндии, стран Прибалтики, Закавказья. Жестко пресекалось стремление казаков к автономии. Союз с интервентами лишал белых в глазах части населения ореола «спасителей России». Сказывался и социально-культурный раскол. В глазах широких масс «белые» были барами, господами, буржуями.

После разгона Учредительного собрания, подписания Брестского мира правые эсеры и часть меньшевиков начали силовую борьбу с большевиками. Почву для этого создавало растущее недовольство крестьян продовольственной политикой Советской власти и разочарование значительной части рабочих в новой власти. В Поволжье и Западной Сибири в мае–июне начались массовые крестьянские выступления под лозунгами «свободы торговли» и «защиты Учредительного собрания». Они соединились с вспыхнувшим в мае восстанием Чехословацкого корпуса на Сибирской магистрали. Результатом стало создание антибольшевистских правительств в Самаре (Комитет членов Учредительного собрания), в Новониколаевске (Новосибирске) (Западно-Сибирский комиссариат), в Омске (Временное Сибирское правительство), в Архангельске (при поддержке войск Англии и Франции).

Но правые эсеры и меньшевики оказались не способны удержать власть в чрезвычайных условиях. Идя на соглашение с имущими слоями, они вызывали недовольство последних стремлением сохранять демократические лозунги и организации. В глазах монархически настроенных офицеров они были виновниками падения самодержавия и прихода к власти большевиков. К осени 1918 г. власть в Архангельске и Омске перешла в руки военных. В декабре 1918 г. колчаковские офицеры учинили кровавую расправу над группой эсеров — членов Учредительного собрания.

После заключения Брестского мира из СНК ушли левые эсеры. Продолжая работать в Советах и советских учреждениях, они были противниками продовольственной политики. В дни работы V съезда Советов, 5–6 июля, по решению ЦК левых эсеров был убит посол Германии

Мирбах и сделана попытка государственного переворота. Партия левых эсеров раскололась на противников и сторонников союза с РКП(б).

В ситуации окончания Первой мировой войны, революций в Германии и других странах большинство эсеров, меньшевиков и представителей других социалистических партий выступили за соглашение с большевиками. В конце 1918—начале 1919 г. был достигнут временный компромисс. Было отменено решение об исключении эсеров и меньшевиков из Советов. Они получили возможность легальной работы. Но большевики были готовы мириться с их существованием при условии полного политического послушания. Эсеры, меньшевики, анархисты не желали соглашаться с такой ролью. Они критиковали большевиков за нарушения Конституции, за злоупотребления властью, за нетерпимость к легальной оппозиции, предлагали изменить экономическую политику, заинтересовав крестьянина в результатах своего труда. Но в периоды наступления белых эти партии призывали своих сторонников к защите Советской власти. В тылу Колчака и Деникина они вместе с большевиками вели партизанскую борьбу. Тем не менее на протяжении 1919–1920 гг. эти партии находились под постоянным наблюдением ВЧК. Регулярно проходили обыски и аресты. Их представительство в Советах всячески ограничивалось. Численность партий сокращалась. Некоторые члены этих партий входили в РКП(б).

Особым явлением Гражданской войны стало стихийное крестьянское движение. В различные периоды оно вспыхивало на территориях, контролируемых белыми, красными и интервентами: в 1918–1921 гг. — на Украине, в 1919–1921 гг. — в Сибири, в 1920–1921 гг. — на Тамбовщине, в 1919–1921 гг. — на Северном Кавказе. Оно не ставило целью создание особых государственных образований. Его участники защищали интересы крестьян-собственников: владение землей, право на «свободу торговли», давали отпор различным формам реквизиций. Политическое руководство этим движением в разные периоды и в разных районах осуществляли анархисты, большевики, эсеры. Наиболее известными лидерами были А. С. Антонов (на Тамбовщине), Н. И. Махно (на Украине), Щетинкин (в Сибири). Частью этого движения были так называемые зеленые. Первоначально это были люди, которые не желали служить в армиях враждующих сторон, укрывались в лесах. На советской территории «зеленые» препятствовали мобилизациям в Красную Армию, сбору продразверстки. В тылу Деникина в 1920 г. возникли отряды «красно-зеленых».

Лишенные государственного руководства и контроля, эти отряды, особенно к 1920–1921 гг., нередко превращались в «политических бандитов», грабя население, производя жестокие расправы над пленными.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В ситуации распада Российской империи и конца Первой мировой войны на ее территории образовался ряд национальных государств: Финляндия, Польша, Украина, Белоруссия, Эстония, Латвия, Литва, Азербайджан, Грузия, Армения.

В Финляндии правительство коммунистов и левых социал-демократов было свергнуто в ходе кратковременной гражданской войны войсками маршала Маннергейма (апрель—май 1918 г.). В ноябре 1918 г. возникло государство Польша. Власть взяли националистические партии, стремившиеся вернуть Польшу к границам 1772 г. Украиной с апреля по ноябрь 1918 г. при поддержке Германии управлял гетман Скоропадский. После этого за власть на Украине боролись большевики, украинские националисты (С. Петлюра), анархисты (Н. Махно) и белые (А. И. Деникин). В Белоруссии после ухода немецких войск установилась Советская власть. В Прибалтику после окончания Первой мировой войны пришла Красная Армия. Были образованы советские республики. Но летом 1919 г. Красная Армия отступила. В Латвии, Литве, Эстонии к власти пришли буржуазные партии. В Закавказье власть взяли национальные социалисты: в Азербайджане — мусаватисты, в Армении — дашнаки, в Грузии — меньшевики.

Будучи противниками большевиков, они одновременно настороженно относились к Белому движению, боясь утраты национальной независимости. Одновременно внутри Прибалтики и Закавказья между республиками вспыхнули территориальные и национальные конфликты: между Литвой и Польшей, Эстонией и Латвией, Азербайджаном и Арменией, Грузией и Абхазией.

В Туркестане (Средней Азии) шла борьба между сторонниками Советской России и националистами. Опорой последних были Бухарский эмират и Хивинское ханство.

4. Вехи русской смуты

Летом 1918 г. резко усилился социальный раскол в деревне. Активным участником Гражданской войны стало крестьянство — основная часть населения. В июне образовался Восточный фронт. В последующие месяцы события нарастали: ввод английских войск в Баку (август); захват Баку турками (сентябрь); образование антисоветских правительств на Дону (генерал П. Н. Краснов), в Архангельске (эсер Н. В. Чайковский); антисоветские восстания в центре страны (Ярославль, Рыбинск, Муром — июль); антибольшевистское выступление левых эсеров в Москве во время работы V съезда Советов (5–6 июля); взятие Казани чехами и войсками «Учредилки»; наступление генералов А. И. Деникина на Кубани, П. Н. Краснова на Воронеж и Царицын (июль–август); падение Советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке (июль–сентябрь).

Вооруженная борьба с мая 1918 г. стала главным фактором жизни страны. К концу лета Советская власть была ликвидирована на 75 % территории. Ее гибель казалась неизбежной. Но антибольшевистские силы были раздроблены, у них отсутствовала единая политическая программа.

В это время изменилась ситуация в Европе. Страны Антанты одержали победу в Первой мировой войне. С конца сентября по 11 ноября последовательно капитулировали Болгария, Турция, Австро-Венгрия и Германия. Образовались самостоятельные государства в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Белоруссии, Галиции, на Украине. В Одессе и Севастополе высадились англо-французские войска (ноябрь). В Баку вернулись англичане (ноябрь). В свою очередь советское правительство аннулировало Брестский мир. В результате наступления Красной Армии на Украину, Белоруссию, Прибалтику здесь были образованы советские республики (ноябрь 1918 — январь 1919 г.). По предложению президента США В. Вильсона обсуждался вопрос о перемирии и проведении мирной конференции правительств России на Принцевых островах в Мраморном море. Создать ее не удалось из-за отказа, прежде всего Колчака.

В январе–феврале 1919 г. Красная Армия наступала на Дону, используя усталость казачества от войны. Но, стремясь закрепиться здесь, Советская власть начала политику так называемого расказачивания,

М. И. Калинин

означавшую репрессии против основной массы населения. Ответом стало восстание на Верхнем Дону (март–май). Войска Колчака наступали на Восточном фронте (март–апрель), заняв Уфу, Ижевск и угрожая Казани.

В политическом отношении это время характерно ростом недовольства сибирского крестьянства властью Колчака, переходом в оппозицию к нему меньшевиков и эсеров. Советское правительство стремилось наладить отношения со средним крестьянством: ликвидация комитетов бедноты в деревне, лозунг VIII съезда РКП(б) в марте 1919 г. о со-

юзе с середняком при опоре на бедноту, избрание выходца из Тверской губернии М. И. Калинина председателем ВЦИК после смерти Я. М. Свердлова в марте 1919 г.

Одновременно такие факты, как образование советских республик в Венгрии (март–июль), в Баварии (апрель), эвакуация французских войск из России в результате волнений французских моряков на Черном море (апрель) и т. п., вселяли уверенность в скорый успех европейской революции. Для быстреего основания «международной советской республики» в марте 1919 г. был образован Коммунистический Интернационал (Коминтерн) как мировая коммунистическая партия с секциями в отдельных странах и центром в Москве.

В результате военная интервенция стран Антанты не смогла оказать решающего воздействия на ход событий в России. Причинами этого стали широкое недовольство в Европе и США вмешательством в дела России (движение «Руки прочь от России!»), противоречия между странами Антанты, отрицательное отношение к присутствию иностранных войск со стороны значительной части российского населения. Одновременно укрепилось внутривнутриполитическое положение Советской власти, был достигнут временный политический компромисс с частью меньшевиков и эсеров.

1919 г. был решающим для исхода борьбы. Его важнейшими событиями оказались рост партизанского движения в тылу Колчака, образование ряда партизанских армий и партизанских республик

Делегаты II конгресса Коминтерна. Июль 1920 г.

в Сибири и на Алтае, контрнаступление советских войск против Колчака (апрель–июнь), образование Туркестанского фронта (август), развал колчаковского режима, объявление нейтралитета войсками чехословаков, арест и расстрел Колчака (к февралю 1920 г.).

Летом 1919 г. была ликвидирована Советская власть в Прибалтике. Северо-Западная армия генерала Н. Н. Юденича пыталась дважды захватить Петроград (май–июнь, сентябрь–октябрь), но в результате была разбита, отступила на территорию Эстонии и там была расформирована (к январю 1920 г.). В начале февраля 1920 г. войска интервентов покинули север России. Красная Армия к марту 1920 г. заняла Архангельск и Мурманск.

На юге войска генерала А. И. Деникина, «главкома Вооруженных сил Юга России», к лету вышли на линию Царицын — Белгород — Херсон.

В июле они начали генеральное наступление, заняв Киев, Воронеж, Курск, Орел. Но по мере продвижения войск Деникина в его тылу нарастало партизанское движение украинских крестьян во главе с Н. И. Махно и другими вожаками, росли противоречия с казачеством, с национальными движениями и правительствами Украины, Кавказа и Закавказья. В октябре 1919 г. после поражения под Орлом началось отступление деникинской армии. В марте 1920 г. ее остатки были эвакуированы из Новороссийска в Крым. Командование принял генерал П. Н. Врангель.

Главными политическими событиями 1919 г. стали, с одной стороны, неудачные попытки пролетарских революций в Европе, а с другой — мощные, но разрозненные выступления антибольшевистских сил, не способных объединиться и выступить единым фронтом, выдвинуть программу, привлекательную для основной массы населения, прежде всего крестьянства. В итоге к весне 1920 г. основные силы Белого движения потерпели поражение, а войска Антанты, кроме Японии, покинули пределы России.

Основными вехами 1920 г. были советско-польская война (апрель–октябрь 1920 г.) и борьба с армией Врангеля (апрель–ноябрь). В июне 1919 г. во Франции был подписан Версальский мирный договор, подведший черту под Первой мировой войной. Он зафиксировал развал Австро-Венгерской и Турецкой империй, образование новых государств (Польша, Чехословакия, Югославия и др.). Была создана международная организация Лига Наций для поддержания мира, просуществовавшая до Второй мировой войны. Одной из сложнейших стала проблема определения границ новых государств в результате взаимных территориальных претензий. Руководство Польши выдвинуло лозунг о возвращении к границам 1772 г. С другой стороны, по мнению коммунистических вождей, буржуазная Польша мешала соединению российской революции с ожидавшейся пролетарской революцией в Германии и других странах Европы.

Войну начала Польша. В мае 1920 г. был занят Киев. В июне началось контрнаступление Красной Армии. Под командованием М. Н. Тухачевского войска двигались на Варшаву с целью прорыва на территорию Германии. Был создан Временный революционный комитет Польши с участием Ф. Э. Дзержинского. Основная масса польского населения хотела сохранить возрожденное национальное государство. В августе Красная Армия под Варшавой потерпела

Временный Польский революционный комитет. Июль 1920 г.

поражение и к октябрю отступила до Минска. Было заключено перемирие, а в марте 1921 г. подписан Рижский мирный договор. Под властью Польши оказались районы Западной Украины и Западной Белоруссии. Граница прошла к западу от линии Минск — Каменец-Подольск.

Одновременно шло наступление войск Врангеля на Украине. В октябре после боев в районе Днепра и на Каховском плацдарме они отступили в Крым. Разгром Врангеля был поручен Южному фронту под командованием М. В. Фрунзе. После упорных боев за Перекоп в ноябре 1920 г. Крым был взят Красной Армией. Войска Врангеля и часть населения эвакуировались в Стамбул (Константинополь).

ТЕРРОР «БЕЛЫЙ», «КРАСНЫЙ» И «ЗЕЛЕНЫЙ»

По мере разрастания Гражданской войны ее неотъемлемым элементом стал «белый» и «красный» террор. Их размах определялся несколькими причинами: стремлением всех воюющих сторон к диктатуре как методу управления, слабостью демократических традиций,

Красный террор: белогвардейская карикатура

обесцениванием человеческой жизни в результате мировой войны. Идея насилия стала знаменем времени. С конца 1917 г. сторонники враждующих сторон прибегали к самосудам. Советская власть до лета 1918 г. почти не применяла смертную казнь. 1 мая 1918 г. в Петрограде была объявлена амнистия. В числе освобожденных оказался В. М. Пуришкевич.

Жесточайшее подавление в мае 1918 г. революции в Финляндии, случаи измены, крайнее напряжение борьбы, боязнь потерять власть усиливали стремление большевиков к массовому террору. В ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге были расстреляны члены царской семьи и их слуги — всего

11 человек. После убийства 30 августа 1918 г. председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого и тяжелого ранения Ленина в Москве был объявлен «красный террор». Он включал взятие заложников, создание системы концлагерей для изоляции «подозрительных элементов» до конца Гражданской войны, массовые расстрелы «прикосновенных к белогвардейским организациям и мятежам». Сосредоточение в руках ВЧК розыска, следствия, суда и осуществления приговоров вело к массовым злоупотреблениям, которые отмечали многие деятели РКП(б). Огромный произвол творился на местах. Н. К. Крупская писала в связи с одной из крестьянских жалоб наркому внутренних дел Г. И. Петровскому: «...я убеждена в том, что значительное число так называемых “кулацких восстаний” возникает на почве бесконтрольного хозяйничанья этих “комитетов” [бедноты]... Случаи расправы на местах, с посмевшими пожаловаться на местный произвол Ленину, не так-то редки... Извиняюсь, что беспокою Вас, но эти “Комитеты бедноты”... заставляют переживать горькие минуты, когда видишь, что вместо организации жизни, в деревне создается ужасающий раскол».

В свою очередь белые также брали заложников, создавали концлагеря. Колчаковские генералы отдавали приказы о сожжении

сопротивляющихся деревень и поголовном расстреле мужского населения. Открытые репрессии (публичные казни, расстрелы, еврейские погромы и т. п.) усиливали симпатии части населения к Советской власти. Один из ближайших сподвижников адмирала А. В. Колчака, барон А. Будберг записывал в дневнике 7 июня 1919 г.: «... вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами... всех недовольных и восстающих против насилия не перевешать и не перепороть — рук не хватит, да и руки короткие... В армии развал;... в правительстве нравственная гниль... Как я завидую сейчас красным. Во главе их армий стоят решительные люди»¹⁸. Большой жестокостью отличались действия отрядов так называемой третьей силы — повстанческих отрядов крестьян, дезертиров. Таким образом, все воюющие стороны широко применяли политическое насилие. Этой всеобщей жестокости по мере сил противостояли лучшие представители российских народов, защищавшие подлинный гуманизм. Символами борьбы за спасение человеческих жизней и культурных ценностей стали поэт М. Волошин, писатели М. Горький и В. Короленко.

«Иду к любимой в гости, несу три морковинки за зеленый хвостик»

Особый аспект темы — повседневная жизнь в годы гражданской войны. Активное, осознанное участие в революционных событиях на стороне одной из политических сил принимала, конечно, меньшая часть населения. Большинство в этих экстремальных условиях столкнулось с проблемой выживания. Особенно тяжелой была ситуация в потребляющих районах Центральной России. Население Петрограда сократилось в три раза. Бешеная инфляция сочеталась с отсутствием продуктов и товаров. В Москве за 1914–1920 гг. цены на соль выросли в 125 тыс. раз, сахар — в 28 тыс. раз, картофель — в 21 тыс. раз, пшено — в 15 тыс. раз. В Петрограде в 1918 г. рыночные цены были выше, чем в Симбирске, в 15 раз, чем в Саратове — в 24 раза.

Снабжение населения в городах осуществлялось по карточкам на основе классового принципа. Это означало, что высшую норму получали рабочие, а меньше всего — иждивенцы. Детские карточки были едиными. Но постепенно росло число спецпайков:

красноармейский, совнаркомовский (для ответственных работников), академический (для ограниченного числа ученых) и т. д. Это вело к массовым злоупотреблениям. Обычные карточные нормы обеспечивали лишь от 30 до 50 % необходимых для выживания продуктов. Остальное приобретали у «мешочников». Это были люди, которые доставляли в города Центральной России продукты (муку, картофель, масло) из плодородных районов, нередко пересекая линии фронтов. Власть пыталась бороться с ними при помощи заградительных отрядов, но это помогало мало, лишь усиливая взятки, коррупцию, произвол. Широкое распространение получил натуральный безденежный обмен.

Еще одной проблемой стали эпидемии: тиф, холера. Не хватало лекарств. Не было мыла, соли. Редко работали бани. В Москве, Петрограде крайне редко ходил трамвай — единственный общественный транспорт, кроме извозчиков. Часто не отапливались учебные заведения. Чернила изготавливались из свеклы, сажи, клюквы. Дефицит бумаги вел к тому, что в среднем в год на 20 учащихся имелась одна тетрадь. Не хватало одежды. Обувь стали делать на деревянной подошве.

Перед людьми остро вставала проблема выбора политической и нравственной позиции. Близкие родственники нередко оказывались по разные стороны баррикад. Другие пытались уклониться от участия в Гражданской войне. В эти годы было более 2 млн дезертиров.

Но одновременно в маленьких городах и селах возникали самодеятельные театры, открывались библиотеки. Шло издание произведений классиков. Сочинения А. С. Пушкина вышли тиражом почти 1 млн экземпляров. Множество людей собирали культурные ценности и охраняли музеи, лечили людей, учили неграмотных, ставили спектакли. Именно они — подлинные герои Гражданской войны, потому что спасали российскую культуру и людей.

«НАС БРОСАЛА МОЛОДОСТЬ НА КРОНШТАДТСКИЙ ЛЕД»

Кризис конца 1920 — начала 1921 г. во внутриполитическом отношении поставил Советскую власть перед угрозой краха. После разгрома основных военных противников руководство РКП(б) рассчитывало на подъем экономики на основе продолжения и укрепления

политики «военного коммунизма». Часть армии была превращена в «трудовые армии». В 1920 г. была создана комиссия ГОЭЛРО (Государственная комиссия по электрификации России). К концу того же года был утвержден разработанный ею план строительства электростанций по всей стране. В декабре 1920 г. В. И. Ленин выдвинул лозунг: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». В начале 1921 г. был создан Госплан (Государственная плановая комиссия). В деревне предлагалось обязать крестьян засеивать определенные площади. Таким образом, строительство социализма предполагалось осуществлять на основе централизованного планирования и твердой дисциплины.

Но такая экономическая политика вызывала все большее возмущение широчайших масс крестьянства и рабочих, не имевших стимула к производительному труду, живших впроголодь. Положение осложнилось топливным и продовольственным кризисом в начале 1921 г. (остановились заводы в Петрограде, сократились хлебные пайки), проблемой демобилизованных (отсутствие жилья и работы). Шло уменьшение посевных площадей, резкое падение производства.

С осени 1920 г. в различных районах страны (Тамбовщина, Западная Сибирь, Среднее Поволжье, Северный Кавказ и т. д.) росло повстанческое крестьянское движение. Повстанцы требовали отмены продразверстки, свободы торговли. В феврале 1921 г. начались волнения рабочих в Петрограде и Москве. Они выступали под лозунгами «Власть Советам, а не партиям!», «Долой привилегированные пайки!» и т. п.

Заколебалась армия. К концу 1920 г. она насчитывала около 5 млн человек, а в боевых действиях непосредственно участвовало около 500 тысяч. Остальные использовались в борьбе с крестьянскими восстаниями, бандитизмом, на трудовых работах. В конце 1920 — начале 1921 г. выступили против Советской власти несколько частей Красной Армии. В марте произошло восстание в Кронштадте. На его подавление было направлено около 300 делегатов X съезда РКП(б). Руководил операцией М. Н. Тухачевский. В этой ситуации В. И. Ленин сделал вывод: «Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах»¹⁹. Отказ от политики «военного коммунизма», переход к новой экономической политике (НЭПу) помог преодолеть кризис, утвердить Советскую власть. Победа большевиков означала конец гражданской войны.

«ЖЕЛЕЗНАЯ КОГОРТА РЕВОЛЮЦИИ»

Так нередко именовали Коммунистическую партию в годы Гражданской войны. В новых условиях встала задача формирования партийных структур на всех уровнях. Если к февралю 1918 г. губкомы имелись в 39 губерниях, укомы — в 52 уездах и волкомы — в 16 волостях, то к концу того же года в составе РКП(б) насчитывалось 50 губкомов, 350 укомов и 1139 волостных комитетов²⁰. Постепенно формируется новая структура ЦК. На необходимости расширения партийного аппарата, создании отделов и т. п. сходились практически все выступавшие на VIII съезде РКП(б) делегаты. В 1919 г. появились отделы ЦК, ведавшие конкретными направлениями работы. По решению VIII съезда РКП(б) возникли Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК²¹.

Сам Секретариат ЦК появился после VII (Апрельской) партконференции, для выполнения технических функций. Обязанности секретаря ЦК первоначально выполняла Е. Д. Стасова, не являвшаяся членом ЦК. После VI съезда РСДРП(б) на заседании узкого состава

Ленин и Троцкий на Красной площади в Москве. Ноябрь 1919 г.

ЦК 6 (19) августа 1917 г. был образован Секретариат ЦК в составе пяти членов ЦК. Организационной работой партии (Секретариатом) в этот период руководил Я. М. Свердлов²². В резолюции VIII съезда «По организационному вопросу» впервые было сформулировано понятие Секретариата ЦК как органа, состоящего из ответственного секретаря — члена Оргбюро и пяти технических секретарей. Указывалось, что Секретариат организует ряд отделов²³. После IX съезда РКП(б) состав Секретариата был расширен до трех членов ЦК без выделения ответственного секретаря²⁴. Термин «Оргбюро» впервые был зафиксирован в протоколе заседания узкого состава ЦК 6 (19) августа 1917 г. Как исполнительный орган ЦК оно возникло 16 января 1919 г. для подготовки VIII съезда партии. В резолюции VIII съезда было записано, что Оргбюро состоит из пяти членов ЦК, заседает не реже трех раз в неделю и направляет всю организационную работу партии²⁵.

Решения Оргбюро и Секретариата ЦК могли быть отменены Политбюро ЦК. Политическое бюро ЦК формально считалось высшим исполнительным органом ЦК, создаваемым для руководства всей работой партии между пленумами ЦК. Впервые Политбюро было образовано на заседании ЦК 10 октября 1917 г. как временный орган для политического руководства вооруженным восстанием. 29 ноября (12 декабря) 1917 г. было избрано Бюро ЦК (Ленин, Свердлов, Сталин, Троцкий) с правом «решать все экстренные дела, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном». VIII съезд предусмотрел создание Политбюро из пяти членов ЦК для решения вопросов, «не терпящих отлагательства». Все члены ЦК имели право участвовать в заседаниях Политбюро с совещательным голосом. Все эти органы — Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК — должны были отчитываться «перед пленумом ЦК каждые две недели»²⁶.

Согласно решениям VIII съезда, главную роль между съездами должен был сохранить Центральный комитет, на пленарных собраниях (пленумах) которого предлагалось обсуждать «все наиболее важные политические и организационные вопросы, не требующие самого спешного разрешения»²⁷. В реальных условиях гражданской войны на деле постепенно все более возрастала в центре роль Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК, включавших достаточно ограниченный круг партийных работников, а на местах соответствующих партийных

комитетов. Достаточно сказать, что в состав трех вышеперечисленных органов ЦК за период с октября 1917 г. по март 1921 г. входило в общей сложности в качестве членов и кандидатов 15 человек²⁸. Одновременно рос партийный аппарат. Если к VIII съезду в ЦК насчитывалось 30 сотрудников, к IX съезду — 150, то к X съезду в марте 1921 г. — 602 человека²⁹.

Еще одной новой проблемой стал рост партийных рядов. Правящая партия резко увеличила свою притягательность для десятков и сотен тысяч людей. Безусловно, десятки тысяч шли в партию, привлеченные идеей мировой социальной революции; создания справедливой общества, без вражды и социальных пороков. Но одновременно в Коммунистическую партию устремилось множество авантюристов, проходимцев, карьеристов, желавших захватить «место под солнцем» и урвать свою «долю пирога». Об этом откровенно говорили многие виднейшие деятели РКП(б) того времени. В. П. Ногин на VIII съезде сказал, что «наша партия опустилась,... работники на местах и в центре ведут себя так, что позорят имя партии». Это подтверждал Г. Е. Зиновьев: «... местами слово “комиссар” стало бранным, ненавистным словом». Человек в кожаной куртке, как говорили в Перми, в народе стал ненавистным». В Петрограде были случаи, когда «в районах продавали партийные билеты». Отсюда звучали требования «об оздоровлении партии», о том, чтобы «звание члена партии было превыше всего»³⁰. К тому же в моменты опасности для самого существования Советской власти партию покидали люди, вступившие в нее для достижения каких-либо личных целей.

С другой стороны, сама партия нуждалась в постоянном росте своих рядов, чтобы обеспечить хоть сколько-нибудь удовлетворительную работу государственного механизма. В результате годы Гражданской войны — это постоянные отливы и приливы численности Коммунистической партии. Если к марту 1918 г. РСДРП(б) насчитывала около 400 тыс. человек, то весной и летом 1918 г. часть коммунистов ушла из партии. На VIII съезде в марте 1919 г. было представлено 300 тыс. членов. С марта по сентябрь 1919 г. была проведена перерегистрация, ставшая первой «чисткой» партии. По 36 губерниям численность парторганизаций сократилась примерно на 90 тыс. членов (43 %) и 40–50 тыс. кандидатов и сочувствующих (примерно 50–60 %). Но уже в августе 1919 г. началась «партийная неделя» в Петрограде по вовлечению новых членов. В октябре — декабре она

прошла по всей стране. В результате по 36 губерниям численность партии выросла до 320 тыс. членов и кандидатов, т. е. более чем наполовину. К весне 1920 г., к IX съезду РКП(б), партия насчитывала в общей сложности более 600 тыс. Но уже осенью 1920 г. началась новая перерегистрация, и численность партийных рядов сократилась примерно на 200 тыс. человек. Но к марту 1921 г., за несколько месяцев, в условиях побед Красной Армии численность РКП(б) выросла более чем на 300 тыс. и достигла 730 тыс. членов и кандидатов. Таким образом, за годы Гражданской войны в общей сложности, по нашим подсчетам, в партию вступили около 800 тыс. человек, а выбыли по разным причинам или были исключены примерно 400 тыс. человек. Продолжал меняться сам состав партии. К 1921 г. в РКП(б) оставалось лишь 70 тыс., или 20 % тех, кто вступил в нее до октября 1917 г.³¹ Снижался общеобразовательный и интеллектуальный уровень.

Огромный отпечаток на сознание членов партии наложила гражданская война. Партия стала военизированной организацией. Летом 1920 г. В. И. Ленин писал: «В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной»³². Эта вынужденная ситуация прославлялась немалой частью партийных лидеров. Еще в 1919 г. известный большевик, критик и писатель А. К. Воронский в докладе на собрании иваново-вознесенской организации назвал партию «революционным рыцарским орденом»³³. В 1922 г. в статье «Железная когорта революции» Н. И. Бухарин именовал партию «своеобразным революционным орденом», мужественной фалангой бойцов, «в рубцах и шрамах, под славными знаменами, пробитыми пулями и разодранными штыком», которая «идет впереди всех,... всеми руководит»³⁴. В этой ситуации новые коммунисты, которые плохо знали сущность марксизма, но хорошо усвоили его лозунги, создавали вокруг руководителей особую атмосферу почитания и прославления. На наш взгляд, это начинало менять отношения даже в среде руководителей. В этом плане нам кажется приметой новой ситуации письмо, которое М. И. Калинин направил 6 октября 1920 г. Л. Д. Троцкому. Председатель ВЦИК стремился убедить своего корреспондента, что у того сложилось неправильное мнение о поведении Калинина при обсуждении и голосовании одного из вопросов на заседании ВЦИКа.

В заключение Калинин писал: «Возможно... я ошибался, но именно ошибался. Мое постоянное глубокое уважение к Вам как к товарищу, политическому деятелю и человеку, мнение которого обо мне всегда дорого, заставило послать Вам это объяснение. P.S. Копию письма посылаю Вл.[адимиру] Ил.[ьичу]»³⁵. Невозможно представить, чтобы такое письмо могло выйти из-под пера Калинина в 1917–1918 гг.

5. Эпилог Гражданской войны. 1921–1922 гг.

В 1920 г. РСФСР подписала мирные договоры с Литвой, Латвией, Эстонией, Финляндией, а в начале 1921 г. — с Ираном и Турцией. В 1920 г. начались переговоры о восстановлении торговых отношений с Англией. Рассматривая национальный вопрос с позиций классовой борьбы, большевики создали в 1920 г. Бухарскую и Хорезмскую советские республики. Опираясь на коммунистические организации Закавказья, Красная Армия в апреле 1920 г. вошла в Баку, в ноябре — в Ереван и в феврале 1921 г. — в Тифлис (Тбилиси). Были образованы советские республики Азербайджан, Армения и Грузия. Победе большевиков в этом районе помогла неспособность правительств Закавказья решить национальный вопрос, кровавые межнациональные и межгосударственные конфликты (армяно-грузинский в 1918–1919 гг., армяно-азербайджанский в 1919–1920 гг., преследование абхазского и осетинского национальных меньшинств в Грузии). К началу 1921 г. были ликвидированы основные фронты Гражданской войны.

В Забайкалье была создана Дальневосточная республика (ДВР) во главе с коммунистами, с участием в Учредительном собрании эсеров, меньшевиков и других партий. Целью этого было избежать прямого военного столкновения с Японией. К осени 1922 г. Приморье покинули японцы. В октябре 1922 г. войска ДВР вступили во Владивосток. В ноябре 1922 г. ДВР вошла в РСФСР.

Анализируя причины победы большевиков в гражданской войне, следует отметить, что при всех колебаниях крестьянства именно его позиция определила этот успех. Белое движение, включавшее различные политические течения (от крайних монархистов до конституционных демократов), оказалось неспособным предложить

крестьянству реальную альтернативу решения земельного вопроса и будущего государственного устройства России. Получившие землю крестьяне часто делали выбор по принципу «меньшего зла».

Сказывался и глубочайший социально-культурный раскол России со времен Петра I. Для основной массы крестьян и рабочих большевики психологически были ближе, чем белые («баре», «господа»). Партии эсеров и меньшевиков не могли принять военную диктатуру Колчака и Деникина. Это усиливало их колебания (от борьбы с Советской властью до заявлений о готовности защищать ее от белых генералов в 1919 г. и одновременно требований о демократизации советского режима), распад на отдельные группы, вступление части их членов в РКП(б). Не поддерживали Белое движение национальные районы, право на самоопределение которых отрицалось идеологами белых.

Наконец, Советской власти удалось привлечь в Красную Армию до трети офицерского корпуса. Более 80 % командующих армиями и фронтами являлись бывшими офицерами. В условиях интервенции в глазах значительной части населения большевики становились защитниками российской государственности. Значительную роль сыграла Коммунистическая партия. Построенная на сочетании твердой дисциплины, выборности и дискуссий, она стала «обручем» новой государственности.

Результатом Гражданской войны стали экономический развал, гибель около 12–13 млн и вынужденная эмиграция около 2 млн человек. Победа большевиков в Гражданской войне завершила Вторую российскую революцию. Теперь новой власти надо было выполнить обещания: построить невиданное в истории прекрасное справедливое общество — социализм.

Примечания

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1.
- ² Военная организация большевистской партии была создана в марте 1917 г. Петербургским комитетом для работы среди солдат столичного гарнизона и моряков Кронштадта. В апреле руководство «военкой» перешло к ЦК. Организация распространила свою деятельность на все части российской армии и флота на фронте и в тылу. Виднейшими деятелями «военки» были В. А. Антонов-Овсенко, Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойский.
- ³ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 289.
- ⁴ Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 78–86, 212–222, 228, 234, 322–323.
- ⁵ Измозик В. С. 1917 год // Наука и жизнь. 1991. № 2.
- ⁶ Сегодня достоверно известно о получении большевиками до 25 октября 1917 г. лишь 40 тыс. долларов от швейцарского демократа К. Мора. Он, будучи агентом немецкой разведки, выдавал эти деньги за полученное наследство. Почти вся сумма была возвращена К. Мору в 1920-е гг. Документы «комиссии Сиссона» были в абсолютном большинстве изготовлены журналистом Ф. Оссендовским с участием Е. П. Семенова (Когана). См. по этому вопросу: Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2001; Соболев Г. Л. Немецкое золото большевиков. СПб.–М., 2002.
- ⁷ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 319.
- ⁸ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 55.
- ⁹ Дата возвращения Ленина в Петроград остается дискуссионной. В «Кратком курсе» называлось 7 октября. Эта дата на десятилетия вошла в учебники. Но еще в 1960-е гг. ряд историков считал, что Ленин вернулся без разрешения ЦК еще в конце сентября. Другие думают, что это произошло после 7 октября.
- ¹⁰ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). М., 1958. С. 504–506, 508.
- ¹¹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. С. 537.
- ¹² Протоколы Центрального комитета РСДР(б). С. 133–134, 137.
- ¹³ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 537.
- ¹⁴ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 160–161.
- ¹⁵ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 172, 213–214.
- ¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. 9-е изд.. Т. 2. М.
- ¹⁷ Девятый съезд РКП (б). Протоколы. М., 1960. С. 136.
- ¹⁸ Родина. 1990. № 1. С. 25.
- ¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 59.
- ²⁰ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. М., 1968. С. 59, 119.

- ²¹ Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. М., 1959. С. 26–27, 29, 165, 170, 171, 178, 179, 182, 424–425.
- ²² Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв. СПб., 2000. С. 341–342; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 13.
- ²³ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 425.
- ²⁴ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972. С. 83.
- ²⁵ Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв. СПб., 2000. С. 341; Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 425; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 13.
- ²⁶ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 425; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). С. 86, 155.
- ²⁷ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 424.
- ²⁸ Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв. СПб., 2000. С. 348–362 (Подсчет наш — В. И.).
- ²⁹ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 56.
- ³⁰ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. С. 168, 169, 220, 294, 295.
- ³¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. С. 249, 341, 342, 343, 380, 503. (Подсчет наш — В. И.); История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 17, 18.
- ³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 209.
- ³³ Правда. 1919. 23 февраля. С. 4.
- ³⁴ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 35, 38.
- ³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 483. Л. 25.

III

РАЗДЕЛ

НА ПУТИ К СТАЛИНИЗМУ

ПАРТИЯ
в 1921–1941 гг.

VII

глава

Коммунистическая партия в переходный период (1921–1928 гг.)

На путях новой экономической политики были достигнуты решающие успехи в восстановлении народного хозяйства. Страна Советов... стала переходить ... к периоду индустриализации страны... Враги большевизма, антипартийные элементы в рядах ВКП (б)... вели отчаянную борьбу против ленинской партии. Во главе этих антипартийных элементов стоял Троцкий. Его сподручными в этой борьбе были Каменев, Зиновьев, Бухарин... Партия сплотилась под ленинским знаменем вокруг своего ленинского ЦК, вокруг тов. Сталина и нанесла поражение как троцкистам, так и их новым друзьям в Ленинграде — новой оппозиции Зиновьева—Каменева.

История ВКП(б): Краткий курс

1. НЭП (1921–1925 гг.): «всерьез и надолго»?

«ЛЕНИН ПРОТИВ КОММУНИЗМА»

С 1921 г. гражданская война продолжалась на окраинах: на Дальнем Востоке и в Средней Азии. За эти годы экономике страны был нанесен огромный урон. К 1921 г. промышленное производство сократилось в семь раз, а продукция сельского хозяйства — почти наполовину. Процесс экономического развития затормозился и из-за того, что политика «военного коммунизма» убивала стремление к производительному труду, вела в экономический и политический тупик.

Необходимость отказа от продразверстки уже с середины 1920 г. осознавалась немалым числом партийных и советских работников.

В начале февраля 1921 г. в обстановке растущего недовольства широкими масс Ленин и другие руководители партии пришли к мысли о необходимости «удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене продразверстки... хлебным налогом» и «расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте»¹. Эти идеи оформил своими решениями в марте 1921 г. X съезд РКП(б). Резолюция съезда «О замене продразверстки натуральным налогом» означала начало перехода к новой экономической политике (НЭПу). Теперь землевладельцу устанавливали натуральный налог в зависимости от количества пахотной земли. Остальной продукцией производитель мог распоряжаться сам. Введение НЭПа растянулось на несколько лет. Первоначально Ленин рассчитывал на товарообмен (обмен продуктами производства по твердым ценам и только через государственные или кооперативные магазины), но к осени 1921 г. признал неизбежность товарно-денежных отношений.

Многие увидели в переходе к НЭПу крах идей Октября и начало капитуляции перед буржуазией. Немало коммунистов в 1921 г. вышло из партии в знак несогласия с новой экономической политикой. Членов партии волновало, как совместить программу РКП(б), нацеленную на построение бесклассового, бестоварного, безгосударственного общества с новыми реалиями. Один из лидеров меньшевиков, Ю. О. Мартов, когда-то близкий друг Ленина, а потом его принципиальный политический противник, издал летом 1921 г. брошюру «Ленин против коммунизма». Он видел два выхода из новой ситуации: либо развитие политической демократии (свободные Советы, свобода печати, свободная организация масс), действительное участие народа в государственном управлении и в результате отказ большевиков от монополии на власть; либо перерождение коммунистической диктатуры в бонапартистскую. По мнению Мартова, поскольку первый путь был для Ленина неприемлем («враждебность демократии в нем сидит глубже, чем вера в коммунизм»²), то остается превращение диктатуры большевистской партии в «военно-бюрократическую диктатуру». Эти прогнозы должна была или опровергнуть, или подтвердить реальная жизнь.

В экономике НЭП включал продналог (до 1925 г. в натуральной форме), свободу торговли, разрешение аренды и открытия небольших частных предприятий, наем рабочей силы, отмену карточной системы

и уравнительного распределения, платность всех услуг, привлечение иностранного капитала путем предоставления концессий, перевод государственной промышленности на полный хозяйственный расчет и самоокупаемость. Вместо главков начала действовать система трестов и синдикатов, отвечавших за результаты деятельности своим имуществом. В торговле наряду с государственными и кооперативными магазинами появились частные. Вместе с тем в силу политических соображений допускались исключения из общих принципов: дотация тяжелой промышленности, карточное снабжение рабочих в этой сфере в 1921–1923 гг.

Но НЭП был не только экономической политикой. Это — комплекс мер экономического, политического и идеологического характера. С политикой «военного коммунизма» его объединяло стремление сохранить монопольную власть Коммунистической партии с целью построения социализма и коммунизма. Отсюда внутренняя противоречивость НЭПа, пытавшегося сочетать определенные экономические уступки частному товаропроизводителю под контролем государства с политической диктатурой Коммунистической партии.

ПРИЗРАК «ГРАЖДАНСКОГО МИРА»

Успокоение в стране наступило далеко не сразу. Во многих районах в 1921–1922 гг. продолжалось повстанческое движение (Северный Кавказ, Сибирь, Тамбовщина, Украина). Во многих случаях оно превращалось в политический бандитизм, т. е. вооруженные нападения на государственные учреждения и частных лиц, отличающиеся повышенной жестокостью и сочетающиеся с политическими и идеологическими лозунгами.

В этих боях Красная Армия потеряла около 60 тыс. убитыми. О потерях повстанцев можно только догадываться. Но к середине 1920-х гг. Красная Армия была сокращена почти в 10 раз, до 600 тыс. человек. Основную ее часть до 1936 г. составили территориально-милиционные части. Эти соединения состояли из лиц постоянного и переменного состава. Постоянный состав — небольшое количество командиров, политработников, технических специалистов и т. д., которые состояли в кадрах армии. Переменный состав — призванные в армию, которые проходили в частях краткосрочные сборы (несколько месяцев).

До конца 1920-х гг. существовал Туркестанский фронт. Здесь, в Средней Азии, сформировалось мощное басмаческое движение. Оно возникло на основе возмущения злоупотреблениями новой власти, идей борьбы с «неверными», неприятие земельно-водной реформы и цивилизационных преобразований (равноправие женщин, отмена калыма, ликвидация неграмотности), защита вековых традиций.

Изменение экономической политики, завершение гражданской войны потребовали определенной смены политического курса, политических реформ. Ленин в письме Г. И. Мясникову, члену партии с 1906 г., писал: «Да, кто не понимает смены лозунга “гражданская война” лозунгом “гражданский мир”, тот смешон, если не хуже»³. Были разработаны Кодекс законов о труде, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, несколько ограничены полномочия ВЧК с одновременным ее переименованием в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), объявлена амнистия белой эмиграции и т. п. Хотя политический контроль за настроениями граждан становился все более масштабным и разнообразным, власть первоначально несколько расширила поле духовной жизни интеллигенции.

В начале 1920-х гг. ряд политических деятелей, не разделявших взгляды большевиков, получили возможность участвовать в общественной и государственной жизни. Это происходило в силу необходимости: Советская власть нуждалась в квалифицированных кадрах. Бывшие анархисты, меньшевики, левые и правые эсеры успешно работали в хозяйственных органах, в том числе в Госплане и ВСНХ. Бывший конституционный демократ Н. Н. Кутлер, например, был одним из главных организаторов денежной реформы в России в 1922–1924 гг.

Характерным для 1920-х гг. было возникновение в интеллигентских кругах, как в нашей стране, так и в эмиграции, такого сложного течения общественной мысли, как «сменовеховство». Свое название оно получило от сборника статей «Смена вех», вышедшего летом 1921 г. в Праге. Давние противники большевиков, «сменовеховцы», сочли, что Советская власть вступила на путь строительства национального буржуазного государства, и призывали к сотрудничеству с ней.

Но идея «гражданского мира», одобренная Лениным в частном письме, не обрела реальную силу. Гражданская война продолжалась не только на окраинах огромной страны, но прежде всего в головах массы людей и особенно в умах огромного большинства членов

правлящей партии. Стремление власти привлечь на свою сторону специалистов, необходимых для экономического прогресса, сочеталось одновременно с подавлением тех, кто мог представлять потенциальную опасность для господства Коммунистической партии. Был взят курс на полную ликвидацию партий меньшевиков и эсеров: летом 1922 г. прошел процесс над руководителями партии правых эсеров, состоялись аресты активистов, их ссылка. В 1923 г. на Соловецких островах был создан один из первых лагерей «Особого назначения» для политических заключенных. В 1922 г. были высланы за границу более 70 видных деятелей российской интеллигенции, особенно гуманитарной (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Сорокин и др.). Последнее событие вошло в историю под названием «философского парохода».

Особую опасность власть видела в религиозных исповеданиях, имевших массовую поддержку населения. В первую очередь это касалось православной церкви. Политика большевиков имела открытую атеистическую и богоборческую направленность. Отлучение от религии, столетиями утверждавшейся в сознании народа, должно было привести к возникновению духовного вакуума, который, по мнению большевистских идеологов, значительно проще было бы заполнить верой в коммунистические идеалы. После Октября 1917 г. многие служители церкви уехали за границу. В 1921 г. в Югославии возникла Русская Зарубежная Церковь. Она призывала к насильственному свержению Советской власти. Иначе относилось к Советской власти другое движение духовенства — «обновленчество». Его деятели в целом были сторонниками соглашения с Советами.

В 1922 г. под предлогом борьбы с голодом началась кампания по изъятию церковных ценностей, вызвавшая массовые протесты. В г. Шуя 15 марта 1922 г. между прихожанами и красноармейцами произошло столкновение, повлекшее многочисленные человеческие жертвы. Позднее кровь пролилась в Иваново-Вознесенске, Смоленске, Старой Руссе и других местах. Всего в ходе более тысячи инцидентов погибло более 1000 человек. В ответ на служителей церкви и их сторонников обрушились репрессии. Ленин писал членам Политбюро ЦК 19 марта 1922 г.: «... Именно теперь..., когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются... тысячи трупов, мы можем... провести изъятие церковных ценностей с самой...

беспоощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления... мы можем обеспечить себе фонд в несколько сот миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности... совершенно немыслимо... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать...»⁴

Между тем, вместо ожидаемых миллиардов на 1 марта 1924 г. на счетах Комиссии по борьбе с последствиями голода лежало всего 15,5 млн рублей золотом, полученных от церковных ценностей. Из церквей были переданы художественные изделия из драгоценных металлов в музеи и научные учреждения на сумму в 343 тыс. золотых рублей. При первоначальном дефиците хлеба в 200 млн пудов на средства, полученные от изъятия церковных ценностей, за границей было закуплено всего 3 млн пудов. Значительная часть денег ушла на другие нужды, в том числе на коммунистическую пропаганду за рубежом⁵.

Изъятие ценностей для борьбы с голодом было лишь предлогом. Главной была задача «укрощения» православной российской церкви и других религиозных структур. В богоборчестве важная роль отводилась органам ВЧК–ОГПУ. Они использовали казни (было расстреляно около 8 тыс. священников, монахов и монахинь), отправку служителей церкви на Соловки, вербовку агентуры, поддержку «обновленцев» для раскола церкви. Был арестован патриарх Тихон. После его смерти в 1925 г. власть запретила выборы нового патриарха. Подобные меры проводились также против буддизма, ислама, иудаизма и других вероисповеданий.

Важную роль в поисках компромисса между церковью и государством сыграл патриарший местоблюститель Сергей (Страгородский), ставший с декабря 1925 г. фактическим главой Российской православной церкви. В июле 1927 г. по его инициативе Синод обратился с посланием к мирянам и духовенству, призывая быть лояльными по отношению к Советской власти. Этот шаг на короткое время способствовал стабилизации отношений между церковью и государством, смягчил процесс целенаправленного разграбления храмов властями, дал возможность органам Советской власти опереться

в осуществлении своей политики на более широкие слои населения. Но ослабленная православная церковь смирилась с отстранением от духовного руководства народом и была вынуждена признать свое подчиненное положение по отношению к Советскому государству.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Первые шаги нэповской экономики были крайне трудными. Упадок сельскохозяйственного производства привел в 1921 г. к колоссальному голоду. В Поволжье, на Украине и других местах погибло до 5 млн человек. Распространенным явлением в этих районах стали каннибализм и трупоедство. Секретное постановление Политбюро предписывало не отдавать таких людей под суд, а помещать в психиатрические больницы. За рубежом организатором помощи голодающим стал известный полярный исследователь Ф. Нансен. Большую роль сыграла «Американская администрация помощи» (АРА), поставившая в Советскую Россию бесплатно многие тонны продуктов и товаров. Массовая безработица сочеталась с высокой преступностью и бандитизмом. Бушевала инфляция. Стоимость рубля в 1921 г. упала по сравнению с 1913 г. в 5600 раз. За 1922 г. цены выросли в 256 раз, а за 1923 г. — в 263 раза.

Восстановление экономики началось с сельского хозяйства и легкой промышленности. В 1925 г. валовой сбор зерна в СССР превысил среднегодовой сбор зерновых в Российской империи накануне Первой мировой войны. Достаточно высоким был и прирост промышленного производства. Продолжал осуществляться принятый в декабре 1920 г. план ГОЭЛРО — план электрификации России. В 1926 г. была построена первая крупная электростанция — Волховская ГЭС. Был превышен уровень дореволюционной России по выработке электроэнергии, добыче нефти, угля. Этому способствовало возвращение из армии в деревню и город миллионов работоспособных мужчин, а также высокая заинтересованность людей в результатах труда.

Значительным успехом Советской власти во внутренней политике стала финансовая реформа. Ее руководителем был народный комиссар финансов Г. Я. Сокольников. В основе реформы лежала идея двух параллельных денег: старых «совзнаков» и твердых «золотых червонцев». Червонец приравнивался к 10 довоенным (золотым) рублям. Его стоимость обеспечивалась обменом на золото (на 25 %) и на дефицитные

промышленные товары (на 75 %). Первые два года реформы эти «параллельные деньги» имели официальное одновременное хождение. К февралю 1924 г. оставшиеся в обращении «совзнаки» были выкуплены у населения Госбанком СССР. С марта 1924 г. в обращение вошли новые рубли (достоинством 1, 3, 5 рублей золотом) и металлическая — серебряная и медная — монета. В 1921 г. был восстановлен Государственный банк. Появились кооперативные банки, биржи.

Г. Я. Сокольников

Переход к НЭПу позволил не только обеспечить страну продовольствием, но и восстановить экспорт зерна. Достижением новой экономической политики стало восстановление численности рабочих на государственных предприятиях, повышение производительности труда. Созданный рыночный механизм внес существенный элемент заинтересованности трудящихся в результатах своего труда. Одновременно появилось социальное законодательство, которого не знала дореволюционная Россия и многие страны Западной Европы: двухнедельный оплачиваемый отпуск для рабочих и служащих, оплата больничных листов, профсоюзные дома отдыха и санатории и т. п.

ОБРАЗОВАНИЕ СССР и политическая система

Столь же противоречивый характер носили принципы и методы решения национального вопроса. Ленин призывал к терпимости и уступчивости в области межнациональных отношений. Шли поиски форм национальной государственности: национально-территориальной (Белорусская, Украинская республики и т. д.), территориальной (Горская, Крымская республики), федеративной (Закавказская федерация). Национально-территориальная автономия дополнялась культурно-национальной (национальные районные советы, школы, библиотеки и т. п.). Но при решении национальных проблем определяющим являлись интересы политики и идеологии, как их понимали руководители РКП(б).

К 1922 г. на территории бывшей Российской империи существовало девять советских республик: РСФСР, Украина, Белоруссия,

Азербайджан, Армения, Грузия, Дальневосточная республика, Бухарская и Хорезмская. В РСФСР имелось восемь автономных республик: Башкирская, Горская, Дагестанская, Киргизская (Казахская), Крымская, Татарская, Туркестанская, Якутская — и 14 автономных областей (Вотская или Удмуртская, Калмыцкая, Чеченская, Чувашская и т. д.). Реальной самостоятельности эти государства не имели, так как во главе их стояли члены одной партии — РКП(б). Все основные вопросы предварительно решались в Москве на Политбюро ЦК и на Пленумах ЦК РКП(б). Так, в октябре 1922 г. ЦК РКП(б) принял решение об упразднении Дальневосточной республики и ее вхождении в РСФСР. Затем это было оформлено в советском порядке. Таким же образом в марте 1922 г. произошло образование Закавказской федерации (Азербайджан, Армения, Грузия).

Летом 1922 г., по решению ЦК РКП(б), начался процесс объединения советских республик в единое государство. В «Истории ВКП(б). Краткий курс» о причинах этого говорилось следующее: «Надо было объединить все народные силы для строительства социализма. Надо было организовать крепкую оборону страны. Надо было обеспечить всестороннее развитие всех национальностей нашей родины»⁶. Впоследствии это повторяли официальные учебники по истории КПСС. На деле имелось еще одно крайне важное соображение. О нем Сталин откровенно писал Ленину в личном письме 22 октября 1922 г.: «... мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости и расценивающих вмешательство Цека РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы. Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно принимая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик... Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всем основном безусловно должны подчиняться центру... то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик»⁷. Таким образом, по мнению Сталина, право наций на самоопределение, принцип федерации должны были стать лишь ширмой, скрывающей непререкаемую власть Москвы.

Отсюда при выработке формы построения союзного государства столкнулись два основных подхода: идея Сталина об «автономизации» советских республик (вхождение республик в РСФСР) как более надежного варианта и предложение Ленина о новой форме союзного государства на основе равноправного объединения самостоятельных советских республик.

Но в любом варианте обязательным являлись руководящая роль коммунистической партии и социалистическая идея как гарант единства нового государственного образования.

В ходе практической реализации ленинского плана произошел так называемый грузинский инцидент. Осенью 1922 г. ЦК КП(б) Грузии высказался за прямое вхождение в СССР, а не в составе Закавказской федерации. Развернулись ожесточенные споры между Закавказским краевым комитетом РКП(б) во главе с Г. К. Орджоникидзе и руководством Грузии. Во время одной из дискуссий Орджоникидзе ударил по лицу своего оппонента Кобахидзе за то, что тот назвал его «сталинским ишаком». Инцидент расследовала комиссия Каменева–Дзержинского, взявшая Орджоникидзе под защиту.

Эта история крайне возмутила Ленина, увидевшего в ней проявление великорусского шовинизма и пренебрежения интересами малых народов. 30 декабря 1922 г., в день открытия I съезда Советов СССР, Ленин, уже частично парализованный, продиктовал письмо «К вопросу о национальностях или об “автономизации”». Здесь он подчеркивал необходимость сохранения и укрепления СССР, предлагая, однако, не торопиться с объединением конкретных наркоматов, кроме военного, дипломатического и ОГПУ; резко критиковал Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе. Этот документ стал известен тогда лишь узкому кругу руководителей. Он был опубликован только в 1956 г.

Образование СССР 30 декабря 1922 г. произошло в составе четырех республик: РСФСР, Украины, Белоруссии и Закавказской федерации. Затем в результате национально-территориального размежевания Туркестана (Средней Азии) были образованы союзные республики:

И. В. Сталин с друзьями

А. И. Рыков

Узбекская, Туркменская (1924) и Таджикская (1929) ССР. В январе 1924 г. была принята Конституция СССР. Согласно ей высшим законодательным органом был съезд Советов СССР. Он избирался на основе прямого избирательного права депутатами губернских и республиканских Советов. Права голоса лишались так называемые нетрудовые элементы, выборы не были тайными, они проводились на собраниях трудовых коллективов. На одинаковое число избирателей деревня избирала в несколько раз меньше депутатов, чем рабочие. Республики имели формально право на выход из Союза. Но его механизм не был прописан,

поскольку оно не воспринималось всерьез. Столь же формально воспринимались границы республик в условиях господства одной партии.

Между съездами Советов СССР (проходившими раз в два года) три раза в год собирался Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК). Он состоял из двух законодательных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. ЦИК избирал Президиум ЦИК и назначал Совет Народных Комиссаров (исполнительный и административный орган с рядом законодательных функций). После смерти Ленина председателем СНК до конца 1930 г. был А. И. Рыков. Количество председателей Президиума ЦИК равнялось числу союзных республик. Они должны были выполнять свои обязанности по очереди. Первыми председателями Президиума ЦИК были М. И. Калинин от РСФСР, Г. И. Петровский от Украины, А. Г. Червяков от Белоруссии и Н. Н. Нариманов от Закавказской федерации. Организационной работой руководил секретарь Президиума. Эту должность до марта 1935 г. занимал А. С. Енукидзе.

В 1922 г. была создана прокуратура для контроля за соблюдением законов. Более четкой стала судебная система. Одновременно расширялись внесудебные полномочия ОГПУ. С 1924 г. действовало Особое совещание при ОГПУ, выносившее приговоры без суда. До 1926 г. сохранялся институт заложничества. В 1926 г. Дзержинский распорядился «захватить достаточное количество заложников» на Украине в связи с опасностью нападения петлюровцев⁸.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ГОДЫ НЭПА

Введение новой экономической политики далеко не сразу привело к реальным положительным переменам в жизни подавляющего большинства населения. Голод, невозможность купить одежду и обувь были обычным состоянием в 1921 г. В крупных городах к этому добавлялось отсутствие транспорта, дров для отопления квартир, неработающая канализация.

Но уже в 1922 г. горожанин мог сделать выбор между рынком, кооперативом, частником и государственным магазином. Правда, погона за прибылью рождала проблему недоброкачественных продуктов на прилавках. Это могли быть шоколад из прогорклого кокосового масла, кошачье мясо вместо кролика, испорченная колбаса. И все же одна из ленинградок в 1924 г. писала родственникам в Париж: «У нас уже есть возможность иметь хлеб ежедневно свежий и сколько надо для утоления голода, картофель, огурцы доступны; мы не давимся пшеном, не гложем селедочные головки, не скоблим вонючую воблу... и едим человеческую пищу»⁹. К середине 1920-х гг. люди стали лучше одеваться. Писатель К. И. Чуковский записал в дневнике 1 апреля 1925 г.: «Этот год — год новых вещей. Я новую ручку макаю в новую чернильницу. Передо мной тикают новые часы. В шкафу у меня новый костюм, а на вешалке новое пальто»¹⁰.

Серьезной проблемой оставалось здоровье населения. В Петрограде в 1923 г. средний рост юношей составлял около 160 см, а девушек около 150 см. Каждый седьмой молодой рабочий болел туберкулезом. Но постепенно создавались условия для отдыха и лечения. Впервые у рабочих появилась возможность провести отпуск в доме отдыха или санатории. И хотя путевок было немного, но они полностью или частично оплачивались профсоюзом. Власть пропагандировала занятия физкультурой и спортом, ставя их под свой контроль. Российское общество туристов превратилось в Общество пролетарского туризма. Возобновились чемпионаты страны по различным видам спорта.

В свободное время горожане все более охотно ходили в гости, на танцы, в кино, в театр, в музеи. Служащие и интеллигенция стали вновь выезжать летом на дачи. Рабочие чаще ездили к родственникам в деревню. Происходили изменения в городском транспорте. В ряде городов появился трамвай. В Москве и Ленинграде начали

ходить автобусы и первые такси. В 1924 г. в столице милиция стала требовать от прохожих пересекать улицы по сигналу регулировщика.

Новые возможности открывались для молодежи из рабочих и крестьян. Облегченные условия поступления в вузы и военные училища, служба в армии, вступление в комсомол и в партию позволяли изменить образ жизни, приобщиться к новой элите.

Но жизнь оставалась в целом трудной и скудной. Это потом 1920-е гг. часто вспоминали с ностальгией, потому что следующие два десятилетия были неизмеримо более тяжелыми. Главным типом жилья в крупных городах стала коммунальная квартира, т. е. квартира в которой жило несколько (от двух до десяти и более) семей. Особенно тяжелое положение сложилось в Москве. Местом общения весьма разных людей стала кухня. Нередко здесь вспыхивали ссоры и скандалы. Во главе такого дома стоял назначаемый государством управдом (управляющий домом). Большой частью квартир распоряжались жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы), на которые и легла забота о жилищном фонде. В середине 1920-х гг. появились строительные кооперативы, в первую очередь для рабочих. В особых условиях жила партийно-советская номенклатура. Высшие руководители страны с 1918 г. занимали квартиры в Кремле. В других городах, как правило, руководство размещалось в особых домах, имея отдельные квартиры. Но даже в коммунальных квартирах часть жильцов имела прислугу, обычно девушек, приехавших из деревни в поисках заработка.

По-прежнему крайне высокой оставалась преступность. Ее питали последствия революции, массовая безработица. Волну бандитизма удалось сбить чрезвычайными мерами к середине 1920-х гг. Зато процветало хулиганство. Примитивность интересов, низкий культурный и образовательный уровень, разрушение религиозной веры как основы нравственного поведения, мягкость наказаний оборачивались распушенностью, чувством вседозволенности.

Весьма низким оставался жизненный уровень деревни. Новые понятия здесь причудливо сочетались с вековыми традициями и обычаями. Долго сказывались последствия голода 1921–1922 гг. В Самарской губернии в 1928 г. средний рост призывников 1905 года рождения составил около 166 см, а вес — около 60 кг. Обычными болезнями были трахома, малярия, туберкулез.

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН»: КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И ЕЕ АППАРАТ

При всей важности нормальной работы законодательных, исполнительных и судебных органов, созданных в стране, они имели лишь формальную власть. Фактически верховным руководителем политической системы были органы РКП(б) (с декабря 1925 г. — Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) — ВКП (б)). Что же представляла собой Коммунистическая партия в первые годы НЭПа? Какова была ее внутренняя жизнь?

За годы революции и Гражданской войны в партии произошли серьезные изменения. В 1918–1920 гг., по нашим подсчетам, в нее вступило около 800 тыс. человек, а выбыло по разным причинам примерно 400 тыс. человек. К 1921 г. в РКП(б) оставалось лишь 70 тыс. тех, кто вступил в нее до октября 1917 г. Снижался общеобразовательный и интеллектуальный уровень ее членов. Завершение в основном гражданской войны, переход к НЭПу не стали началом превращения Коммунистической партии в партию «гражданского мира», в партию, о которой писал В. И. Ленин в 1902 г. Наоборот, руководящие партийные органы все меньше зависели от рядовых коммунистов. Объяснить это можно рядом объективных и субъективных причин.

Партия стала военизированной организацией. Эта вынужденная ситуация прославлялась многими партийными лидерами. Еще в 1919 г. известный большевик, критик и писатель А. К. Воронский назвал партию «революционным рыцарским орденом». Вождистская психология, которая была присуща огромной массе новых коммунистов, знавших марксизм лишь в форме лозунгов или отрывочных сведений, создавала атмосферу прославления руководителей. Одновременно вокруг ведущих деятелей партии шел процесс формирования собственных команд нередко по принципу личной преданности.

В 1921 г. прошла «чистка» компартии. В результате из ее рядов было исключено около четверти партийцев. Но наряду со взяточниками, карьеристами исключались выходцы из других партий, из интеллигенции, раздражавшие окружающих своим инакомыслием. Человек высоких нравственных качеств, А. П. Спундэ, председатель Вятского губисполкома, член партии с 1909 г., писал 25 августа 1921 г. жене, члену партии с 1907 г., А. Г. Кравченко об участии в комиссии по чистке партии: «Только что пришел с тяжелого заседания, когда

всякого человека со средним образованием стремились исключить... Большинство предложений об исключении провалил... если дело пойдет так и дальше, выйду из комиссии — не хочу нести ответственность за такую работу... ведь хорошего, пожалуй, рабочего прислали, но его “настропалили” на тему — бей интеллигента! — парень и старается! Если к этому прибавить, что парень малоразвитый, то поймешь, что получилось форменное избиение младенцев»¹¹.

Еще в сентябре 1920 г., после IX партконференции, была образована Центральная контрольная комиссия (ЦКК) для защиты норм партийной демократии, борьбы с карьеризмом, пьянством, склоками и группировками в рядах партии. Контрольные комиссии были созданы в областях и губерниях. Но в реальных условиях 1920-х гг. кроме заботы о чистоте партийной морали, ЦКК сыграла значительную роль в борьбе с инакомыслием в партии под флагом недопущения «групповщины и фракционности». Задуманная как противовес партийному бюрократизму, ЦКК и ее органы на местах на деле стали мощным инструментом в руках партийного аппарата.

Партийные руководители начинали уделять особое внимание подбору делегатов партийных съездов. А. И. Микоян вспоминал, как перед XI съездом РКП(б) в 1922 г. он, по поручению В. И. Ленина и И. В. Сталина, совершил неофициальную поездку в Новониколаевск (Новосибирск). Ее цель заключалась в разговоре с председателем Сибревкома М. М. Лашевичем, чтобы не допустить избрания на съезд большого числа сторонников Л. Д. Троцкого¹². После XII съезда (1923 г.) в практику подготовки к очередным съездам вошли разнарядки на социальный, профессиональный, партийный стаж будущих делегатов¹³.

После смерти Ленина с 15 февраля по 15 мая 1924 г. был проведен массовый прием в партию, так называемый «ленинский призыв». Кандидатами в члены партии из 360 тыс. подавших заявления было принято около 240 тыс. человек. Большинство из них были неграмотными или имели начальное образование. Это делало их удобным инструментом в руках руководства для подавления внутрипартийной оппозиции, для ликвидации подлинной свободы обсуждения. Специальным решением им было дано право решающего голоса при избрании делегатов на XIII съезд партии в мае 1924 г. Подобные «призывы» проходили затем в 1925, 1926, 1927, 1931 и 1932 гг. В результате доля вступивших в большевистскую партию до марта 1917 г. к 1924 г. составляла 2,6 %, а после «ленинского призыва» уменьшилась до 1,7 %¹⁴.

Главным объективным фактором, заставлявшим наращивать роль и влияние партии, была общая геополитическая ситуация, в которой оказался Советский Союз и правящая партия. К концу 1923 г., после провала восстания в Гамбурге, в Германии, окончательно рухнули надежды на победу в ближайшем будущем пролетарской революции в Европе. Перед руководством партии со всей остротой встали вопросы о возможности сохранить власть Коммунистической партии в стране с преобладанием так называемой «мелкой буржуазии» (крестьянства) в условиях НЭПа, с допущением товарно-денежных отношений; о возможности строить и построить социализм. В феврале 1922 г. А. П. Спундэ писал жене: «На меня напала очередная полоса раздумья. На партконференции... оформилось солидное специфически деревенское меньшинство, шедшее под лозунгами денационализации лесов и т. д. Это и, вообще, ряд фактов, иллюстрирующих степень роста мелкобуржуазных настроений, иногда внушает мне такую тревогу за самое наше бытие, что нужна поддержка, чтобы поскорее покончить со слабостью»¹⁵.

Многие авторы сегодня справедливо пишут о насаждении с помощью ВЧК–ОГПУ обстановки страха, особенно в городах. Но важно дополнить, что чувство страха испытывали не только значительные слои населения, но и правящая элита. Материалы политического контроля позволяли ей реально представлять отрицательное отношение большинства населения к существующей власти, особенно в обстановке глубокого экономического кризиса 1921–1923 гг. Да и в последующие годы сохранялась экономическая неудовлетворенность основной массы трудящихся.

Помнившие о «термидоре» французской революции, о реставрации монархии в Англии, о внезапном крахе династии Романовых в феврале 1917 г., руководители большевиков многие годы чувствовали себя как в осажденной крепости. Л. Д. Троцкий в речи 5 апреля 1923 г. на VII Всеукраинской партийной конференции, подчеркивая руководящую роль партии, заметил: «Неизвестно, что еще нас ждет впереди»¹⁶.

В ощущении этих опасностей все руководители партии, при наличии между ними личностных и политических разногласий, были едины. На пленуме ЦК в 1924 г. Н. И. Бухарин, отвечая сторонникам Троцкого, требовавшим в тот момент демократизации партии, говорил: «Наша задача — видеть две опасности: во-первых, опасность,

которая исходит от централизации нашего аппарата. Во-вторых, опасность политической демократии, которая может получиться, если демократия пойдет через край. А оппозиция видит одну опасность: в бюрократизации. За бюрократической опасностью они не видят политической демократической опасности... Чтобы поддержать диктатуру пролетариата, надо поддержать диктатуру партии»¹⁷.

Психология «осажденной крепости» рождала подозрительность по отношению к командному составу из бывших царских офицеров и крестьян по происхождению; из нее логически проистекала высылка выдающихся представителей гуманитарной интеллигенции, организация и укрепление идеологической цензуры, наступление на религии, особенно на православную церковь. В ряде районов, где гражданская война носила особо ожесточенный характер, длительное время сохранялись чрезвычайные органы управления. Например, Сибирский революционный комитет (Сибревком) просуществовал до декабря 1925 г.

«ДИКТАТУРА ПАРТИИ»

В стране с 1919 г. установилась «диктатура партии». Чтобы партийный «обруч» удерживал государство в рамках определенной политики и идеологии, власть нуждалась в беспрекословном подчинении партийных масс. Для этого был нужен разветвленный партийный аппарат, контролирующий подбор и назначение кадров во всех сферах государственной жизни и прежде всего в самой партии. Это вело к свертыванию демократии, имевшейся в руководящем ядре партии. Авторитарный характер в тот период в России имела бы, видимо, любая форма государства. Главное отличие было бы не в самой организации власти в эти годы, а в ее ориентации на будущее развитие политической системы.

Политика укрепления партийного «обруча» шла по нескольким основным направлениям. Во-первых, ужесточение партийной дисциплины. Это, в свою очередь, требовало усилить вертикаль построения самой партии, нарастить и укрепить ее аппарат. Прежде всего это касалось подбора партийных работников и выдвижения их на соответствующие посты.

Процесс укрепления властной партийной вертикали проходил с конфликтами и не без сбоев. В обстановке перехода от войны к миру

внутри самой РКП(б) нарастали оппозиционные настроения. Осенью 1920 г. проявилась проблема «верхов» и «низов», т. е. противоречия между положением ответственных работников и рядовой массы партийцев. На партийных конференциях выдвигались лозунги «Долой обуржуазившихся лжекоммунистов, генералов, шкурников, долой привилегированную касту коммунистической верхушки!» В Москве в это же время оформилась группа «рабочей оппозиции», представлявшая в основном видных работников профсоюзов. Ее возглавили член партии первый нарком труда А. Г. Шляпников и первый нарком социального обеспечения А. М. Коллонтай.

В ноябре 1920 г. началась и продолжалась вплоть до X партсъезда так называемая дискуссия о профсоюзах. Отношения между руководством партии и руководством профсоюзов были непростыми и до этого. Руководители самого крупного объединения пролетариата, главной опоры Советской власти, добивались определенной самостоятельности в своих решениях. В марте 1920 г. Политбюро ЦК было вынуждено разбирать протест коммунистической фракции ВЦСПС (Всероссийского центрального совета профессиональных союзов) против требования секретаря ЦК и члена Политбюро Н. Н. Крестинского не выступать в защиту коллегиального управления промышленностью, поскольку это расходится с позицией ЦК¹⁸.

Новое столкновение произошло в ходе V Всероссийской конференции профсоюзов. На заседании ее коммунистической фракции 3 ноября Троцкий выдвинул лозунги «завинчивания гаек», «сращивания» профсоюзов с государственными органами и «перетряхивания» руководства профсоюзов. После этого, по словам Ленина, в Политбюро явился «неслыханно возбужденный т. Томский (М. П. Томский в это время — председатель президиума ВЦСПС и член ЦК РКП(б). — *Авт.*) и, при полной поддержке уравновешеннейшего т. Рудзутака (Я. Э. Рудзук в это время — член президиума ВЦСПС и член ЦК РКП(б). — *Авт.*), стал рассказывать о том, как т. Троцкий говорил... о “перетряхивании” профсоюзов и как он, Томский, с этим полемизировал»¹⁹. Обсуждение этого вопроса в последующие недели раскалывает членов ЦК.

30 декабря началась общепартийная дискуссия. В ходе ее появились фракционные программы, оформившиеся в виде платформ: платформа «десяти» (Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Томский и др.), Троцкого (А. А. Андреев, Ф. Э. Дзержинский и др.), «буферная»

платформа (Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский, Г. Я. Сокольников и др.), группы «демократического централизма» (А. С. Бубнов, Н. Осинский, Т. В. Сапронов и др.), группы Е. Н. Игнатова, группы «рабочей оппозиции» (А. Г. Шляпников, А. М. Коллонтай и др.), старейших деятелей профсоюзного движения В. П. Ногина, Д. Б. Рязанова. В ходе дискуссии «буферная» группа присоединилась к Троцкому, группа Игнатова — к «рабочей оппозиции», сторонники Ногина к платформе «десяти». Кроме общих вопросов о демократизации партии, ее отношениях с рабочим движением в лице профсоюзов, здесь проявились и личные амбиции «партийных генералов», их взаимоотношения. Первый и последний раз в истории партии выборы на X съезд проходили по платформам. Победу одержали сторонники Ленина.

X съезд партии, прошедший 8–16 марта 1921 г., в резолюции «По вопросам партийного строительства» заявил о курсе «на рабочую демократию», под которой понималась «такая организационная форма при проведении партийной... политики, которая обеспечивает всем членам партии... активное участие в жизни партии..., а равно и активное участие в партийном строительстве. Форма рабочей демократии исключает всякое “назначенство” как систему, а находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т. д.»²⁰.

Но одновременно именно X съезд РКП(б) принял решения, которые означали начало решительного поворота во внутрипартийной жизни от ограниченной демократии к партийному единomyслию.

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА

С переходом к НЭПу в стране появился новый системный элемент политической оппозиции — оппозиция внутри Коммунистической партии. Безусловно, как в любой политической партии, и в большевистской всегда существовали споры по различным вопросам, о чем мы писали выше. Но эти дискуссии неверно относить к понятию «политическая оппозиция». Во-первых, состав меньшинства не был постоянным. Подвергнутые резкой критике в октябре 1917 г. Зиновьев и Каменев оставались в высшем руководстве партии и через несколько месяцев выступали вместе с большинством ЦК против «левых коммунистов» и т. п. Во-вторых, эти споры, при всей их важности, не

затрагивали сущность стратегических положений большевизма и велись в рамках курса на скорейшее социалистическое преобразование России как часть мировой социалистической революции. В-третьих, признанный лидер партии В. И. Ленин умел быть «дирижером оркестра» с разнообразным составом «музыкантов» — от И. В. Сталина до Л. Д. Троцкого и от Л. Б. Красина до Ф. Э. Дзержинского. Наконец, само понятие «группировка», «фракция» считалось нормальным элементом внутрипартийной жизни.

Качественный перелом в этом плане произошел в начале 1921 г. Политико-экономический кризис конца 1920 — начала 1921 г., неудача европейской революции, вынужденный переход к НЭПу, угроза раскола партии, проявившаяся в дискуссиях «о верхах и низах» и «о профсоюзах», боязнь термидора, — все это вместе взятое изменило отношение В. И. Ленина к внутрипартийным спорам. На X съезде РКП(б), 8–9 марта 1921 г., под аккомпанемент разговоров о неудаче первого штурма восставшего Кронштадта, он яростно напал на руководителей группы «рабочей оппозиции» А. М. Коллонтай и А. Г. Шляпникова. В. И. Ленин раз за разом повторял: «Обстановка спора... становится прямо угрозой диктатуре пролетариата... Свобода торговли... неминуемо приведет... к победе капитала, к полной его реставрации... мелкобуржуазная анархическая контрреволюция есть политическая ступень к белогвардейщине... между идеями и лозунгами этой мелкобуржуазной, анархической контрреволюции и лозунгами “рабочей оппозиции” есть связь... теперь довольно нам оппозиций!»²¹

Практическим выводом стали резолюции съезда «О единстве партии» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». Они требовали уничтожения «всякой фракционности», объявляли взгляды «рабочей оппозиции» «выражением мелкобуржуазных и анархических шатаний», грозили ее сторонникам и нарушителям партийной дисциплины исключением из рядов РКП(б)²². Это давало возможность в случае конфликта, неподчинения отдельных работников высшим партийным органам обвинить своих противников во «фракционности», в принадлежности к «рабочей оппозиции» или к каким-то другим антипартийным уклонам. Уже 9 августа 1921 г. пленум ЦК, по инициативе В. И. Ленина, рассмотрел вопрос об исключении из состава ЦК лидера «рабочей оппозиции» А. Г. Шляпникова за критику в одной из партийных ячеек резолюции Президиума ВСНХ о сдаче предприятий в аренду. Хотя такое предложение не прошло

Сталин — генеральный секретарь ЦК партии

(не хватило одного голоса), но в решении было сказано: «В случае если т. Шляпников в дальнейшем не изменит своего поведения (выступления с критикой политики ЦК. — *Авт.*), ЦК поручается созвать такое же... собрание для вторичного рассмотрения вопроса»²³.

С этого момента партийные споры по тем или иным общим проблемам, расхождение во взглядах стали возводиться в ранг внутрипартийной оппозиции, которая не имела теперь права на существование. Партия начала путь к официальному единomyслию. Оппозиционеры должны были или стремиться стать большинством, сделав свои взгляды обязательными для всех, или признать свое поражение и раскаяться, рассчитывая на прощение со стороны победителей. Еще одним качественным отличием от предыдущего периода становится появление в рядах партии нелегальных организаций коммунистов.

Показательным стало изменение состава ЦК. Секретари ЦК Н. Н. Крестинский, Е. А. Преображенский и Л. П. Серебряков, которые в ходе дискуссии о профсоюзах поддержали платформу Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина, не вошли в новый состав ЦК. По инициативе В. И. Ленина секретарями ЦК на пленуме избрали В. М. Ми-

хайлова, В. М. Молотова и Е. М. Ярославского. Уже через год В. М. Михайлова и Е. М. Ярославского заменили В. В. Куйбышев и И. В. Сталин. Впервые, после окончания XI съезда, 3 апреля 1922 г. был избран генеральный секретарь ЦК, пост которого занял И. В. Сталин. Все это говорило о том значении, которое придавалось Секретариату ЦК в новых условиях. Резолюции X съезда не могли положить конец реальным внутрипартийным разногласиям. В течение 1921–1922 гг. среди коммунистов шло оживленное неформальное обсуждение «больных»

вопросов. К Ленину, в Политбюро ЦК обращались со своими предложениями видные партийные функционеры. Член партии с 1907 г., работник аппарата ЦК и референт ВЧК И. В. Вардин-Мгеладзе 11 апреля 1921 г. предлагал дать возможность социалистическим партиям (анархистам, меньшевикам, эсерам) в пределах советских законов издавать печатные органы и свободно участвовать в выборах в Советы. В мае кандидат в члены ЦК В. В. Осинский выдвинул идею создания «крестьянского советского союза». Эти предложения были отвергнуты.

Наибольший резонанс получили выступления Г. И. Мясникова и руководителей «рабочей оппозиции» А. Г. Шляпникова, А. М. Коллонтай и др. Член партии с 1906 г. Г. И. Мясников, организатор убийства Великого князя Михаила Александровича в Перми в июне 1918 г., теперь в письме в ЦК настаивал на необходимости самостоятельности крестьянства, свободе слова и печати. Ленин ответил ему 5 августа, соглашаясь с необходимостью «гражданского мира», но резко осудил лозунг свободы печати: «Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем»²⁴. Оргбюро ЦК 22 августа 1921 г. признало тезисы Мясникова несовместимыми с партийными взглядами. В феврале 1922 г. он был исключен из РКП(б). Весной 1923 г. Мясников и его сторонники создали «Рабочую группу РКП(б)». Ее манифест резко критиковал политику руководства страны. Аббревиатуру «НЭП» они расшифровывали как «новая эксплуатация пролетариата». Мясникова арестовали и выслали в Германию²⁵. Ряд коммунистов-интеллигентов образовали группу «Рабочая правда», тяготеющую к меньшевикам.

Не прекратили свою деятельность члены группы «рабочей оппозиции». В феврале 1922 г. членам первого расширенного пленума Исполкома Коммунистического Интернационала было передано так называемое заявление «22-х», а копия передана в ЦК РКП(б). Среди подписавших его были член ЦК А. Г. Шляпников, кандидат в члены ЦК С. П. Медведев и Г. И. Мясников. К заявлению присоединились А. М. Коллонтай и З. Шадурская. Подписанты обвиняли руководящие центры в непримиримой борьбе против «пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение», в подавлении «рабочей самостоятельности», борьбе «с инакомыслием всеми средствами»²⁶. Подача заявления была осуждена пленумом Исполкома Коминтерна, XI съездом РКП(б). А. Г. Шляпников, С. П. Медведев и А. М. Коллонтай были предупреждены о возможности исключения из партии в случае «подобного антипартийного отношения»²⁷.

Однако осуждение Г. И. Мясникова, «22-х» натывалось на сопротивление как рядовых членов партии, так и немалого числа ее ответственных работников. В июне 1921 г. двадцать один делегат, прибывший на Пермскую губернскую партконференцию от Мотовилихи (заводской район Перми, где долгое время работал Мясников), высказали сочувствие Мясникову. Когда губком запретил Мясникову выступать на конференции, делегаты от Мотовилихи ее покинули. На закрытом заседании XI съезда по поводу «заявления 22-х» 227 делегатов проголосовали за решение, осуждавшее их. За резолюцию В. А. Антонова-Овсенко, предлагавшую в корне изменить отношение к инакомыслящим, было подано 215 голосов. В. А. Антонов-Овсенко, в частности, сказал: «По отношению к нашей партии мы вправе требовать, чтобы было иное отношение к инакомыслящим. Это отношение должно быть иное, чем то, которое было необходимо, когда непримиримость оправдывалась обостренностью фракционной борьбы. Мы сейчас вышли из этого периода и можем решать вопросы с гораздо большей терпимостью»²⁸. Действительно, все эти группы отражали объективные противоречия внутри большевистской партии, различия в ее социальном составе и по сути были необходимы для ее дальнейшего развития.

Руководство партии было убеждено в обратном. Его пугала сама возможность реальной внутрипартийной демократии. Оно боялось доверить решение кадровых вопросов на местах самим коммунистам.

Склока или принципиальная борьба?

Характерны в этом плане конфликты, разыгравшиеся в 1921–1922 гг. в двух крупных центрах: Петрограде и Омске, за тысячи километров друг от друга. В Петрограде произошел конфликт кандидата в члены Политбюро ЦК, председателя Петроградского совета Г. Е. Зиновьева с двумя ответственными питерскими работниками: секретарем Петроградского губкома, кандидатом в члены ЦК Н. А. Углановым и секретарем исполкома Петросовета, членом ЦК Н. П. Комаровым. На собрании ответственных партийных работников 19 сентября 1921 г. Н. А. Угланов и некоторые другие выступили с острой критикой Г. Е. Зиновьева за методы руководства.

Последний немедленно, 20 сентября, обратился по телефону к В. И. Ленину, прося вызвать в Москву членов и кандидатов в члены

ЦК Г. Е. Зиновьева, Н. П. Комарова, В. П. Милютина и Н. А. Угланова. Политбюро решило образовать комиссию в составе В. И. Ленина, В. М. Молотова и И. В. Сталина для разбора конфликта. Уже 22 сентября комиссия встретила с представителями конфликтующих сторон: Г. Е. Зиновьевым, Н. А. Углановым, Н. П. Комаровым, А. С. Куклиным, В. П. Милютиным. Г. Е. Зиновьев пытался обвинить своих оппонентов в «уклоне», подчеркивая принципиальный характер разногласий.

Поскольку речь шла о крупных партийных работниках, хорошо известных в Москве, это обвинение было отвергнуто. В. И. Ленин, В. М. Молотов и И. В. Сталин 29 сентября писали Г. Е. Зиновьеву: «В Питере нет никаких принципиальных разногласий, нет даже уклона к уклону... Не могли эти товарищи так внезапно впасть в уклон. Ни тени фактов мы не видим, доказывающих это. Есть законное желание большинства быть большинством и заменить ту группу, через которую Вы “управляли” другую. Люди выросли, и уже потому их желание законно»²⁹.

10 октября Политбюро приняло предложение В. И. Ленина: «Откомандировать тт. Каменева, Залуцкого и Орджоникидзе на 2–3 дня в Петроград для наблюдения за исполнением утвержденных Политбюро решений комиссии Молотова, Сталина и Ленина, а равно для содействия к устранению всяких следов фракционности»³⁰. Тем не менее по решению Политбюро от 1 декабря 1921 г. из Петрограда были откомандированы Н. А. Угланов и сторонник Зиновьева М. М. Харитонов. Губком 7 декабря большинством голосов (22 против 12) постановил «просить ЦК РКП отменить свое решение», но этого не произошло³¹. Политический авторитет Г. Е. Зиновьева оказался важнее, чем мнение большинства ответственных работников города.

В Омске, вдали от Москвы, конфликт также начался в конце 1921 г. Здесь рядовые коммунисты пытались реализовать право на участие в формировании местного партийного руководства. На общем собрании коммунистов одного из городских районов 2 декабря работа губкома была признана неудовлетворительной. Звучали обвинения в слабом руководстве на местах, в отрыве от рядовой партийной массы и отказе от переброски обюрокротившихся партработников к станку. На следующий же день президиум губкома квалифицировал вотум недоверия как стремление «оппозиции

недовольных и обиженных людей» подорвать авторитет губкома. В отчете, отправленном в Сибирское бюро ЦК РКП(б), проявившееся недовольство называлось «уклоном в сторону рабочей оппозиции», который «влияния на широкие массы партии не оказывает». Через несколько недель бюро губкома решило выпроводить из города «засидевшихся» и «нездоровых» лиц до открытия губернской партконференции и обратилось за разрешением на это в Сиббюро ЦК. Об этом стало известно оппозиции, и два райкома, в свою очередь, направили в Сиббюро протест.

На губернской партконференции в январе 1922 г. победила оппозиция. Резолюция предлагала новому губкому обратить внимание на «скорейшее проведение в жизнь постановлений X съезда РКП в полном объеме». Фактически новое руководство занялось в свою очередь подбором «нужных» людей и устранением «неудобных» под флагом «рабочей демократии». Губком вознамерился сместить председателя губчека, заведующих губземотделом и губнаробразом, губпродкомиссара, заменив их своими сторонниками. Неуправляемость действий губкома вывела из состояния «нейтралитета» Сиббюро ЦК.

Уже 24 февраля 1922 г. секретарь Сиббюро ЦК И. И. Ходоровский направил секретарю ЦК В. М. Молотову тревожную телеграмму: «Новый Омский губком... ведет линию, грозящую развалом организации... ставим ЦК [в] известность, что можем быть поставлены [в] необходимость поступить так[,] как поступил ЦК с Архангельской и Вологодской [организациями] (Эти организации во второй половине 1921 г. были подвергнуты «чистке» из-за сильного влияния в них сторонников «рабочей оппозиции». — *Авт.*)... Если обстановка потребует, мы своевременно обратимся за санкцией в ЦК, без чего на эту меру идти затрудняемся». Оргбюро ЦК обязало Сиббюро ЦК воздерживаться от применения репрессий до особого разрешения.

В начале марта в Омск выехал член Сиббюро ЦК А. М. Тамарин с заданием добиться утверждения списка президиума Омского губисполкома, подготовленного в Сиббюро. На нескольких собраниях ответственных работников выступавшие обменивались взаимными оскорблениями. А. М. Тамарин заявил, что член президиума губкома Ф. Шемис «недавний кабатчик и сиделец винной лавки». В свою очередь, коммунист Власов предложил А. М. Тамарина предать суду, председателя губчека Тиунова как организатора подпольной

группировки против губкома «немедленно расстрелять». Обе стороны вербовали себе сторонников в ячейках.

Решать конфликт пришлось в Москве. Оргбюро ЦК 4 апреля 1922 г. с участием представителей обеих группировок решило создать специальную комиссию во главе с В. В. Куйбышевым. На следующий день комиссия вынесла вердикт: губком виновен в отсутствии «выдержанной партийной линии» и невыполнении директив высших парторганов; отозвать из Омска шестерых членов президиума губкома из семи; в новый состав президиума ввести четырех человек по рекомендации Сиббюро ЦК и трех — по рекомендации Секретариата ЦК.

Но даже после этого партийные «низы» пытались продолжать сопротивление. Опираясь на многие ячейки и райкомы, объединенный пленум губкома совместно с членами контрольной и ревизионной комиссий 19 апреля 1922 г. заявил, что по Уставу партии только губернская партконференция может изменить состав президиума губкома. Было решено обратиться с просьбой в ЦК РКП(б) и Сиббюро ЦК созвать экстренную губернскую партконференцию. До получения ответа членам президиума губкома было предложено оставаться на месте.

Генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин 23 апреля направил грозную телеграмму, которая подтверждала необходимость выезда бывшего руководства в Москву и поручала Сиббюро произвести перерегистрацию всей губернской организации «в целях очищения партии от элементов фракционности и разложения». Только после этого «мятежники» сдались. В мае комиссия, прибывшая в Омск, рассмотрела дела 180 коммунистов. Было обновлено руководство многих райкомов и ячеек. На заседании ЦКК 2 июня 1922 г. бывшего секретаря губкома И. Потемкина исключили из партии как «склочный карьеристский элемент», а Ф. Шемиса — как «чуждый склочный элемент». Через несколько недель новый губком решил отправить вернувшихся в Омск И. Потемкина и Ф. Шемиса в Новониколаевск в распоряжение Сиббюро. Секретарь губкома А. И. Кривицкий сообщал 1 июля: «Шлем Шемиса и Потемкина через ГПУ. Если уклонятся поехать добровольно, арестуем и привезем Вам. Ни в коем случае не шлите их обратно». Омская парторганизация была «оздоровлена»³².

Эти и подобные им дела доказывали руководству партии, что полагаться на реальную «внутрипартийную демократию», решая задачу

сохранения власти и укрепления ее вертикали, невозможно. Тем более что руководители, получавшие на время партийное большинство в отдельных регионах под флагом борьбы с «бюрократизмом», принципиально не отличались от своих предшественников. Сохранялась практика преследования «инакомыслящих», а управление становилось нередко «бюрократизмом в кубе». Это доказывает, что причины происходившего были гораздо глубже и сложнее, чем личные качества «отдельных вождей» РКП(б), и даже чем сама идеология Коммунистической партии, хотя, конечно, и эти факторы нельзя сбрасывать со счетов. Борьба за власть и ее сохранение в условиях страны, никогда не имевшей развитого гражданского общества, пережившей тяжелейшую Гражданскую войну с ее обострением ненависти к своим противникам, при отсутствии легальной политической оппозиции, диктовала определенные, часто не осознаваемые на личностном уровне, правила игры.

ПАРТИЙНЫЙ «ОБРУЧ» И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ

Одновременно существовало понимание, что в условиях однопартийной системы в ее ряды будет стремиться большинство активных элементов общества, имеющих на деле различные позиции по многим вопросам жизни страны. Г. Е. Зиновьев говорил, выступая перед коммунистической фракцией II съезда Советов СССР, в январе 1924 г.: «...проявить себя политически или даже на хозяйственной арене можно, только входя в нашу партию или примыкая к ней»³³. Для того чтобы партийный «обруч» действительно удерживал государство в рамках определенной политики и идеологии, было необходимо прежде всего добиться беспрекословного подчинения партийных масс своему руководству снизу доверху. Для этого и нужен был разветвленный партийный аппарат, контролирующий подбор и назначение кадров во всех сферах государственной жизни, и прежде всего в самой партии. Спор в самих партийных кругах мог идти лишь о формах и методах упрочения партийного аппарата.

Новым важным шагом на пути укрепления аппарата управления стало появление партийной номенклатуры. 12 октября 1923 г. Оргбюро ЦК впервые ввело номенклатуру (от лат. — роспись имен) должностей в госаппарате и общественных организациях, назначение на которые происходило по решению или с согласия партийных органов.

В любом государстве правящая партия ведет учет наиболее энергичных и способных сторонников, предусматривая занятие ими ведущих государственных постов. Но партийная номенклатура в Советской России отличалась рядом важных особенностей. В условиях огосударствления основных сфер жизни она приобретала огромные масштабы, предусматривая утверждение на должности не только в государственных, но и в общественных организациях. Партийные комитеты определяли назначение не только членов партии, но и беспартийных.

Высшая номенклатура состояла из двух групп: 3500 должностей первой группы занимались только с утверждения ЦК, на 1500 должностей второй группы назначение производилось после предварительного уведомления ЦК. Свою номенклатуру имели парткомы на местах: ЦК республик, губкомы (обкомы), уездные (районные) комитеты. В последующие годы номенклатура расширялась, охватывая все новые посты во всех отраслях государственной и общественной жизни. К 1924 г. в Учетно-распределительном отделе ЦК хранились сведения почти на 15 тыс. ответственных работников.

При этом решения готовили фактически не выборные члены ЦК, а сотрудники партийного аппарата. Член партии с 1898 г. В. П. Ногин, выступавший с отчетом Ревизионной комиссии на XI съезде, отмечал, что в отделах ЦК «постоянная, важная... работа, которая иногда определяет судьбу той или другой организации, того или другого работника, прodelывается мало кому известными товарищами... это — партийная бюрократия, партийные чиновники...»³⁴. Через год, на XII съезде, В. П. Ногин вновь сказал: «В настоящей своей постановке партийный центр будет развиваться в сторону партийного бюрократизма, когда важнейшие вопросы фактически решаются лицами, не избранными съездом и перед ним не ответственными»³⁵.

Словесные формулы «решение ЦК», «просить ЦК», «обсудить в ЦК» на деле уже означали, что под «ЦК» понимался не коллективный разум членов Центрального Комитета, избранных партийными съездами, а сотрудников аппарата ЦК или внесение вопроса на рассмотрение Секретариата, Оргбюро и Политбюро ЦК. Сами члены этих высших органов, употребляя слово «ЦК», обычно имели в виду собственные решения.

Одновременно шло оформление привилегий для партийных работников и упорядочение их зарплаты, которая в годы «военного

коммунизма» не имела большого значения. Проблема привилегий возникла еще в годы гражданской войны, но тогда она в значительной мере носила стихийный характер. «Самоснабжение» части ответственных коммунистов, появление специального «совнаркомовского пайка» и т. п. вещи вызвали возмущение не только широких масс, но и рядовых коммунистов. Деление партии на «верхи» и «низы» стало одним из важных проявлений кризиса на рубеже 1920–1921 гг.

Конечно, и в годы гражданской войны, и в начале 1920-х гг. было немало партийных работников, живших весьма скудно. Приехавший в Вятку на должность председателя губисполкома в июне 1921 г. тот же А. П. Спундэ писал жене: «Атмосфера хорошая. Совершенно нет привилегий. Был у ряда “совбуров” (советских бюрократов. — *Авт.*) — живут весьма и весьма скромно, пайки тугие... одеты скромно, ни одного кожаного костюма, кроме своего, еще не видел; едят по-монашески... Но зато их никогда не гонят с собраний рабочие, даже когда недовольны».

Теперь привилегии становились системой, утверждаемой руководством партии. До весны 1919 г. большинство партийных органов получали денежные средства от местных Советов. Это, по мнению секретаря ЦК Н. Н. Крестинского, «ставило партийные организации в зависимость от местных исполкомов, и задача контролирования работы исполкомов партийными комитетами затруднялась». Со второго полугодия 1919 г. ЦК начал отпускать часть средств партийным организациям. С начала 1920 г. финансирование партийных органов на местах стало осуществляться через наркомат внутренних дел из центра по указанию ЦК. Средства направлялись в адрес губкомов партии, которые распределяли их по городским и уездным комитетам РКП(б)³⁶. Но по-прежнему для финансирования партийных организаций в 1920-е гг. широко привлекались деньги из местного бюджета и средств предприятий. В Воронежской губернии 37,5 % освобожденных секретарей содержалось на партийные средства; 20,7 % — за счет предприятий; 25 % — советских учреждений; совхозов — 11,3%; предприятий транспорта — 5,5 %. Секретари волостных комитетов на 37,8 % оплачивались за счет местного бюджета, секретари деревенских ячеек на 85,4 % — из средств учреждений и местного бюджета, секретари производственных ячеек на 70 % из средств предприятий³⁷.

В обыденном массовом сознании вступление в правящую партию в большинстве случаев расценивалось как стремление сделать карьеру, не попасть под сокращение, получить работу. Так, доклад Особого отдела ОГПУ о состоянии Красной Армии в 1925 г. отмечал «тягу в партию», вернее к партбилету как гарантию оставления в должности».

При этом членам партии, например, в деревне запрещалось расширять хозяйство, заниматься так называемым хозобрастанием. Это расценивалось как «мелкобуржуазное перерождение». Большинство деревенских коммунистов являлись партийными и советскими служащими, не имели собственного хозяйства. Даже появление большого количества вещей в квартирах коммунистов считалось «онэпиванием». Хотя партийные работники среднего и высшего звена уже к середине 1920-х гг. проживали с точки зрения того времени в весьма приличных условиях.

В 1922 г. на XII партконференции было решено положить в основу зарплаты 15 325 кадровых работников постановление Наркомата труда и ВЦСПС о ставках для ответственных работников на основе существовавшей 17-разрядной тарифной сетки. Зарплата партийных работников располагалась в диапазоне от 12-го (секретари заводских и сельских ячеек, секретари волкомов) до 17-го (члены ЦК и ЦКК, секретари обкомов и губкомов) разрядов. В мае 1924 г. появился циркуляр об установлении единого тарифа для всех ответственных работников — членов РКП(б). Максимальная ставка не должна была превышать ставку 17-го разряда. Это означало введение «партмаксимума». На заседании Политбюро ЦК 24 апреля 1924 г. было принято решение установить максимум зарплаты по СССР для членов партии в 360 руб., хотя тут же допускались «единичные исключения»³⁸. Официальное жалование партрубочников, конечно, превосходило среднюю зарплату по стране, но уступало заработкам «спецов». Но кроме официальной зарплаты существовали скрытые надбавки: пособия на лечение, продовольственные пайки, гонорары за публикации в печати, доступ к дефицитным товарам.

Таким образом, материальное положение, уровень жизни коммуниста, а тем более работника партийного аппарата, все сильнее зависели от его политической позиции, от его готовности неуклонно исполнять директивы вышестоящих органов.

Еще одной особенностью жизни партийных органов и их отношений с другими государственными и общественными структурами

стала система засекречивания партийных решений. Понятно подобное поведение РСДРП и других революционных партий, когда они являлись нелегальными организациями. Понятна повышенная степень секретности в условиях гражданской войны. Наконец, любая правящая партия, любое правительство принимают какие-то постановления по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики, которые должны оставаться неизвестными политической оппозиции или другим государствам. Но здесь речь шла о всеобъемлющей системе секретности, которая имела другие цели.

Политбюро ЦК 16 сентября 1921 г., обсудив вопрос о расходовании золотого фонда, внесло в свое постановление следующий пункт: «Поручить Президиуму ВЦИК, СТО, СНК и всем наркоматам строго следить за тем, чтобы в принимаемых ими решениях (в протоколах, отношениях и т. п.) не делались ссылки на решения ЦК³⁹. Оргбюро ЦК 30 ноября 1922 г. утвердило порядок хранения секретных постановлений ЦК РКП(б). Вскоре подобный порядок был распространен на решения ЦК союзных республик, краевых, областных и губернских комитетов. В нем, в частности, подчеркивалось, что в делопроизводстве советских, хозяйственных, профсоюзных органов не должно делаться никаких ссылок на партийные решения⁴⁰.

Подобные меры принимались и на нижних уровнях партийного аппарата. С 8 апреля 1924 г. все протоколы бюро Ленинградского губкома партии стали секретными. В 1923 г. в Политбюро появилась так называемая Особая папка, в которой хранились самые секретные протоколы заседаний высшего партийного органа. В Ленинградском обкоме такая папка возникла в 1929 г. Секретность имела главной целью спрятать директивную роль партии по отношению ко всем другим субъектам советской политической системы. Совершенно открыто об этом было сказано в постановлении Секретариата ЦК в 1923 г. по делу замнаркома внешней торговли М. И. Фрумкина. Он был строго предупрежден за то, что передал копию постановления пленума ЦК о монополии внешней торговли уполномоченному наркомата на Украине со ссылкой на это постановление в телеграмме торгпредам за рубежом. В решении по этому вопросу было сказано: «...постановления ЦК оформляются в советском порядке в виде законодательных актов или распоряжений. Поэтому сами вопросы часто по существу не являются секретными, но наоборот доводятся до сведения широких слоев населения в советском порядке. Секретным является

порядок прохождения вопросов через партийную организацию, постановления которой являются директивой партии тому или другому члену. Поэтому каждый член партии, получив директиву партийного органа, проводит таковую в жизнь от своего имени по занимаемой должности»⁴¹.

К середине 1920-х гг. партия практически полностью контролировала все государственные и общественные структуры: армию, ОГПУ, суд и прокуратуру, хозяйственные органы, профсоюзы и т. д. Прежде всего речь шла о кадровом составе данных структур. Среди ответственных работников и руководителей все больший процент составляли члены партии. Особое положение в государственном аппарате занимали органы ВЧК — ОГПУ, суда и прокуратуры.

В начале 1920-х гг. четко проявилось стремление вмешиваться в работу правоохранительных органов, когда дело касалось местных партийных комитетов. Например, 19 октября 1923 г. бюро Псковского губкома вынесло следующее решение: «Так как еще до сего времени наблюдается передача суду членов РКП(б) без согласования с партийными органами, предложить всем судебным органам все следственные дела на членов РКП(б)... согласовать с соответствующими партийными органами...»⁴²

Примером партийного вмешательства в судопроизводство в Петрограде можно назвать дело И. Ф. Маврина (член партии с 1913 г.) и А. Н. Ржавина (член партии с мая 1917 г.). Их «проступок» состоял в убийстве на улице человека, «бывшего белогвардейца». Заметим, что А. Н. Ржавин был начальником Агитпропа политотдела XI дивизии. Представитель Петроградской губернской контрольной комиссии (ГКК) доложил, что, по мнению ГКК, «их следовало бы исключить из РКП и дело передать в нарсуд, но, принимая во внимание особые условия (указанным белогвардейцем были расстреляны родственники товарищей, а также и целый ряд других товарищей), а посему... дело в суд не передавать и считать законченным в партийном порядке. Тов. Маврина и Ржавина исключить из партии условно на один год и просить губком перевести их на работу в другой город». Бюро Петроградского губкома 2 июля 1923 г. согласилось с этим мнением и решило направить убийц в распоряжение ЦК с просьбой послать их на работу в Бодайбо⁴³.

Постепенно право принимать решения по судебным делам сосредоточилось в высших партийных органах. 5 ноября 1924 г. была

создана комиссия по судебным делам при Политбюро в составе наркома юстиции Д. И. Курского, председателя ЦКК В. В. Куйбышева и председателя ОГПУ Ф. Э. Дзержинского. 11 ноября 1924 г. Политбюро утвердило их заместителей в этой комиссии: Н. В. Крыленко, М. Ф. Шкирятова и В. Р. Менжинского⁴⁴. Например, замнаркома юстиции и прокурор РСФСР Н. В. Крыленко сообщал прокурору Ленинградской губернии и председателю Ленинградского губсуда 29 сентября 1924 г.: «Согласно постановлению комиссии Политбюро дела... по обвинению... Сидоровича К. К. по ст. 67 УК и ... Волкова Р. Д. по ст. 67 и 90 УК назначайте к слушанию. Мера наказания... по усмотрению суда... дела по обвинению... Ряннель Ивана Ивановича... и ... Кузнец А. И. ... назначайте к слушанию. Высшей меры наказания... не применять»⁴⁵.

В начале 1925 г. партийному руководству стало известно о случае дикого самоуправства в Чите. Секретарь Забайкальского губкома РКП(б), председатель губисполкома и заведомо Забайкальского ГПУ в октябре 1924 г. приняли решение об уничтожении безнадежно больных наркоманов (морфинистов). В результате 15 человек были задушены в гараже. В декабре 1924 г. работникам ГПУ поступило указание об уничтожении некой Акуловой, больной сифилисом в остро заразной форме. По ошибке была убита больная Сивакова, не имевшая венерического заболевания. Решением ЦКК ответственные за принятие этих решений были исключены из партии с запрещением занимать ответственные должности. Исполнителям убийства были определены более мягкие наказания⁴⁶. Продолжалось расширение внесудебных прав ОГПУ. 28 марта 1924 г. постановлением ЦИК СССР было образовано Особое совещание при ОГПУ для осуществления административных высылки, ссылки и заключения в концентрационные лагеря. Оно состояло из трех членов коллегии ОГПУ при участии прокурора СССР.

Вместе с тем, прямое представительство правоохранительных органов в высших партийных инстанциях было крайне ограничено. Начиная с X съезда и до XIV съезда ВКП(б) включительно, несмотря на огромный численный рост состава ЦК (до 63 членов ЦК и 43 кандидатов в члены ЦК), единственным представителем правоохранительных органов в партийном руководстве оставался Ф. Э. Дзержинский. Но даже он лишь 2 июня 1924 г. был впервые избран кандидатом в члены Политбюро ЦК и кандидатом в члены Оргбюро ЦК. Никто

Руководство ВЧК

из его заместителей — М. Я. Лацис, В. Р. Менжинский, Я. Х. Петерс, И. С. Уншлихт, Г. Г. Ягода — в эти партийные органы не избирался. Не входили в них руководители советского суда и прокуратуры этих лет Н. В. Крыленко, Д. И. Курский и др.⁴⁷

Руководство партии тщательно оберегало созданную вертикаль партийного влияния в армии. Постановление Оргбюро ЦК от 11 августа 1924 г. подчеркивало: «Центральный комитет предостерегает военные политорганы и местные партийные организации... от наметающихся в некоторых организациях попыток сужения роли и значения военных политорганов, и тем более прямой замены в деле руководства политработой политаппарата партийным комитетом»⁴⁸. В сентябре 1925 г. ЦК РКП(б) утвердил Положение о Политическом управлении РККА. В нем говорилось, что ПУР работает на правах военного отдела ЦК. В Устав партии, принятый на XIV съезде ВКП (б), был впервые введен раздел «О парторганизациях в Красной Армии»⁴⁹.

Внимание обращалось не просто на количество коммунистов в армии. В обстановке развертывавшейся внутрипартийной борьбы большинство ЦК было озабочено сохранением подчиненности военных

структур партийно-государственным решениям. В постановлении XIII партконференции (январь 1924 г.) говорилось: «Особенное внимание должно быть посвящено правильной и здоровой постановке партийной работы в армии. За попытки вести фракционную «работу» в рядах Красной Армии партия должна карать особенно сурово»⁵⁰. С целью ослабить позиции в армии сторонников Л. Д. Троцкого с июля 1923 г. назначения высшего политсостава проводились при обязательном рассмотрении кандидатур в ЦК РКП(б)⁵¹.

Переход к НЭПу, по сути, ничего не изменил в кадровой политике партийных комитетов по отношению к экономическим органам. Именно ЦК и губкомы РКП(б) по-прежнему решали вопросы о назначении не только руководящих работников государственных наркоматов, но и руководителей трестов, хотя последние теперь полностью отвечали за результаты своей финансово-экономической деятельности. Так, бюро Ленинградского губкома партии 8 июля 1924 г. утвердило «предложение орготдела губкома» и решило «назначить» членов правления Красочного треста⁵². С точки зрения нормальной экономики ситуация была абсолютно ненормальной, ибо партийный орган, назначая руководителей заводов и трестов, не нес никакой материальной ответственности за качество их работы. Секретные решения и инструкции нацеливали партийные комитеты на всех уровнях на замену беспартийных ответственных служащих на членов партии.

Огульное насаждение коммунистов в хозяйственные органы встречало сопротивление видных руководителей советской экономики и местных работников. Руководитель «Грознефти» И. В. Косиор писал 26 марта 1925 г. председателю ВСНХ Ф. Э. Дзержинскому: «Нас хотят во что бы то ни стало коммунизировать, а свои местные и маленькие предприятия накоммунизировали так, что они проваливаются, либо разваливаются... Я не верю в тех кандидатов из партийных, которых мне дают,... как работать с теми партиями, которые не справляются с делом».

Опыт работы в экономике заметно трансформировал взгляды самого Ф. Э. Дзержинского. В марте 1925 г. он резко протестовал против назначения коммуниста Грачева руководителем строительства Штеровской районной электростанции партийными органами Донбасса. Председатель ВСНХ объяснял это тем, что во главе строительства всегда были специалисты, а Грачев не специалист, который

непременно произведет ломку сложившейся структуры и создаст прецедент для других строек.

В результате губкомы, ЦК союзных республик и Политбюро ЦК все более приобретали роль надведомственной силы, центра согласования интересов представителей различных, в том числе экономических ведомств. Не случайно руководители этих ведомств, не входившие сами в высшие партийные органы, для решения насущных вопросов хозяйственной жизни стремились заручиться поддержкой ключевых политических фигур. В этом плане любопытны письма Л. Б. Красина своей семье, проживавшей за границей. С июня 1920 г. до 18 ноября 1925 г. он занимал пост наркома внешней торговли СССР и РСФСР, совмещая это с дипломатической работой. В ноябре 1923 г. неудовлетворенный принимаемыми решениями, он писал: «... словом, тешешь тот же кол на тех же головах и с тем же успехом». Зато в октябре 1925 г. он в дни пленума ЦК РКП(б), проходившего 3–10 октября, с удовлетворением сообщал: «В “тройке” (Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин. — *Авт.*), впрочем, на этот раз я нашел довольно прочную поддержку, и даже Сталин был очень внимателен, и, несомненно, благодаря его директивам (после моего подробного доклада) мы убереглись от слишком большой ломки и разрушительных перестроек».

В данной ситуации конечное решение важнейших хозяйственных вопросов, определение стратегических путей развития страны во все большей мере зависело от позиции буквально нескольких членов Политбюро ЦК, имевших прочную опору в рядах ЦК РКП(б).

Таким образом, к середине 1920-х гг. в силу своих родовых и приобретенных в процессе исторического развития черт — централизм, конспиративность, военизированный характер, нетерпимость к инакомыслию, убежденность в обладании высшей истиной, переход реальной власти к партийному аппарату, привилегированность «верхов» и т. д. — Коммунистическая партия практически утратила демократический потенциал, особенно на средних и верхних этажах своей организации. Она стала мощным инструментом в руках партийной бюрократии. Сам этот аппарат должен был выполнять решения, принимавшиеся узким кругом политической элиты. Именно такой партии и ее руководству предстояло определять политику страны, находить решение возникающих проблем, выстраивать отношения с другими

субъектами политической системы: государственными и общественными. Многое в этой ситуации зависело от персонального состава высшего политического руководства.

ВЛАСТЬ ИМЕЮЩИЕ

Между тем, по мере сосредоточения реальной власти в руках Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК этот круг сужался. В 1921–1925 гг. в этих органах был 31 человек. Особую роль продолжало играть Политбюро ЦК. В 1921–1925 гг. в него входило всего 14 человек, в том числе 8 членов (Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, В. И. Ленин, А. И. Рыков, И. В. Сталин, М. П. Томский, Л. Д. Троцкий) и 6 кандидатов (Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак, Г. Я. Сокольников, М. В. Фрунзе). Пять человек из тридцати одного пребывали на своих постах от нескольких месяцев до одного года⁵³.

О том, как держались члены Политбюро даже со вторым эшелонной партийной бюрократии, ясное представление дает следующий эпизод. Л. Б. Каменев, член Политбюро ЦК, на заседании коммунистической фракции ВЦИК СССР в октябре 1923 г., раздраженный предварительным голосованием народных избранников по одному из обсуждавшихся вопросов, напомнил им о реалиях политической жизни: «Я думаю, что, конечно, очень хорошо играть в Конституцию, но когда-нибудь надо и прекратить... здесь нужно говорить прямо. Вопрос о сокращении государственного аппарата есть вопрос, который не может решить ни ВЦИК, никто, кроме Центрального комитета партии. Поэтому, если нужно уничтожить НКВД, сливать Наркомат внешней торговли и т. д., то фракция может обратиться в ЦК с предложением обсудить этот вопрос, а конституционную постановку... оставим для торжественных заседаний, когда будут иностранные дипломаты»⁵⁴. Не будем забывать, что под ЦК здесь понималось Политбюро ЦК, т. е. орган гораздо более узкий по составу.

Но эта узость высшего круга политической элиты в сочетании с жесткой партийной дисциплиной, все большим ограничением реальной партийной демократии предопределяли и неустойчивость их положения в ходе внутрипартийной борьбы. Эта борьба сочетала личностное соперничество с дискуссией о путях развития страны. Став Генеральным секретарем ЦК, Сталин повседневно подбирал,

расставлял, проверял людей из второго эшелона партийного руководства, которые могли стать его союзниками, его опорой. А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, вошедшие в эти годы в высший эшелон партийного руководства, многие годы будут его верными соратниками. Невозможно предугадать, сумел бы Ленин оставаться в дальнейшем «дирижером внутрипартийного оркестра», допуская полемику внутри партии, или бы пошел по пути, предсказанному Ю. О. Мартовым летом 1921 г. Но к 1923 г. Ленин был уже лишь номинальным руководителем.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ В. И. ЛЕНИНА

С конца 1921 г. ухудшилось здоровье Ленина. В марте 1922 г. в Москву прибыли для консультаций два известных немецких врача. Один из них, Георг Клемперер, высказал предположение о токсическом воздействии на здоровье пациента свинцовой пули, застрявшей после покушения 30 августа 1918 г. в нескольких миллиметрах от сонной артерии. 23 апреля в Солдатенковской (Боткинской) больнице Ленину была сделана операция по удалению пули. Ее провел специально приглашенный немецкий хирург Ю. Борхарт, которому ассистировал доктор В. Н. Розанов. Но в результате произошло то, чего не предвидели врачи. Соединительная ткань, ранее облекавшая пулю, сместилась и стала давить на сонную артерию. 25 мая 1922 г. у Ленина, находившегося на отдыхе в Горках, произошел первый инсульт. Его последствиями были ограничение подвижности правой руки и правой ноги, расстройство речи. Был срочно вызван немецкий невролог О. Ферстер. Он стал главным лечащим врачом Владимира Ильича до его смерти.

Судя по воспоминаниям Троцкого и М. И. Ульяновой, сестры Ленина, Владимир Ильич еще в конце 1921 г. и в мае 1922 г. обращался к Сталину с просьбой достать ему яд (цианистый калий), чтобы воспользоваться им, когда убедится в безнадежности своего положения. Возможно, он вспомнил, что за десять лет до этого, в ноябре 1911 г., в Париже покончили с собой деятели Французской социалистической партии супруги Поль и Лаура Лафарг (дочь К. Маркса), сочтя, что в силу своего возраста они стали бесполезными для активной деятельности. Ленин выступал от имени РСДРП на их похоронах

Ленин в Горках. 1922–1923 гг.

и считал такой поступок вполне допустимым для революционера. Сталин рассказал об этом намерении Ильича другим руководителям (Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Бухарину). Товарищи убедили Владимира Ильича, что время для этого еще не пришло. Действительно, в середине июня наступило улучшение. С середины июля Ленин писал записки, встречался с рядом партийных и советских руководителей.

Уже в период первой болезни и краткого выздоровления он ощутил все возрастающее сопротивление ряда соратников своим предложениям. Кроме спора со Сталиным о форме объединения советских республик, о чем мы скажем ниже, это проявилось в вопросе о монополии внешней торговли. В отсутствие Ленина 5–6 октября 1922 г. пленум ЦК принял решение, по сути, ее значительно ослабляющее. Против этого протестовал нарком внешней торговли Л. Б. Красин, не только старый большевик, но и, говоря современным языком, крупный менеджер до революции 1917 г. Ленин 13 октября 1922 г. направил через Сталина письмо членам ЦК, указывая на опасность такого решения и предлагая отложить решение вопроса на два месяца, до следующего пленума⁵⁵. В ответ Сталин писал членам ЦК, что «письмо т. Ленина не разубедило меня в правильности решения пленума ЦК» и что «сам т. Красин

продолжает оставаться в плену ведомственных соображений», и он согласен на отсрочку лишь ввиду «настоятельного предложения Ленина». Такую же позицию заняли Зиновьев и Бухарин. Последний писал Сталину 15 октября, что он против предложений Ленина и Красина, но «ввиду того, что решение ЦК не может быть проведено колеблющимися руками, я голосую за отсрочку»⁵⁶. Настойчивость Ленина принесла свои плоды, и 18 декабря пленум ЦК подтвердил «безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли».

Ленин вновь приступил к работе в начале октября 1922 г. Огромные нагрузки сказались очень быстро. 13 декабря повторился легкий приступ болезни. Врачи настояли на полном прекращении работы. В ночь с 15 на 16 декабря в его состоянии наступило резкое ухудшение. 18 декабря пленум ЦК РКП(б) возложил на Сталина «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных свиданий с работниками, так и переписки». Через три дня с разрешения профессора О. Ферстера Н. К. Крупская записала письмо Ленина Троцкому в связи с успешной защитой последним принципа монополии внешней торговли на пленуме ЦК 18 декабря. Об этом через Каменева стало известно Сталину. 22 декабря Сталин по телефону крайне грубо разговаривал с Крупской и угрожал ей вызовом в Центральную контрольную комиссию за нарушение режима лечения Ленина. На следующий день Надежда Константиновна направила письмо Каменеву: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку... Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина... Я тоже живая, и нервы у меня напряжены до крайности». В ночь с 22 на 23 декабря у Ленина произошел новый приступ болезни. В результате — паралич правой половины тела.

Понимая свое состояние и оставаясь политиком до последней клеточки мозга, Ленин 23 декабря просит врачей разрешить ему пятиминутную диктовку стенографистке. Получив их согласие, он надиктовал «Письмо к съезду» (первую часть). Уже здесь упоминалась опасность раскола в руководстве партии. 24 декабря Ленин потребовал, чтобы ему было разрешено диктовать его «дневник».

После совещания Каменева, Сталина и Бухарина с врачами было решено: «Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5–10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются... Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

24–26 декабря Ленин продолжил диктовать «Письмо к съезду». Здесь он дал характеристики шести руководителей партии: Бухарина, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Сталина, Троцкого — и отметил, что главной опасностью с точки зрения возможного раскола являются отношения между Сталиным и Троцким. Фраза «что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева конечно не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому» явно призывала упомянутых руководителей отказаться от взаимной борьбы. 4 января 1923 г. Ленин продиктовал добавление к письму от 24 декабря. В нем он решительно предложил «обдумать способ перемещения Сталина» с поста генерального секретаря и «назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

Еще 24 декабря вечером Ленин предупредил свою секретаршу М. А. Володичеву, что все продиктованное 23 и 24 декабря «является абсолютно секретным», потребовал «все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным»⁵⁷.

Но на деле уже 23 декабря М. А. Володичева сразу из Горок по телефону передала Сталину текст первой части письма.

Через несколько дней вторая секретарша, Л. А. Фотиева, сообщила Сталину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву и Орджоникидзе содержание диктовок от 24 и 25 декабря 1922 г. 29 декабря в 23 часа Фотиева посетила Каменева в его кремлевской квартире и рассказала о требовании Ленина. По требованию Каменева она зафиксировала это на бумаге. Каменев сделал на этом объяснении приписку, прося узнавших о содержании ленинского письма, не разглашать его. На письме Фотиевой сохранились приписки: «Читал. Сталин. Только т. Троцкому», «Читал. О письме В. И., разумеется, никому из цекистов не рассказывал. Л. Троцкий»⁵⁸.

Безусловно, что после знакомства с ленинскими диктовками взаимная неприязнь Сталина и Троцкого лишь усилилась. Зиновьев и Каменев по-прежнему видели для себя главную опасность в лице Троцкого. Но все это оставалось неизвестным даже немногочисленным членам ЦК.

Кроме этого, с 27 декабря 1922-го по 3 марта 1923 г. Ленин продиктовал еще ряд писем и статей («О кооперации», «Лучше меньше, да лучше», «Странички из дневника», «К вопросу о национальностях или об «автономизации» и т. д.). О них много спорят. Одни видят здесь «коренную перемену» взглядов на социализм, другие не находят ничего принципиально нового. Третьи считают, что у Ленина были лишь наброски новых подходов. Возлагая во многом надежды на административные методы борьбы с бюрократизмом, коррупцией (улучшение рабоче-крестьянской инспекции, увеличение числа рабочих в ЦК и т. д.), он видел главное в росте цивилизованности, культуры; развитии различных форм кооперации на добровольной основе. Вместе с тем, говоря о партии, он ограничился характеристикой личных качеств ее руководителей (Н. И. Бухарина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. Л. Пятакова, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого), не ставя проблем серьезной демократизации политической жизни страны, хотя бы в перспективе. Монополия Коммунистической партии на власть не подвергалась им сомнению. К тому же руководители партии уже воспринимали ленинские статьи скорее как размышления тяжелобольного человека, чем как указания к быстрой реализации.

Между тем в отношениях Ленина и Сталина вскоре наступило резкое обострение. 5 марта Крупская проговорила мужу о столкновении со Сталиным 22 декабря. Крайне взволнованный этим Ленин продиктовал следующую записку: «Строго секретно. Лично. Копия тт. Каменеву и Зиновьеву. Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю и сделанным против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением, Ленин». Письмо было передано Сталину лишь

7 марта. Одновременно, 5 и 6 марта, Ленин продиктовал записки Троцкому и группе членов ЦК компартии Грузии, где возмущался «грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского» в так называемом «грузинском деле» (рассказ о нем ниже).

Невозможно гадать, как бы развивались события, если бы Ленин выздоровел. Мы знаем лишь, что в ночь на 7 марта наступило резкое ухудшение в его состоянии. 10 марта новый инсульт привел к усилению паралича правой половины тела и к потере речи. С этого момента Ленин стал политическим мертвецом. Мозг политика работал, но передать мысли окружающим был не способен. Судьбы партии и страны решались уже без его участия. 15 мая Ленина перевезли в деревню Горки. Особенно тяжелым в отношениях с близкими было время до середины июля. Окружающие часто не понимали желаний парализованного человека. Это нередко вызывало его раздражение и гнев. С середины июля наступило некоторое улучшение. Ленин пытался писать левой рукой, просматривал газеты, отмечая материалы, которые читала ему жена. 18–19 октября 1923 г. он посетил Москву. Он умер в 18 часов 50 минут, 21 января 1924 г., оплакиваемый одними, проклиняемый другими, при равнодушии третьих. Десятилетия вокруг его имени кипят ожесточенные споры. Предметом споров стала даже его могила — Мавзолей на Красной площади. Поэт Б. Пастернак писал: «Предвестьем льгот приходит гений и гнетом мстит за свой уход».

«Кто лучше понимает запах старых штанов Ильича?»*

Пленум ЦК 23 сентября 1923 г. заслушал доклад комиссии Политбюро (Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, В. М. Молотов, А. И. Рыков, И. В. Сталин, М. П. Томский) об экономическом и внутрипартийном положении. Часть вины за возникшие забастовки комиссия возложила на группы «Рабочая группа» и «Рабочая правда». Было принято единодушное решение об аресте ряда их участников, а также предложение, чтобы члены партии, знавшие о деятельности таких групп, считали своим партийным долгом сообщать об этом в ГПУ, ЦК и ЦКК. Еще до этого, в мае 1923 г., был арестован член коллегии Наркомата

---

* Из дневника директора школы, ленинградского профессора Р. Куллэ.

по делам национальностей М. Султан-Галиев. Оппонент И. В. Сталина в вопросах национально-государственного строительства, он был обвинен в «контрреволюционной деятельности»⁵⁹.

Партийный аппарат все жестче контролировал основную массу партийных организаций. Об этой тенденции с тревогой говорил в апреле 1923 г. на XII съезде партии бывший секретарь ЦК Е. А. Преображенский: «... у нас приблизительно 30 % всех секретарей наших губкомов являются секретарями... “рекомендованными” Центральным комитетом... Это входит в систему»⁶⁰. Из 191 человека, занимавших посты секретарей губкомов с лета 1922-го по осень 1923 г., 94 были «рекомендованы» или «назначены»⁶¹. В Политбюро ЦК к 1923 г. сложилась так называемая «тройка» — Зиновьев, Каменев, Сталин, которая на данном этапе больше всего опасалась амбиций Троцкого. Ее члены всячески подчеркивали единство партийного руководства в ситуации тяжелой болезни Ленина. Главным теоретиком был Зиновьев, который на XII и XIII съездах РКП(б) выступал с политическими отчетами ЦК. Примечательный эпизод разыгрался на XII съезде, где впервые отсутствовал Ленин. В ответ на критику Зиновьева со стороны известного большевика В. В. Осинского Сталин заявил: «Я не могу, товарищи, пройти мимо той выходки Осинского, которую он допустил в отношении Зиновьева... Он взял курс на разложение того ядра, которое создано внутри ЦК за годы работы... я должен его предупредить, что он наткнется на стену, о которую, я боюсь, он расшибет себе голову»⁶².

В это время начинался новый этап борьбы против инакомыслия в партийных рядах: дискуссия о внутрипартийной демократии. Она возникла после письма Л. Д. Троцкого от 8 октября 1923 г. к членам ЦК и ЦКК РКП(б) и формально закончилась на XIII конференции РКП(б), проходившей 16–18 января 1924 г. Все ее участники не подвергали сомнению принцип однопартийности и диктатуры РКП(б), но расходились в оценке внутрипартийного положения и перспектив развития самой партии.

Троцкий обвинял большинство ЦК в «зажиме» демократии, бюрократизации, неверной экономической политике; вновь настаивал на разделении функций партии и советских органов. 15 октября в ЦК поступило так называемое «заявление 46-ти», под которым стояли подписи бывших членов Оргбюро, секретарей и членов ЦК А. Г. Белобородова, Е. А. Преображенского, Ю. Л. Пятакова,

Л. Д. Троцкий

Л. П. Серебрякова и других представителей партийной элиты. По их мнению, «нестерпимый» внутрипартийный режим не давал возможности партийной массе влиять на политику партийного руководства. В результате политический курс не успевал реагировать на серьезные экономические и социальные вопросы.

В ноябре ЦК постановил начать внутрипартийную дискуссию. В декабре 1923 г. Троцкий выступил в газете «Правда» со статьей «Новый курс», содержавшей лозунг «Партия должна подчинить себе свой аппарат». Эта проблема, конечно, требовала реального внимания в новых условиях жизни страны. Статья Л. Д. Троцкого и «заявление 46-ти» нашло поддержку прежде

всего среди коммунистов со сравнительно более высоким уровнем образования: вузовских, госучреждений и военных. Например, на собрании штаба политуправления, штаба ЧОН и управления военных сообщений Московского военного округа 14 декабря 1923 г. была принята резолюция, включавшая следующие практические предложения: упразднить «назначенство» как систему, ввести выборность партийных органов и ответственных работников аппарата; обеспечить своевременную, полную и правдивую информацию о важнейших партийных решениях; упразднить с целью «ликвидации казенщины и рабской психологии внутри партии» «институт всяких почетных членов, почетных председателей»; прекратить присвоение имен здравствующих партийных работников любым объектам (городам, улицам и др.); прекратить принятие графаретных приветствий на каждом собрании; не проводить многочисленные юбилеи, «выродившиеся в чуждые идеям пролетарской революции казенные торжества и к тому же влекущие громадные расходы народных средств» и т. д. За оппозицию проголосовало свыше 70 % студентов-коммунистов Москвы⁶³.

Партийных лидеров крайне волновала позиция коммунистов-военнослужащих. Уже в сентябре 1923 г. был изменен состав Реввоенсовета СССР. В свою очередь сторонники Л. Д. Троцкого в ходе дискуссии пытались использовать свои кадровые позиции. Начальник

ПУРа В. А. Антонов-Овсеенко в декабре 1923 г. стал готовить конференцию коммунистов высших военно-учебных заведений без согласования с ЦК. Наконец, он же в письме в ЦК 27 декабря призвал к порядку «зарвавшихся вождей».

В обстановке поражения оппозиции это дало желанный повод большинству продолжить и усилить натиск на позиции Л. Д. Троцкого в военном ведомстве. Пленум ЦК, проходивший 14–15 января 1924 г., обвинил В. А. Антонова-Овсеенко в «попытках восстановить военных работников против руководящих органов партии и всей партии в целом»⁶⁴. Разбор дела В. А. Антонова-Овсеенко привел к тому, что его пребывание на посту начальника ПУРа было сочтено недопустимым. Он был переброшен на дипломатическую работу. Его преемником стал А. С. Бубнов, работавший до этого заведующим агитационно-пропагандистским отделом ЦК и избранный на XIII съезде партии членом ЦК. Зампредседателя РВСР Э. М. Склянский, занимавший этот пост с 26 октября 1918 г., был освобожден 11 марта 1924 г. и назначен председателем правления треста «Моссукно». Пост председателя РВСР занял М. В. Фрунзе. Командующего Московским военным округом Н. И. Муралова в мае 1924 г. перевели командовать Северо-Кавказским военным округом, а уже в феврале 1925 г. назначили для «особо важных поручений» при РВС СССР, лишив всякой реальной власти. Командующим МВО стал К. Е. Ворошилов, давний недоброжелатель Л. Д. Троцкого.

Сегодня, конечно, невозможно сказать, была ли реальная возможность пройти «по лезвию бритвы» и изыскать возможность в условиях авторитарного режима сосуществования в рамках партии системы «сдержек и противовесов» различных групп правящей элиты. Вместе с тем исторический опыт развития самой большевистской партии, интеллектуальный уровень большинства ее членов, интересы формировавшегося аппарата партийно-государственного чиновничества, страх новой элиты перед угрозой утраты власти при ослаблении «вертикали власти» обусловили решительное осуждение Л. Д. Троцкого и его сторонников. Это, в частности, четко выразил в своем выступлении 11 декабря 1923 г. М. И. Калинин, сказав, что сущность споров «не в демократии, а в удержании революционных завоеваний»⁶⁵. Более 60 % коммунистов были политически неграмотны и мало интересовались идеологическими спорами. К тому же была и другая сторона дискуссии — стремление части руководителей

оппозиции вернуть утраченные позиции в партийном аппарате. Среди подписавших «заявление 46-ти» были фамилии В. В. Осинского, Е. А. Преображенского, Ю. Л. Пятакова, И. Н. Смирнова и др., не замеченных в практической работе в особом «демократизме». Аппарат, представлявший позицию большинства руководства, одержал убедительную победу, прежде всего в «верхах» партии. На пленуме 25–27 октября 1923 г. поименным голосованием 102 голосами против 2 при 10 воздержавшихся выступление Троцкого с письмом от 8 октября было признано политически ошибочным.

В результате XIII конференция РКП(б) приняла резолюцию «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», одобренную всеми делегатами против трех и при одном воздержавшемся. Там, в частности, было сказано, что «в лице нынешней оппозиции мы имеем перед собою не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон»⁶⁶. Все это означало политическое уничтожение не только данной оппозиции, но и всех будущих попыток инакомыслящего меньшинства воздействовать на курс правящей партии.

Последнее реальное усилие изменить характер партии в сторону реальной «демократии» провалилось. Внутрипартийная демократия впредь была лишь символом в партийных резолюциях и элементом аппаратного красноречия. На пленуме ЦК в августе 1924 г. была негласно сформирована «семерка» — шесть членов Политбюро ЦК (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский) и один кандидат (Молотов), которая практически решала все основные вопросы, игнорируя Троцкого. Внутри «семерки» Сталин имел большую свободу по отношению к Зиновьеву и Каменеву).

«Первым звонком» для них стало выступление Сталина на курсах секретарей укомов 17 июня 1924 г. «Об итогах XIII съезда РКП(б). Используя газетную опечатку (вместо «России нэповской» было напечатано «России нэпмановской»), Сталин сообщил слушателям, что Каменев «выпалил... этот странный лозунг» «по обычной беззаботности насчет вопросов теории, насчет точных теоретических определений». И, не называя Зиновьева, напомнил, что в резолюции XII съезда «было пущено..., конечно, по недосмотру» выражение «диктатура партии», которое якобы является «чепухой» и способно «породить в партии путаницу и неразбериху»⁶⁷. Упрек в теоретических ошибках Каменева и Зиновьева явно имел целью продемонстрировать претензии Сталина

на роль теоретика, каким он никогда до этого не считался. Инцидент вызвал возмущение Каменева и Зиновьева. В результате Сталин извинился, поскольку они были ему еще нужны, но важный шаг на будущее был сделан. Главной мишенью пока оставался Троцкий.

Очередным шагом в формировании партийного единомыслия стала дискуссия о статье Л. Д. Троцкого «Уроки Октября» осенью 1924 г. Он атаковал Каменева и Зиновьева, напоминая об их выступлении против взятия власти осенью 1917 г. и обвиняя их в «социал-демократическом уклоне». В защиту Каменева и Зиновьева решительно выступил Сталин. В своей речи «Троцкизм или ленинизм» 19 ноября 1924 г. он подчеркивал: «Раскола не было, а разногласия длились всего несколько дней, потому и только потому, что мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков»⁶⁸. Новый идеологический спор завершился снятием Троцкого с поста наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР в январе 1925 г. Его сменил М. В. Фрунзе, умерший после операции в октябре 1925 г. Новым руководителем Красной Армии до 1940 г. стал К. Е. Ворошилов, верный сторонник Сталина. Одновременно Сталин, как всегда, выступал в роли умеренного, не поддерживая Зиновьева и Каменева, настаивавших на исключении Троцкого из Политбюро.

2. Сталин на пути к партийному трону (1925–1929 гг.)

... партия преодолела за 1926–1929 годы огромные внутренние и международные трудности... Был принят первый пятилетний план социалистического строительства. Было развито огромное строительство новых заводов, совхозов, колхозов. Это продвижение вперед по пути социализма сопровождалось обострением классовой борьбы внутри страны и обострением внутрипартийной борьбы.

Важнейший итог этой борьбы: подавление сопротивления кулачества, разоблачение троцкистско-зиновьевского капитулянтского блока, как антисоветского блока, разоблачение правых капитулянтов, как кулацкой агентуры, изгнание троцкистов из партии, признание взглядов троцкистов и правых оппортунистов несовместимыми с принадлежностью к ВКП (б).

История ВКП(б): Краткий курс

Куда идти: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЭПа

К 1925 г. в стране были ликвидированы остатки политических партий (меньшевики, эсеры), противостоявших РКП(б). Между тем стратегия НЭПа требовала обновления. Особенно осложнилась ситуация осенью 1923 г. после поражения в Германии попытки коммунистического восстания. Надежды на победу революции в Европе отодвинулись на неопределенное время. Еще 28 августа 1924 г. Политбюро ЦК одобрило предложения «придать деятельности эстонской компартии боевой характер», «проверить... степень революционного брожения, позволяющего рассчитывать на успех движения»⁶⁹. Но попытка организовать восстание в Таллине 1 декабря 1924 г. с последующим приходом туда Красной Армии провалилась. Началось вынужденное сворачивание активной поддержки боевых групп коммунистических партий в сопредельных странах. 25 февраля 1925 г. Политбюро ЦК постановило, что «ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство». Вся боевая и повстанческая работа в этих странах (Польша, Румыния и т. д.) передавалась в полное подчинение коммунистических партий⁷⁰. Поэтому на западной границе руководству СССР приходилось теперь направлять основной вектор своих усилий во внешней политике на нормализацию дипломатических отношений с соседями.

В экономике большевистские руководители были едины в своих устремлениях превратить СССР в индустриальную державу. Но перед ними вставали два основных вопроса: сможет ли Коммунистическая партия удержать власть в стране с огромным преобладанием крестьянства (мелкой буржуазии согласно теории марксизма)? Возможно ли построить социализм в одной стране и каким он будет?

Ситуация осложнялась подспудной борьбой за власть во время болезни В. И. Ленина и особенно после его смерти в январе 1924 г. В мае 1924 г. делегатам XIII съезда РКП(б) было зачитано ленинское «Письмо к съезду», продиктованное им во время болезни. В нем Владимир Ильич предупреждал партию о грубости и властолюбии И. В. Сталина, предлагал заменить его на посту Генерального

секретаря ЦК. Однако И. В. Сталину при поддержке Зиновьева и Каменева удалось сохранить свой пост.

К тому же НЭП, как и любая политика, имел свои материальные и моральные издержки. Экономическая ситуация оставалась неоднозначной. Абсолютное отставание от ведущих капиталистических стран выросло. Необходимость обновления станков, оборудования в промышленности сталкивалась с ограниченными финансовыми возможностями. Сохранялись огромный избыток рабочих рук в деревне и растущая безработица в городе. Значительная часть рабочих и крестьян продолжали жить в крайне стесненных условиях, не видя просвета впереди. Низкая товарность сельского хозяйства вела к снижению экспорта сельхозпродуктов (главного источника валюты) и невозможности увеличить импорт необходимого промышленного оборудования. Экономику страны неоднократно сотрясали кризисы: в 1923, 1925 и 1927 гг.

Осенью 1923 г. в экономике проявились так называемые «ножницы» — резкое расхождение между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. Если в 1913 г. плуг обходился крестьянину в 6 пудов пшеницы, то в 1923 г. — в 24 пуда. Это привело к кризису сбыта промышленных товаров при их огромном дефиците. Выход был найден путем государственного вмешательства: снижение оптовых цен, повышение цен на сельхозпродукцию благодаря росту государственных закупок.

В 1924–1925 гг. вследствие засухи около 20 центральных губерний поразил голод. В этих районах вновь возникли огромные очереди за хлебом, мукой. Срывались планы экспорта зерна. В этих условиях ряд партийных и хозяйственных руководителей (Н. И. Бухарин, Ф. Э. Дзержинский и др.) выступали за строительство социализма на основе экономического сотрудничества крупной промышленности и мелкого крестьянского хозяйства, развития экономики на основе роста благосостояния деревни.

Были разрешены долгосрочная аренда земли, выделение крестьян из общины на хутора и отруба, взимание единого сельхозналога в денежной форме и его снижение. Это воплотилось в лозунге Бухарина «Обогащайтесь!», обращенном к деревне. Пропагандировались достижения так называемых «культурных хозяев». Было расширено число лиц, имевших избирательные права. Подчеркивалась необходимость строгого соблюдения законов.

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ БОРЬБА И РАСКОЛ «ТРОЙКИ»

В этой ситуации вопрос о выборе дальнейшего пути развития вызвал второй этап внутрипартийной борьбы. Начался он с выступлений против так называемой «новой оппозиции» Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева. В 1924–1925 гг. И. В. Сталин и Н. И. Бухарин дополнили ленинскую общенациональную идею, заявляя о возможности построения социализма в одной стране. Это давало перспективу Коммунистической партии и всем верившим в создание идеального общества, но требовало серьезнейшего пересмотра самого понятия «социализм». Идея построения социализма в одной стране стала важным этапом на пути превращения интернационального большевизма в национал-большевизм, а марксистов — в российских государственников. Одновременно Н. И. Бухарин выдвинул положение, что строительство социализма на путях НЭПа будет весьма длительным процессом при постепенной либерализации политического режима.

Идеи Бухарина вызвали возражения Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева. В апреле 1925 г. на заседании Политбюро Каменев при поддержке Зиновьева заявил, что технико-экономическая отсталость СССР является непреодолимым препятствием для построения социализма. Новое столкновение произошло на пленуме ЦК накануне XIV партийной конференции. В проекте Зиновьева утверждение о невозможности построения полноценного социалистического общества в России без «государственной помощи» более развитых в технико-экономическом отношении стран было заменено тезисом, что «партия пролетариата должна прилагать все усилия к тому, чтобы строить социалистическое общество в уверенности, что это строительство может быть и наверняка будет победоносным, если удастся отстоять страну от всяких попыток реставрации»⁷¹.

Ситуация обострялась по мере приближения XIV съезда партии. 17 апреля 1925 г. на собрании московского партийного актива Н. И. Бухарин, в частности, сказал: «Крестьянам, всем крестьянам надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут. Мы должны добиться того, чтобы у нас и беднота возможно быстрее исчезла, перестала быть беднотой»⁷². Против Бухарина выступили Каменев и Зиновьев. Они обвиняли Бухарина в «правом уклоне»,

в «недооценке кулацкой опасности», ратовали за преимущественное развитие тяжелой промышленности, подчеркивая невозможность полной победы социализма в одной стране. В сентябре вышла брошюра Зиновьева «Ленинизм». Он доказывал, что победа социализма в СССР возможна только в случае победы пролетариата в Европе и Северной Америке.

Все это накладывалось на реальные сложные хозяйственные и управленческие проблемы: вопрос о финансовых источниках индустриализации, политика в деревне, колоссальный бюрократизм при решении производственных вопросов, видение перспектив НЭПа в целом.

В этой ситуации Сталин по-прежнему играл роль центриста и умеренного. Он поддерживал Бухарина, подчеркивая его роль как теоретика и любимца партии. Но, создавая задел на будущее, вместе с большинством Политбюро осудил лозунг «Обогащайтесь!», без публикации в печати. Под предлогом сохранения партийного единства была запрещена публикация полемических статей Каменева и Крупской против Бухарина и ответа последнего.

Наконец, Сталин вел тщательную подготовку к XIV партийному съезду, который, по его замыслу, должен был стать мощным ударом по оппозиции. В октябре Политбюро, сославшись на невозможность оставить столицу без руководства, отменило постановление XIII съезда о проведении очередного съезда в Ленинграде. Во-вторых, было спровоцировано столкновение двух крупнейших организаций — московской и ленинградской, громогласно обвинявших друг друга в «извращении ленинизма». В-третьих, и это главное, был проведен тщательный подбор делегатов на съезд. Аппаратные методы борьбы или, говоря современным языком, «административный ресурс» использовала и противная сторона. Но возможности Зиновьева были ограничены Ленинградом. Каменев, остававшийся председателем Московского совета, не имел влияния в столичном партийном аппарате.

XIV партсъезд проходил с 18 по 31 декабря 1925 г. Более 90 % делегатов составляли представители партийно-государственного

Н. И. Бухарин

Советская партийная элита в дни XV партконференции. 1925 г.

аппарата. 43 делегата (ленинградская делегация и несколько примкнувших к ней) выставили по Политическому отчету ЦК своего докладчика — Г. Е. Зиновьева. Но эта попытка обратиться к партии была заранее обречена на провал. Большинство делегатов спланировало не только партийная дисциплина, не только недостаток образования, не позволявший серьезно размышлять о поставленных проблемах, но и страх утраты власти в случае раскола партии. Доклад Зиновьева и выступления его сторонников сопровождалось множеством хлестких реплик и насмешек. Даже речь вдовы Ленина, Н. К. Крупской, поддержавшей «новую оппозицию» и пытавшейся напомнить присутствующим, что большинство не всегда право, было встречено враждебно.

Это потом XIV съезд назовут «съездом индустриализации», хотя на самом деле в резолюциях съезда это слово упоминается лишь дважды: «держат курс на индустриализацию страны» и в деревне «поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры,... повышения техники земледелия (тракторизация), индустриализации сельского хозяйства, упорядочения дела землеустройства и всемерной поддержки разнообразных

форм коллективизации сельского хозяйства»⁷³. На деле, в отношении экономики съезд — апофеоз идей Бухарина о развитии НЭПа, о кооперации «как основной организационной форме движения деревни к социализму». Поэтому Сталин яростно защищал Бухарина («Бухарчика», друга и соратника, любимца партии) от нападок Каменева и Зиновьева. Он даже воскликнул: «Крови Бухарина хотите? Мы вам не дадим его крови!» Через двенадцать с небольшим лет этой крови захочет он сам.

Попытка Каменева и Сокольников напомнить о «Завещании» Ленина, о его предложении сместить Сталина с поста генсека успеха не имела. После речи Каменева делегаты встали и приветствовали Сталина бурными аплодисментами. Ворошилов назвал Сталина «главным членом Политбюро». В заключительном слове Сталин нарочито подчеркнул: «Да, товарищи, человек я прямой и грубый, это верно, я этого не отрицаю»⁷⁴.

Подавляющим большинством съезд одобрил политическую и организационную деятельность ЦК. Партия получила новое название — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) — ВКП(б). Планировавшийся доклад Каменева о хозяйственном строительстве был снят с повестки дня. Победа Сталина была полной. И хотя сам генеральный секретарь говорил о том, что «руководить партией вне коллегии нельзя», но на съезде уже звучали голоса об особой роли Сталина.

Съезд наглядно продемонстрировал одну из родовых черт большевизма — пренебрежение демократическими принципами. Ряд обвинений против оппозиции был основан на письме ленинградского коммуниста Леонова в ЦК, в котором он передал содержание разговора с хорошим знакомым, секретарем Ленинградского губкома партии П. А. Залуцким. Председатель Ленинградской контрольной комиссии И. П. Бакаев заговорил о недопустимости таких вещей: «Я не могу равнодушно отнестись и к тем нездоровым нравам, которые пытаются укоренить в нашей партии. Я имею в виду доноительство... Если это доноительство принимает такие формы, такой характер, когда друг своему другу душевной мысли сказать не может, на что это похоже?» Ему отвечали сторонники большинства. Член Президиума ЦКК С. И. Гусев (Я. Д. Дабкин) заявил: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е. смотреть и доносить. Я не предлагаю ввести у нас ЧК в партии. У нас есть ЦКК,

у нас есть ЦК, но я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства», ссылаясь при этом на отсутствие информации об экономических проблемах. Председатель ЦКК В. В. Куйбышев признал неверным сам термин: «... применимо ли слово “донос” к заявлению члена партии, в котором заключается предупреждение партии о каком-либо неблагоприятном явлении в той или другой организации? Я считаю, что это не донос, это сообщение, являющееся обязанностью каждого члена партии»⁷⁵.

1 января 1926 г. прошел пленум ЦК. Впервые в Политбюро вошли Ворошилов, Калинин, Молотов — сторонники Сталина. Кандидатом в члены Политбюро был переведен Каменев.

СХВАТКА ЗА ЛЕНИНГРАД

Сталину также важно было разгромить оппозицию на ее территории, в Ленинграде. 28 декабря съезд принял обращение «Ко всем членам Ленинградской организации РКП(б)» и об изменении состава редколлегии «Ленинградской правды». В тот же день Политбюро постановило назначить редактором «Ленинградской правды» И. И. Скворцова-Степанова вместо С. М. Закс-Гладнева, шурина Зиновьева. С 30 декабря газета уже не публиковала никаких статей, заметок, резолюций, отражающих взгляды оппозиции. В начале января 1926 г. сторонники оппозиции были отстранены от руководства в Мурманске и Новгороде. Одновременно в Ленинград прибыли делегации от ЦК, от ЦКК, от ЦК ВЛКСМ. Среди них были А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак, М. П. Томский и др. Их задачей было добиться осуждения членами партии своего руководства и его смены. 7 января Политбюро утвердило новый состав секретариата Ленинградского губкома. Первым секретарем стал приехавший из Баку руководитель партийной организации Азербайджана С. М. Киров.

В партийных организациях города начались жаркие баталии по поводу решений партийного съезда. Их накал хорошо виден в сохранившихся письмах Кирова. Вот что он писал С. Орджоникидзе 10 января: «Как и следовало ожидать, встретили нас здесь не особенно гостеприимно... По числу членов партии у нас сейчас определенное большинство. Коллективы выносят постановления о переизбрании

райкомов, а кой-где требуют переизбрать губком». Через шесть дней Сергей Миронович сообщил жене, Марии Львовне Маркус: «Живу в гостинице вместе с членами ЦК, которых здесь достаточно много. Каждый день на собраниях. Ну и собрания здесь!.. Есть ячейки — 1500–2000 человек... Сплошь, конечно, рабочие и работницы... Положение здесь отчаянное, такого я не видел никогда».

Постепенно ораторское искусство московских гостей, их апелляция к необходимости сохранения единства партии, напоминание о партийной дисциплине, недовольство многих рядовых членов партии своими партийными бюрократами делали свое дело. Постепенно партийные коллективы всех крупных предприятий поддерживали ЦК. Особенно важной была позиция коммунистов «Красного путиловца». 20 января, заслушав члена Политбюро ЦК М. П. Томского и сторонника Зиновьева, секретаря ЦК Г. Е. Евдокимова, коммунисты-путиловцы подавляющим большинством одобрили решения съезда. 10–12 февраля прошла XXIII губернская чрезвычайная конференция. Основные доклады сделали Н. И. Бухарин и Ф. Э. Дзержинский. На пленуме губкома Киров был избран первым секретарем.

13 февраля Киров писал Орджоникидзе: «Вчера закончили конференцию и тем самым кончили и первоначальные работы против оппозиции... Плохо и очень плохо, что разворачивается новая драка на почве невероятного местничества». Последняя фраза приоткрывает занавес над тем, что под флагом политических разногласий нередко скрывались личные амбиции, склоки и подсиживание. Сам Киров в первые недели надеялся вскоре вернуться в Баку. В конце января он делился с женой: обстоятельства «складываются так, что здесь, видимо, застряну месяцев на шесть. Ты знаешь, что я очень не хотел сюда ехать, послан вопреки моим желаниям. Говорили, что месяца на 3, теперь выходит, что едва ли удастся». И хотя работа в огромном промышленном и культурном центре затягивала своими масштабами, Сергей Миронович еще в марте не оставлял надежд на возвращение в Азербайджан. 17 марта он писал С. Орджоникидзе: «Я, брат, провалялся неделю из-за гриппа... Неделю назад был в Москве один день. Сталина застал в постели, у него тоже грипп... Сталин говорил о Баку..., спрашивал кого туда послать. Я говорю С[талину], что пока никого, по окончании договора нашего вопрос разрешится сам собой. Он посмеивается... Много говорили о нашем хозяйстве, о финансах. Очень много открывает интересного, а лучше сказать печального.

Сталин, Киров, Шверник. 1926 г.

По словам Сосо, дело определенно выправляется и несомненно, по его мнению, выправится»⁷⁶.

Вскоре вопрос о возможности отъезда Кирова из Ленинграда был снят. Ему здесь предстояло жить и работать до 1 декабря 1934 г., до дня своей гибели.

Между тем, в ходе внутрипартийных дискуссий все четче проявлялись новые, крайне опасные для будущего особенности. Теперь после идеологического осуждения следовали обязательные оргвыводы, а также отождествление руко-

водителей партии и самой партии. Критика партийных вождей объявлялась теперь антипартийным деянием. Организационные меры пока, в первую очередь, касались рядовых участников оппозиции. Таким образом, лидеры лишались массовой поддержки. Например, Карельский обком партии запрашивал Кемский уком относительно мер к организатору РКСМ Сорокского района Антонову, который по поступившей информации является сторонником троцкистской оппозиции⁷⁷. Начальнику ПУРа А. С. Бубнову 15 марта 1924 г. поступил рапорт на коменданта Севастопольской крепости Богданова. Он обвинялся в стремлении к расширению своих полномочий, а главное в том, что во время партийной дискуссии в конце 1923 — начале 1924 гг. «примкнул к оппозиции» и «встал во главе оппозиционных групп г. Севастополя». На этой бумаге сохранилась надпись: «г. Богданов уже снят с этой работы и переведен помощником начальника снабжения округа». Более полугода, с конца 1927 по июль 1928 г., шла секретная переписка ПУРа с руководством политуправления Черноморского флота о морском летчике Голубкове, который подозревался в том, что является «активным фракционером-троцкистом»⁷⁸. Особенно внимательно руководство отслеживало настроения сотрудников ОГПУ. Дело в том, что на общем партсобрании центрального аппарата 19–20 декабря 1923 г. из 546 присутствовавших 367 голосовали за линию ЦК, 40 поддержали Троцкого и позиция 129 человек не была четко выражена⁷⁹. Ф. Э. Дзержинский крайне внимательно

отслеживал эти данные. И вскоре же началось удаление из ОГПУ сторонников оппозиции, особенно занимавших руководящие посты. Например, в записке Г. Г. Ягоде 23 мая 1924 г. Ф. Э. Дзержинский отметил: «Мне сегодня передали, что т. Мильнер (А. И. Мильнер — начальник Новгородского губотдела ГПУ. — Авт.) по вопросу внутрипартийной дискуссии колеблется. Если это верно, то при всей его деловитости и преданности делу — у нас держать его не стоит»⁸⁰.

Но одновременно Сталин начинал «вышибать» из руководства и оппозиционных лидеров. В этом плане, «красивая операция» была проделана с одним из руководителей Ленинграда Г. Е. Евдокимовым. Секретаря губкома партии, твердого сторонника Зиновьева, на пленуме ЦК 1 января 1926 г. было предложено избрать секретарем ЦК. Евдокимов отказывался. И тогда Сталин, играя в миролюбие, сказал: «Свыше двух месяцев у нас имеется решение Политбюро ЦК о введении ленинградца в секретариат... Но товарищи ленинградцы с этим делом не торопятся... Видимо, они не хотят иметь своего представителя в Секретариате, боятся, как бы не исчезла та отчужденность ЛК от ЦК, на которую оппозиция опирается. Поэтому надо заставить Ленинградскую оппозицию ввести своего представителя в Секретариат ЦК. Другого такого товарища, как т. Евдокимов, у нас не имеется»⁸¹. Смысл был понятен — вырвать Евдокимова из Ленинграда. Но уже в апреле на пленуме ЦК Евдокимов на посту секретаря ЦК был заменен верным сторонником Сталина Н. М. Шверником.

Поводом к персональному делу могло стать теперь откровенное высказывание коммуниста в кругу своих партийных товарищей. На партийной конференции Паданского уезда Карельской АССР в сентябре 1924 г. секретарь президиума конференции и начальник уездного угрозыска Марков «упомянул, что в данный момент существуют слишком большие налоги, ибо при царизме платил 3–4 руб., а в настоящий момент на него как на крестьянина наложили налог 17 руб.». Конференция постановила «за это... дело в отношении Маркова передать новому составу укома»⁸².

«ОБЪЕДИНЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ» И ЕЕ РАЗГРОМ

Между тем, реальная ситуация в стране вовсе не была такой благодатной, как ее изображали резолюции XIV партийного съезда.

В резолюции по отчету ЦК отмечались лишь «ошибки в области хлебозаготовок и внешней торговли», но подчеркивались «бурный рост народного хозяйства в целом», «экономическое наступление пролетариата... и продвижение экономики СССР в сторону социализма»⁸³. Еще до съезда, 3 декабря 1925 г., председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский написал письмо Сталину, в котором буквально кричал о положении в промышленности. Он, в частности, писал: «... я должен просить ЦК об отставке, так как при создавшемся положении руководить успешно промышленностью не в состоянии... мы идем быстрыми шагами к кризисам частичным, которые все дальше разрастаясь, будут все шириться и смогут превратиться в серьезнейший кризис, если партией не будут в самом срочном порядке приняты необходимые меры... мне не остается ничего, как просить отставки, и я уверен, что если бы жив был бы Владимир Ильич, он мою просьбу удовлетворил бы». Хотя это письмо Дзержинский так и не отправил, но чувство раздражения существовавшей системой управления у него лишь усиливалось. В черновом варианте обращения от 1 июня 1926 г. к своим заместителям по ВСНХ звучали крайне резкие выражения: «...я вынес твердое убеждение о банкротстве нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии... Эту систему надо отбросить, она обречена». И хотя слово «банкротство» было заменено выражением «о непригодности», а фраза «она обречена» была вообще убрана, суть позиции Дзержинского от этого не менялась. Через месяц, 2 июля 1926 г., за 18 дней до смерти, он обращался к председателю Совнаркома СССР, члену Политбюро ЦК А. И. Рыкову с очередной просьбой об отставке. Он вновь утверждал, что «при нынешней экономической политике... я не могу перед органами госпромышленности выступать и руководить ими как представитель правительства, ибо политики этого правительства я не разделяю»⁸⁴. Одновременно Дзержинский, ставший за годы руководства промышленностью «правым большевиком», был решительным противником платформы оппозиции. На пленуме ЦК в апреле 1926 г. он говорил: «В тех речах, с которыми здесь выступали тт. Каменев и Троцкий, совершенно ясно и определенно нащупывается почва для создания новой платформы, которая приближалась бы к замене не так давно выдвинутого лозунга “лицом к деревне” лозунгом “кулаком к деревне”. Все это вызывало в его душе «сшибку», убийственно действуя на сердце.

Между тем, оппозиция также не собиралась отказываться от борьбы. Действительно, в апреле 1926 г. точки зрения «старой» и «новой» оппозиции на причины существовавших экономических трудностей и способы их преодоления практически совпали. Спустя короткое время возник политический союз Зиновьева и Каменева с Троцким. Уже в ходе работы июльского (1926 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК они подписали первое совместное заявление. В нем, в частности, бывшие борцы с Троцким заявляли: «Сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 года правильно предупреждало об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима». Л. Д. Троцкий впоследствии вспоминал, что среди его сторонников было немало таких, которые противились этому блоку. Один из военачальников гражданской войны, дважды награжденный орденом Красного Знамени, С. В. Мрачковский говорил: «Сталин обманет, а Зиновьев убежит»⁸⁵.

В результате появился блок с весьма разноречивой платформой, в котором были сторонники «диктатуры промышленности» (Ю. Л. Пятаков) и сторонники экономического регулирования (Г. Я. Сокольников), твердые сторонники однопартийности и люди, допускавшие возможность появления других легальных партий. Между тем, в глазах большинства членов партии примирение вчерашних противников, казалось, полностью доказывало их беспринципность и неправоту. К этому добавлялась невозможность для оппозиции открытой пропаганды своих взглядов. К лету 1926 г. был создан конспиративный центр, руководимый Троцким и Зиновьевым. Представители оппозиции в крупных промышленных центрах (Брянск, Ленинград, Одесса, Свердловск, Харьков и др.) пытались проводить нелегальные собрания своих сторонников, распространять информационные сводки об итогах съезда и прошедшего пленума ЦК.

На одном из таких собраний, 6 июня 1926 г., в подмосковном лесу, выступил с докладом кандидат в члены ЦК и зам. председателя Реввоенсовета СССР М. М. Лашевич. При сложившейся системе политического контроля информация о большинстве таких сборищ, конечно, имела у органов ОГПУ. «Дело Лашевича» стало показательной «поркой» оппозиции. Семь участников собрания уже 8 июня были вызваны в следственную комиссию ЦКК, где им предъявили обвинение в нарушении постановлений X, XIII и XIV съездов

о единстве партии, фракциях и группировках. Характерно, что по отношению к двум рядовым рабочим — Н. М. Власову, члену партии с 1918 г., и К. А. Волгиной, члену партии с марта 1917 г. — признавшим свою ошибку, Президиум ЦКК ограничился решением «указать и разъяснить» ошибочность их поведения. Зато Лашевичу и другим был объявлен строгий выговор с предупреждением, он был немедленно снят с поста зам. председателя РВСР. Далее вопрос был рассмотрен 23 июля 1926 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК, принявшем специальную резолюцию и исключившем Лашевича из состава ЦК ВКП(б). Одновременно из членов Политбюро был выведен Зиновьев. Вместо него в Политбюро вошел Я. Э. Рудзутак, а кандидатами в члены Политбюро впервые стали А. А. Андреев, Л. М. Каганович, С. М. Киров. А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе⁸⁶.

По сути, это было серьезнейшее предупреждение партийным активистам, партийному чиновничеству. Дух лицемерия, угодничества все больше проникал в коридоры власти и в общество. Уже позднее, будучи в ссылке, бывший председатель Совнаркома Украины в 1919–1923 гг., известный деятель международного социалистического движения Х. Г. Раковский пытался размышлять о процессах, происходивших в партии и рабочем классе в 1920-е гг. Он писал в августе 1928 г., что партийный аппарат обюрократился, вместо дела занимаясь статистическим шарлатанством, изменяясь под воздействием привилегий, преимуществ и поблажек, присущих власти⁸⁷. Действительно, большая часть партийного чиновничества была озабочена уже не проблемами мировой революции или теории построения социализма, а своими личными интересами. Отметим только, что эти язвы были присущи и большинству руководителей оппозиции.

К тому же, людей мало волновали эти политические споры власть имущих. Их заботили, прежде всего, повседневные нужды. Страна, оправившись от разрухи гражданской войны, продолжала в подавляющем большинстве жить крайне скудно. Безработица составляла до 15 %. В деревне по-прежнему не была решена проблема аграрного перенаселения. Слесарь из Владивостока писал Молотову: «Пока Вы там спорите, у меня семья может с голоду умереть... Вы напоминаете средневековые турниры споров на религиозную тему». Немало людей обвиняло власти в забвении идеалов Октября. Рабочий из Армавира обращался к Сталину: «Аппетиты зарвавшихся нэпманов, партийцев

и спецов нужно сократить, так как такая несправедливость в пролетарском государстве нетерпима... Дайте работу! Дайте хлеба! Дайте справедливости!»

Многим казалось, что спасение, как в годы гражданской войны, в железной дисциплине. Коммунист с 1918 г. писал «дорогому товарищу Сталину»: «Оппозиция говорит, что она против создания вождя партии, а я хочу Вам сказать, что этот вождь должен быть... Нужна одна фамилия, которая бы звучала так же звонко и убедительно, как фамилия “Ленин”. Такой фамилией пока является “Сталин”. Нужно эту фамилию распространять... Нужна дисциплина, железная дисциплина. Если нет никакой возможности примирения, поставить вопрос прямо: заразу выжечь каленым железом».

Одновременно немало думающих людей видело суть этой схватки в личной борьбе за власть. Профессор, директор средней школы в Ленинграде Р. Куллэ записывал в своем дневнике: «1925 г. 30 декабря... Интересно, из-за чего они передрались? Внешне как будто все из-за тех же старых штанов Ильича: кто лучше понимает их запах; 1926 г. 1 августа... Мир ждет диктатора... Драка только из-за личности: кто кого слопаёт».

Вся эта разноречивая информация доходила до Кремля и, несомненно, влияла на его обитателей. Руководство по-прежнему испытывало страх перед собственной страной, перед многомиллионным крестьянством, перед интеллигенцией. Споры внутри партии действительно казались многим функционерам и коммунистам недопустимой роскошью. Все это давало возможность Сталину и его сторонникам последовательно вести дело к ликвидации оппозиции.

При этом Сталин предпочитал пока бить оппозицию по частям. 25 июня 1926 г. он писал «Молотову, Рыкову, Бухарину и другим друзьям... Группа Зиновьева стала вдохновителем всего раскольничьего... удар должен быть нанесен именно по этой группе... объединить Зиновьева и Троцкого в один лагерь преждевременно и стратегически нерационально сейчас». 30 августа Сталин делился с Молотовым: «Дело идет к тому, что нам не миновать... снятия Григория [Зиновьева] с Коминтерна». Промежуточная цель была намечена. Теперь нужен был лишь предлог. И он вскоре появился.

Едва в начале октября 1926 г. Троцкий, Пятаков, Радек и др. попытались выступить на партийном собрании на заводе «Авиаприбор» в Москве, Зиновьев — на заводе «Красный Путиловец» в Ленинграде,

а их сторонники на других предприятиях, заработала партийная машина. Лишь 5 % участников голосовали за оппозицию. Уже 23 октября очередной объединенный пленум ЦК и ЦКК постановил отстранить Зиновьева от поста председателя Исполкома Коминтерна, вывести Троцкого из членов Политбюро, а Каменева — из кандидатов в члены Политбюро.

Одновременно шло наступление на оппозицию по теоретической линии. Логические сомнения лидеров и участников оппозиции о возможности построения социализма, по Марксу и Ленину, в одной стране, о невозможности реализовать в таком случае основные положения Второй программы партии наталкивались на обвинения в «капитулянтстве», «неверии в силы рабочего класса» и тому подобную демагогию. Во внутрипартийной борьбе Сталин теперь использовал возможности органов ОГПУ: перлюстрация частных писем, наружное наблюдение, вербовка осведомителей и другие методы. С помощью провокатора ОГПУ, бывшего белого офицера, была создана нелегальная типография, печатавшая оппозиционные материалы. Затем эта типография была «раскрыта», и оппозицию обвинили в использовании антисоветских элементов.

Весной 1927 г. резко обострились внешнеполитические проблемы. В апреле произошел конфликт между лидером Гоминдана Чан Кайши и коммунистической партией в Китае. Это стало провалом надежд на скорый успех китайской революции. Тогда же, с интервалом в несколько дней, в Пекине и в Лондоне полиция провела обыски в советском полпредстве в Китае и советском торгпредстве в Англии. Последовали заявления о связях советских дипломатов с деятельностью Коминтерна. Английский парламент принял решение о разрыве с СССР дипломатических отношений и торгового договора. В апреле — мае 1927 г. Политбюро ЦК пять раз обсуждало вопрос об усилении конспирации в работе дипломатических представительств СССР. Исполкому Коминтерна, ОГПУ и Разведывательному управлению было приказано принять меры, «чтобы товарищи, посылаемые этими органами за границу по линии» Наркомата иностранных дел и Наркомата торговли, «в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств»⁸⁸. 6 июня эмигранты-террористы из Российского общевойскового союза бросили бомбу в ленинградский партийный клуб на набережной р. Мойки, 7 июня на вокзале в Варшаве русским эмигрантом был убит советский посол

П. Л. Войков. 8 июня Политбюро постановило среди прочих мер расстрелять 20 арестованных, обвиненных в белогвардейской деятельности. Приговор был приведен в исполнение 9 июня. ОГПУ получило право во внесудебном порядке расстреливать по обвинению в белогвардейской деятельности⁸⁹. Руководство страны выдвинуло тезис о «военной угрозе».

Сегодня большинство специалистов убедительно доказывает, что непосредственной опасности войны не существовало. Но и партийное большинство, и оппозиция старались использовать этот лозунг в своих политических целях. К тому же, наряду со страхом перед собственным народом существовал стойкий комплекс «осажденной крепости». 1 июня 1927 г. было опубликовано обращение ЦК «Ко всем организациям ВКП (б), ко всем рабочим и крестьянам». В нем предлагалось готовиться к войне, «поднимать хозяйство, крепить транспорт и оборону». Население, помнившее голод гражданской войны, отреагировало скупкой в магазинах всего, что может храниться длительное время: соли, спичек, керосина, круп, муки, сахара, промтоваров и т. п. Нарком торговли А. И. Микоян заявил в конце года: «Мы пережили экономические затруднения кануна войны без того, чтобы иметь войну». Потребительский рынок начал разваливаться. В Нижегородской области в очередях за мануфактурой скапливалось более 700 человек. На Урале в одной из очередей задавили женщину с ребенком⁹⁰. В октябре — ноябре в промышленных центрах начали вводить нормированное распределение продуктов, которых все равно не хватало. Дополнительным фактором дефицита хлебных продуктов стало очередное понижение закупочных цен на зерно. В результате значительная часть крестьян-товаропроизводителей не видела смысла в немедленной продаже зерна в ситуации опустевших прилавков. Сводки ОГПУ констатировали растущее недовольство.

Руководство страны все больше нуждалось во внешнем и внутреннем врагах. Напоминание об угрозе войны на протяжении многих последующих лет помогало уменьшать недовольство своим положением значительной части населения. Одновременно была усилена политика поиска «внутреннего врага»: заговорщиков, кулаков, шпионов и террористов. Вскоре почти каждая авария, пожар, техногенная катастрофа стали объясняться деятельностью «нераскрытых врагов».

В этой ситуации связать «оживление контрреволюционных элементов» и деятельность оппозиции не представляло труда. Тем более, что сторонники Троцкого, Зиновьева и Каменева активизировали свою деятельность. Они, в свою очередь, стремились использовать ситуацию для доказательства правильности своей позиции и критики курса «большинства». В мае — июне 1927 г. появилось «Заявление 83-х». К нему присоединились около полутора тысяч членов партии с дореволюционным стажем. Однако все попытки получить более широкую поддержку как внутри ВКП(б), так и в зарубежных компартиях, успеха не имели. Дело ограничивалось отдельными выступлениями и демонстрациями, которые давали повод большинству для новых организационных выводов. Так, 9 июня 1927 г. на Ярославском вокзале оппозиция организовала проводы члена ЦК И. Т. Смилги, уезжавшего по постановлению ЦК для работы на Дальнем Востоке. К собравшимся с речью обратился Троцкий. Хотя о внутривнутрипартийных разногласиях знала вся страна, но формально их раскрытие перед внепартийной публикой считалось недопустимым.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК в июле—августе 1927 г. обвинил оппозицию в стремлении разрушить дисциплину партии и разоружить пролетариат СССР «перед лицом надвигающейся военной угрозы»⁹¹. Но даже в это время, ведя дело к полной политической изоляции лидеров оппозиции, Сталин подчеркивал свою умеренность. На том же пленуме в ответ на предложения немедленно исключить Троцкого, Зиновьева и Каменева из ЦК Сталин заявил: «Подождите, товарищи, не торопитесь... Примет эти условия оппозиция — хорошо. Не примет — тем хуже для нее». На новом пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 1927 г. Сталин даже признал, что «я тогда передобрал и допустил ошибку, предлагая более умеренную линию в отношении Троцкого и Зиновьева», но «теперь надо стоять в первых рядах тех товарищей, которые требуют исключения Троцкого и Зиновьева из ЦК»⁹². Решение было тут же принято.

Через две недели сторонники оппозиции пытались в 10-летнюю годовщину Октября, 7 ноября, организовать демонстрации в Москве и Ленинграде. Они несли транспаранты: «Да здравствуют вожди мировой революции — Троцкий и Зиновьев!», «Повернем огонь направо — против кулака и нэпмана!» Заранее подготовленные «трудящиеся», среди которых было немало работников ОГПУ, разгромили

манифестантов, порвали их плакаты. 12 ноября Президиум ЦКК исключил из ЦК И. А. Авдеева, Г. Е. Евдокимова, Л. Б. Каменева, Х. Г. Раковского, И. Т. Смильгу, а И. П. Бакаева, Г. Я. Лиздиня, Н. И. Муралова, А. А. Петерсон, К. С. Соловьева и Г. Л. Шкловского — из ЦКК. 14 ноября Троцкий и Зиновьев решением ЦК и ЦКК были исключены из партии. Член Политбюро ЦК М. П. Томский, выступая на первой Ленинградской областной партийной конференции, под аплодисменты делегатов говорил об оппозиции: «Если вы попытаетесь выйти теперь на фабрики и заводы, то мы скажем “присядьте, пожалуйста”, ибо, товарищи, в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а остальные в тюрьме»⁹³.

В спорах с оппозицией менялись и оценки прошлого. Сталин в декабре 1927 г., вспоминая о позиции Каменева и Зиновьева в октябре 1917 г., утверждал, что они «шли на восстание из-под палки, Ленин их погонял палочкой, угрожая исключением из партии»⁹⁴. Из фильма С. Эйзенштейна «Октябрь», премьера которого состоялась на торжественном заседании в Большом театре, при монтаже по настоянию Сталина были вырезаны кадры с Троцким⁹⁵. Талантливое искусство, служа власти, начало оскотачивать историю.

Одновременно, демонстрируя приверженность «внутрипартийной демократии», пленум ЦК и ЦКК 23 октября объявил о проведении внутрипартийной дискуссии за месяц до открытия XV съезда партии. Она началась 1 ноября. Против 725 тысяч, голосовавших за «генеральную линию» ЦК, нашлось шесть тысяч мужественных людей, поддерживавших платформу оппозиции. Дело даже не в том, были ли правы эти «оппортунисты» по существу. Но они решились сделать это, уже понимая и ощущая многие последствия этого. Гораздо больше было тех, кто, не соглашаясь с ЦК, не решался высказаться открыто. Об этом говорит хотя бы то, что в 1926 г. из партии вышло 80 тыс. человек, т. е. в 10 раз больше, чем в 1924 г. При этом 80 % из них были «рабочими от станка», за плечами у 50 % были армия и Гражданская война⁹⁶. На местах сторонников оппозиции исключали из партии.

Со 2 по 19 декабря 1927 г. проходил XV съезд ВКП(б). Он проходил под знаком восхваления Сталина и поношения оппозиционеров. При перечислении кандидатов в президиум съезда Сталин, единственный из всех, удостоился бурных аплодисментов, криков «ура» и всеобщего вставания. Представитель сахарного завода из

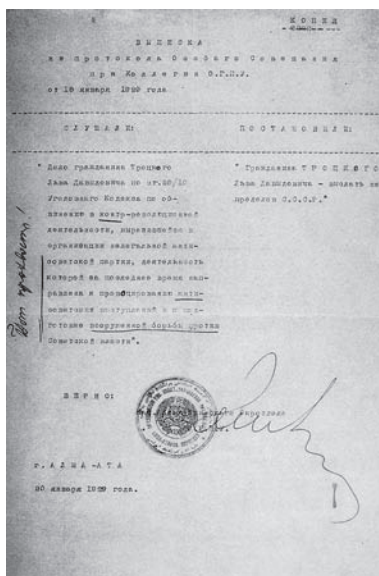
Киевской области сообщил о двух подарках съезду из сахара: одиннадцатипудовом бюсте В. И. Ленина и «барельефе-портрете нашего железного, непоколебимого... т. Сталина». Представитель рабочих-металлистов Сталинграда передал в президиум съезда стальную метлу в надежде, что съезд «сметет оппозицию вот этой жесткой метлой». Речи представителей оппозиции постоянно прерывались репликами, выкриками, требованиями покинуть трибуну, встать на колени перед партией. Председатель Совнаркома СССР, член Политбюро ЦК А. И. Рыков в ответ на слова Каменева об арестованных оппозиционерах подчеркнул, что он не отделяет себя от тех революционеров, «которые некоторых сторонников оппозиции... посадили в тюрьму». Все попытки напомнить о прошлой совместной борьбе, о стремлении критиковать партию «в интересах дела, а не ради подхалимства», встречались оскорблениями. Член партии с 1903 г., первый советский командующий Московским военным округом Н. И. Муралов, не выдержав этих выкриков, воскликнул: «Товарищи, если любому из вас скажут, что вы убили свою жену, съели своего деда, оторвали голову своей бабке, как вы будете чувствовать себя, как вы докажете, что этого не было?». В ответ на эти прощесские для большинства делегатов слова он услышал: «Долой!». 18 декабря съезд единогласно постановил исключить из партии 98 активных деятелей оппозиции: 75 «активных деятелей троцкистской оппозиции» и 23 человека из группы Т. В. Сапронова. Сама принадлежность к левой оппозиции и пропаганда ее взглядов были признаны «несовместимыми с пребыванием в партии»⁹⁷. Таким образом, «... меньшевистская заноза... в корне и окончательно вырвана», — сказал в своей речи Рыков перед закрытием XV съезда.

Уже в январе 1928 г. за партийными мерами наказания последовало уголовное преследование. По решению Политбюро, ЦК ОГПУ арестовало и выслало в различные районы страны бывших членов ЦК и ЦКК, видных деятелей партии А. Г. Белобородова, Н. И. Муралова, К. Б. Радека, Х. Г. Раковского, Г. И. Сафарова, Л. П. Серебрякова, И. Т. Смилгу, И. Н. Смирнова и многих других. В последующие годы все они были признаны «врагами народа» и репрессированы. Л. Д. Троцкого 17 января 1928 г. в сопровождении группы работников ОГПУ выслали в Алма-Ату. Здесь он продолжал активную переписку со своими сторонниками. Политбюро ЦК 7 января 1929 г. приняло решение о его выдворении за пределы СССР. Тогда же ОГПУ

арестовало около 150 сторонников Троцкого. 10 февраля 1929 г. на пароходе «Ильич», вышедшем из Одессы в Стамбул, Троцкий, его жена Надежда Ивановна Седова и их сын Лев навсегда покинули родину. 20 августа 1940 г. в Мексике агент НКВД Рамон Меркадер нанес Троцкому смертельный удар ледорубом по голове. 21 августа он скончался в госпитале.

Редкие его сторонники в рядах ОГПУ теперь подвергались репрессиям, вплоть до смертной казни. Нелегальный резидент Иностранного отдела ОГПУ на Ближнем Востоке Я. Г. Блюмкин, установивший связь с Троцким в Константинополе (Стамбуле), вернулся в Москву в августе 1929 г. и 9 октября прошел партийную чистку. Но, когда через несколько дней стала известна его связь с Троцким, он был немедленно арестован и 5 ноября на основании решения Политбюро ЦК и постановления коллегии ОГПУ расстрелян. В январе 1928 г. сумел поступить в ОГПУ на должность уполномоченного Информационного отдела сторонник оппозиции комсомолец Б. Л. Рабинович. Он явно был вдохновлен примером Н. В. Клеточникова, который в течение двух лет в 1879–1880 гг. снабжал сведениями об осведомителях и готовящихся арестах «Народную волю». Рабинович поддерживал связь с бывшим начальником Особого отдела Ленинградского военного округа В. Ф. Панкратовым. 18 декабря 1929 г. его арестовали и через три недели расстреляли⁹⁸.

С деятелями оппозиции обращались по принципу «кнута и пряника». Им предлагали покаяться, обещая восстановление в партии, возвращение в Москву и в круг советской элиты. Вкусившие власти и благ, эти люди в подавляющем большинстве не выдерживали отлучения от власти. Первыми на колени упали Зиновьев и Каменев. Уже 22 июня 1928 г. они вновь стали членами ВКП(б). Но Сталин

**Постановление о высылке
Троцкого из СССР**

предъявлял им все новые обвинения, каждый раз заставляя каяться, и все глубже погружая в трясину унижений и позора. Их вновь исключили из партии 9 октября 1932 г., но восстановили 14 декабря 1933 г. И дали возможность выступить на XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г., славословя Сталина и поливая себя грязью. Зиновьев объявил доклад Сталина «шедевром», а съезд — «триумфом партии». Их арестовали 16 декабря 1934 г., после убийства Кирова. Через месяц, 16 января 1935 г., по делу так называемого «Московского центра» Зиновьева приговорили к 10 годам тюрьмы, а Каменева — к пяти. Спустя полгода, 27 июля 1935 г., Каменеву уже по так называемому «кремлевскому делу» увеличили срок заключения до 10 лет. Наконец, 19–24 августа 1936 г. вместе с многолетними соратниками И. П. Бакаевым, Г. Е. Евдокимовым, С. В. Мрачковским, Н. И. Смирновым и еще десятью обвиняемыми их вывели на так называемый процесс «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра». Все 16 человек были расстреляны. Революция пожирала своих лидеров. В немалой степени, именно их усилиями в партии и в стране был утвержден режим, который не мог не привести одних на эшафот, других в тюрьмы, а страну и партию — в тупик.

19 декабря 1927 г. состоялось последнее заседание XV съезда партии. Его вел А. И. Рыков. Перед закрытием он выступил с короткой речью. Председатель Совнаркома СССР подчеркнул, что «мы приступили к осуществлению развернутой программы социалистического строительства», что съезд «освободил партию от угрозы образовавшегося внутри нее меньшевистского гноя», что «съезд войдет в историю партии как мощная, исключительная демонстрация большевистского единства», что «мы... преодолеем все трудности..., доведем до конца начатое нами дело. На то мы и большевики!» Звучали голоса: «Да здравствует мировая революция! Да здравствует новый ЦК»⁹⁹. В тот же день прошел пленум ЦК. Он избрал Политбюро ЦК в количестве девяти человек: Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Я. Э. Рудзутак, А. И. Рыков, И. В. Сталин, М. П. Томский. Кандидатами в члены Политбюро стали восемь человек: Г. И. Петровский, Н. А. Угланов, А. А. Андреев, С. М. Киров, А. И. Микоян, Л. М. Каганович, В. Я. Чубарь, С. В. Косиор. Казалось, в рядах партийно-государственного руководства утвердилось долгожданное единство. Когда на этом пленуме ЦК Сталин в очередной раз попросил освободить его от обязанностей генерального секретаря, против

первым выступил А. И. Рыков. Он сказал: «Раз сам институт генсека и работа тов. Сталина в качестве генсека оправдана всей жизнью нашей, организационной и политической, как при Ленине, так и после смерти тов. Ленина, оправдана на все 100 % — никаких аргументов за то, чтобы изменить это положение теперь, по-моему, нет»¹⁰⁰.

Однако внутри большевистского монолита уже закипали новые столкновения, которые очень скоро вырвались наружу. Наступал третий этап внутрипартийной борьбы, охвативший 1928–1929 гг. В антипартийной деятельности были обвинены Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и их сторонники. Наступало время конца новой экономической политики. На смену НЭПу шел «большой скачок».

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

В 1920-е гг. большевикам удалось не только удержаться у власти, но и укрепить ее. Начав новую экономическую политику, Советская Россия, а позже Советский Союз, стала конкурентоспособной среди различных производителей промышленных и сельскохозяйственных товаров. НЭП во многом способствовал политическому признанию СССР на мировой арене. Новая экономическая политика могла бы, по мнению многих ученых, стать перспективным направлением развития Советского государства. Этому способствовало и то, что в конце жизни В. И. Ленин начал поиск новых подходов к строительству социализма, основанных на переходе от утопии к реалиям. При безусловном сохранении власти в руках РКП(б) он видел необходимость установления в стране «гражданского мира», отказа от ряда военных программ ради увеличения затрат на образование и культуру.

Однако для Сталина и его сторонников НЭП был лишь трамплином к созданию предпосылок для будущей решающей битвы с буржуазией всех стран. Если НЭП был стратегией созидательной, рассчитанной на обогащение (духовное и материальное) всех слоев населения страны, то потребности курса на вооруженную победу мировой революции требовали иных подходов. Для этого нужна была надежная материально-техническая база, вооружение и боеприпасы.

Период новой экономической политики по воле партийного руководства к концу 1920-х гг. закончился. Дальнейшие стратегические устремления сталинцев были направлены на укрепление военной мощи СССР и ослабление боевого потенциала других государств.

Руководство Советского Союза избрало курс на утверждение режима, выдаваемого за социалистический строй, но имевшего лишь отдельные элементы той системы, о которой мечтали К. Маркс и В. И. Ленин.

Таким образом, новая экономическая политика в целом включала административно-рыночную систему хозяйства при государственной собственности на крупную и значительную часть средней промышленности, транспорт, банки, с неэквивалентным обменом с деревней (отчуждение части продукции в виде продналога) и авторитарным политическим режимом.

Авторитаризм отличается строго иерархической структурой власти, не допускающей никакой политической оппозиции, при наличии, однако, в экономике разнообразных форм собственности. Отсюда внутренняя противоречивость авторитарных режимов, которая приводит к тому, что их развитие идет либо к постепенной демократизации политической сферы и правовому обществу, либо происходит огосударствление экономики с дальнейшим ужесточением контроля со стороны государства над политикой, идеологией и личной жизнью граждан, в результате чего складывается тоталитарное общество.

Тоталитаризм — форма общественно-политического строя, возникающая в XX в. и отличающаяся стремлением власти к всеобъемлющему контролю за всеми сферами жизни общества — политической, экономической, духовной и частной.

Примечания

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр.соч. Т. 44. С. 78.
- ² Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–192.
- ³ Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в советской России (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов). Вологоград, 1997. С. 79–80.
- ⁴ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1938. С. 249.
- ⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 693. Л. 92–94.
- ⁶ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 136.
- ⁷ Само прошедшее, как оно было... Переписка Анны Кравченко и Александра Спундэ. М., 1990. С. 135.
- ⁸ Микоян А. Мысли и воспоминания о Ленине. М., 1970. С. 194–196.
- ⁹ Пашин В. П., Свириденко В. П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания. М., 1998. С. 28.
- ¹⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. С. 202, 203.
- ¹¹ Само прошедшее, как оно было... С. 140.
- ¹² Правда. 1923. 12 апреля. № 79. С. 4.
- ¹³ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Т. 1. Ч. 1. М., 1989. С. 197.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 226–227, 395–396.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 270.
- ¹⁶ Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 563.
- ¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 17, 25, 31, 36, 43.
- ¹⁸ Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 571.
- ¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 79.
- ²⁰ Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 748–749. Дальнейшая судьба Г. И. Мясникова удивительнее приключенческого романа. Осенью 1923 г. ему предложили вернуться в Москву, где находились его жена и трое детей. После возвращения он был арестован и осужден на три года заключения. В 1926-м его отправили в ссылку в Армению. 7 ноября 1928 г. Гавриил Ильич совершил побег в Персию. Затем перебрался в Турцию, потом во Францию. Неоднократно арестовывался в годы Второй мировой войны, бежал из-под ареста. В декабре 1944 г. вернулся в СССР. Арестован в январе 1945 г. и расстрелян 16 ноября 1945 г.
- ²¹ Одиннадцатый съезд РКП (б). С. 186–189, 191–201, 577–580, 748–756; Наумов В. П. Александр Гаврилович Шляпников (Страницы политической биографии). М.: Знание, 1991. № 8. С. 42–43.
- ²² Наше Отечество. Опыт политической истории. М.: Терра, 1991. С. 135.
- ²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 206–207, 223–224.
- ²⁴ Там же. С. 424; XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 510–511.

- ²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 3168. Оп. 1. Д. 102. Л. 68об.
- ²⁶ Олех Г. Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий//Из прошлого Сибири. Вып. 1. Ч. 1. Межвузовский сб. научных трудов. Новосибирск, 1994. С. 101–123.
- ²⁷ Правда. 1924. 3 февраля. С. 4. 1923. 14 декабря. С. 5.
- ²⁸ Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1961. С. 61.
- ²⁹ Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 75.
- ³⁰ Девятый съезд РКП (б). Протоколы. М., 1960. С. 32.
- ³¹ Никулин В. В. Власть и общество в 1920-е годы. СПб., 1997. С. 73.
- ³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 434. Л. 15.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 41. Л. 73.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 590. Л. 41.
- ³⁵ Павлова И. В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 131.
- ³⁶ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГА-ИПД СПб.). Ф. 9. Оп. 1. Д. 354. Л. 67, 68.
- ³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 97. Л. 106, 107.
- ³⁸ Мозохин О. Б. Комиссия по политическим делам при ЦК ВКП (б)//Военно-исторический архив. 2002. № 4 (28). С. 62.
- ³⁹ Ленинградский областной государственный архив (ЛОГА). Ф. Р–3823. Оп. 1. Д. 49. Л. 93, 94, 95.
- ⁴⁰ Мозохин О. Б. Указ. соч. С. 66, 67.
- ⁴¹ Там же. С. 314, 315.
- ⁴² Подсчитано по: ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1936. Ч. 1. С. 288, 321, 355, 404, 461–462, 534–535, 635–636, 638. Ч. II. С. 80–81, 93.
- ⁴³ Партийно-политическая работа в Красной Армии. Документы. 1921–1929. М., 1981. С. 215.
- ⁴⁴ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 486–487.
- ⁴⁵ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 514.
- ⁴⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33988. Оп. 2. Д. 507. Ч. 2. Л. 292.
- ⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 116. Л. 13.
- ⁴⁸ Пашин В. П., Свириденко В. П. Указ. соч. С. 131–132.
- ⁴⁹ Там же. С. 135.
- ⁵⁰ Красин Л. Б. Письма жене и детям. 1917–1926//Вопросы истории. 2002. № 5. С. 100, 114.
- ⁵¹ Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв.: Справочник. С. 348–362 (Подсчет наш – *Авт.*).
- ⁵² РГАСПИ. Ф. 94. Оп. 2. Д. 14. Л. 12.
- ⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 220–223.
- ⁵⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 693. Л. 78, 82, 90.

- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–348, 470–471, 473–474, 708–710; Т. 54. С. 674–675.
- ⁵⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157–158.
- ⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329–330.
- ⁵⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 174–175. Для группы «Рабочая правда» характерна фигура Ф. С. Шуцкевер – одного из руководителей организации. Родилась в 1898 г., дочь владельца кожевенного завода, студентка Харьковского политехнического института, член РСДРП(б) с декабря 1916 г., в январе–мае 1918 г. сестра милосердия на фронте против Каледина и гайдамаков на Украине, попала в плен к белочехам, трижды выводилась на расстрел, бежала, работала в подполье, затем секретарь Самарского горкома партии, инструктор политотдела 14-й армии, в 1921–1923 гг. научный сотрудник и преподаватель кафедры истории России Коммунистического университета им. Свердлова, одновременно студентка МВТУ им. Баумана. По делу группы «Рабочая правда» исключена из партии и находилась в заключении с октября 1923 г. по ноябрь 1924 г. Восстановлена в ВКП(б) в декабре 1926 г. Работник Орловского губкома партии (1927–1928 гг.). Ответственный секретарь редакции «Под знаменем марксизма» (на немецком языке) и референт отдела агитации и пропаганды исполкома Коминтерна в 1928–1931 гг. Преподаватель кафедры ленинизма и истории ВКП(б) в Международной ленинской школе в 1931–1932 гг. В 1932–1936 гг. студентка, окончила Харьковский авиаинститут, инженер в Научно-испытательном институте ВВС. Арестована в апреле 1938 г. Погибла.
- ⁵⁹ Неизвестный Султан-Галиев: рассекреченные документы и материалы. Казань, 2002.
- ⁶⁰ Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1968.
- ⁶¹ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С. 115–116.
- ⁶² Сталин И. Сочинения. Т. 5. М., 1953. С. 227.
- ⁶³ Швецов В. В. Дискуссия в РКП (б) 1923 года. Серия «Политическая история XX века». 1991. № 2. М., 1991. С. 50–51, 53.
- ⁶⁴ Политическая история: Россия–СССР–Российская Федерация: В 2 т. Т. 2. М.: Терра, 1996. С. 209.
- ⁶⁵ Одиннадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 146.
- ⁶⁶ ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. М., 1936. С. 554.
- ⁶⁷ Сталин И. Сочинения. Т. 6. М., 1953. С. 257–258.
- ⁶⁸ Сталин И. Сочинения. Т. 6. М., 1953. С. 327.
- ⁶⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 93.
- ⁷⁰ Там же. С. 99.
- ⁷¹ КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 3. С. 213, 214.
- ⁷² Правда. 1925.

- ⁷³ КПСС в резолюциях... Т. 3.
- ⁷⁴ Сталин И. Сочинения. Т. 7. С. 375.
- ⁷⁵ XIV съезд ВКП (б). М.-Л., 1926. С. 600–601.
- ⁷⁶ Кирилина А. А. Неизвестный Киров. Мифы и реальность. СПб.–М., 2002. С. 110, 119, 120–121.
- ⁷⁷ Государственный архив новейшей истории Карелии (ГАНИК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 459. Л. 97.
- ⁷⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 28 с. Д. 64. Л. 1–3.
- ⁷⁹ Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007. С. 558.
- ⁸⁰ Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / Сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов – М., 2007. С. 552.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2751. Л. 39
- ⁸² ГАНИК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 459. Л. 134.
- ⁸³ ВКП (б) в резолюциях и решениях... Ч. II. М., 1936. С. 47–49.
- ⁸⁴ Известия. 2007. 11.09. С. 5.
- ⁸⁵ Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 265.
- ⁸⁶ ВКП (б) в резолюциях и решениях... Ч. II. М., 1936. С. 106, 114–121.
- ⁸⁷ Письмо Христиана Раковского // Страницы истории. 1988. Июль–декабрь. Л., 1988. С. 91–99.
- ⁸⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 129.
- ⁸⁹ Там же. С. 133.
- ⁹⁰ Голанд Ю. Политика и экономика (Очерки общественной борьбы 20-х годов) // Знамя. 1990. № 3. С. 151.
- ⁹¹ ВКП (б) в резолюциях и решениях... Ч. II. М., 1936. С. 197–198.
- ⁹² Сталин И. Сочинения. Т. 10. С. 84, 191.
- ⁹³ Первая Ленинградская областная конференция ВКП (б). 15–19 ноября 1927 года. Стенографический отчет. Л., 1927. С. 27–28.
- ⁹⁴ Сталин И. Сочинения. Т. 10. С. 338–339.
- ⁹⁵ Радзинский Э. Сталин. М., 1997. С. 242.
- ⁹⁶ Политическая история: Россия–СССР–Российская Федерация. Т. 2. М., 1996. С. 259.
- ⁹⁷ Пятнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 5, 29, 285–286, 342, 359–360; Т. 2. С. 1397.
- ⁹⁸ Капчинский О. И. Сотрудники центрального аппарата ОГПУ – участники троцкистской оппозиции (1923–1930 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. 2005 год. М., 2006. С. 123.
- ⁹⁹ Пятнадцатый съезд ВКП (б). С. 1422–1425.
- ¹⁰⁰ Власть и оппозиция. М., 1995. С. 135.

VIII

глава

Утверждение сталинизма и его сущность (1928–1941 гг.)

Переход от гражданской войны к мирному социалистическому строительству сопровождался, особенно на первых порах, большими трудностями. Враги большевизма, антипартийные элементы в рядах ВКП(б) на всем протяжении этого периода вели отчаянную борьбу против ленинской партии. Во главе этих антипартийных элементов стоял Троцкий. Его сподручными в этой борьбе были Каменев, Зиновьев, Бухарин. Оппозиционеры рассчитывали внести разложение в ряды большевистской партии после смерти Ленина, расколоть партию, заразить неверием в дело победы социализма в СССР.

По существу троцкисты пытались создать в СССР политическую организацию новой буржуазии, другую партию — партию капиталистической реставрации.

Партия сплотилась под ленинским знаменем вокруг своего ленинского ЦК, вокруг тов. Сталина и нанесла поражение как троцкистам, так и их новым друзьям в Ленинграде — новой оппозиции Зиновьева-Каменева... После XIV съезда партия развернула борьбу за проведение в жизнь генеральной установки Советской власти на социалистическую индустриализацию страны...

В 1927 году в момент разрыва с английскими консерваторами дипломатических и торговых отношений с СССР они вновь усилили свои нападки на партию. Они состряпали новую антиленинскую платформу, так называемую «платформу 83», и стали распространять ее среди членов партии, требуя от ЦК новой общепартийной дискуссии...

...троцкисты и зиновьевцы скатились в антисоветское болото... они стали на путь апелляции к враждебным классам против партии и Советского государства... Этот период заканчивается годом великого перелома, который означал крупнейшие успехи социализма в промышленности, первые успехи в сельском хозяйстве, поворот середняка в сторону колхозов, начало массового колхозного движения».

История ВКП(б): Краткий курс

1. Политика и экономика «большого скачка»

ХЛЕБ И КРЕСТЬЯНСТВО

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. все мировое сообщество развивалось под влиянием мирового экономического кризиса. «Великая депрессия», как называли этот кризис современники, затронула все сферы экономики, политики и духовной жизни общества. Она парализовала, а затем обратила вспять наметившиеся тенденции к упорядочиванию международных отношений и сопровождалась такими масштабными социально-экономическими последствиями, которые существенно подорвали веру в традиционные ценности либерализма, обещавшие в сочетании с успехами науки открыть дорогу к благосостоянию. Реалии отечественной истории этого периода свидетельствовали также о серьезном влиянии мирового кризиса на экономику, внутреннюю и внешнюю политику СССР.

Второе десятилетие послеоктябрьского периода отечественной истории характеризовалось сложными и противоречивыми явлениями в жизни государства и общества. НЭП обеспечил, в первую очередь, восстановление сельскохозяйственного производства, а, учитывая истощенность мелкого крестьянского хозяйства, большие потери рабочего скота — основной тягловой силы и крайнюю зависимость от природных условий, этот процесс не мог быть быстрым и повсеместным. Россия оставалась аграрной страной. Необходимость восстановления транспорта и промышленности, возобновление процесса индустриализации требовали значительных средств, которые могли быть получены только на мировом рынке в обмен на хлеб, лес и сырье.

Экспорт хлеба был возобновлен уже в 1923 г. и сразу же стал главным источником накопления средств для последующего вложения в промышленность. В силу этого проблема хлебозаготовок на протяжении всех 1920-х и 1930-х гг. была центральной в отношениях между крестьянским обществом и пролетарским государством. При этом политическое руководство страны строило планы, во многом превышающие реальные экспортные возможности мелкотоварного сельского хозяйства. Темпы промышленного роста находились в прямой зависимости от увеличения хлебного экспорта. Правка планов не меняла ни общую экономическую политику, ни систему хлебозаготовок

в деревне. В 1920-е гг. сложилась практика, когда региональное руководство для обеспечения заготовительной кампании вводило «чрезвычайные меры», т. е. применяло внеэкономические принудительные меры хлебозаготовок, являющиеся фактически рецидивами «военного коммунизма».

Экономика аграрного общества вступала во все усиливающиеся противоречия с внешней и внутренней политикой государства. НЭП, в сложившихся формах, в значительной степени исчерпал себя и не мог уже в полной степени соответствовать задачам модернизации экономики страны. Отсутствие авторитета, полномочий и опыта существующих международных институтов, острота проблем международной обстановки, которая резко осложнилась под влиянием мирового экономического кризиса, также настоятельно требовали корректировки экономики и политики новой российской государственности. Положение во многом усугублялось тем, что в политическом руководстве страны на протяжении всех 1920-х гг. шла перманентная борьба различных группировок за власть в коммунистической партии и государстве. Главным императивом этой борьбы было лидерство, личные амбиции, понимание и трактовка путей созидания общества высшей социальной справедливости.

Своеобразной прелюдией к демонтажу НЭПа явилось обсуждение вопроса «О работе ЦСУ в области хлебофуражного баланса» на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 10 декабря 1925 г. Острой критике и фактически разносу подверглась деятельность крупного земского статистика П. И. Попова, возглавлявшего Центральное статистическое управление с 1918 г. Тон в обсуждении задавали И. В. Сталин и его сторонники. П. И. Попов в прямом споре со Сталиным отстаивал сравнительно невысокие показатели хлебного производства и отказывался признавать наличие огромных запасов хлеба у мелких товаропроизводителей, включая кулаков. В тот же день он был отстранен от руководства ЦСУ. С этого момента ЦСУ полностью подчинился политике и представлял только угодные сведения, сыгравшие немалую роль в сломе НЭПа. Через два года хлебофуражный баланс на 1927–1928 сельскохозяйственный год сильно преувеличил крестьянские запасы хлеба, и это послужило обоснованием применения «чрезвычайных» методов для обеспечения хлебозаготовок и сделало демонтаж новой экономической политики неизбежным.

Сторонники главного оппонента И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого, обвиняемые в левом радикализме, считали целесообразным обеспечить изъятие у зажиточно-кулацких слоев не менее 150 млн пудов хлеба в порядке займа. Они предлагали вывезти его на внешний рынок, закупить промышленное оборудование и тем самым ускорить процесс индустриализации, погашая принудительный заем по мере ввода в строй новых предприятий, продукция которых предназначалась для удовлетворения сельских потребностей.

Осенью 1927 г. миф «о хлебном изобилии», созданный с помощью статистических преувеличений, убеждал власть в реальной возможности получения такого количества зерна, которое обеспечивало бы решение проблемы изыскания необходимых средств для осуществления ускоренной индустриализации и задач укрепления обороны страны. Сталинское руководство должно было убедить партийно-государственные верхи страны в необходимости реализовать эти возможности и любыми средствами взять хлеб. Главными аргументами в пользу подобной политики служили «внешняя опасность» и «прямая угроза войны». Конфликтные ситуации с Англией и Китаем в 1927 г. были использованы сверх всякой меры. Они стали доказательством не только необходимости применения «чрезвычайщины» при проведении хлебозаготовок, но и в большей степени — для сосредоточения власти в руках Сталина и уничтожения любой оппозиции. Сводки о политических настроениях населения страны свидетельствовали, что в 1927–1928 гг. военная угроза становилась одним из важнейших факторов советской не только внешней, но и внутренней политики.

ПОЛИТИКА «ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНЫ»

Уже на следующий день после завершения работы XV съезда ВКП(б) состоялось внеочередное заседание Политбюро, обсудившего вопросы хлебозаготовок и экспорта хлеба. На нем были определены проекты директивы ЦК местным организациям и состав уполномоченных по хлебозаготовкам на местах. Однако 5 и 14 января 1928 г. появились новые директивы по тем же вопросам. Они в значительной степени подтолкнули страну к «чрезвычайщине». Партийным и советским организациям было предложено в недельный срок «добиться решительного перелома в хлебозаготовках». Здесь же предлагалось

применять особые репрессивные меры в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих сельскохозяйственные цены. В этой сталинской директиве излагалась программа слома НЭПа и широкого применения репрессий в деревне. Впервые к хлебозаготовкам была применена 107 статья УК РСФСР, принятого в 1926 г. Новая трактовка 107 статьи, предусматривающая ответственность за спекуляцию, приводила к расширенному толкованию и произволу в практике ее применения и порождала массовые перегибы на местах.

15 января 1928 г. Сталин лично выехал в Сибирь в качестве уполномоченного ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам, заменив заболевшего Г. К. Орджоникидзе. Поездка Сталина по Сибири имела своей задачей мобилизовать все силы на выполнение резко повышенных планов хлебозаготовок, поощряя тех, кто «не сдрейфил», и принуждая «сдрейфивших». Центральной задачей сталинской поездки были совещания руководителей округов и принятие решений, носивших характер боевого приказа. Так, выступая на совещании семи восточных округов в Красноярске 1 февраля 1928 г., Сталин потребовал, чтобы в качестве заключительного пункта резолюции был принят следующий: «Организацию нажима на хлебозаготовительном фронте считать ударной задачей партийных и советских организаций, а самый нажим продолжать вплоть до полного выполнения плана заготовок». Выступая перед активом Новосибирской, Барнаульской, Бийской, Рубцовской и Омской окружных организаций, он оценивал ситуацию с хлебозаготовками в стране как сознательный саботаж со стороны кулаков, надеющихся на повышение цен¹. Это был главный урок его поездки по Сибири.

С этого времени в язык партийной и советской пропаганды того времени вошли выражения «хлебозаготовительный фронт», «битва за урожай». Слом НЭПа был начат решениями Сталина с опорой на узкую группу в составе политического руководства без каких-либо коллективных решений высших инстанций. Демонтаж НЭПа разрушил главную экономическую преграду на пути всеобъемлющего проникновения командно-бюрократической системы во все структуры Советского государства. Именно на этой основе началось формирование режима личной власти Сталина в партии и государстве, переросшего в безграничную диктатуру, а в духовной жизни общества — в культ личности.

В 1928–1934 гг. произошло политическое закрепление этого курса и утверждение И. В. Сталина у власти не только в Коммунистической партии, но и в Советском государстве. Это был действительно коренной поворот в судьбах страны, который сам Сталин называл «Великим переломом», а историки — «сталинской революцией сверху». Этим было положено начало сложному и мучительному для страны переходу от традиционно-аграрного к индустриальному обществу. В отечественной историографии это едва ли не самый противоречивый по палитре мнений и суждений период в отечественной истории. Сам же Сталин в 1946 г. определял это как «большой скачок», при помощи которого «наша Родина превратилась из отсталой страны в передовую, из аграрной в индустриальную»². Идея «большого скачка» была не критически воспринята и взята на вооружение такими социалистическими странами, как Восточная Германия в 1960-е гг. и Китай.

Сама мысль ускорить экономическое развитие страны не была изобретением большевиков. Известно, что эти задачи обсуждали в начале XIX столетия декабристы, рассуждая о пятилетних периодах экономического роста. Политика индустриализации в массовом сознании оказалась связана с массовым строительством новых предприятий, предназначенных для выпуска средств производства. Споры в политическом руководстве страны касались в основном темпов и масштабов индустриализации, форм и методов получения средств для сооружения новых предприятий. Однако никто не имел достаточно ясной, глубоко продуманной программы превращения страны в мощную индустриальную державу, создания сильной индустрии, способной преобразовать сельское хозяйство.

НОВЫЙ ВИТОК ВНУТРИПАРТИЙНОЙ БОРЬБЫ

Среди партийных и советских работников, экономистов и хозяйственников было немало тех, кто опасался «забегания» вперед, предостерегал от «бешеных темпов». Против возведения «чрезвычайщины» в систему вполне обоснованно выступали бывшие сторонники Сталина. Среди них были секретарь ЦК ВКП(б) главный редактор «Правды» Н. И. Бухарин, председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков, председатель ВЦСПС М. П. Томский, руководство Ленинградской,

Московской и Сибирской краевой партийных организаций. Они не без основания считали, что чрезвычайные меры в экономике рано или поздно обернутся «чрезвычайщиной» в политике. Их поддерживали председатель ЦИК М. И. Калинин, нарком обороны К. Е. Ворошилов, заместители председателя ОГПУ М. А. Трилиссер и Г. Г. Ягода. Информационные сводки ОГПУ о политических настроениях свидетельствовали, что крестьянство в массе отказывалось поддерживать «чрезвычайщину», крайне отрицательно относились к этой идее многие военнослужащие Красной Армии. В целом, противникам Сталина на первых порах удалось одержать победу, и в августе 1928 г. постановлением ЦИК СССР «чрезвычайные меры» были отменены. Все осужденные по 107 статье были амнистированы.

Противники Сталина особенно предупреждали против нажима на середняка, который, по их мнению, был центральной фигурой сельского хозяйства. А. И. Рыков, выступая 30 ноября 1928 г. в Ленинграде перед партийным активом, говорил о так называемых «перегибах»: «Нельзя бороться за культуру в деревне, причисляя к кулакам крестьян, которые от общей миски и деревянных ложек перешли к металлическим ложкам, а есть такие случаи. Если крестьянин применил хорошую обработку почвы без эксплуатации других крестьян, его облагают индивидуальным налогом. Кто же будет тогда заниматься хорошей обработкой земли? Я думаю, что таких идиотов, которые стали бы это делать, зная, что их за это обложат индивидуальным налогом, их ребят вычистят из школы, а самих лишат избирательных прав, нет. Мы должны в практике нашей работы исходить из того, что рост культуры в крестьянской семье, наличие хорошей вспашки земли и т. д. не являются признаками кулацкого хозяйства»³.

«ШАХТИНСКОЕ ДЕЛО» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Однако процесс ломки НЭПа на этом не был остановлен. Он продолжался. Сталин и его окружение пытались все трудности и просчеты в экономике свести к проискам классовых врагов. Таковыми в деревне были кулаки и подкулачники, а в городе — «буржуазные специалисты» из числа научно-технической интеллигенции. Во второй половине 1920-х гг. страну буквально захлестнула волна «спецедействия», показательных и закрытых судебных процессов. Начало было

положено так называемым «Шахтинским делом». Перед судом предстали инженерно-технические работники угольной промышленности Донбасса. Их обвиняли в систематической хорошо организованной вредительской и шпионско-диверсионной деятельности с целью подрыва угледобывающей отрасли промышленности. Технические неполадки и элементарное разгильдяйство отдельных инженеров и техников вряд ли могли быть основанием для столь серьезных обвинений. Однако усилиями сторонников Сталина и руководства ОГПУ этому делу была дана острая политическая оценка. Оно послужило своего рода прецедентом, после которого репрессии против различных групп интеллигенции возникали всякий раз, когда обострялась внутривнутриполитическая обстановка, возникали разногласия или оказывался под угрозой авторитет Сталина. Они шли по хорошо отработанному сценарию, в ходе которого оппоненты Сталина обвинялись в том, что «льют воду на мельницу классового врага». В совершенно секретном циркуляре ОГПУ, направленном лично полномочным представителям ОГПУ и начальникам губернских отделов ОГПУ в августе 1928 г., указывалось, что «основным методом диверсии является техническое вредительство при помощи контрреволюционных организаций, состоящих из наиболее крупных инженеров той или другой отрасли промышленности».

«Эти инженеры, — говорилось в циркуляре, — образуя техническую головку предприятия и будучи связаны с границей, как с организациями своих старых хозяев, так и генеральными штабами иностранных держав, прежде всего Франции и Польши, планомерно ведут работу по подрыву обороноспособности страны, по сокращению сроков интервенции и по созданию кризисов, то в угольной промышленности, то на транспорте, то в металлургии и т. д. в целях свержения Советской власти и срыва социалистического строительства»⁴. В циркуляре подробно расписывалось, как вести дела, чтобы создавалась видимость существования крупных антисоветских организаций. В этом же документе говорилось: «Было бы преждевременно считать, что с контрреволюционными организациями шахтинского типа покончено, наоборот, основная масса работы еще впереди».

Таким образом, как следствие, в это время в разных районах страны возбуждались «дела», подобные Шахтинскому: Югостали, Народного комиссариата путей сообщения (НКПС), Промпартии, «Банковское

дело», «дело Судотреста», «Академическое дело» и др., ставившие задачу разгрома «вредительских контрреволюционных организаций». Они не просто нагнетали обстановку истерии, поиска «вредителей» в стране и вели к формированию образа врага в массовом сознании, но и в значительной степени способствовали утверждению командно-административной бюрократической системы.

Уже в то время в ЦК ВКП(б) возникали обоснованные сомнения в существовании такой контрреволюционной организации. В записке М. П. Томскому от 3 февраля 1928 г. К. Е. Ворошилов писал: «Миша, скажи откровенно, не вляпаемся мы при открытии суда в Шахтинском деле. Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ». На это М. П. Томский ответил: «По Шахтинскому, и вообще по угольному делу такой опасности нет. Это картина ясная. Главные персонажи в сознании. Мое отношение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить»⁵.

Г. М. Кржижановский, не веря в эти процессы, направил в Политбюро письмо, в котором спрашивал, имеют ли право руководители партии присутствовать на допросах арестованных. Политбюро ЦК на своем заседании от 25 апреля 1930 года разъяснило ему, что члены ЦК и ЦКК имеют право присутствовать на допросах.

Однако было бы совершенно неверным утверждать, что слом НЭПа был только волевым решением Сталина и его сторонников. Среди экономистов и хозяйственных работников были точки зрения, которые широко пропагандировали работники ВСНХ и Госплана. Под руководством Н. А. Ковалевского создавались долгосрочные перспективные планы в расчете на то, что СССР в течение трех пятилеток может превзойти США по выпуску промышленной продукции. Многие расчеты проводились без учета реалий внешней политики, ее сопряжения с внутренними возможностями России, особенностями менталитета различных слоев населения.

ПОБЕДА ГРУППЫ СТАЛИНА

Путем хорошо продуманных политических ходов Сталин устранил главных конкурентов в борьбе за власть. Осенью 1928 г. ему удалось дискредитировать и отсечь от политического руководства большую группу руководителей столичной партийной организации.

Руководителем Московской парторганизации вместо Н. А. Угланова стал В. М. Молотов, которого вскоре сменил Л. М. Каганович. В начале 1929 г. за пределы СССР в Турцию был выслан главный оппонент И. В. Сталина — Л. Д. Троцкий. Одновременно с этим Н. И. Бухарин и его сторонники были обвинены Сталиным в том, что являются фактически вождями правого уклона в правящей партии. По его словам, они либерально трактовали НЭП, что квалифицировалось как линия на свертывание социалистического наступления по всему фронту и ослабление позиций пролетариата в борьбе против капиталистических форм хозяйства. Осенью 1929 г. разгром группы Бухарина был завершен. Он и его сторонники были отсечены от политического руководства, выведены из состава Политбюро ЦК и сняты с ответственных государственных постов. В партийном и советском руководстве СССР все больше утверждалось мнение в необходимости централизации всего руководства в одних руках.

К этому времени уже определилась генеральная линия руководства, которая была направлена на форсированное осуществление индустриализации и коллективизации. Волевыми решениями Сталина были завышены плановые показатели первого пятилетнего плана, неоправданно расширился фронт капитального строительства. Все это получило теоретическое обоснование в статье Сталина «Год великого перелома», в которой в качестве главной задачи выдвигалось — наступление социализма по всему фронту.

Призыв обновленного кремлевского руководства к максимальному напряжению сил и форсированному осуществлению «большого скачка», обеспечивающему строительство социализма, многим представлялся единственно верным решением. Именно в это время наметился поворот к сплошной коллективизации на базе ликвидации кулачества как класса. По сути, это был отказ от пятилетнего плана в части программы переустройства сельского хозяйства. Был брошен клич закончить сплошную коллективизацию к лету 1930 г. Страну захлестнула волна безнаказанного насилия. Слово «перегиб» становится в это время самым употребляемым в лексиконе ответственных работников. Трагедия советской деревни стала страшным олицетворением суровой драмы народа — строителя нового общества. Лишь спустя несколько десятилетий в художественных произведениях 1970–1980-х гг. писателей-«деревенщиков» М. Алексеева,

П. Можаяева, В. Белова были художественно воспроизведены масштабы народной трагедии.

В 1929–1930 гг. страна стояла на грани новой гражданской войны. По данным Информационного отдела ОГПУ, в 1928 г. было зафиксировано 709 массовых крестьянских выступлений, в 1929 г. их насчитывалось 1307, а в 1930 г. их было уже 3754, в первое полугодие 1931 г. — 864. Недовольство крестьян выражалось в массовом убое скота, уходе из мест проживания, преднамеренном сокращении посевных площадей. В 1929 г. в Средней Азии вновь набрало силу басмаческое движение. Особенно сильными крестьянские выступления были в Сибири, Поволжье, на Северном Кавказе, в Центральной черноземной области. В них участвовали десятки тысяч человек. В Козловском округе Тамбовской области восставшие захватили 54 села, а в Карачаевской области в течение 8 дней находился в осаде областной центр. В сводках ОГПУ отмечалось, что во главе недовольных стояли не только кулаки и середняки, но нередко партийные и советские работники, а в одном случае — даже районный уполномоченный ОГПУ. Для подавления массовых крестьянских выступлений наряду с частями ОГПУ против своего народа воевали части регулярной Красной Армии.

Миграция охватила массы людей, которые перемещались из деревни в город, из одного промышленного центра в другой. Текущая рабочая сила принимала небывалые размеры. Острая нехватка техники, преобладание ручного труда, а больше всего преувеличенные задания толкали хозяйственных руководителей на внеплановое увеличение штатов. Желание любой ценой выполнить и перевыполнить плановые задания вело к припискам и очковитирательству. Для того чтобы спасти положение, было предпринято традиционное распределение членов ЦК по важнейшим индустриальным районам с целью повседневного контроля за работой промышленности и сельского хозяйства.

«Чрезвычайные меры» стали главным средством политического и социально-экономического переустройства страны. Их суть хорошо раскрыл председатель Совнаркома РСФСР С. И. Сырцов в своем выступлении в Институте красной профессуры. Он говорил: «...Зачем же долго возиться с крестьянами. Намекни ему насчет Соловков, насчет того, что его со снабжения снимут, или заставь голосовать

по принципу “кто за коллективизацию, тот — за Советскую власть, кто против коллективизации, тот — против Советской власти”»⁶. Однако они не помогли достичь запланированных рубежей. Кризис экономической политики грозил перерасти в общеполитический кризис системы. В этих условиях политическое руководство страны попыталось переложить ответственность на руководителей среднего и низшего звена. В марте 1930 г. была опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой вся ответственность за перегибы и недостатки была возложена на местное партийное, советское и хозяйственное руководство.

Кроме этого начался очередной виток массовых репрессий. В январе 1930 г. по каналам советской внешней разведки поступила оперативная информация, что руководство белогвардейской эмиграции в лице генерала А. П. Кутепова предпринимает попытки возглавить разрозненные крестьянские выступления внутри России. С этой целью группа штабных офицеров Русского общевойскового союза разработала план вооруженной борьбы против Советской России, который предусматривал массовое выступление весной 1930 г. К этому времени на территорию СССР по нелегальным каналам должны были прибыть 50 специально подготовленных офицеров для руководства и координации военных действий. Советская контрразведка предприняла ответные меры: было принято решение обезглавить руководство белой эмиграции. 26 января 1930 г. А. П. Кутепов был похищен в Париже специальной оперативной группой сотрудников Иностранного и Контрразведывательного отделов ОГПУ во главе с Я. Серебрянским. Однако вывезти генерала Кутепова в Советскую Россию для показательного суда не удалось. По одной версии, он был убит в ходе похищения, по другой — умер от передозировки введенного ему снотворного уже на советском судне⁷.

Тогда же центральным аппаратом и территориальными органами ОГПУ была проведена масштабная операция под названием «Весна». В ходе ее на территории СССР были арестованы бывшие офицеры и генералы царской армии, находившиеся на службе в РККА. Среди репрессированных были видные военные теоретики: А. А. Свечин, А. Е. Снесарев, А. Г. Лигнау, А. И. Верховский, практические работники центральных управлений РККА и штабов военных округов, бывший командующий Восточным фронтом

В. А. Ольдерогге и др. Фактически обескровленным оказалось руководство Киевским и Белорусским военными округами, серьезный урон был нанесен кадрам Военно-политической академии им. Толмачева в Ленинграде.

В июле 1930 г. ОГПУ арестовало всемирно известного ученого — аграрника А. В. Чаянова, профессоров Н. Д. Кондратьева, А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова, Л. Н. Юровского, Л. Н. Литошенко, Л. Б. Кафенгауза и др. Их обвинили в создании на территории СССР нелегальной «кулацко-эсеровской организации, именуемой Трудовая крестьянская партия — ТКП, поставившей своей целью подготовку интервенции, свержение Советской власти и реставрацию капитализма». Называлась общая численность ТКП около 200 тыс. человек. Как показала проверка, проведенная в 1987 г., все это дело было сфальсифицировано группой следователей ОГПУ во главе с Я. С. Аграновым. Открытого судебного процесса не было. Все проходившие по делу ТКП были осуждены во внесудебном порядке⁸.

Другими не менее известными судебными процессами того времени явились дело Промпартии (ноябрь–декабрь 1930 г.) и судебный процесс «Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков» (март 1931 г.). На скамье подсудимых оказались ответственные работники Госплана, ВСНХ, Наркомторга, Госбанка и Центросоюза. Эти судебные процессы и репрессии преследовали одну цель — переложить ответственность за провалы и трудности в социалистическом строительстве на происки того же классово чуждого врага, который выступал в облики буржуазного специалиста-вредителя. По делам внесудебного рассмотрения уголовных дел только за 1930 г. прошли 39 828 человек. Многие дела оказались фальсифицированными. Это вызвало протест со стороны партийных, советских и военных руководителей. Даже отдельные руководящие работники ОГПУ считали дела военных и гражданских специалистов искусственно созданными, «дутыми» и выражали недоверие к материалам следствия и показаниям арестованных. Однако Сталин их не поддержал. 6 августа 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об изменениях в руководящем составе ОГПУ. Все сомневающиеся в правильности принятых решений были сняты с занимаемых должностей. Одновременно такая же чистка прошла в территориальных управлениях ОГПУ.

2. Новая система власти и идеология победившего социализма

Задержанный на месте преступления убийца оказался членом контрреволюционной подпольной группы, которая организовалась из числа участников антисоветской зиновьевской группы в Ленинграде. Убийство С. М. Кирова, любимца партии, любимца рабочего класса, вызвало величайший гнев и глубокую скорбь трудящихся нашей страны.

Следствие установило, что в 1933–34 году в Ленинграде образовалась из числа бывших участников зиновьевской оппозиции подпольная контрреволюционная террористическая группа во главе с так называемым «ленинградским центром». Эта группа ставила себе целью убийство руководителей коммунистической партии, первой жертвой был намечен С. М. Киров.

Из показаний участников этой контрреволюционной группы выяснилось, что она была связана с представителями иностранных капиталистических государств, получала от них деньги. Разоблаченные участники этой организации были приговорены Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу.

Вскоре было установлено наличие подпольного контрреволюционного «московского центра». Следствие и суд выяснили гнусную роль Зиновьева, Каменева, Евдокимова и других руководителей этой организации в деле воспитания среди своих единомышленников террористических настроений, в деле подготовки убийства членов ЦК и Советского правительства.

Двурушничество и подлость этих людей дошла до того, что Зиновьев — один из организаторов и вдохновителей убийства С. М. Кирова, торопивший убийцу поскорее выполнить это злодеяние, — написал хвалебный некролог на смерть Кирова, требуя его напечатания.

Прикинувшись на суде раскаявшимися, зиновьевцы на деле и в этот момент продолжали двурушничать. Они скрыли свою связь с Троцким. Они скрыли, что вместе с троцкистами продались фашистским разведкам, скрыли свою шпионско-вредительскую деятельность. Зиновьевцы скрыли на суде свою связь с бухаринцами, наличие объединенной троцкистско-бухаринской банды наемников фашизма... Уже тогда в 1935 году стало ясно, что зиновьевская группа является замаскированной белогвардейской организацией, которая вполне заслуживает того, чтобы с ее членами обращались, как с белогвардейцами.

История ВКП(б): Краткий курс

Экономика «БОЛЬШОГО СКАЧКА»

В начале 1930-х гг. свертывание НЭПа завершилось. Город и деревня оказались во власти жесткой централизации, администрирования, сконцентрировавших в руках государства все вопросы производства, сбыта и снабжения. Государственный сектор стал монополистом в промышленности и торговле. Частные предприятия и концессии, не получившие дальнейшего развития, полностью сошли на нет. Резко сократился частный сектор в торгово-посредническом обороте. Дефицит многих товаров резко увеличился. Были закрыты товарные биржи и ярмарки. Государство перешло к централизованному распределению средств производства. Численность банковских учреждений резко сократилась. Получало поддержку мнение сократить до минимума налоговый аппарат и кредитную систему. В печати появились статьи об отмирании денег и переходе к прямому безденежному распределению продуктов. Само существование карточной системы распределения стало трактоваться как временная переходная мера к более высокой стадии развития экономики — к социализму. Отныне только государство распределяло средства производства.

Форсированная индустриализация потребовала кардинальных перемен в финансовой системе. Теперь все накопления изымались в государственный бюджет. Из 86 видов платежей осталось всего два вида отчислений. Это были отчисления от прибыли и налог с оборота. В сочетании с другими мерами это позволяло правительству иметь огромные средства для нового строительства, для бесплатного предоставления предприятиям фондов, для узаконенного существования нерентабельных предприятий и даже планово убыточных отраслей. В проведении форсированной индустриализации основной упор был сделан на ускоренное сооружение «ударных» объектов. Их было немного, но в конечном итоге и они получали фактически половину необходимых средств на сооружение и эксплуатацию.

В катастрофическом положении оказалась советская деревня. В ходе принудительной коллективизации общая площадь посевных площадей в стране заметно увеличилась почти на одну шестую, а валовой сбор зерна, производство мяса, молока резко уменьшился по сравнению с 1928 г. Даже в 1935–1936 гг. валовая продукция сельского хозяйства осталась на уровне 1924 г., а средняя урожайность даже снизилась.

Крупнейшими источниками дохода государства стали продажа водки и денежная эмиссия. В 1930 г. денежная масса на руках населения увеличилась в два раза по сравнению с произведенной продукцией средств потребления. Темпы инфляции превосходили все возможные ожидания экономистов. Существует мнение, что особо важную роль в обеспечении государства валютой играл экспорт хлеба. Наибольшую выручку он действительно дал в 1930 г. и составил 883 млн рублей. Однако в этот же год продажа нефтепродуктов и лесоматериалов составила 1 млрд 430 млн рублей. Цены на зерно упали на мировом рынке. Экспорт хлеба в период страшного голода в 1932–1933 гг. дал доход всего в 389 млн рублей, а продажа лесоматериалов — почти 700 млн. Вывоз пушнины в 1933 г. позволил выручить средств больше, чем за хлеб. Хлеб изымался по низким ценам, а увеличение экспорта нефтепродуктов и других прибыльных видов продукции требовали совершенствования технологий, иных расходов и усилий. Поэтому политическое руководство страны шло по линии наименьшего сопротивления.

СССР постепенно превращался в громадный монополистический концерн, руководство которого являлось одновременно и властью, и собственником, а народное хозяйство развивалось в рамках единого директивного плана. Однако жизнь заставляла считаться с реальным опытом. Руководство извлекало горькие, но необходимые уроки из таких негативных явлений, как борьба с единоличным крестьянством, которая превратилась по сути в узаконенное раскрестьянивание, невиданное разбазаривание сил и средств, распыление ресурсов, штурмовщина, карточки на продовольствие и промышленную продукцию, голодный мор и разруха в мирное время. Это явилось результатом не заранее запрограммированной злой воли, а практическим воплощением представлений о путях строительства общества высшей социальной справедливости. В результате экономика оказалась заложницей политики и идеологии.

Сталинская практика индустриализации и коллективизации обернулась голодом на Дону, Украине и Северном Кавказе. Недовольство экономической и социальной политикой выражали все слои населения. Среди рабочих Москвы ходил анекдот «После пятилетки останутся партбилет, Сталина портрет и рабочего скелет».

Сталинское руководство в очередной раз попыталось переложить ответственность на простой народ. 7 августа 1932 г. был принят

закон «Об охране социалистической собственности». Хищение хлеба и сельхозпродуктов приравнивалось к тягчайшим преступлениям и наказывалось высшей мерой наказания или 10 годами тюремного заключения. Карательная политика захватывала все более широкие слои населения. Только в РСФСР число осужденных по этому закону составило за период с 7 августа 1932 по 1 июля 1933 г. 206 903 человека, из них к высшей мере наказания было приговорено 8153 человека. В 1930 г. в системе ОГПУ было создано Главное управление лагерей. К началу 1933 г. общее число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, составило 300 000 человек, к лету 1934 г. — 500 000 человек, в 1937 г. — до 996 367 человек, в 1938 г. — 1 371 396 человек, в 1939 г. — 1 344 408 человек, в 1940 г. — 1 500 534 человека.⁹

СОПРОТИВЛЕНИЕ СТАЛИНИЗМУ

В этих условиях ядро сопротивления сталинизму составили представители старой партийной гвардии, принимавшие активное участие в революции, гражданской войне и становлении новой советской государственности. В период подготовки и работы XVI съезда ВКП(б) в 1930 г. против Сталина и его сторонников выступила группа советских и партийных работников во главе с председателем Совнаркома РСФСР, кандидатом в члены Политбюро ЦК С. И. Сырцовым и секретарем Закавказского крайкома ВКП(б) В. Г. Ломинадзе. Одним из активных участников этой «антипартийной группы» был бывший секретарь ЦК РКСМ, ответственный работник ЦКК ВКП(б) Л. Шацкий. В кругу своих единомышленников Сырцов и Ломинадзе откровенно высказывали критику в адрес политического руководства страны. В частности, С. И. Сырцов подробно информировал членов своей группы, что «никакой коллегиальности в Политбюро не существует, а все вопросы решает небольшая кучка руководства, которая собирается в Кремле в бывшей квартире Клары Цеткин в условиях строжайшей конспирации»¹⁰. 22 октября 1930 года информация об этих разговорах в группе С. И. Сырцова поступила в ЦК ВКП(б) от секретного сотрудника ОГПУ Б. Резникова.

23 октября С. И. Сырцов был вызван на допрос в ЦКК, где был допрошен специальной комиссией в составе Орджоникидзе, Постышева, Ярославского и Землячки. Председатель Совнаркома РСФСР подтвердил факты, изложенные в сообщении Резникова и, более того,

резко выступил по поводу того положения, которое сложилось в политическом руководстве страны. Одновременно с этим в ЦКК поступила информация, что аналогичные взгляды на положение в партии и стране высказывали авторитетные партийные деятели того времени В. Ломинадзе и Л. Шацкий. Все это было квалифицировано как антипартийные действия, а объединенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК ВКП(б) констатировало наличие в партии «право-левацкого уклона». Расправа с «право-левыми уклонистами» была жестокой. Руководители были сняты с ответственных партийных и советских постов в политическом руководстве страны, а рядовые участники исключены из ВКП(б) и решением коллегии ОГПУ приговорены к сравнительно небольшим срокам тюремного заключения.

Дело Рютина

Однако центральной фигурой антисталинского сопротивления этого времени по праву считается М. Н. Рютин, кандидат в члены ЦК ВКП(б), видный партийный работник и публицист. Он был активным участником революции и гражданской войны в Восточной Сибири, первым председателем Харбинского совета рабочих и солдатских депутатов в полосе отчуждения КВЖД. После контрреволюционного переворота перешел на нелегальное положение, а затем перебрался в Иркутск, где командовал войсками Иркутского военного округа. После падения Советской власти в Забайкалье стал прославленным партизанским командиром. По заданию Сиббюро ЦК РКП(б), в 1919 г. восстанавливал работу Новониколаевской партийной организации, разгромленной колчаковской контрразведкой. В 1919–1921 гг. находился на ответственной партийной работе в Восточной и Западной Сибири, был делегатом X съезда Коммунистической партии и в числе других участников партийного съезда принимал участие в подавлении Кронштадтского восстания. В середине 1920-х гг. был секретарем Дагестанского обкома партии, а затем секретарем Краснопресненского райкома партии в Москве. М. Н. Рютин снискал себе славу как непримиримый противник «левой» и «новой», а затем «объединенной левой оппозиции». Именно тогда он заявил о себе как талантливый партийный публицист, активно выступающий по наиболее

актуальным проблемам коммунистического движения. Он решительно выступал против слома новой экономической политики и поэтому вызывал недовольство Сталина. От лица членов сталинской фракции переговоры с ним вел Л. М. Каганович. В ходе работы XVI съезда ВКП(б) он заявил Рютину, что в ходе съезда от него ждут покаянного выступления. По образному выражению Рютина, он «увильнул от выступления». После безуспешной попытки личных переговоров генсека с Рютиным начался новый раунд борьбы. На этот раз в ход пошли интриги, связанные с заявлением некоего Немова, о том что Рютин вел с ним разговоры антипартийного характера, касающиеся критики Сталина. В письме к В. М. Молотову Сталин, отдыхающий в Сочи, настаивал на исключении из партии «этой сволочи Рютина». ЦКК ВКП(б) послушно выполнило указание своего вождя. Однако Рютин не сломался и продолжал свою борьбу. В 1931 г. его даже арестовали за разговоры «антипартийного характера». Однако за отсутствием улик состава контрреволюционного преступления его выпустили. Документы свидетельствуют, что за ним было установлено систематическое наблюдение секретных сотрудников ОГПУ.

Весной 1932 г. он подготовил большую теоретическую работу «Сталин и кризис пролетарской диктатуры», а затем, по рекомендации старых членов партии В. Н. Каюрова и М. С. Иванова, манифест — обращение «Ко всем членам партии». Эти документы составили программу организации «Союз марксистов-ленинцев». Они стали предметом специального обсуждения на общем собрании «Союза марксистов-ленинцев». Позднее органами ОГПУ это было квалифицировано как «нелегальная конференция контрреволюционной организации». Рютинская платформа отличалась от других документов ярко выраженным антисталинским характером и требованием убрать Сталина из политического руководства Коммунистической партией и Советским государством. Бывшие лидеры оппозиции Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев были ознакомлены с содержанием этого документа,

М. Н. Рютин с семьей

а рядовые члены партии знакомились с ней по принципу «Прочитал сам — передай товарищу». Организационные принципы партийного строительства «Союза марксистов-ленинцев» были заимствованы из дооктябрьского периода истории Коммунистической партии. Руководство ОГПУ было информировано о деятельности этой организации через своих секретных сотрудников. В ноябре 1932 г. практически все участники «Союза марксистов-ленинцев» были арестованы. На заседании Политбюро Сталин требовал расстрела Рютина, однако в то время Сталин еще не был так всесилен, и поэтому расстрел был заменен 10 годами одиночного тюремного заключения в Суздальском политизоляторе. Остальные члены «Союза марксистов-ленинцев» были осуждены решением Коллегии ОГПУ к различным срокам лишения свободы.

Примерно в то же время органами ОГПУ была арестована группа старых партийцев в составе А. П. Смирнова, В. Н. Толмачева и Н. Б. Эйсмонта. Все они занимали руководящие посты в советском государственном аппарате. Основанием для их ареста и осуждения явились разговоры о целесообразности «убрать Сталина от руководства партией и государством», которое они высказывали в узком кругу своих единомышленников. Группы, подобные рютинской, были арестованы в Новосибирске и даже в небольшом украинском (ныне белорусском) городке Мозыре.

К этому времени волна доноительства захлестнула правящую партию. Противники Сталина осуждались «за контрреволюционную и антисоветскую деятельность» и отныне приравнялись к контрреволюционерам. Основанием для ареста и последующего осуждения во внесудебном порядке являлись, как правило, «обращения» «бдительных членов партии в компетентные органы». Сотрудникам специально созданного Секретно-политического отдела ОГПУ было дано указание: заводить формуляры на всех, кто негативно отзывался о Сталине. Все критические высказывания в адрес Сталина или политики, проводимой его группой, были признаны недопустимыми и приравнялись к идеологической контрреволюции. Деятельность Секретно-политического отдела во многом напоминала и даже копировала работу III Отделения его императорского величества Канцелярии в правление Николая I. Начальником СПО ОГПУ был назначен начальник Ивановского управления ОГПУ СССР Г. А. Молчанов.

СЪЕЗД ПОБЕДИТЕЛЕЙ, или СЪЕЗД РАССТРЕЛЯННЫХ

Карательные меры, трудовой порыв, развертывание соревнования, борьба за укрепление дисциплины позволяли лишь локализовать отдельные трудности, но они были не в состоянии предотвратить неминуемый срыв и падение темпов развития индустрии. Казалось, что глубокий социально-экономический кризис системы будет неизбежным. Однако в 1933 г. положение неожиданно начало резко меняться. Этому во многом способствовали внешние обстоятельства (приход в Германии к власти нацистов), а также хороший урожай хлеба, позволивший накормить страну. Призывы к свертыванию товарно-денежных отношений прекратились, была разрешена свободная колхозная торговля, промышленные предприятия получили право реализации сверхплановой продукции. Позиции и авторитет Сталина в партии и государстве резко возросли.

Это было в значительной степени подтверждено и закреплено в ходе работы XVII съезда ВКП(б). Для Сталина и его группы это был действительно «съезд победителей». Именно под таким названием он проходил в официальной историко-партийной историографии и фактически знаменовал победу сталинизма как определенного режима в партии и государстве. Укреплению этого режима во многом способствовал обновленный партийный и государственный аппарат. Создание отраслевых отделов в партийных органах (промышленные, сельскохозяйственные, политико-административные) и соответствующих партийных комитетах, фактически подменило органы Советской власти. Произошла реорганизация административных и карательных органов Советской власти, был создан общесоюзный Наркомат внутренних дел, работавший под личным контролем Сталина. Все функции обеспечения государственной безопасности были возложены на Главное управление государственной безопасности НКВД СССР, ставшее одним из основных структурных подразделений нового общесоюзного наркомата. Первым наркомом внутренних дел СССР был назначен Г. Г. Ягода. Все это в значительной степени закрепляло победу и предопределяло дальнейшую эволюцию командно-административной системы в сторону усиления тотального контроля над всеми сферами жизни и деятельности советского общества. Некоторые историки утверждают,

Члены Политбюро на XVII съезде ВКП(б)

что в ходе работы послесъездовского пленума ЦК ВКП(б) Сталин заявил о своей отставке. Однако это только устное предание, а достоверных данных нет. В действительности же был ликвидирован только пост генерального секретаря ЦК, и Сталин все документы теперь подписывал просто «секретарь ЦК ВКП(б)»¹¹. Политических противников и альтернативных лидеров в Политбюро ему не было. Он фактически укрепился как единственный лидер в Политбюро, Оргбюро и Секретариате ЦК.

Существует мнение, что старая партийная гвардия пыталась противодействовать возвышению Сталина путем голосования против его кандидатуры на выборах ЦК, противопоставляя ему кандидатуру С. М. Кирова. В действительности, в документах XVII съезда отсутствует 166 бюллетеней для тайного голосования на выборах ЦК ВКП(б), якобы изъятых Л. М. Кагановичем, который курировал выборы руководящих органов партии. Голосовали по делегациям, а в состав счетных комиссий были включены сотрудники органов государственной безопасности. Они же бдительно опекали бывших лидеров различных оппозиционных группировок, которые

славословили Сталина. Так или иначе, но можно утверждать только одно, что оппозиция Сталину продолжала существовать, и в ходе массовых чисток второй половины 1930-х гг. именно делегаты XVII съезда ВКП(б) были почти полностью уничтожены. Поэтому в современной отечественной историографии XVII съезд ВКП(б) иногда называют «съездом расстрелянных».

Вторая пятилетка началась в более благоприятных условиях, нежели первая. Она во многом строилась на уже заложенном фундаменте. В программных документах Коммунистической партии ее задачи мотивировались переходом к новому этапу строительства социализма. На самом деле это обуславливалось острой необходимостью усиления внимания к социальным вопросам и подъему жизненного уровня народа. Конечно, планы по-прежнему корректировались и менялись, но прежнего произвола не было. Новое руководство ВСНХ в лице Г. К. Орджоникидзе более реалистично оценивало положение дел и возможности экономики в целом. Технократический подход, затратный метод в целом сохранился, но уже не звучали призывы добиваться увеличения выплавки чугуна «любой ценой». Старый лозунг «Техника решает все» не оправдал себя. Он отражал представления о предприятиях-гигантах, бесконечных конвейерных линиях, о всемогущих машинах и роботах, станках-автоматах и «кнопочной» цивилизации. Важность стационарного обучения, роста производственной квалификации и общей культуры была явно недооценена. Поэтому наркому просвещения А. В. Луначарскому и всей коллегии Наркомпроса, отстаивавшей эти принципы, пришлось уйти в отставку.

От первой пятилетки в памяти народа остались грандиозные стройки — Днепрогэс, Турксиб, Уралмаш, Магнитка, Комсомольск-на-Амуре. Однако вряд ли можно быстро назвать имена ударников труда этого периода. Ситуация стала диаметрально противоположной в годы второй и третьей пятилеток. Имена новаторов производства А. Стаханова, П. Кривоноса, Марии и Евдокии Виноградовых, первых Героев Советского Союза (звание введено с 1934 г.), стахановцев (массовое движение началось в 1935 г.), покорителей Северного полюса, летчиков становились известными всем школьникам. На всю страну звучал новый призыв: «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» Политическое руководство сознательно поднимало престиж труженика, передовика производства. При этом приоритет оставался за городом.

В деревне продолжалась беспощадная ломка старого уклада, вековых традиций. Здесь наиболее болезненно сказался голод, политика раскулачивания, выселения и т. д. Крестьянство было лишено паспортов, не получало заработную плату, не пользовалось правом на нормированный рабочий день, выходные и ежегодный отпуск, не имело своих профессиональных союзов. Оно оставалось в роли свидетеля, а не активного участника созидательного процесса. Город в отличие от деревни значительно «помолодел». Во внутренней политике обозначилась линия на ограничение террора и режима «чрезвычайщины».

ВЫСТРЕЛ В СМОЛЬНОМ

1 декабря 1934 г. в Смольном, где располагались городской и областной комитеты ВКП(б), был убит первый секретарь Ленинградского ГК и ОК, секретарь ЦК, член Политбюро ЦК С. М. Киров. Его убийство привело к очередному витку нагнетания обстановки, и страна начала медленно втягиваться в жернова «большого террора». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» убийство С. М. Кирова совершенно однозначно трактовалось как результат террористической деятельности «объединенной троцкистско-бухаринской группы». Сегодня существуют различные версии убийства С. М. Кирова. Доказать причастность Сталина или его прямую заинтересованность в устранении возможного конкурента на власть в партии и государстве не удалось. Другое дело, что Сталин блестяще использовал это убийство как повод для расправы с потенциальной оппозицией. Зиновьев и Каменев на допросах в ЦКК в итоге признали свою моральную ответственность за убийство Кирова. Агентурно-оперативные разработки бывших лидеров оппозиции и всех, кто негативно высказывался о Сталине, послужили основанием для террора, который во второй половине 1930-х годов принял характер тотального подавления всяких попыток сопротивления и инакомыслия.

Убийство С. М. Кирова стало своеобразной прелюдией «большого террора». Узнав об убийстве Кирова, Сталин срочно выехал в Ленинград и лично возглавил следствие. Руководители Ленинградского управления НКВД Ф. Д. Медведь и И. В. Запорожец были отстранены от руководства и позднее были осуждены во внесудебном порядке. Убийца С. М. Кирова, Леонид Николаев, производил впечатление психически неуравновешенного человека и давал сбивчивые

и противоречивые показания. В этом политическом убийстве до сих пор остается много загадочного и таинственного. По указанию Сталина, следователи центрального аппарата НКВД во главе с Я. С. Аграновым искали убийцу Кирова в среде бывших оппозиционеров, молодых коммунистов и комсомольцев, негативно и критически отзывавшиеся о политическом руководстве страны. Однако попытки связать их с деятельностью реальных контрреволюционных белогвардейских эмигрантских организаций и иностранных шпионско-диверсионных организаций оказались бесперспективными. Обвинительное заключение было подписано следователем по особо важным делам Прокуратуры СССР Л. Р. Шейниным, заместителем Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинским и утверждено Генеральным прокурором СССР И. А. Акуловым. Сталин лично тщательно и несколько раз редактировал этот документ. В результате на скамье подсудимых оказались 14 человек, которые якобы отомстили Кирову за разгром бывшей зиновьевской оппозиции и таким образом пытались добиться изменения политики руководства страны. Все они были приговорены к расстрелу.

НОВЫЕ ОПЕРАЦИИ НКВД

Это стало первой своеобразной репетицией «большого террора». Следующей на очереди стала операция «Бывшие люди», которую проводили сотрудники Ленинградского управления НКВД в 1934–1935 гг. под руководством начальника Ленинградского управления Л. М. Заковского. Летом 1935 г. по так называемому «Кремлевскому делу» были репрессированы сотрудники аппарата ЦИК СССР, который долгое время возглавлял А. С. Енукидзе, и сотрудники комендатуры Московского Кремля. Против них впервые было выдвинуто обвинение в подготовке террористического акта против Сталина. Начиная с 1935 г. органы НКВД стали заниматься массовой фальсификацией дел «террористов» и «шпионов», к которым теперь без всякого основания причислялись бывшие члены оппозиционных и фракционных группировок в партии. По личному указанию И. В. Сталина, эту работу курировал секретарь ЦК ВКП(б), председатель Комитета партийного контроля Н. И. Ежов. Он подготовил «теоретическую» работу «От фракционности к контрреволюции», в которой обосновал идею перерождения оппозиционеров «в авангард империализма»

**Сталин, Молотов, Ежов и Ворошилов
на берегу канала «Москва-Волга»**

в борьбе против победившего пролетариата». Позднее на основе этого труда были разработаны инструкции по борьбе с «врагами народа». Недостатки в строительстве, просчеты в финансировании и эксплуатации предприятий, аварии и крушения на транспорте стали квалифицироваться как результат планомерной диверсионно-вредительской деятельности¹².

Летом 1936 г. состоялся открытый судебный процесс, главными обвиняемыми на котором были Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. Н. Смирнов, С. М. Мрачковский и другие представители старой партийной гвардии. Все они были активными участниками революционного движения, прошедшие фронты гражданской войны. Авторитет каждого из них в партийном и государственном аппарате был достаточно высоким. Им вменялось в вину убийство Кирова и подготовка покушения на Сталина и других руководителей партии и государства, а также шпионаж, вредительство и диверсии. И. В. Сталин и Л. М. Каганович лично правили обвинительное заключение, вносили в него новых обвиняемых, уточняли формулировки. К следствию были привлечены фактически все ведущие руководители отделов и структурных подразделений НКВД. Однако казусов и неувязок избежать не удалось. В партии не верили, что старые партийцы, создававшие вместе с Лениным партию, переродились в террористов и контрреволюционеров. Сталин видел в этом недоработки наркома внутренних дел Генриха Ягоды, проявившего «колебания» во время сворачивания НЭПа.

26 сентября 1936 г. телеграммой Сталина из Сочи Г. Г. Ягода был снят с поста наркома внутренних дел и назначен на пост наркома связи. Новым главой НКВД по рекомендации Сталина стал Н. И. Ежов, который сразу же привел в наркомат свою команду из работников Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). Новый глава карательного ведомства отличался большой личной преданностью Сталину. Это был совершенно необразованный человек. В октябре по его указанию началось дополнительное следствие по старым делам.

В Москву были этапированы из мест заключения отбывающие наказание оппозиционеры. В их числе бывшие секретари МК ВКП(б) Куликов и Рютин, которым было предъявлено обвинение в терроризме. Изменился характер следствия, к арестованным теперь применяли сильные средства: лишение сна, систематические избиения, морили голодом. М. Н. Рютин и теперь проявил свой характер. Он не стал молчать, а обратился в ЦИК СССР с жалобой, пытаясь отстаивать свои права простого советского заключенного. Сломить его не удалось. Поэтому было принято решение осудить его в особом порядке Военной коллегией Верховного суда СССР. 10 января 1937 г. М. Н. Рютин был приговорен к расстрелу в особом порядке, без участия обвинения и защиты, и приговор приведен в исполнение.

В январе 1937 г. Сталин и его окружение инициировали проведение следующего Московского процесса. Теперь на скамье подсудимых находились не менее известные партийные и государственные деятели СССР К. Б. Радек, Г. Я. Сокольников, Ю. Л. Пятаков, Л. П. Серебряков и др. Всего по Второму московскому процессу проходили 17 человек. В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР отмечалось, что этот «параллельный центр» в качестве основной задачи ставил свержение Советской власти в СССР. Для достижения этой цели участники центра якобы развернули вредительно-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность. Большинство обвиняемых по этому процессу были расстреляны. Сокольников и Радек были убиты сотрудниками НКВД в местах заключения.

Весной и летом 1937 г. репрессивная политика подходила к своей высшей точке. Развернулась чистка командных кадров РККА, НКВД, НКВД, сотрудников военной и политической разведки, хозяйственных партийных и советских работников. Террор принял массовый характер. В современной литературе приводятся различные цифры репрессированных — от 2 млн до 20 млн и даже 40 млн человек. В официальных документах значится цифра 1 млн 800 тыс. человек. Большая роль в инициировании террора принадлежала февральско-мартовскому Пленуму (1937 г.) ЦК ВКП(б). Одним из главных вопросов, который решал Пленум, было дело Бухарина и Рыкова. В декабре 1936 г. Н. И. Ежов на Пленуме ЦК ВКП(б) заявил, что Бухарин, Рыков, Томский и Угланов знали о существовании подпольного антисоветского троцкистско-зиновьевского объединенного блока

и руководящего центра и были осведомлены, что они перешли к методам террора, диверсии и вредительства. В виду серьезности обвинений Пленум ЦК, по предложению Сталина, вынес постановление провести специальное расследование антисоветской деятельности правых и причастности к ней Бухарина и Рыкова. Сталин выступил в прениях по вопросу «О подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующей перестройке партийно-политической работы». В своем выступлении он вновь повторил тезис, что по мере строительства социализма классовая борьба будет усиливаться. Это было своеобразное теоретическое обоснование массовых репрессий. Автором этого тезиса был Л. Б. Каменев, высказавший его в 1924 г., а Сталин попросту позаимствовал его. В ходе работы Пленума были высказаны серьезные обвинения в адрес начальника Секретно-политического отдела НКВД Г. А. Молчанова и ряда других ответственных работников этого ведомства. По итогам Пленума ЦК состоялись собрания партийного актива НКВД и прокуратуры СССР. Докладчиками выступали руководители этих ведомств Н. И. Ежов и А. Я. Вышинский. Они обратили особое внимание на проблему засоренности НКВД и прокуратуры чуждыми и примиренческими элементами. Многие из сотрудников карательного ведомства выступали со взаимными обвинениями в адрес своих коллег и покаяниями. Маховик массовых репрессий ударил и по административным органам, началась массовая чистка кадров государственной безопасности, милиции и прокуратуры.

В этих условиях сопротивление сталинизму принимало пассивные формы или обращения к международному рабочему движению. К ним прибегали, в первую очередь, сотрудники советской внешней и военной разведки, а также дипломаты И. Рейс, В. Кривицкий, А. Бармин, Ф. Раскольников и др. Шла постоянная ротация партийных и советских кадров. Документы свидетельствуют, что только в 1937 г. в среднем 4–5 раз сменилось руководство краевых, областных и республиканских партийных и советских органов. 20 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании инициировало начало массовых репрессий. Их основу составляли оперативные приказы Наркома внутренних дел Н. И. Ежова, согласно которым началась подготовка и проведение операций по арестам и репрессиям отдельных категорий граждан СССР. Делом о военно-фашистском

заговоре М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича и других начальствующих лиц в РККА в июне 1937 г. началась массовая чистка в РККА. 31 июля Политбюро утвердило представленный НКВД проект приказа о репрессиях против кулаков, уголовников и антисоветских элементов. При организации и проведении операций всех репрессируемых разбили на две категории. К первой относили наиболее враждебные элементы. Они подлежали немедленному аресту и по рассмотрении их дел на «тройках» — расстрелу. Ко второй категории относили менее активные враждебные элементы. Они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них — заключению на те же сроки в тюрьмы. Следствие требовалось проводить ускоренно и в упрощенном порядке с обязательным выявлением преступных связей арестованных. По окончании следствия дело направлялось на рассмотрение «тройки». Был утвержден персональный состав республиканских, краевых и областных «троек». «Тройки» вели протоколы своих заседаний, в которых записывали вынесенные ими приговоры в отношении каждого осужденного. Эти документы направлялись начальникам оперативной группы для приведения приговоров в исполнение. Общее руководство по проведению операций возлагалось на заместителя наркома НКВД СССР М. П. Фриновского. Это был самый жестокий приказ за весь период проведения репрессивной политики. Согласно представленным учетным данным, утверждалось количество подлежащих репрессиям. Устанавливался так называемый лимит на расстрел. Всего этим приказом планировалось подвергнуть аресту 258 950 человек. Кроме того, для ретивых начальников было сделано примечание, что «наркоматы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны предоставлять... в случае если обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр соответствующие мотивированные ходатайства». Это вызвало среди начальников-карьеристов УНКВД своеобразное соревнование за перевыполнение установленных им лимитов. Оно поощрялось Н. И. Ежовым. Тот из начальников УНКВД, кто быстрее реализовывал данный ему лимит, получал новый дополнительный лимит и рассматривался как работник, который лучше и быстрее других выполнял директивы Н. И. Ежова. Выдача дополнительных лимитов, как правило, удовлетворялась по согласованию с ЦК ВКП(б).

Однако при разработке операции, по-видимому, забыли про транспортные отделы. В связи с этим 1 августа 1937 г. всем начальникам шести отделов УНКВД и начальникам Дорожно-транспортного отдела ГУТБ также давалось задание арестовать предусмотренный Приказом НКВД СССР № 00447 контингент на транспорте. Разreshалось заводить и оформлять дела на «тройках» в пределах обслуживания дорог. В связи с началом проведения операции Вышинский обязал прокуроров союзных и автономных республик, краев и областей, автономных областей, военных округов, железных дорог ознакомиться с оперативным приказом № 00447. В соответствии с ним для контроля за законностью прокуроры обязывались присутствовать на заседаниях «троек» даже там, где они не были введены в их состав. В то же время оговаривалось, что соблюдение процессуальных норм и санкций на арест не требовалось, а решение «троек» являлось окончательным. А. Я. Вышинский требовал от прокуроров активного содействия успешному проведению операции. Репрессиям подлежали также и лица, находящиеся в местах лишения свободы.

Так, с 10 августа предлагалось начать и в двухмесячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных антисоветских элементов из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих контрреволюционеров, ведущих в лагерях активную антисоветскую подрывную работу. Кроме того, репрессиям подлежали и уголовные элементы, содержащиеся в лагерях и ведущие там преступную деятельность. Весь перечисленный выше контингент после рассмотрения его дел в «тройках» подлежал расстрелу без дальнейшего согласования. Приговоры «троек» объявлялись только осужденным по второй категории. Приговоренным по первой категории — к расстрелу — они не объявлялись, чтобы не создавать лишних проблем при приведении приговора в исполнение.

Следующий удар был нанесен по полякам, в первую очередь, по руководящему составу ЦК компартии Польши, польской секции ИККИ и лицам польской национальности, работающим на ответственных должностях в партийно-советских органах, Красной Армии и НКВД. 11 августа 1937 г. приказ НКВД СССР № 00485 обязал органы НКВД с 20 августа 1937 г. начать операцию, направленную на ликвидацию местных отделений Польской организации войсковой и, прежде всего,

ее «диверсионно-шпионских и повстанческих кадров» в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах.

Также в первую очередь подлежали аресту поляки: сотрудники НКВД, военнослужащие Красной Армии, работники военных заводов и оборонных цехов, железнодорожного, водного и воздушного транспорта, электросилового хозяйства всех промышленных предприятий, газовых и нефтеперегонных заводов. Во вторую очередь подлежали аресту все остальные поляки, работающие на промышленных предприятиях необоронного значения: в совхозах, колхозах и иных гражданских учреждениях. Отнесение лиц польской национальности к первой или второй категории на основании рассмотрения следственных материалов производилось народными комиссарами внутренних дел республик, начальниками УНКВД области или края вместе с прокурорами соответствующих республик, областей, краев. Списки направлялись в НКВД СССР за их подписью. После их утверждения в НКВД СССР и Прокурором Союза ССР приговор мог приводиться в исполнение, т. е. осужденных по первой категории могли расстреливать, а по второй — отправлять в тюрьмы и лагеря.

А. Я. Вышинский предложил проследить за прекращением освобождения из лагерей и тюрем поляков, осужденных за шпионаж и подлежавших освобождению в связи с окончанием срока наказания. Материалы о таких лицах должны были быть представлены Особому совещанию НКВД.

В соответствии с приказом операцию требовалось закончить в трехмесячный срок. Аресту подлежали выявленные в процессе следствия и до сего времени не найденные активнейшие члены ПОВ по прилагаемому списку: все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии; перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР; политэмигранты и политобмененные из Польши; бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий; наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов.

Всех, проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов, предлагалось немедленно арестовывать. Так по существу был издан приказ арестовать всех лиц польской национальности. Он предусматривал внесудебное решение дел арестованных по спискам с кратким изложением сути обвинения. Усердие работников НКВД периодически подстегивалось резолюциями и записками

Сталина об арестах и допросах. 13 сентября 1937 г. он писал руководителям НКВД: «Избить (курсив документа. — *Авт.*) Уншлихта (И. С. Уншлихт — бывший зам. председателя ВЧК и зам. председателя РВСР СССР. — *Авт.*) за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)». Выступая на расширенном заседании Военного совета 2 июня 1937 г., Сталин бросил обвинение в троцкизме Ф. Э. Дзержинскому. Он, в частности, сказал: «Дзержинский... открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина... Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось»¹³.

15 августа 1937 г. (приказ № 00486) дошла очередь до жен изменников Родины — членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категориям с 1 августа 1936 г. Рассмотрение дел и определение меры наказания в отношении данной категории лиц возлагалось на Особое совещание. Жены осужденных изменников Родины по данному приказу подлежали заключению в лагеря на сроки, определяемые в зависимости от степени социальной опасности, но не менее чем на 5–8 лет.

Считавшиеся социально опасными дети осужденных в зависимости от их возраста, степени опасности и возможностей исправления подлежали заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД или водворению в детские дома особого режима, находившиеся в ведении наркомпросов республик. В дальнейшем жен изменников Родины предписывалось арестовывать одновременно с мужьями. В дополнение к этому приказу мужья «изменниц» подлежали аресту и заключению в лагеря на срок в зависимости от степени социальной опасности и также не менее чем на 5–8 лет. Примечательно, что супругов рекомендовалось арестовывать одновременно.

Некоторые структуры НКВД–УНКВД СССР стремились максимально сократить число расстрелянных, заменяя высшую меру наказания тюремным заключением. Н. И. Ежов указал на эти ошибки специальных «троек» УНКВД Оренбургской, Сталинградской и Кировской областей, которые допускали в своей работе массовые осуждения репрессированных к тюремному заключению. Нарком внутренних дел СССР был вынужден подсказать, что самые злостные антисоветские элементы репрессируются по первой категории.

Он приказал сократить осуждение к тюремному заключению, а все дела на уже осужденных «спецтройками» к тюремному заключению пересмотреть, заменив тюремное заключение содержанием в лагерях¹⁴.

В сентябре 1937 г. были доложены первые итоги операции репрессий среди поляков. Всего к 30 августа были арестованы 15 218 человек. Был сделан вывод о массовом насаждении польской разведкой своей агентуры и об исключительной насыщенности ею не только пограничных районов, но и промышленных центров и отдельных крупных предприятий. За три недели органы НКВД СССР под руководством Н. И. Ежова обезвредили более 15 тыс. польских «шпионов»¹⁵.

В связи с продажей КВЖД в СССР вернулись несколько десятков тысяч советских граждан, ранее работавших на этой железной дороге. Они были репрессированы в соответствии с приказом НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г. Харбинцы были объявлены в большинстве своем агентурой японской разведки. 1 октября 1937 г. началась массовая операция по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности. На них, отнесенных к первой и второй категориям, должен был ежедекадно создаваться специальный альбом (отдельная справка на каждого арестованного) с конкретным изложением следственных и агентурных материалов, определяющих степень виновности арестованных, который направлялся в НКВД СССР на утверждение. После утверждения списков НКВД СССР и Прокурором Союза приговор приводился в исполнение немедленно¹⁶.

23 октября 1937 г. вышел новый приказ НКВД СССР, требовавший «решительной ликвидации возможностей проникновения в СССР агентуры противника под видом перебежчиков». С этой целью предлагалось всех перебежчиков, независимо от мотивов и обстоятельств перехода их на территорию СССР, арестовывать и подвергать самой тщательной и всесторонней следственной проработке, после чего редко кто не признавал своего участия в шпионской деятельности против СССР. Перебежчики, разоблаченные как агенты иностранных разведок, предавались суду Военной коллегии или военных трибуналов. Тех, кто выдержал пытки или признавался в связях с иностранными разведками, все равно заключали в тюрьмы ГУГБ или лагеря через представление следственных дел на Особое

совещание. Таким образом, иностранцы, прибывшие, подчас с риском для жизни в СССР в поисках лучшей судьбы, неизбежно попадали в тюрьму или под расстрел¹⁷.

Наряду с «тройками» в течение 1937–1938 гг. активно работала «двойка», так официально именовалась совместная комиссия НКВД и Прокурора СССР, специально созданная для упрощения уничтожения людей, арестованных в порядке проведения массовых операций¹⁸.

Местные органы НКВД составляли на каждого арестованного по массовым операциям краткие справки, в которых указывались лишь анкетные данные арестованного и весьма краткая суть обвинения. Справка высылалась в Москву и рассматривалась работниками центрального аппарата НКВД СССР.

По этим справкам готовился список с заранее определенными мерами наказания. После подписания этого документа Н. И. Ежовым или М. П. Фриновским (от НКВД) и Вышинским или Рогинским (от прокуратуры) решения приводились в исполнение немедленно. Просмотренные же дела оформлялись в виде протоколов, которые без всякой проверки и читки автоматически подписывались наркомом и прокурором.

В декабре 1937 г. наступила очередь латышей, создавших якобы свою контрреволюционную организацию в Ленинграде. В состав так называемого «Союзного националистического центра» входили все латвийские национальные учреждения в Ленинграде, секция латышских стрелков при Осовиахиме, латышское издательство, латышская секция Коминтерна, Латдомиросвет, латышские учебные заведения, общество «Прометей», акционерное общество «Продукт». Одна из резидентур была «создана» в аппарате бывшего Полномочного представительства ОГПУ ЛВО в составе начальника КРО Салыня, бывшего начальника ОО ЛВО Я. Я. Петерсона, бывшего заместителя ПП ОГПУ ЛВО Карпенко, бывшего начальника УСО Пиппары, сотрудников Короля и Пиннеса¹⁹.

В УНКВД по Оренбургской области был арестован бывший председатель Оренбургского облсуда А. М. Крумин, член облсуда Алехнович, оперуполномоченный УНКВД Ж. Я. Цируль.

К январю 1938 г. операции закончены не были, и 8 января 1938 г. в связи с тем, что железные дороги ухудшили свою работу, был сделан однозначный вывод о вредительской и диверсионной работе какого-

то врага. Был отдан приказ развернуть операцию и арестовать оставшийся на транспорте кулацкий и антисоветский элемент, в полной мере выполнить требования приказов об операциях по репрессиям среди немцев, поляков, харбинцев, латышей, греков, финнов, румын и др. На «тройках», в первую очередь, предлагалось рассматривать дела по железнодорожному транспорту. Поиски вездесущего врага привели к возникновению дел об иранском, афганском и даже австралийском «шпионаже».

Приказы Н. И. Ежова по проведению массовых арестов не только ориентировали, но и обязывали местные органы НКВД вскрывать повстанческие организации, шпионские, диверсионные группы. Сотрудники органов НКВД были поставлены перед необходимостью арестовывать сразу сотни и тысячи человек. Для придания видимости законности выдумывались различные повстанческие, правотроцкистские, шпионско-террористические, диверсионно-вредительские и тому подобные организации. Получалось так, что почти во всех краях, областях и республиках существовали эти организации и центры, и, как правило, их возглавляли первые секретари обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий. Документы свидетельствуют, что репрессивный государственный механизм в этот период стал неуправляем.

В марте 1938 г. состоялся процесс над Бухариным, Рыковым, Ягодой и др. Это был последний открытый судебный процесс. Летом 1938 г. осознали, что не хватает специалистов в народном хозяйстве — инженеров, техников, экономистов, плановиков, врачей, агрономов и геологов, как вольнонаемных, так и заключенных, поэтому аресты стали проводить только с санкции НКВД СССР. После бегства к японцам испугавшегося ответственности за репрессии начальника Управления НКВД Дальневосточного края Г. С. Люшкова, которого ранее ставили в пример за высокие показатели арестованных, сам М. П. Фриновский приехал на Дальний Восток наводить порядок.

Он отметил в своей директиве от 6 июля 1938 г., что, несмотря на относительно высокие цифры арестованных в Дальневосточном крае, анализ проведенной оперативной работы указывает на явное неблагополучие в деле разгрома врагов. То есть лица, которые прошли по показаниям арестованных, не были учтены и не были репрессированы, следственная работа велась поверхностно. Арестованные

Карикатура Б. Ефимова на бывших «оппозиционеров». 1938 г.

троцкисты и правые якобы не допрашивались об их организационных преступных связях с эсерами, меньшевиками и др. Не все жены заговорщиков арестовывались. Приказывалось усилить следствие и в семидневный срок провести массовую операцию, тщательно подготовив аресты всех врагов в промышленности, войсках, укрепрайонах. 9 июля уже приступили к составлению оперативных списков на весь антисоветский элемент, подлежащий репрессированию. Из-за бегства Люшкова руководство НКВД СССР действовало безжалостно, думая уже только о собственном выживании. Тучи сгу-

стились и над всесильным наркомом Ежовым. В августе 1938 г. его заместителем был назначен секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Л. П. Берия. Ситуация в репрессивной политике начала меняться.

Решением Политбюро от 15 сентября 1938 г. оставшиеся нерассмотренными следственные дела на арестованных по контрреволюционным контингентам были переданы на местах на рассмотрение «особых троек» в составе первого секретаря обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК нацкомпартий, начальника соответствующего управления НКВД и прокурора области, края, республики. Пошел процесс свертывания операций. С 23 октября 1938 г. арест иностранного подданного производился только с санкции народного комиссара внутренних дел Союза СССР или его заместителя. 16 ноября 1938 г. Политбюро утвердило проект директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б), которая гласила: «Приостановить с 16 ноября впредь до особого распоряжения рассмотрения всех дел на “тройках”, в военных трибуналах и Военной коллегии Верховного суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов в ином, упрощенном порядке».

17 ноября 1938 г. вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», в котором

отмечалась большая работа, проделанная органами НКВД СССР по разгрому шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок. Вместе с тем были отмечены недостатки: неполнота следствия (из-за упрощенного ведения) и слабая организация оперативной работы. Досталось и прокуратуре, не принимавшей меры по устранению недостатков по ведению следствия.

В Постановлении отмечалось, что пробравшиеся в органы НКВД и прокуратуру враги народа пытались не подчиняться партийному контролю. При этом забывалось, что проведение всех операций санкционировал лично И. В. Сталин. Предлагалось запретить проведение всех массовых операций. Ликвидировать судебные «тройки». При арестах и ведении следствия предписывалось строгое соблюдение законности. Местным партийным органам в течение двух месяцев предлагалось пересмотреть состав сотрудников прокуратуры, осуществляющих наблюдение за органами НКВД. Все следователи органов НКВД в Центре и на местах могли назначаться только по приказу народного комиссара внутренних дел СССР. СНК СССР и ЦК ВКП(б) в своем постановлении предупреждали, что любой работник прокуратуры и НКВД за нарушение советских законов будет привлекаться к строгой ответственности²⁰.

После выхода этого постановления обстановка на местах стала меняться. Если раньше приветствовалось предоставление дополнительных лимитов, то после указанного постановления заслугой считался саботаж «ежовской» репрессивной политики. Шла проверка снятых с рассмотрения 3447 «альбомных» дел Особого совещания. Требовалось прекратить производство массовых операций по арестам и выселению. Отныне арестовывать полагалось в строго индивидуальном порядке, предварительно согласовав эту меру с прокурором. Считались утратившими силу приказы, циркуляры и распоряжения НКВД СССР по спецоперациям. В Особое совещание при НКВД СССР разрешалось направлять дела с резолюцией прокурора при обстоятельствах, препятствующих передаче дела в суд. Эти дела докладывались лично народными комиссарами внутренних дел союзных и автономных республик и начальниками краевых и областных УНКВД или их заместителями²¹.

Таким образом, как и в период коллективизации, руководство партии и правительства приняло меры к исправлению допущенных ошибок. Политбюро ЦК ВКП(б) оказалось вроде бы ни при

чем, возложив вину за массовые репрессии на НКВД и прокуратуру. Однако документы свидетельствуют о том, что ни одно решение не принималось органами безопасности и прокуратуры самостоятельно. Политбюро жестко контролировало деятельность этих ведомств, периодически заменяя руководящий кадровый состав партийными работниками. Вся деятельность органов государственной безопасности строго регламентировалась. Ни один вопрос, который касался деятельности органов НКВД, не выносился на рассмотрение Совнаркома без предварительного обсуждения на Политбюро ЦК ВКП(б). Все вопросы репрессивной политики государственных органов рассматривались, организовывались и направлялись через Политбюро.

В эти годы шире стала распространяться подозрительность, усиливалось взаимное недоверие среди коммунистов в партийных организациях. Некоторое оздоровление в их работу внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 г. Однако массовые репрессии не прекратились, а продолжались вплоть до 1939 г.

Волна массовых репрессий 1937–1938 гг. широко захватила руководителей работников партийных, советских органов, хозяйственных организаций, а также командный состав армии и органов НКВД. По данным на 5 февраля 1939 г., Л. П. Берия и А. Я. Вышинский докладывали Сталину: особым совещанием ОГПУ и НКВД и тройками на местах за время с 1927 года осуждено к различным мерам наказания (к заключению в лагеря, ссылке, высылке) 2 100 000 человек. За два года — 1937–1938 — были арестованы 1 548 366 человек, из них расстреляны 681 692²².

За эти годы в большинстве республик, краев и областей было арестовано почти все руководство партийных и советских органов и значительное количество руководителей городских и районных организаций. В ряде крайкомов, обкомов и райкомов партии за это время подверглись арестам два-три состава руководящих работников. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде ВКП(б), были арестованы и расстреляны 98 человек. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях 1103 человека, из них расстреляны 848.

В середине ноября 1938 г. в Политбюро поступило заявление от начальника Ивановского областного управления НКВД

В. П. Журавлева, в котором тот сообщал о серьезных, с его точки зрения, недостатках в работе органов госбезопасности, о подозрительном поведении ряда руководящих работников НКВД и о том, что Ежов, которому он в свое время об этом сигнализировал, никак на его сигналы не реагирует. Сталин распорядился перевести его в Москву и назначить начальником столичного управления НКВД. Для обсуждения ошибок Н. И. Ежова 19 ноября Сталин созвал представительное собрание с участием членов Политбюро заместителя Ежова по Комиссии партийного контроля М. Ф. Шкирятова, заведующего Отделом руководящих партийных органов Г. М. Маленкова, а также Л. П. Берия и М. П. Фриновского. Оно продолжалось более пяти часов. 23 ноября Ежов написал письмо на имя Сталина с просьбой освободить его от должности наркома внутренних дел. Он признавал, что им были допущены серьезные ошибки по линии организации разведки, следственной работы и кадровой политики. Ежов ставил себе в заслугу, что НКВД «здорово» погромил врагов. Вечером 23 ноября Сталин вызвал к себе Ежова и провел с ним трехчасовой разговор в присутствии В. М. Молотова и К. Е. Ворошилова. Объяснения Ежова не встретили понимания у присутствующих. Вечером 24 ноября всесильный нарком был отправлен в отставку. 25 ноября народным комиссаром внутренних дел был назначен Л. П. Берия. Непродолжительная «оттепель» в начале 1939 г. сменилась новыми репрессиями, но уже меньшего масштаба²³.

3. Итоги сталинских пятилеток

Парадокс истории заключается в том, что «большой террор» проходил на фоне реальных успехов, достигнутых советским народом. Во второй половине 1930-х гг. страна прекратила ввоз сельскохозяйственных продуктов, не покупали за рубежом и хлопок, сократилась закупка черных металлов, торговый баланс стал активным и принес прибыль. Вдвое выросла производительность труда. Валовая продукция увеличилась в 2,2 раза. Однако общие сдвиги и реальные достижения отнюдь не меняли общего вывода о том, что широко прокламируемые в советской историографии положения о досрочном выполнении второй пятилетки не соответствовали действительности. Из 46 плановых показателей выполнены были задания

только по 10. Лидером оставалась тяжелая промышленность. Деревня продолжала восприниматься как поставщик дешевого зерна и массовый источник рабочей силы. С помощью административных мер и налогов к исходу 1930-х гг. единоличные крестьянские хозяйства как товаропроизводители практически были изжиты. На рубеже 1930–1940 гг. в стране было ликвидировано 816 тыс. хуторских хозяйств. Политические руководители СССР пытались перескочить через ступени зрелости сельскохозяйственной экономики, обойти законы общественного воспроизводства.

Отдавая должное, отметим, что за короткий срок вырос потенциал, который по отраслевой структуре, техническому оснащению, возможностям производства находился на уровне самых развитых стран, он предназначался для дальнейшего развертывания тяжелой промышленности, военно-промышленного комплекса. Эти сдвиги стали аксиомой в советской историографии. Куда меньше писалось и говорилось, что индустриализация не затронула другие отрасли экономики. Ручной труд преобладал в сельском хозяйстве и строительстве, не получила развития легкая промышленность, мало внимания уделялось развитию инфраструктуры — сооружению дорог, элеваторов и складов. «Большой скачок» не был мифом советской историографии. Он действительно состоялся. Это был, прежде всего, стремительный рост насильственно преобразуемой экономики, рождения новой модели общества под флагом социализма.

В отечественной историографии всегда аксиомой был тезис о том, что бурный рост народного хозяйства кардинально изменил не только условия труда, но и быт советских людей. Факт увеличения численности рабочих и служащих с 9 млн в 1928 г. до 23 млн в 1940 г. рассматривался как признак подъема благосостояния трудящихся. Но 30-е гг. для советского народа были десятилетием огромных трудностей и лишений, гораздо более тяжелых, чем 1920 гг. В 1936 и в 1939 гг. плохие урожаи вызвали перебои в продовольственном снабжении города. В постперестроечной литературе, посвященной этим проблемам, основная вина возлагалась на политическое руководство страны. Сталин и его окружение рассматривались как непосредственные организаторы голода. Такая точка зрения не соответствует истине. Политика государства была направлена на то, чтобы оградить городское население, избежать деклассирования рабочего класса и заставить крестьянство принять главный удар на себя²⁴.

НОВЫЙ БЫТ: «ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ»

Уровень жизни в 1930-е гг. резко понизился и в городе, и в деревне. Следствием форсированной индустриализации явилось то, что города наводнили пришельцы из деревень. Жилья катастрофически не хватало. На исходе 1930-х гг. на одного горожанина приходилось жилой площади меньше, чем до революции. Большинство жильцов населяло коммунальные квартиры, бараки, подвалы, сохранялись даже землянки. Число жителей Москвы с 2 млн увеличилось до 5 млн чел., в Ленинграде оно также выросло резко, а население Свердловска увеличилось со 150 тыс. человек до полумиллиона. Такая же картина повсеместно наблюдалась во всех промышленных центрах СССР.

Детская смертность превысила показатели конца 1920-х гг. Рождаемость падала. Потребление мяса и рыбы в городе составляло в 1932 г. всего одну треть от уровня 1928 г. и примерно пятую часть от нормы потребления на рубеже столетия. Существовали государственные коммерческие магазины. В 1933 г. средняя зарплата составляла около 125 рублей в месяц. Килограмм хлеба стоил в таком магазине 4 рубля, мяса — от 16 до 18 рублей, колбасы — 25, сливочного масла — от 40 до 45 рублей. Не лучше обстояло дело с промышленными товарами. Стоимость туфель в коммерческом магазине составляла 30–40 рублей, брюк — 17–18 рублей²⁵.

С переходом к централизованному планированию неотъемлемой чертой советской экономики стал дефицит товаров. Он сопутствовал всему советскому периоду отечественной истории и постоянно считался временной проблемой. Дефицит в равной степени был обусловлен недопроизводством потребительских товаров и сложившейся системой их распределения. Не хватало не только продовольствия, но и керосина, спичек, соли, обуви и одежды. Фактически отсутствовала система бытового обслуживания. Только в марте 1936 г. был принят закон, разрешающий частную практику в таких сферах, как починка обуви, ремонт и пошив одежды, плотницкое и столярное дело, фотография, стирка белья и металлоремонт²⁶.

С конца 1932 г. были введены внутренние паспорта и городская прописка. Острым был жилищный кризис, и никакой социальный статус или связи часто не гарантировали получение отдельной квартиры. Обычной нормой для городов сталинской эпохи была коммунальная

квартира — по комнате на семью. Сам термин «коммунальный» носил идеологический оттенок, вызывая в воображении некое коллективное социалистическое общежитие. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. наиболее радикальные архитекторы строили новое жилье для рабочих с общими кухнями и ванными. В действительности коммунальные квартиры не способствовали воспитанию духа коллективизма и привычек общинного быта у жильцов. Характерной чертой этого времени стало ведомственное жилье, когда квартира или комната, а также коммунальные услуги представлялись предприятием или учреждением, принадлежащим отдельным ведомствам.

Резкое увеличение численности городского населения остро поставило вопросы городского хозяйства и общественного транспорта. Трамваи, автобусы были редкостью для крупных промышленных центров. В первой половине 1930-х гг. города захлестнула вспышка антиобщественного, разрушительного поведения, получившего название хулиганства. На этой почве процветала преступность, нередко принимавшая организованный характер. Дефицит продовольственных и промышленных товаров породил еще одно антиобщественное явление — спекуляцию. Это была своего рода «вторая система распределения». В ней были не только простые перекупщики, но и крупные дельцы, имевшие связи с директорами магазинов и складскими работниками. Директора магазинов и торговые работники нередко сами возглавляли шайки спекулянтов, получавшие товары прямо со складов. Главными местами сосредоточения спекулянтов были крупные магазины, вокзалы и колхозные рынки. Личные связи и знакомства позволяли несколько смягчать суровые условия жизни для некоторых граждан в СССР. Бытовые неудобства, дефицит товаров, «вторая» экономика, основанная на личных связях и знакомствах, стали нормой жизни советского народа.

НОВАЯ ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Октябрьская революция отменила все звания, ранги и форменную одежду, но в середине 1930-х гг. они были восстановлены. В 1934 г. специальная правительственная комиссия рекомендовала наряду с железнодорожниками и милиционерами ввести форму служащих для ведомства гражданской авиации, полярных исследований, лесного, а также для руководящего состава на водном транспорте и рыболовных

судах. Форма имела определенные знаки различия. Введение школьной формы уменьшало социальное неравенство в школе. Форма во многом ассоциировалась с порядком, благопристойностью, с воспитанием ответственности и гордости за свой коллектив. В 1935 г. в Красной Армии были введены персональные звания: майора, полковника и маршала. Первыми маршалами Советского Союза стали К. Е. Ворошилов, М. Н. Тухачевский, С. М. Буденный, В. К. Блюхер, А. И. Егоров. Тогда же была установлена иерархия наград и почетных званий в области науки и культуры. Наградная система имела большой общественный вес и немалую практическую ценность. Орденосцы и лица, имевшие почетные звания, получали небольшую ежемесячную надбавку, имели право на особую пенсию, пользовались приоритетом при получении железнодорожных билетов, комнат в домах отдыха и массы других вещей. Так сложилась сбалансированная система материального и морального стимулирования²⁷.

Советское государство сделало много для социальной защиты семьи и материнства: были установлены льготы для многодетных матерей, утверждался авторитет родителей наравне с авторитетом школы и комсомола. Это во многом было связано с падением рождаемости. В 1940 г. был упразднен институт свободного брака, ранее законом были запрещены аборты²⁸.

СИСТЕМА КОНТРОЛЯ И ПОДАВЛЕНИЯ

В первой половине 1930-х гг. большую проблему представляла преступность несовершеннолетних: от карманных краж она доходила до хулиганства и более серьезных преступлений. 7 апреля 1935 г. ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Оно устанавливало ответственность, как для взрослых, за насильственные преступления, начиная с 12-летнего возраста²⁹. За этим постановлением последовал Закон «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Он значительно расширил участие НКВД в судьбе бездомных детей и малолетних преступников. Закон защищал сирот от злоупотреблений опекунов, за «воровство и уличное хулиганство детей на родителей налагался штраф до 200 рублей»³⁰.

На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР оформилась система всеобщего контроля и подавления. Важнейшей предпосылкой ее возникновения

была монополия Коммунистической партии на власть в стране. Монополия и бесконтрольность неизбежно ведут к вседозволенности, а это верный путь к загниванию и перерождению аппарата. Верхушка партии в течение 1920-х гг. была втянута в перманентную внутрипартийную борьбу, которая переросла в борьбу за власть в партии и государстве и привела к установлению режима личной власти группировки Сталина. Новые партийные функционеры с неприязнью относились к партийной интеллигенции, презрительно именуя ее представителей «умниками» и «белоручками», порицая и отвергая демократические формы внутрипартийных отношений. Диктатура пролетариата постепенно трансформировалась в диктатуру партии, которая предполагала руководящую роль ЦК и Генерального секретаря. На пленуме ЦК ВКП(б) сразу после XV съезда было принято единогласное решение (против был один — Сталин) сохранить должность Генерального секретаря ЦК и И. В. Сталина на этой должности³¹. Коммунистическая партия стала первой огосударственной общественной организацией. По мнению Сталина, «Кадры партии — это командный состав партии, а так как наша партия стоит у власти — они являются также командным составом руководящих государственных органов»³². Члены ЦК занимали ведущие должности в ЦИК СССР и РСФСР, в СНК или должности наркомов. Они всегда были также руководителями правоохранительных органов и органов государственной безопасности.

Нормальным и закономерным явлением в жизни номенклатурных кадров было перемещение их с партийной на советскую работу и обратно. Аналогичное сближение и слияние партийных органов происходило также с комсомолом, профсоюзами и другими общественными организациями. Новая система власти сложилась одновременно с созданием государственной централизованной системы планового хозяйства. В этой системе были жестко завязаны партия, местные Советы и территориальные производственные ячейки. Ее органы несли полноту ответственности за результаты деятельности промышленных и сельскохозяйственных предприятий региона и были обязаны оперативно вмешиваться в их работу.

Господствующее положение занимали партийные органы, которые не всегда были достаточно компетентны в хозяйственных вопросах. При этом существовало жесткое запрещение ссылаться в советском и профсоюзном делопроизводстве на их решения, и этим

снималась ответственность за принятые решения с партийного аппарата. Бюрократический аппарат был необходим Сталину для захвата и осуществления абсолютной власти в стране. Он обладал реальной властью и управлял всеми сферами жизни общества. Основная масса населения — рабочие, крестьяне-колхозники, интеллигенция — была отчуждена от власти. Конституция выполняла роль своеобразной демократической ширмы, прикрывающей авторитарный режим. Мнение миллионов рядовых членов партии никакого влияния на решения и действия политического руководства оказывать не могло.

Важным политическим моментом установления тоталитарной власти было ослабление коллективного руководства. По мере усиления роли Сталина все меньшую роль в жизни страны стали играть не только советские учреждения, но и коллективные органы руководства партией. Упала роль и значение съездов, всесоюзных партконференций. Редко стали созываться пленумы ЦК партии. Политбюро почти не собиралось, а его решения принимались чаще всего путем сбора подписей под подготовленным, по поручению Сталина, проектом документов. Заседания Политбюро даже не протоколировались, а обычно подменялись частными совещаниями узкого состава Политбюро: «тройки», «семерки», в состав которых входили Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Берия, Маленков и иногда некоторые другие. Все властные права масс были узурпированы аппаратом командно-административной системы, который сфокусировал всю власть и ответственность в руках одного человека — И. В. Сталина, который сам все больше становился своеобразным заложником созданной им же системы.

Привилегированный слой партийно-советской бюрократии мог существовать, опираясь на малоквалифицированные слои рабочих, которые постоянно пополнялись выходцами из деревни. Становление тоталитаризма сопровождалось массовыми репрессиями, которые затронули не только «бывших людей», но и многомиллионные массы крестьянства, рабочих, интеллигенции и даже бюрократию, формирующую все уровни и структуры авторитарной власти. Все это требовало идейно-теоретического обоснования, оправдания и камуфляжа. Это было дано соответствующей идеологией сталинизма, охватывающей все сферы духовной жизни общества. Она тесно сопрягалась с прагматической сталинской политикой и была крайне эклектичной, поскольку вбирала в себя элементы несовместимых идей и представлений.

НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

С точки зрения науки идеология носила характер вульгарного марксизма. Она отличалась крайним догматизмом, абсолютной непримиримостью к любым отклонениям от единственной, официально выраженной и утвержденной точки зрения. Это касалось толкования вопросов теории, решений партийных съездов и инстанций, высказываний основоположников марксизма-ленинизма и, в первую очередь, выступлений и заявлений самого Сталина. При этом всякое инакомыслие в партии и обществе жестоко преследовалось и практически исключалось. Система цензуры пресекала и уничтожала любую оригинальную мысль в области обществоведения, вытекающую из критического суждения о реальной действительности. Сталинское окружение не обладало законченным образованием и сколько-нибудь высокой культурой.

Примитивность идеологии сочеталась с претензией на универсализм. Одним из основных постулатов сталинизма являлось признание непрерывного сохранения и усиления классовой борьбы по мере развития и укрепления социализма. Эта идея позволяла поддерживать идеологическую напряженность в обществе, направленную против инакомыслия, плюрализма мнений и самостоятельности суждений. Эти явления квалифицировались как «идеологические диверсии», порожденные «пережитками капитализма» и «тлетворным влиянием» Запада³³.

Резкой критике были подвергнуты взгляды в экономической, исторической и философской науке. Заведующий отделом агитации и пропаганды А. И. Стецкий в 1930 г. официально объявил философу А. М. Деборину, что «отныне требуется утвердить один авторитет во всех областях... Этот авторитет — наш вождь Сталин». Большую роль в утверждении сталинизма сыграла историческая наука. Она стала важной составной частью государственной идеологии. Сталинские историки беззастенчиво фальсифицировали историю партии, Октябрьской революции и строительства нового общества. Тон этому задавал сам Сталин. В 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» была опубликована его статья «О некоторых вопросах истории большевизма». Она полностью исключала метод дискуссий из практики исторической науки, отрицала целесообразность работы историка с архивными документами и содержала серьезные политические обвинения в адрес историков. В 1938 г. все государственные

Сталин и члены Политбюро. Худ. В. Сварог. 1939 г.

архивы были переданы под управление НКВД. С этой целью было специально создано Главное архивное управление НКВД СССР. Это резко сократило допуск в них историков и ограничило возможности изучения подлинных исторических документов³⁴. «Энциклопедией основных знаний в области марксизма-ленинизма» был объявлен «Краткий курс истории ВКП(б)». Известно, что Сталин лично принимал непосредственное участие в его подготовке. Он неплохо знал историю и очень хорошо понимал ее значение и политическую роль в обществе. Поэтому он решительно возражал против ликвидации в вузах курса всеобщей истории и истории СССР. «Хорош тот марксист, который знает всеобщую историю. Без этого нельзя быть марксистом», — утверждал Сталин³⁵.

Документы свидетельствуют, что Сталин знакомился с различными вариантами книги «Политическая экономия. Краткий курс», подготовленной коллективом под руководством Л. А. Леонтьева. В январе 1941 г. на встрече с коллективом авторов он высказал свои замечания и предложения, поставил задачу в месячный срок завершить работу. Однако до войны учебник политической экономии не был издан.

Политизация и идеологизация пронизывали все стороны жизни общества. Этому во многом способствовали процессы огосударствления творческих союзов, которые проходили в СССР в 1930-е гг. Союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов были поставлены под жесткий контроль партии и бюрократического аппарата этих организаций. Исключение из союза вело к утрате привилегий, а главное — к полному отрыву от потребителя (прекращение изданий произведений, участия в выставках и т. д.). В практику художественного творчества прочно внедрился метод социалистического реализма, который был официально объявлен единственным идеологически и политически выдержанным методом художественного познания мира.

Все решалось в высшем эшелоне власти. Не органы культуры, не соответствующие наркоматы и даже Агитпроп ЦК ВКП(б), а лично Сталин и уполномоченные им секретари ЦК по идеологии наблюдали за состоянием литературы и искусства. В такой обстановке не объективная оценка, а субъективное отношение самого Сталина и его окружения определяли судьбу романа, сборника стихов, оперы и песни, архитектурного проекта или кинофильма. Пафос многих произведений отнюдь не соответствовал реалиям жизни. Тем не менее, их высокий художественный уровень во многом идеологически обеспечивал существование режима.

4. Закат Коминтерна и зигзаги внешней политики СССР

Сталинизация Коминтерна

Строительство нового общества проходило в сложных внешнеполитических условиях. Вместе с ростом экономического и военного потенциала рос престиж Советского государства. В конце 1933 г. СССР признали США. К 1936 г. дипломатические отношения с Советским Союзом установили 36 стран, включая крупнейшие капиталистические державы. Выход из неблагоприятного экономического и внешнеполитического положения в конце 1920-х — начале 1930 гг. отдельные страны искали на путях реванша и агрессии, милитаризации экономики. В ряде европейских государств — Венгрии, Болгарии, Испании, Германии — установились открыто фашистские и авторитарные режимы.

В 1928 г. коминтерновские теоретики зафиксировали явные признаки нового революционного подъема, приближения нового этапа империалистических войн и угрозы нового похода против СССР. Реальные события подтверждали эти теоретические прогнозы. Летом 1928 г. VI конгресс Коминтерна принял новую программу. Социал-демократы были объявлены злейшими врагами коммунизма, и борьба с ними становилась отныне главной задачей всех коммунистических и рабочих партий. В 1928–1929 гг. началась сталинизация коминтерновских организаций и чистка компартий. Главным итогом стал переход от демократического централизма к растущему бюрократическому централизму. Наиболее сильно пострадали германская, американская, чехословацкая, шведская и британская компартии. Смятение царило во французской, итальянской и польской партиях. Исключенные коммунисты либо пополняли ряды социал-демократов, либо образовывали самостоятельные политические группы, либо совсем покидали политику. Многие компартии не смогли оправиться от неожиданного удара. Так, фактически прекратила свое существование шведская компартия, а в Чехословакии одновременно пострадали «красные профсоюзы». Новые руководители Коминтерна Д. З. Мануильский, И. А. Пятницкий, О. В. Куусинен и А. А. Лозовский были опытными функционерами и верными сталинцами. Деморализация Коминтерна привела к падению его авторитета и влияния в международном рабочем движении.

В 1930-е гг. Коминтерн стал всего лишь одним из инструментов советской внешней политики. Он продолжал существовать как оружие пропаганды в пользу «первого социалистического государства» за рубежом. Внутри страны он продолжал изображаться как «интернациональная армия» пролетариев, превосходящих по силе Лигу Наций и поддерживающая строительство социализма в СССР. Советская дипломатия в лице НКВД начала вытеснять изначальную роль Коминтерна в подготовке мировой коммунистической революции, поскольку она в значительной степени затрудняла попытки смягчить отношения с Западом и сохранить мир. По мнению Г. В. Чичерина, «нелепые разговоры в Коминтерне о борьбе против мнимой подготовки войны против СССР только портили и подрывали международное положение СССР». С утверждением в руководстве НКВД Литвинова напряженность в отношениях Наркоминдела с Коминтерном лишь возросла. Приход нацистов к власти в Германии и жестокое подавление

германского рабочего движения привели к кризису III Интернационала. Реакция переходила в наступление в большинстве европейских государств.

В этих условиях разрыв между политической реальностью и действиями Коминтерна достиг апогея. Масштабы кризиса мирового коммунистического движения были впечатляющими. Из 72 партий, представленных на XIII пленуме ИККИ в ноябре—декабре 1933 г. только 16 имели легальный статус и еще 7 «полулегальный». Французская и чехословацкая компартии насчитывали около 30 тысяч человек и считались крупнейшими в Европе. Рабочие-коммунисты стихийно объединялись с рабочими-социалистами, чтобы совместными усилиями дать отпор силам реакции. 6 февраля 1934 г. им удалось предотвратить попытку захвата власти фашистами во Франции. 12 февраля социал-демократические рабочие Вены и Линца в Австрии выступили с оружием против авторитарного режима австрийского канцлера Дольфуса. Это выступление было жестоко подавлено, но оно свидетельствовало, что социал-демократы Австрии готовы вести борьбу с фашизмом.

Крутой поворот

В сложившейся ситуации от руководства Коминтерна потребовалось изменение тактической линии. В конце февраля 1934 г. в Москву с триумфом возвратился руководитель западноевропейского бюро Коминтерна болгарский коммунист Георгий Димитров. В марте 1933 г. он был арестован по обвинению в поджоге рейхстага и на судебном процессе в Лейпциге выступил с разоблачительной речью в адрес обвинения и его главного свидетеля — одного из вождей германских нацистов Германа Геринга. Этот процесс принес Георгию Димитрову международный авторитет и влияние. Именно его Сталин поставил на пост Генерального секретаря ИККИ. По инициативе Димитрова коммунистическая и социалистическая партии Франции подписали в июле 1934 г. «Пакт о единстве действий». Этим было положено начало созданию единого Народного фронта против фашизма. Окончательно новый курс Коминтерна утвердился на VII конгрессе, проходившем с 25 июля по 21 августа 1935 г. в Москве.

Конгресс одобрил тактику Народного фронта, опробованную французской компартией, в качестве общекоминтерновской

политической линии. Между тем обстановка в мире накалялась все больше. В начале 1930-х гг. Япония начала войну против Китая. Она оккупировала Маньчжурию и вышла к восточным границам СССР. Официально советское правительство заявило о нейтралитете в разгоравшемся конфликте. Однако в конце 1932 — начале 1933 гг. участились случаи перехода китайскими войсками и населением советско-китайской границы. Количество интернированных исчислялось тысячами. 27 марта 1933 г. японское правительство объявило о выходе Японии из Лиги наций. Возникла реальная угроза войны с СССР. 5 марта 1933 г. национал-социалистическая партия Германии одержала победу на выборах в рейхстаг, который 23 марта проголосовал за предоставление канцлеру Адольфу Гитлеру абсолютных полномочий сроком на 4 года.

МИФ О КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ

Приход Гитлера к власти в Германии означал для СССР потенциальную угрозу войны. Планы фюрера выходили далеко за рамки ревизии Версальского договора. Это были претензии на установление мирового господства. К этому времени по каналам внешней разведки советское политическое руководство было достаточно точно информировано об агрессивных планах западноевропейских государств и Японии. Было известно о польско-японских переговорах. В 1935–1937 гг. руководство страны получило информацию о тайных встречах британских руководителей высшего уровня с Гитлером, во время которых министры иностранных дел Саймон и лорд Галифакс, а также премьер-министр Чемберлен дали согласие на перекройку карты Европы в пользу Германии, на удовлетворение ее притязаний на Австрию, Чехословакию, Польшу, Мемельскую область Литвы при условии, что Германия будет оставаться «бастионом Запада против большевизма», а ее устремления по расширению «жизненного пространства» будут направлены на Восток. 19 октября 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций.

В декабре 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об активизации внешнеполитической деятельности в целях предотвращения войны на основе плана коллективной безопасности. Задача была не из легких. Большинство граничащих с СССР государств занимали по отношению к нему враждебную позицию. Некоторые

из них — Румыния, Польша и Япония — открыто высказывали территориальные притязания, а Финляндия и страны Балтии в любой момент готовы были превратиться в плацдарм германской агрессии против России.

Особую непримиримую позицию занимала Польша. Военные реформы, проведенные при участии французских и британских военных специалистов, давали основания полагать, что военный потенциал Польши находится на высоком уровне. Правительство Пилсудского–Бека в январе 1934 г. подписало германо-польскую Декларацию о необращении к силе, в которой уведомило Гитлера о своих планах объединить под эгидой Польши территорию от Финляндии до Турции. После этого польская дипломатия стала методически срывать все усилия СССР по созданию в Европе системы коллективной безопасности.

1934 г. характеризовался дестабилизацией политической обстановки в Европе. 6 декабря началась агрессия Италии против Эфиопии. Через весь европейский регион прошла волна политического террора, жертвами которого стали канцлер Австрии Э. Дольфус в Вене, король Югославии Александр и министр иностранных дел Франции Л. Барту в Марселе, видный деятель ВКП(б) С. М. Киров — в Ленинграде. Переход к массовому террору против политических противников Сталина серьезно подорвал репутацию Советского Союза в мире. Проект создания Восточного пакта был сорван. Политически и психологически европейским демократическим политикам было трудно находить аргументы в пользу военного сотрудничества с СССР³⁶.

«НАД ВСЕЙ ИСПАНИЕЙ БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО»

В июле 1936 г. обострилась внутривнутриполитическая ситуация в Испании. На выборах в кортесы одержали победу левые партии, объединившиеся в Единый Народный фронт. Потерпевшие поражение правые партии обратились за поддержкой к правительствам Германии и Италии. На территории испанского Марокко возник центр военного заговора, организаторы которого подняли мятеж. Страна оказалась в состоянии гражданской войны. В этих условиях обострились германо-англо-французские противоречия.

Сталин не хотел победы Франко, но и не стремился к слишком быстрому прекращению войны в Испании. Он был озабочен

сильным влиянием троцкистских групп в испанском левом движении и не исключал, что победа испанских революционеров укрепит не коминтерновское, а троцкистское крыло коммунистического движения. Советский Союз рассчитывал выиграть время для укрепления внутренних дел (политических и хозяйственных) и стратегических позиций на Дальнем Востоке, где японская угроза казалась реальнее европейской³⁷.

Европейские державы объявили о проведении линии невмешательства в испанские дела. Было принято решение о введении эмбарго на поставки оружия воюющим сторонам. Однако на деле оно нарушалось. Германия и Италия активно переправляли оружие, специалистов и военную технику мятежникам. 23 сентября СССР заявил об отказе соблюдать соглашение о невмешательстве и начал на коммерческой основе экспортировать в Испанию вооружение, самолеты и технику. В Испанию были направлены военные и политические советники во главе с бывшим начальником Разведуправления РККА П. И. Берзиным. Численность советских добровольцев составляла около 500 человек. 24 ноября новый испанский посол Паскуа был отправлен в Москву, он получил от Ларго Кабальеро самые широкие полномочия для заключения секретного договора с СССР о дальнейшем снабжении испанских «красных» оружием. Такой договор и был подписан на третий день после прибытия Паскуа в Москву³⁸.

Суть документа заключалась в том, что испанское правительство Кабальеро обязывалось держать в Москве золотой фонд на сумму не ниже двухсот пятидесяти миллионов песет (полмиллиарда франков), в счет которого Москва обязалась поставлять вооружение испанским «красным». Таким образом, в этом акте «революционной поддержки» со стороны СССР правительства Кабальеро заключался прежде всего элемент чистейшей коммерции, ибо Москва, с помощью испанского золотого фонда, получила возможность увеличить свой золотой запас. Получив испанское золото, Москва начала громадные и регулярные отправки оружия в Испанию. Первые военные советники прибыли в Испанию в 20-х числах августа 1936 г. 22 октября на пяти кораблях были доставлены танки с горючим и боеприпасами, стрелковое оружие, бронеавтомобили, эскадрилья истребителей, артиллерийские системы с боеприпасами. Решение на отправку в СССР части золотого запаса Банка Испании приняли премьер-министр Кабальеро и министр финансов Негрин в час предельной опасности — угрозы

захвата Мадрида националистами. Многим тогда казалось, что дни Республики сочтены. Жестокие бои шли уже в самом городе. Выбора у республиканского правительства просто не было³⁹.

По версии испанского ученого А. Виньяса, 15 октября 1936 г. Кабальеро и Негрин официально обратились к Советскому Союзу с просьбой принять на хранение примерно 500 тонн золота. 17 октября 1936 г. на заседании Политбюро было принято решение «поручить Розенбергу (советский посол в Испании. — *Авт.*) ответить испанскому правительству, что мы готовы принять на хранение золотой запас и что мы согласны на отправку этого золота на наших возвращающихся из портов судах с условием, что золото будет сопровождаться уполномоченным испанского правительства или Минфина и что наша ответственность за сохранность золота начинается с момента сдачи его Наркомфину в нашем порту». Погрузка золота проходила в глубокой тайне. А Орлов именовался «мистером Блэкстоном из мифического национального банка США». Участников столь ответственной акции по перевозке золота представили к правительственным наградам. Весь золотой запас Испании был перевезен в СССР⁴⁰.

Для оказания помощи Народному фронту из числа добровольцев различных национальностей под руководством представителей Коминтерна были сформированы интернациональные бригады, которые принимали активное участие в гражданской войне. В отличие от СССР, Германия и Италия стали отправлять воинские контингенты, которые назывались легионерами. Серьезные разногласия внутри правительства Народного фронта, раскольническая деятельность троцкистов и анархистов в Барселоне и по всей Каталонии привели к поражению антифранкистских сил, и в 1939 г. в Испании была восстановлена диктатура Франко.

МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ЯПОНИЕЙ

25 ноября 1936 г. Япония и Германия заключили «Антикоминтерновский пакт». К этому времени в Европе складывались предпосылки для создания неформальной коалиции всех правых сил, направленной на координацию действий в вопросах противодействия коммунизму. Переход к массовому террору в 1937 г. окончательно подорвал доверие к СССР. За Советским Союзом закрепилась репутация

**Советские руководители на заседании I сессии Верховного Совета СССР
(Сталин, Хрущев, Берия, Шкирятов, Маленков, Жданов)**

нестабильного государства, и установилось общеевропейское скептическое мнение о ценности СССР только как военного союзника. После разгрома военных и военно-инженерных кадров в СССР в Великобритании и Франции считался бессмысленным союз с Советским государством. Низкого мнения о возможностях Красной Армии были и германские специалисты.

Советский Союз в 1938 г. был парализован террором. Сталин полностью завершил консолидацию общества и чистку элиты. СССР и Германия практически синхронно стали тоталитарными государствами. Однако германская элита — за минусом ее еврейской части — подверглась не столько чистке, сколько нацификации. Гитлер сохранил практически полную преемственность в руководстве экономикой, дипломатией и военной машиной. Лояльность режиму была гарантией личного и корпоративного выживания. Сталинский террор был иррациональнее гитлеровского, и лояльность ничего не стоила.

Советская элита была лишена даже права совещательного голоса, и политические воззрения Сталина не подвергались никакой корректировке и единолично обуславливали внутреннюю и внешнюю политику. Сталин ставил перед партией две разноплановые задачи: обеспечить безопасность страны и завоевать для СССР новые сферы влияния. В конце 1930-х гг. императивом внешней политики для Сталина было восстановление империи в границах 1913 г. Однако серьезным препятствием к достижению этого военно-дипломатическими путями была многолетняя приверженность доктрине мировой социалистической революции и практическое вмешательство в социальные движения зарубежных стран. Это изолировало СССР от нормальной дипломатической практики.

Во второй половине 1930-х гг. штаб Квантунской армии направил в центр документ «Политика обороны государства», в котором предписывалось силами Квантунской и Корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью для его захвата путем отсечения войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа и их уничтожения. Однако в 1938 г. Япония в материально-техническом отношении еще не была готова к крупномасштабным военным действиям. Японцы понимали необходимость серьезной подготовки и пытались выяснить возможность реализации своих планов против СССР и одновременно готовились к войне. В 1937 г. в Маньчжурии на границах Советского Союза и Монгольской Народной Республики японцами было создано 11 укрепленных районов, вдоль государственных границ размещались сильные военные гарнизоны, строились и совершенствовались шоссейные дороги.

К весне 1938 г. численность японских войск была доведена до 350 тыс. человек, имевших 1052 артиллерийских орудия, 585 танков и 355 самолетов. Значительный контингент японское командование содержало в Корее. Советское правительство приняло ответные меры. Приказом наркома обороны Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия была преобразована в Краснознаменный Дальневосточный фронт. Командующим войсками округа был назначен В. К. Блюхер.

Фронт состоял из двух армий — 1-й Приморской и 2-й Отдельной Краснознаменной, которыми командовали комбриг К. П. Подлас и комкор И. С. Конев. Для пополнения корабельного состава Тихоокеанского флота с Балтики Северным морским путем были

направлены два эскадренных миноносца. Планируя вооруженную акцию в районе озера Хасан, японское командование рассчитывало создать угрозу всему Посъетскому району и в конечном итоге овладеть всей южной частью советского Приморья. Разгром японских группировок около озера Хасан, а в 1939 г. — в районе реки Халхин-Гол были стратегической пробой сил оси Берлин — Рим — Токио. Возрастала реальная угроза нападения на СССР одновременно с Запада и Востока.

Весной 1939 г. в международной обстановке произошли серьезные перемены. Ликвидация гитлеровцами Чехословакии как независимого государства убедила правящие круги Англии и Франции в несостоятельности политики «умиротворения», в растущей агрессивности нацистской Германии, создавшей все более ощутимую угрозу их интересам в Европе. Объективно нарастали противоречия между фашистской Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Британское правительство пошло на предоставление гарантий независимости Польше, позднее такие же гарантии были предоставлены и Францией. В силу этих причин Англия и Франция решились на реальный обмен мнениями с Советским Союзом по политическим вопросам, а затем и на трехсторонние военные переговоры. Одновременно и верхушка нацистского рейха стала настойчиво добиваться интенсификации контактов и достижения договоренностей с СССР.

В марте 1939 года советское правительство предложило Англии выступить с совместной инициативой созыва конференции СССР, Великобритании, Франции, Румынии, Польши и Турции для вырабатки мер коллективного отпора агрессору. Английское правительство ответило, что считает такую конференцию преждевременной. Вместо этого оно высказалось за то, чтобы СССР взял на себя односторонние обязательства по оказанию помощи какому-либо европейскому соседу в случае агрессии.

В апреле 1939 г. советское правительство выступило с новой инициативой. Оно предложило правительствам Франции и Англии заключить между тремя государствами равноправные договоры о взаимопомощи. Однако это предложение также не нашло поддержки. Все их действия были направлены на то, чтобы столкнуть в противоборстве Германию и СССР. Европейский баланс сил менялся, и СССР обретал значимую геополитическую роль. Сталину было все равно с кем вести большую дипломатическую игру. Он с подозрительностью

и настороженностью относился к Великобритании, Франции и Польше. Геополитически Германия, скорее, была потенциальным противником, а Великобритания и Франция — союзниками, однако советские традиционные представления о Лондоне и Париже как центрах антисоветской деятельности в значительной степени нейтрализовали эти геополитические соображения. Сталину был необходим военный конфликт в Европе, но он оставался реалистом и понимал относительную слабость СССР. Поэтому сам инициировать военный конфликт не хотел.

Не вызывает сомнения, что именно нацистская Германия и ее союзники являлись агрессорами, развязавшими Вторую мировую войну. Они сломали существовавшее территориально-политическое устройство Европы, выступили инициаторами его перекраивания, сделали военную силу основным средством реализации амбициозных политических замыслов. Не существует документов, которые свидетельствуют о том, что Германия планировала войну против СССР осенью 1939 г. Нацистский рейх в этот момент был просто не готов к такой войне. Советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. с его секретным приложением стал лишь звеном в проведении курса на достижение широкомасштабных договоренностей с нацистским руководством, на сотрудничество с ним. «Не Германия напала на Францию и Англию, — утверждал Сталин, — а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну»⁴¹.

Сталин и тогдашнее советское руководство допустили в конце лета и осенью 1939 г. серьезнейший стратегический просчет. Литвинов был снят с поста наркома иностранных дел, а наркоминделом был назначен председатель Совнаркома Молотов. Сталинское руководство не сумело правильно оценить ни характер агрессивных притязаний нацистского рейха, ни военно-экономический потенциал Германии, ни ударную мощь вермахта. Меры по укреплению безопасности и расширению территории СССР в конечном счете оказались неэффективными. Тактический выигрыш для СССР обернулся стратегическим проигрышем. В 1940 г. была разгромлена Франция — главный потенциальный союзник СССР на европейском континенте. Фашистским агрессорам удалось разобщить своих возможных противников и установить свое господство над Центральной и Западной Европой.

Советское руководство заблаговременно готовилось к вероятной «второй империалистической войне». Она, с одной стороны, таила угрозу существованию СССР, но, с другой, по мнению некоторых советских деятелей, могла привести к увеличению числа социалистических государств, в то время как крупные капиталистические страны ослабят и истощат друг друга во взаимном противоборстве. В марте 1939 г. состоялся XVIII съезд ВКП(б). Выступая на его заседании, начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис заявил, что в случае развязывания против Советского Союза «второй империалистической войны» Красная Армия перенесет военные действия на территорию противника, выполняя свою интернациональную задачу и увеличивая количество советских республик»⁴². В. М. Молотов, занявший пост наркома иностранных дел, говорил о возможно большем расширении границ своего отечества. Пакт о ненападении с Германией изменил геополитическую ситуацию в Восточной Европе: давление на государства, находившиеся между двумя великими державами, стало возрастать.

5. СССР в первый период Второй мировой войны

Первого сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. 17 сентября СССР предпринял боевые действия, объявив своей целью освобождение принадлежащих Польше территорий, которые ранее входили в состав России и были заселены украинцами и белорусами (Западная Украина и Западная Белоруссия). В соответствии с секретными протоколами и другими тайными договоренностями Сталин получил согласие Гитлера на ввод советских войск в Эстонию, Латвию, Литву и Бессарабию. С соседними, особенно малыми, странами он стал изъясняться языком угроз и ультиматумов. В такой великодержавной манере в состав СССР была возвращена Бессарабия, присоединена Северная Буковина, восстановлена Советская власть в республиках Прибалтики. Правительство СССР разорвало дипломатические отношения с правительствами стран, оказавшихся жертвами фашистской агрессии. Зато с прогитлеровскими правительствами Виши во Франции и марионеточным Словацким государством были установлены отношения на уровне послов.

Одновременно на финляндском направлении начались военные приготовления. Реакция финского правительства свидетельствовала, что оно не намерено поддаваться угрозам и заключать невыгодное соглашение. После захвата Польши Гитлер в своем выступлении 6 октября открыто упомянул о разделе сфер интересов Германии и Советского Союза, а 9 октября статс-секретарь министерства иностранных дел Германии дал понять финскому посланнику, что Финляндия входит в сферу интересов Советского Союза. В ходе переговоров в Москве Молотов предложил, чтобы между Финляндией и Советским Союзом был заключен такой же договор, что и с прибалтийскими странами. В представленной памятной записке содержались требования по обеспечению безопасности Ленинграда, предусматривающие передачу СССР внешних островов в Финском заливе, а также части Карельского перешейка. В качестве компенсации Финляндия получала обширную территорию в Восточной Карелии. СССР хотел отодвинуть границу от Ленинграда на 80 км. Рекомендации, исходившие из-за рубежа, усиливали несговорчивость финнов. Президент США направил Сталину телеграмму, из которой следовало, что американцы не одобряют, если Финляндии станут угрожать войной. Главы государств и министры иностранных дел северных стран в Стокгольме продемонстрировали солидарность с Финляндией. Однако никаких конкретных обещаний о помощи Финляндия не получила.

Зимняя война между СССР и Финляндией началась 30 ноября 1939 г. В этот день советские войска пересекли границу Финляндии и вступили в бои с финской армией, развернутой к тому времени на оборонительных рубежах. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов выступил с заявлением, в котором говорилось, что действия Красной Армии явились ответом на враждебную политику Финляндии и вынужденной мерой, направленной на обеспечение безопасности Ленинграда.

Практически одновременно в Москве было сформировано «народное правительство» Финляндии во главе с О. В. Куусиненом — одним из видных участников гражданской войны в Финляндии 1918 г., который позднее работал на ответственных должностях в Финской коммунистической партии и в Коминтерне. 1 декабря это правительство, местом пребывания которого стал финский пограничный поселок Терийоки (Зеленогорск), провозгласило своей целью свержение «тирании палачей и провокаторов войны»

и призвало финский народ приветствовать Красную Армию как свою освободительницу. Днем позже советское правительство подписало с правительством Куусинена договор о дружбе и взаимопомощи. Согласно секретному протоколу к договору, предусматривалась передача СССР в аренду полуострова Ханко и размещение там до 15 тысяч советских войск. Этот договор также означал, что советское правительство отказывалось от каких-либо контактов с законным правительством в Хельсинки во главе с Р. Рюти, которое пользовалось доверием финского парламента.

С самого начала зимней войны перевес в силах был на стороне СССР. В наступательной группировке советских войск насчитывалось от 459 до 500 тыс. человек, в финской армии — 295 тыс. Превосходство советских войск в авиации, танках и артиллерии было подавляющим. У финнов не доставало боевой техники, особенно средств противоздушной и противотанковой обороны. Командование Красной Армии рассчитывало одержать победу в течение двух-трех недель. Однако группировка советских войск была слабо подготовлена к войне зимой в трудной для ведения наступательных действий местности. Борьба на фронте приняла затяжной характер: красноармейцам упорно противостояли финны, защищавшие территорию своей страны.

К этому времени в Европе разгорелся пожар войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой. Западные союзники вынашивали замыслы использовать события в Финляндии для ослабления стратегических позиций как Германии, так и СССР, который был объявлен союзником Германии. В Лондоне и Париже приняли решение подготовить к высадке десант на Скандинавском полуострове, чтобы не допустить захвата Германией месторождений шведской железной руды, втянуть Швецию и Норвегию в войну против Германии.

Однако Англия и Германия не смогли осуществить свой замысел, Швеция и Норвегия стремились сохранить нейтралитет и отказались предоставить свою территорию для переброски англо-французских войск. Финляндия же не стала обращаться к западным союзникам с официальной просьбой об участии их войск в войне против СССР.

Тем временем СССР увеличивал присутствие своих войск, действующих против Финляндии. К весне 1940 г. они насчитывали около 1 млн человек. Но в ночь на 13 марта в Москве был подписан мирный договор. Правительство Куусинена прекратило свое существование.

Для СССР это была локальная война, которая разразилась в преддверии Великой Отечественной. Финны рассматривали зимнюю войну как агрессию со стороны великой державы и считали, что защищают свой суверенитет. Германия все это время нелегально поставляла в Финляндию вооружение. Особые усилия к этому предпринимал Г. Геринг, используя шведское правительство⁴³.

К началу 1941 г. германские войска оккупировали Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию и Францию, была завершена подготовка к агрессии против балканских и других стран. Тем не менее, важной составной частью международных отношений в предвоенные годы стало экономическое сотрудничество СССР и Германии. «Ход событий в Европе не только не ослабил силы советско-германского соглашения о ненападении, но, напротив, подчеркнул важность его существования и дальнейшего развития», — говорил В. М. Молотов на седьмой сессии Верховного Совета СССР. Товарооборот между двумя странами во многом обеспечивал выполнение широкой экономической программы. До дня нападения на СССР Германия получила из Советского Союза не менее 2,2 млн тонн зерна, кукурузы и бобовых культур, 1 млн тонн нефти, 100 тыс. тонн хлопка.

Из Германии в СССР поставлялась в основном готовая продукция: образцы боевых самолетов с полным комплектом вооружения и оборудования, образцы артиллерийской техники, станки и оборудование для разных отраслей народного хозяйства. Среди советских поставок первостепенной срочности оказалось стратегическое сырье — 11 тыс. тонн меди, 3 тыс. тонн никеля, 95 тонн олова, 500 тонн молибдена, 500 тонн вольфрама, 40 тонн кобальта. Практическое выполнение торгово-экономических соглашений в 1939–1941 гг. способствовало укреплению экономики Германии в период ее интенсивной подготовки к войне против СССР. Даже в ночь, когда германские войска заканчивали последние приготовления к атаке на СССР, из России в Германию следовали эшелоны и корабли с зерном, нефтью и другими товарами⁴⁴.

Политические итоги 1930-х гг.

В феврале 1935 г. VII съезд Советов СССР решил изменить Конституцию СССР, принятую в 1924 г. В Кратком курсе истории ВКП(б) необходимость обновления Конституции объяснялась тем, что

«за истекшие годы совершенно изменилось соотношение классовых сил в СССР, создана была новая социалистическая индустрия, разгромлено кулачество, победил колхозный строй, утвердилась социалистическая собственность на средства производства во всем народном хозяйстве, как основа советского общества». «За годы социалистического строительства, — гласил партийный официоз, — были ликвидированы все эксплуататорские элементы — капиталисты, купцы, спекулянты. Сохранялись лишь незначительные остатки ликвидированных эксплуататорских классов, полная ликвидация которых является вопросом ближайшего времени. Изменился состав крестьянства и интеллигенции СССР. В большинстве она вышла из рабочей и крестьянской среды. Создалась основа морально-политического единства общества»⁴⁵. В Кратком курсе истории ВКП(б) подчеркивалась важность ликвидации остатков «бухаринско-троцкистских шпионов, вредителей и изменников родины». В заключение перечислялись уроки истории ВКП(б): «Марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию... В этом ключ непобедимости большевистского руководства... Таковы основные уроки исторического пути, пройденного большевистской партией». Этими словами завершалась книга «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП(б)»⁴⁶.

Таким образом, в течение второго послеоктябрьского десятилетия во всех областях внутренней и внешней политики Советского государства утвердился сталинизм — тоталитарный режим личной власти Сталина. Он опирался на бюрократический аппарат, который жил и преобразовывал весь традиционный уклад российского общества в соответствии со своими узкокорпоративными интересами, исходя из своих представлений об обществе высшей социальной справедливости. В новой иерархической структуре причудливо переплетались худшие традиции российского бюрократизма с идеалами и предрассудками «твердокаменных марксистов», выступавших поборниками социалистической идеи.

Сталинизм явился идеологическим воплощением, оправданием и обоснованием практической деятельности компартии по преобразованию всех сфер жизни государства и общества. В качестве же официальной государственной идеологии в СССР безраздельно утвердился марксизм-ленинизм. Все граждане страны превратились, по выражению И. В. Сталина, в «большие и маленькие, второстепенные

и первостепенные “винтики” государственной машины, которые, хотя они или не хотят, верят или не верят, вынуждены вращаться со всей машиной»⁴⁷. Ложь и террор в условиях такой невиданной централизации власти действовали почти автоматически и служили средством достижения целей. Они тесно переплетались между собой и не могли существовать друг без друга.

Переход к индустриальному обществу в России осуществлялся под флагом социализма. Это был сложный и мучительный процесс ломки традиционного уклада в экономической, политической, социальной, психологической, духовной, идеологической и нравственной сферах жизни общества. Он начался практически одновременно, но очень скоро обозначились приоритеты идеологии и политики над экономикой, социальной и духовно-нравственными областями жизни общества. В России происходило отчуждение власти от общества. Это создавало основу неустойчивого развития и функционирования общественных и государственных структур и делало неизбежным крах социалистического эксперимента.

Примечания

- ¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: В 5 т. 1927–1939. Т. 1. М., 1999. С. 37.
- ² См.: Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы. М., 2002.
- ³ Рыков А. И. Индустриализация и хлеб. Доклад на собрании партийного актива Ленинградской парторганизации 30 ноября 1928 г. // Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 418–473.
- ⁴ См.: Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929. Т. 1. М., 2000.
- ⁵ См.: Апрельский пленум ЦК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г.: стенографический отчет. М., 2000. С. 30.
- ⁶ Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995. С. 157–158.
- ⁷ Наше Отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М., 1991. С. 292.
- ⁸ Там же. С. 293–294.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995. С. 166–167.
- ¹¹ См.: Стенограмма объединенного заседания Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) по вопросу тт. Сырцова, Ломинадзе и др. 4 ноября 1930 г. // Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) 1923–1938. М., 2007. Т. 3. С. 116–316.
- ¹² См.: Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995; Афанасьев А. В. (сост.). Они не молчали. М., 1991.
- ¹³ Реабилитация: как это было. М., 2003. Т. 2.
- ¹⁴ Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995. С. 125–130.
- ¹⁵ Там же. С. 124–125.
- ¹⁶ Там же. С. 226–227.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Право на репрессии. М., 2006.
- ¹⁹ См.: Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995.
- ²⁰ Право на репрессии. М., 2006. С. 151–157.
- ²¹ Там же.
- ²² См.: Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995.
- ²³ Там же. С. 148.
- ²⁴ Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. С. 211–281.
- ²⁵ Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Население и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См.: Наше Отечество. Политика «большого скачка». М., 1991.
- ²⁸ См.: Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.

- ³¹ См.: Наше Отечество. М., 1991.
- ³² Там же.
- ³³ См.: Наше Отечество. Тоталитарная система власти и идеология сталинизма. М., 1991. С. 346–379.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995. С. 71–82.
- ³⁷ См.: Рыбалкин Ю. Е. Операция «Х». Военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М., 2000.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ См.: Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии. Дело Орлова, мастера сталинского шпионажа. М., 1995.
- ⁴¹ См.: Старков Б. А. Дела и люди Сталинского времени. СПб., 1995.
- ⁴² XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 373.
- ⁴³ См.: Зимняя война 1939–1940: Политическая история. Кн. 1. М., 1999.
- ⁴⁴ См.: Другая война. 1939–1945. М., 1996.
- ⁴⁵ См.: Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991.
- ⁴⁶ См.: История ВКП(б): Краткий курс. М., 1937.
- ⁴⁷ См.: Рютин М. Н. «На колени не встану...» М., 1991.

Заключение

За 43 года и 3 месяца, с марта 1898 по июнь 1941 г., социал-демократическое движение России претерпело колоссальные изменения. Что же обрело оно и что утратило на этом пути?

Рыхлая организация, состоявшая из отдельных кружков и комитетов, насчитывавших в общей сложности несколько сот человек, превратилась в почти двухмиллионную партию, спаянную железной дисциплиной. Нелегалы, преследуемые и гонимые за принадлежность к РСДРП, стали вместе со своими младшими соратниками руководителями огромной державы — Союза Советских Социалистических Республик. СССР лишь немногим уступал Российской империи по территории (стали самостоятельными государствами Польша и Финляндия), но значительно превосходил ее по экономической мощи. Он превратился во вторую промышленную державу мира.

Сила большевиков, взявших власть в октябре 1917 г. вместе с рядом других левых партий, была в том, что в ситуации общеевропейского кризиса периода Первой мировой войны они выдвинули новую общенациональную идею — идею перехода власти в руки широких трудящихся масс, идею построения социализма и коммунизма — общества без государства, без денег, без армии, без преступности и т. п. Одновременно большевики реализовали давнюю мечту российского крестьянства, передав им основные пахотные земли и угодья. Большевики заявили о выходе России из Первой мировой войны. Это обеспечило им поддержку значительной части населения.

После прихода к власти большевики решали ряд назревших задач общецивилизационного индустриального общества: ликвидация национального гнета и сословных перегородок, равноправие мужчин и женщин, свобода доступа к образованию, предоставление социальных прав рабочим и служащим, развитие науки и техники, возможность социальной мобильности, модернизация страны. Все это

обеспечивало достаточно прочную социальную опору власти со стороны значительной части населения.

Но все эти достижения были оплачены колоссальной ценой. В эту цену вошли миллионы человеческих жизней, искажение и забвение общечеловеческих нравственных идеалов, тупиковость экономической системы. До октября 1961 г. страна официально руководствовалась второй программой партии — программой построения социализма, в которой содержались следующие положения: «началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции..., постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством..., армия превратится во всенародную социалистическую милицию..., чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера..., снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства..., полное отмирание религиозных предрассудков..., профессиональные союзы должны придти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым..., неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов..., в области денежного ... дела... РКП стремится к проведению ряда мер,... подготовляющих уничтожение денег». И хотя ни одно из этих положений не было реализовано, советский народ узнал из уст Сталина 25 ноября 1936 г., что социализм в СССР якобы в основном построен. Это было ложью, упорно вбивавшейся в головы миллионов людей.

Возникшая политико-экономическая система, в конечном счете, оказалась тупиковой, не способной адекватно ответить на вызовы времени. Экономика не имела источников саморазвития. Система оказалась не способна сочетать интересы личности, коллектива и общества. Идея социалистического соревнования не смогла заменить принцип конкуренции. Закономерным следствием стало научно-техническое отставание, падение эффективности производства, нарастающее отставание массового потребления от уровня развитых стран. В политической сфере монопольная власть Коммунистической партии, ее аппарата резко сужала возможность реального обсуждения альтернатив развития страны. Курс на военное противостояние с Западом был определяющим во внешней политике на протяжении многих десятилетий. Это, в свою очередь, стало

тяжелейшим грузом для советской экономики. В духовной сфере идеологический и политический контроль, навязывание официальной идеологии вело к искусственной изоляции страны, формированию двоемыслия и «железного занавеса». В социальной сфере монопольная роль государства в экономике и политике привела к превращению крестьян на десятки лет в «государственных крепостных», к отсутствию реальной роли профсоюзов в защите интересов наемных тружеников. В частной жизни разрыв между обещаниями счастливой жизни и их невыполнением вел к нарастанию множества бытовых проблем: жилищной, продовольственной, дефицита товаров, уровня жизни и т. п.

В стране возникла причудливая политическая система: партия-государство. Важнейшей предпосылкой ее возникновения стала монопольная власть Коммунистической партии, сложившаяся уже в годы гражданской войны. В конечном счете партия превратилась в безгласный и послушный придаток партийного аппарата. Была сформирована система, контролировавшая политические настроения граждан и формировавшая их сознание в желательном для власти направлении.

Экономической основой тоталитарной системы являлась монопольная государственно-бюрократическая собственность. Партийные органы отвечали за результаты деятельности всех государственных структур на своей территории и обязаны были контролировать их работу. Отдавая директивы государственным органам, партия в целом не несла прямой ответственности за них. При ошибочности решений вся ответственность ложилась на исполнителей. Право принятия решений принадлежало «первым лицам»: директорам крупных предприятий, наркомам, секретарям райкомов, обкомов и ЦК республик в пределах своих полномочий. В масштабе страны им обладал лишь Сталин. Постепенно исчезла даже формальная видимость коллективного руководства. С 1928 по 1941 г. состоялось три партийных съезда и три партийные конференции. Нерегулярными стали пленумы ЦК и даже заседания Политбюро ЦК.

5 декабря 1936 г. была принята новая Конституция СССР. Внешне она была одной из самых демократических в мире. Но подавляющее большинство этих норм выполняли роль «демократической ширмы». Советы всех уровней, в том числе и Верховный, одобряли заранее выработанные решения партийных органов. Голосование в них всегда было единогласным.

Все это противоречило провозглашенным при создании Советского государства идеям народовластия. Идеологическим выражением системы стал культ личности Сталина. Сталинизм стремился выступать под маркой марксизма, из которого он черпал отдельные элементы. Вместе с тем сталинизм был чужд гуманистическим идеалам марксизма. Последний, подобно любой идеологии, был исторически ограничен, но сыграл важную роль в развитии научной мысли и представлений о социальной справедливости. Сталинизм сочетал строжайшую цензуру с примитивностью формул, легко воспринимавшихся массовым сознанием. Была сделана попытка превратить так называемый марксизм-ленинизм из объекта критического осмысления в новую религию.

В этом была не всегда осознаваемая трагедия десятков и сотен тысяч людей, вступавших в Коммунистическую партию ради реализации высоких идей и стремившихся воплотить их в своей деятельности. Однако отсутствие подлинной свободы обсуждения, обязанность беспрекословного выполнения решений руководящих органов делали этих членов партии в определенной степени заложниками системы. Противоречие между теоретическими идеалами и реальной практикой становилось на разных этапах все более ощутимым для части из них. Это был не неизбежный, но закономерный итог развития большевистской партии в конкретных исторических условиях; итог, обусловленный суммой объективных и субъективных факторов.

Сталин закончил почему-то текст «Истории ВКП(б). Краткий курс» словом «Конец». Но наш сжатый рассказ об истории Коммунистической партии на этом, как мы надеемся, не заканчивается. Мы предполагаем в дальнейшем изложить (описать) ее более подробно. Мы уверены, что подлинная история Коммунистической партии на всем ее протяжении, с 1898 по 1991 г., содержит романтические, героические, драматические, позорные и трагические страницы. Такая история отразит путь развития нашей страны в XX столетии и будет интересна не любителям «клубнички» и конспирологических теорий, а тем, кто действительно пытается понять прошлое во всей его сложности и противоречивости. Поэтому мы надеемся на новые встречи с мыслящим читателем и будем благодарны вам за отклики, пусть критические, но доброжелательные.

В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник

**Подлинная история РСДРП—РКП(б)—ВКП(б).
Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций**

Заведующая редакцией
Ведущий редактор
Художественный редактор
Литературный редактор
Корректоры
Верстка

*М. Трофимова
М. Антипов
С. Маликова
М. Козлова
В. Макосий, Н. Устинова
Ю. Позднякова*

Подписано в печать 24.07.09. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 31. Тираж 3000. Заказ 0000.

ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, пр. Б. Сампсониевский, дом 29а.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Отпечатано по технологии СtP в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

КНИГА-ПОЧТОЙ

**ЗАКАЗАТЬ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
МОЖНО ЛЮБЫМ УДОБНЫМ ДЛЯ ВАС СПОСОБОМ:**

- по телефону: **(812) 703-73-74;**
- по электронному адресу: **postbook@piter.com;**
- на нашем сервере: **www.piter.com;**
- по почте: **197198, Санкт-Петербург, а/я 619,
ЗАО «Питер Пост».**

**ВЫ МОЖЕТЕ ВЫБРАТЬ ОДИН ИЗ ДВУХ СПОСОБОВ
ДОСТАВКИ И ОПЛАТЫ ИЗДАНИЙ:**

Наложенным платежом с оплатой заказа при получении посылки на ближайшем почтовом отделении. Цены на издания приведены ориентировочно и включают в себя стоимость пересылки по почте **(но без учета авиатарифа)**. Книги будут высланы нашей службой «Книга-почтой» в течение двух недель после получения заказа или выхода книги из печати.

Оплата наличными при курьерской доставке **(для жителей Санкт-Петербурга и Москвы)**. Курьер доставит заказ по указанному адресу в удобное для вас время в течение трех дней.

ПРИ ОФОРМЛЕНИИ ЗАКАЗА УКАЖИТЕ:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, e-mail;
- почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
- название книги, автора, код, количество заказываемых экземпляров.

**Вы можете заказать бесплатный
журнал «Клуб Профессионал»**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ПИТЕР®
WWW.PITER.COM

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
предлагают эксклюзивный ассортимент компьютерной, медицинской,
психологической, экономической и популярной литературы

РОССИЯ

Москва м. «Электrozаводская», Семеновская наб., д. 2/1, корп. 1, 6-й этаж;
тел./факс: (495) 234-3815, 974-3450; e-mail: sales@piter.msk.ru

Санкт-Петербург м. «Выборгская», Б. Сампсониевский пр., д. 29а;
тел./факс (812) 703-73-73, 703-73-72; e-mail: sales@piter.com

Воронеж Ленинский пр., д. 169; тел./факс (4732) 39-43-62, 39-61-70;
e-mail: pitervrn@comch.ru

Екатеринбург ул. Бебеля, д. 11а; тел./факс (343) 378-98-41, 378-98-42;
e-mail: office@ekat.piter.com

Нижний Новгород ул. Совхозная, д. 13; тел. (8312) 41-27-31;
e-mail: office@nnov.piter.com

Новосибирск ул. Станционная, д. 36;
тел./факс (383) 350-92-85; e-mail: office@nsk.piter.com

Ростов-на-Дону ул. Ульяновская, д. 26; тел. (8632) 69-91-22, 69-91-30;
e-mail: piter-ug@rostov.piter.com

Самара ул. Молодогвардейская, д. 33, литер А2, офис 225; тел. (846) 277-89-79;
e-mail: pitvolga@samtel.ru

УКРАИНА

Харьков ул. Суздальские ряды, д. 12, офис 10–11; тел./факс (1038067) 545-55-64,
(1038057) 751-10-02; e-mail: piter@kharkov.piter.com

Киев пр. Московский, д. 6, кор. 1, офис 33; тел./факс (1038044) 490-35-68, 490-35-69;
e-mail: office@kiev.piter.com

БЕЛАРУСЬ

Минск ул. Притыцкого, д. 34, офис 2; тел./факс (1037517) 201-48-79, 201-48-81;
e-mail: office@minsk.piter.com

 Ищем зарубежных партнеров или посредников, имеющих выход на зарубежный рынок.
Телефон для связи: **(812) 703-73-73**.
E-mail: fuganov@piter.com

 Издательский дом «Питер» приглашает к сотрудничеству авторов.
Обращайтесь по телефонам: **Санкт-Петербург — (812) 703-73-72**,
Москва — (495) 974-34-50.

 Заказ книг для вузов и библиотек: (812) 703-73-73.
Специальное предложение — e-mail: kozin@piter.com

Дальний Восток

Владивосток, «Приморский торговый дом книги»,
тел./факс (4232) 23-82-12.
E-mail: bookbase@mail.primorye.ru

Хабаровск, «Деловая книга»,
ул. Путевая, д. 1а,
тел. (4212) 36-06-65, 33-95-31
E-mail: dkniga@mail.kht.ru

Хабаровск, «Книжный мир»,
тел. (4212) 32-85-51, факс 32-82-50.
E-mail: postmaster@worldbooks.kht.ru

Хабаровск, «Мирс»,
тел. (4212) 39-49-60.
E-mail: zakaz@booksmirs.ru

Европейские регионы России

Архангельск, «Дом книги»,
пл. Ленина, д. 3
тел. (8182) 65-41-34, 65-38-79.
E-mail: marketing@avfkniga.ru

Воронеж, «Амиталь»,
пл. Ленина, д. 4,
тел. (4732) 26-77-77.
<http://www.amital.ru>

Калининград, «Вестер»,
сеть магазинов «Книги и книжечки»,
тел./факс (4012) 21-56-28, 65-65-68.
E-mail: nshibkova@vester.ru
<http://www.vester.ru>

Самара, «Чакона», ТЦ «Фрегат»,
Московское шоссе, д.15,
тел. (846) 331-22-33.
E-mail: chaconne@chaccone.ru

Саратов, «Читающий Саратов»,
пр. Революции, д. 58,
тел. (4732) 51-28-93, 47-00-81.
E-mail: manager@kmsvrn.ru

Северный Кавказ

Ессентуки, «Россы», ул. Октябрьская, 424,
тел./факс (87934) 6-93-09.
E-mail: rossy@knmw.ru

Сибирь

Иркутск, «ПродаЛитЪ»,
тел. (3952) 20-09-17, 24-17-77.
E-mail: prodalit@irk.ru
<http://www.prodalit.irk.ru>

Иркутск, «Светлана»,
тел./факс (3952) 25-25-90.
E-mail: kkcbooks@bk.ru
<http://www.kkcbooks.ru>

Красноярск, «Книжный мир», пр. Мира, д. 86,
тел./факс (3912) 27-39-71.
E-mail: book-world@public.krasnet.ru

Новосибирск, «Топ-книга»,
тел. (383) 336-10-26, факс 336-10-27.
E-mail: office@top-kniga.ru
<http://www.top-kniga.ru>

Татарстан

Казань, «Таис»,
сеть магазинов «Дом книги»,
тел. (843) 272-34-55.
E-mail: tais@bancorp.ru

Урал

Екатеринбург, ООО «Дом книги»,
ул. Антона Валека, д. 12,
тел./факс (343) 358-18-98, 358-14-84.
E-mail: domkniga@k66.ru

Челябинск, ТД «Эврика», ул.Барбюса, д. 61,
тел./факс (351) 256-93-60.
E-mail: evrika@bookmagazin.ru
<http://www.bookmagazin.ru>

Челябинск, ООО «ИнтерСервис ЛТД»,
ул. Артиллерийская, д. 124
тел. (351) 247-74-03, 247-74-09, 247-74-16.
E-mail: zakup@intser.ru
<http://www.fkniga.ru>, www.intser.ru

Исполнилось 70 лет со дня выхода в свет «Краткого курса истории ВКПб». Эту книгу называли «библией сталинизма». Ее миллионные тиражи внушали читателям необходимую власти версию исторического развития России. Сегодня не много найдется людей, которые держали ее в руках. Авторы решили наполнить эту форму новым современным содержанием, основанным на многочисленных документах, в том числе и добытых ими самими в результате архивных поисков. Книга включает в себя историю партии большевиков с момента ее возникновения до 1938 года (которым Сталин и закончил «Краткий курс ВКПб») и рассчитана на самый широкий круг читателей, заинтересованных в объективном изложении истории нашей страны в переломные, трагические и героические ее годы.

Светлой памяти тех, кто искренне верил в возможность создания общества социальной справедливости, без насилия, без чиновничества, без армии, без денег, — посвящается.

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 127

тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130

тел.: (057) 758-41-45, 751-10-02, piter@kharkov.piter.com

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин

ISBN 978-5-49807-254-8

9 785498 072548